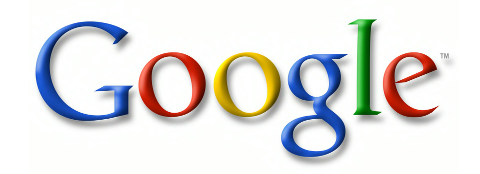
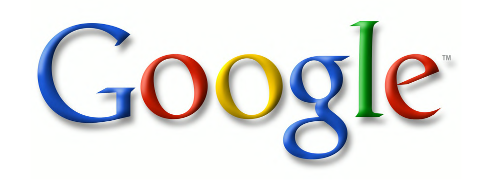
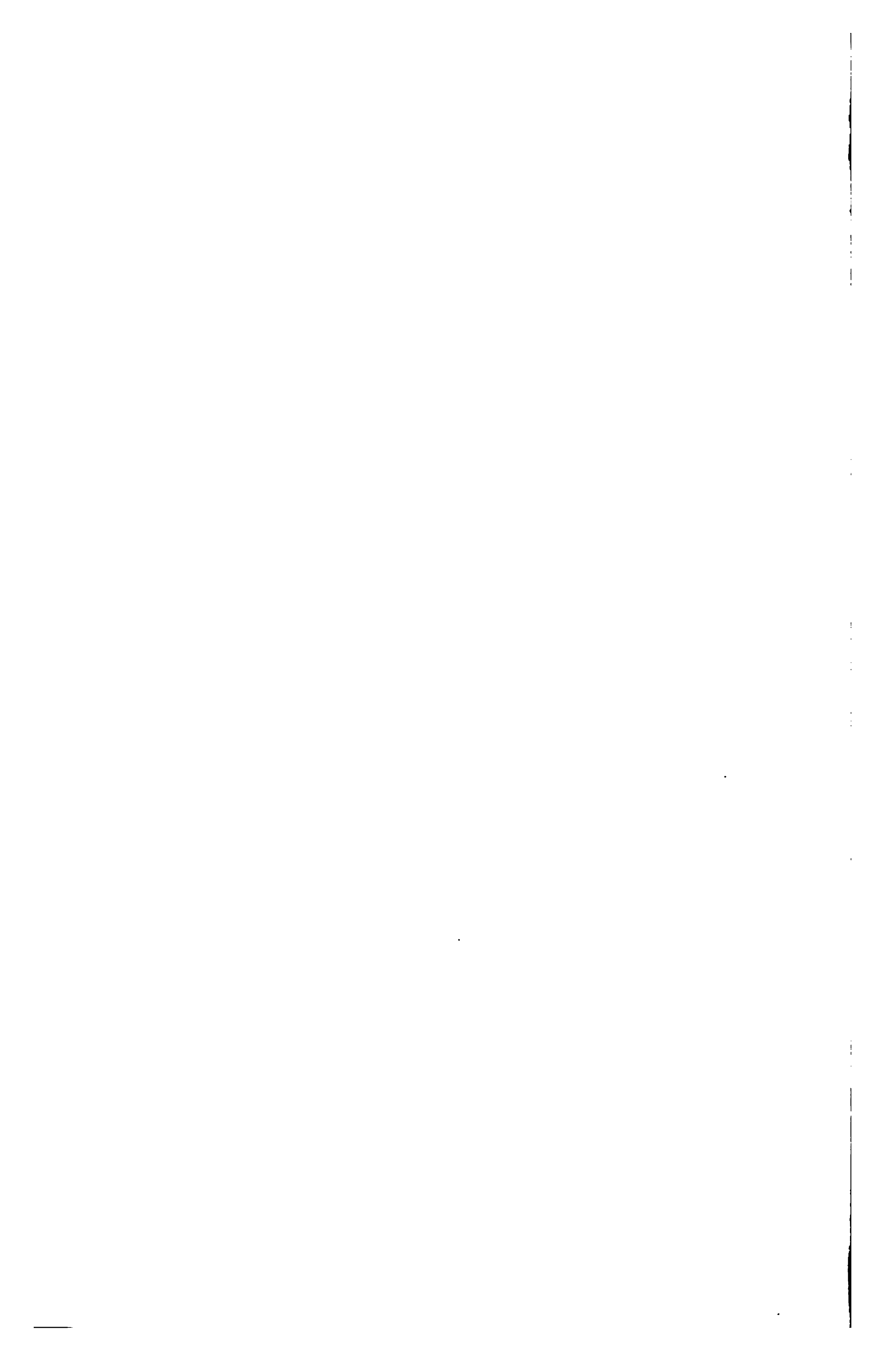

Г. И. Л.

И. Н. СМИРНОВЪ.

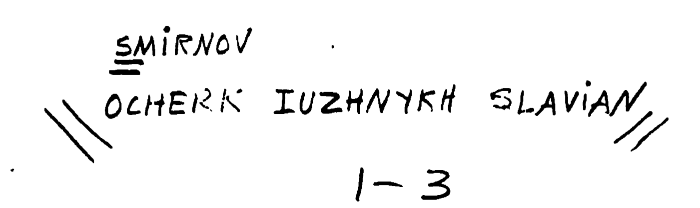
Очеркъ
культурной исторіи
южныхъ славянъ.

ВЫПУСКЪ I.

ВВЕДЕНІЕ. РАЗВИТІЕ МАТЕРІАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Цѣна 1 р.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1900.

И. Н. СМИРНОВЪ.

Очеркъ
культурной исторіи
южныхъ славянъ.

ВЫПУСКЪ I.

ВВЕДЕНІЕ. РАЗВИТІЕ МАТЕРІАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Цѣна 1 р.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1900.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Очеркъ", который я рѣшаюсь предложить вниманію русскихъ читателей, представляетъ собою только иллюстрированный фактами проэктъ культурной исторіи южнаго славянства; читатель спеціалистъ не найдетъ въ немъ по отдѣльнымъ вопросамъ ни той фактической полноты, ни того сложнаго научнаго аппарата, къ которымъ онъ привыкъ, которые должны имѣть мѣсто при исполненіи проекта. Отсутствіе въ русской литературѣ доступнаго для публики свода южнославянской исторіи даетъ мнѣ однако право надѣяться, что мой очеркъ-проэктъ можетъ, хотя бы временно, служить читателямъ и въ своемъ настоящемъ видѣ.

И. Смирновъ.

Оглавленіе.

Принятыя сокращенія.

AA=Archiv für Anthropologie.
ABGW=Abhandlungen böhm. Gesell. d. Wiss.
AEM=Archäol.-epigr. Mittheilungen aus Oest.-Ungarn.
ASP=Archiv für slaw. Philologie.

DA=Deutsche Alterthümer.
DSWA (DWA)=Denkschriften d. wien. Akad. d. Wiss.
GB=Geschichte d. Bulgaren.
KZ=Kuhns Zeitschrift f. vergleichende Sprachforschung.
MWAG=Mittheilungen wien. anthropologischen Gesellschaft.
MWGG=Mittheil. w. geograph. Gesell.
RJA=Rad jugosl. Akad.
SBWA=Sitzungsberichte wien. Akad. d. Wiss.
SBWAG=Sitzungsber. wien. anthr. Gesell.
VBGAEU=Verhandlungen berl. Gesell. für Anthrop. Ethn. und Urgeschichte.
VSS=Vjestnik slow. starožitnosti.
WMBH=Wissensch. Mittheilungen aus Bosnien und Herzegowina.
ZE=Zeitschrift f. Ethnologie.
ГZM=Гласникъ Зем. Музеја у Босни и Херцеговини.
ГСД=Гласник Срп. Друштва.
СбМ=Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина.

I.

Обзоръ географическихъ условій. Доисторическое прошлое Балканскаго полуострова. Өрако-Иллирійцы. Римская колонизація.

Къ устьямъ Дуная подходитъ юго-западная граница восточно-славянскаго міра; у этихъ же устьевъ лежитъ сѣверо-восточный уголъ территоріи, занятой міромъ юго-славянскимъ. Направляясь отсюда вверхъ по Дунаю, мы будемъ имѣть на лѣво почти сплошное славянское населеніе вплоть до впаденія Дравы. Здѣсь славяне уступаютъ Дунай мадьярамъ и нѣмцамъ и двигаются по бассейну Дравы почти вплоть до ея истоковъ [1]). На лѣвомъ берегу Дуная въ ихъ распоряженіи

[1]) Въ верховьяхъ Дравы, въ Пустерталѣ, и въ углу между Дравой и Изелемъ Славяне въ настоящее время уже онѣмечились и памятниками ихъ былого пребыванія здѣсь остаются только мѣстныя названія.—А. Н. Веселовскій. «Онѣмеченное славянское населеніе въ Тиролѣ (Ж. М. Н. Пр. т. 206, стр. 71—84). *Mitterrutzner*. Slavisches aus dem Ost. Pusterthale. 1879. *Unterforscher*. Slav. Namenreste aus d. Osten des Pusterthales. Leitmeritz. 1888 (Progr.). *Biedermann*. Ueber die Slavenreste in Tirol. Globus. Bd. 59.

остаются лишь низовья Тиссы (отъ Сегедина), Темеша и верховья Мароша съ Н. Садомъ и Панчевомъ по берегу Дуная, Сабадкой и Темешваромъ внутри страны — Бачка, Воеводина, Банатъ. Кривая Гайль-Триглавъ-Изонцо, проведенная отъ в. Дравы къ Венеціанскому заливу, отдѣляетъ ю. славянъ отъ итальянцевъ [1]). Побережье Адріатическаго моря отъ Рѣки (Фіуме) до Ульциня (Dulcigno) принадлежитъ исключительно славянамъ [2]). Въ районѣ Антивари и Дульциньо они встрѣчаютъ остатки исконнаго населенія Балканскаго полуострова—албанцевъ (геговъ и тосковъ). „Страна утесовъ“ (Шкипери, Албанія), захватывающая весь бассейнъ Дрима и Бояны съ Скутарійскимъ озеромъ на западной окраинѣ, остается въ рукахъ албанцевъ, но славяне являются вновь въ бассейнахъ Вардара и Болгарской Моравы, рядомъ съ ними, чтобы занять земли, лежащія между линіей Вардаръ-Морава, Дунаемъ, Чернымъ, Мраморнымъ и Эгейскимъ морями.

Стоя на грани восточно-славянскаго и юго-славянскаго міровъ, трудно представить себѣ тѣ черты, которыми отличается Балканскій полуостровъ отъ восточно-славянской равнины и которыя наложили такую неизгладимую печать на всю исторію южныхъ славянъ. Придунайская равнина и Добруджа кажутся продолженіемъ южно-русской степи: таже безпредѣльная, почти безводная равнина, та же степная растительность, покрывающая землю роскошнымъ ковромъ весной и выгорающая лѣтомъ [3]).

Въ виду пастбищъ, которыми занята сѣверная Добруджа, въ виду кочующихъ на ней до сихъ поръ татаръ-ногаевъ ста-

---

[1]) Внѣ этой линіи за Фріульскими Альпами будутъ находится только резьяне и венеціанскіе словины. Территорія, занятая ими, заключается между линіей Понтебба—Резіутта—Чивидале—Канале и теченіемъ Изонцо. Въ административномъ отношеніи это Мужацкій округъ провинціи Удине — Сревневскій И. И. «О Фріульскихъ Славянахъ» Сбор. Отд. Рус. яз. и Слав. Т. XXI, 1—56 Спб. 1881. Ср. Бодуэнъ де-Куртене И. А. «Резья и Резьяне» Слав. Сборникъ 1876, 223—371. G. Marineli. Nomi propri orografici. Alpi Carniche e Gjulie. Udine 1872.

[2]) Ровинскій. Черногорія. I, 4.

[3]) Шкорпилъ, К. и X. «Сѣверо-источна България въ географическо и археологическо отношение». Сб.М. VII, 9—10, 23.

1) Зилья
2) Соча

новится понятнымъ, почему съ глубочайшей древности чуть не до конца среднихъ вѣковъ азіатскій номадъ, появлявшійся на берегахъ Волги, рано или поздно, подчиняясь „власти земли", оказывался здѣсь, почему исторія узами общихъ страданій отъ азіатскихъ выходцевъ соединила обѣ славянскія группы: номадъ шелъ за своимъ скотомъ, пока тотъ находилъ нужную ему растительность и нужный просторъ. Но уже вступая на эти новыя для него равнины, онъ долженъ былъ видѣть, что здѣсь есть что то иное: поверхность сначала постепенно поднимается, потомъ круто обрывается къ югу, образуя рѣчную долину, за этой рѣчной долиной начинается новый мягкій подъемъ и за нимъ крутой обрывъ [1]); какъ параллельные валы громаднаго городища одна за другой тянутся съ В. на З. „планины"—горные хребты, отроги Балкана,—напоминая ему, что страна безбрежныхъ степей, колыбель колоссальныхъ политическихъ организмовъ, кончается и начинается новый міръ, міръ уединенныхъ рѣчныхъ долинъ [2]), котловинъ [3]), загороженныхъ каменными стѣнами „полей" [4]), міръ маленькихъ племенъ, не способныхъ разстаться съ своей индивидуальностью [5]); кое-

[1]) К. и Х. Шкорпилъ. Сѣверо-источна България въ географическо и археологическо отношение. Сб.М. VII, 7, 8 (шуменска планина), 14 (Провадийска планина).

[2]) Въ Родопахъ отдѣльныя селенія прячутся въ такихъ уединенныхъ долинкахъ (Рупелъ. ***. Путов. l. c. XI, 196).

[3]) На крайнемъ юго-западѣ полуострова, въ Черногоріи, имѣютъ мѣсто такъ называемыя лазбы. «Это, говоритъ Ровинскій, просто глубокія ямы съ плоскимъ дномъ, обставленныя стѣнами скалъ и проникнуть въ нихъ нельзя иначе, какъ спускаясь по веревочной лѣстницѣ. А спускаются туда потому, что тамъ есть земля... Всякую скотину жители должны спускать; поэтому крупную скотину приносятъ телятами» l. c. I, 73. Ср. 122. СбМ. XI. 229.

[4]) ***. Путования по долинитѣ на Струма, Брегальница. СбМ. X, 470, XI, 202—3, 239; XII, 235, 304,

[5]) Типическимъ показателемъ той изолированности отъ міра, которую создаетъ на Балканскомъ полуостровѣ жизнь въ горахъ, является новѣйшая исторія родопскихъ обитателей, извѣстныхъ подъ именемъ колюбаровъ. Они пережили время русско-турецкой войны за освобожденіе болгаръ, пережили С. Стефанскій и Берлинскій договоръ, ничего о нихъ не подозрѣвая. Когда въ горы являлась смѣшанная коммиссія для проведенія границъ, колюбари вообразили, что это пришли откуда-то «дикіе люди». Объ обязательности границъ и отношеній, установленныхъ коммиссіей, колюбары не хотѣли и

гдѣ, какъ напр. въ Ломскомъ округѣ, кочевникъ могъ уже видѣть на югѣ грандіозныя стѣны „Старой Планины“ (Балкана, Haemus) [1].

Вулканскія силы, отдавшія нѣкогда, въ третичную эпоху, морю нынѣшнюю Дунайскую низменность, безпрепятственно работали дальше на Ю и на З. Онѣ подняли ряды планинъ и изрѣзали поверхность полуострова на узенькія ленты рѣчныхъ долинъ, на каменные ящики „полей“, закончили Старой Планиной и ея южными отрогами свою работу въ одномъ направленіи, и бросили въ перпендикулярномъ къ ней направленіи горныя массы Странджы по побережью Чернаго моря, Рыльскую планину и разрѣзанныя Местой и Струмой Родопы въ срединѣ полуострова, Шаръ-Планину (Scordus) на границѣ съ Албаніей. Энергія, съ которой подземныя силы поднимали горныя массы, ощутительнѣе на западѣ полуострова. На В. отъ Странджи до Родоповъ и отъ Балканъ до Адріанополя на протяженіи нѣсколькихъ дней пути растилается ѳракійская низменность—плоская, безлѣсная, выгорающая лѣтомъ, какъ наши южныя степи, и какъ эти же степи плодородная. У подножія Родоповъ кончается эта единственная крупная низменность полуострова. Дальше на З. рельефъ поверхности рѣзко измѣняется. Вплоть до самаго Адріатическаго моря громоздятся, начиная отсюда, „планины“, прорѣзанныя Струмой, Местой, Вардаромъ, Брегальницей: Кресна, Перинъ, Бјеласица; онѣ то раздвигаются и образуютъ роскошныя долины („поля“) [2], то подходятъ почти вплоть къ ложу той или другой рѣки и образуютъ едва проходимыя ущелья—клисуры [3]).

На З. отъ Шаръ-планины рельефъ утрачиваетъ свое единство: кривая линія Дрима вмѣстѣ съ линіей Моравы очерчиваютъ славянскую часть полуострова, которая всѣми своими физическими и культурными элементами связана съ сред-

слышать. Болгарскому правительству привелось формально завоевывать бѣдный горный край. СбМ.

[1]) Бассановичъ. Ломския округъ. Сб.М. V. 5.

[2]) ***. Путования.

[3]) ibid. XI, 196, Кресенска клисура 227—79; XII, 258, Момина клисура 247—250.

ней, альпійской Европой. Ее наполняютъ отроги Альповъ, идущіе параллельными цѣпями съ С. З. на Ю. В, понижающіеся къ С., къ Савѣ, прорѣзанные рядомъ ея притоковъ— Тимокомъ, Моравой, Колубарой, Дриномъ, Купой.

Съ вершины Люботрна. одной изъ высочайшихъ горъ Шаръ-Планины виденъ поднимающійся въ углу между Болгарской и Сербской Моравой Копаоникъ и его отроги, горныя массы Ртани и Стола, ограниченныя Моравой и Тимокомъ [1]). Копаоникъ—центральный кряжъ сербскихъ горъ; на С чрезъ Рудникъ и Шумадію онъ доходитъ до Бѣлграда, на С. З. до бассейна Дрина, который отдѣляетъ Сербію отъ Босніи, на Ю.-В. до Кара-Дага.

За Дриномъ въ хаосѣ планинъ Босніи и Герцеговины выдѣляется центральный кряжъ или поясъ, составленный изъ ряда планинъ (Šator, Vitoroga. Bjelasnica, Treskavica); онъ служитъ и водораздѣломъ бассейновъ Чернаго и Адріатическаго морей и политической границей между Босніей и Герцеговиной. Дальше на западъ параллельно берегамъ Адріатическаго моря поднимаются Динарскія Альпы. Горная цѣпь Велебита, протягивающаяся отъ вотъ Кварнерскаго залива къ Савѣ, замыкаетъ Балканскій полуостровъ, но не составляетъ границы южно-славянскаго міра: за Велебитомъ и Савой идутъ Хорватія, Славонія, Крайна, Каринтія, Штирія, Истрія— юго-восточныя окраины средне-европейскаго, алпійскаго міра.

Растительный покровъ Б. полуострова представляетъ результатъ тѣхъ отношеній, въ которыя ставитъ его къ сосѣднимъ странамъ рельефъ поверхности и былыя связи обитателей [2]). Ами-Буэ различаетъ въ немъ элементы нѣсколькихъ иностранныхъ флоръ: 1) степной—венгерской, трансильвано-валашской и с. болгарской – 2) таврической или азіатской, идущей отъ Ю. В.

[1]) Можно предполагать, что съ этой же вершины видны и главныя высоты Черногоріи—Комъ и Дурмиторъ. Съ вершины Кома, по словамъ Ровинскаго, отчетливо видны горы Шаръ-планины l. c. I, 103.

[2]) По вопросу о вліяніи сношеній съ востокомъ на флору полуострова См. Hehn. Kulturpflanzen und Hausthiere. 6 Auf. О маслинѣ 101, 110, 114; о лаврѣ и миртѣ 220, 220, о лимонномъ и апельсинномъ деревьяхъ—428—429, 434, 435; о гранатовомъ деревѣ 233, 238, о фигѣ—94.

къ Балканамъ и Родопамъ, и 3) греческой, къ которой присоединяется итальяно-далматинская [1]). Приморская полоса, предоставленная по Берлинскому трактату Черногоріи и защищенная съ сѣвера хребтомъ Суторманъ, по своей растительности напоминаетъ самые благословенные уголки Греціи и Италіи: лимонное и апельсинное дерево, маслина, лавръ, мирта достигаютъ по мѣстамъ необыкновенныхъ размѣровъ [2]); въ Ульцинѣ и Барѣ къ этимъ представителямъ азіатской флоры [3]) присоединяются джудъ и агаве; въ долинѣ Требишницы вѣчно-зеленый плющъ обвиваетъ высокіе дубы [4]), въ долинѣ Зеты, по южнымъ склонамъ центральнаго массива роскошно развиваются деревья фиговое и гранатовое [5]). Далѣе на В. маслина держится только въ хорошо защищенныхъ со всѣхъ сторонъ горныхъ долинахъ южныхъ Родоповъ [6]); въ бассейнѣ Струмы въ богатыхъ водою рѣчныхъ долинахъ въ настоящее время культивируется рисъ [7]).

Исторія южныхъ славянъ есть, конечно, прежде всего результатъ тѣхъ условій, которыя представляла для ихъ развитія природа Балканскаго полуострова и бассейна Дуная и нельзя сказать, чтобы природа была здѣсь мачихой для человѣка. Она предоставляла въ его распоряженіе разнообразныя блага: южное солнце, защиту отъ сѣверныхъ вѣтровъ, богатую почву въ долинахъ рѣкъ и пастбища на склонахъ горъ [8]), обиліе воды въ гористой западной части, руды золота,

---

[1]) La Turquie I, p. 410—411. Ср. Ровинскій, П. Черногорія. Т. I. XXX. Шкорпилъ. l. c. 39. Ср. Velenovsky. Flora Bulgarica. Pr. 1891.

[2]) Ровинскій. l. c. I, 43, 116, 121, 160, 297.

[3]) ibid. 51.

[4]) ibid. 86, 296.

[5]) ibid. 40.

[6]) ***. l. c. X, 502.

[7]) ibid. XI, 203.

[8]) Въ западной части полуострова, въ прикрытыхъ съ сѣвера глубокихъ рѣчныхъ долинахъ пастбища служатъ человѣку круглый годъ. Таковы въ Черногоріи долины Градишницы, Еловицы, склоны Ловчена, Баньяка, Синявины. *Ровинскій*, П. «Черногорія» Т. I, стр. 113, 41, 52, 67.

мѣди, желѣза, олова[1]), лѣсъ и камень для построекъ. Но она многаго требовала и отъ человѣка, чтобы онъ могъ заставить ее служить себѣ. Человѣкъ долженъ былъ нести сюда и способность къ упорному труду, и способность соединять для общей цѣли свои личныя усилія съ усиліями сотенъ тысячъ ему подобныхъ, въ крайнемъ случаѣ способность организовать чужую работу. Когда онъ приходилъ сюда, продѣлавши долгую и тяжелую жизненную школу, вооруженный опытомъ прошлаго, онъ торжествовалъ: онъ проводилъ, какъ римлянинъ, до-

[1]) Горныя богатства полуострова разрабатывались уже въ доисторическую эпоху.

Въ свайныхъ постройкахъ долины Унца въ Боснiи, изслѣдованныхъ въ текущемъ десятилѣтiи покойнымъ Радимскомъ (при д. Рипачъ) найдены были подъ толстымъ слоемъ угля каменныя и глиняныя формы для отливки бронзовыхъ орудій и украшеній—кельтовъ, копій, наконечниковъ стрѣлъ, колецъ, булавокъ. Такія-же формы встрѣчались между находками изъ другихъ свайныхъ построекъ Боснiи—изъ Сокольца при Бигачѣ, Радманичей при Баньялукѣ (Radimsky. «Die Prähistorische Pfahlbau von Pipač bei Bihač». W. M. aug Bosnien und Herzegowina V, 29—124). Сравнивая мѣдныя и бронзовыя орудія, встрѣчающіяся въ Босніи и Герцеговинѣ и, по большей части, вѣроятно, здѣсь приготовленныя съ таковыми же орудіями Штиріи, Крайны, Сербіи, Албаніи, Черногоріи, Далмаціи, Кроаціи, Славоніи и Венгріи, современные археологи устанавливаютъ несомнѣнное родство З. Балканской, В. Альпійской и Карпатской металлургіи и существенное отличіе ея отъ южной, греческой (Truchelka. «Zwei Kupferbeile uud ein Bronzebeil aus Bosnien.» ib. I, 315. Cp. ib. 35—39; IV, 181. Kaer. Prvo bronçano nalazište u Dalmacii. Гласн. З. М. у Босни и Герцеговини, 1897, № 2, 245—271).

Мы увидимъ ниже, что эта связь сохраняется и въ ранній, галльштадскій періодъ желѣзнаго вѣка

На Ю.-Востокъ отъ Иллирійскаго треугольника шелъ въ эту-же пору (гомерическая пора Греціи) культурный обмѣнъ между ѳракійскими племенами и малоазіатскими греческими городами по путямъ, проложеннымъ финикіянами (Том. I. с. 113). Курганы Ѳракіи, пока еще почти неизслѣдованные, должны дать формы, близкія къ восточнымъ и греческимъ.

Въ римскую эпоху металлургическое производство на С. З. полуострова находилось въ вѣдѣніи прокуратора metallorum Pannoniorum et Delmatiorum. Центромъ его была муниципія Domavia (Radimsky. «Generall Bericht über die bisherige Ausgrabungen der römischen stadt Domavia in Gradina bei Srebrenica. WM. aus B. u. H. I, 218—253). Новѣйшіе путешественники указываютъ серебряно-оловянныя руды (галенитъ и золотой песокъ) въ Плавица планина (***. Путувания по долинитѣ на Струма, Места и Брегальница,

роги по непроходимымъ ущельямъ, перебрасывалъ несокрушимые мосты надъ буйными рѣками и страна, разбитая на маленькіе мірки, начинала жить цѣльной жизнью. Но для народовъ молодыхъ, только здѣсь начинавшихъ свою жизнь, такая борьба была непосильной и природа какъ будто насмѣхалась надъ ними; она порождала у нихъ грандіозныя мечты и не давала средствъ для ихъ осуществленія. Ѳракійцы и славяне одинаково увлекались величавыми перспективами, которыя открывала необъятная юго-восточная низменность, и создавали одинаково эфемерныя монархіи. Ѳракійскія степи призывали къ жизни Ситалковъ, Филипповъ, Шишмановъ, клисуры Родоповъ и Старой Планины давали пріютъ и защиту ихъ врагамъ.

Природа наложила свою печать не на одну конечно, политическую исторію ю.-славянъ. Мы должны предполагать ея вліяніе и въ исторіи экономической и въ духовномъ творчествѣ народа—въ его вѣрованіяхъ, культѣ, въ его поэзіи и искусствѣ, но точно опредѣлить размѣры этого вліянія едва ли когда нибудь будетъ возможно. Славяне нашли на Балканскомъ полуостровѣ не однѣ горы и долины; они нашли здѣсь и человѣка съ сложной тысячелѣтней исторіей. Полуостровъ былъ объединенъ вѣковыми усиліями римлянъ и имѣлъ свой политическій центръ на югѣ, въ Византіи. Вездѣ на своемъ пути славянинъ встрѣчалъ результаты этой творческой дѣятельности: превосходныя дороги, прорѣзывавшія полуостровъ съ С. на Ю., и вдоль этихъ дорогъ сѣть станцій и городовъ.

Мѣстные работники науки—болгары, сербы, босняки, герцеговинцы, далматинцы—только начинаютъ еще разбираться среди памятниковъ старины и между тѣмъ открытые ими остатки римской эпохи—города, водопроводы, святилища, некрополи—считаются уже десятками. Римская цивилизація была такимъ образомъ факторомъ, съ которымъ славянамъ приходилось считаться не меньше, чѣмъ съ природой. Но и она представляетъ собой явленіе далеко не первичнаго характера; эта равнодѣйствующая культурныхъ силъ, столкнувшихся здѣсь въ пору римскаго завоеванія. Римляне романизировали полу-

---

Сб.М. XII, 315), желѣзныя руды въ бассейнѣ Буровицы въ Родопахъ (ib. XIII, 341, 347, ср. X, 526 Али-Ботушъ, Рупелска планина 528), старыя желѣзныя руды въ Странджѣ (Шкорпилъ l. c, 31—34, Бакрлыкъ).

островъ; въ V в. на всемъ пространствѣ его съ С на Ю., съ З. на В. говорили на латинскомъ языкѣ. Можетъ быть, это и не преувеличеніе, но коренное доримское населеніе все же не изчезло. Кое-гдѣ оно сохранило даже свой языкъ.

Въ томъ же V вѣкѣ, когда на полуостровѣ начали уже водворяться славяне, въ Родопахъ бессы отправляли еще христіанское богослуженіе на своемъ языкѣ [1]); албанцы сохранили его до нашихъ дней; на югъ отъ Балкановъ латинскій языкъ не могъ вполнѣ вытѣснить греческаго; по мѣстамъ греческій языкъ въ надписяхъ встрѣчается и на С. отъ Балканъ [2]); ѳракійская стихія сказывается сильно даже тамъ, гдѣ ѳракійцы романизировались: римскія и греческія надписи, найденныя въ Болгаріи, Сербіи, Босніи и Герцеговинѣ (греческія во Ѳракіи; латинскія въ Мизіи), говорятъ о людяхъ, носившихъ не римскія и не греческія имена [3]), помнившихъ свое не римское прошлое, поклонившихся богамъ, которые носили варварскія имена или которымъ только навязаны были имена римскія и греческія [4]) Намъ, живущимъ среди полувѣровъ инородцевъ, которые чтятъ своихъ старыхъ боговъ подъ именами христіанскихъ святыхъ или ипостасей Троицы, эти обѣтныя надписи, посвященныя чуждымъ греческому и римскому Олимпу богамъ, говорятъ очень много о духовномъ мірѣ жертвователей: глядя на нашихъ русѣющихъ инородцевъ, мы можемъ догадываться, сколько старыхъ, туземныхъ вѣрованій сохранилось еще въ душѣ эллинизированнаго или романизированнаго ѳракійца. Но это еще не все: жертвенники воздвигали, несомнѣнно, не заурядные деревенскіе бѣдняки, а люди высшихъ слоевъ, просвѣщенные буржуа. Если уже городское населеніе Мизіи, Ѳракіи и Иллиріи, съ римскими элементами хранило не мало элементовъ старой, мѣстной культуры, то сколько же ихъ сохранялось у чисто деревенскаго и пастушескаго населенія, которое ютилось въ горахъ и вдали

[1]) Дриновъ, М. Засел. Балк. полуострова Славянами. 29.

[2]) Сб. М. XII, 323. Добруски. Материали по археологията на България.

[3]) *Thomaschek.* Ueber Rosalia und Brumalia etc. SBWA. hist. phil. cl Bd. IX. *Добруски.* Археологишки istраживания въ З. България. СбМ. II, 3. Jireček. Cesty po Bugarsku.—Онъ-же Archeologische Fragmente aus Bulgarien. AEM. aus O. U. X, 49—50.

[4]) Θεῷ Σουρεγεθῃ. *Добруски.* Материали по археологията на България. СбМ. XII. 329.

отъ дорогъ, проложенныхъ римлянами? А славянамъ пришлось имѣть дѣло именно съ этой частью населенія, такъ какъ города были разрушены Гуннами въ V в., Аварами въ VI.— Люди съ полустертой національной физіономіей—ѳрако-иллирійцы, конечно, скоро какъ будто ославянились, но дальше усвоенія языка этотъ процессъ едва-ли пошелъ: мѣнять бытовую обстановку, укладъ экономической жизни, мѣнять воззрѣнія на жизнь и природу имъ, навѣрное, не пришлось: славянинъ не приносилъ съ собой ничего высшаго. Если же все это такъ, то наличность возможно полнаго знакомства съ ѳрако-иллирійской культурой является необходимымъ условіемъ пониманія исторіи культуры юго-славянской.

Для предварительнаго изученія ѳрако-иллирійской культуры, какъ фундамента позднѣйшей славянской, въ настоящее время складываются и другія основанія. Изученіе современныхъ албанскихъ нарѣчій и того матеріала, который остался въ мѣстныхъ названіяхъ, личныхъ именахъ и именахъ боговъ, наконецъ въ такъ называемыхъ глоссахъ, отъ языковъ древнихъ иллирійцевъ, ѳракійцевъ и фригійцевъ приводитъ современныхъ лингвистовъ къ все болѣе и болѣе укрѣпляющемуся убѣжденію, что ѳрако-иллиро-фригійская группа языковъ, вмѣстѣ съ армянскимъ, стоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ лито-славянской группой [1]). По отношенію къ ѳракійцамъ

---

[1]) Вопросъ объ отношеніи ѳрако-иллирійскихъ нарѣчій къ лито-славянскимъ возникаетъ, какъ результатъ изслѣдованій о мѣстѣ, которое принадлежитъ албанскому языку въ семьѣ арійскихъ языковъ. Самыя крупныя изслѣдованія въ этой области принадлежатъ G. Meyer'у. Начиная съ небольшой статейки «Die Stellung des Albanesischen im Kreise der indogerman. Sprachen» (Beitrage zur Kunde der indogermanischen Sprachen, VIII, 185—195) въ рядѣ статей и изслѣдованій («Essays und Studien» I, «Albanesische Etymologien» ibid. XIV, 51—«Etimologisches Wörterbuch des Albanesischen», «Lauthehre der indogerm-Bestandtheile des Albanesischen» въ Sitzber. WA, Bd. 125») онъ оспариваетъ старую теорію (Шлейхеръ, Камарда) о родствѣ албанскаго и греческаго языковъ и выдвигаетъ черты, сближающія его съ сѣверными, ближайшимъ образомъ лито-славянскими языками. Взгляды G. Meyer'a цѣликомъ приняты и изложены О. Шрадеромъ въ 6-мъ изданіи Hehn «Die Culturpflanzën u. Hausthiere (Ber. 1894)—прим. 17, 530—534. Schrader (Hehn) присоединяетъ къ балканскимъ иллирійцамъ аппенинскихъ венетовъ. Hubschman-Armen. Stud. Kuhns Zeitschrift XXIII сближаетъ съ ними-же армян-

эта гипотеза находитъ для себя поддержку и въ антропологическихъ данныхъ. Близость къ сѣверной группѣ аріевъ намѣчается цвѣтомъ ихъ кожи и волосъ. Древніе по этимъ признакамъ причисляли ихъ къ сѣвернымъ народамъ [1]).

Өрако-иллирійская культура съ этой новой точки зрѣнія должна разсматриваться, какъ стадія въ развитіи общей иллиро-өрако-лито-славянской культуры. Подъ наслоеніями элементовъ, заимствованныхъ изъ восточной, греческой, этрусской и латинской культуръ въ ней должны сохраниться элементы, объединяющіе раннихъ өрако-иллирійскихъ насельниковъ полуострова съ позднѣе явившимися славянами. Эти связи въ настоящее время, конечно, можно только предугадывать; ихъ раскрытіе составитъ одну изъ интереснѣйшихъ задачъ молодой юго-славянской науки.

Фригійцы, өракійцы и иллиры—старые насельники Балканскаго полуострова; можетъ быть, его аутохтоны. Ихъ знаетъ Гомеръ или той циклъ пѣвцовъ, произведенія которыхъ ему приписываются, но гомерическій эпосъ даетъ намъ голыя имена безъ топографическихъ указаній, безъ характеристики. То и другое дѣлается для насъ доступнымъ, съ конца VI и начала V в. до Р. Х., съ походовъ Дарія, съ появленія „Музъ" Ге-

скій. Въ томъ-же направленіи высказывается Mullenhoff (Deutsche Alterthumskunde III, 125—). Felix Solmsen въ статьяхъ «Zur Phrygischen» (Kuhns Zeitschrift für vergl. Sprachforschung Bd. XXXIV, 36—68 1895) и «Thrakisch-Phrygisches» (ibid. 68—80 Cp. Ramsay, Jour-of the Royal Asiatic Soc. N. S. XV, 120 sg.) утверждаетъ, что фригійскія слова, уцѣлѣвшія въ фригійскихъ надписяхъ, именахъ, глоссахъ принадлежатъ языку, глубоко отличающемуся отъ греческаго (41), что фригійско-өракійскія нарѣчія принадлежатъ къ satem—группѣ, но оспариваетъ отдѣльныя аналогіи между фригійско-өракійскимъ и лито-славянскимъ, которые указываются G. Meyer'омъ и Fick'омъ (37). Ср. A. Torp «zu den phrygischen Jnschriften aus römischen Zeit (Scrifter der Videnskabsselskab zu Kristiania. hist. fil. kl. 1894, № 2), Kretschmer «Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache», Fick въ рецензіи на эту книгу въ Beiträge zur Kunde d. ind. S. XXIV, 292—296. За близость фригійскаго къ лито-слав. высказывается Fick еще въ Bezz. Beitrage XIV, 50.

[1]) Thom. l. c. о бѣлокурости отдѣльныхъ өракійскихъ племенъ говорятъ Аппіанъ и Овидій.

родота.) Геродотъ называетъ въ качествѣ вольныхъ или невольныхъ союзниковъ Дарія пеонцевъ или пеоновъ со Струмы (Стримонъ) и Вардара (Аксіосъ) [1]), сиро-пеоновъ, одомантовъ [2]), жившихъ около Бозъ-тога, сатровъ [3]), сапаевъ [4]), траусовъ [5]), одризовъ [6]), трибалловъ [7]) и агатирсовъ [8]).

Персидскій походъ вызвалъ первое исторически извѣстное броженіе къ югу отъ Балкана. Одризы основываютъ завоевательное государство; ихъ быстрые успѣхи производятъ впечатлѣніе въ Греціи и Өукидидъ, говоря о нихъ въ своихъ книгахъ, упоминаетъ новые народы на берегахъ Струмы и Вардара — эдоновъ [9]), синтовъ [10]), траровъ [11]), діевъ, гетовъ [12]). Всѣ эти имена не простые звуки безъ значенія, мы скоро увидимъ, что нѣкоторые изъ нихъ дожили на полуостровѣ до славянъ, живутъ до сихъ поръ, слившись съ болгарами.

Культура өракійцевъ *) по своимъ основнымъ элементамъ не сложна. Собственно өракійцы явились на полуостровъ степ-

---

[1]) Tom I. c. 19, 20, 22. По Струмѣ.

[2]) ibid 40.

[3]) Въ странѣ, позднѣе отводимой діямъ и бессамъ Том. I. c. 68. Her. VII, 110.

[4]) Въ Родопахъ на Местѣ. Том. I. c. 69. Her. VII. 110.

[5]) Въ Среднихъ Родопахъ. Thom. I. c. 70. Her. V, 3—4.

[6]) ib. 81. По Тунджѣ, Марицѣ и Эргени.

[7]) По Сербской Моравѣ, начиная отъ Нишской долины, до Дуная ib. 87. Cp. Her. IV, 49. Thuc. II, 96.

[8]) Земли на С. отъ Дуная до Карпатовъ—нынѣшнее Седмиградье (Siebenburgen) ib. 100.

[9]) Между Н. Вардаромъ и Струмой. ib. 53. Cp. Thuc. II, 99.

[10]) На Велешъ-планинѣ или Беласицѣ, близь Рупельскаго прохода. ib. 59.

[11]) На С. отъ Рыльской планины до Искера. ib. 54. Cp. Thuc. II, 96.

[12]) Въ Родопахъ. ib. 71. Cp. Thuc. II, 96.

*) Въ настоящемъ случаѣ терминъ «өракійскій» мы употребляемъ для сокращенія болѣе сложнаго «өрако-фриго-иллирійскій».

ными кочевниками, подобными скиөамъ [1]).. Съ кочевыми привычками они и остались: война и охота были ихъ преобладающими занятіями, конь—предметомъ самыхъ нѣжныхъ заботъ [2]). Земледѣліе и промышленность они возлагали на побѣжденныхъ, считая для себя занятіе ими позоромъ [3]). У одного изъ иллирійскихъ племенъ (аөамановъ) землю обрабатывали женщины, а мужчины пасли скотъ [4]). На полуостровѣ они осѣли. Жилища, которыя они устраивали здѣсь, имѣли различный видъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій: на сѣверѣ въ безлѣсной и холодной Добруджѣ и въ Родопахъ они жили въ пещерахъ [5]) или въ землянкахъ, покрытыхъ навозомъ [6]), на югѣ по берегамъ озеръ въ свайныхъ постройкахъ [7]), о внѣшнемъ видѣ которыхъ можно судить по одному изъ рельефовъ трајановой колонны: это были круглыя деревянныя хижинки съ остроконечной крышей [8]). Совокупность такихъ хижинокъ, поставленныхъ рядомъ, составляла поселенія (para, dava или deva) [9]). Убѣжищами въ военное время служили земляныя горо-

[1]) На Балканскомъ полуостровѣ сохранилась до сихъ поръ особая порода рогатаго скота, которую они могли привести съ собою съ С. проф. Адамацъ называетъ ее иллирской, она держится и на крайнемъ С. бывшей өракійской земли въ Карпатахъ. Ровинскій. Черногорія II. XV. Насколько намъ извѣстно, это единственный опытъ опредѣленія породъ скота на Балканскомъ полуостровѣ и слѣдуетъ пожелать, чтобы онъ нашелъ продолжателей. Kaltenegger, изслѣдуя распредѣленіе породъ рогатаго скота въ Тиролѣ, пришелъ къ чрезвычайно интереснымъ результатамъ: оказалось, что границы распространенія извѣстныхъ породъ совпадаютъ съ границами распространенія человѣческихъ расъ.. Die geschichsliche Entwickelung der Rinderrassen. SB. wien. Anthrop. Gesell. 1894, 111—116.

[2]) Черты, съ которыми өракійцы являются въ гомерическомъ эпосѣ, Томашекъ относитъ къ ихъ роличамъ фригамъ, которые жили по побережью Мраморнаго моря и на С. до Шаръ-планины и усвоили финикійско-греческую культуру. l. c. 113.

[3]) Thom. l. c. 113. Cp. Herod. II, 167; V, 6.

[4]) Smičiklas. Povjest Hrvatska. I, 21.

[5]) Bessi... in antris viventes.. Thom. 77.

[6]) Землянки у Дардановъ. Thom. 25.

[7]) Thom. l. c. 1. (μόσσων).

[8]) ib. 121.

[9]) ibid.

дища и загороженныя тыномъ деревянными или каменными стѣнами крѣпости [1]).

О домашней обстановкѣ, утвари, средствахъ передвиженія сохранились самыя скудныя извѣстія. Извѣстно, что иллирійскія племена умѣли выдѣлывать деревянную посуду. Ксенофонтъ, описывая пиръ у одризскаго царя, говоритъ, что кушанья ставились предъ гостями на низенькихъ столикахъ— треножникахъ, вино пили изъ роговъ.

Пищей ѳракійцевъ на югѣ, по берегамъ озеръ, была преимущественно рыба. Изъ продуктовъ земледѣлія потреблялось особенно охотно просо [2]). Соль была мало знакома и такъ дорого цѣнилась, что въ обмѣнъ за нее давались рабы, а иногда и дѣти свободныхъ людей [3]).

Вдали отъ водныхъ пространствъ ѳракійцы питались главнымъ образомъ продуктами скотоводства. Мясо употреблялось въ пищу сырое или жареное; груднымъ дѣтямъ давалась смѣшанная съ жиромъ кровь. Молоко, сыръ и масло принадлежали также къ излюбленнымъ кушаньямъ ѳракійца[4]). Съ временъ Гомера славилось въ Греціи ѳракійское вино (*ςιλα*) и ѳракійцы пили его далеко не умѣренно; рядомъ съ виномъ употреблялось и пиво [5]). Въ приморьи выдѣлывалось оливковое масло [6]).

Одежду ѳракійца составляла пестро вышитая (кажется, главнымъ образомъ у южанъ) рубашка изъ грубаго пеньковаго холста [7]); сверху на нее набрасывалась какая нибудь шкура или плащъ. Сѣверныя и горныя племена чаще всего ходили въ вонючихъ кожухахъ. Головной уборъ у даковъ состоялъ изъ вязанаго калпака, или лисьей шапки [8]). Обувь состояла изъ

---

[1]) Πολτὸν, βρία, ζίζα. Cp Thom. l. c.

[2]) Μελινοφάγοι. Thom. 66, 121.

[3]) ibid. 122

[4]) У римлянъ пользовался извѣстностью caseus dardanicus. Thom. l. c. 24.

[5]) Thom. l. c. 21.

[6]) Str. IV, 6.

[7]) Thom. l. c. 118. Особеннымъ богатствомъ вышивокъ отличались костюмы вакханокъ. Античное искусство изображаетъ Орфея и Діониса въ богато расшитыхъ хитонахъ съ вышитымъ-же характернымъ фригійскимъ головнымъ уборомъ. Бистоны. Thom. l. c. 41. Геты. 96.

[8]) Thom. l. c. 66, 118.

кожанныхъ сандалій и толстыхъ чулокъ. Климатическія условія вызывали необходимость длинныхъ одеждъ; даже всадники носили длинный плащъ въ видѣ современной кавказской бурки.

Вооруженіе ѳракійца, насколько объ этомъ позволяютъ судить источники, не отличалось существенно отъ греческаго: рядомъ съ камнемъ, который былъ первымъ оружіемъ человѣка, употреблялись лукъ, дротики, копья, затѣмъ кинжалы, мечи и кривыя сабли. Для защиты служили шлемы, панцыри и щиты [1]).

Своеобразнымъ добавленіемъ къ одеждѣ служила татуировка. Кожа или раскрашивалась поверхностно [2]) или накалывалась [3]). Татуировали лицо и руки—у даковъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Татуировка служила признакомъ благороднаго происхожденія или выраженіемъ траура.

Семейно-общественныя отношенія ѳракійцевъ выступаютъ въ источникахъ далеко не полно. Половыя отношенія не были достаточно регулированы. Дѣвушки пользовались безусловной свободой въ своихъ отношеніяхъ къ мужской молодежи. Съ выходомъ замужъ эта свобода прекращалась. Относительно агаѳирсовъ Геродотъ сообщаетъ, что у нихъ жены были общими [4]). Женщина, пріобрѣтенная покупкой, дѣлалась собственностью мужа, вещью, которая входила въ составъ его наслѣдства [5]). Въ связи съ условіями пріобрѣтенія невѣсты стоитъ и количество женъ. Ѳракіецъ могъ имѣть столько женъ, сколько позволяли ему средства купить [6]); если по той или другой причинѣ онъ прогонялъ которую нибудь изъ нихъ, онъ имѣлъ право получить часть уплаченной за нее суммы обратно. Со смертью мужа жены переходили со всѣмъ остальнымъ имуществомъ къ наслѣднику [7]). О положеніи дѣтей относительно

---

[1]) Thom. l. c. 119.

[2]) Агаѳирсы, Геты, Даки. 116. 117.

[3]) Въ Родопахъ татуировка производилась накалываньемъ при помощи иглы, ibid. 117.

[4]) ibid. 100. Ср. Smiciklas. l. c. 21.

[5]) ibid. 126.

[6]) Синты и Мэды. Thom. 59. Долонки 67. Всѣ племена на Струмѣ. Геты 96.

[7]) ibid.

родителей можно судить по тому, что дѣти свободныхъ людей вымѣнивались на такіе товары, какъ соль.—Какъ черту соціально-экономическихъ отношеній, слѣдуетъ отмѣтить передѣлъ земли по *родамъ*, совершавшійся у нѣкоторыхъ иллирійскихъ племенъ чрезъ каждые каждые восемь лѣтъ [1]).

Общественная организація ѳракійцевъ представляетъ собою результатъ тѣхъ отношеній, въ которыя входили между собою отдѣльныя племена. Исторія Балканскаго полуострова до покоренія его римлянами представляетъ собою картину постоянной борьбы населявшихъ его племенъ. Война, близкая по своимъ цѣлямъ къ позднѣйшему разбою, была промысломъ нѣкоторыхъ изъ нихъ [2]). Другіе племена не довольствовались грабежами, осѣдали на захваченной землѣ, закрѣпощая ея населеніе. На этой почвѣ возникаетъ сословная дифференція, которую мы наблюдаемъ въ различныхъ пунктахъ полуострова: крѣпостные и воины [3]). Война и разбой кромѣ того давали рабовъ, которые въ началѣ нашей эры являются въ приморьи рыночнымъ товаромъ [4]). Большая часть ѳракійскихъ племенъ представляется намъ вышедшей уже изъ условій родового быта: греческіе и римскіе писатели говорятъ о царяхъ различныхъ племенъ [5]); только относительно иллирійскихъ панноновъ источники говорятъ, что они жили по деревнямъ, отдѣльными родами и не подчинялись общей верховной власти [6]). О развитіи городской жизни говорятъ размѣры городовъ, которые приходилось брать римлянамъ. У яподовъ въ городахъ были зданія для собраній совѣта [7]). До какихъ размѣровъ могло доходить у ѳрако иллирійцевъ государственное строительство показываютъ монархіи македонская и одризская.

Извѣстія, сообщаемыя классическими писателями объ отдѣльныхъ ѳрако-иллирійскихъ племенахъ, позволяютъ дополнить эту картину нѣсколькими деталями. Относительно пе-

---

1) Smic. Pov. hrv. I, 21.
2) Strabo IV, 6.
3) Thom. l. c.
4) Strabo. IV, 6.
5) Thom. l. c.
6) Müllner. MWAG, XII, 56.
7) App. Jllyr. XXI. MWAG. XVIII, 246.

оновъ сообщаютъ, что у нихъ имѣлъ мѣсто обычай кровавой мести [1]; дарданы, по словамъ Агаѳархида Книдскаго, имѣли прикрѣпленныхъ къ землѣ рабовъ [2]). Раздѣленіе на сословія констатируется уже въ сообщеніяхъ о татуировкѣ.

Религія ѳракійцевъ, какъ и всѣхъ аріевъ, слагается изъ поклоненія усопшимъ и силамъ природы. Смерть представлялась ѳракійцамъ переходомъ въ иную жизнь. Въ теченіи трехъ дней трупъ держали дома, убивая въ честь его различныхъ животныхъ, затѣмъ хоронили — или предварительно сжегши трупъ и сложивши пепелъ въ урну или положивши его нетронутымъ въ могилу; надъ погребенными насыпали холмъ. Провожали усопшаго въ могилу, кое-гдѣ съ такимъ же весельемъ, какъ на брачный пиръ.

По окончаніи погребенія около кургана устраивались военныя игры и поединки [3])—можетъ быть, остатокъ былыхъ человѣческихъ жертвоприношеній [4]). При гробѣ знатнаго ѳракійца—у гетовъ, синтовъ и майдовъ—убивалась руками ея ближайшихъ родичей [5]) его любимая жена. Характерной особенностью ѳракійцевъ въ ихъ отношеніяхъ къ смерти является широкое распространеніе самоубійства [6]).

Усопшіе, героизированные или обожествленные, вводятъ насъ въ недостаточно выясненный еще міръ ѳракійскихъ боговъ. Классическіе писатели даютъ намъ относительно его: 1) подозрительной точности имена [7]), 2) переводъ этихъ именъ на языкъ греческой и латинской миѳологіи и 3) самое цѣнное — мимоходомъ брошенныя извѣстія о культѣ: жертвахъ, храмахъ, времени жертвоприношеній.

При скудости данныхъ относительно религіознаго міросозерцанія фриго-ѳрако-иллирійскихъ племенъ имена-эпитеты съ точно установленной этимологіей могли-бы значить не мало: они ввели-бы насъ въ кругъ представленій объ отдѣльныхъ богахъ, помогли-бы намъ разобраться въ путаницѣ на-

---

1) Smič. l. c. 21.
2) ibid. 23.
3) Сб. М. XIV, 570. Xenoph. Anab. VI, 1. § 5—6.
4) Thom. l. c. 128. Herod. V, 8.
5) Thom. l. c. 59, 95, 128.
6) Thom. l. c. 129.
7) Deus *Andes* дарданцевъ (Thom. l. c. 25).

вязываемыхъ имъ отношеній къ жизни и природѣ. Къ сожалѣнію въ настоящее время о точности отдѣльныхъ этимологій говорить не приходится: даже такія соблазнительныя по своей ясности этимологіи, какъ Земела (*Ζεμελω*) земля, признаются спорными.

Затрудненія увеличиваются, когда мы обратимся къ тѣмъ значеніямъ, которыя связываетъ съ именами традиція древнихъ. Обильный именами фриго-ѳракійскій Олимпъ становится бѣднѣе сущностями, когда мы начнемъ пріурачивать имена къ отдѣльнымъ явленіямъ природы: земля будетъ имѣть здѣсь двухъ представительницъ—Земелу и Кибелу, растительная энергія двухъ—Діониса, сына Земелы, и Аттиса, сына Кибелы: міръ дикихъ животныхъ и связанная съ ними охота Бендиду (*Βενδις*), Котиту (*Κοτυς, Κοτυττω*) небо двухъ—Свелтіурда и Сурегета, солнце двухъ—Ареса и Кандая; съ однимъ воплощеніемъ останутся луна (*Μην*), громъ (у гетовъ *Τεβελέζις*), зима, огонь и любовь [1]). Низшіе духи, населяющіе горы, лѣса и воды, у ѳрако-иллирійцевъ, какъ и у всѣхъ народовъ, являются надъ коллективными именами—Герменовъ (=Силены) и Девадовъ (=Сатиры).

Какой смыслъ имѣютъ различныя имена, которыя имѣютъ мѣсто въ вѣрованіяхъ одного племени—эпитеты это подъ которыми является одно и тоже божество, или имена, опредѣляющія его сущность, данныя двумя обособившимися отъ одного корня группами, какъ греческое *Афродита* и латинское *Венера*? По отношенію къ нѣкоторымъ именамъ, какъ Кибела, Земела, Діонисъ, Аттисъ традиція позволяетъ предположить послѣднее: она пріурочиваетъ къ Фригіи Кибелу и Аттиса, къ Ѳракіи Діониса и Земелу. Такое же мѣстное, племенное значеніе могутъ имѣть и другіе парныя имена. Кругъ сущностей, служившихъ предметомъ поклоненія, съузится еще, если мы обратимъ вниманіе на то, что во Фригіи кругъ вліянія Кибелы расширяется за счетъ Аттиса, а во Ѳракіи наоборотъ Діонисъ отодвигаетъ на задній планъ Земелу. Кибела—„все раждающая“, „матерь боговъ“—питаетъ и врачуетъ человѣка и животныхъ; въ ней находитъ свой источникъ растительная жизнь, она является олицетвореніемъ лѣса; символомъ непрерываю-

[1]) Thom. l. c. II, 56—65.

щейся растительной жизни, которую она представляетъ собою, ея первымъ воплощеніемъ и образомъ была вѣчно зеленая сосна; въ связи съ ея культомъ стоятъ начала земледѣлія и винодѣлія; она считается повелительницею влаги, дающей жизнь растительности, матерью-землей, собственницей и подательницей скрытыхъ въ ней металловъ, покровительницей кладбищъ и городовъ. Аттисъ, ея сынъ и предметъ ея чувственной любви, является только ея блѣднымъ мужскимъ двойникомъ [1]).

Діонисъ—главное божество ѳракійцевъ, по словамъ Геродота—является, какъ Кибела, носителемъ и воплощеніемъ растительной энергіи, его древнѣйшихъ воплощеніемъ и деревомъ, изъ котораго позже изготовлялись его статуи, была также сосна; какъ Кибела, онъ является повелителемъ влаги вообще и въ частности вина, божествомъ, насылающимъ на человѣка безуміе и исцѣляющимъ отъ него. Земела настолько затѣняется имъ въ глазахъ поклонниковъ, что даже ея материнство признается, повидимому, не всѣми: Діонисъ носитъ по мѣстамъ эпитетъ „огнерожденнаго" [2]).

Сокращеніе числа сущностей можно повести еще далѣе, предположивши, что образъ Кибелы (Земела) и Діониса—различныя стадіи въ развитіи представленій объ одномъ и томъ-же духѣ: образъ Кибелы соотвѣтствуетъ болѣе ранней, навѣянной матріархальными отношеніями семьи эпохѣ воззрѣній на природу; удержался онъ во Фригіи подъ вліяніемъ аналогичныхъ женскихъ образовъ семитическаго міра, завоевавшихъ для себя почву М. Азіи, а образъ Діониса—созданіе новѣйшаго, совпадающаго съ патріархатомъ, періода въ исторіи религіозной мысли—зародился и выросъ у обособившихся уже ѳракійцевъ.

Небо, солнце, луна, громъ, земля, вода, повелители растительнаго и животнаго міра—вотъ тѣ сущности, къ которымъ сводится въ концѣ концовъ религія древнѣйшихъ насельниковъ Балканскаго полуострова. Ихъ имена были различны уже въ глубокой древности, мѣнялись подъ вліяніемъ новыхъ религій, которыя приносили съ собой на полуостровъ позд-

---

[1]) Roscher. l c. 1061.

[2]) ibid. 1085.

нѣйшіе завоеватели и засельники; соотвѣтствующіе имъ образы, сливались съ другими, если ихъ не закрѣпляло искусство; ко времени появленія славянъ на полуостровъ отъ этой стороны религіи могли уцѣлѣть только жалкіе обломки. Иное дѣло формы культа. Примѣръ нашихъ „православныхъ“ инородцевъ показываетъ, что формы культа переживаютъ крушеніе вѣрованій: языческіе боги слились въ ихъ сознаніи съ христіанскими святыми или ипостасями Троицы, но служатъ имъ подъ этими новыми именами такъ же, какъ служили столѣтія тому назадъ. Въ суевѣрныхъ обрядахъ современныхъ славянъ мы можемъ встрѣтить пережитки стараго ѳрако фриго-иллирійскаго культа и въ силу этого должны дорожить каждымъ ничтожнымъ его остаткомъ, каждой черточкой. Стоящій сегодня внѣ связи съ настоящимъ обломокъ прошедшаго можетъ быть приведенъ въ эту связь завтра, когда молодой ю. славянскій фольклоръ обогатится новыми пріобрѣтеніями.

Обращаясь къ культу, мы должны разсмотрѣть его основные элементы—мѣсто, время и формы.

Мѣсто и время служенія отдѣльнымъ божествамъ находятся въ связи съ тѣми отношеніями, въ которыхъ стоятъ они къ природѣ.

Мѣстами поклоненія чаще всего служили пещеры—жилища ихъ. Въ особенности это можно сказать относительно Кибелы, самое имя которой разсматривалось нѣкоторыми, какъ нарицательное для обозначенія пещеры [1]). На античныхъ рельефахъ она очень часто изображается сидящей въ гротѣ [2]). Пещера была храмомъ и для Діониса. Въ горахъ Пангея въ пещерѣ жилъ Ресъ, служившій ему пророкомъ. Другимъ мѣстомъ поклоненія Кибелѣ и Діонису были горные лѣса и рощи. Въ странѣ сатровъ, въ глубинѣ Родоповъ, на одной изъ высочайшихъ горныхъ вершинъ находился „оракулъ“ Діониса[3]). На вершинахъ горъ приносились также жертвы солнцу и небу [4]). Въ римскую пору у нѣкоторыхъ божествъ, какъ напр. у Бендиды, упоминаются храмы.

---

[1]) Roscher. Lex. der Mythol. 1639, 1656.

[2]) ibid. 1642.

[3]) ibid. I, 68.

[4]) Thom. l. c. II,

Здѣсь въ этихъ пещерахъ, рощахъ и храмахъ стояли символы и изображенія божествъ. Къ числу древнѣйшихъ изображеній Кибелы принадлежитъ безформенная масса чернаго камня на Пессинѣ [1]); первичной формой воплощенія Діониса, какъ мы уже знаемъ уже, была сосна—живая стоящая на корню; въ этомъ видѣ ему покланялись менады [2]). Съ возникновеніемъ храмовъ дерево, предполагавшееся обиталищемъ божества, стали срубать и переносить въ святилище; здѣсь ему покланялись или въ натуральномъ видѣ или въ видѣ грубо выдѣланной статуи. Въ такой формѣ сосна играла существенную роль въ празднествахъ въ честь Кибелы-Аттиса и Діониса [3]). Судя по отрывочнымъ замѣчаніямъ древнихъ писателей, ѳракійцы раскрашивали свои статуи, воспроизводя бѣлокурый цвѣтъ волосъ, татуировку и богатую вышивку своихъ парадныхъ одеждъ [4]). Символомъ солнца у пеоновъ былъ деревянный дискъ, водруженный на древкѣ [5])

Время, избиравшееся для служенія главнѣйшимъ божествамъ—Кибелѣ и Діонису—и характеръ самаго служенія даютъ рѣзко выраженную физіономію фриго-ѳракійскому культу. Замираніе растительной жизни, возрастающая на счетъ дня продолжительность ночи, суровыя горныя зимы наполняли душу фригійца и ѳракійца тревогой. Тоска по солнцу, по зелени лѣсовъ достигала своего апогея къ моменту зимняго солнцестоянія, но съ этимъ-же моментомъ приходила и первая надежда: торжество ночи заканчивалось, день медленно начиналъ прибывать и въ его побѣдѣ уже чуялось грядущее торжество растительной жизни. Эту переходную пору, когда

[1]) Rosch. l. c. 1061.

[2]) ibid. Cp. Rapp. l. c.

[3]) ibid. См. ниже.

[4]) Thom. l c. Любопытное подтвержденіе этого извѣстія дала въ послѣднее время археологія. Въ Сербіи на правомъ берегу Дуная была найдена раскрашенная глиняная статуетка, изображающая женщину, одѣтую въ длинное платье съ расшитымъ треугольниками передникомъ.—Hörnes. Eine prähistorische Thonfigur aus Serbien. MWAG. XXI, 153—166.

[5]) Thom. l. c. II, 48.

тревога еще не успѣвала улечься, а надежда окрѣпнуть, когда, говоря словами поэта, послѣднія слезы о горѣ быломъ сливаются съ первыми грезами о счастьи иномъ, фригійцы и ѳракійцы избрали за исходный моментъ для служенія Діонису и Кибелѣ[1]). И характеръ душевнаго настроенія отчетливо сказывается на формахъ культа: дикая, бурная тоска и такая же дикая радость сливаются вмѣстѣ и въ діонисіяхъ и на праздненствахъ въ честь матери боговъ.

Наиболѣе цѣльное представленіе о ѳракійскихъ діонисіяхъ даютъ „Вакханки“ Эврипида. Мы наблюдаемъ фригоѳракійское торжество уже на греческой почвѣ, но совершается оно подъ руководствомъ жрицъ-фригіянокъ и характеръ въ главныхъ чертахъ можно предполагать выдержаннымъ. Менады[2]) объявляютъ, что наступило время праздника, и приглашаютъ вакханокъ къ торжеству: „обвивайте ваши головы плющемъ, надѣвайте пестро-пятнистыя небры, берите тирсы... въ горы, въ горы... Какое наслажденіе послѣ бѣшенаго бѣга по горамъ падать на землю, завернувшись въ священную небру, преслѣдовать горнаго козла, разрывать его на части и пожирать его трепещущее мясо.... Въ горы, въ горы! Воспѣвайте Діониса подъ одуряющіе звуки бубновъ, восклицайте во славу его „эвои“[3]). Женщины, подчиняясь этому призыву, бросали свои ткацкіе станки и прялки и отправлялись толпой въ горы, въ лѣса Діониса. Картину этого шествія, какъ оно совершалось въ Македоніи, во Ѳракіи и въ странѣ Эдоновъ, даетъ намъ Плутархъ: не довольствуясь вѣнками, факелами, тирсами, македонянки несли съ собой въ корзинкахъ огромныхъ прирученныхъ змѣй, которыя на пути выползали изъ своихъ помѣщеній, обвивались около талій, тирсовъ, около вѣнковъ, украшавшихъ головы вакханокъ, сплетались съ ихъ распущенными волосами и наводили ужасъ на встрѣчныхъ[4]).

---

[1]) Roscher. l. c. 2248—9. Cp. Maury. Hist. des religions de la Gréce antique. II, 200. Diod. Sic. IV, 3.

[2]) Синонимомъ «менады» являются Κλώδωνες, Μιμαλλόνες и др. Roscher. l. c. 1036.

[3]) ibid. 599. Maury. l. c. 206.

[4]) Rapp. Die Mänaden im Griechischen Kultus, in der Kunst und Poesie. Rein. Mus. XXVII. 13.

Конечной цѣлью процессіи былъ лѣсъ на горной вершинѣ; здѣсь они экстатически оплакивали умершаго Діониса, но за тѣмъ ихъ бурная печаль переходила въ не менѣе бурную радость. Подъ звуки флейтъ, кимвaловъ и бубновъ (тимпановъ) начиналась оргіастическая пляска: съ закинутыми головами, съ распростертыми руками, въ которыхъ горѣли тирсы, женщины и дѣвушки бѣшено кружились и скакали, пока утомленныя не падали на землю [1]). Тутъ онѣ засыпали. На слѣдующее утро буйное веселье возобновлялось. Картину его даетъ намъ опять Эврипидъ въ разсказѣ пастуха. На восходѣ солнца пастухъ замѣтилъ три группы спящихъ вакханокъ. „Едва одна изъ нихъ заслышала мычанье коровъ, какъ вскочила и принялась будить подругъ. Онѣ поднялись всѣ разомъ—молодыя и старыя, женщины и дѣвушки, распустили волосы и запѣли, потрясая тирсами, гимнъ Бромію. Тутъ одна изъ нихъ замѣтила пастуховъ, подпрыгнула и бросилась, увлекая за собою подругъ; онѣ нагнали стадо, разорвали на части коровъ и бросали кровоточащее мясо къ верху. Черезъ мгновеніе онѣ неслись уже къ подножію Киѳерона въ долину, все опрокидывая на своемъ пути [2])“. Мы ограничимся для культа Діониса картиной этихъ ѳиванскихъ вакханалій, которыхъ не нашли себѣ, благодаря своему дикому оргіазму, мѣста въ Аѳинахъ: въ нихъ цѣльнѣе, несомнѣнно, выразился ѳракійскій характеръ; аѳинскія діонисіи, пріуроченныя къ земледѣльческимъ работамъ [3]), связаны съ культомъ мѣстныхъ божествъ Деметры, Гермеса, Аріадны, Аѳины и не могутъ служить матеріаломъ для реставраціи ѳракійскаго культа. Однородныя черты мы встрѣчаемъ въ культѣ Кибелы. Праздникъ Кибелы пріурочивался, какъ и праздникъ Діониса, къ времени, когда день начинаетъ торжествовать надъ ночью, но не къ первымъ моментамъ этого торжества, а къ тому времени, когда онъ, сравнявшись по своей продолжительности съ ночью, начинаетъ брать перевѣсъ. Въ Римѣ, куда культъ матери боговъ былъ перенесенъ въ 204 г. до Р. Х., этимъ днемъ было 25

[1]) Maury. l. c. 201.

[2]) Rapp. l. c. 16—17.

[3]) Maury. l. c. II, 187—200.

марта. Накануне празднество имѣло печальный характеръ, съ 25 марта начинались такъ называемыя Hilaria — оргіи въ честь матери боговъ, сынъ и любимецъ который считался въ этотъ день воскресшимъ. Къ этому празднику въ день весенняго равноденствія [1]) срубалась сосна и въ торжественной процессіи дендрофоровъ вносилась въ храмъ-пещеру Кибелы. Сосна оставалась здѣсь или въ естественномъ видѣ, обвитая шерстяными повязками, увѣнчанная вѣнками изъ фіалокъ [2]), обвѣшанная кимвалами, тимпанами и другими принадлежностями культа Діониса, иногда птичками, или изъ ствола ея приготовлялось изображеніе Аттиса. Около дерева или статуи начиналась первая часть празднества: вмѣсто вакханокъ-менадъ Діониса вооруженные кинжалами и щитами жрецы Кибелы коривбанты начинають траурныя пѣсни: съ голосами жрецовъ сливаются плачущіе звуки фригійскихъ флейтъ, лязгъ оружія; экстатическая печаль растетъ, жрецы мечутся съ запрокинутыми головами, съ распущенными волосами, потрясаютъ угрожающимъ образомъ оружіемъ и наносятъ себѣ раны кинжалами [3]) На другой день (25 марта) печальная церемонія смѣнялась бурнымъ весельемъ, которое длилось до 27 марта, когда изображеніе богини въ торжественной процессіи, съ пѣніемъ фривольныхъ пѣсенъ и необузданной веселостью несли къ рѣкѣ для омовенія (lavatio) [4]). Этотъ актъ разсматривался, какъ средство привлечь дождь. Тотъ-же оргіастическій характеръ имѣло и празднество въ честь Бендиды, справлявшееся около 1 іюня. Совершалось оно также ночью, при свѣтѣ факеловъ; существенной чертой отличающей его отъ діонисій, является то, что участники процессіи ѣхали на коняхъ [5]).

Въ картинѣ фриго-ѳракійскаго культа, которая вырисовалась предъ нами, недостаетъ пока одного элемента—указа-

[1]) Roscher. l. c. 721.

[2]) Primigenii flores. ib

[3]) ibid. 1658. Dies sanguinis въ императорскомъ Римѣ (24 Д.). ibid. 1669.

[4]) ibid. 1670.

[5]) ibid. 780.

ній на жертвы, которыя приносились богамъ Между тѣмъ оргіазмъ не исключалъ жертвъ. Предметами жертвоприношеній были преимуществами живыя существа—начиная съ человѣка. Человѣческія жертвоприношенія у ѳракійцевъ, какъ и всюду, стоятъ въ связи съ преданіями каннибализма. Каннибальскія наклонности орфики приписываютъ и ѳракійскимъ бассарамъ—служительницамъ Діониса. Культъ Діониса сопровождался человѣческими жертвоприношеніями до появленія Римлянъ даже въ Греціи [1]. Человѣческія жертвы Залмоксу приносили черезъ три года геты [2]. У Мизовъ онѣ являются, какъ послѣднее умилостивительное средство [3].

Глубокой стариной, переживаніемъ эпохи, когда собака была единственнымъ домашнимъ животнымъ человѣка, вѣетъ отъ извѣстій о приношеніи въ жертву Бендидѣ собаки [4]. Лодочники приносили ее при отправленіи въ путь и по возвращеніи богинѣ, жилищемъ которой была пещера на берегу рѣки.

Позднѣйшимъ моментамъ въ развитіи скотоводства соотвѣтствуютъ въ качествѣ жертвы конь у мизовъ, быкъ у мессапіевъ, овца у Дардановъ.

Бытовая картина, которую по немногимъ уцѣлѣвшимъ у классическихъ писателей обломкамъ приходится возстановлять историкамъ, существенно дополняется тѣми результатами, которые добыты новѣйшими археологическими работами на полуостровѣ. Къ самымъ цѣннымъ результатамъ пока пришли въ Босніи и Герцеговинѣ и это только къ выгодѣ для насъ. Открытія, сдѣланныя въ центрѣ иллирійскаго трехугольника, связываютъ отдѣльные факты, констатированные по его окраинамъ: въ Хорватіи и Далматіи, въ Албаніи и Черной Горѣ, въ Сербіи и Славоніи. Археологическій матеріалъ позволяетъ намъ заглянуть въ такую-же даль прошедшаго,

---

[1] Thom. l. c. I. 77; II, 63. Rosch l. c. 1038.

[2] Thom.

[3] Thom. l. c I. 50.

[4] Thom. l. c. II, 47.

какъ и гомерическій эпосъ, даже дальше. Поэмы Гомера рисуютъ, несомнѣнно, эпоху ранняго желѣзнаго вѣка: бронза еще въ большомъ употребленіи, но рядомъ съ ней даже въ Иліадѣ уже фигурируетъ „блестящее желѣзо". Въ Европѣ этой эпохѣ соотвѣтствуетъ такъ называемый гальштадтскій періодъ среднеевропейской культуры; въ Босніи онъ великолѣпно представленъ курганами Гласинца. Но почва иллирійскаго трехугольника даетъ намъ памятники болѣе ранней поры — бронзоваго и даже каменнаго вѣка [1]). Мы отодвигаемся такимъ образомъ далеко за пограничную черту гомерическаго періода. Первый въ высокой степени важный фактъ, который позво-

---

[1]) Древностямъ каменнаго и бронзоваго вѣка, открытымъ въ послѣднее время въ Босніи, Герцеговинѣ и соприкасающихся съ ними странахъ, посвящены статьи:

Fiala. Steinartefacte von Vojkovići nächst Sarajevo (WM. aus B. и H. I, 326—328).

— Prähistorische Ansiedelung auf dem Debelo Brdo bei Sarajevo (ibid. II, 55).

Radimsky. Die prähistorische Pfahlbau von Ripač bei Bihač (ib. V, 29—124).

— Archäologische Tagebuchblatter (ib. IV, 185).

M. Hornes. Die neolitische Station von Butmir (SBWAG. XXIV, 68, XXVII, 41).

Reinecke. Ueber einige prähistorische Wohnstätten in Slavonien (SBWAG. XXVII, 78).

Kaer. Prvo bronč. nalazište и Dalm. ГЗМ. 1897, 245—71 Статья Каера интересна между прочимъ тѣмъ, что въ ней указываются такія формы орудій, которыя констатированы были только въ Далмаціи, Черногоріи и Албаніи.

S. Ljubič. Popis arkeologičkoga odjela Narod. Zemal. Muzeja и Zagrebu.

Brunsmid. Tragovi predhistorickih naseobina и Srjemu. Vjest. Hrvat. arkeolog. drustva. X, 65—71.

F. Kanitz. Die ersten prähist. Funde im Konigreiche Serbien. MWAG.

Rutar. Funde àus Pfahlbauperiode in Laibach. MCC. XVII. (SBWAG. 1886, 65. Bd. XVI.

ляетъ намъ констатировать археологія, заключается въ томъ, что уже въ гомеро-галльштадтскій періодъ своей исторіи балканскій полуостровъ былъ раздѣленъ линіей Вардаръ-Морава на двѣ „сферы вліянія": востокъ или точнѣе Ю. востокъ тяготѣлъ къ М. Азіи и Греціи, западъ или точнѣе С. западъ къ Средней Европѣ. Өракійцы, пеоны принимаютъ участіе въ греко-троянской войнѣ, братаются съ греками на почвѣ вѣрованій, культа и матеріальнаго быта; иллирійцы всѣми формами своей бытовой обстановки славаются съ средней Европой и С. Италіей. Гласинацъ является въ настоящее время боснійскимъ Галльштадтомъ и на пространствѣ отдѣляющемъ эти два очага культуры ранняго желѣзнаго вѣка въ послѣднія два десятилѣтія намѣченъ рядъ промежуточныхъ звѣньевъ— въ Крайнѣ, Каринтіи, Штиріи.

Крайна является узломъ, которые соединяетъ Среднюю Европу, Аппенинскій и Балканскій полуострова. Могильники Вача и S. Margarethen въ связи съ курганами St. Veit bei Vier, St. Marein, Lepence, Sta Lucia близь Görz'a въ Крайнѣ, Mariarast и Wies въ Каринтіи [1]) были первыми по времени, которые раздвинули раньше существовавшія представленія о районѣ галльштадтской культуры. Музей въ Люблянѣ

---

[1]) Общій обзоръ адріатическихъ древностей галльштадскаго періода см. у Hörnes'a. Urgeschichte des Menschen. •

Подробности:

Deschmann, C. und Hochstetter. Prähistorische Ansiedelungen und Begräbnisstätten in Krain. DWA, math.—uatw. Cl. Bd. XLII.

Deschmann, C. Prähistorische Nachgrabungen in Krain im j. 1882. MWAG. XIII, 177—180. Der Bronzehelm von Weisskirchen in Unter Krain. Ibid. 210.

Radimsky, W. Urgeschichtliche Forschungen in d. Umgegend von Wies in Mittel Steiermark. ib. 41—66; XVIII, 77—108; XX, 170—193.

• F. v. Hochstetter. Die neuesten Gräberfunde von Watsch und St. Margarethen in Krain und der Culturkreis der Hallstädter Periode. DWA, math.-naturwiss. Cl. Bd. XLVII—161—211.

Szombathy MWAG. Bd. XIII, 225—235.

Deschmann, C. Prähistorische Nachgrabungen in Krain im j. 1882. ib. XIV, 49—77.

(Laibach) своими мѣстными коллекціями показываетъ, какими культурными узами были соединены Италія, Альпы и Крайна[2]).

Kanitz, F. Der prähistorische Bleiwagen aus den Tumuli zu Rosegg in Kärnten. ibid. 141— .

Moser, C. Bericht über die Nekropole von Vermo in Istrien. SBWA. m. Cl. Bd. LXXXIX.

Hochstetter, F. Ueber die Hügelgräber von Frög bei Rosegg in Kärnten und die in denselben gefundene Bleifiguren. ibid. 47—60.

Deschmann, C. Die Hügelgraber Rovišče in Unterkrain. ib. 61—75.

Klodič Die Ausgrabungen auf Ossero. Mitth d. Kais. Kon. Cent Commission etc. Bd XI.

Weiser, M. Tumuli und prähistorische Funde auf der Insel Lesina. VWAG. 8—9, 71. 1884.

Moser, C. Notizen über Funde aus prahistorischer und romischer Zeit im Kustenlande und in Istrien. ibid. 9—11.

Wurmbrand, G. Ueber ein Gürtelbiech aus Watsch. ib. 40—43.

Spöttl, S. Bronzen aus Kroatien. ib. 95.

Marchesetti. La Nekropoli di Vermo presso Pisino nell'Istria, Trieste. 1884.

Buccich. Ricerche preistoriche sull'isola de Lesina, Spal. 1885.

Pervanoglu. Della penisola Balcanica nelle sue attinenze colla penisola Italica. Tr. 1886.

Marchesetti, C. La Nekropoli di S. Lucia presso Tolminn. Trieste. 1886.

Hornes, M. Ausgrabungen auf dem «Grad» von St. Michael bei Adelsberg in Krain SBWAG. 1887, 2.

Szombathy. Die Nekropole von S. Lucia im Küstenlande. SBWAG. 1887, 26—29.

Hornes, M. Graberfude an der Wallburg von St. Michael in Krain MWAG. XVIII. 217—265.

— Generalbericht über die Ausgrabungen auf der Gurina. SBWAG. 1888, 53—55.

— Zur Frage der altesten Beziehungen zwischen Mittel-und-Süd-Europa. ibid. 57—61.

Truhelka, C. Die Nekropolen von Glasinac in Bosnien. MWAG. XIX, 24—46.

Hornes, M. Grabhügelfunde von Glasinac in Bosnien. ibid. 134.

— Die neueste prähistorische Funde in Istrien. SBWAG. 191—194.

Amoroso. Le Nekropoli preistorische dei Pizzughi. Tr. 1889.

[2]) Уясненіе этихъ связей составляетъ цѣнную заслугу F. Hochsteter'a. Въ статьѣ «Neueste Gräberfunde etc.» онъ вопреки получившему широкое

Въ высокой степени интересными являются здѣсь прежде всего жанровыя сцены на такъ называемыхъ situla (бронзовыхъ котелкахъ или ведеркахъ), которыя найдены были въ Вачѣ; онѣ оказались тождественными съ таковыми же на ситулахъ Тироля, Болонской Чертозы, Падуи и Sesto Calende [1]). Ситулы эти относятъ къ X—VI в.в. до Р. Х. и считаютъ произведеніями средне-европейской металлургіи.

распространеніе взгляду Sacken'а утверждаютъ, что лучшіе предметы галльштадскаго могильника—фибулы, шлемы, ситулы—не продукты ввоза изъ Этруріи, а произведенія мѣстной, альпійской металлургіи, общаго достоянія аріевъ, населявшихъ Ср. Европу. Изъ Альповъ она распространялась на С Италію, въ бассейнъ Дуная, на Ю. и ЮЗ. Чехіи и Силезіи, въ Ю. З. Германію, Швейцарію, на Балканскій полуостровъ, въ Грецію, на Кавказъ и въ М. Азію. Культура эта не имѣетъ ничего общаго съ специфически-этрусской, развившейся подъ вліяніемъ востока, такъ же, какъ съ классической греко-латинской; она представляетъ болѣе раннюю, общую архаическую ступень, изъ которой классическая выдѣлилась позднѣе. Ея расцвѣтъ въ В. Альпахъ и С. Италіи слѣдуетъ отнести къ X—VI в. до Р. Х. Взгляды Hochstetter'а нашли себѣ широкое сочувствіе среди представителей археологіи, хотя противъ нихъ, какъ противъ крайней ереси, высказался *самъ* Вирховъ. Подъ вліяніемъ новѣйшихъ открытій на З. Балканскаго полуострова они однако подверглись существеннымъ измѣненіямъ. Новая формула этой теоріи дана Hörnes'омъ. Hörnes передвигаетъ исходный пунктъ галльштадтской культуры на Ю. В., на Балканскій полуостровъ, въ основное гнѣздо иллирійцевъ, которые, по его мнѣнію, являются ея творцами: отсюда она распространилась въ занятыхъ ими горныхъ странахъ на В. отъ Альповъ и въ С. Италіи (культура Венетовъ Villanova-Este). Сами-ли иллирійцы открыли тайну желѣзной руды или они заимствовали ее отъ какого нибудь другого народа, это остается вопросомъ. Dümmler предполагаетъ, что грековъ обработкѣ желѣза научили ѳракійцы, Hörnes склоняется въ пользу скиѳовъ (потійскіе халибы), желѣзныя издѣлія которыхъ славились въ Греціи (Urgesch. 531): скиѳы научили искусству обработывать желѣзо ѳракійцевъ и иллирійцевъ. Отсюда это искусство распространилось на Грецію, Италію и Ср. Европу.

[1]) Вопросъ о происхожденіи этихъ интересныхъ сосудовъ—и, слѣдовательно значеніи ихъ въ дѣлѣ реставраціи древняго быта ѳрако-иллирійцевъ—поднятъ былъ открывшимъ Вачскую ситулу Hochstetter'омъ. Въ статьѣ «Die neueste Gräberfunde etc.» онъ высказываетъ убѣжденіе, что найденная имъ ситула сдѣлана въ Крайнѣ, на мѣстѣ: подобныя ей вещи были найдены только въ ближайшемъ сосѣдствѣ въ Тиролѣ и С. Цизапеннинской Италіи

Археологическій матеріалъ, разбросанный на огромномъ пространствѣ отъ побережья Эгейскаго моря до Среднихъ Альпъ, позволяетъ дополнить нѣсколькими существенными чертами блѣдную картину, которую даютъ намъ классическіе писатели.

(ситула изъ могильника Matrei, однороднаго по инвентарю съ Вачскимъ, ситула изъ Moritzing'a, изъ Галльштадскаго могильника; поясная бляха изъ кургана на Magdalenenberg'ѣ; ситула изъ Чертовскаго могильника, Este близь Падуи, близь Болоньи). Подробности рельефовъ также указываютъ на сѣверное происхожденіе (формы шлемовъ болонской ситулы, совершенно отличныя отъ греческихъ и этрусскихъ, найдены въ могилахъ Вача и St. Margarethen; здѣсь-же найдены оружіе, остатки шапокъ и калпаковъ, тождественныхъ (?) съ головными уборами воиновъ болонской ситулы). Согласно съ Hochstetter'омъ высказываются по этому вопросу: P. Orsi («Cenni sulle necropoli carniche e sulla situla figurata di Watsch»), прибавляя отъ себя, что видитъ въ ситулѣ произведеніе народа, который лучшіе свои памятники оставилъ въ эвганейскихъ курганахъ; Szombatty (Mitth. WAG. XIII, 232), въ существенныхъ чертахъ графъ G. Wurmbrand (Verhand. WAG. 1884, 40. «Ueber einen Gürtelblech aus Watsch»). Naue (Die figurale Darstellungen auf Gürtelblechen und Situlen von Bronze aus der Halstadt-Periode Bonn. 1886), соглашаясь съ Hochstetter'омъ относительно мѣстнаго происхожденія ситулъ, считаетъ ихъ произведеніемъ иллирійцевъ. Bendorf соглашается съ Hochtetter'омъ лишь относительно того, что многія детали—формы шлема, *стульевъ, колесницы* (ср. Wurmbrand), сбруи—должны имѣть мѣстное происхожденіе. Рѣзко расходится съ Hochstetter'омъ Hörnes. Онъ думаетъ, что въ альпійскихъ странахъ ситулы—предметъ ввоза изъ Италіи, а въ этой послѣдней представляютъ собою осложненную мѣстными мотивами (шляпы, шлемы, топоры) подражаніе испорченнымъ этрусками финикійскимъ образцамъ (Urgesch 564).

Восточнаго вліянія въ торевтикѣ иллирійскихъ племенъ отрицать нельзя: львы, крылатые звѣри—очень вѣроятно пришли съ востока, но дальше нить обрывается: въ книгѣ Hornes'a приведены образчики финикійскаго искусства, которое, предполагается, могло дать оригиналы для этрусковъ и ихъ подражателей; общее между ними и торевтикой иллировъ заключается лишь въ томъ, что иллиры, подобно финикіянамъ, стремятся воспроизвести на металлическихъ пластинкахъ явленія окружающей ихъ жизни—военныя передвиженія, мирные пиры; за этой чертой все различно: сущность бытовыхъ сценъ, костюмы, головные уборы, оружіе, колесницы. Иллирійскій мастеръ не копировалъ финикійскіе образцы, а давалъ людей, одѣтыхъ въ мѣстныя одежды, вооруженныхъ мѣстнымъ оружіемъ: венетъ Болоньи и Вероны да-

Геродотъ засталъ у жителей эгейскаго побережья свайныя постройки. Переводя его время (V в. до Р. Х.) на языкъ археологіи, мы должны сказать: свайныя постройки имѣли мѣсто въ побережьи эгейскаго моря въ поздній гальштадтскій періодъ. Археологія подтверждаетъ этотъ фактъ не по отношенію къ долинѣ Струмы—здѣсь изслѣдованія еще не производились—но по отношенію къ сѣверу полуострова—Босніи и Герцеговинѣ—и не только подтверждаетъ, но устанавливаетъ, что созданный географическими условіями типъ поселеній пережилъ гальштадтскую эпоху, дожилъ до нашихъ дней [1]) во первыхъ и во вторыхъ возникъ за долго до времени Геродота, существовалъ въ ранній періодъ гальштадтской культуры (X—VII в. до Р. Х.), существовалъ въ бронзовый періодъ, въ періодъ неолитическій и въ этотъ послѣдній былъ распространенъ у всѣхъ иллирійскихъ племенъ до верховьевъ Савы и Дравы. Въ Босніи, въ долинѣ Уны и Унца въ текущее десятилѣтіе былъ открытъ рядъ свайныхъ поселеній, которыя существовали, какъ показываютъ находки, на огромномъ промежуткѣ времени отъ римской поры до неолитической эпохи [2]) и являются звѣномъ, соединяющимъ свайныя постройки Дакіи эпохи Траяна съ неолитическими свайными постройками Крайны (Laibacher Moor) [3]). Здѣсь въ послѣдовательномъ порядкѣ, начиная отъ самыхъ нижнихъ слоевъ, найдены были 1) каменныя и костяныя орудія, 2) орудія бронзовыя и мѣдныя, тождественныя по формамъ съ орудіями Венгріи, 3) желѣзныя орудія и бронзовыя украшенія эпохъ гальштадтской, La-Téne, римской. Выше этихъ слоевъ,

валъ однѣ формы, Истръ Вача другія. У воиновъ Вачской ситулы единственнымъ оружіемъ является копье и копье-же является почти единственнымъ оружіемъ воиновъ Гласинца; шлемъ подобный тому, который изображенъ между бойцами, мы находимъ на головѣ воина на до-римской надгробной плитѣ изъ Босны; тарелко-образную шапку и безрукавный плащъ на всадникѣ монеты Спарадока (СбМ. XIV, 563) верхнее платье, набрасывавшееся на голову, видѣли у ѳракійцевъ древніе; мѣстной чертой является татуировка, украшающая господъ въ отличіе отъ рабовъ.

[1]) WM. aus B. и G. Radimsky. «Die prahistorische Pfahlbau von Ripač bei Bihač» V, 29. СбМ. IV, 34—35.

[2]) ibid.

[3]) Hornes. Urgeschichte.

отдѣленные отъ нихъ толстымъ пластомъ угля, поднимались остатки позднѣйшихъ средневѣковыхъ славянскихъ свайныхъ сооруженій, и тутъ-же на рѣкѣ изслѣдователь видѣлъ ряды такихъ-же сооруженій современныхъ, которые являются краснорѣчивыми свидѣтелями связи, соединяющей современную славянскую культуру балканскаго полуострова съ культурой ѳрако-иллирійской.

Языкъ и свидѣтельство классическихъ писателей говорятъ намъ, что ѳракійцы и иллирійцы жили не на однихъ берегахъ рѣкъ, что у нихъ были укрѣпленные города и селенія [1]). Археологія знакомитъ насъ съ внѣшнимъ видомъ этихъ древнихъ укрѣпленій. На плоскогоріяхъ, прилегающихъ къ рѣкамъ, на вершинахъ отдѣльныхъ холмовъ уцѣлѣли до нашего времени городища—ихъ остатки; они идутъ массами отъ Босніи до Крайны, Каринтіи, Штиріи, спускаются въ Истрію, образуя здѣсь такъ называемые castellieri. Ихъ форма одинакова отъ Босніи до Истріи; чаще всего это—площадка, загороженная однимъ или нѣсколькими круглыми валами (Ringwalle) [2]). Тѣ изъ круглыхъ городищъ, которыя содержать въ себѣ какіе нибудь остатки былой жизни, принято считать укрѣпленными деревнями [3]). Круглыя городища Гласинца и сѣверно-иллирійскихъ странъ являются мостомъ, черезъ который мы переходимъ въ область вопросовъ о формахъ древнихъ жилищъ ѳрако-иллирійцевъ. На Гласинцѣ было замѣчено, что извѣстная часть кургановъ представляла по своему устройству воспроизведеніе городища [4]): жилище усопшаго, какъ это установлено повсюду, повторяетъ формы обиталища живыхъ. Такое же явленіе наблюдается въ устройствѣ кургановъ Штиріи. Каменный кругъ кургана является копіей такихъ-же круговъ, которые мы встрѣчаемъ на развалинахъ древнихъ домовъ [5]).

---

[1]) Mitth. WAG. XII, 56. Mullner. Cp. Strabo IV, 6. Thom l. c. 18.

[2]) Обстоятельное описаніе боснійскихъ городищъ см. въ отчетахъ о раскопкахъ на Гласинцѣ. WM. aus B. и H. I, 61—113. O castellieri Истріи см. Hornes. Castellier di Villanova MWAG.

[3]) ibid I, 61—113.

[4]) ibid.

[5]) i bid.

Съ круглымъ основаніемъ была и другая форма ѳракійскаго жилища, уцѣлѣвшая до настоящаго времени даже съ своимъ чуть-чуть измѣненнымъ именемъ колиба (*καλύβη*)—коническое сооруженіе изъ тонкихъ жердей и хвороста въ 1½—2 саж. вышиной съ огнищемъ въ срединѣ, тождественное съ чумами нашихъ сибирскихъ инородцевъ и овинами-шишами приволжскихъ [1]). Въ С. Болгаріи колибы служатъ только прибѣжищемъ пастуховъ, но въ Родопахъ по мѣстамъ онѣ являются единственнымъ жилищемъ помаковъ.

Слѣды доисторическаго обычая жить въ пещерахъ открыты въ огромномъ количествѣ въ Добруджѣ. Болгарскіе изслѣдователи братья Шкорпилы констатировали въ горахъ Добруджи цѣлые пещерные города, пещеры-могилы, пещеры-гроты [2]).

Существенныя дополненія къ извѣстіямъ древнихъ писателей археологія даетъ намъ въ области костюма и домашней обстановки.

Самый цѣнный, можетъ быть, матеріалъ въ этой области представляютъ такъ называемыя ситулы—бронзовые котелки или ведерка для помѣщенія пепла сожженнаго покойника—найденныя въ Крайнѣ (Вачъ). Стѣнки ихъ заняты рельефами, которые даютъ намъ понятіе о костюмахъ и бытовой обстановкѣ населенія Крайны и сосѣднихъ областей. Мужчины и женщины, судя по этимъ изображеніямъ, носили въ видѣ верхней одежды узкій плащъ, застегивавшійся у горла, расшитый по вороту и подолу. Мужчины при верховой ѣздѣ употребляли или рубашку съ короткими рукавами или короткій плащъ. Женщины низшаго класса, служанки, носили особую верхнюю одежду—плащъ, набрасывавшійся на голову въ видѣ капюшона и спускавшійся до подола рубашки. Головной уборъ женщинъ состоялъ изъ вышитаго по краямъ коническаго калпака—въ родѣ фригійскаго—который надѣвался острой частью взадъ; мужчины носили плоскую, тарелко-образную шапку. Украшеніемъ общимъ у свободныхъ мужчинъ и женщинъ была татуировка въ видѣ круговъ, которые располагались по щекамъ между нижней частью ушей и ртомъ;

---

[1]) СбМ. V, 47 ср. Herod. V, 16.

[2]) К. и Х. Шкорпилъ. Сѣверо-источна България въ географическо и археологическо отношение. СбМ. VIII, 3—59.

у служанокъ татуировки мы не видимъ. Ситула St Marein даетъ намъ понятіе о боевомъ снаряженіи: островерхій шлемъ съ круглыми бляхами по краямъ, круглый щитъ и копье. Изъ предметовъ бытовой обстановки ситулы даютъ изображеніе стульевъ, колесницъ (двуколесныхъ) и корзинокъ.

Послѣ ситулъ самыя цѣнныя дополненія къ нашимъ свѣдѣніямъ о бытовой обстановкѣ иллирійцевъ даютъ могильники Гласинца[1]). Только по заключающимся въ нихъ предметамъ мы составляемъ понятіе о разнообразныхъ украшеніяхъ иллирійскихъ женщинъ—фибулахъ, серьгахъ, браслетахъ, кольцахъ, бусахъ, булавкахъ, подвѣскахъ. Эти-же предметы указываютъ и на торговыя сношенія соединявшія иллирійскій треугольникъ съ Италіей, Греціей и европейскимъ сѣверо-востокомъ. Въ могилахъ Гласница были найдены фибулы греческаго и итальянскихъ типовъ, греческіе шлемы.

Курганы и могильники ѳрако-иллирійцевъ дополняютъ кромѣ того характерными подробностями тѣ представленія и погребальныхъ обрядахъ ихъ, которые мы извлекаемъ изъ классическихъ писателей.

Вторымъ не менѣе важнымъ дополненіемъ къ извѣстіямъ древнихъ писателей о бытѣ ѳрако-иллирійскихъ племенъ являются незаимствованныя культурныя слова современнаго албанскаго языка[2]). Они знакомятъ насъ съ такими подробностями быта и вѣрованій, которыя опущены писателями и не

---

[1]) Изслѣдованіе кургановъ Гласинца или Рогатицкаго плоскогорія составляетъ крупную научную заслугу дѣятелей Сараевскаго областного музея. Въ изданіяхъ музея «WM. aus B. и H.» и «ГЗМ» помѣщенъ рядъ относящихся сюда статей-отчетовъ. *Truchelka* «Die Hügelgräber und Ringwälle an der Hochebene Glasinac» (WM. I, 62—113); *Stratimirovic* «Ausgrabung auf der Hochebene Glasnic im J. 1891 (ib. 113—126); *Fiala* «Die Ergebnisse der Untersuchung Gräbehügel auf dem Glasinac im Jahre 1892 (ib. 126—169), 1893 (ib. III, 4—39), 1894 (IV, 3—33), 1896 (V, 3—29); *Фіала* «Uspiesi prekopavanija prehistoričkih gromila u jugoitočnoj Bosni» (ГЗМ. 1897, кн. IV). Отчетъ о раскопкахъ 1896. ГЗМ кн. 3—4. Къ поздней эпохѣ Галльштадтъ—Вилланова относится могильникъ у Санскаго моста. *Фіала* «Necropola ravnih grobova kod sanskog mosta» (ibid. 1897, кн. 2, стр. 281—308).

[2]) Мы извлекаемъ ихъ изъ E. G. Meyer Etymolog. Lex. der albanesischen S. 1891. Cp. Dieffenbach. Völkerkunde Osteuropas. 1880. Bd. I, 44—58.

могутъ быть возстановлены археологическими изслѣдованіями. Жилище древняго албанца (nδɛnura=сл. село) изготовлялось между прочимъ изъ камня и дерева. Искусство обдѣлывать камень для построекъ (гл. кер) составляло достояніе спеціалистовъ каменьщиковъ (gogɛ); изъ деревянныхъ частей постройки были извѣстны столбы (paɫɛ), поперечныя балки (handár, šul'); при жилищѣ человѣка—домѣ (štepí, vise?) имѣли мѣста подземныя кладовыя (burk-gu), помѣщенія для скота—мандры (garatsɛ, g'ɛϑxɛ) для козъ (štrunga) для овецъ (vaulɛ). Для охотниковъ и, вѣроятно, пастуховъ служили легкія палатки (ušé, spɛrvjer). Совокупность помѣщеній для человѣка и домашнихъ животныхъ огораживалась плетнемъ (гл. ϑur—плету), деревяннымъ заборомъ (garϑ-δi), иногда рвомъ (bira, galetɛ) и валомъ (l'ɛϑ-di) и составляла дворъ (val', vaj; vɛϑ). Языкъ даетъ кое-какія представленія о внутренности жилища: внутри дома помѣщался очагъ (vatrɛ), надъ которымъ висѣла прикрѣпленная къ поперечной балкѣ цѣпь для котла (kamastrɛ) или крюкъ (vjege).

Для исторіи отношеній населяющихъ дворъ людей характерно то, что въ албанскомъ языкѣ нѣтъ слова для обозначенія домовладыки: имѣется только терминъ для матери (хозяйки) дома (am vise, ama ɛ štɛpisɛ). Лица, населяющія домъ и связанныя общностью происхожденія, образуютъ родъ (bark'e, farɛ, g'int-di, tšetɛ); иныхъ отношеній между людьми, кромѣ родственныхъ, албанецъ, видимо, не признавалъ: родство, родня обозначается словомъ nerzi, производнымъ отъ n'er—человѣкъ, даже заимствованное fkin (сосѣдъ) обозначаетъ въ то же время и родственника; чужой для этихъ людей былъ врагомъ (huai—чужой, врагъ). Спеціальныя отношенія членовъ рода опредѣляются прежде всего съ точки зрѣнія возраста. Албанскій языкъ обладаетъ рядомъ выраженій для мужчины и женщины на различныхъ ступеняхъ возраста: kal'am'a дитя до 9 л., tšun—мальчикъ до 14 л., kopil'—молодой человѣкъ, trim—молодой человѣкъ, достигшій боевого возраста; tsutsɛ—дѣвочка до 12 л., keδɛ дѣвушка, еще не сдѣлавшаяся невѣстой, tšupe молодая дѣвушка вообще; l'al'ɛa—дѣдъ, отецъ, дядя, старшій братъ. Отношенія происхожденія опредѣляются терминами отецъ (at), дѣдъ (g'ūš), сынъ (bir), братъ (veta), племянникъ, внукъ (mleše), мать (nanɛ), бабка съ материной стороны (juše), дочь (bile, bije), сестра (motre),

тетка (babe, ϑjajɛ). Отношенія между представителями различныхъ половъ выражаются терминами мужъ (bur), жена (grua, zone—госпожа). Актъ устанавливающій ихъ—бракъ—имѣетъ нѣсколько обозначеній (dzurdék, darsmé, δɛv-δɛri, nusɛni); возникаетъ онъ на почвѣ соглашенія между родителями (bl'on'), которое устанавливается при посредствѣ особыхъ лицъ—пословъ (l'aim, škus, mbl'eɛs); сноха (nuse) пріобрѣтается за вѣно (merg'ure) родителями жениха (δɛvdɛr=зять); въ актѣ пріобрѣтенія видную роль играетъ деверь—замѣститель жениха (vełam). Рядомъ съ терминами опредѣленныхъ устойчивыхъ отношеній языкъ сохраняетъ намеки на эпоху, когда обладаніе женщиной еще не спеціализировалось (mardel'e=дѣвушка, любовница; vašɛ—дѣвушка, молодая женщина). Юридическое положеніе дѣтей, недостигшихъ еще совершеннолѣтія, характеризуется тѣмъ, что одно и то же слово (kopil') означаетъ мальчика и раба. Разрастаніе рода вызываетъ разселеніе его и возникновеніе общины, въ которой дѣла рѣшаются совѣтомъ стариковъ (pl'ak—plek'ɛsé) на основаніи обычая (uδɛ). Имущество (g'ɛri) рода состоитъ главнымъ образомъ изъ скота—овецъ (del'e), свиней (der, ϑi), козъ (δi, ket), коровъ (ka-быкъ, kaese, l'ope); стада (dorbɛrí) пасутся особыми пастухами (bari, kaúr) при содѣйствіи собакъ (buštre); сыръ (diaϑɛ, uδós, hirɛ), масло (l'ulmet) и кислое молоко (δałe) являются главными продуктами скотоводства. Обмѣнъ продуктами вызвалъ необходимость мѣръ. Мѣстными мѣрами (для сыпучихъ тѣлъ) являются δorɛ—горсть, karoke—сосудъ опредѣленной вмѣстимости; для измѣренія мелкихъ площадей служила ладонь (šuplane): линейной мѣрой, примѣнявшейся въ поляхъ—mat.

Вѣрованія современныхъ албанцевъ концентрируются около культа усопшихъ и явленій природы. Смерть (dekɛ) и приводящія къ ней болѣзни являются результатомъ дѣйствій особыхъ духовъ: таковы чума (kukuϑ-δi), горячка (tl'amɛ). Борьба съ ними или леченіе возможно только посредствомъ заклинаній (üšt).

Умершій не порываетъ связей съ землей; онъ является изъ могилы (vor, gamule) живымъ, какъ тѣнь, какъ привидѣніе (büstria, drek, l'ugat, stihi, vove, he). Изъ ряда словъ, служащихъ для обозначенія привидѣній, особый интересъ по-

своей связи съ религіозными вѣрованіями албанцевъ имѣетъ слово he; означаетъ оно тѣнь, привидѣніе; но въ этимологическую связь съ нимъ G. Meyer ставитъ слова hi—святой, hije—(гег. hûj) богъ, hieri—(гег. hûjni) божество. Въ этой скалѣ понятій, связанныхъ съ словомъ he—если только этимологическая связь соотвѣтствующихъ имъ словъ несомнѣнна—мы имѣемъ предъ своими глазами весь путь, который проходитъ въ своемъ развитіи культъ умершихъ. Однимъ изъ ближайшихъ къ человѣку представителей міра усопшихъ явленія домовой старикъ, воплощеніе счастья дома (vitore). Въ ряду явленій природы, которыя служили и служатъ предметами религіознаго поклоненія, на первомъ планѣ стоятъ небо и солнце. Представленіе о божественной природѣ того и другого сказывается въ томъ, что слово perεndi—богъ—значитъ также небо и солнце (для послѣдняго имѣется еще названіе—djelj). Лучи солнца-божества, видимо, представлялись древнему албанцу, какъ бросаемыя имъ копья (štije=копье, солнечный лучъ) [1]). Послѣ солнца и его свѣта особенное вниманіе албанца, суда по обилію словъ, привлекала молнія (rufε—вспышка молніи, škεptinε, vetim—молнія, scaperu, ascapira, vetεtit—молнія блещетъ). За небомъ и солнцемъ въ качествѣ божественныхъ существъ слѣдуютъ l'ubi—богиня воздуха, l'ugat—виновница ураганов, mauϑi—одѣтая въ золото ѳея неопредѣленнаго характера, orε—виновницы непогоды, sana—горные духи, škerε—демонъ неопредѣленнаго характера, драконы (drangua) и ламіи, вѣдьмы (sûkenεrε, sprohe). Не является-ли превращеніемъ древне-ѳракійскаго божества Δεϱζηλάτης современно-албанское dordol'ets [2])—названіе, даваемое мальчику, котораго украсивши цвѣтами поливаютъ въ троицу водой, чтобы вызвать дождь?—Характеръ древне-албанскихъ отношеній къ богамъ и умершимъ сказывается въ тождествѣ словъ праздновать и молить, просить, въ ритуальномъ самоистязаніи (pritem) при погребеніи.

---

[1]) Ср. аналогичныя представленія у древнихъ грековъ.

[2]) E. Meyer. Etym. Lex. d. Alb. S. 71.

Ѳрако-иллирійская культура, съ обломками которой мы познакомились, очень рано—раньше, чѣмъ появляются первыя историческія извѣстія о ней—успѣла уже подвергнуться вліянію греческой. Сосѣдство съ сѣверно-греческими племенами Ѳессаліи и Беотіи создавало съ незапамятныхъ временъ обмѣнъ культурными элементами: отъ ѳракійцевъ шли на югъ оргіастическіе культы Діониса, Земелы, Кибелы, Бендиды; ѳессалійцы передавали на С. свой культъ героевъ и хтоническихъ (земныхъ) божествъ. Слѣды этого стараго вліянія сказываются во Ѳракіи еще въ римскую эпоху. Надписи и произведенія обѣтной скульптуры показываютъ, что послѣ мѣстнаго Діониса въ Ѳракіи наибольшимъ почтеніемъ пользовался ѳессалійскій Асклепій [1]) и мѣстные герои, которые, какъ и въ Ѳессаліи, стояли въ глазахъ поклонниковъ на одинаковой высотѣ съ богами [2]). Съ началомъ греческой колонизаціи на почву Иллиріи и Ѳракіи проникаетъ и южно-греческая культура: по берегамъ Адріатическаго, Эгейскаго и Чернаго морей—въ Далмаціи [3]), Южной Македоніи, Ѳракіи и Черноморьи—являются греческія колоніи, основанныя переселенцами съ Андроса [4]), Колофона [5]), Ѳазоса [6]), аѳинянами и халкидянами, корцирянами и сицилійцами, возникаютъ греческіе храмы, украшенные произведеніями греческаго искусства, культъ Аполлона-драконобойца, уже раньше, въ доисторическую пору, оспаривавшій почву у культа Діониса, становится теперь рядомъ съ нимъ. Возникновеніе македонской и одризской монархіи открываетъ еще болѣе широкій путь эллинизму. Македонскіе цари, начиная съ Александра I (498—454), подчиняются обаянію греческой культуры, принимаютъ у себя крупнѣйшихъ греческихъ поэтовъ (Пиндаръ, Эврипидъ), эмигрантовъ, художниковъ (Зевк-

---

1) Добруски. I, c. passim.

2) Добруски. Материали по археологията на Блъгария. СбМ. XI, 69.

3) A. Bauer. Die Anfänge d. Oester. Gesch. AEM. aus O. U. XVIII, 129—135.

4) Thom. l. c. I, 59.

5) ibid. 38.

6) ibid.

сисъ), врачей (Гиппократъ), устраиваютъ дороги и облегчаютъ такимъ образомъ доступъ греческой торговлѣ. Уже въ эпоху Өукидида покоренные македонянами бизальты были „двуязычнымъ“ народомъ и, видимо, свободно владѣли греческимъ языкомъ [1]). Къ одризамъ эллепизмъ проникаетъ позднѣе. Одризскіе цари чеканили, правда уже въ началѣ V в. монету съ греческими легендами, но готовилась она для нихъ, видимо, не на мѣстѣ, а въ Олинөіи [2]). Греческій языкъ не извѣстенъ былъ въ концѣ V в. даже при одризскомъ дворѣ: Ксенофонтъ говорилъ съ Севтесомъ II чрезъ переводчика [3]). Съ тѣми медленными, но прочными успѣхами, которые дѣлалъ эллепизмъ во Өракіи, мы знакомимся всего отчетливѣе въ эпоху политической зависимости Өракіи отъ Рима: еще въ III в. греческій языкъ господствуетъ въ надписяхъ на Ю. отъ Балкановъ; вмѣстѣ съ языкомъ сохраняется въ неприкосновенности и интересная греко-өракійская мѣшанина въ области религіи. Въ Сардикѣ (Софіи), Пауталіи (Кюстендиль) воздвигались храмы и алтари, приносились жертвы Зевсу, Асклепію, Аполлону, Герѣ, героямъ и рядомъ Діонису, Сабазію, Сурогету, Маназію и другимъ мѣстнымъ богамъ [4]).

Въ то время, какъ съ Ю.—и преимущественно на өракійскую группу — шло вліяніе грековъ, на С. З. иллирійскія племена съ IV в. до Р. Х. подвергаются вліянію кельтовъ, которые чрезъ долину Дравы проникли въ область иллировъ. Памятникомъ культурнаго господства кельтовъ надъ иллирами являются могильники и городища эпохи La-Tène, смѣнившей оригинальную иллирійскую культуру Гальштадтъ—Villanova. Культура La-Tène охватываетъ всю материковую часть иллирійскаго треугольника, Хорватію, Крайну вплоть до В. Альповъ. Въ Босніи она представлена Езеринскимъ могиль-

[1]) Thom. l. c. I, 59. Thuc. IV, 109. Diod. XII, 68.

[2]) *Добруски.* Исторически погледъ врху нумизматика на Тракийскитѣ царье. СбМ. XIV, 561—562.

[3]) ibid.

[4]) Добруски. Материали. l. c. Ср. *Tomaschek.* Zur Kunde d. Haemushalbinsel SBWA. XCIX, 437. *Jireček.* Archäol. Fragm. aus Bulgarien. l. c. 61.

никомъ [1]), въ Хорватіи Прозорскимъ близь Оточка [2])—и Grobnik'омъ близь Рѣки, въ Герцеговинѣ могильниками при мѣстечкахъ Zagradina, Ljubuški, Gorica [3]). Установить кругъ и размѣры кельтскаго вліянія въ настоящее время невозможно даже приблизительно. Скудныя извѣстія древнихъ писателей позволяютъ однако предположить, что кельты не столько измѣняли жизненный строй покоренныхъ иллировъ, сколько истребляли ихъ и сами садились на ихъ жилища [4]).

Съ второй половины III в. до Р. Х. начинается вторженіе на ѳрако иллирійскую почву р о м а н с к и х ъ элементовъ: иллиры, далматы, либурны, венеты, истры, яподы, панноны, дарданы, трибаллы, македны, за ними мизы, геты и даки одни за другими подчиняются власти и культурному обаянію Рима.

Греки сами уступили новой культурной силѣ поле дѣйствія. Около половины III в. у слабыхъ, заброшенныхъ греческихъ колоній Далмаціи явился опасный врагъ на С. Иллиры (Ardiaei) организуются, усвоиваютъ также поверхностно, какъ одризы, греческую культуру (монета) [5]) пробиваются къ морю и становятся грозой всего побережья Адріатическаго и Іоническаго морей: они расхищаютъ накопленныя вѣками богатства, уводятъ толпами плѣнниковъ, уничтожаютъ муниципальныя учрежденія колоній [6]). Изъ Иссы, Аполлоніи, Диррахія, Корциры несутся въ Римъ мольбы о защитѣ. Защита пришла, но греки не много отъ нея выиграли: вмѣсто иллировъ надъ ними стали владычествовать римляне. Греческія колоніи Далмаціи первыя становятся достояніемъ Рима на

[1]) Обстоятельный отчетъ о раскопкахъ этого могильника помѣщенъ Радимскимъ въ WM. aus B. и H. «Die Necropole von Iezerine in Protoka bei Bihac». Bd. III, 39—229. Ср. его же.: «Die Alterthümer der Hochebene Rakitno in der Herzebowina». ib. I, 169—180, «Die Gradina von Maydan, ein neuen Fundort von La-Téne Bronzen in Bosnien» ibid. I, 180—184.

[2]) Изслѣдуется ежегодно хорватскимъ археологическимъ обществомъ и великолѣпно представленъ въ Загребскомъ арх. музеѣ. Ср. Ljubic. Popis Hrv. N-Muzeja.

[3]) Ср. Radimsky. l. c.

[4]) Дриновъ. Засел. 20.

[5]) Smiĉiklas l. c.

[6]) ibid 24.

Балканскомъ полуостровѣ; за ними наступаетъ очередь Иллиріи (167); въ 157 греки-же изъ Epetium'а и Трогира призываютъ римлянъ противъ далматовъ. Въ теченіе послѣднихъ полутора столѣтій до Р. Х. Римляне водворяются въ Истріи и Далмаціи (33 до Р. Х.), проникаютъ въ землю либурновъ, яподовъ и паннонов҄ъ. Торжество римской цивилизаціи знаменовалось страшными опустошеніями въ рядахъ варваровъ: Павелъ Эмилій, по завоеваніи Македоніи, въ одинъ день разрушилъ въ Эпирѣ 70 городовъ и увелъ въ неволю 150,000 жителей. Паннонцы, способные носить оружіе, были перебиты или уведены въ рабство; остальные выселены на С. за Саву. Племя пиратовъ либурновъ было почти поголовно истреблено; пираты ардіэи, оттиснутые отъ моря въ безплодныя горы, вымерли медленно сами [1]). Такая же участь, говоритъ Страбонъ, постигла и другіе народы Далмаціи [2]); „тѣ изъ нихъ, которые были въ прежнее время очень могущественны, нынѣ совершенно унижены и изчезли (ауторіаты, дарданы, трибаллы). Въ прежнія времена весь Эпиръ и Иллирія, хотя каменистые и изрѣзанные горами, были очень населены; нынѣ-же большая часть этихъ земель—пустыня, да и въ обитаемыхъ частяхъ ихъ попадаются только деревушки да развалины" [3]). Амміанъ Марцеллинъ дополняетъ эту картину характерными подробностями; Дарданы истреблялись съ разборомъ: въ то время какъ заурядныхъ людей прямо убивали, знатнымъ отрубали только руки [4]). Яподы жгли своихъ женъ и дѣтей и гибли въ ожесточенныхъ битвахъ съ цивилизаторами [5]), трагическую судьбу одризовъ и діевъ, описываетъ Тацитъ: „слабые лѣтами и поломъ — всѣ кому жизнь была дороже славы отдались непріятелю. Но молодые и гордые раздѣлившись на двѣ партіи съ Тарсой и Турезисомъ во гла-

[1]) Дриновъ. Засел. 23.

[2]) ibid.

[3]) ibid.

[4]) XXIX, 5, 22; Cp. Thom. Die älter Thräker. I, 24.

[5]) Smičiklás. I. c. 35.

вѣ, хотѣли умереть за свободу. Тарса предпочиталъ скорый конецъ и подалъ примѣръ, пронзивъ себѣ грудь, за нимъ и другіе. Турезисъ-же съ своимъ отрядомъ сталъ дожидаться ночи“... [1]).

Римляне надвигались на полуостровъ, торжествуя надъ природой: вѣковые лѣса, служившіе убѣжищемъ для варваровъ, выжигались или падали подъ ударами римскихъ топоровъ [2]). Путь пройденный съ страшными усиліями одними легіонами, дѣлался доступнымъ для другихъ: легіоны двигались, оставляя позади себя шоссированныя дороги и несокрушимые мосты. Сѣть такихъ дорогъ, направлявшихся главнымъ образомъ отъ дунайскихъ городовъ, покрыла исподволь полуостровъ. Исходнымъ пунктомъ путей, которые направлялись на В., была Аквилея. Отсюда шла магистраль до Срема (Sirmium) въ Панноніи. Въ Люблянѣ (Aemona) она раздѣлялась на двѣ вѣтви: Посавскую и Подравскую. Отъ посавской дороги въ Сискѣ отдѣлялась вѣтвь въ Далмацію. Изъ Срема дорога продолжалась до Землина (Taurinum), гдѣ отдѣлялись вѣтви въ Салону и Константинополь черезъ Sardica; послѣдняя до сихъ поръ называется у Сербовъ „латински путъ“, у Болгаръ „трояновъ пътъ“ [3]). Позднѣйшія поколѣнія забыли цѣль этихъ грандіозныхъ путей и украсили ихъ происхожденіе легендами [4]). По линіямъ дорогъ возникли укрѣпленныя станціи, сторожевыя башни по бокамъ воротъ (арокъ) въ перегороженныхъ узкихъ клиссурахъ, колоніи, торговыя мѣстечки (emporia) и лагери. Во всѣхъ этихъ новыхъ жилыхъ пунктахъ размѣстились мирные переселенцы и легіоны. Постоянные лагери исподволь превращались въ города: вмѣсто валовъ выростали стѣны, вмѣсто палатокъ казармы, вмѣсто офицерскихъ шатровъ красивыя зданія [5]). Для удобства легіонеровъ выростали

---

[1]) Дриновъ. Засел. 22

[2]) О римскихъ дорогахъ на Балканскомъ полуостровѣ см. *Kanitz* Römische Studien in Serbien. Der Donau—Grenzwall, das Strassennetz etc. DSWA, ph.-hist. cl. Bd. XLII.

[3]) Archäologische Fragmente aus Bulgarien. AEM aus O. U. X. 85, 87.

[4]) Jireček. l. c. 88.

[5]) Smičiklas. l. c. 48.

бани—зачастую богато отдѣланныя [1]). Около лагерей селились разнообразные поставщики и торговцы, которые подобно ветеранамъ собирались въ корпораціи.

Для потребностей войска же около постоянныхъ лагерей возникали разнообразныя фабрики. Готовое платье изъ Далмаціи и Панноніи („далматика") распространялось по всей имперіи. Государственные откупщики, фабриканты, чиновники, въ рукахъ которыхъ скоплялись огромныя средства и, что всего важнѣе, рядъ императоровъ, вышедшихъ изъ Далмаціи и Панноніи—Децій, Клавдій, Авреліанъ, Пробъ, Діаклетіанъ, Максиміанъ, Констанцій Хлоръ [2])—предъявляли спросъ на услуги искусства: на постройкахъ частныхъ домовъ, общественныхъ сооруженій, императорскихъ виллъ и храмовъ работали художники—архитекторы, скульпторы, мозаисты [3]); достаточно назвать знаменитый дворецъ Діоклетіана близь Салоны—единственный въ своемъ родѣ памятникъ античнаго міра [4]). Нѣкоторыя изъ его составныхъ частей—мавзолей, храмъ Асклепія, храмъ Юпитера—уцѣлѣли до сихъ поръ въ видѣ баптистерія, церкви Св. Іоанна и соборной церкви Св. Домнія, перистилю которой, говорятъ, нѣтъ ничего подобнаго въ христіанскомъ мірѣ. Съ такой же роскошью были устроены сооруженія, возникшія близь минеральныхъ водъ—термы, колоссальные амфитеатры [5]) (Салона).

Римъ далъ полуострову единство и поднялъ его культуру. Но этотъ переворотъ совершался въ исключительныхъ интересахъ завоевателей. Остатокъ мѣстнаго населенія не могъ имъ воспользоваться и покидалъ сцену. Произведенія Балканскаго полуострова должны были прежде всего удовлетворять его н о в о е населеніе — этотъ принципъ легъ въ основаніе мѣръ, которыя опредѣляли торговыя сношенія полуострова съ варварскимъ сѣверомъ: желѣзо, золото, вино, масло, хлѣбъ. соль не до-

---

[1]) Smič. l. c. 49.
[2]) ibid. 59.
[3]) ibid. 55.
[4]) ibid. 56.
[5]) ibid. 58.

пускались къ вывозу за Дунай [1]). Экспортировались только предметы роскоши. Не сложная промышленная жизнь мѣстнаго населенія была скорѣе придавлена, чѣмъ получила толчекъ къ развитію. Одной изъ спеціальностей родопскаго племени бессовъ было горное дѣло—главнымъ образомъ добыча золота. Низкая техника не позволяла имъ долго разработывать одну и ту же жилу и въ поискахъ за новыми искатели-одиночки блуждали по Родопамъ, Дарданіи, Далмаціи, Мизіи. Ихъ услугами пользовались владѣльцы обширныхъ имѣній. Въ IV в. этой кочевой жизни пришелъ конецъ. Эдиктъ Валентиніана (360) запрещалъ кому бы то нибыло держать у себя бродячихъ „ѳракійцевъ" и обязывалъ гнать ихъ на истощенную родину [2]). Государство, пользуясь трудомъ преступниковъ, не предъявляло спроса на мѣстныя руки. Земледѣліе, промышленность, торговля страдали отъ непомѣрныхъ налоговъ и монополій. Въ результатѣ оказалось то, что масса туземцевъ вернулась къ бродячей пастушеской жизни и имя романизованнаго ѳракійца стало у поселившихся на полуостровѣ славянъ синонимомъ пастуха.

Романизація полуострова была прежде всего результатомъ военной системы. Около трети римской арміи стояло въ Иллиріи и все это были романизованные уже чужеземцы или римляне. Способные носить оружіе молодые люди изъ коренныхъ обитателей выводились за предѣлы страны — въ Каппадокію, Сирію, Германію, Испанію и должны были оставаться тамъ 20—25 лѣтъ; на полуостровѣ и по Дунаю водворялись на такой же срокъ взамѣнъ ихъ легіоны сирійцевъ [3]), женились на туземныхъ женщинахъ, обзаводились домами и хозяйствомъ внѣ лагерей [4]) и разселялись, выслуживши срокъ, по „конабамъ", распространяя за предѣлы лагеря латинскій языкъ. Необходимость знакомства съ нимъ стала усиливаться съ того времени, какъ рядомъ съ легіонерами на римской службѣ стали являться наемные варвары, которые

---

[1]) Smičiklas. l. c. 43.

[2]) Thomaschek. Die alten Thräker. I, 76.

[3]) Smičiklas. l. c. 47.

[4]) Smičiklas. l. c. 47.

получали землю съ обязательствомъ военной службы. На иномъ языкѣ, кромѣ латинскаго, туземцамъ невозможно было вести съ ними сношенія.

Ассимиляція нашла въ языкѣ, какъ и всегда, лишь свое конечное выраженіе. Сближенія, взаимныя заимствованія произошли во всѣхъ областяхъ жизни; замѣтнѣе всего они сказались въ области религіи. Римскій легіонеръ—римлянинъ въ политическомъ смыслѣ—приносилъ сюда рядомъ съ оффиціальнымъ культомъ Рима и императора [1]) и тѣ вѣрованія, которыя дали ему дѣтство и родина: боги Азіи и Египта—Митра [2]), Изида [3]), Серапись [4]), Magna Mater Анагита [5]) и цѣлый рядъ другихъ—вступали на почву занятую легіонами, вступали не безпощадными истребителями-завоевателями, а мирными колонистами, которые селились въ душѣ туземца рядомъ съ мѣстными богами: загадочнымъ богомъ-героемъ, Діонисомъ, Кибелой, Сабазіемъ, Асклепіемъ, Бендидой. Въ III в. на С. полуострова въ сферѣ болѣе сильнаго латинскаго вліянія надъ всѣми другими культами поднялся культъ Митры—Непобѣдимаго Солнца (Sol Invictus). Митраизмъ родился въ Иранѣ, быть можетъ не безъ вліянія семитовъ [6]); онъ владычествовалъ тамъ надъ сердцами раньше, чѣмъ догма маздеизма смѣнила старую религію маговъ. Ахемениды разнесли культъ Митры по всему покоренному ими міру—мы видимъ его въ Вавилоніи, Арменіи, Комагенѣ, Киликіи (Аполлонъ-Митрасъ-Геліосъ-Гермесъ) [7]). Въ эпоху эллинизма, который является отрицаніемъ иранизма въ политикѣ и культурѣ, онъ не могъ дѣлать завоеваній: греки, принявшіе въ свой пантеонъ боговъ Фригіи, Өракіи, Египта, игнорировали Митру. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Малая Азія съ главными очагами его культа (Комагена, Киликія) дѣлается римской провинціей

---

1) Добруски. Археологически иалирвания въ З. България. СбМ. II, 25. Ср. *Добруски* Материали по археологията на България. СбМ. XII, 335.

2) ibid.

3) *Tocilescu.* Inschr. aus Dobrudscha. AEM. aus O. U. VI, 23.

4) ibid. 23—24.

5) ibid. *Добруски* l. c.

6) Roscher. Lex. d. Myth. 3029 ff.

7) ibid. 3032—3033.

и плѣнные пираты переносятъ его въ своихъ сердцахъ съ сонмомъ окружающихъ его боговъ на римскую почву. Во II-мъ вѣкѣ его культъ удостовѣряется уже надписями [1]. Его главными распространителями являются солдаты (легіонеры изъ М. Азіи) и рабы. Въ Дакіи, Мизіи, Ѳракіи, Панноніи, Норикѣ, Далмаціи [2]) религія Митры завоевываетъ прежде всего низшіе классы, поднимаясь вверхъ соотвѣтственно карьерѣ своихъ носителей. Во II-мъ вѣкѣ въ ея таинства посвящается императоръ Коммодъ.

Въ началѣ III в. религія Митры завоевываетъ окончательно дворцы императоровъ. Авреліанъ организуетъ общій культъ иранскаго божества. Митраизмъ держится рядомъ съ христіанствомъ, переживаетъ его оффиціальную побѣду и бросаетъ ему послѣдній вызовъ въ лицѣ мечтателя - Юліана. Легенда о ребенкѣ, который съ кинжаломъ и горящимъ факеломъ въ рукахъ раждается изъ скалы (petra genetrix), извлекаетъ юношей своими стрѣлами воду изъ камней, убиваетъ съ болью въ душѣ, по волѣ солнца, перворожднаго быка—первое живое существо, созданное Агура-Маздой— чтобы, оплодотворивши пролитой кровью землю, дать жизнь всѣмъ формамъ органическаго міра, который долженъ принести вторично эту жертву, чтобы воскресить мертвыхъ при кончинѣ міра, легенда о подателѣ жизни и искупителѣ, посредникѣ между людьми и богами, вѣчно-юномъ борцѣ противъ подземныхъ силъ, — изображенная въ сотняхъ рельефовъ, привлекала сердца надеждами на лучшую будущую жизнь. Въ небольшихъ естественныхъ или искусствен-

---

[1]) Roscher. Myth. Lex. 3034—3035.

[2]) О распространеніи культа Митры въ этихъ провинціяхъ см. *Evans Studniczka.* Die Mythraeen und andere Denkmale aus Dacien. AEM aus O. U. VII—VIII, 34—36.

Kubitschek. Bericht über eine Reise in Ungarn, Slavonien u. Croatien. ib. III, 169—170.

Добруски. Материали по археологията на България. CoM. XI, 95—98.

K. Patsch. Archäologisch-epigraphische Untersuchungen zur Geschichte der römischen Provinz Dalmatien. WM aus BH IV, 26.

ныхъ пещерахъ (spelaea, antra, spelunca), при фантастическомъ свѣтѣ факеловъ или лампъ, въ погребахъ при частныхъ домахъ собирались около колонны съ рельефнымъ изображеніемъ Митры „братья“ (fratres, consacranei), принимая новаго прозелита, который вступалъ ихъ въ среду послѣ священнаго омовенія, помазанія, принятія освященныхъ хлѣба, воды и вина. Число митраистовъ расло быстро. Въ III в. ихъ было, навѣрное, не меньше, чѣмъ христіанъ. Союзниками христіанства явились варвары. Потеря Дакіи и другихъ пограничныхъ областей нанесла митраизму въ предѣлахъ изучаемаго нами пространства первый ударъ. Торжество христіанства послѣ кратковременной побѣды митраизма при Юліанѣ добило его окончательно; храмы Митры подверглись разрушенію; кое-гдѣ, кажется, у митраизма были и мученики. Бѣдный внѣшними выраженіями культъ не выдержалъ этого удара и не могъ оставить послѣ себя значительныхъ слѣдовъ. Кое-что, какъ мы увидимъ, уцѣлѣло только отъ оффиціальныхъ празднествъ въ честь рожденія „Непобѣдимаго Солнца“, пріуроченнаго къ 25 декабря. Ко времени окончательнаго торжества христіанства этотъ праздникъ въ честь Митры слился съ цѣлымъ рядомъ другихъ празднествъ, которые приходились на конецъ года.

Христіанство представляетъ собою позднѣйшее до-варварское наслоеніе въ культурѣ полуострова и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣйшій факторъ его романизаціи.

Какъ распространялось оно на полуостровѣ извѣстно недостаточно точно, но къ началу IV в., когда вспыхнуло знаменитое гоненіе Діоклетіана, оно было уже широко распространено: Изъ Салоны, Сирміи, Делминія и другихъ пунктовъ Иллиріи вышло до 500 мучениковъ. Въ IV же вѣкѣ въ эпоху блаженнаго Іеронима на далматинскихъ остро-

---

Nowotny. Ein Mysterienrelief im bosnisch-herzegowinischen Landesmuseum. ib. 296—302.

Kanitz. Römische studien in Serbien l. c. II.

Bojničić. Denkmäler des Mythra-Cultus in Kroatien. Agr. 1887.

вахъ развивается монашество [1]). Послѣднимъ эпизодомъ въ исторіи водворенія христіанства было просвѣщеніе бессовъ — дѣло Никиты епископа Ремессіаны (Ак. Паланка).

Христіанство было отрицаніемъ всего идейнаго прошлаго страны и должно было медленно отвоевывать для себя почву. Его быстраго торжества не могла создать даже имперія съ своими могучими рессурсами воздѣйствія. Старая вѣра жила долго въ смѣшанной массѣ населенія, поддерживаемая названіями городовъ и урочищъ, произведеніями искусства, празднествами, обрядами и играми [2]). Власть разрушала храмы, но не въ силахъ была уничтожить кровавыхъ жертвъ, которыя приносились предъ уединенно стоящими статуями, уничтожить языческихъ празднествъ и обрядовъ, которые входили въ компромиссъ съ новыми идеями. Представителямъ государственной религіи предстояла нелегкая задача—вытравить всѣ эти остатки былого. Легче всего это оказалось по отношенію къ географическимъ названіямъ. Города, напоминавшія своими именами объ Аполлонѣ, Афродитѣ, получили въ теченіе V вѣка по приказанію власти новыя названія [3]); новыя укрѣпленія въ Далмаціи, Добруджѣ, Ѳракіи получаютъ названія по именамъ христіанскихъ святыхъ [4]).—Труднѣе было вытравить традиціи язычества изъ народнаго быта. Чтобы иллюстрировать его живучесть, приведемъ одинъ примѣръ.

Отъ доримской эпохи на полуостровѣ остался праздникъ зимнихъ діонисій, приходившійся на самый короткій день въ году. Римскіе колонисты и легіонеры къ этому дню пріурочили праздникъ, носившій названіе Bruma. Первое упоминаніе о немъ безъ указанія времени мы встрѣчаемъ у Тертулліана [5]) (около 210 г. по Р. Х.); въ римскомъ календарѣ, составленномъ около 354 г. этотъ праздникъ (Bruma, dies

---

[1]) Smičiklas. l. c. 66.

[2]) ibid. 68.

[3]) Аполлонія — Совополисъ.

[4]) Thomaschek. Das christliche Element in der topogr. Nomenclatur d. Balkanländer. SBWA h. ph. Cl. CXXXVI, 3.

[5]) Tomaschek. Ueber Brumalia u. Rosalia SBWA. h. phil. Cl. LX, 360.

Aegyptiacus) пріурочивается къ 24 ноября — кануну дня, съ котораго солнца вступаетъ въ знакъ стрѣльца. Какъ онъ праздновался въ раннюю эпоху романизма на полуостровѣ, неизвѣстно; но извѣстія о немъ подъ именемъ Brumalia встрѣчаются въ христіанскую пору у византійскихъ писателей. Существеннымъ отличіемъ брумалій отъ діонисій является то, что въ нихъ нѣтъ меланхолическаго элемента; онѣ проникнуты съ начала до конца жизнерадостнымъ настроеніемъ; можетъ быть, это результатъ того, что брумаліи возникли въ иной періодъ экономической эволюціи: пастухъ, у котораго зима отнимаетъ кормъ, встрѣчаетъ ее съ инымъ чувствомъ, чѣмъ земледѣлецъ, сложившій въ кладовыя и копны кормъ для себя и скота. Византійскіе императоры, у которыхъ зимнихъ запасовъ было еще больше, праздновали брумаліи 24 дня до 17 декабря, когда у римлянъ начиналась новая праздничная недѣля — сатурналіи. Сатурнъ представлялся римлянамъ, какъ Діонисъ ѳракійцамъ, временно покидающимъ землю, но его удаленіе вызывало у римлянъ не печаль, а надежды на тѣ блага, которыя онъ принесетъ возвратившись. Брумаліи — діонисіи сливались такимъ образомъ съ родственными имъ по настроенію сатурналіями и растягивались вплоть до кануна Рождества Христова и христіанскій праздникъ получалъ яркую языческую окраску. Окраска эта усиливалась въ силу того, что къ зимнему же солнцестоянію пріурочивался новый годъ, наступленіе котораго (январскія календы) привѣтствовались буйнымъ весельемъ — пѣснями, мимическими играми, въ которыхъ заставляли принимать участіе и боговъ (подъ видомъ различныхъ животныхъ).

Къ тому времени, когда на юго-западѣ просвѣщеніемъ бессовъ заканчивался процессъ романизаціи ѳрако-иллирійскихъ племенъ, на С. В. начинался приливъ новыхъ культурныхъ элементовъ со стороны варваровъ. Римляне хотѣли сдѣлать Дунай границей имперіи, границей цивилизованнаго міра; по Дунаю возникла цѣпь укрѣпленныхъ городовъ, которые должны были закрывать доступъ на полуостровъ съ С., но эта плотина оказалась безсильной противъ варварскихъ волнъ, набѣгавшихъ на нее безъ перерыва на протяженіи столѣтій. Какая сила гнала эти волны къ границамъ римской имперіи? Болѣе или менѣе ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ получиться только тогда, когда намъ удастся хотя въ самыхъ крупныхъ, основныхъ

чертахъ представить себѣ бытовыя условія народовъ, которые сидѣли на огромномъ пространствѣ отъ береговъ Дуная до границъ Китая и Индіи. Данныхъ для такой картины пока еще очень мало. Классическіе и ранніе византійскіе писатели говорятъ только о грабежахъ, побѣдахъ и пораженіяхъ этихъ варваровъ. Изучить и описать ихъ такъ, какъ Тацитъ германцевъ, не нашлось ни желающихъ, ни способныхъ. Недостатокъ историческихъ извѣстій могла-бы восполнить археологія—русская, венгерская и румынская—но археологическія изслѣдованія этого не тронутаго древними поля только еще начинаются и археологія даетъ пока такъ-же, какъ и древніе писатели, одни разрозненные, хотя и цѣнные намеки. Кое-что однако могутъ разъяснить и эти намеки.

Безбрежныя степи, простирающіяся отъ береговъ Дуная до границъ Китая составляютъ сѣверную границу пояса древней культуры: на югъ отъ этихъ степей лежали провинціи Китая, Индія, Персія и Римская Имперія—страны, обладавшія сотнями милліоновъ земледѣльческаго населенія, развитой промышленностью и торговлей, богатствами накопленными на протяженіи вѣковъ на мѣстѣ и стянутыми изъ лежащихъ южнѣе земель съ древней культурой—Месопотаміи, М. Азіи, Египта.

Одного контраста въ условіяхъ обезпеченія продовольствіемъ достаточно было уже для того, чтобы создать между населеніемъ культурныхъ странъ и населеніемъ степей отношенія постоянной борьбы. Достаточно было сильной засухи для того, чтобы степнякъ потянулся съ своимъ скотомъ въ сосѣднюю земледѣльческую страну, чтобы добыть тамъ пропитаніе для себя и скота — цѣной крови, когда онъ чувствовалъ себя сильнѣе земледѣльца, цѣной свободы, когда перевѣсъ силъ была не на его сторонѣ. Въ преданіяхъ Китая и Персіи вѣковая борьба съ кочевническимъ Тураномъ занимаетъ самое видное мѣсто. Но не одни голодные годы создавали соприкосновеніе степняковъ и земледѣльцевъ.

Степь была рынкомъ для произведеній промышленности земледѣльческихъ странъ и въ отношеніяхъ этого рынка къ странамъ производства мы можемъ прослѣдить ту-же эволюцію, чрезъ которую проходитъ товарный обмѣнъ между стра-

нами съ однородной культурой. Торговля имѣла мѣновой характеръ, когда по с. берегамъ Чернаго моря возникали греческія колоніи, и сдѣлалась денежной къ началу нашей эры. Монета, какъ орудіе обмѣна, еще до римлянъ пріобрѣла господствующее положеніе на Балканскомъ полуостровѣ: монету чеканили македонскіе, одризскіе и иллирійскіе цари; даже пришлецы, предполагавшіе—какъ кельты въ Тюлэ—прочно основаться, начинали чеканить свою монету. Деньги двигались въ степь въ обмѣнъ на товары съ юго-востока и юго-запада: римскія монеты доходятъ до Симбирской губерніи, монеты персидскихъ Сассанидовъ проникаютъ въ лѣсныя дебри верховьевъ Камы. Деньги приходили въ степь въ обмѣнъ за продукты скотоводства и уходили въ обмѣнъ за произведенія южной промышленности. Картина вест-готскаго движенія, которымъ открывается такъ называемое великое переселеніе народовъ, обрисовываетъ характерными чертами то экономическое положеніе, въ которомъ находились народы, протѣснившіеся къ границамъ культурной зоны и сильнѣе другихъ испытавшіе на себѣ вліяніе искусственно привитого денежнаго хозяйства. Вестъ-готскіе послы умоляли императора (Валента) спасти ихъ народъ отъ меча гунновъ, отъ страданій голода. Валентъ позволилъ вестъ-готамъ поселиться на полуостровѣ и на равнинахъ нижней Мизіи появилось до 200,000 готовъ съ женами, дѣтьми, рабами. Это была масса новыхъ покупателей и она вызвала движеніе на мѣстномъ хлѣбномъ рынкѣ: предметы первой необходимости страшно поднялись въ цѣны; готы распродали все, что могли, для того, чтобы пропитаться: дорогія ткани, ковры, драгоцѣнности; распродавши вещи, они стали продавать дѣтей: за одинъ хлѣбъ, за кусокъ мяса, за дохлую собаку приходилось платить человѣкомъ—и наконецъ, доведенные до крайней нищеты, измученные притѣсненіями, которыя имъ приходилось испытывать при покупкѣ хлѣба, взялись за оружіе. Схватка на Марціанопольскомъ базарѣ между проѣвшими римскія деньги и неумѣвшими ихъ заработать готами и римлянами сдѣлались прологомъ паденія имперіи. Степи нужны были, т. о. деньги и легкія средства добывать ихъ обнаружились со II столѣтія нашей эры. Завоеваніе Дакіи было послѣднимъ крупнымъ тріумфомъ Рима въ борьбѣ съ сѣверными варварами. Около полустолѣтія память объ этомъ страшномъ разгромѣ держала

степь въ боязливомъ бездѣйствіи. Но ко времени вступленія на престолъ М. Аврелія обаяніе разсѣялась. Ближайшіе сосѣди имперіи съ С.—пестрая смѣсь народовъ, населявшихъ Карпаты—открыли, что Римъ ослабъ, что Римъ готовъ покупать миръ цѣною такъ нужныхъ имъ денегъ и предложеніе этого своеобразнаго товара поставило на ноги весь варварскій міръ. Не успѣли получить платы за миръ язиги, маркоманы, какъ съ предложеніемъ мира являются готы.

~~Въ 215 г.~~ они впервые перешли Дунай и не успокоились до тѣхъ поръ, пока имперія не обязалась вносить имъ за миръ ежегодную плату. Это событіе было въ высокой степени важной новостью для „варваровъ“: открывался источникъ постоянной добычи денегъ и желающіе воспользоваться имъ явились немедленно. Въ 238 г. въ Мизіи появились карпы и потребовали отъ проконсула денегъ; между правителемъ Мизіи и послами карповъ произошелъ любопытный діалогъ: „получаютъ-же отъ васъ деньги готы, почему бы и намъ не получать“ сказали Менофилу послы карповъ; Менофилъ намекнулъ карпамъ, что требовать чужихъ денегъ невѣжливо: „у императора много денегъ, но онъ даетъ ихъ тѣмъ, кто у него ихъ проситъ“. Карпы согласились исправить редакцію: „пусть же онъ и насъ приметъ, какъ просителей, и дастъ намъ: мы сильнѣе готовъ“.

Черезъ три мѣсяца карпы получили отвѣтъ: „императоръ не желаетъ заключать никакихъ обязательствъ: если они желаютъ получить что нибудь, пусть примутъ римскихъ инструкторовъ, которые сдѣлали-бы ихъ полезными для имперіи [1]). Карпы отказались отъ предложенныхъ условій и сдѣлали попытку доказать римлянамъ, что они въ самомъ дѣлѣ сила. Сопровождаемые женами и дѣтьми они перешли черезъ Дунай и принялись громить имперію. Филиппъ аравитянинъ одержалъ надъ ними побѣду. Въ царствованіе Галла (251—254) постоянной данью заручаются бораны и уругунды [2]). Клавдій сдѣлалъ попытку отказаться отъ начинавшей дѣлать-

---

1) Smičiklas. I. c. 74.

2) Дриновъ. Засел. 52.

ся тяжелой системы и отказалъ готамъ въ дани; готы взялись за оружіе, но императоръ нанесъ имъ страшное пораженіе: до 50,000 женъ и дѣтей легло на поляхъ Ниша и еще большее число попало въ плѣнъ [1]). Нишская побѣда не измѣнила однако положенія. Варвары продолжаютъ „предлагать имперіи миръ“. Императорамъ Пробу (276—282), Кару, Діоклетіану пришлось имѣть дѣло съ сарматами. Варвары терпѣли пораженія, но упорно шли къ цѣли своей. Діоклетіанъ нашелъ средство привести предложеніе мира въ соотвѣтствіе съ покупательными способностями имперіи: деньги давать варварамъ приходилось, но онъ давалъ ихъ за борьбу съ другими варварами: счастливцы становились союзниками и защитниками имперіи и вели безпощадную борьбу съ конкуррентами: въ 290 готы вели уже борьбу съ бургундіями и ихъ сосѣдями аланами [2]).—На крайнемъ востокѣ степной территоріи, на границахъ Китая происходили тѣ-же явленія, что и на Дунаѣ. Земледѣльческій Китай пытался, какъ и Римъ, прикрыть свои земли пограничными укрѣпленіями („великая стѣна“), но кончилъ тѣмъ же, что и Римъ: сталъ покупать у кочевниковъ миръ подарками—парчами, шелковыми тканями и ежегодными правильными платежами [3]). Такъ шло до начала II столѣтія нашей эры, когда подъ вліяніемъ энергическихъ правителей изъ династіи Ханъ Китай перешелъ изъ оборонительнаго положеніе въ наступательное. Часть степныхъ племенъ вынуждена была покориться и взяла на себя обязательство оберегать имперію. Другая—это были гунны—откочевала на западъ и переходя съ мѣста на мѣсто добралась до береговъ Волги. Въ послѣдней четверти IV в. они двинулись отсюда еще далѣе на З. и покорили жившихъ между Волгой и Дономъ алановъ. Съ этого момента гунны дѣлаются героями исторіи, на нихъ обращаютъ вниманіе, объ ихъ жизни и нравахъ начинаютъ циркулировать разсказы, которые частію дошли и до насъ. Въ существенныхъ чертахъ эти разсказы воспроизводятъ хорошо

---

[1]) Дриновъ. Зас. 51—54.

[2]) ibid. 55—56.

[3]) Weber. Weltgesch. IV, 563.

знакомую русскимъ читателямъ картину кочевой жизни въ нашихъ приволжскихъ степяхъ. Кое-что прибавлено для краснаго словца, кое-что по дѣтски истолковано и bona fide до сихъ поръ разсказывается историками: Амміанъ Марцеллинъ сообщаетъ напр., что гунны не имѣютъ бородъ (признакъ всѣхъ монголоидовъ Азіи) потому, что ростъ волосъ задерживается особою операціей, которая производится еще надъ ребенкомъ; что они никогда не вступаютъ подъ крышу дома, которая кажется имъ гробомъ—черезъ нѣсколько строкъ онъ забываетъ объ этомъ и говоритъ, что гунны въ домѣ и съ внѣ его носятъ одно и тоже платье—что жилищемъ ихъ служитъ перевозная кибитка, въ которой проводятъ жизнь женщины и дѣти, а мужчины день и ночь проводятъ на лошади: сидя на лошади они ведутъ торгъ, покупаютъ и продаютъ, ѣдятъ и пьютъ, даже спятъ, прислонившись къ шеѣ лошади [1]).

Экономическое состояніе, въ которомъ застаетъ гунновъ западный міръ, западная исторія, обрисовывается въ источникахъ немногими чертами: они вели пастушескую жизнь и продуктами пастушества покрывали свои существенныя потребности; изъ этихъ продуктовъ они готовили себѣ пищу, одежду, часть оружія (костяныя стрѣлы); задолго до начала нашей эры они были уже знакомы съ желѣзомъ—Китай отъ нихъ получалъ желѣзныя издѣлія, преимущественно оружіе— „къ золоту они были необыкновенно жадны". Эта послѣдняя черта, показывающая интенсивность денежнаго обмѣна въ степи, и объединяющая всѣхъ ея обитателей безъ различія племеннаго происхожденія, особенно важна для пониманія роли, которую съиграли гунны въ исторіи Европы. На дорогѣ гунновъ, отдѣляя ихъ отъ римскаго золота, которое должно было замѣнить китайское, стояли готы, уже получившіе его. Гунны раздавили остъ-готское „государство" Германариха, вызвали панику среди вестъ-готовъ, жившихъ по Днѣстру, заставили часть ихъ бѣжать въ лѣса, часть подъ защиту имперіи къ Дунаю.

Въ первой четверти V в. они оказываются уже въ Панноніи на берегахъ Тиссы и получаютъ съ Римлянъ дань, быстро увеличивая ея размѣры [2]). Близость къ рынку, ко-

[1]) Amm. Marc. l. XXXII, c. 2.
[2]) Weber. l. c. IV, 570.

торый снабжалъ степь предметами роскоши, и къ источнику, дававшему въ изобиліи деньги, сказывается въ рѣзкой перемѣнѣ бытовой обстановки гунновъ. Лагерь—столица Аттилы въ окрестностяхъ нынѣшняго Токая отличался отъ пышныхъ римскихъ castra только матеріаломъ построекъ. Повелитель кочевниковъ, которые когда-то боялись дома, какъ гроба, жилъ въ огромномъ деревянномъ дворцѣ, отдѣльныя части котораго были убраны драгоцѣнными коврами; дома его вельможъ — также деревянные — были украшены сокровищами награбленными въ греческихъ городахъ; въ деревянныхъ же домахъ и мазанкахъ жили простые солдаты. Въ дни пировъ и празднествъ царскіе столы ломились отъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, вазъ, ковшей, хотя лично Аттила мало цѣнилъ эту пышность и ѣлъ, по примѣру предковъ, изъ простой деревянной посуды. Прискъ посѣтилъ лагерь-столицу Аттилы послѣ того, какъ гунны въ теченіе пяти лѣтъ грабили провинціи полуострова и опустошали его города, но онъ сложился, несомнѣнно раньше и въ его бытовомъ укладѣ нельзя не видѣть вліянія тѣхъ денежныхъ ресурсовъ, которые притекали изъ Византіи въ видѣ дани. Появленіе гунновъ на Дунаѣ не остановило торговыхъ сношеній римлянъ съ сѣверными странами. Гунны сами были покупателями, прежде чѣмъ сдѣлаться грабителями[1], часть римскихъ капиталовъ—и, можетъ быть значительная—уходила обратно въ имперію въ обмѣнъ на римскіе товары. Смерть Аттилы и разложеніе основаннаго имъ „государства“ не измѣнили положенія вещей. Вся перемѣна ограничилась тѣмъ, что народы, получившіе римское золото чрезъ посредство Аттилы, стали получать его непосредственно и въ обезпеченіе исправнаго платежа поселились въ разныхъ частяхъ полуострова— сарматы въ Иллиріи, аланы въ Н. Мизіи, остъ-готы сначала въ Панноніи, потомъ въ Дарданіи, Мизіи и Македоніи; гунны въ М. Скиѳіи (Добруджѣ) рядомъ съ аланами.

Въ концѣ V вѣка изъ глубины русскихъ степей появляются во Ѳракіи болгары Ихъ еще въ 482 г. приглашалъ императоръ Зенонъ противъ своихъ „защитниковъ и союз-

[1]) Первое столкновеніе гунновъ съ имперіей возникла на почвѣ нарушенія торговаго договора, которое, по мнѣнію византійцевъ, допустили гунны.

никовъ“— готовъ [1]). Болгары переходятъ на полуостровъ изъ дунайской низменности, которая надолго еще будетъ служить главной станціей степняковъ.

Въ половинѣ VI вѣка въ качествѣ защитниковъ имперіи явились новые гости изъ степи—авары. Пока на Дунаѣ владычествовали гунны, авары кочевали между Каспійскимъ и Азовскимъ морями. Распаденіе гуннской монархіи, передвиженіе болгаръ очистили для нихъ дорогу по степи и они двинулись все къ тѣмъ-же манившимъ номадовъ границамъ имперіи. Всѣ эти гости имперіи селились въ ней въ качествѣ ея защитниковъ. Имперія должна была страшно напрягать свои финансовыя силы благодаря обилію друзей: получая исправно свою плату, они были покупателями и поддерживали торговлю; въ случаѣ неисправности, они принимались грабить, не имѣя другихъ средствъ къ существованію [2]). Эти реквизиціи самымъ убійственнымъ образомъ дѣйствовали на финансы; платежная способность населенія сокращалась: промышленный классъ страдалъ отъ разрушенія городовъ, сельское населеніе въ буквальномъ смыслѣ теряло рабочіе руки — готы обрубали ихъ крестьянамъ, чтобы сдѣлать послѣднихъ неспособными къ труду [3]). Служба непрошенныхъ союзниковъ не соотвѣтствовала жертвамъ, которыя должна была приносить имъ имперія. Отъ новыхъ претендентовъ на римское золото они не могли защитить ее, а претендентовъ этихъ степь высылала все въ большемъ и большемъ количествѣ.

Въ началѣ VI вѣка насталъ кризисъ: платежныя силы имперіи были подорваны; pax imperii сталъ обходиться дороже войны и система откупа отъ варваровъ была оставлена. Императоръ Анастасій въ 512 г. прикрываетъ ближайшія окрестности столицы стѣной, которая шла отъ Силиврія на Мраморномъ морѣ до Деркона: остальныя провинціи были отданы на жертву варварамъ. Юстиніанъ дѣлаетъ послѣднее судорожное усиліе отстоять полуостровъ. Съ страшнымъ напряженіемъ силъ онъ возводитъ по Дунаю линію укрѣпленій, но снабдить эти укрѣпленія соотвѣтствующей военной силой

[1]) Дриновъ. Засел. 87—88.

[2]) Дриновъ. l. c. 88.

[3]) ibid. 90.

у него не хватило средствъ [1]). Банкротство имперіи становится все болѣе и болѣе очевиднымъ. Колоссальный насосъ, перекачивавшій капиталы древняго міра въ жадныя руки варваровъ не даетъ уже безпрерывной и полной струи. Такія необходимыя учрежденія, какъ почта, упраздняются, чтобы сократить расходы [2]). Пограничныя войска не получали платы и должны были подобно варварамъ сами добывать себѣ хлѣбъ.

Въ отношеніяхъ варваровъ къ имперіи это банкротство создаетъ новый фазисъ: варвары сами садятся хозяйничать въ провинціяхъ имперіи и эксплуатируютъ ихъ такъ, какъ эксплуактируетъ кулакъ купленное съ молотка раззоренное имѣніе. Послѣ несчастнаго для римскихъ легіоновъ сраженія при Адріанополѣ в.-готы сдѣлались полными хозяевами полуострова и страшно опустошили его. По словамъ Блаж. Іеронима, они оставили нетронутыми только небо и землю: города были разрушены, населеніе истреблено и опустѣвшая земля поросла лѣсомъ и терніемъ [3]). Въ этомъ описаніи есть, конечно, реторическія преувеличенія. Позволяемъ думать, что далеко не всѣ города готамъ удалось уничтожить, но характеръ варварскаго хозяйства выступаетъ въ немъ все-же вполнѣ опредѣленно.

Погоня за деньгами привела такимъ образомъ на почву полуострова новые культурные элементы; рядомъ съ романизированными иллирами и ѳракійцами здѣсь сбились къ половинѣ VI в. остатки иранскихъ племенъ, жившихъ на югѣ Россіи, германцы и монголоиды-гунны. Въ теченіе VI—VII в.в. славяне овладѣли почти всѣмъ полуостровомъ, исподволь ассимилировали на протяженіи слѣдующихъ вѣковъ всю эту пеструю смѣсь племенъ, но въ ихъ культурѣ, какъ и въ физическомъ типѣ, она жива несомнѣнно до сихъ поръ.

Мы познакомились съ почвой, на которой должна была развиваться юго-славянская культура. Обратимся къ ея сѣятелямъ.

Появившись подъ своимъ именемъ на страницахъ исторіи, только въ VI в. славяне задали нелегкую задачу изслѣдователямъ

[1]) ibid. 96.

[2]) Smičiklas. Povjest Hrvatska. I, 88.

[3]) ibid. 92.

средневѣковья: откуда взялось это племя, разлившееся въ VI—VIII в.в. по средней, южной и восточной Европѣ—пришло-ли оно съ гуннами изъ Азіи или было сдвинуто ими съ своихъ насиженныхъ мѣстъ въ Европѣ? Больше всего надъ рѣшеніемъ этой загадки работали нѣмецкіе и славянскіе ученые—и, вольно или невольно, переносили на почву науки тотъ антагонизмъ, который воспитала между двумя племенами исторія. Недовольные возрожденіемъ славянъ нѣмцы находили своеобразное утѣшеніе въ томъ, что объявляли славянъ пришлецами, родичами гунновъ, людьми низшей, монгольской расы; славяне или изо всѣхъ силъ оспаривали этотъ тезисъ или давали ему новую формулу и азартно увѣряли, что гунны—въ самомъ дѣлѣ славяне, но не монголы, а такіе-же, какъ нѣмцы, благородные аріи, хотя одно время и господствовали надъ ними.

Въ настоящее время этотъ способъ сводить текущіе счеты представляется дѣтскимъ. Вопросы о мѣстѣ славянъ среди европейскихъ народовъ, о времени и условіяхъ ихъ появленія въ Европѣ получаютъ безобидное для славянъ рѣшеніе въ связи съ успѣхами филологіи вообще и въ частности съ новой постановкой вопроса о родинѣ индо-германцевъ.*) Въ то давно-прошедшее время, когда Шафарикъ отстаивалъ старобытность славянъ въ Европѣ никто не сомнѣвался, что родиной аріевъ была Азія. Съ второй половины истекающаго столѣтія этотъ догматъ утратилъ свою непререкаемость; его лингвистическія основы подверглись основательному пересмотру и мало по малу сложилось новая теорія, по которой индо-германцы являются не пришельцами, а автохтонами Европы. Англичанинъ Latham нанесъ первый ударъ азіатской теоріи. Указывая на сравнительную близость санскрита къ языкамъ лито-славянской группы, онъ выдвинулъ предположеніе, что родину аріевъ надо искать на юго-восточной границѣ литовскаго міра. Обратную гипотезу—что лито-славяне и другіе европейскіе аріи когда то жили въ Азіи—онъ не находитъ возможнымъ допустить въ виду того, что въ біологической наукѣ вообще принято выводить видъ изъ области, въ которой держится родъ, а не наоборотъ.

Въ 1868 г. вопросъ затронулъ Benfey и отодвинулъ искомую территорію нѣсколько дальше на Ю. В., въ про-

странство между устьями Дуная и Каспійскомъ моремъ. Въ 1890 г. къ европейской гипотезѣ примкнулъ О. Шрадеръ и высказалъ предположеніе, что родину аріевъ надо искать въ степяхъ по обѣ стороны Волги, но нѣкоторое время они въ нераздѣльномъ еще состояніи прожили на территоріи между Дунаемъ и Черным моремъ съ Ю., лѣсами и болотами Волыни съ С., Днѣпромъ на В. и Карпатами на З. Здѣсь они перешли къ земледѣлію и познакомились съ моремъ. Защитники европейской теоріи приводятъ въ ея пользу рядъ аргументовъ: они указываютъ на архаическіе элементы, уцѣлѣвшіе въ европейскихъ языкахъ, отсутствующіе въ азіатско-арійскихъ; стараются доказать, что фауна и флора, среди которыхъ жилъ пра-арійскій народъ и названія представителей которой сохранились въ остаткахъ его языка, имѣютъ сѣверный характеръ: ни для крупныхъ азіатскихъ хищниковъ, какъ левъ и тигръ, ни для вьючныхъ животныхъ, какъ верблюдъ, въ индо-германскихъ нарѣчіяхъ не оказывается общихъ названій (Бенфей); названія растеній почти всѣ относятся къ сѣверной флорѣ: рядомъ съ сосной, ивой, ясенемъ, ольхой, орѣшникомъ выступаетъ *берза* (sanskr bhûrja, lit. berzas, береза, Birke), букъ (lat. fagus, гр. *φηγός*, нѣм. Buche), дубъ (skr. dru, got. trju, гр. *δρῦς*, uph. daur) (Гейгеръ). На С., какъ родину аріевъ, указываютъ, по ихъ мнѣнію, общія слова для обозначенія льда и снѣга, двухъ или трехъ временъ года (Гейгеръ), въ пользу сѣвернаго происхожденія той общеарійской культуры, которая возстановляется на основаніи языка, говоритъ ея почти полное тождество съ культурой ср. европейскихъ и итальянскихъ свайныхъ построекъ.

Европейская теорія съ точки зрѣнія научной убѣдительности имѣетъ по меньшей мѣрѣ столько же правъ на существованіе, сколько азіатская. На чемъ зиждется азіатская теорія? Арійскіе народы не сохранили воспоминаній о томъ, что они пришли изъ Азіи. За отсутствіемъ преданій о прародинѣ аріевъ можно догадываться на основаніи тѣхъ слѣдовъ, которые она оставила въ языкѣ — въ названіяхъ временъ года, растеній, животныхъ. Мы видѣли, что матеріалъ мало говоритъ въ ея пользу. Если бы въ немъ была прочная точка опоры защитники теоріи не стали-бы блуждать по всему пространству Азіи отъ Алтая до Индійскаго океана, отъ

побережья Арменіи до долинъ Инда и Евфрата; вѣдь, фауна и флора сибирскихъ степей и долины Инда не одно и тоже; между тѣмъ они отыскиваютъ родину аріевъ въ Месопотаміи [1]), Арменіи [2]), Бактріи [3]), Памирѣ [4]), Индіи [5]), въ долинѣ Аму-Дарьи [6]), въ степяхъ Средней Азіи вообще [7]), въ Сибири [8]). Сколько въ основѣ этихъ гипотезъ было фактическихъ основаній, показываетъ слѣдующій курьезъ: Роде помѣщаетъ прааріевъ по западнымъ склонамъ *хребта Белуртага*, между тѣмъ такого меридіональнаго хребта при ближайшемъ ознакомленіи съ ср. Азіей *не оказалось*; на его мѣстѣ нашли пустынную террасу [9])

Ссылка на направленіе народныхъ движеній, направленіе культуры (ex oriente lux) которое такъ усердно подчеркивалъ Генъ [10]), не выдерживаетъ критики: народныя движенія опредѣляются не астрономическими факторами, а совокупностью измѣняющихся политическихъ и экономическихъ условій: однѣ и тѣ же степи средней Азіи посылали своихъ обитателей сначала на В. (Завоеваніе Китая) и Ю. (киммерійское движеніе) и только потомъ, когда тамъ намѣтился новый центръ экономическаго притяженія, на З. Въ самой исторіи разселенія аріевъ, насколько послѣдній ея моментъ — раздѣленіе иранцевъ и индусовъ—въ настоящее время выясняется, заключаются указанія на движеніе съ З. на В., а не на оборотъ: прочно установленъ фактъ, что индусы вышли изъ Ирана, а не иранцы изъ Индіи. Очаги древнѣйшей культуры становятся извѣстны съ одного времени на Ю. отъ Европы (Еги-

---

[1]) Момсенъ. Шрадеръ. l. c. 23.

[2]) Линкъ. Шрадеръ. l. c. 7.

[3]) Пиктэ. Шрадеръ. l. c. 121—127.

[4]) Monier Williams. Ср. Шрадеръ l. c. 147.

[5]) Шлегель. Шрадеръ. 6.

[6]) Родэ. Шрадеръ. l. c. 8.

[7]) Шлегель. ib. 9. Поттъ. 10, 16. Риттеръ. II.

[8]) Пьетрманъ. Шрадеръ. l. c. 144.

[9]) Шрадеръ. l. c. II. Ср. Разсужденія Пиктэ ib. 122, 124. Фикъ ib. 138. Генъ. 140.

[10]) l. c. VIII.

петъ) и на В. (Азія) въ долинахъ великихъ рѣкъ. Въ пользу теоріи остается одна традиція, по которой Азія является колыбелью человѣчества, но сама по себѣ традиція не есть научный аргументъ. Она получаетъ извѣстную цѣнность, когда находитъ себѣ подкрѣпленіе въ результатахъ научнаго изслѣдованія, а на основаніи этихъ результатовъ можно сказать пока одно, что родину человѣка слѣдуетъ искать въ старомъ свѣтѣ вообще: въ какомъ его пунктѣ — въ Европѣ, Южной Азіи или тропической Африкѣ, остается нерѣшеннымъ; противъ Европы говоритъ то, что въ ней не найдено слѣдовъ третичнаго человѣка, но его слѣдовъ не найдено пока даже въ Британской Индіи, не говоря уже о тропической Африкѣ, куда наука только еще не давно заглянула. Ничьей фантазіи не возбраняется, говоритъ Пешель, перенести рай туда, гдѣ цвѣтетъ лотосъ, или къ окаймленнымъ папирусамъ берегамъ Нильскихъ озеръ, или передвинуть его еще ближе къ библейскому востоку"—или помѣстить его, прибавимъ, какъ это дѣлаетъ самъ Пешель, на одной изъ опустившихся со времени третичной эпохи подъ уровень моря окраинъ восточнаго материка, напр. въ предѣлахъ нынѣшняго индо-китайскаго мелководнаго моря.

Въ психологическомъ смыслѣ, какъ показатель силы, которую имѣетъ предвзятое мнѣніе надъ умами, любопытно то, что нѣкоторые представители азіатской теоріи подходятъ совсѣмъ близко къ идеальной границѣ Азіи съ Европой и останавливаются передъ ней, какъ предъ чѣмъ-то реальнымъ: такъ поступаетъ напр. Фикъ, который отводитъ аріямъ обширныя равнины Турана отъ Болора (sic!) и Гиндукуша до Урала [1], — кстати сказать, въ такой-же мѣрѣ на югѣ имѣющаго горную физіономію и способность служить границей, какъ Болортагъ Фикъ крѣпко держится за книжный географическій терминъ и не замѣчаетъ того, что его праарій оказывается ближайшимъ сосѣдомъ праарія европеистовъ или западниковъ, что догматъ старой вѣры, который онъ отстаиваетъ, незамѣтно переходитъ въ новую ересь.

---

[1]) Ср. Шрадеръ. l. c. 138.

Европейская теорія только завоевываетъ еще для себя право гражданства въ наукѣ, но будущее принадлежитъ, несомнѣнно, ей: она отвлекаетъ научную мысль отъ безплоднаго блужданія, „по склонамъ могучихъ меридіональныхъ хребтовъ“ и обращаетъ ее къ изученію той почвы, на которой сидятъ теперь, сидѣли въ историческую пору европейскіе аріи, къ изученію связей, соединяющихъ культуру историческаго времени съ культурой доисторической, древности „великаго переселенія народовъ“ съ древностями эпохъ римской, La-Téne, Гальштадтской, бронзовой и неолитической, къ изслѣдованію культурныхъ областей, которыя можно установить на территоріи аріевъ на основаніи формъ матеріальной культуры, къ изслѣдованію отношеній, которыя имѣли мѣсто между народами на грани эпохъ исторической и доисторической. Принимая ее, мы признаемъ славянъ аутохтонами Европы. Но мы должны признать ихъ старыми насельниками ея и въ томъ случаѣ, если останемся на почвѣ старой азіатской теоріи.

Славяне подъ даннымъ именемъ упоминаются историками впервые въ VI в.; это фактъ, противъ котораго было-бы безполезно спорить; но это не значитъ однако, что до IV—V в., до появленія гунновъ, ихъ не было въ Европѣ. Въ языкѣ древнѣйшаго письменнаго памятника готовъ—евангеліи Ульфилы (около 350 г.), встрѣчаются слова, по общему признанію лингвистовъ заимствованныя изъ славянскаго [1]); въ славянскихъ нарѣчіяхъ, въ свою очередь, сохранился рядъ заимствованій у германцевъ, которыя были сдѣланы еще до начала нашей эры [2]). Языкъ сохранилъ воспоминанія о народахъ, которые упоминаются географами первыхъ столѣтій по Р. Х.: слово исполинъ напр. приводятъ въ связь съ народомъ Spalaei, жившимъ по указанію Плинія М. (23—79 по Р. Х.) по берегамъ Дона.

Фактъ, что славяне до V вѣка не появлялись на берегахъ Дуная и не привлекали къ себѣ вниманія историковъ,

---

[1]) Krek. Einleit. in die Slaw. Litg. 257.

[2]) ibid. 258.

[3]) ibid. 252. Ср. Влатъ. 253.

окажется совершенно понятнымъ, если мы обратимъ вниманіе на положеніе европейскихъ аріевъ около начала нашей эры. На пространствѣ отъ верховьевъ Дравы до устьевъ Дуная, захватывая южные склоны Карпатовъ, сидѣли иллирійскія и ѳракійскія племена; дальше къ Востоку до береговъ Дона— иранскія племена скиѳовъ, сарматовъ и т. д. Выше на С. территоріи нынѣшней Германіи и Чехіи занимали на З. кельты, на В. до Вислы германцы; славяне помѣщались еще дальше— къ В. отъ Вислы и германцевъ, на С. отъ скиѳовъ [1]. Завоеваніемъ могущественнаго государства Буревисты (Дакіи) римляне уничтожили стѣну, которая отдѣляла В. провинціи Им-

[1]) Устанавливая для прародины славянъ названныя границы, мы примыкаемъ къ болѣе умѣренному и наименѣе спорному взгляду. Рядомъ съ нимъ высказываются мнѣнія болѣе гипотетическаго и болѣе смѣлаго характера. Глава современныхъ итальянскихъ антропологовъ G. Sergi въ своихъ сочиненіяхъ «Arii et Italici (Tor. 1898)», «Ursprung und Verbreitung des Mittelländischen Stammes (L. 1897)» дѣлитъ аріо-европейцевъ на три главныя группы — протекельтовъ, протославянъ, протогерманцевъ; къ «протославянамъ» относитъ онъ всѣхъ *иллировъ* и въ частности тѣ ихъ колѣна, которыя заняли С. и В. Италію до Тибра, оставивши послѣ себя круглыя городища (Ringwalle) на вершинахъ горъ, подобныя городищамъ Чехіи, Истріи, Далмаціи, Босніи и Герцеговины. Согласно взгляду Sergi мы должны включить въ предѣлы славянской прародины всѣ нынѣшнія юго-славянскія земли и сѣверо-восточную Италію, т. е. возвратиться къ старой гипотезѣ Шафарика и Гильфердинга. Первольфъ («Polen, Liachen, Wenden»— AfSPh. IV, 63). K. Szulc («Ueber die Ureinwohner zwischen der Weichsel und Elbe» CBdAG 1884, 132—143), H. Wankel («Beitrag zur Geschichte der Slawen in Europa» Olm. 1885) высказываетъ мнѣніе, что славяне являются почти аутохтонами Средней Европы, такъ какъ въ эпоху своего поселенія нашло въ ней только человѣка палеолитической эпохи: ихъ памятники — могильныя находки — одинаковы на пространствѣ между Вислой, Одеромъ и Эльбой и рѣзко отличаются отъ древностей страны между Рейномъ и Везеромъ (область германцевъ); на ихъ территоріи имѣютъ мѣсто кладбища съ урнами, которыхъ нѣтъ почти на родинѣ германцевъ — Скандинавскомъ полуостровѣ — и въ которыхъ встрѣчаются характерныя для славянъ Schläferinge и сосуды типа городищъ (Burgwalltypus); въ ихъ быту, напр. въ издѣліяхъ моравскихъ женщинъ уцѣлѣли до сихъ поръ, какъ обломокъ далекаго прошедшаго, орнаментальные мотивы гальштадтскаго періода и ближайшихъ къ нему періодовъ бронзоваго вѣка.

періи отъ германцевъ [1]); главная масса германскихъ племенъ по извѣстнымъ уже намъ побужденіямъ протискивается къ Дунаю. Въ этомъ общемъ движеніи восточное крыло ихъ — готы — должны были столкнуться съ славянами, которые отдѣляли ихъ отъ цѣли. Результатъ столкновенія получился тотъ-же, что между гуннами и готами въ IV вѣкѣ по Р. Х., кельтами и иллирами въ III вѣкѣ до Р. Х: en passant готы поработили славянъ и пробрались на Днѣстръ, откуда стали предлагать свои услуги имперіи. Въ отношеніяхъ зависимости отъ готовъ славяне оставались до IV вѣка, когда на смѣну готовъ явились гунны и поработили тѣхъ и другихъ.

Причины, въ силу которыхъ славяне позже германцевъ *даютъ о себѣ знать*, оказываются такимъ образомъ очень простыми и не заключаютъ въ себѣ ничего компрометирующаго и обиднаго для первыхъ: въ прорванную плотину устремляется прежде всего ближайшая масса воды. Привычка воевать на почвѣ прошлаго не всегда однако позволяетъ мириться съ такими естественными положеніями: лучшіе историки южныхъ славянъ отдали ей дань, стремясь представить славянъ, начиная съ III-го вѣка, въ болѣе лестной для національнаго самолюбія роли несокрушимыхъ воителей и завоевателей. Проф. Дриновъ въ 1872 году [2]) выступилъ съ предположеніемъ, что славяне еще со II вѣка проникли на Балканскій полуостровъ — сначала какъ грабители, потомъ какъ колонисты. Этихъ славянъ онъ видитъ во всѣхъ народахъ, которые не имѣютъ точно удостовѣреннаго свидѣтельства о германскомъ происхожденіи. Въ началѣ царствованія Марка Аврелія возникла такъ называемая маркоманская война; кромѣ маркомановъ и квадовъ въ ней принимали дѣятельное участіе языги — народъ, по мнѣнію нѣмецкихъ изслѣдователей, не германскаго, а сарматскаго, т. е. иранскаго происхожденія. Эти языги первые попадаютъ въ ряды предполагае-

[1]) О значеніи этой стѣны можно судить потому, что о нее сокрушились соединенныя силы кельтскихъ племенъ — боевъ, жившихъ на В. отъ Тиссы, таврисковъ — на З.; скордисковъ на Ю. и части иллирійскихъ племенъ, которые отъ нихъ зависѣли. Дриновъ. Засел. 67.

[2]) Въ изслѣдованіи «Заселеніе Балканскаго полуострова славянами» (М. 1872) съ фактической стороны весьма обстоятельномъ и цѣнномъ.

мыхъ славянскихъ воителей. Жили они частію на среднемъ Дунаѣ (между Дунаемъ, Тиссой и Карпатами), частію на нижнемъ; на З. они пробрались, по свидѣтельству Плинія, около половины перваго столѣтія по Р. Х., оттѣснивши — временно, кажется — даковъ. Никакихъ особенныхъ признаковъ прикосновенности къ славянству языги не обнаруживаютъ, но въ занимаемой ими странѣ римляне знали рѣку Pathissus, дер. Bersovia, гор. Pessium; первое напоминаетъ по своимъ звукамъ Потисье, второе Брзову, третья не напоминаетъ ничего — и этого оказывается достаточнымъ, чтобы перечислить языговъ изъ сармато-иранской семьи въ славянскую.

Второе пріобрѣтеніе для славянскаго міра представляютъ карпы, съ отношеніями которыхъ къ имперіи мы имѣли случай познакомиться. Жили они во II вѣкѣ между западнымъ берегомъ Чернаго моря и Карпатами — въ бывшей Молдавіи по мнѣнію однихъ, въ восточной Галиціи по мнѣнію другихъ. Со времени Шафарика на основаніи созвучія словъ *Хрват*, *Карпатъ*, *хребетъ* ихъ считаютъ предками нынѣшнихъ хорватовъ. Дриновъ не прибавилъ въ пользу этого отождествленія никакихъ новыхъ основаній. Проф. Смичикласъ, десять лѣтъ спустя, присоединяется къ мнѣнію Шафарика и Дринова — *прежде всего* на томъ основаніи, что нѣмецкая исторіографія признаетъ германскими многія племена, имена которыхъ въ гораздо меньшей степени указываютъ на германское происхожденіе, чѣмъ имя карповъ на славянское [1]). О научной цѣнности этого своеобразнаго мотива говорить не приходится: можно только пожалѣть, что дурные примѣры находятъ подражаніе. Болѣе научный характеръ имѣютъ другіе аргументы: 1) рѣзкое различіе нарѣчій чакавскаго и штокавскаго и 2) названіе морлаками приморскихъ хорватовъ и островитянъ. Проф. Смичикласъ предполагаетъ, что различіе двухъ хорватскихъ нарѣчій есть результатъ заселенія Хорватіи въ нѣсколько пріемовъ, чрезъ продолжительные промежутки времени. Такъ ли это, могутъ сказать только лингвисты; съ исторической точки зрѣнія можно замѣтить одно: если карпы занесли въ Хорватію то или другое нарѣчіе, то двойникъ его

1) Povjest hrv. I, 73.

мы должны найдти въ с. болгарскихъ нарѣчіяхъ. такъ какъ масса карповъ, въ III вѣкѣ, была переселена въ Мизію [1]); до сихъ поръ однако такого двойника, кажется, еще не установлено.

Относительно морлаковъ или черныхъ латинъ Смичикласъ высказываетъ предположеніе, что это не охорватившіеся потомки римлянъ или романизованныхъ иллировъ, а потомки карповъ, которые поселились на Адріатикѣ, признавши власть Рима: въ пользу ихъ прирожденной славянщины говорить будто-бы то, что народная вѣра ихъ хранитъ остатки не римской, а славянской языческой старины [2]).

За карпами идутъ уругунды, бораны, костобоки. „Шафарикъ уступаетъ ихъ нѣмцамъ", характерно замѣчаетъ проф. Дриновъ и не одобряетъ такой уступчивости, тѣмъ болѣе, что сами нѣмцы отдаютъ ихъ сарматамъ, а сарматовъ—даже III в. —г. Дриновъ не считаетъ за опредѣленную этнографическую величину и думаетъ, что этимъ именемъ обозначается смѣсь племенъ, между которыми *могли быть* и славяне. Кромѣ этого неопредѣленнаго основанія проф. Дриновъ приводитъ еще одно, чтобы овладѣть отъ имени славянъ этнографической res nullius. — Павелъ Діаконъ, писавшій въ VIII вѣкѣ, знаетъ страну Burguntaib, которая лежала *рядомъ* съ Anthaib и Banthaib, странами, лежавшими будто бы по верхнему теченію Вислы, т. е. въ районѣ несомнѣнно славянскихъ поселеній [1]). Не говоря уже о томъ, что географическія указанія П. Діакона вообще имѣютъ мало цѣны, благодаря своимъ анахронизмамъ, что изъ VIII и IX вѣка мы не имѣемъ извѣстій о бургундахъ на польскихъ и чешскихъ земляхъ, что имя бургундовъ никто еще не истолковывалъ, какъ славянское, приводимое указаніе само по себѣ не имѣетъ значенія: бургунды могли жить *рядомъ* съ славянами и не быть ими, какъ теперь рядомъ съ славянами живутъ нѣмцы и никто на основаніи сосѣдства ихъ не отождествляетъ. То же слѣдуетъ сказать относительно костобоковъ, которые потому только причисляются къ славянамъ, что жили рядомъ съ уругундами, по Птоломею. Не больше значенія имѣетъ и *заключеніе отъ совмѣстной дѣятельности*: „прибавимъ, что уру-

[1]) Дриновъ. Засел. 64.
[2]) Smič. l. c. 76—77.

тунды... долгое время дѣйствуютъ заодно съ несомнѣнно (?) славянскими племенами (карпами и боранами)“ [1]).

Бораны, сосѣди уругундовъ, признаются славянами потому, что „*кажется, ихъ* Птоломей называетъ буланами“, а буланы—испорченное нѣмцами поляне. Что нѣмцы давали въ письмѣ такую форму имени полянъ, безспорно, но отъ нѣмцевъ-ли Птоломей слышалъ имя полянъ-булановъ?

Слѣды присутствія славянъ съ III—IV вѣка на Дунаѣ и Балканскомъ полуостровѣ указываются далѣе въ *мѣстныхъ названіяхъ* славянскаго происхожденія, въ *извѣстіяхъ о бытѣ* придунайскихъ народовъ и въ *культурѣ славянскихъ племенъ*.

Мѣстныя названія явственнаго будто-бы славянскаго характера открываются въ римскихъ дорожникахъ IV вѣка (Іерусалимскій, Антониновъ, Tabula Peutingeria): Beodizum, Beodizo во Ѳракіи, Berozica или Berozicha въ Родопѣ (Bricize, Brendice, Briendice дорожника Антонина), Cosintus на р. Cossinites, Ostudizus, Zernae (Zirine, Ζειρινια = Черна (?)), Burtudizus. Точно ли эти названія имѣютъ славянское происхожденіе, могутъ рѣшить только лингвисты. Здѣсь больше, чѣмъ гдѣ нибудь историкъ не можетъ сказать ничего положительнаго: мы имѣемъ дѣло съ названіями, которыя несомнѣнно дважды искажены — при перепискѣ и при первоначальной записи. Проф. Дриновъ самъ не считаетъ возможнымъ основываться на ихъ кажущейся славянщинѣ и подкрѣпляетъ возможность ихъ славянскаго происхожденія другими данными [2]).

Съ начала V вѣка въ высшихъ слояхъ населенія имперіи начинаютъ попадаться личныя славянскія имена: въ 469 г. начальниками ѳракійскихъ войскъ являются Анагастъ (сынъ полководца *Аргискла*) и Оструй; къ V вѣку относятся имена, которыя носили члены двухъ дарданскихъ семействъ, изъ которыхъ вышли императоры Юстинъ и Юстиніанъ: Βιγλενιζα —сестра Юстина, Λουππικινα — жена его, Ουπρααυδα — имя самого Юстиніана, Истокъ — имя его отца. Проф. Дри-

[1]) Дриновъ. Засел. 65.

[2]) О цѣнности этихъ названій см. *Krek*—Einleitung in die slaw. Literaturgesch. 2 Auf. 283.

новъ находитъ, что первое имя по своему образованію сходно съ именами славянскихъ вождей — Андрагастъ, Ардегастъ, Пирегастъ, Канегастъ. Сходно безспорно, но славянство приведенной серіи именъ больше, чѣмъ сомнительно.

Въ какой степени имена, которыя носили родственники Юстина и Юстиніана могутъ говорить о славянствѣ ихъ, въ настоящее время уже выяснилось.

Небольше славянщины окажется при внимательномъ изученіи и въ бытѣ придунайскихъ народовъ.

Отъ V в. до насъ дошелъ литературный памятникъ, который даетъ цѣнныя извѣстія о состояніи придунайскихъ земель, когда они находились подъ властью Аттилы. Это— составленный Прискомъ разсказъ о путешествіи византійскаго посольства въ лагерь Аттилы на Тиссѣ. Больше всего, конечно, авторъ говоритъ о лагерѣ и домашнемъ бытѣ гунновъ, но по пути у него брошено нѣсколько замѣчаній и о странѣ, чрезъ которую ему приходилось проѣзжать и которую гунны заняли, вѣроятно, еще въ концѣ IV или началѣ V в. Кочевое племя, надвигавшееся съ В., нашло въ Панноніи осѣдлое населеніе и покорило его. Политическая и экономическая зависимость отъ гунновъ не отразилось, однако, существеннымъ образомъ на жизни туземцевъ—они сохранили свой языкъ и бытовую обстановку. Извѣстіями, которыя сообщаетъ на этотъ счетъ Прискъ, и пользуются славянскіе ученые для доказательства того, что гунны нашли въ Панноніи славянское населеніе [1]). Прискъ обратилъ вниманіе на языкъ,

[1]) Данныя Приска употреблялись въ нашей литературѣ и для болѣе рѣшительныхъ выводовъ. Венелинъ, Забѣлинъ и Иловайскій пользовались ими для доказательства того, что гунны были славяне. Теорія эта не пріобрѣла для себя права гражданства въ наукѣ, но въ исторіи вопроса о гуннахъ она, безспорно, должно занять видное мѣсто, такъ какъ заставила тщательно пересмотрѣть тотъ матеріалъ, который для его рѣшенія предоставляютъ источники. Данныя для рѣшенія вопроса о гуннахъ сводятся къ двумъ категоріямъ.—Это 1) признаки саматическіе 2) остатки языка и частью ихъ этнографическія черты. Представители славянской теоріи обращаютъ вниманіе на то обстоятельство, что о соматическихъ особенностяхъ гунновъ, рѣзко обособляющихъ ихъ отъ арійцевъ, говорятъ писатели, не имѣвшіе случая

которымъ говорило коренное населеніе страны: между собой жители говорили на туземномъ языкѣ—не на гуннскомъ и не на готскомъ; кто имѣлъ сношенія съ римлянами, говорилъ на латинскомъ. Изъ преведенныхъ словъ можно заключить, конечно, лишь то, что языкъ населенія Панноніи не былъ ни гуннскимъ, ни готскимъ, ни латинскимъ. Для опредѣленія его

наблюдать ихъ—и наоборотъ писатель, лично посѣтившій лагерь Аттилы—Прискъ—не говоритъ объ ихъ наружности ничего. Фактъ несомнѣнно, загадочный; но В. Г. Васильевскій вслѣдъ за Моммзеномъ далъ ему очень правдоподобное объясненіе: отрывки Приска, посвященные характеристикѣ Аттилы, утрачены въ подлинникѣ, но уцѣлѣли въ компиляціи Іорнанда (Cap. 34—43).

Извѣстія позднѣйшихъ писателей могли-бы внушать недовѣріе, еслибы изъ нихъ не складывался строгоопредѣленный антропологическій образъ. Невозможно предположить, чтобы писатели, проникнутые къ гуннамъ ненавистью и стремленіемъ представить ихъ въ возможно болѣе отвратительномъ видѣ, случайно придали гуннамъ всѣ черты монгольской расы, хотя и реторическія преувеличенныя: скудную растительность на лицѣ, сухопарость, низкій ростъ, темный цвѣтъ кожи, маленькіе глаза, приплюснутый носъ (Jord. c. 35); между тѣмъ характеристика получается до того полная, что Бэръ по поводу ея сказалъ: «es ist kaum möglich die mongolische Gesichtsbildung prägnanter zu bezeichnen».

Антропологическіе признаки представляютъ собою самую твердую почву въ вопросѣ о происхожденіи гунновъ. Скудные остатки языка и бытовыя черты говорятъ больше о той культурной мѣшанинѣ, которая образовалась въ жизни гунновъ подъ вліяніемъ смѣшенія съ готами, славянами, кельто-илирами. Прискъ приводитъ гуннскія имена, которыя являются двойниками готскихъ, Іорданъ говоритъ о погребальномъ пирѣ—страва, за которымъ, не взирая на комментарій В. Г. Васильевскаго, всего вѣроятнѣе признать *славянское* происхожденіе, Клавдіанъ приписываетъ гуннамъ обычай убивать родителей, который сближаетъ ихъ съ представителями урало-алтайской семьи (ср. преданія объ обычаѣ убивать престарѣлыхъ родителей у вотяковъ, мордвы, якутовъ) въ такой же мѣрѣ, какъ и привычка къ кочевой жизни.

Цѣнность соматическихъ признаковъ могла-бы ослабляться извѣстіями о деформаціяхъ, которымъ подвергались, по извѣстіямъ писателей, у гунновъ новорожденные, но эти извѣстія такъ наивны, такъ несообразны, что даже тѣ изслѣдователи, которымъ выгодно настаивать на нихъ, допускаютъ возможность замѣнить жестокія операціи въ видѣ глубокихъ надрѣзовъ на щекахъ новорожденныхъ младенцевъ (чтобы сдѣлать ихъ безбородыми) обычаемъ бриться въ зрѣломъ возрастѣ (Ср. Иловайскій Д. И. Разысканія etc.)

можно воспользоваться только названіемъ напитка, которое посольство пило по деревнямъ—medos. Названіе, повидимому, славянское [1]). Но какіе выводы можно изъ него сдѣлать? Можно, конечно, предположить, что по паннонскимъ деревнямъ въ V в. жили славяне; можно предположить, что населеніе деревень было смѣшанное — рядомъ съ сарматами-язигами могли жить славяне; можно предположить наконецъ и то, что въ Панонія жилъ народъ, который гдѣ нибудь раньше и долго сосѣдилъ съ славянами и заимствовалъ у нихъ напитокъ и его названіе—какъ заимствовали въ Приволжьи черемисы у русскихъ колонистовъ квасъ и его названіе (*куасъ*) Чтобы выбрать одно изъ этихъ предположеній, нужно всмотрѣться въ совокупность бытовыхъ чертъ, которыми характеризуется населеніе Панноніи. Чертъ этихъ къ сожалѣнію мало и онѣ не достаточно типичны. Въ пользу того, что паннонцы были славянами могло бы говорить названіе другого напитка, съ которымъ послы познакомились въ Панноніи—камосъ. Познакомили Приска съ нимъ и его названіемъ люди, которые провожали посольство и прислуживали ему. Названіе слишкомъ

[1]) Крекъ во второмъ изданіи своей «Einleitung» затрогиваетъ въ обширномъ примѣчаніи этотъ вопросъ и приходитъ къ выводамъ, съ которыми трудно согласиться. Основательно оспаривая заключенія, которыя дѣлаютъ изъ употребленіи меда въ Панноніи Забѣлинъ и Иловайскій, Крекъ не допускаетъ того, чтобы слово med принадлежало языку туземнаго населенія: онъ думаетъ, что Прискъ слышалъ его изъ устъ гунновъ, которые заимствовали его у славянъ—и заимствовали не въ Панноніи, даже не при движеніи въ нее, а еще на своихъ старыхъ кочевьяхъ, въ первыя столѣтія по Р. Х. въ ту эпоху, когда славянами сдѣланы была первыя заимствованія изъ тюркскихъ нарѣчій. Догадка Крека вызываетъ сомнѣніе прежде всего потому, что слово med и камасъ Прискъ слышалъ не отъ гунновъ, а отъ туземцевъ, когда скиѳы—проводники временно оставили посольство. Авторъ «Einleitung» пытаетъ доказать, что Прискъ не противопоставляетъ гунновъ туземцамъ, а называетъ тѣхъ и другихъ безразлично варварами, но мы видѣли, что это не совсѣмъ такъ: Прискъ отличаетъ туземное населеніе по языку. Покойный В. Г. Васильевскій обратилъ вниманіе ученыхъ на то, что слово med встрѣчается не въ однихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но и въ кельтскихъ (Ж. М. Н. П. т. 220, стр. 151) и склоняется къ предположенію, что употреблявшіе медъ жители Панноніи были кельты или кельто-илиры. Мы увидимъ ниже, что принять этой гипотезы въ первой редакціи нельзя. Что кельты жили въ Потисьѣ въ V в., больше чѣмъ сомнительно.

напоминаетъ всѣмъ знакомый въ Россіи кумысъ и догадка, что здѣсь идетъ рѣчь именно о немъ, является вполнѣ естественной; но, вчитавшись въ текстъ Приска, мы наталкиваемся на факты, которое не позволяютъ принять ея. Кумысъ—молочный напитокъ степняковъ-монголовъ и былъ-бы на мѣстѣ въ запасахъ прислуги посольства, еслибы она состояла изъ гунновъ: камасъ, который пили слуги посольства, приготовляли изъ ячменя проводники, предлагавшіе его посламъ вмѣстѣ съ просомъ; были не гунны,—гунны упоминаютъ особо, гдѣ они сопутствовали посольству,—а паннонскіе мужики: они были своими людьми для населенія деревень, черезъ которыя посольство проѣзжало. Гильфердингъ и Забѣлинъ высказали предположеніе, что славяно-русскій по составу напитокъ носитъ и славянское названіе—квасъ, но противъ такой догадки говоритъ форма слова и въ особенности *м* на мѣстѣ *в* или *у*: до сихъ поръ, кажется, не собрано фактовъ, которые-бы свидѣтельствовали, что римляне при передачи славянскихъ словъ ставили *м* вмѣстѣ *в*. Можетъ-быть, болѣе соотвѣтствующей фактамъ была-бы и здѣсь догадка, что Прискъ слышалъ искаженное славянское названіе изъ устъ народности, которая заимствовала его у славянъ—сарматовъ-язывовъ или кельто-иллировъ [3]).

Очень большое значеніе придается затѣмъ извѣстіямъ о паннонской архитектурѣ.

Прискъ входитъ въ подробности относительно панонскихъ построекъ главнымъ образомъ въ описаніи дворца Аттилы и домовъ его женъ и вельможъ; о жилищахъ массы онъ говоритъ только мимоходомъ. Самымъ существеннымъ является то, что панноны жили не отдѣльно, а деревнями, скучиваясь около удобныхъ водоемовъ, *не въ землянкахъ*, а въ деревянныхъ домахъ, возведенныхъ на поверхности. Подробности относительно устройствъ дома приходится набирать по частямъ.

Лагерь—деревня распадался на рядъ отдѣльныхъ усадьбъ, огороженныхъ деревянными заборами; входомъ въ нихъ слу-

---

[3]) Васильевскій въ той-же статьѣ приводитъ указанія на то, что напитокъ камъ былъ въ употребленіи у пеонцевъ задолго до Приска и высказываетъ убѣжденіе, что его предлагали Приску иллиры—паннонцы.

жили ворота, которыя на ночь запирались. Усадьба Аттилы занимала обширное пространство и состояла изъ нѣсколькихъ построекъ, служившихъ ему лично и его женамъ. Усадьбы вельможъ отличались меньшимъ размѣромъ. О формѣ домовъ и отдѣльныхъ частей Прискъ не даетъ связныхъ свѣдѣній; онъ говоритъ о башенкахъ, которыя украшали дворецъ Аттилы въ отличіе отъ другихъ домовъ, о какихъ-то аркахъ, которыя брались прямо отъ почвы и стройно поднимались въ высоту; здѣсь, вѣроятно, имѣется въ виду особый типъ устройства крыши. Болѣе опредѣленный характеръ имѣютъ свѣдѣнія относительно декоротивной стороны: постройки были, видимо, обшиты тщательно выструганнымъ тесомъ и украшены богатой рѣзьбой. Не лучше свѣдѣнія и относительно внутренняго устройства: нигдѣ—ни въ описаніи домовъ Аттилы, его жены, Онегезія, ни въ мимоходомъ брошенной замѣткѣ о случайномъ ночлегѣ въ простомъ деревенскомъ домѣ—онъ не говоритъ напр. о такихъ существенныхъ принадлежностяхъ дома, какъ очагъ, печь, окна. Судя по тому, въ какой обстановкѣ происходили торжественные пріемы и обѣды можно догадываться, что въ пріемныхъ помѣщеніяхъ ни для печи, ни для очага не было даже мѣста. Внутреннее убранство дома состояло изъ скамеекъ, которыя тянулись вдоль стѣнъ, стульевъ, небольшихъ столовъ (человѣка на 4, на 5), которые, кажется, вносились только во время обѣда; въ помѣщеніяхъ женщинъ еще чувствуется кочевая обстановка: не было ни скамей, ни стульевъ: служанки царицы работали, сидя на застланномъ коврами полу; можетъ быть, и тѣ арки, о которыхъ Прискъ говоритъ по поводу дома царицы, являются результатомъ стремленія приложить къ деревянной архитектурѣ формы кочевой кибитки.

Воздвигались эти постройки, несомнѣнно, мѣстными мастерами; чужеземцы, греки нужны были только для каменныхъ сооруженій, которыя являлись рѣдкостью. Къ какой-же народности могли принадлежать эти плотники—артисты?

Само собою разумѣется, что тутъ не можетъ быть рѣчи о гуннахъ. Все, что даетъ намъ Прискъ, говоритъ о техникѣ, которая при наличности данныхъ внѣшнихъ условій—обилія лѣса—воспитывается у народа вѣками. Нѣтъ основаній считать эту архитектуру и дѣломъ готскихъ рукъ. Свѣдѣнія, ко-

торыя даютъ намъ писатели относительно германскихъ деревянныхъ построекъ, не соотвѣтствуютъ тому, что имѣло мѣсто въ Панноніи. Германцы умѣли воздвигать постройки изъ дерева, но дерево при этомъ не обдѣлывалось и домъ выглядѣлъ далеко не красиво [1]) Въ Скандинавіи, много позже V в. даже у викинговъ дома мало отличались отъ курныхъ избъ нашего Сѣвера [2]) За устраненіемъ гунновъ и готовъ остаются туземцы, которые къ V в. представляли довольно пеструю смѣсь. Съ конца маркоманской войны здѣсь поселяются сарматы [3]), дорогу которымъ указали еще раньше въ I в. по Р. Х. пробравшіеся сюда языги метанасты. Въ V в. сарматами называли всѣхъ жителей Паннонiи, но Аммiамъ Марцеллинъ различаетъ между ними два класса: свободныхъ (Sarmati liberi, Arcaragantes) и рабовъ, крѣпостныхъ (Sarmati servi, Limigantes), рѣзко различавшихся между собою по образу жизни: свободные сарматы или языги были кочевниками, жили, какъ гунны, на коняхъ, не знали ни городовъ, ни селеній, держали семейства въ повозкахъ, на которыхъ переѣзжали съ мѣста на мѣсто [4]); сарматы—рабы, наоборотъ, жили въ *крѣпкихъ деревянныхъ домахъ* [5]), имѣли селенія и города, воевали пѣшіе. Понятно, что паннонскія постройки V в. могли быть только дѣломъ этихъ послѣднихъ. Вопросъ о древности славянскихъ поселеній на Дунаѣ сводятся такимъ образомъ къ вопросу о томъ, кто были эти сарматы крѣпостные. Шафарикъ, и за нимъ въ позднѣйшее время Дриновъ, считаютъ ихъ славянами. Основаніемъ для такого взгляда являются, какъ мы уже видѣли, мѣстныя названія Паннонiи, и кромѣ того извѣстіе нашей первоначальной лѣтописи о томъ, что славяне жили первоначально по Дунаю и вытѣснены были отсюда влахами, извѣстіе, въ которомъ хотятъ видѣть отголоски народнаго преданія. При этомъ Шафарикъ считаетъ влаховъ кельтами и относитъ вы-

---

[1]) Tac. Germ. Müllenhoff DA IV, 286.

[2]) Weinholt. Altnord. Leben. 4, 41. Müllenhoff l. c. 287. Только бургунды, кажется, обладали довольно высокой техникой Ср. Meldahl. Ueber die histor. Formen der Holzbaukunst etc. SBWAG, XXII, 54. Ср. Григ. Тур. IV, 41.

[3]) Дриновъ Засел. 51.

[4]) Müllenhoff. l. c. 287.

[5]) Засел. 34.

тѣсненіе славянъ къ IV в. до Р. Х., а Дриновъ римлянами [1]. Ни то ни другое основанія не оказывается достаточно прочными для того, чтобъ на нихъ можно было утвердить теорію древняго пребыванія славянъ; о цѣнности мѣстныхъ названій мы говорили уже выше. Извѣстіе лѣтописи противорѣчитъ этой теоріи посуществу: теорія требуетъ непрерывнаго пребыванія славянъ на Дунаѣ; лѣтопись говоритъ о ихъ пребываніи и вытѣсненіи; оно не отправдывается тѣми самыми свидѣтельствами классическихъ писателей, которыя Шафарикъ приводитъ въ его пользу: писатели говорятъ объ истребленіи одной части туземцевъ Панноніи [2] и покореніи кельтами другой а не объ ихъ массовомъ изгнаніи; не согласуясь съ источниками, оно не имѣетъ, какъ это показалъ Дриновъ, и народнаго характера: это книжная теорія, занесеная на Русь съ юга, изъ славянскихъ литературъ [7]).

Въ результатѣ длинной экскурсіи въ темную область древней этнографіи оказывается то, что основаній, позволяющихъ намъ признать паннонскую архитектуру славянской и туземное населеніе, создавшее ее, славянами, нѣтъ. По скольку дѣло касается архитектуры, вѣроятнѣе всего, что она является общимъ культурнымъ достояніемъ жителей Потисья и ихъ западныхъ родичей и сосѣдей—иллировъ Панноніи, Краины, Далмаціи.

---

[1]) Щафарикъ Слав. др. I, кн. 441. 442.

[2]) Дриновъ 1. с 35.

На основаніи римскихъ источниковъ рѣшить вопросъ о народности сарматовъ рабовъ нелегко. Тисса была восточной границей римской Панноніи; о странахъ лежавшихъ по ту сторону историки говорятъ намъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда отсюда выходили враждебныя имперіи движенія. Народы, которые чаще всго давали о себѣ знать, называются въ источникахъ по именамъ, но были и такіе, которыхъ римляне не умѣли назвать. Въ отчетѣ намѣстника Мизіи, на обязанности котораго, замѣтимъ мимоходомъ, лежала охрана береговой линіи отъ Бѣлграда до гирлъ—Плавтія Сильвана Эніана—мы читаетъ напр, что онъ «подавилъ движеніе сарматовъ.. перевелъ на римскій берегъ нѣкоторые число *неизвѣстныхъ* доселѣ или бывшихъ враждебными Риму царей и заставилъ ихъ склониться предъ римскими знаменами (Rom. G. V, 198). Что это за неизвѣстные Риму цари, остается загадкой, которую

Обращается въ явленіямъ славянской культуры, которыя должны засвидѣтельствовать раннее пребываніе славянъ на Дунаѣ.

текстъ не позволяетъ разрѣшить. Судя по порядку, въ которомъ о нихъупоминается, можно думать, что они владѣли землями или въ сарматскомъ Потисьи или на границахъ сосѣдней Дакіи. Проф. Васильевскій въ полемикѣ съ Д. И. Иловайскимъ по по вопросу о славянствѣ гунновъ высказываетъ предположеніе, что сарматы рабы были потомками кельтовъ и завоеваннныхъ ими нѣкогда иллировъ. Догадка эта можетъ имѣть большую или меньшую цѣнность въ зависимости отъ того, какъ мы будемь представлять себѣ положеніе кельтовъ въ придунайскихъ странахъ ко времени появленія въ нихъ языговъ т. е. къ половинѣ I в. по. Р. Х. Трогъ Помпей и Юстинъ говорятъ, намъ, что кельты покорили Паннонію (Шафарикъ. Др. 1, 402) но если подъ этимъ именемъ резумѣется римская провинція, граничившая Тиссой (Vittersheim. Völkerwanderung, II, 322) то вопросъ о сарматахъ рабахъ населявшихъ страну, на В. отъ Тиссы, остается открытымъ. Болѣе точное представленіе о границахъ кельтскихъ поселеній можно составить изъ перечня народностей, которыя отъ нихъ всего болѣе пострадали; мы видимъ между ними трибалловъ, гетовъ и иллировъ (Шафар. I. с. 404). Иллиры и трибаллы были южными сосѣдями паннонскихъ кельтовъ; для рѣшенія нашего вопроса это сосѣдство ничего не дáетъ; намъ нужны прежде всего восточные сосѣди, а на В. къ кельтскимъ поселеніямъ—по крайней мѣрѣ съ начала II в. до Р. Х,—примыкали поселенія даковъ и гетовъ. Въ I в. (около 74 до Р. Х.) дакійская территорія начиналась за дунайскимп порогами или катарактами (ibid, 102).

Августъ заставляетъ дакійскія племена (Dacorum gentes) признать верховную власть Рима (Thom. l. c. 104). Сарматы-языги могли застать въ странѣ даковъ: часть ихъ по словамъ Плинія удержалась въ горахъ и лѣсахъ до Тиссы (Plin. H. n. Thom. 1. c.); часть должна была вмѣстѣ съ побѣдителями сарматами грабить привлекавшія ихъ сосѣднія земли (Suet. Tib. 41). Сказавши, что до появленія языговъ Потисье входило въ составъ Дакіи, мы рѣшили опять таки только половину вопроса. Даки не старые насельники Подунавья. Около того времени, когда въ западной части его появились кельты, по Дунаю сидѣли геты и агатирсы. Подъ своимъ именемъ даки начинаютъ упоминаться почти одновременно съ кельтами—бастарнами, которые въ теченіе II. в. до Р. Х. распространились вдоль восточныхъ острогoвъ Карпатъ до устьевъ Тираса и Дуная, покоривши, вѣроятно, гетовъ. Съ ихъ появленіемъ на Дунаѣ изчезаетъ память объ агатирсахъ (траусахъ тожь). Томашекъ предполагаетъ, что даками почему-то стали называться съ II. в. Р. Х. траусы (1. с I. 101.); древніе писатели на основаніи созвучія пытались породнить ихъ съ ѳракійскими діями и даями, но это свидѣтельст-

1) Имя сокрушителя даковъ Траяна извѣстно не только славянамъ Балканскаго полуострова, но и восточнымъ: его не разъ называетъ пѣвецъ „Слова о Полку Игоревѣ“ [1]). О немъ, какъ о божествѣ, говорятъ славянскіе апокрифы и народныя пѣсни [2]). Въ какой степени этотъ фактъ говоритъ въ пользу исконнаго пребыванія славянъ на Дунаѣ, мы можемъ выяснить путей аналогіи. Если славяне не слыхали только о Траянѣ, а подъ именемъ даковъ на себѣ испытали его могущество, то онъ для славянъ долженъ представляться тѣмъже, что Аттила для германцевъ. Но какая разница образовъ: Аттила живетъ въ нѣмецкой поэзіи со всѣми существенными аттрибутами грознаго историческаго дѣятеля, между тѣмъ какъ образъ Траяна, которой въ жизни даковъ—предполагаемыхъ славянъ—имѣлъ еще болѣе роковое значеніе, сливается съ неопредѣленными и унаслѣдованными у покоренныхъ ѳракійцевъ образами народнаго творчества: сербскій Траянъ есть ни кто иной, какъ старый герой фриго-ѳракійской легенды Мидасъ, болгарскій Траянъ по своимъ отношеніямъ къ драгоцѣннымъ металламъ долженъ такъ-же разсматриваться, какъ славянская передѣлка древнихъ родопскихъ легендъ о Мидасѣ [3]). Что касается апокрифовъ, то извлеченные изъ нихъ факты очень интересны для характеристики религіоз-

---

вуетъ лишь объ одномъ—о томъ, что прошлое новаго народа было имъ совершенно неизвѣстно. Слѣды, которые оставилъ послѣ себя этотъ народъ въ видѣ личныхъ именъ и мѣстныхъ названій, говорятъ о родствѣ его съ сѣверными, не зависимыми отъ Рима варварами (ib 106 οἱ ὑπὲρ τὴν Δακίαν βάρβαροι αὐτόνομοι) которые жили на пространствѣ отъ верхней Тиссы до истоковъ Вислы, загнанные туда языгами. Но и это родство только отчасти разъясняетъ дѣло.—Личныя имена съ окончаніемъ на porus (Pio—porus rex Coistobocensis, его племянникъ Nato-porus; Petoporus—князь карповъ) повторяются у карповъ и костобоковъ, но другія хотя бы напр. Бурбисты не имѣютъ для себя аналогіи въ ѳракійскомъ мірѣ. Сабоки считаются родичами даковъ и ѳракійцевъ только потому, что въ имени ихъ есть повторяющійся въ имени костобоковъ суффиксъ *боки*. Въ какой степени эти суффиксы могутъ служить для опредѣленія народности показываетъ то, что Томашекъ, считая ихъ ѳракійскими, приводитъ первый рег въ связь съ славянскимъ корнемъ *пор*=пор-оть, второй съ слав. бокъ—сторона.

[1]) Дриновъ. Засел. 76. Тихонравовъ. Пам. отреч. лит. 23. Лѣт. Р. лит V, 5.

[2]) Дрин. l. c. 76—77.

[3]) Ср. Roscher. Myth. Lex. 1642, 2162.

ныхъ воззрѣній средневѣковыхъ болгарь, но ничего не говорятъ въ пользу непосредственнаго знакомства съ Траяномъ. Они говорятъ намъ лишь то, что славяне застали еще на балканскомъ полуостровѣ культъ Траяна и Зевса и приняли въ немъ участіе [1]). Появленіе Траяна въ роли божества вполнѣ понятно. Для римскихъ легіонеровъ, ветерановъ, чиновниковъ, для всѣхъ тѣхъ, кто выступалъ на полуостровѣ подъ римскимъ флагомъ, Траянъ былъ богомъ, какъ всякій другой императоръ; но divus Antoninus, divus Caracalla безъ труда смѣнили его въ оффиціальной религіи; не то, конечно, происходило въ сердцахъ переселенныхъ на полуостровъ даковъ и ихъ былыхъ союзниковъ ѳракійскихъ племенъ Мизіи; ни тѣ ни другіе,—по малому знакомству съ религіозными секретами римскихъ чиновниковъ—не могли понять, почему грозный такъ жестоко покаравшій своихъ мятежныхъ рабовъ *divus* Trajanus съ 117 года поступилъ въ религіозный архивъ; страшный погромъ, связанный въ памяти придунайскихъ народовъ съ именемъ Траяна, спасъ его отъ судьбы другихъ div'овъ, далъ ему безсмертіе и поставилъ въ сердцахъ населенія рядомъ съ Діемъ повелителемъ неба. Славяне застали этотъ культъ, застали скульптурныя изображенія грознаго бога—императора и по своему переработали его: Траянъ, принимавшій жертвы и поклоненіе въ видѣ статуи, былъ понятъ, какъ какъ окаменѣвшій человѣкъ.

Упоминаніе Траяна въ „Словѣ“ еще менѣе говоритъ въ пользу теоріи: чтеніе цитируемыхъ мѣстъ спорно (Тихонравовъ читалъ въ трехъ случаяхъ Бояни вмѣсто Трояни); лѣтосчисленіе отъ Трояна („вѣки Траяна“) въ лучшемъ случаѣ можетъ свидѣтельствовать о желаніи щегольнуть историческими, хотя порядочно плохими свѣдѣніями; свѣдѣнія о „тропѣ“ или дорогѣ Трояна могли проникнуть на Русь книжнымъ путемъ.

2) Всѣмъ славянамъ извѣстныя римскія календы. Усвоить римское названіе этого праздника они могли только тогда,

[1]) Фактъ, что славяне явились на полуостровѣ, когда на немъ формально господствовало христіанство, не противорѣчить этому предположенію; мы видѣли выше, какъ живуче было язычество.

когда римляне прочно держались на Дунаѣ, а славяне не начинали еще своихъ движеній на З. и жили сплошной массой—начиная отъ Дуная до верхняго теченія Вислы—въ эпоху отъ Траяна до Авреліана, когда Дакія была очищена и римскіе колонисты переведены на правую сторону Дуная.

Аргументъ имѣлъ-бы очень крупную цѣнность, если-бы дѣло шло не о названіи, а о самомъ обычаѣ: обычаи переходятъ отъ одного народа къ другому, какъ результатъ живого общенія массъ; иначе стоитъ дѣло съ названіями. Въ Македоніи и Панноніи календы сохранили свою жизнь послѣ водворенія христіанства и славянскіе миссіонеры должны были съ ними считаться, не меньше, чѣмъ греческіе. Встрѣчая на С. и В. совпадавшіе съ календами по времени и по нѣкоторымъ проявленіямъ обычаи, миссіонеры, естественно, могли назвать ихъ тѣмъ-же именемъ; весь вопросъ сводится къ тому, какъ это книжное и чужое названіе могло распространиться въ славянскихъ массахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что пріучило массы къ новому названію въ теченіе вѣковъ духовенство той или другой славянской страны: оно унаслѣдовало отъ просвѣтителей церковное названіе грѣховнаго обычая и сдѣлано изъ него неизмѣнный специфическій терминъ.

Объясняя такимъ образомъ распространеніе термина *коляды* въ славянскомъ мірѣ, мы освобождаемся отъ необходимости доказывать цѣлый рядъ спорныхъ положеній, которыя связаны съ инымъ взглядомъ на дѣло. Допустимъ на минуту, что обычай праздновать коляды славяне непосредственно заимствовали отъ римлянъ. Мы должны предположить для этого, что земли на С. отъ Дуная по крайней мѣрѣ съ II в. до Р. Х. были заняты славянами подъ именемъ даковъ, языговъ и эти славянскія поселенія составляли только аванпосты славянскаго міра, главная масса котораго подъ именемъ языговъ-сарматовъ оставалась на огромномъ степномъ пространствѣ отъ Чернаго моря до Дона; мы должны пойдти еще дальше: въ виду тѣхъ культурныхъ признаковъ, которые объединяютъ древнее населеніе Балканскаго полуострова и Прикарпатье (религія, языкъ), мы должны возвратиться ко всѣми покинутой уже теоріи объ исконномъ пребываніи славянъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ итогѣ нашего анализа оказывается, что относить появленіе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ къ III в. по

Р. Х., на Дунаѣ ~~къ II до Р. Х.~~ пока нѣтъ достаточныхъ основаній; славяне явились здѣсь позже, но когда? Говорить о нихъ начинаютъ писатели VI в. Это не значитъ однако, что именно въ VI в. они появились на Дунаѣ и сдѣлались однимъ изъ бичей имперіи. Для уясненія вопроса существенное значеніе имѣетъ слѣдующій фактъ. Съ VI в. дунайская низменность перестаетъ быть дорогой, по которой къ главному узлу римскихъ путей—Сирміуму двигались народы: по ней прошли въ I в. сарматы, въ IV готы, въ V гунны и болгары, но авары пробиваются къ Паннонiи окружнымъ путемъ. Первоначальная лѣтопись наша даетъ первое указаніе на направленіе, по которому они двигались. Сохранилось преданіе о насиліяхъ, которыя терпѣли отъ нихъ дулебы, жившіе на Волыни между Стырью и Бугомъ. Слѣдующій этапъ, на которомъ мы ихъ видимъ въ 565 г.—Средняя Европа, Чехія въ частности; здѣсь они нѣкоторое время тревожили германцевъ—тюринговъ, гепидовъ—и только раздавивши въ союзѣ съ лонгобардами послѣднихъ пробиваются къ Дунаю. Объяснить сдѣланное аварами уклоненіе отъ торнаго пути, такъ давно служившаго народамъ, можно только тѣмъ, что здѣсь явилось какое-то препятствіе и этимъ препятствіемъ оказываются славяне. Въ 558 г. авары предлагали имперіи союзъ противъ варваровъ, которые жили по сѣверному побережью Чернаго моря и тревожили полуостровъ своими набѣгами. Между этими варварами мы видимъ остатки гунновъ (утригуры и кутургуры), неопредѣленнаго происхожденія сабировъ и антовъ несомнѣнныхъ славянъ. Писатели VI в. Іорданъ (Іорнандъ, 551), Прокопій (551) и Маврикій (582—602)—знаютъ антовъ, какъ одно изъ славянскихъ племенъ и сообщаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно того, гдѣ они жили.

Набранныя изъ книгъ и плохо согласованныя между собою извѣстія Іордана только приблизительно намѣчаютъ территорію, которая была занята славянскими племенами; отъ Днѣстра до Дуная—близъ береговъ Чернаго моря сидѣли анты выше ихъ, повидимому, до Вислы на С. до Мурсійскаго болота на Дравѣ на З. и до Днѣстра на В. склавины, на С. отъ этихъ послѣднихъ на огромномъ пространствѣ венеды.

Прокопій, современникъ Марцелина, опредѣляетъ жилища антовъ иначе. Онъ помѣщаетъ безчисленные антскіе народы

на С. отъ утургуровъ, которые жили близъ Азовскаго моря: склавины являются у него сосѣдями антовъ. Маврикій даетъ косвенное, но очень цѣнное указаніе на территорію славянъ: рѣки страны занятой въ его время славянами, впадали въ Дунай.

Когда и при какихъ условіяхъ явились славяне на Дунаѣ, можно выяснить только приблизительно, всмотрѣвшись въ совокупность явленій, изъ которыхъ слагается исторія придунайскихъ земель, начиная со смерти Аттилы.

Первое, что бросается въ глаза при болѣе или менѣе обстоятельномъ изученіи этихъ явленій, это двѣ рѣзко разграниченныя сцены, на которыхъ совершаются событія: Паннонія и Потисье—бывшій центръ государства Аттилы—составляютъ предметъ борьбы между германскими племенами—остготами, герулами, гепидами, лонгобардами; Дакія служитъ операціоннымъ базисомъ для другихъ тревожившихъ В. Имперію варваровъ: отсюда совершаютъ свои опустошительные набѣги на полуостровъ загадочные геты (въ Иллирикъ) болгары (во Ѳракію и Мизію), анты, славины, гунны (кутригуры). Перечень народовъ, для которыхъ жилищемъ служила Дакія, можно значительно сократить: гунны (кутригуры и болгары) составятъ одну группу, анты и славяне другую; къ той или другой изъ этихъ группъ съ одинаковой основательностью можно присоединить гетовъ: гетовъ въ собственномъ смыслѣ къ этому времени не осталось и слѣда; ихъ именемъ назывались народы, жившіе въ былой Гетіи, а жили тамъ и анты (на С.) и Гунны (на В)

На Дунаѣ послѣ смерти Аттилы оказались такимъ образомъ дѣйствующими три этнографическихъ группы: впереди германцы, за ними гунны и славяне. Границей между германцами и славянами были дунайскіе пороги. Предположеніе, что эти-же три группы имѣли здѣсь мѣсто и при жизни Аттилы, что другими словами *славяне и германцы* были двинуты къ Дунаю гуннами, одинаково входили въ составъ „имперіи“ Аттилы, является какъ нельзя болѣе естественнымъ. Часть славянъ—предки нынѣшнихъ словинцевъ—двинулась, кажется, около 474 г. вмѣстѣ съ остъ-готами въ Паннонію; предки нынѣшнихъ болгаръ остались временно въ Дакіи. Съ этого момента, можно предполагать,

возникаетъ распаденіе юго-славянской группы на словинскую и болгарскую.

Въ верхне-дунайскихъ земляхъ славяне утвердились, несомнѣнно, благодаря ужасающей, звѣриной борьбѣ за существованіе, которая на протяженіи столѣтія кипѣла здѣсь между германскими племенами. Смерть Аттилы вновь оживила борьбу за римскія деньги, въ которой губили другъ друга варварскія племена—не привыкшія еще къ земледѣльческому труду, страдавшія отъ хроническаго голода, тянувшіяся къ подачкамъ, которыя давались сильнѣйшему. Первыми вступили въ эту истребительную борьбу остъ-готы. Римскихъ денегъ не хватало на содержаніе большого народа и готы нѣкоторое время восполняли недостатокъ грабительскими операціями относительно сосѣдей и родичей. Въ теченіе десяти лѣтъ они успѣли почти начисто истребить скировъ, сильно разрѣдили славянъ и гепидовъ [1]).

Послѣ удаленія готовъ въ Италію закипѣла борьба изъ-за Паннонія между гепидами и лонгобардами. Лонгобарды отняли у геруловъ, своихъ бывшихъ повелителей, Потисье. Византія обратила вниманіе на новую силу, предложивъ лонгобардамъ для заселенія Паннонію и денежную подачку. Цѣлью союза, по справедливому предположенію Смичикласа, была борьба съ славянами, которые нападали на Далмацію, прикрываясь союзомъ съ о. готами. [2]).

Имперія считала еще себя вправѣ распоряжаться своими провинціями, но у варваровъ былъ свой взглядъ на вещи: на Паннонію тотчасъ послѣ готовъ заявили притязанія гепиды и лонгобардамъ пришлось ее отбивать у нихъ при помощи Византіи (548 и 551). Операціи шли такъ успѣшно, что уже къ 551 г. большая часть гепидовъ была истреблена [3]).

---

[1]) Wittersheim. Volkerwand. II, 329.

[2]) Povjest hrv. I, 94.

[3]) Rössler. Zeitpunct d. slaw. Ansiedelung am unt. Donau. SBWA. h. ph cl. LXXIII, 86.

Въ борьбѣ между гепидами и лонгобардами славяне принимали участіе въ качествѣ союзниковъ гепидовъ [1]).

Въ 551 г., когда гепидамъ нанесенъ былъ первый жестокій ударъ, славяне въ ихъ предѣлахъ переправились обратно черезъ Дунай—[2]); само собой понятно, что этотъ отрядъ вышелъ откуда нибудь по близости—или изъ самаго Потисья или изъ сосѣдней Панноніи [3]).

Въ 567 г. гепиды были уничтожены окончательно. Лонгобарды призвали на помощь аваровъ, обязались немедленно при появленіи ихъ предоставить имъ десятую долю своего скота, половину будущей добычи и занимаемое гепидами Потисье; гепиды потеряли въ этой послѣдней борьбѣ около 60,000 чел. Остатки ихъ подчинились власти аваровъ [4]). Лонгобарды остались хозяевами Панноніи, но цѣной сосѣдства, которое не обѣщало имъ ничего хорошаго: авары были опаснѣе гепидовъ и лонгобарды поняли это: черезъ годъ послѣ своего тріумфа надъ гепидами они уже перебираются въ Италію [5]). Опустѣлыя земли по Дунаю, Дравѣ и Савѣ переходятъ въ руки аваровъ и славянъ. Втеченіе 30 лѣтъ славяне проникаютъ въ нынѣшнія В. Австрію, Штирію, Каринтію, Крайну, Тироль, Фріауль и Истрію.

---

[1]) Rössler. l. c. 86.

[2]) Rössler, отдавая дань національному шовинизму, старается представить дѣло такъ, что славяне на этотъ разъ съ позволенія гепидовъ перебирались за Дунай и подъ ихъ покровительство прибѣгали, когда въ тылу у нихъ появились римскіе отряды. Картина эта не соотвѣтствуетъ ни общимъ средневѣковымъ условіямъ войны-разбоя, ни тѣмъ особымъ, въ которыхъ находились гепиды. Грабители эпохи переселенія народовъ вообще обходились безъ разрѣшеній, когда чувствовали силу—а сила у славянъ въ данномъ случаѣ была достаточная; просить же защиты и разрѣшенія у дважды на протяженіи 2-хъ лѣтъ жестоко битыхъ гепидовъ было уже совсѣмъ излишнимъ. Фактъ, на основаніи котораго строитъ свой выводъ Rössler, можно объяснить проще: гепиды-лодочники воспользовались случаемъ и прижали славянъ, славяне предпочли заплатить по золотому за перевозку, чѣмъ имѣть дѣло съ римлянами.

[3]) Cp. Rössler Zeitpunkt. 88.

[4]) Дриновъ. Засел. 95.

[5]) ibid. 107.

Присутствіе значительнаго количества славянъ въ Панноніи обнаруживается уже изъ того, что авары, укрѣпившись въ Сирміумѣ, производятъ набѣги за Дунай или совмѣстно съ славянами или направляютъ туда славянъ. Въ томъ и другомъ случаѣ дѣло идетъ, несомнѣнно, о тѣхъ славянахъ, которые признали надъ собой аварскую власть т. е. о славянахъ паннонскихъ; славяне Дакіи были независимы.

Фактъ, что славяне, поселившіеся подъ шумъ борьбы между гепидами и лонгобардами въ странахъ на З. отъ Тиссы, признали надъ собой власть аваровъ, вполнѣ понятенъ: славяне раздѣлили участь гепидовъ и подчинились народу, рядомъ съ которымъ нашли опаснымъ жить будущіе завоеватели Италіи—лонгобарды. Въ чемъ выражалась эта зависимость и долго ли она продолжалась, остается неяснымъ [1]). Въ 600 г. Византія заключаетъ съ аварами мирный

---

[1]) Отношенія между аварами и славянами—больное мѣсто славянской исторіографіи. Въ ихъ характеристикѣ слышится, несомнѣнно, голосъ національнаго чувства.

Нѣмецкіе ученые не могутъ представить, какимъ образомъ славяне могли поселиться на западъ отъ аваровъ Панноніи и Норика—въ нынѣшнихъ Славоніи, Хорватіи и Крайнѣ. Rössler для объясненія этого факта придумываетъ гипотезу, которая не находитъ себѣ ни подтвержденія въ источникахъ, ни аналогіи въ исторіи возникновенія крѣпостныхъ отношеній вообще. Притокъ славянъ, въ обѣ провинціи, по его мнѣнію, былъ допущенъ аварами въ виду того, что они пользовались пришельцами въ качествѣ крѣпостныхъ, на которыхъ возлагались принудительно земледѣльческія и домашнія работы (Zeitpunkt. 94). Состоя подъ властью аваровъ, славяне научились будто бы воевать и производить опустошенія. Мы видѣли уже, что дѣло объясняется иначе; но гипотеза Rössler'а была бы не состоятельной даже въ томъ случаѣ, еслибы источники не давали намъ фактовъ говорящихъ противъ нея: для крѣпостныхъ отношеній въ жизни славянъ не наступало тогда еще время; народъ, жившій на половину грабежемъ и войной, не могъ такъ цѣнить землю, чтобы за право пользоваться ею жертвовать своей свободой; народъ, который могъ свободно садиться въ любомъ пунктѣ полуострова, не имѣлъ основанія добровольно принимать на себя ярмо кочевыхъ аваровъ. Историки-славяне—русскіе, хорваты, чехи—находятъ обиднымъ предположеніе, что славяне нѣкогда были въ зависимости отъ аваровъ. Дриновъ основательно оспариваетъ устарѣлое мнѣніе Гиббона, будто авары владычествовали надъ огромнымъ пространствомъ отъ

договоръ, по условіямъ котораго войска имперіи пріобрѣтали право переходить черезъ Дунай для борьбы съ славянами [1]). Эти славяне должны были жить или въ Панноніи или еще далѣе на З. отъ нея; къ славянамъ Дакіи договоръ не можетъ относиться потому, что проникнуть къ нимъ изъ Потисья было трудно и авары сами должны были пробираться въ Дакію вдоль праваго берега Дуная и два раза переходить чрезъ него. Договоръ показываетъ, что, если не въ Панноніи собственно, то рядомъ съ ней были славяне, которые не входили въ составъ аварскаго государства [2]). Всего вѣроятнѣе это были тѣ славяне, которые около этого времени нападали на приморскіе города Далмаціи, пытались чрезъ Истрію прорваться въ Италію [3])—славяне Крайны и Хорватіи [4]); они-же дѣлали набѣги на Баварію и Тироль. Авары еще раньше около 579 имѣли съ ними враждебныя столкновенія по поводу дани. [5])

За Дунай на полуостровъ славяне перебираются медленно, на протяженіи $1^1/_2$ столѣтій. Моментъ, съ котораго начинается движеніе, его ходъ можно представить только предположительно. Отношенія славянъ къ имперіи складываются иначе, чѣмъ отношенія германцевъ и гунновъ: исторія не знаетъ лицъ, именами которыхъ опредѣляются цѣлыя эпохи—какъ имена

Волги до Эльбы, отъ Савы и Нижняго Дуная чуть не до Балтійскаго моря (Засел. 103), но впадаетъ въ другую крайность—представляетъ аваровъ слишкомъ слабыми для того, чтобы они могли господствовать хотя бы надъ значительной частью славянъ. На дакійскихъ славянъ власть аваровъ, вѣроятно, однако не распространялась: одинъ изъ паннонскихъ князей, отъ котораго авары потребовали покорности и дани, по словамъ Менандра, отвѣтилъ, что его люди сами привыкли покорять другихъ и при этомъ останутся, пока существуетъ война и мечь; въ 582 г. Византія заключаетъ для борьбы противъ нихъ союзъ съ аварами; въ 584 г. аварскій каганъ самъ предполагаетъ новый походъ противъ нихъ и проситъ позволенія провести войско черезъ Иллирію и Мизію правымъ берегомъ Дуная.

[1]) Simocat VII, 2. Ср. Дриновъ. Засел. 114.

[2]) Finlay—„Greece under the Romans", 369—думаетъ, что это были паннонскіе славяне и договоръ доказываетъ ихъ „virtual independence".

[3]) ibid. Paul. Diac. l. IV, 7, 11. Дриновъ. 1. с. 122. Smic. 1. с. II, 96.

[4]) ibid.

[5]) Farl. Jllyr. sacrum. II, 287.

Аттилы, Теодориха—не знаетъ моментовъ, къ которымъ пріурочивается появленіе и изчезновеніе огромныхъ народныхъ массъ, не знаетъ племенъ, которымъ Византія платила бы правильную дань, какъ гуннамъ, аварамъ, болгарамъ, гепидамъ, лонгобардамъ. Славяне незамѣтно „насыщаютъ“ полуостровъ, не выдвигая организаціи, съ которой можно было договариваться, торговаться или бороться. Вслѣдствіе этой особенности процесса его начало относятъ иногда—и ошибочно—къ слишкомъ позднему времени—къ половинѣ VII в.

Точныя извѣстія о частичныхъ поселеніяхъ идутъ изъ второй половины VI в. О славянахъ въ Мизіи бросаетъ случайное упоминаніе Прокопій: крѣпость Адина была возстановлена для защиты отъ укрывавшихся въ ея окрестностяхъ варваровъ славянъ [1]). О поселеніяхъ славянъ въ концѣ VI в. на югѣ полуострова говоритъ церковный историкъ Іоаннъ Ефесскій. „На третій годъ послѣ смерти императора Юстиніана, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, выступилъ проклятый народъ славянъ и производилъ набѣги на всю Элладу, мѣстности Солуня и всю Ѳракію. Они завоевали много городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, опустошали, жгли, грабили страну и *овладѣли ею*: они поселились въ ней безъ страха, какъ будто она имъ принадлежала [2])“. Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ: „и до нынѣшняго дня Славяне *живутъ*, *садятся* и *покоятся* въ римскихъ областяхъ, безъ заботы и страха, грабя и раззоряя огнемъ и мечемъ. Они *разбогатѣли*, пріобрѣли золото и серебро, табуны коней и множество оружія, которымъ научились владѣть лучше римлянъ [3])“. Въ 597 г., когда братъ императора Маврикія Петръ готовился къ переправѣ въ занятую славянами Дакію, славянскія полчища появились далеко отъ него, у стѣнъ столицы [4]). Около этого же времени происходили осады славянами Солуни, о которыхъ разсказывается въ житіи Дмитрія Со-

[1]) Дриновъ. Засел. 96.
[2]) ibid. 107.
[3]) ibid. 109.
[4]) Simocat. VII, 2. Ср. Дриновъ. Засел. 114.

лунскаго [1]). Въ 610 Славяне овладѣли, по словамъ Исидора Сивильскаго, Греціей [2]). Наличность славянъ въ Ѳракіи и Македоніи въ началѣ VII в. раскрывается въ нѣкоторыхъ эпизодахъ осады аварами Константинополя въ 626 г.: славяне осаждали городъ съ моря въ безчисленныхъ однодеревкахъ и вмѣстѣ съ женщинами участвовали въ осадѣ съ суши; послѣ разгрома, который нанесъ имъ на морѣ византійскій флотъ, они покинули аваровъ и разошлись по домамъ. Само собою разумѣется, что паннонскіе славяне не могли обратиться въ моряковъ и приготовить лодки разомъ по мановенію хакана; тутъ, очевидно, дѣйствовали мѣстные жители. Участіе въ осадѣ Константинополя—первое морское дѣло, связанное съ именемъ славянъ. За нимъ идетъ уже рядъ такихъ предпріятій: въ 641 г. славяне пристали къ восточному берегу южной Италіи и опустошали Апулію; при Константинѣ Погонатѣ (668—685) они грабили острова и берега Эгейскаго, Мраморнаго и Іоническаго морей, забирались въ М. Азію, нападали на корабли съ хлѣбомъ, шедшіе въ Константинополь [3]). Начиная съ 40-хъ годовъ VII в. земли на З. отъ Родоповъ и примыкающая часть Балкана носитъ уже названіе Славиніи [4]).

Сжатыя извѣстія византійцевъ VI и VII в.в. говорятъ главнымъ образомъ о восточной части полуострова: о заселеніи Иллирика—территоріи сербо-хорватскаго племени—сообщаетъ писатель, жившій тремя столѣтіями позднѣе—Константинъ Багрянородный. Его извѣстія полнѣе: онъ не только констатируетъ фактъ, но собщаетъ условія, при которыхъ онъ произошелъ, и подробности относительно того, какъ онъ происходилъ. Константинъ знаетъ, откуда пришли сербы и хорваты, подъ чьимъ предводительствомъ; къ сожалѣнію, всѣ эти подробности могутъ имѣть цѣну только для характеристики императора-писателя и не имѣютъ никакого значенія для исто-

---

[1]) Филаретъ «Св. Великомученикъ Дмитрій и Солунскіе Славяне». Чт. М. О. Др. 1868, № 6, стр. 10—11. Ср. Дриновъ. Засел. 114—115.

[2]) Дриновъ l. c. 118.

[3]) ibid 131—132.

[4]) ibid. 135.

ріи [1]). О заселеніи Иллирика въ концѣ концовъ мы знаемъ столько же, если не меньше, сколько относительно Мизіи и Өракіи: въ началѣ VII в. славяне опустошаютъ Истрію, Далмацію, въ 40-хъ годахъ они являются хозяевами этихъ странъ; о томъ, какъ они появлялись въ нынѣшней Сербіи, достовѣрно ничего неизвѣстно. На основаніи данныхъ языка предполагаютъ, заселеніе что шло постепенно и не безъ взаимной борьбы между новыми колонистами. Такъ называемое кайкавское нарѣчіе хорватскаго языка, по мнѣнію Ягича, произошло отъ смѣшенія хорватовъ, явившихся позднѣе, съ словинцами, которые ранѣе засѣли по Савѣ; такое-же смѣшеніе словинскихъ элементовъ съ позднѣе явившимися хорватскими представляетъ, по мнѣнію Рачкаго, и такъ называемый чакавскій діалектъ. Кромѣ словинскихъ элементовъ въ отдѣльныхъ діалектахъ сербохорватскаго языка имѣютъ мѣсто и болгарскіе элементы, также указывающіе на раннихъ славянскихъ насельниковъ, которыхъ встрѣтили хорваты [2]).

Къ половинѣ VII в. заканчивается водвореніе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, но было бы ошибкой думать, что Дунай тотчасъ становится этнографической границей между ушедшими славянами и новыми степными насельниками Дакіи. Существуютъ положительныя указанія на то, что часть славянъ осталась на С. отъ Дуная, сохраняла связи съ первымъ болгарскимъ царствомъ и романизировавшись позднѣе вошла въ составъ румынской народности [3]).

---

[1]) Разборъ извѣстій К. Б. о переселеніи сербовъ и хорватовъ см. Rački-Ociena, 45—49; Дриновъ—Заселеніе, 125.

[2]) Дриновъ. Засел. 128—130.

[3]) Баварскій географъ конца IX. в. упоминаетъ о болгарахъ на С. отъ Дуная (Шафар. Сл. Др. II, 353). Въ Annales Fuldenses подъ 892 г. сообщается извѣстіе о посольствѣ, которое было отправлено въ Болгарію съ ходатайствомъ о томъ, чтобы болгары не возили въ Великую Моравію *соль*. Милетичъ и Агура («Дако—Ромѣнитѣ и тѣхната Славянска писменость» СбМ. IX, 241) обращаютъ вниманіе на то, что на Балканскомъ полуостровѣ не было соляныхъ майдановъ и соль съ римской поры добывалась въ Валахіи близь Окна-Римникъ, и дѣлаютъ предположеніе, что Валахія въ IX в., стало быть, находилась подъ властью болгаръ. О Болгаріи IX в. на С. отъ Дуная (ἐκεῖθεν τοῦ Ἴστρου) говорятъ и византійскіе источники

Послѣдній остатокъ этихъ славянъ видятъ въ настоящее время въ горсточкѣ такъ называемыхъ Чергедскихъ болгаръ.

Судьба славянъ на Балканскомъ полуостровѣ такъ-же мало походитъ на судьбу германскихъ народовъ въ провинціяхъ имперіи, какъ и исторія ихъ поселенія на немъ. Вестъ-готы, герулы, остъ-готы, лонгобарды двинувшіеся съ Дуная на З. нашли тамъ могилу своей національности, ороманившись, какъ ороманились одновременно съ ними франки, бургунды, позднѣе норманны; славяне не только сохранили на почвѣ имперіи свою національность, но ославянили позднѣе даже своихъ завоевателей—болгаръ. Причина рѣзкаго различія въ судьбѣ двухъ молодыхъ племенъ, столкнувшихся съ носителями античной цивилизаціи, заключается въ различномъ составѣ культурной среды, которую нашли тѣ и другіе. Въ Италіи, Испаніи, Галліи германскія племена нашли однородное сильно романизованное населеніе, вліянію кото-

(Иречекъ. Ист. Бол. 178) Эти мелкія болгарскія княжества существовали на С. отъ Дуная даже послѣ Симеона (Васильевскій. Рус. и визант. отрывки. Ж. М. Н. Пр. 1876, т. CLXXXV 402, 434). Мадьярскіе хроникеры, разказывая о завоеваніяхъ Св. Стефана въ Прикарпатскомъ краѣ, упоминаютъ, что здѣсь между прочимъ онъ покорилъ Кеана, «князя болгаръ и славянъ», которые жили въ трудно доступныхъ мѣстахъ. Въ житіи св. Герарда упоминается въ тоже время другое славяно-болгарское княжество между Тиссой, Керешемъ и Дунаемъ до Виддина (Vita s. Gerardi. Monum. Arpad. c. Io, 214). Князь этой страны взималъ пошлины съ соли, которая шла по Мурену. О болгарскихъ княжествахъ въ Карпатахъ говоритъ и анонимный нотарій Бэлы.—Б. нотарій знаетъ и вообще славянъ рядомъ съ Влахами въ Трансильваніи (Милетичъ и Агура I. с. 243). Воспоминанія о связяхъ, соединявшихъ Валахію съ Болгаріей въ періодъ перваго царства, сохранились и въ актахъ. Милетичъ и Агура приводятъ земельную грамату 1231 г., въ которой устанавливается, что предки нѣкоего Трула съ незапамятныхъ временъ, когда еще terra Blacorum terra Bulgararum extitisse fertur, владѣли землей Воје въ Фогарашѣ (I. с. 246). Предположеніе относительно того, что часть болгарскихъ славянъ осталось за Дунаемъ, раздѣляютъ и румынскіе ученые. Ксенополь напр. высказывается категорически, что въ Дакіи еще до прохожденія чрезъ нея Мадьяръ сидѣло славяно-болгарское населеніе; съ нимъ именно соединились спустившіеся съ горъ «романы» въ концѣ IX в. (I, 389; СбМ. IX, 258). Ср. *Miklosic.* Die Spr. der Bulgaren in Siebenbürgen. DWA. VII.

раго они и подчинились; славяне заняли страну, которая также входила въ составъ римской имперіи, но имѣла въ высшей степени пестрое населеніе и была романизована ко времени появленія славянъ несравненно слабѣе. Въ сѣверной части полуострова ростъ романизаціи остановился и пошелъ подъ гору еще начиная съ II в. Въ III в. въ Мизіи въ качествѣ плѣнниковъ водворялись сотни тысячъ сарматовъ, цѣлыя племена карповъ, бастарновъ [1]); въ IV в. одинъ Константинъ В. переселилъ на полуостровъ 300,000 сарматовъ языговъ (Arcaragantes), которыхъ выгнали ихъ крѣпостные [2]), а потомъ и сарматовъ-рабовъ (Limigantes) которыхъ поселилъ на Тимокѣ [3]). Въ V в. здѣсь ищутъ для себя убѣжища остатки гунновъ подъ предводительствомъ пяти сыновей Аттилы, сарматы, аланы, временно остъ-готы, скиры, цемандры, боиски, амнизуры, итимары, тоносурсы. Прискъ, проѣхавшій къ Аттилѣ поперекъ всего полуострова, писалъ потомъ, что латинскій языкъ служилъ для частныхъ и политическихъ сношеній между различными племенами всего полуострова. Это извѣстіе понимается иногда въ томъ смыслѣ, что населеніе полуострова было вполнѣ романизовано, и понимается совершенно неправильно: въ современной Россіи русскій языкъ служитъ для сношеній между черемисами, чувашами, татарами, калмыками, но всѣ эти племена очень далеки отъ полнаго обрусенія. Сарматъ, конечно могъ, сноситься съ славяниномъ, германцемъ или гунномъ на латинскомъ языкѣ, но среди своихъ земляковъ онъ говорилъ на родномъ языкѣ.

Масса разноплеменныхъ варваровъ даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ т. е. если бы имперія наслаждалась миромъ и римское населеніе ея провинцій безпрепятственно могло выполнять свою культурную миссію не могла быстро романизироваться—прежде всего уже потому, что приливъ варварскихъ элементовъ на протяженіи трехъ столѣтій идетъ волнами къ тронутымъ римской цивилизаціей сарматамъ III в. при-

---

1) Дриновъ Засел. 54.

2) *Zeuss*. Die Deutschen. 622.

3) *Thomasek*. Zur Kunde d. Haemus-Halbinsel. 481.

ливали ихъ нетронутые родичи въ IV и V в. и поддерживали такимъ образомъ ихъ національность. Но имперія далеко не наслаждалась миромъ: варвары грабили ее и уводили плѣнниковъ почти безпрерывно и въ плѣнъ—это положительно извѣстно—забирались преимущественно римскіе граждане, какъ болѣе состоятельные и болѣе цѣнные для государства. Въ VI в. эти „полоны" достигли колоссальныхъ размѣровъ: не проходило года, чтобы полуостровъ не терялъ около 200,000 своихъ гражданъ. Большая часть плѣнниковъ забиралась, видимо, въ разрушавшихся во время набѣговъ городахъ. Крупные города, въ которыхъ сосредоточивалось управленіе и торговля, лежали въ развалинахъ или находились въ рукахъ варваровъ: Сирміумъ— центръ военнаго и гражданскаго управленія на С.—былъ занятъ аварами, въ Сингидунумъ авары ввели булгаръ, Сардика (Софія), Ратіарія, Бононія и рядъ другихъ придунайскихъ городовъ погибли во время войнъ аваровъ съ Византіей. Романизованное ѳрако-иллирійское населеніе могло еще удерживаться на Ю. отъ Балканъ во Ѳракіи и Македоніи и на З. въ Иллирикѣ и Далмаціи: набѣги варваровъ разрѣжали, конечно, сильно и его, но сюда не въ такой мѣрѣ приливали степные, варварскіе элементы. И славяне въ самомъ дѣлѣ нашли здѣсь „романовъ", но нашли въ такомъ состояніи, которое дѣлало ихъ не способнымъ вліять на пришельцевъ, ассимилировать ихъ. Имя Влахъ—такъ называли славяне романизованныхъ туземцевъ—сдѣлалось у нихъ синонимомъ пастуха. Въ этой короткой исторіи слова заключается итогъ исторіи ѳрако-иллирійцевъ подъ римскимъ владычествомъ. „Влахъ" въ борьбѣ съ грабителями-варварами и можетъ быть, еще болѣе страшнымъ фискомъ, обѣднѣлъ, бросилъ свои города и деревни, бросилъ землю, которая сдѣлалась для него источникомъ однихъ страданій, и ушелъ въ недоступныя для сборщиковъ горы бродить по примѣру предковъ съ горсточкой козъ или овецъ, унося съ собою изъ всей римской культуры только limba romēnéscă и смѣсь старыхъ вѣрованій съ недавно принятымъ христіанствомъ.

О предѣлахъ территоріи, на которой славяне застали романизованное ѳрако-иллирійское населеніе можно судить по топографическимъ названіямъ, въ составъ которыхъ входитъ

слово влахъ. Область былыхъ долоповѣ называлась у византійскихъ писателей Ἀνάβλαχα, Θессалія—великой Влахіей (μεγάλη Βλαχία), другая великая Влахія упоминается въ средніе вѣка на границахъ Босны; мѣстность, расположенная въ горахъ бывшей Дарданіи и Расѣ носитъ у сербовъ названіе „Старый Влахъ“ [1]); названія Великая, Бѣлая и Черная Влахія до настоящаго времени удержались для обозначенія Этоліи, Мизіи и Румыніи; Черными Влахами (морлаками) называются также ославянившіеся потомки влаховъ въ Далмаціи и на прилегающихъ островахъ. Въ качествѣ кочующихъ пастуховъ влахи странствуютъ въ Крушевацкомъ, Топличкомъ и Нишскомъ округахъ ю. Сербіи, въ Болгаріи по всему Балкану. Небольшія группы ихъ разсѣяны на полуостровѣ Халкидикѣ и въ Θессаліи.

Былое θракійское населеніе Балканскаго полуострова оставило кромѣ того свои слѣды въ видѣ недостаточно опредѣленныхъ племенныхъ группъ главнымъ образомъ въ Родопахъ.

Классическіе писатели оставили намъ извѣстія, что часть сатровъ и бессовъ, населявшихъ Родопы, пользовалась репутаціей хорошихъ рудокоповъ и ковачей. Они умѣли выдѣлывать мѣдныя, желѣзныя, серебряныя и золотыя издѣлія, выковывали знаменитые мечи и сѣкиры. Металлическое производство до сихъ поръ остается спеціальностью потомковъ древняго θракійскаго населенія—влаховъ и тѣхъ народностей, которыя уцѣлѣли въ Родопахъ. Южные славяне относятся презрительно къ ремеслу кузнеца. Въ произведеніяхъ болгарской народной словесности ножъ всегда почти упоминается съ эпитетомъ „влашки“. Кустарное металлургическое производство въ Родопахъ составляетъ до настоящаго времени спеціальность группы селъ, которыя носятъ названіе Мрвашко.

Мрваки населяютъ мѣстность вокругъ горной вершины Али-ботушъ, занимая расходящіяся отъ него планины—на С Пиринъ, на ЮВ. Черну Гору, Рупельску, Шарали. Капа-

---

[1]) Новаковичъ «Село» 25—47. Jireček. Cesty po Bug. 220, 221. Влахи въ Хорватіи, Дубровникѣ: Rački. Hrvatska prie XII v. RJA LVII, 140,—42 ff.

кини. Только въ послѣднее время съ упадкомъ желѣзодѣлательной промышленности Мрваки стали переходить къ земледѣлію, гдѣ этотъ переходъ допускается мѣстными условіями.

Уже одна промышленная традиція связываетъ нынѣшнее населеніе Родоповъ съ былымъ ѳракійскими насельниками, но современные путешественники даютъ намъ и другія основанія для ихъ обособленія отъ болгаръ и сербовъ въ качествѣ особой племенной группы: мрваки рѣзко отличаются отъ своихъ сосѣдей костюмомъ; мрвака можно издали узнать по долгому, безрукавному плащу (къишпинъ) [1]).

Ма позволяемъ себѣ сдѣлать догадку, что мрваки представляютъ собою остатки того-же племени, имя котораго сдѣлалось у сербовъ нарицательнымъ для обозначенія раба, подчиненнаго (меропхъ).

На СЗ. отъ Филиппополя у подножія Родоповъ въ округѣ Рупчосъ населеніе называетъ себя Рупци. Обитатели бассейна Марицы—въ округахъ Хас-Хіой, Эски-Загра, Чирпанъ—называются у сосѣднихъ болгаръ рупаланами, турки и греки въ районѣ Димотики этимъ-же именемъ называютъ болгарское населеніе бассейна Марицы (Рупали). Сопоставляя болгарское и греко-турецкое значеніе термина „рупаланы", мы должны признать, что въ дославянскую эпоху онъ примѣнялся къ населенію бассейна Марицы, съ появленіемъ-же здѣсь славянъ сталъ обозначать неславянское населеніе этого края. О положеніи, въ которомъ оказались рупаланы относительно своихъ славянскихъ сосѣдей, можно судить по тому презрительному смыслу, который въ настоящее время вкладывается въ этотъ этнографическій терминъ. Слово рупаланъ въ настоящее время является почти бранньмъ: въ народныхъ пѣсняхъ восточныхъ болгаръ рупаланъ не считается за человѣка.

Da je zela bar coljaka
ami zela rupalana
или: баримъ мэжа да е зела
Ами зела рупалана [2])
(хоть бы вышла за человѣка, а то вышла за рупалана).

[1]) *** Путования etc. СбМ. X, 502; 504, 514; XI, 200, 248; XII, 261.

[2]) Arch. f. Slaw. Ph. VII. 321. Ср. Славейковъ «Рупското или Рупаланското Българско население и нарѣчие» Наука, г. II. V, 436—573.

Названіе руп-ал-аны, несомнѣнно, осталось отъ до-римской поры въ исторіи полуострова. Въ античной топографической и этнографической номенклатурѣ полуострова мы встрѣчаемъ названія, стоящія съ нимъ въ тѣсной связи: 1) одна изъ клисуръ по теченію Струма носитъ до сихъ поръ названіе Рупел (визант. *Ροπέλιον*), 2) въ числѣ горныхъ племенъ покоренныхъ Филиппомъ мы встрѣчаемъ въ районѣ нынѣшней Пирин-планины (*'Ορβηλος) 'Ορβηλιοι*, которыхъ Томашекъ почему-то считаетъ за бессовъ. Корень этого послѣдняго имени *'Ορβηλ*—всего ближе подходитъ къ корню современнаго „рупаланъ“ [1]).

Поднимаясь выше къ сѣверу, мы встрѣчаемъ два этнографическихъ названія, которыя восходятъ также къ до-славянскому періоду: шопы и трлаки.

Шопы въ настоящее время занимаютъ своими поселеніями окрестности Софіи, точнѣе подножіе Витоша. Шафарикъ [2]), а за нимъ и Иречекъ сближаютъ это имя съ именемъ ѳракійскаго племени *Σαπαοι*, которые жили значительно южнѣе по Местѣ.

Названіе *трлаци* или трлаки не можетъ быть пріурочено къ населенію одного какого нибудь района. Трлаками рупаланы называютъ ѳракійскихъ болгаръ и болгаръ восточной части дунайской Болгаріи; ѳракійскіе болгары такъ называютъ всякаго пришельца изъ восточной части дунайской Болгаріи. Но этимъ же именемъ называются болгары, живущіе въ предѣлахъ Балкана на З. въ „околияхъ“ Берковской, Кутловской. Пиротской [3])—и на ЮВ отъ Сливны до Бургаса [4]).

Названіе трл-аки напоминаетъ намъ ѳракійское племя *Τραλλ-εις* жившее въ IV в. до Р. Х. въ Родопахъ по обоимъ

[1]) Die alten Thräker. I. 73. Ср. Polyaen. IV, 2, 15.

[2]) ibid. I, 69.

[3]) Бассановичъ. Ломскиятъ округъ. СбМ. V. 26. Славейковъ 1. с. [illegible] с. Новаковичъ упоминаетъ кочующихъ влаховъ—пастуховъ турлаковъ, которые послѣ 1812 г. поселились въ Добруджѣ («Сіело» стр. 21. ср. Гешовъ. Пер. Сп. XXII—XXIII, 311), Миличевиħ—гончаровъ изъ Трлака. Краљевина С.

[4]) Tomaschek—Die alten Thräker. I, 54—58.

берегамъ Месты. Раньше въ эпоху Өукидида они были сосѣдями трар-овъ (*Τράρ-ες*), жившихъ на С отъ Рыльской планины до Искера [1]).

На пространствѣ отъ устья Стримона до Балканъ славяне застали такимъ образомъ и ассимилировали рядъ народностей, которыя подъ римско-византійскимъ владычествомъ сохраняли свои имена и, несомнѣнно, часть своихъ племенныхъ признаковъ: пэонцевъ, орбэловъ, сапаевъ, нороповъ, траловъ. Прибавимъ сюда еще одно племя, воспоминаніе о которомъ сохранилось у болгаръ Татаръ—Базарджикскаго округа. Недалеко отъ истоковъ Марицы у села Бѣлева находится усѣянное развалинами урочище подъ названіемъ Старо Градище. Мѣстные болгары говорятъ, что жители этого разрушеннаго города назывались Бешья-фара. Четырнадцать вѣковъ тому назадъ въ этомъ же краю процвѣтала столица племени бессовъ—Бесса-пара. Бессы въ это время были уже христіанами, но еще совершали богослуженіе на своемъ родномъ—өракійскомъ языкѣ.

Слѣды вліянія двухъ вѣтвей древняго населенія полуострова (иллировъ и өракійцевъ) на ю. славянъ лингвисты сторонники Гиртовской теоріи этнографической подпочвы думаютъ найдти въ рѣзкомъ различіи сербохорватскаго и болгарскаго языковъ [2]). Пока однако это только интересная гипотеза. Слѣдовъ туземнаго населенія съ меньшимъ рискомъ можно искать въ словарѣ южныхъ славянъ: по аналогіи съ заимствованіями изъ албанскаго [3]) можно ожидать заимствованій и изъ другихъ иллирійскихъ нарѣчій [4]).

---

[1]) Дриновъ. Засел. 30. Thomaschek I. c. 75.

[2]) Л. Стојановић. Приступна акад. бјес. Глас LII. Ср. Jagić ASP. XIX, 270 ff. Vjestnik slov. starožit. I, 17—25 Polivka Jireček. GB 114.

[3]) Беса, катун, ватра, и т. д.

[4]) Обращаемъ вниманіе лингвистовъ на любопытное сербское слово—баконьа (знатный). Трухелка въ статьѣ «Hügelgräber und Ringwälle an der Hochebene Glasinac (WMBH I. 110) по поводу мѣстнаго названія Батово высказываетъ предположеніе, что названіе это стоитъ въ связи съ именемъ извѣстнаго иллирійскаго вождя Бато, которое нужно считать не собственнымъ, а нарицательнымъ, такъ какъ его всегда носятъ лица княжескаго достоинства.

Въ VI и VII вѣкахъ, когда славяне только еще водворялись на полуостровѣ, „влаховъ“ на югѣ отъ Балканъ было, несомнѣнно, больше, чѣмъ теперь: ко времени окончательнаго водворенія здѣсь славянъ и болгаръ слѣдуетъ относить начало медленной влашской эмиграціи, въ результатѣ которой явились романскія поселенія въ Далмаціи, Истріи, Хорватіи, Сербіи и нынѣшней Румыніи[1]. Влашская эмиграція изъ Македоніи и Ѳракіи проходитъ такъ-же незамѣтно для византійцевъ историковъ, какъ и славянская иммиграція—и по тѣмъ же причинамъ: она происходила исподволь, на протяженіи вѣковъ, не причиняя—въ отличіе отъ вторженій, которыя отмѣчаются историками—никакихъ тревогъ Византіи и кромѣ того заслонялась отъ глазъ современниковъ болѣе важными для нихъ болгаро-византійскими отношеніями[2]. Въ

---

[1]) Miklošič. Ueber die Wanderungen d. Rumänen. DWA, ph. h. cl. Bd-XXX.

[2]) Существенно важный для ю.-славянской исторіи вопросъ о влашской эмиграціи есть въ то же время вопросъ о происхожденіи румынской народности и его рѣшеніе затрудняется къ сожалѣнію примъсью шовинизма и политики. Румынскіе ученые усиленно стараются отстоять теорію, по которой румыны являются прямыми потомками романизованныхъ послѣ Траяна дакійцевъ; сообщеніе Флавія Вописка относительно того, что Авреліанъ вывелъ изъ Дакіи всѣхъ римскихъ колонистовъ (sublato exercitu et provincialibus Daciam reliquit), подвергается ради устраненія противорѣчія существенной, но произвольной поправкѣ: Авреліанъ вывелъ будто бы римскіе легіоны, но оставилъ на мѣстѣ романизованное туземное населеніе, которое не имѣло причинъ оставляеть свои жилища. Это такъ называемая теорія непрерывнаго пребыванія румынъ въ Дакіи. Въ подтвержденіе ея защитники (I. Jung—Die Anfänge der Romänen, 1876; Römer und Romanen in den Donauländer, Innsbruk 1877, Hordeu—Istoria critica a Românilor, 1875. V., I. Xenopol—Istoria V. I. L. Pič. Ueber die Abstammung der Rumänen, Leipzig, 1880) особенно напираютъ на отсутствіе въ источникахъ извѣстій о передвиженіи съ юга: если-бы румыны не сидѣли въ Дакіи искони, а дѣйствительно переселились, это событіе не прошло бы незамѣченнымъ современниками и оставило бы свои слѣды въ памяти народа; ни того, ни другого нѣтъ. Для оцѣнки этого, повидимому, сильнаго возраженія достаточно спросить: гдѣже въ воспоминаніяхъ южныхъ славянъ слѣды ихъ былого пребыванія за Дунаемъ и много-ли говорятъ византійцы не о грабежахъ, а о водвореніи славянъ на полуостровѣ.

исторіи южнаго славянства это не замѣченное современниками явленіе имѣло однако огромное значеніе: эмиграцію влаховъ на С.—и главнымъ образомъ за Дунай—слѣдуетъ считать

Другая теорія, которую принято называть теоріей обратнаго переселенія, въ свою очередь компрометтируется примѣсью мадьярскаго шовинизма. Мадьяры ухватились за нее обѣими руками въ виду того, что она позволяетъ имъ считать румынъ пришельцами на мадьярскую землю. Эта примѣсь мѣшаетъ румынскимъ ученымъ патріотамъ безпристрасто отнестись къ теоріи переселенія: теорію отвергаютъ потому, что подъ ней чувствуются враждебныя притязанія на народную собственность—землю, какъ будто въ нашъ вѣкъ права румынъ на страну, занимаемую ими, могутъ сократиться или увеличиться въ связи съ тѣмъ или инымъ толкованіемъ словъ Флавія Вописка.

Сущность теоріи, которую формулировалъ еще въ концѣ прошлаго вѣка Sulzer (Geschichte der transalpinischen Dacien. 1781—82 Wien), заключается въ томъ, что въ Дакіи до X в.—XI не говорили по румынски; румыны явились здѣсь въ это время изъ-за Дуная. Miklošič («Die slawischen Elemente in rumänischen». Dkschr. WA. h. ph. cl. XII, «Ueber die Wanderungen der Rumanen. ib. XXX.) подвелъ подъ гипотезу Sulzer'a лингвистическій фундаментъ и сдѣлалъ къ ней хронологическія поправки. Онъ принимаетъ безъ всякихъ измѣненій извѣстіе Флавія Вописка и предполагаетъ, что обратное выселеніе румынъ изъ Мизіи въ Дакію могло произойдти около V в., когда славяне стали внѣдряться на полуостровъ; одновременно часть румынъ передвинулась на Ю. въ Македонію (цинцары). Отсюда влахи распространились на З.—въ Сербію, Хорватію, Далмацію и Истрію. Историческую часть гипотезы Миклошича нельзя считать основательной: 1) въ V в. славяне едвали еще начинали появляться на полуостровѣ и нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что они въ это время завоевали уже восточную половину прибалканскихъ земель; 2) страннымъ является выборъ времени и мѣста для переселенія—какъ разъ туда, откуда приходили варвары, опустошавшіе полуостровъ, и тогда, когда ихъ набѣги оттуда стали особенно опасными. Переселеніе при такихъ условіяхъ могло бы имѣть смыслъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы румыны, убѣгая отъ римской финансовой администраціи, вступали въ союзъ противъ имперіи съ варварами-славянами, но указаній на такой фактъ въ источникахъ нѣтъ. W. Tomaschek внесъ существенныя поправки въ теорію переселенія. Онъ допускаетъ, что не всѣ римскіе колонисты и туземцы были выведены Авреліаномъ, что извѣстная часть ихъ оставалась тамъ даже во время варварскихъ нашествій, но переходя изъ подъ власти однихъ варваровъ подъ власть другихъ они должны были двигаться за своими повелителями, вмѣстѣ съ ними дѣлать нашествія на полуостровъ, вмѣстѣ съ ними по частямъ осѣдать на немъ и входить въ общую массу балканскихъ

одной изъ важнѣйшихъ причинъ, въ силу которыхъ славяне полуострова не романизировались и исторія славянъ на развалинахъ имперіи сложилась иначе, чѣмъ исторія германцевъ;

романовъ. Византійцы въ теченіе почти четырехъ столѣтій (600—980) не говорятъ объ этихъ романахъ, потому что они всецѣло отдавали свое вниманіе славянамъ—болгарамъ; только послѣ паденія перваго болгарскаго царства является поводъ говорить о нихъ и романы появляются у историковъ, но появляются уже подъ заимствованнымъ у славянъ именемъ влаховъ и эти влахи для византійцевъ оказываются «загадочной народностью» («никто не знаетъ, откуда они произошли»). Въ отсутствіи романскихъ элементовъ за Дунаемъ убѣждаютъ походы туда римлянъ въ IV в. Когда императоръ Валентъ въ 367 предпринялъ походъ противъ готовъ, онъ нигдѣ на пути не могъ встрѣтить романовъ, которые могли бы служить проводниками; даже въ горахъ, куда бѣжали готы, проводниками были не романы, а сарматы (Amm. Marc. XXVII). Въ пользу предположенія, что румыны—пришельцы за Дунаемъ, говоритъ и языкъ, въ частности слова, относящіяся къ христіанству. Первое знакомство съ ними румыны должны были получить еще до крещенія славянъ, съ которыми потомъ ихъ соединила общая церковная письменность. Латинскими словами пользуются румынъ и цинцаръ для обозначенія вѣры (lege, fédе), Бога (damnu, dumne-dzéu), святыхъ (sakt, sentu), молитвы (inklina), проклятія (blastem), грѣха (pecat), крещенія (botés), язычниковъ (pegin), креста (kruce), воскресенья (dumúneke), Вербнаго Воскресенья (florii), Троицы, (rusalii) церкви (beseúrike), недѣли (septeméne=septimana, слово относящееся къ эпохѣ Ѳеодосія). Принять эти слова въ свой языкъ въ Дакіи румыны не могли, такъ какъ о проповѣди христіанства тамъ въ II—IV в. нѣтъ извѣстій, между тѣмъ какъ о просвѣщеніи христіанствомъ Дарданіи, въ которой жила часть переселенныхъ Авреліаномъ дакійцевъ, и страны бессовъ за это время имѣются опредѣленныя извѣстія. Область Родоповъ и Дарданіи въ виду этого всего естественнѣе признать за метрополію румынской національности: потомки выведенныхъ Авреліаномъ даковъ могли двинуться изъ Дарданіи на З. въ Сербію, Далмацію, Истрію, потомки родопскихъ бессовъ на С. въ Дакію и на Ю. въ Грецію.

По вопросу о времени, съ котораго могло начаться передвиженіе романовъ Томашекъ высказывается только предположительно: раньше XII в., когда являются извѣстія въ источникахъ, но не ранѣе XI, такъ какъ въ IX и X в. переселенію не благопріятствовали мадьярскія и печенежскія передвиженія; наиболѣе благопріятнымъ временемъ нужно считать періодъ съ конца XI в. до половины XII (1074—1144), когда Византія, особенно сильно давила налогами и религіозными преслѣдованіями (противъ богомиловъ).

другой не менѣе важной причиной было, конечно, и то, что начиная съ VI в. латинскій языкъ въ предѣлахъ восточной имперіи сталъ исподволь уступать мѣсто греческому.

Томашекъ приводитъ въ пользу своей теоріи нѣкоторыя лингвистическія доказательства, но они не могутъ идти въ счетъ, пока не сказано о нихъ послѣднее слово филологовъ—романистовъ и славистовъ. Больше, чѣмъ данныя фонетики и морфологіи, въ пользу южнаго происхожденія румынъ говорятъ обломки древнихъ южно-ѳракійскихъ вѣрованій и культа, о которыхъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, въ особенности переживанія столь характернаго для бессовъ культа Діониса.

Отдѣлъ I.

Развитіе матеріальной культуры.

На предыдущихъ страницахъ были намѣчены главнѣйшіе элементы культуры, которую застали южные славяне на Балканскомъ полуостровѣ и Среднемъ Дунаѣ. Мы познакомились съ тѣмъ, что могло остаться къ ихъ приходу отъ осложненной греческими, кельтскими, римскими, германскими (готы, бастарны) и иранскими (сарматы и аланы) элементами культуры ѳрако-иллирійцевъ. Славяне принесли сюда съ собой кое-что свое и изъ смѣси этого своего съ туземными элементами создали въ теченіе вѣковъ новую оригинальную культуру, обрисовать развитіе которой составляетъ нашу задачу.

Приступая къ изученію славянской эпохи въ исторіи полуострова и Подунавья, мы должны прежде всего, конечно, выяснить, съ какимъ культурнымъ багажемъ явились сюда славяне. Въ матеріалахъ для возстановленія древне-славянскаго быта какъ будто нѣтъ недостатка; на первомъ планѣ съ давнихъ поръ стоятъ извѣстія современниковъ. Но современниковъ занимали не общія бытовыя условія славянъ, а та роль, которую они играли въ ихъ жизни; отдѣльныя черты быта у нихъ упоминаются только попутно; историку приходится обобщать и систематизировать эти случайныя замѣтки съ рискомъ значительныхъ ошибокъ.

Съ 40-хъ годовъ XIX ст., со времени блестящихъ лингвистико-историческихъ опытовъ Куна и Гримма къ числу источниковъ прибавился языкъ. На основаніи общихъ по корню и суффиксу — иногда только по корню — словъ лингвисты-археологи

возстановляютъ общую культуру аріевъ, рисуютъ намъ быть, въ которомъ находились славяне, когда жили совмѣстно съ германцами и литовцами, когда обособились отъ нихъ, но не распались еще сами на отдѣльныя группы. Но и культурно-историческое значеніе данныхъ языка не слѣдуетъ преувеличивать. Съ точки зрѣнія историка языкъ только опись культурнаго имущества, накопленнаго народомъ на протяженіи вѣковъ, опись краткая, сухая—безъ тѣхъ подробностей, которыя такъ важны для исторіи матеріальной культуры; передъ нами безплотныя абстракціи, лишенныя формъ и пропорцій: домъ, печь, хлѣбъ, мечъ, стрѣла, плугъ, борона и т. д. и т. д. Намъ говорятъ, что все это было напр. у славянъ еще въ пору нераздѣльной жизни. Пусть такъ, но въ какомъ видѣ, въ томъ-ли, въ какомъ мы имѣемъ всѣ эти вещи теперь, или въ какомъ нибудь иномъ?

Несомнѣнный, наблюдаемый на протяженіи вѣковъ фактъ развитія отдѣльныхъ элементовъ культуры мѣшаетъ намъ признать, что за словами стояли въ сознаніи нашихъ предковъ тѣ-же образы, которые соединяемъ съ ними мы. Словамъ соотвѣтствовали, несомнѣнно, другіе образы: лингвисты на основаніи своего матеріала установили сами фактъ, что значеніе словъ мѣняется, развивается, другими словами, что слово остается неизмѣннымъ, когда предметъ мѣняется: слово мѣшокъ (мѣхъ) соотвѣтствовало предмету, когда человѣкъ пользовался шкурами животныхъ, какъ помѣщеніемъ, посудой и не соотвѣтствуетъ теперь, когда обозначаетъ „посуду" изъ ткани. Между тѣмъ въ этихъ измѣненіяхъ предметовъ заключается сущность культурно исторической процесса.

Вопросъ о точномъ значеніи словъ въ различные моменты народной исторіи по отношенію къ большей части явленій долженъ былъ бы оставаться открытымъ, если бы на помощь къ лингвистической археологіи не пришла двумя десятилѣтіями ранѣе народившаяся археологія вещественная, доисторическая.

Доисторическая археологія даетъ не имена, а вещи, не абстракціи, а конкретные факты и ея помощь въ дѣлѣ реставраціи прошлаго быта того или другого народа чрезвычайно важна. У насъ въ рукахъ уже не опись, а предметы, собранные по немногу въ разныхъ углахъ народнаго жилища—страны, добытые изъ ея почвы, отмѣченные на ея поверхности

(валы, городища, курганы). Но, продолжая сравненіе, мы должны замѣтить, что всѣ эти предметы не имѣютъ этикетовъ. Историку предстоитъ еще не легкая задача рѣшить точно-ли соотвѣтствуетъ данный предметъ такому-то № описи,—можно-ли считать напр. такую-то форму городища, могилы, соотвѣтствующей древне-славянскому слову градъ, могила — если форма эта въ странѣ не одна. Археологическій матеріалъ чаще всего res nullius—вещь, собственникъ которой неизвѣстенъ. Связать „культуру"—т. е. совокупность предметовъ, которые болѣе или менѣе постоянно встрѣчаются одновременно, вмѣстѣ—съ тѣмъ или другимъ народомъ, жившимъ на памяти исторіи въ данной странѣ составляетъ пока только мечту, идеалъ археологіи.

Археологи не мало спорили о типичныхъ для того или другаго народа предметахъ, но такихъ показателей до сихъ поръ, можно сказать, еще не установлено. По отношенію къ славянамъ можно указать на такъ называемыя завитковыя кольца или гривны. Софусъ Мюллеръ двадцать лѣтъ тому назадъ объявилъ ихъ присутствіе въ могилѣ существеннымъ указаніемъ на то, что могила славянская, но вотъ Л. Нидерле предпринимаетъ для выясненія вопроса спеціальное путешествіе въ Россію и оказывается, что на предполагаемой прародинѣ славянъ—въ среднемъ теченіи Днѣпра — этихъ колецъ почти вовсе нѣтъ. Богатый конкретный матеріалъ археологіи, стало быть, нельзя еще пока съ увѣренностью пріурочить къ терминамъ лингвистики. Для того, чтобы данныя лингвистики и доисторической археологіи сослужили службу историку, онъ долженъ призвать на помощь новаго союзника — этнографію. Описательная этнографія должна дать намъ — и отчасти уже даетъ — точную картину современнаго матеріальнаго и духовнаго быта отдѣльныхъ народовъ; она даетъ намъ вмѣстѣ то, что лингвистика и археологія предлагаютъ порознь: предметы и бытовыя явленія, которыя создаетъ данный народъ, и названія, которыми онъ ихъ обозначаетъ. На первый взглядъ можетъ показаться, что современный намъ матеріалъ не можетъ имѣть значенія въ дѣлѣ реставраціи прошлаго, но всмотримся въ то, что составляетъ современную культуру каждаго народа, изъ чего слагается жизнь каждаго отдѣльнаго даже наиболѣе развитого человѣка. Въ обстановкѣ каждой отдѣльной личности мы встрѣчаемъ вещи, которыя не отвѣчаютъ

ея потребностямъ теперь, но отвѣчали раньше, отвѣчали потребностямъ ея отца и дѣда, въ ея поведеніи — поступки, несоотвѣтствующіе ни ея нравственнымъ понятіямъ, ни ея взглядамъ на природу, но соотвѣтствующіе инстинктамъ, которые она унаслѣдовала отъ предковъ. Уже въ жизни отдѣльной личности мы наблюдаемъ такимъ образомъ смѣсь стараго, отжившаго и зарождающагося новаго и по отдѣльнымъ чертамъ ея быта и поведенія можемъ судить о томъ, чѣмъ она была когда-то. Масса (народъ) представляетъ эту смѣсь противорѣчивыхъ, свойственныхъ различнымъ періодамъ ея жизни явленій въ гораздо болѣе сильной степени; но пережитки стараго и зародыши новаго разлиты по ней неравномѣрно. Они распредѣляются между группами или классами, на которыя данный народъ распадается: есть группы, чрезъ которыя проникаетъ въ его жизнь новое, и есть другія, которыми удерживается старое.

Печальная привилегія охранять старину и преданія, давать матеріалъ для культурно-историческихъ иллюстрацій, составляетъ удѣлъ бѣдности. Богатство — это сила, преобразующая жизнь: оно порождаетъ стремленіе устроить жизнь иначе, чѣмъ устроена она у всѣхъ, создаетъ спросъ на новыя формы — будутъ-ли онѣ изобрѣтеніемъ или заимствованіемъ у чужеземцевъ, безразлично — на чуждые почвѣ страны матеріалы; бѣдность — сила охранительная; она не позволяетъ идти дальше того, что есть подъ руками у всякаго, заставляетъ каждаго дѣлать изъ подручнаго матеріала то, что дѣлалъ отецъ, что дѣлаютъ всѣ, и дѣлать такъ, какъ дѣлалъ отецъ, какъ дѣлаютъ всѣ.

Спускаясь по лѣстницѣ благосостоянія, переходя черезъ рядъ промежуточныхъ ступеней отъ бытовой обстановки богача къ обстановкѣ послѣдняго бѣдняка, мы постепенно переходимъ отъ высшихъ новѣйшихъ формъ матеріальной культуры къ низшимъ, древнѣйшимъ, переживаемъ всѣ фазы культурнаго развитія, черезъ которыя прошелъ народъ на протяженіи своей исторіи со всѣми ихъ характерными особенностями.

Изученіе культурной исторіи южныхъ славянъ (resp. каждаго народа) слѣдуетъ начать такимъ образомъ съ обзора современныхъ бытовыхъ условій ихъ бѣднѣйшихъ представителей-сельчанъ, съ переносной хижины черногорскаго пастуха, съ торбы странствующаго кузнеца въ Родопахъ. Въ

Софіи и Бѣлградѣ мы встрѣтимся съ результатами дѣятельности международнаго просвѣтителя — капитала; въ деревенскихъ общинахъ Сербіи и Болгаріи съ первыми шагами мѣстнаго капитализма, въ горахъ Черногоріи, Босны, въ Родопахъ — съ остатками пастушескаго быта, черезъ который прошли когда-то всѣ европейскіе народы.

Избирая этотъ путь, мы должны однако предусматривать возможность ошибокъ. Въ бытѣ современнаго бѣдняка-горца сохранилось, безспорно, много архаизмовъ, но рядомъ съ ними мы можемъ встрѣтить и произведенія современной фабричной промышленности. Странствующій торгашъ забирается въ самыя глухія горныя дебри; въ самой бѣдной пастушьей колибѣ найдется цѣнность, которую можно предложить въ обмѣнъ за принесенную издалека бездѣлушку [1]). Первая задача критическаго пользованія современнымъ бытовымъ матеріаломъ заключается въ томъ, чтобы отдѣлить сохраненные бѣдностью пережитки старой культуры отъ заносныхъ продуктовъ новѣйшей промышленности, и, если можно, распредѣлить ихъ въ порядкѣ восходящей древности.

Въ значительной части случаевъ — когда дѣло идетъ о жилищѣ, орудіяхъ труда и борьбы, объ украшеніяхъ—вопросъ объ относительной древности данной формы рѣшается мѣстомъ, которое она занимаетъ въ ряду другихъ формъ. Формы жилища, копій, стрѣлъ, топоровъ, фибулъ изслѣдованы монографически: точно и тщательно описаны, классифицированы, сведены посредствомъ переходныхъ степеней къ простѣйшимъ первообразамъ, изъ которыхъ, предполагается, онѣ развились. Констатируя у сербовъ и болгаръ тотъ или другой изъ опредѣленныхъ въ настоящее время типовъ дома, историкъ имѣетъ уже понятіе объ его относительной древности, знаетъ формы ему предшествующія или за ними слѣдующія. Въ тѣхъ случаяхъ, когда данная принадлежность быта—напр. извѣстная посуда — не была еще изслѣдована типологически, историкъ самъ имѣетъ возможность, хотя приблизительно, опредѣлить ея относительную древность; древность формы любаго произведенія человѣческаго труда измѣряется разстояніемъ, отдѣляющимъ ее отъ той природной формы, въ кото-

---

[1]) Cp. Bartels. Hausgewerbliche Gegenstande aus Bosnien. VBGAEU 1897, 98—104.

рой предметъ впервые начинаетъ служить человѣку, обратно пропорціональна этому разстоянію: кадка, приготовленная изъ цѣльнаго обрубка дерева, представляетъ собой изобрѣтеніе болѣе древнее, чѣмъ кадка, собранная изъ отдѣльныхъ досчечекъ; въ первомъ случаѣ измѣненіе, внесенное трудомъ человѣка, ограничивается тѣмъ, что внутри деревяннаго цилиндра образуется полое пространство; во второмъ цилиндръ распиливается на доски и изъ этихъ досокъ уже собирается сосудъ.

Примѣняя эволюціонно-типологическій или морфологическій методъ къ изслѣдованію матеріальной культуры, историкъ пріобрѣтаетъ первыя указанія на культурно-историческую цѣнность современнаго матеріала: въ грудѣ фактовъ, который предлагается этнографами, онъ выдѣляетъ формы болѣе раннія и позднѣйшія.

Слѣдующая задача состоитъ въ томъ, чтобы вмѣсто неопредѣленныхъ хронологическихъ терминовъ „древнѣйшій, позднѣйшій" или рядомъ съ ними поставить опредѣленные — такой-то вѣкъ, такая-то эпоха; о годахъ въ такихъ случаяхъ, конечно, говорить не приходится. Здѣсь на помощь историку являются археологія и извѣстія древнихъ писателей.

Форма посуды, относительную древность которой мы предположимъ, опредѣлили, встрѣчается въ городищахъ и могильникахъ вмѣстѣ съ вещами и монетами поздней римской эпохи: неопредѣленный терминъ замѣняется при помощи археологіи опредѣленнымъ; мы говоримъ, что въ Босніи и Герцеговинѣ уцѣлѣли формы, которыя употреблялись полтора тысячелѣтія тому назадъ.

Беремъ другой случай: въ Босніи констатированъ обычай жарить мясо только что зарѣзаннаго животнаго, завернувши куски его въ сырую еще требуху [1]); мы рѣшаемъ, что это архаизмъ, пережитокъ эпохи, когда человѣкъ не имѣлъ еще посуды — хотя-бы глиняной — но хронологической опредѣленности этотъ выводъ пока не имѣетъ и ее даетъ намъ Геродотъ, говоря, что этотъ способъ въ его время практиковался скиѳами.

---

[1]) С. Тројановић. Старински српски пића и јела. Срп. этнографски сборникъ. II, 61—63.

Въ извѣстныхъ случаяхъ ту-же функцію могутъ исполнить и данныя языка. Мы нашли въ этнографической литературѣ указанія на то, что въ Черногоріи рядомъ съ домами и землянками жилищемъ человѣка въ извѣстныхъ мѣстностяхъ служатъ и пещеры. Съ точки зрѣнія теоріи развитія или типологической мы должны, конечно, признать пещеру при извѣстныхъ климатическихъ условіяхъ древнѣйшимъ жилищемъ человѣка: такое жилье не нужно строить, оно дано природой и его нужно только утилизировать; древніе писатели говорятъ намъ, что населеніе Балканскаго полуострова по мѣстамъ, дѣйствительно, жило въ пещерахъ; археологія подтверждаетъ это извѣстіе; но цѣпь хронологическихъ указаній въ данномъ случаѣ пополняется изъ новаго источника: въ праславянскомъ языкѣ пещть и пештера значатъ одновременно печь и пещеру [1]); это значитъ, что въ ту пору, когда славяне жили еще нераздѣльной жизнью, пещера была естественнымъ помѣщеніемъ для огня, по образцу котораго позднѣе стали устраиваться искусственныя помѣщенія — печи.

Послѣ этихъ общихъ методологическихъ замѣчаній, изъ которыхъ выясняются нѣкоторыя особенности нашего изложенія, мы можемъ перейдти къ детальному обзору развитія матеріальной культуры славянъ.

Масса бытовыхъ фактовъ, которую даетъ намъ относительно южныхъ славянъ этнографія, дѣлится на двѣ главныя группы; это 1) сообщенія о процессахъ, изъ которыхъ складывается матеріальная жизнь человѣка, 2) сообщенія о предметахъ, составляющихъ его бытовую обстановку. — Въ ряду процессовъ, составляющихъ содержаніе матеріальной культуры южнаго славянина, намъ прежде всего слѣдуетъ анализировать процессъ питанія. Процессъ этотъ распадается на два основныхъ момента 1) добыванія питательныхъ матеріаловъ и 2) ихъ потребленія. Разстояніе, раздѣляющее одинъ отъ другого эти два момента, является мѣркой развитія человѣка. У животнаго они обыкновенно сливаются; сливаются они и у человѣка на низшихъ ступеняхъ матеріальнаго развитія; отдѣленіе начинается съ того времени, какъ добытый пищевой продуктъ раньше потребленія подвергается нѣкоторымъ пре-

---

[1]) Krek. Einleitung. 143. Ср. въ совр. болг. пещерникъ — хлѣбъ, приготовленный въ печи.

образованіямъ. Въ современномъ бытѣ южнаго славянина сохранились намеки на то, что и онъ нѣкогда не отдѣлялъ этихъ моментовъ. У южныхъ славянъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ мѣсто употребленіе въ пищу мяса, жира или рыбы въ сыромъ видѣ. Медаковичъ говоритъ относительно черногорцевъ, что часто можно видѣть, какъ черногорецъ выбираетъ изъ только что заколотаго борова внутренній жиръ и поѣдаетъ его сырымъ [1]). Воспоминаніе о томъ, что и въ другихъ мѣстностяхъ Сербіи сравнительно недавно еще употреблялось сырое мясо, сохранилось въ прозвищѣ „живождери“ (сыроядцы), которое дается отмичарамъ [2]). Сырая, даже живая рыба поѣдается въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ лекарство [3]).

Въ эволюціи питанія это, конечно, самая архаическая ступень, пережитокъ эпохи, когда человѣкъ, не приспособивши еще огонь къ удовлетворенію своихъ потребностей, пожиралъ пищевое вещество, не измѣняя его вида. Этотъ пережитокъ не представляетъ собою какого нибудь уродливаго исключенія въ бытѣ арійскихъ народовъ, онъ имѣлъ мѣсто у ѳрако-иллирійцевъ и скиѳовъ, былъ широко распространенъ у древнихъ германцевъ [4]). Его существованіе при наличности знакомства арійцевъ съ огнемъ показываетъ, что въ культурѣ аріевъ стойко удержались пережитки до-арійской эпохи.

Примѣненіемъ огня къ изготовленію пищи открывается новая, выдѣляющая человѣка изъ среды другихъ животныхъ, эра питанія. Съ этого момента развитіе питанія становится въ тѣсную связь съ разнообразными отраслями техники и исторія простой животной функціи обращается въ отдѣлъ исторіи культуры. Переворотъ, который созданъ въ питаніи человѣка примѣненіемъ огня, побуждаетъ насъ отвести первыя страницы культурной исторіи ю. славянъ этой силѣ, установить пріемы, которые они употребляли для того, чтобы овладѣть ей.

---

1) Ровинскій. l. c.

2) С. Трояновић. l. c. 33.

3) ibid.

4) Müllenhoff. DA. IV, 346. Ср. Шрадеръ. l. c. 392—3.

Огонь составляетъ часть культурнаго наслѣдства, которое славяне вынесли изъ арійской эпохи. Изъ этой же эпохи идутъ, конечно, и отдѣльные способы его добыванія. У славянъ, какъ и у остальныхъ аріевъ, имѣютъ мѣсто два такихъ способа: вытираніе и высѣканіе [1]). Оба они были открыты, несомнѣнно, раньше той эпохи, когда аріи обособились въ отдѣльную группу. Возможность добывать огонь ударомъ камня о камень была открыта, когда человѣкъ началъ изготовлять каменныя орудія [2]). Вытираніе—способъ м. б. болѣе ранній: Агни индусовъ раждается отъ тренія двухъ кусковъ дерева. Религія, всегда охраняющая старину, у всѣхъ аріевъ требуетъ, чтобы огонь для жертвоприношеній добывался вытираніемъ; у римлянъ существовало рядомъ съ этимъ требованіемъ запрещеніе не употреблять въ такихъ случаяхъ огонь, высѣченный изъ кремня огнивомъ. Славяне, въ частности южные, сохранили нѣсколько архаическихъ способовъ вытиранія, которые примѣняются не только для религіозныхъ цѣлей, но и для потребностей повседневной жизни. Болгары-овчары и помаки Неврокопскаго округа до сихъ поръ добываютъ огонь исключительно вытираніемъ—спички до нихъ еще не дошли: забиваются въ землю по одной линіи на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого два обрубка хвойнаго дерева съ ямками выдолбленными на равной высотѣ; между этими обрубками укрѣпляется вложенная заостренными концами въ ямки поперечина; обернувши эту поперечину веревкой и взявшись за концы этой послѣдней, двое мужчинъ вертятъ ее до тѣхъ поръ, пока не покажется огонь. Къ огню подкладываютъ тогда сухую траву, хворостъ и разводятъ жарникъ, изъ котораго угли разносятся по домамъ. Трудная операція продѣлывается только разъ въ годъ—весной и женщины обязаны въ теченіе цѣлаго года хранить добытый огонь на

---

[1]) Въ сербскомъ языкѣ имѣется для обозначенія процесса добыванія огня слово, какъ будто указывающее на архаическій пріемъ вытиранія веретеномъ—«извити огинь». Караджичъ. Рјечн.

[2]) A. Hedinger. Zur Frage der altesten Methode der Feuerzeugung. AA. Bd. XXV.

очагѣ. Въ Неврокопѣ древній способъ уцѣлѣлъ не какъ освященный религіей пережитокъ, а въ силу практическихъ основаній, какъ единственно доступный и извѣстный мѣстному населенію. Въ другихъ мѣстностяхъ юго-славянскаго міра онъ практикуется только тогда, когда совершаются обряды языческой старины. Въ Босніи, Герцеговинѣ, Черногоріи, Сербіи живой или божій огонь добывается такъ же, какъ въ горахъ Болгаріи [1]).

Дальнѣйшая исторія питанія распадается на установленные уже выше моменты 1) добыванія питательныхъ матеріаловъ и 2) ихъ преобразованія.

Древнѣйшими способами добыванія пищи являются тѣ, которые сближаютъ человѣка съ остальнымъ животнымъ міромъ — рыбная ловля и охота.

Въ современномъ бытѣ южныхъ славянъ охота утратила уже свой былой жизненный смыслъ, но въ средніе вѣка она составляла главное занятіе свободныхъ людей; на надгробныхъ „богомильскихъ“ камняхъ Босніи и Герцеговины преобладающимъ сюжетомъ являются сцены псовой и соколиной охоты; тотъ-же бытъ рисуется въ юнацкихъ пѣсняхъ [2]); рыболовство имѣетъ для черногорца и серба серьезный смыслъ до сихъ поръ. Было время, когда рѣки и озера Балканскаго полуострова были очень богаты рыбой, когда ловилась она легко и прибрежное населеніе прямо жило продуктами рыболовства, какъ жили когда-то ими иллирійцы и ѳракійцы. Въ жизни черногорцевъ-цеклинянъ все до сихъ поръ еще опредѣляется рѣкой и рыбной ловлей. Близъ тонь возникло село Правлана, на каждой тонѣ устроены колибы для убѣжища рыболовамъ, уборки и сушенія рыбы; при каждомъ домѣ копаны для соленія рыбы, четырехугольное до 2-хъ аршинъ длины корытце изъ каменныхъ плитъ подъ соломеннымъ навѣсомъ, закрытое съ трехъ сторонъ Въ колибахъ этихъ иные живутъ постоянно — зимой ловятъ рыбу, лѣтомъ обработыва-

[1]) СбМ. XIV, 184; Lilek. Die Erzeugung d. lebend. Feuers. WMBH. III, 574.

[2]) Truchelka. Die bosnische Grabdenkmäler d. Mittelalt. WMBH. III, 403—473. Ср. Карадж,. Пjесме, II, № 9. 1895.

ютъ поля, которыя находятся неподалеку [1]).

Самыми ранними формами охоты въ широкомъ смыслѣ (включая въ это понятіе и рыбную ловлю) нужно признать, конечно, тѣ, гдѣ человѣкъ еще не пользуется орудіями.

Въ Черногоріи рядомъ съ ловлей вершами практикуются пріемы, которые представляютъ такую раннюю стадію въ исторіи рыболовства. Угрей ловятъ здѣсь по мѣстамъ безъ всякихъ орудій, вытаскивая ихъ изъ-подъ камней [2]).

Слѣдующей стадіей является охота при помощи собаки. Въ пользу предположенія, что она была въ ходу у славянъ еще до раздѣленія говоритъ то, что нѣкоторые термины псовой охоты общи у южныхъ и восточныхъ славянъ; такъ серб. вижле (ср. рус. выжелятникъ), с. болг. хрът—гончая собака. Для всѣхъ остальныхъ видовъ употребляются уже орудія. О древнѣйшихъ орудіяхъ охоты даютъ понятіе тѣ термины, которыми обозначается ея эффектъ—поколь (поклаће), замлатити: это—колъ (заостренная палка) палица и камень. Функціи кола и палицы исполняютъ съ эпохи приспособленія камня 1) коп-лье (коп-ати), сулица (су-ти, совати?), отчасти ножъ, 2) мечъ (мач, ср. мачуга— палица) и сѣкира (сјекира). Но и въ употребленіи орудій также можно констатировать ступени. Орудіемъ рыбной ловли является вездѣ большей или меньшей величины крючекъ.[x]) Признакомъ большаго или меньшаго развитія народа является то, какъ онъ пользуется этимъ орудіемъ. Въ большинствѣ случаевъ его забрасываютъ на лесѣ, но въ Черногоріи сохранился болѣе первобытный способъ. Послѣ Петрова дня рыба ради прохлады собирается кучами въ глубокихъ мѣстахъ, въ ямахъ подъ скалами. Туда-то и ныряетъ ловецъ, взявши въ руки прифатницу —крюкъ съ зазубриной насаженной на полутора-аршинную палку — и ловитъ въ прозрачной водѣ рыбу на выборъ [3]). Остальные пріемы и орудія ю. славянскаго рыболовства, восходящіе, повидимому, къ праславянской эпохѣ, находятся въ связи съ однимъ изъ древнѣйшихъ ремеслъ человѣка плетеніемъ.

---

[1]) Ровинскій. l. c. 720—722. Cp. Rački. Nutarno stanje Hrv. prije XII v. RSA. CV, 236.

[2]) Ровинскій. l. c. II, 719.

[3]) ibid. 718.

Искусство плести входитъ въ составъ того культурнаго наслѣдства, которое славяне вынесли еще изъ поры нераздѣльной жизни съ другими арійцами. Археологически древность плетенія опредѣляется тѣмъ, что съ его остатками въ относительно развитой уже формѣ мы встрѣчаемся еще въ древнѣйшихъ свайныхъ постройкахъ [1]).

У славянъ плетеніе является общей основой, изъ которой развиваются зачаточныя формы архитектуры, тканья и гончарнаго искусства; оно же даетъ толчекъ къ развитію рыболовства и передвиженію по водамъ стоячимъ и текучимъ.

Съ того момента, какъ славянинъ научился связывать срубленныя вѣтви деревьевъ (болг. сјек, серб. плотина, кошлье), онъ пріобрѣлъ возможность задерживать рыбу въ любомъ удобномъ мѣстѣ, направляться на поиски за ней по водной поверхности и выбирать ее изъ воды. Изъ тонкаго сјека онъ приготовлялъ переносный плетень (котац, лѣсу), которымъ загораживалъ рѣчку или ручей (прјебой, болг. язъ), изъ болѣе толстаго —плотъ (сплата, враница, лѣса), на которомъ могъ передвигаться по рѣкѣ, пугать рыбу букаломъ, бить трезубцемъ (оствами), устраивать помѣщенія, въ которыя она могла-бы заходить сама (врши, кош, кошар, норада).

Замѣна прутьевъ болѣе гибкимъ матеріаломъ—волокнами растеній (влакно) дала возможность изготовлять такія помѣщенія въ большемъ размѣрѣ и передвижныя — влакъ с. (мрежа, пређа, метница).

Къ той-же древнѣйшей порѣ въ исторіи охоты относится ловля дичи сѣтьми и силками. Стрѣла является къ услугамъ человѣка также, какъ непосредственный результатъ ознакомленія съ свойствами прутьевъ и волоконъ.

Слѣдующая стадія добыванія пищевыхъ продуктовъ—пастущество въ горныхъ областяхъ подъ вліяніемъ географическихъ условій сохранила все свое значеніе до сихъ поръ [2]).

---

1) Шрадеръ. I. с. 424.

2) Леонтовичъ («Арійскія основы общественнаго быта древнихъ славянъ» Варш. Ун. Изв. 1897, VI, 14) возводитъ къ былому пастушескому быту славянъ нѣкоторые термины общественныхъ отношеній: чобанъ ‖ жупанъ; бан ‖ пан; gôshpada—пастушья стоянка ‖ сл. господа —dominium, жилье. Peisker («Slowo o zadruze» VSS. IV—V, 65) высказываетъ предположеніе, что славяне пришли на полуостровъ пастухами и осѣли на покоренныхъ земляхъ

На спускающихся къ Цетиньи и Негушамъ террасахъ Ловчена часть нѣгушанъ остается со стадами въ теченіи цѣлаго года [1]); то-же имѣетъ мѣсто въ уютныхъ долинахъ Баньянскаго плато [2]), въ углубленіяхъ свободныхъ отъ снѣга подъ Голіями [3]), при поддержки обильныхъ запасовъ сѣна на тепломъ и тихомъ Синявинскомъ плато [4]). Большая часть черногорцевъ однако соединяетъ уже скотоводство съ земледѣліемъ — подобно албанцамъ, которыхъ предки ихъ вытѣснили изъ страны и у которыхъ они заимствовали важнѣйшія бытовыя термины, напр. слово катунъ, которое служитъ для обозначенія лѣтнихъ пастушьихъ стоянокъ въ горахъ. Пастушество по планинамъ распространено у всѣхъ сербовъ и болгаръ. Въ Сербіи и Македоніи вмѣсто катунъ употребляется бачиjа, въ Герцеговинѣ летовиште [5]). О важности скотоводства въ жизни южныхъ славянъ свидѣтельствуетъ то, что у нихъ до сихъ поръ слово, обозначающее скотъ, обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣніе вообще [6]), а доить скотъ у сербовъ имѣетъ право только мужчина [7]). Изъ отдѣльныхъ породъ скота подъ вліяніемъ тѣхъ-же географическихъ условій [8]), въ горахъ Балканскаго полуострова теперь, какъ тысячелѣтія назадъ — у иллировъ, ѳракійцевъ и грековъ, преобладающее значеніе принадлежитъ овцамъ и козамъ. Черногорецъ предпочитаетъ овечье и козье молоко коровьему и держитъ рогатый скотъ — очень мелкій — только для работы [9]).

въ качествѣ пастушеской шляхты — жупановъ. Ср. его-же «Zur Socialgeschichte Böhmens». ZSWG V. Новаковичъ («Село», 31) указываетъ на существованіе въ средне-вѣковой Сербіи кочующихъ пастуховъ изъ славянъ, но не считаетъ возможнымъ рѣшить, были-ли они славянами искони или произошли отъ ославянившихся влаховъ.

[1]) Ровинскій. l. c. I, 41.

[2]) Ровинскій l. c. I, 52.

[3]) ibid. 53.

[4]) ibid.

[5]) Миличевиħ. Кнежевина Србиjа. Б. 1876. Ср. Новаковиħ «Село». 21. Трojановиħ. l. c. 72.

[6]) Ровинскій. l. c. II, 634.

[7]) Трojановиħ. l. c.

[8]) ibid 637, 645.

[9]) ibid. 645, 646.

Послѣднюю, въ настоящее время господствующую стадію въ развитіи добыванія питательныхъ веществъ представляетъ земледѣліе.

Славяне пришли на полуостровъ земледѣльцами и застали на немъ потрясенную по мѣстамъ финансовыми порядками, но все-же относительно высокую и древнюю земледѣльческую культуру. На пространствѣ отъ Альповъ до Чернаго моря была родина ржи, которая воздѣлывалась древними ѳракійцами подъ именемъ βρίζα и отсюда, по предположенію Шрадера, черезъ славянъ и литовцевъ перешла къ германцамъ [1]; сюда заходило изъ южно-русскихъ степей и средней Европы черезъ дунайскую низменпость просо [2]; здѣсь въ дикомъ видѣ до сихъ поръ произрастаетъ крупник (triticum spelta), который составляетъ главное хлѣбное растеніе въ Босніи, Герцеговинѣ и отчасти Черногоріи [3]), затѣмъ бар. Въ доисторическихъ могилахъ Сербіи находимъ кромѣ того пшеницу, ячмень и овесъ [4]).

Какъ сказалось въ исторіи славянскаго земледѣлія соприкосновеніе двухъ земледѣльческихъ культуръ, проникло ли къ славянамъ что-либо изъ инвентаря и земледѣльческой техники туземцевъ, пока еще невозможно рѣшить: матеріаловъ для этого не даетъ ни доисторическая археологія полуострова, ни сравнительное изученіе земледѣлія у славянъ. Можно предположить, однако, что славяне воспользовались вѣковымъ опытомъ туземцевъ, выбирая тотъ или другой видъ хлѣба для культуры.

---

[1]) W. Hehn. Culturpfl. und Hausthiere. 6 Auf. 538. Cp. Humbolt. Ansichten. der Natur. 3 Auf. 206. Этимъ древнимъ именемъ рожь называютъ новогреки до сихъ поръ. Hehn. 539.

[2]) ibid. 545. Въ V вѣкѣ просо составляло главную пищу обитателей Панноніи. Славяне, поселившіеся здѣсь вмѣстѣ съ гуннами, продолжали и продолжаютъ почти исключительно культивировать это растеніе. Žito у хорватовъ означаетъ просо.

[3]) Культивировался еще въ доисторическую эпоху наравнѣ съ ячменемъ, пшеницей, овсомъ и просомъ иллирійцами. Трояновиħ. l. c. 18—21.

[4]) Трояновиħ. l. c.

Сопоставленіе относящихся къ земледѣлію терминовъ въ словарѣ южныхъ славянъ показываетъ, что основные пріемы его были ими выработаны еще до обособленія на отдѣльныя этническія группы. Въ лѣсахъ своей прикарпатской родины южные славяне пріобрѣли уже навыкъ расчищать корчеваніемъ (с. крчитба) почву для посѣвовъ, раздѣлывать свѣжія лядины (ледина с. и б.) или цѣлины. Это-же сопоставленіе даетъ намъ право отмѣтить фактъ нелишенный культурно-исторической важности: въ числѣ земледѣльческихъ терминовъ объединяющихъ обѣ вѣтви южныхъ славянъ съ славянами восточными стоятъ исключительно слова относящіяся къ раздѣлкѣ подъ посѣвъ свѣжихъ земель; дальше отношенія измѣняются: въ то время, какъ въ различныхъ нарѣчіяхъ сербо-хорватскаго языка оказывается рядъ общихъ съ восточно-славянскими словъ относящихся къ высшей, трехпольной системѣ хозяйства (озим, яр, ярик, ярина, ярица), затѣмъ слова, указывающія на обычай мѣшать землю послѣ пара вторично при посѣвѣ или предъ нимъ, оставлять ее въ видѣ п у с т о ш и или перелога (п р и ј е л о г), на правильную постановку пользованія лугами (сјенокос, отава, пласт, остожье, навильак, стог)—въ болгарскомъ мы этихъ словъ не находимъ. Едва-ли это различіе можно считать случайнымъ. Оно даетъ намъ право п о с т а в и т ь в о п р о с ъ: не отдѣлились-ли славяне болгарской группы раньше сербо-хорватовъ отъ восточныхъ славянъ?

Къ праславянскому же періоду, какъ свидѣтельствуетъ языкъ, восходитъ употребленіе плуга и рала, но ни тотъ, ни другой терминъ не даютъ понятія о формахъ, отъ которыхъ отправляется развитіе юго-славянскихъ земледѣльческихъ орудій. Формы эти можно возстановить лишь при типологическомъ изученіи современнаго земледѣльческаго инвентаря южныхъ славянъ. Къ сожалѣнію, матеріалъ, которымъ мы располагаемъ, далеко не полонъ: въ нашемъ распоряженіи были лишь рисунки плуговъ и ралъ черногорскихъ и боснійскихъ. Боснійскія орудія съ типологической точки зрѣнія слѣдуетъ признать наиболѣе архаическими. Такое впечатлѣніе произвели они и на спеціалиста—директора земледѣльческаго института въ Гогенгеймѣ Dr. Lau. Находя формы боснійскихъ плуговъ въ высокой степени замѣчательными съ культурно-исторической

точки зрѣнія и „ужасающе грубыми“, Lau приводитъ параллели для первой примитивнѣйшей формы [1]) изъ древняго Египта, древней Индіи, древняго Рима. Плугъ этой формы состоитъ изъ искривленнаго въ видѣ крюка куска дерева, одна часть котораго служитъ „ручицей“ и соединяется съ водиломъ, а другая со срѣзанномъ подъ угломъ концемъ царапаетъ землю. Къ этому боснійскому плугу по своей формѣ подходитъ Цермницкое рало изъ Черногоріи [2]). Исторію происхожденія этого плуга разъясняетъ современное черногорское названіе рала — пань или пэнь (= р. пень). Пень срубленнаго дерева съ находящимися на поверхности подземными частями служилъ древнему славянину, какъ и всякому жителю лѣсовъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось дерево съ болѣе или менѣе изогнутой поверхностью: стоило обрубить у нетолстаго пня лишніе корни, вырубить нужную часть съ наиболѣе здоровой нижней частью и основная часть рала была готова; къ ней оставалось только придѣлать грядиль. Вторая форма юго-славянскаго плуга [3]) характеризуется тѣмъ, что различно функціонирующія части первоначальнаго пня или крюка — ручица и плазъ (полозъ) — получили самостоятельное существованіе и стали соединяться въ томъ или иномъ положеніи по усмотрѣнію строителя, который пріобрѣталъ благодаря этому видоизмѣненію возможность приготовлять орудія изъ перваго подручнаго дерева, не блуждая въ лѣсу въ поискахъ за готовымъ. Терминологія отдѣльныхъ частей второй формы боснійскаго плуга даетъ право предположить, что онъ возникъ подъ вліяніемъ наблюденій надъ тѣмъ дѣйствіемъ, которое производитъ на землю полозъ — составная часть саней: бороздящая часть крюка называется въ Цермницѣ и у западныхъ болгаръ плазъ. Родство плаза съ саннымъ полозомъ можетъ представляться сомнительнымъ при современномъ развитіи орудій. Оно будетъ совершенно естественнымъ, если мы примемъ въ разсчетъ, что сани и полозъ могли быть извѣстны славянину въ охотничій періодъ, что въ болотистыхъ лѣсахъ

---

[1]) M. Hornes. Holzbau und Holzgeräte in Bosnien. MWAG, XII, 89. Cp. Hehn. l. c. 540.

[2]) Ровинскій. l. c. II, 587. Ср. Мариновъ, Мат. за бълг. рѣч. СбМ. XII, 263.

[3]) ibid. Васоевицкое, Цетинское рало. Ср. Hörnes. l. c. fig. 2, 3.

юго-западной Россіи — прародины славянъ — они были, какъ и теперь на нашемъ сѣверѣ, если не единственнымъ, то главнѣйшимъ орудіемъ передвиженія тяжестей. Легкія измѣненія въ пропорціяхъ и формахъ отдѣльныхъ частей полоза открывали возможность обратить его въ часть рала; стоило только отрѣзать подъ угломъ загибающуюся часть полоза, чтобы онъ началъ бороздить землю.

На первоначальный типъ бороны указываетъ слово, которымъ обозначается процессъ боронованія—с. „лачити" (= влачити, заволакивать). Это, очевидно, нѣчто въ родѣ того, что дѣлается до сихъ поръ на нашемъ сѣверѣ — волоченіе по землѣ вѣтвистаго дерева [1]). Основные пріемы уборки хлѣба серпомъ, косіеромъ, судя по терминологіи выработались также въ праславянскую эпоху. Болѣе ранній пріемъ —при помощи косіера. Жнецы назначали себѣ дневной урокъ — постать болг., серб., срѣзанный хлѣбъ собирали въ руковети, вязали въ снопы, складывали въ копы, кладни или стога. Добыча зерна изъ колосьевъ молотьба — с. вршидба—въ праславянскую пору была ручная и производилась молотками — конечно, каменными —(млатац; въ настоящее время уцѣлѣло только слово; орудіе имъ обозначаемое — то же, что нашъ цѣпъ); другой первобытный способъ, уцѣлѣвшій до сихъ поръ, состоитъ въ томъ, что зерно выбивается изъ колосьевъ вѣтвистыми хворостинами или на камняхъ „буковомъ граномъ" [2]). Въ Болгаріи для молотьбы служитъ бревно съ вбитыми въ него кремнями — декăн (зародышъ зубчатаго барабана, составляющаго существенную часть современной машины — молотилки).

Отдѣленіемъ зерна отъ колоса не оканчиваются еще по отношенію къ многимъ хлѣбамъ (овесъ, ячмень, полба)—операціи, предшествующія употребленію его въ пищу. Зерна овса, ячменя и полбы нужно еще освободить отъ пленокъ. Въ

---

[1]) Можетъ быть, о томъ-же способѣ говоритъ другой, сохранившійся у сербовъ терминъ для означенія бороньбы — дривати (ср. ньива—ньивати).

[2]) Тројановић говоритъ, что около Никшича вѣтви маслины, употребляемыя для этой цѣли называются млатачи (l. c. 21—22).

настоящее время для изготовленія крупы существуютъ спеціальныя орудія, но у южныхъ славянъ до сихъ поръ практикуется архаическій способъ, восходящій къ эпохѣ свайныхъ построекъ —поджариваніе (пуренье) зеренъ на жару или на спеціальныхъ жаровняхъ. Въ важевицкой нахіи въ Черногоріи сжатый овесъ тотчасъ складывается въ копы, чтобы онъ могъ нѣсколько согрѣться и плева съ остью легче отдѣлялась; послѣ обмолота и просушки зерна сыпятъ на раскаленную желѣзную или глиняную „пржницу" [1]), которая ставится на камни, или надъ отверстіемъ печи, перемѣшиваютъ до тѣхъ поръ пока они не подрумянятся; потомъ высыпаютъ на вређи, плотно прикрываютъ, чтобы ости перегорѣли и отпали и наконецъ просѣваютъ чрезъ рѣшето. Способъ этотъ имѣетъ мѣсто и у арнаутовъ. Въ Герцеговинѣ овесъ очищается отъ остей въ ступѣ деревяннымъ пестомъ („ступало") и просѣвается на вѣтру или сквозь рѣшето [2]). Въ ступѣ же путемъ толченія приготовляется по всей Сербіи изъ ячменя и пшеницы такъ называемый бунгуръ: ячмень нѣкоторое время варится или распаривается въ горячей водѣ, потомъ подсушивается и толчется въ ступѣ; такимъ образомъ онъ одновременно очищается отъ остей и раздробляется. Очистка поджареннаго зерна отъ оболочекъ толченіемъ въ ступѣ привела славянъ къ мысли приготовлять тѣмъ же способомъ муку [3]). Въ Герцеговинѣ такимъ образомъ получаютъ муку изъ льняного сѣмени. Другой способъ приготовленія муки—это толченіе или растираніе круглымъ камнемъ зеренъ на каменной плитѣ. Этотъ первобытный способъ размола сохранился въ Черногоріи и Далмаціи [4]). Въ Босніи и Черногоріи существуетъ еще третій, не менѣе первобытный способъ добыванія муки выдавливаніемъ ея изъ намоченнаго зерна. Способъ этотъ опи-

---

[1]) Тројановић. l. c. 23. Ровинскій. l. c. II, 537. У грековъ «пржницѣ» соотвѣтствовалъ κρίβανος. Hehn. l. c. 541. Шрадеръ. l. c. 395. Ср. колоссальныя глиняныя «тарелки» на городищѣ Villanova. MWAG. XXIV, 180.

[2]) Тројановић. l. c. 23—24. Подобный способъ очистки жита имѣлъ мѣсто на гебридскихъ островахъ, въ XVII в. въ Ирландіи, въ средніе вѣка у кельтовъ, въ эпоху свайныхъ построекъ въ Швейцаріи.

[3]) Ibid. 25. Мука изъ жареной пшеницы найдена была въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи.

[4]) Ibid. 26. Ср. Шрадеръ. l. c. 395.

сываетъ В. Караджичъ подъ словомъ н и ш е с т е: тщательно очищенное зерно размачивается и растирается руками, мука отдѣляется послѣ осадки на дно сосуда отъ воды и люзги, затѣмъ высушивается и опять растирается. Примѣненіе къ размолу силы падающей воды составляетъ, судя по рѣзкому различію терминологіи, позднѣйшее явленіе: болг. в о д е н и ц а, ж е р к а, к о л е л а р к а, серб. кладарица, лопатара, поточар, прекаjа, рекавица. Въ какомъ отношеніи другъ къ другу стоятъ формы всѣхъ этихъ, обозначаемыхъ различными названіями мельницъ, должны еще рѣшить мѣстные изслѣдователи; наличный литературный матеріалъ не даетъ для рѣшенія вопроса ничего. Переходимъ къ эволюціи второго момента питанія — преобразованію питательныхъ веществъ.

Исторію изготовленія пищи со времени примѣненія огня можно раздѣлить на двѣ крупныя эпохи — до изобрѣтенія посуды и послѣ ея изобрѣтенія. Послѣдняя распадается въ свою очередь на періодъ деревянной, періодъ глиняной и періодъ металлической посуды. На грани двухъ эпохъ въ исторіи питанія стоитъ изготовленіе сушенаго мяса, которое поѣдается затѣмъ въ сыромъ видѣ [1]). Къ числу кулинарныхъ пріемовъ, первое примѣненіе которыхъ восходитъ къ эпохѣ, предшествующей изобрѣтенію посуды, слѣдуетъ прежде всего отнести упомянутое уже выше изготовленіе мяса въ свѣжеободранной шкурѣ животнаго [2]); затѣмъ идутъ разнообразные способы приготовленія мяса въ горячей золѣ [3]) и на рожнѣ или вертелѣ. Всѣ эти способы сербы называютъ „печеніемъ“ [4]) и практикуютъ до сихъ поръ.

Вертелъ у черногорцевъ — это, по описанію Ровинскаго, цѣлый колъ, который проходитъ сквозь животное изъ зада въ ротъ; ноги связываются и прикрѣпляются къ вертелу. Въ случаѣ большихъ народныхъ пиршествъ такъ пекутъ цѣлыхъ быковъ. Вертелъ съ насаженнымъ на колъ животнымъ кладется обоими концами на камни огнища и къ одному боку пригре-

---

[1]) Траяновић l. c. 33.

[2]) ibid.

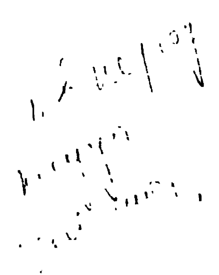
[3]) Ровинскій l. c. II, 544.

[4]) Ровинскій. Черногорія II, 544. Траяновић l. c.

бается жаръ. Вертелъ поворачивается медленно впродолженіе нѣсколько часовъ. Если работа производится на не открытомъ мѣстѣ, то у продѣлывающаго ее отъ дыма и жара забаливаютъ глаза, кружится голова, иногда онъ теряетъ даже сознаніе [1]).

Эпоха изготовленія пищи въ сосудахъ начинается съ того момента, какъ огонь приспособленъ былъ къ обработкѣ дерева. Въ Сербіи можно до сихъ поръ наблюдать процессъ изготовленія крупныхъ деревянныхъ сосудовъ при помощи огня. Приготовляется изъ стараго, начинающаго уже внутри загнивать буковаго дерева колода; ее прислоняютъ къ другому дереву и приподнявши нѣсколько надъ поверхностью земли разводятъ легкій огонь; дрогнувшая сердцевина начинаетъ тлѣть и прогораетъ раньше, чѣмъ успѣваетъ сгорѣть здоровая древесина; такимъ способомъ приготовляются полые цилиндры для мельницъ, могутъ приготовляться кадки и другія сосуды. Другой способъ примѣненія огня или точнѣе теплоты состоитъ въ томъ, что обрубокъ дерева прожигается на нужную глубину раскаленными каменьями, которые смѣняютъ по мѣрѣ охлажденія (Старый Влахъ) [2]).

Дальнѣйшее развитіе изготовленія деревянной посуды находится уже въ связи съ примѣненіемъ орудій борьбы къ труду.

Эффектъ, получаемый отъ копья на охотѣ, могъ подать мысль приложить его съ нѣкоторыми измѣненіями къ задачамъ техники труда. У сербовъ и болгаръ характерное названіе копаня примѣняется къ деревяннымъ сосудамъ различнаго вида: сербы называютъ такъ сосудъ широкій въ верху и съуживающійся ко дну (чанак=здиjела), болгары — круглое корыто и круглую-же чашку. Такъ какъ хорваты сосуды та-

---

[1]) По селамъ около Сурдилицы сербы-селяки «пекутъ» овечьи и коровьи головы засыпая ихъ горячей золой, а сверху жаромъ. Траян. l. c. 37. Во время послѣдней войны съ турками сербскіе солдаты такимъ-же образомъ пекли овецъ и козъ: копали яму, разводили въ ней большой огонь и когда онъ прогоралъ, разгребали золу, клали въ нее заколотое животное, засыпали горячей золой и часа черезъ 2—3 получали готовое кушанье. ib. 37, 46. Въ Далмаціи такъ пекутъ осьминоговъ ib. 63.

О «печеніи» мяса у древнихъ арійцевъ см. Шрадеръ. l. c. 392.

[2]) Траяновић l. c. 5, 59.

кого-же вида называютъ б а д а н ь, а бадань прежде всего означаетъ дерево съ мягкой сердцевиной (ср. с т у б л и н а), то мы имѣемъ основаніе предположить, что и послѣ примѣненія орудій матерьялъ для приготовленія посуды оставался тотъ-же. Въ Черногоріи всякая кадка (каца с. и б.) называется б а д а н ь (ср. с т у г а). С. Трояновиђ называетъ цѣлую серію сосудовъ, которые приготовляются изъ цѣльнаго куска дерева (jедноставна): к а б л и ђ въ С. Влахѣ, б у ц а т въ ужичкомъ округѣ, к и ф е въ Никшичѣ, к р б и ђ а въ Васоевиђахъ, д а б е [1]). Расколотая колода (клада) послужила матеріаломъ для изготовленія начевокъ (с. наћве, наћвице, болг. нощи).

Слѣдующую стадію развитія деревянной посуды представляютъ сосуды, собранные изъ отдѣльныхъ досчечекъ—ведра, бочки, жбаны. Ю. славяне были уже знакомы съ ихъ изготовленіемъ, когда двинулись на полуостровъ: объ этомъ говоритъ намъ то обстоятельство, что термины, служащіе для ихъ обозначенія б ъ ч-(ва), в р ъ ч в а извѣстны въ восточно-славянскихъ нарѣчіяхъ и древне-болгарскомъ (в р ч в а).

Явившись на полуостровъ славяне нашли здѣсь у иллирійцевъ развитую технику деревянныхъ издѣлій и отношеніе древне-славянской деревянной утвари къ иллирійской сказалось въ томъ, что сербы корыта для мытья бѣлья и мѣшенія хлѣба, кашики и чанки покупаютъ у к а р а в л а ш с к и х ъ цыганъ—потомковъ старыхъ влаховъ, а сами дѣлаютъ только болѣе грубыя посудины [2]).

Съ изобрѣтеніемъ деревянной посуды явилась возможность изготовлять жидкую пищу при помощи огня, говоримъ п р и п о м о щ и о г н я, а не н а о г н ѣ, потому что именно этотъ признакъ характеризуетъ періодъ деревянной посуды. Жидкость нагрѣвалась до нужной степени посредствомъ раскаленныхъ камней, которые одинъ за другимъ погружались въ нее. Пріемъ этотъ практикуется въ настоящее время только у басковъ и южныхъ славянъ — главнымъ образомъ для согрѣванія молока. Пастухи на Мирочѣ берутъ съ собой выдолбленную тыкву „бундевину полутину“ и подоивши въ нее

[1]) l. c. 45.

[2]) Караджичъ. Даница 1827, 101.

овецъ опускаютъ въ своеобразный сосудъ раскаленный камень [1]); то же самое практикуется въ богатомъ этнографическими особенностями Старомъ Влахѣ [2]) и у арнаутскихъ пастуховъ въ Асѣ и подъ Кораб-планиной (Коритникъ)—арнауты находятъ, что молоко, приготовленное такимъ образомъ вкуснѣе—затѣмъ въ Македоніи, Черногоріи [4]). Въ герцеговинскомъ селѣ Баньянахъ при помощи раскаленныхъ камней подготовляютъ приготовленіе жаренаго подсвинка на рожнѣ: въ очищенную внутренную полость его кладутъ раскаленные камни и завертываютъ въ какую нибудь суконную одежду [1]).

Переходную стадію къ употребленію глиняной посуды и болѣе широкому примѣненію огня къ изготовленію пищи представляетъ способъ приготовленія жидкаго кушанья капамы въ обмазанномъ глиной цилиндрѣ изъ липовой коры: берется кусокъ свѣже сожженнаго липоваго дерева, отдѣляется отъ древесины кора, снабжается донцемъ, наполняется водой съ мясомъ и другими приправами, затыкается „враніемъ"; оба донца залѣпляются глиной, сосудъ опускается въ ямку, засыпаютъ сверху слоемъ земли, поверхъ которой разводится сильный огонь [4]).

Изготовленіе посуды изъ глины („земли") составляетъ одну изъ древнѣйшихъ отраслей технической дѣятельности человѣка; оно возникаетъ почти одновременно съ первыми опытами плетенія; въ свайныхъ постройкахъ, въ могилахъ неолитической эпохи обломки глиняной посуды составляютъ такую-же непремѣнную принадлежность, какъ каменныя орудія и грубыя украшенія. Сербы и болгары принесли знакомство съ нѣсколькими типами глиняныхъ сосудовъ съ своей карпатской родины — паница, грн, крчаг, череп-ка (црепција), каленица. Названіе одного изъ нихъ делва встрѣчается въ древне-болгарскомъ—длы. Прослѣдить развитіе ихъ керамики

[1]) Тројановић. l. c. 59. Cp. Globus XLV, 287: «Die Basken noch Steinköcher»; XLVI, 16. Steinköcherei in Kärnten.

[3]) ibid. 6, 54.

[4]) ibid. 55.

[5]) ib. 56, 57.

[6]) ibid. 57—8.

[7]) ibid. 64.

на основаніи археологическаго матеріала въ настоящее время въ высшей степени трудно. Археологическое изслѣдованіе полуострова и придунайскихъ земель, можно сказать, только еще начинается. Формы керамики гальштадтской эпохи, эпохи La-Téne, римской можно такъ или иначе установить, но керамика славянской эпохи —предметъ въ высшей степени мало изслѣдованный и главнымъ образомъ потому, что мы знаемъ до сихъ поръ ничтожное количество славянскихъ могильниковъ. Матеріалъ для реставраціи ея раннихъ моментовъ приходится брать изъ современной обстановки южнаго славянина и изъ тѣхъ данныхъ, которыя имѣются относительно древней керамики западныхъ и восточныхъ славянъ — въ томъ и другомъ случаѣ съ огромными почти непреодолимыми затрудненіями. Юго-славянскіе этнографы обращаютъ мало вниманія на изученіе матеріальной культуры; ихъ вниманіе почти цѣликомъ поглощается собираніемъ произведеній народнаго творчества и изслѣдованіемъ юридическаго быта; тоже самое можно сказать и о немногихъ русскихъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ современному юго-славянскому быту; ничего подобнаго такимъ работамъ, которыя ведутся по иниціативѣ Вѣнскаго Антропологическаго Общества хотя-бы Кайндлемъ относительно гуцуловъ и русиновъ, ни въ нашей, ни въ юго-славянской этнографической литературѣ мы не найдемъ; единственнымъ пріятнымъ исключеніемъ является „Черногорія" Ровинскаго, но и она не даетъ того, что съ такой щедростью предлагаетъ намъ относительно русиновъ Кайндль: рисунковъ мало; выбрано, видимо, то, что показалось автору болѣе или менѣе необычнымъ [1]). За отсутствіемъ такого матеріала намъ приходится довольствоваться бѣглыми замѣчаніями современныхъ путешественниковъ и этнографовъ и эти замѣчанія констатируютъ фактъ, котораго можно было ожидать по анологіи — зависимость южныхъ славянъ въ области керамики отъ преданій и формъ до-славянской эпохи. С. Трояновиѣ изслѣдуя въ Іадрѣ иллирійскія могилы ранней гальштадтской эпохи, нашелъ сосуды, совер-

[1]) С. Трояновиѣ цитируетъ статью Вл. Тительбаха «Керамика и неки јој облици у Србіи (Нада, ч. I, № 22), но въ Казани оказалось невозможнымъ добыть ее.

шенно тождественныя по формѣ съ современными пиротскими к р ч а г а м и и крушевацкими к у п и ц а м и: тѣ и другія между прочимъ украшены сосковидными придатками по бокамъ — существенной принадлежностью такъ называемаго лужицкаго типа сосудовъ [1]).

Въ деревняхъ южной окраины такъ называемаго Знеполья (Businci, H e r u l) близь сербско-болгарской границы процвѣтаетъ, по словамъ К. Иречка, фабрикація покрытыхъ зеленой лазурью сосудовъ архаической формы и съ архаическими украшеніями — вазъ съ фигурами животныхъ и полыхъ коньковъ, которые совершенно напоминаютъ древнія акваманиліи [2]). О такихъ-же архаизмахъ въ области гончарнаго ремесла говорить по отношенію къ С. З. Болгаріи Бассановичъ. Келимы изготовляются въ ломскомъ округѣ такъ называемыми трлаками (трлаци) въ доисторическомъ вкусѣ съ геометрическими орнаментами [3]). Скудные факты, которыми мы располагаемъ относительно Болгаріи, говорятъ намъ о связи между славянской и до-славянской керамикой больше, чѣмъ мы даже могли ожидать; они говорятъ, что до-славянская керамика не только до сихъ поръ живетъ въ своихъ формахъ, но что до сихъ поръ она является по мѣстамъ спеціальностью потомковъ до-славянскаго населенія полуострова: мы знаемъ уже, что такое представляютъ собою трлаки. Этотъ выводъ вполнѣ гармонируется съ тѣмъ презрительнымъ отношеніемъ, которое обнаруживаетъ къ гончарному ремеслу сербъ. Въ Сербіи изготовленіе глиняныхъ сосудовъ, по словамъ Трояновича, женское дѣло и мужчина сочтетъ для себя оскорбленіемъ, если его назовутъ горшечникомъ. Горшечники и черепичники Сербіи, по словамъ Миличевича, почти всѣ родомъ изъ южныхъ (влашскихъ) округовъ — пиротскаго и нишскаго [4]). Они странствуютъ не только по Сербіи, но и по Боснѣ. Не противорѣчитъ этотъ выводъ и тому, что дастъ

[1]) Указаніе Трояновића даетъ новую постановку вопросу о лужицкомъ типѣ сосудовъ. Чешскіе археологи считаютъ ихъ специфической принадлежностью западнаго славянства. Факты Трояновића позволяютъ ему ввести этотъ типъ въ составъ культурнаго достоянія славо-иллировъ вообще.

[2]) l. c. 54.

[3]) Ломскиятъ окрѫгъ. СбМ. V, 67. Ср. K a n i t z. Donau-Bulgarien II, 295.

[4]) Кнеж. Србија. 115—116. Ср. К а р и ћ. Србија, 804.

намъ археологія относительно древне-славянской керамики. Сосуды, которые встрѣчаются до сихъ поръ въ изслѣдованныхъ юго- и западно-славянскихъ могильникахъ и городищахъ, характеризуются главнымъ образомъ своимъ волнистымъ орнаментомъ [1]), но орнаментъ этотъ, по изслѣдованію проф. Л. Нидерле, не составляетъ славянскаго изобрѣтенія: онъ является сначала въ римской провинціальной керамикѣ IV—V в. и потомъ уже переходитъ въ славянскую; въ области гончарнаго искусства мы, начиная съ доисторической эпохи, имѣемъ т. о. на славянской почвѣ дѣло съ заимствованіями. Тоже явленіе имѣетъ мѣсто и въ области металлургической промышленности. Орудія, утварь, изготовляемыя изъ металловъ, какъ и произведенія керамики, сохраняютъ до сихъ поръ древнія формы и орнаменты и являются произведеніями потомковъ до-славянскаго населенія полуострова. Въ пользу предположенія, что металлургія — въ частности обработка желѣза — находятся до сихъ поръ въ рукахъ потомковъ ѳракійскаго населенія полуострова, говоритъ прежде всего терминъ для обозначенія рудокопа: Ami-Boué приводитъ одно изъ употребительныхъ въ Турціи словъ для обозначенія рудокопа — Baeson, своей связью съ именемъ историческихъ бессовъ, имѣющее для насъ огромное значеніе [2]), затѣмъ первобытная техника дѣла. Въ горныхъ областяхъ Болгаріи желѣзо получается двоякимъ способомъ: или переплавливаютъ руду, добываемую изъ болѣе или менѣе глубокихъ шахтъ, или промываютъ и переработываютъ песокъ магнитнаго желѣза, который можно собрать на поверхности [3]). Оба они ведутъ свое начало отъ до-славянской, даже до-римской эпохи. Первый имѣлъ мѣсто въ странѣ бессовъ (cuniculi more Bessorum). Вторымъ желѣзо до сихъ поръ добывается въ Болгаріи, въ Божицѣ, въ Самоковѣ, въ окрестностяхъ Власины въ Сербіи, а раньше добывалось на обширномъ пространствѣ отъ Шара до Родо-

---

[1]) Данныя относительно керамики юго-славянскихъ могильниковъ см. у P. Reinecke—Slavische Gräberfunde im croatischen und slavonischen Gebiete. VBGAEU. 1897, 363—366.

[2]) Jireček. Arch. Frag. aus Bulg. 79—80. Ami-Boué. l. c. III, 61—62.

[3]) La Turquie III, 58.

повъ, даже до береговъ Чернаго моря [1]). Иречекъ называетъ четыре района, гдѣ практиковался еще недавно этотъ способъ: 1) верховья Вардара, на восточной сторонѣ Шара (Пореч, Крангиница и Слатина), 2) Божица и долины Власины и Мазурицы до Знеполья [2]), 3) горный округъ Рылы, Перина и Родоповъ, простиравшійся до Халкидики, со включеніемъ Демир-Хиссара (Σιδηρόκαστρον), Мельника, Самокова и Неврокопа и 4) побережье Чернаго моря (Малки, Самокова окрестности Ямболя). Послѣдній способъ представляетъ собою, конечно, переживаніе изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ эпохъ желѣзной индустріи, о которомъ другіе, знакомые съ металлургіей народы, сохранили только преданія. Способъ, которымъ добывается до сихъ поръ желѣзо въ Родопахъ, былъ когда-то въ употребленіи у тюркскихъ племенъ Сибири; о немъ разсказываютъ, со словъ стариковъ, якуты [3]). Въ пользу металлургической традиціи говоритъ и то, что въ относящейся сюда болгарской номенклатурѣ сохранились термины изъ римской эпохи (zgura || lat. scavria, scoria=шлакъ). Дальнѣйшая исторія руднаго дѣла на Балканскомъ полуостровѣ показываетъ, что славяне, которые принесли съ сѣверной родины знакомство съ свойствами рудъ, не пріобрѣли здѣсь вкуса къ нему: византійскіе и болгарскіе источники не говорятъ намъ ничего о желѣзодѣлательной промышленности страны. Славянинъ обходился безъ желѣза до послѣднихъ предѣловъ возможнаго, какъ это показываетъ исторія плуга. Рудное дѣло становится замѣтнымъ, когда въ концѣ среднихъ вѣковъ, въ XIII—XV в.в. правители Босніи, Сербіи, Болгаріи начинаютъ приглашать изъ Венгріи и Седмиградія [4]) саксовъ. Саксы удержали ее въ своихъ рукахъ здѣсь кое-гдѣ и подъ турецкимъ владычествомъ [5]) и передали туземному населенію съ

---

[1]) Jireček. l. c. 80.

[2]) Здѣсь горное дѣло было развито еще при Юстиніанѣ. ib. 81.

[3]) Сѣрошевскій. Якуты. I, 383, 400. Ср. Китайскія извѣстія о древнихъ Хакасахъ. Beck. Gesch. d. Eisens. I, 28.

[4]) Jireček. Die Handelstrassen u. Bergwerke von Serbien und Bosnien während Mittelathers (ABGW. 1879). Ср. Мијатовић. Студије за ист. срп. трговине. ГСD. XXXVII, 238, 240—1.

[5]) Jireček. Arch. Frag. aus Bulg. 76.

терминологіей и технику: въ Чипровцахъ, Рылѣ, Самоковѣ, Кратовѣ употребляются нѣмецкіе термины šlokno, utmani. Новый толчекъ желѣзодѣлательной промышленности дали турки, которые принесли знакомство съ ней изъ Азіи и, какъ воинственный народъ, чувствовали потребность въ ея развитіи на новыхъ жилищахъ [1]. Путешественники XVI—XVII в. говорятъ о значительномъ развитіи металлургіи въ рукахъ турокъ [2]. Современная металлургическая номенклатура болгаръ носитъ слѣды сильнѣйшаго турецкаго вліянія: цѣлый рядъ турецкихъ терминовъ совершенно вытѣснили изъ употребленія славянскіе: бичакчи — ножевщикъ, билезия — браслетъ. Изъ праславянской эпохи у сербовъ и болгаръ идетъ одинъ только сосудъ — котелъ (котлъ, котао); остальные носятъ турецкія имена и добываются у турокъ путемъ торговли (цареградски бакрени суди): у болгаръ ибрикъ, тава, гивечъ, канакиня, саханъ, тепсія, у сербовъ ђугум, сан, саплак.

Караджичъ еще въ первой четверти нашего столѣтія писалъ, что сербы-ковачи по селамъ куютъ только сѣкиры, мотыки и ральники, а остальныя кузнечныя работы производятъ цыгане по городамъ [3]. Ту-же картину рисуетъ черезъ 50 лѣтъ спустя Миличевичъ [4].

Съ самодѣльной или купленой посудой ю. славянина стоятъ въ связи высшія точки въ развитіи его питанія. Въ ней подвергались желательнымъ преобразованіямъ продукты скотоводства (главнымъ образомъ молоко) и земледѣлія (мука).

Пищевыя вещества, приготовляемые изъ молока, съ точки зрѣнія близости къ той формѣ, въ которой они даются природой, располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: варевина или вареника — молоко, сваренное тотчасъ по доеніи (jamuza; сырое молоко южные славяне употребляютъ лишь какъ лекарство; около Явора въ Сербіи молоко варится до тѣхъ поръ, пока

[1]) О металлургіи у тюрковъ см. Beck l. c.

[2]) Jireček. l. c. 80—83.

[3]) Даница. 1827, 101.

[4]) Кнежевина Србија. 115—116.

оно густѣетъ, млеко — кислое молоко, приготовленное для немедленнаго потребленія изъ варевины, скорупъ — устой, который снимается съ постоявшей два дня варевины, складывается въ кадушку, немного солится и замѣняетъ у черногорцевъ масло, сыръ — приготовленный изъ снятой варевины [1]).

Мука, приготовленная тѣмъ и инымъ путемъ, является матеріаломъ для цѣлаго ряда кушаній. Съ точки зрѣнія преобразованій, которыя вносятся въ это вещество человѣкомъ, первымъ по времени кушаньемъ изъ муки слѣдуетъ считать аналогичный съ древне-греческой мазой и греко-италійскимъ puls (πολτος) качамакъ (= готовац, пура, мамалыга, кулья, бакрдан, мандара, дицвара [2]) и п"рга изъ просяной муки, кулијеш, мантала, у болгаръ булумачъ (на сырой водѣ).

Качамакъ готовится въ настоящее время изъ кукурузной муки: кипятится вода, въ нее всыпается понемногу мука и мѣшается большой ложкой, пока загустится, какъ тѣсто; затѣмъ снимается и раздается ложкой по чашкамъ или на руки [3]); онъ составляетъ почти исключительно пищу сѣверныхъ болгаръ. Тѣмъ же способомъ изъ кукурузной муки готовится у черногорцевъ каша, пура и кулешъ (изъ прги или размолотыхъ и поджаренныхъ зеренъ кукурузы) [4]). Въ Сербіи практикуется другой способъ приготовленія качамака: въ кипящую воду насыпается кукурузная мука, которая поднимается на поверхность и, набирая въ себя воды, образуетъ густую массу; массу эту протыкаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ четырехгранной палкой [5]). Переходъ отъ качамака къ хлѣбу составляютъ кушанья, которыя приготовляются изъ смѣси муки съ водой, поджариваемой на сковородѣ [6]).

---

[1]) Ровинскій. l. c. 546. Трojановић. l. c. 78 ff. Gustić Z. «Narodna jela i pića u Bosni i Herc.» Zbornik za život i obič. j. Sl. 110.

[2]) Трojановић. l. c. 68, 69.

[3]) Ровинскій. l. c. 535. Трojановић. l. c. 69.

[4]) ibid. Ср. Трojановић. l. c. 25.

[5]) Трojановић. l. c. 69.

[6]) Gustić. l. c.

Слѣдующій типъ мучныхъ кушаній—требующій уже нѣкоторыхъ преобразованій формы вещества представляютъ большого или меньшаго размѣра кусочки тѣста, сваренные въ водѣ [1]): вальцици, жганцы. Первоначальной формой тѣста съ точки зрѣнія преобразованій вносимыхъ въ вещество человѣческимъ трудомъ является прѣсное. Печеное прѣсное тѣсто представляетъ древнѣйшій типъ хлѣба. У южныхъ славянъ онъ носитъ заимствованное у романскихъ народовъ названіе погача (ср. ит. focaccia). Большая древность погачи сравнительно съ квашенымъ хлѣбомъ помимо простѣйшаго способа изготовленія видна уже изъ того значенія, которое отводится ей въ культѣ: во всѣхъ случаяхъ, гдѣ хлѣбъ является жертвой, онъ приготовляется прѣсный [2]). Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ также найденъ только прѣсный хлѣбъ [3]). Кислый хлѣбъ (сомун) пріобрѣтался въ Сербіи при Караджичѣ главнымъ образомъ покупкой; въ Болгаріи во многихъ селеніяхъ квашеный хлѣбъ приготовляется только къ свадьбѣ и къ другимъ торжествамъ. Какъ печется хлѣбъ — кислый или прѣсный — показываетъ названіе процесса: жарити [4]). Съ ростомъ экономическаго благосостоянія, съ развитіемъ земледѣлія и скотоводства, съ возникновеніемъ торговыхъ сношеній связано возникновеніе массы кушаній, которыя представляютъ разнообразныя комбинаціи тѣста и продуктовъ животнаго царства [5]). Входить въ подробности относительно отдѣльныхъ формъ намъ нѣтъ необходимости. Съ культурно-исторической точки зрѣнія слѣдуетъ отмѣтить только заимствованія, сдѣланныя у другихъ народовъ; къ болѣе раннимъ заимствованіямъ слѣдуетъ отнести тѣ, которыя идутъ изъ Италіи и отъ туровъ [6]).

---

[1]) Ср. сатрица, тарана. У болгаръ баница, млинъ, тиганида, пюга, прѣсенчанъ, турта.

[2]) Трojановић. l. c. 28.

[3]) Шрадеръ. l. c. 396. Lubbok. Vorgesch. Zeit. 207.

[4]) Ровинскій. l. c. 534.

[5]) Преврата. У болг. мазник, меденикъ, мекица, кравай, оризато, попара, попарникъ, сарма, свакя, сукано, тутманикъ, ужвеница, шуга.

[6]) Преимущественно сладости. Ср. Gustić. l. c.

Развитіе питанія и кулинарнаго искусства стоитъ въ связи съ развитіемъ огнища: отъ того или другого устройства очага существенно зависитъ характеръ кухни; въ то время, какъ восточный славянинъ, выработавшій закрытое огнище (печь), преимущественно варитъ себѣ пищу, южный на своемъ открытомъ огнищѣ преимущественно жаритъ или печетъ. Изслѣдованіе питанія въ его историческомъ развитіи приводитъ насъ такимъ образомъ къ развитію огнища, а это послѣднее вводитъ насъ въ кругъ вопросовъ о формахъ осѣдлости, жилища вообще [1]).

---

[1]) Работы по изслѣдованію жилища въ послѣдніе годы получили широкое развитіе въ Австріи и Германіи. Въ Австріи, которая намъ можетъ оказать наиболѣе пользы, честь систематической постановки этого дѣла принадлежитъ Вѣнскому Антропологическому Обществу. Въ его «Mittheilungen» и «Sitzungsberichte» помѣщенъ рядъ статей, которыя представляютъ для насъ не мало интересныхъ параллелей. Считаемъ нелишнимъ привести перечень важнѣйшихъ сочиненій и статей по этому вопросу.
Henning («Das deutsche Haus in seiner historischen Entwickelung». Strassburg. 1882) и Meitzen («Das deutsche Haus in seiner volksthümlichen Formen». Berlin. 1882) дали общіе результаты мѣстныхъ изслѣдованій. Вирховъ («Ueber das alte deutsche Haus» VBAG. 1887, 568; «Weitere Untersuchungen über das deutsche und schweiz. Haus». ib. 1890, 553 ff.) обращаетъ особенное вниманіе на форму жилища, какъ этнографичскій признакъ.

Prof. R. Meringer. Das deutsche Bauernhaus. SB. XXII, 46.

Meldahl. Ueber die historischen Formen der Holzbaukunst und die geographische Verbreitung derselben. ib. 51—57.

G. Bancalari. Vorgang bei der Hausforschung. ib. 57—66.

G. Bancalari. Oberösterreichische Bauernhaus. Ausland. 1892; 16, 19, 20, 21, 22.

Rosegger. Das Volksleben in Steiermark. 1882. «Haus und Heim». 12—19.

Reymann. Technische Vorkentnisse zur Hausforschung. SBWAG XXIII, 12—28.

Bünker. Typen von Bauernhäusern aus dem Gegend von Oedenburg in Ungarn. SBWAG. XXIV, 115 ff.

Литература по вопросу о жилищѣ у южныхъ славянъ:

Ровинскій. Черногорія. Т. I—II.

Vid Vuletić Vukasović. Narodna kuća ili dom sa pokućstvom u Dalmaciji, u Hercegovini i u Bosni. Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena. Svezak. I. 27—43.

Каково было то жилье славянина, куда впервые былъ принесенъ огонь, показываетъ, какъ мы уже видѣли, связь словъ пеħ (пешть) и пеħина (пештера). Къ этому-же выводу приводитъ насъ и типологическое изслѣдованіе современнаго юго-славянскаго жилища. Пещера — это жилье, данное въ готовомъ видѣ природой — является одной изъ формъ, которыя мы констатируемъ въ современномъ быту южнаго славянина, о которой говорятъ намъ его преданія, его поэзія [1]).

La Dalmazia descritta dal professore dr. Francesco Carraro con 48 tavole miniate. Cop. IV abitazioni.

Миличевиħ. Живот Срба сељака. Б. 1894.

Kršnjavi. Gradjevni narodni styl. Glasnik družtva za umjetnost i umjetni obrt. God. III, svez. 1.

F. Hefele. Bosanska kuća. ibid. Sv. II, 43—46.

Березинъ. Хорватія, Далмація, Славонія и Военная Граница II, 451, 457.

G. Bancalari. Das bosnische Wohnhaus. Deutsche Rundschau f. Geographie u. Stat. XI, 159.

Das serbische Bauernhof. Ausland. 1883.

Das ländliche Wohnhaus in Krain, Ostkärnten und Nordsteiermark. Globus. Bd. LXV, № 22.

M. Hörnes. Die Holzbau und Holzgeräthe in Bosnien. MWAG. XII, 88.

Korajac. Die Pfahlbauersilhouetten aus slavon. Ursitzen. 1898.

Hausgewerb. Gegenstande aus Bosnien. ZE. 1897, s. 98.

Kramberger. Streifereien durch Slavonien. Globus. XXXIX, 296 ff., 313, 331, 333; XL, 23. 43.

— Patrac und Lipik im Westen des Požeganer Comitats. ibid Bd. XLI, 266, 282.

— Daruvar in Slavonien und seine Umgebungen. ib. XLI, 348.

Retfalu. Reise von Esseg durch eine Theil Sirmiens. XLVI, 8.

Р. Мерингеръ. Пучка куħа у Босни Херцеговини. ГЗМ 1899, 181.

K. Jireček. Cesty po Bulharsku.

Мариновъ. Материали за бълг. рѣчникъ. СбМ. XI ff.

Г. Мариновъ проектировалъ очень подробное описаніе болгарскаго дома въ одной изъ частей своей «Жива Старина». Матеріалъ по вопросу собранъ, но изданіе задерживается за недостаткомъ средствъ.

Н. З. Тиховъ. Матеріалы для ист. разв. слав. жилища. Болг. домъ и отн. къ нему постройки по даннымъ языка и нар. слов. Каз. 1891.

[1]) СбМ VI, 21; VIII, 168, 182; XI, 121; XII, 140. Ср. Кар. Р. 703.

Спиљa.

Въ Черногоріи, по берегамъ Морачи, пещеры, защищенныя отъ сѣвернаго вѣтра, даютъ лѣтомъ прибѣжище пастухамъ и ихъ стадамъ, служатъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ жилищемъ и зимой [1]). Въ Васоевичахъ указываютъ пещеру, въ которой въ половинѣ прошлаго столѣтія отъ турокъ скрывалось 70 семействъ (до 350 чк) [2]). Въ той же мѣстности недавно была изслѣдована другая пещера, въ которую можно спуститься только сверху по веревкѣ;. въ ней нашли слѣды пребыванія человѣка. На Морачѣ можно наблюдать, какъ пещера приспособляется въ настоящее время къ потребностямъ человѣка: снаружи выводится невысокая стѣнка, на нее опускается навѣсъ изъ досокъ — и пещера обезпечена болѣе или менѣе отъ внѣшнихъ вліяній [3]). Пещеры съ входомъ сверху представляютъ убѣжище, которое человѣкъ стремится воспроизвести тамъ, гдѣ ихъ въ достаточномъ количествѣ не даетъ природа. Результатомъ этого стремленія является простѣйшій видъ болгарскаго подземного жилища—и з б а. Изба—это яма, выкопанная въ землѣ съ окномъ - дверью въ крышѣ (окница); въ нее спускаются черезъ это отверстіе по столбу [4]).

Рядомъ съ пещерами въ качествѣ архаическихъ формъ южно-славянскаго жилья являются досчатыя и плетеныя помѣщенія на катунахъ, гдѣ южный славянинъ возвращается къ бытовымъ преданіямъ далекаго прошлаго. Простѣйшей формой такого временнаго помѣщенія можно признать с л о н — стѣнку изъ наклоненныхъ слегка досокъ, подъ которой находя защиту отъ дождя или снѣга пастухъ и стадо [5]). Дальше идетъ п р и б о й — замкнутое со всѣхъ сторонъ такими с л о н а м и, но открытое сверху пространство [6]). Если

---

[1]) Ровинскій. l. c. I, 86. Ср. Караджичъ. Рјечн. подъ словомъ «П о л а».

[2]) ibid. 134. Въ пещеру эту можно попасть только сверху.

[3]) ibid. 135. Ср. М е р и н г е р ъ. Пучка кућа у Босни и Херцеговини. ГЗМ. 1899. Рисунокъ. Въ Истріи Marchesetti. SBWAG, XXV, 54.

[4]) М а р и н о в ъ. Материалъ за българския рѣчникъ. СбМ. XII, 281. Ср. Дюверну a. Болг. Сл.

[5]) Јара. Ровинскій. l. c. У з. Болгаръ — наслонъ. М а р и н о в ъ. СбМ. XIII, 256.

[6]) Ср. хорв. осјечина. К.

мы замѣнимъ мысленно доски необдѣланными деревьями, даже съ вѣтвями, мы получимъ помѣщеніе, которое въ любое время можно было построить и не жаль бросить. Воспоминаніями пастушеской поры являются плетенки, которыя кочевникъ могъ переносить самъ, и жилища на полозьяхъ — кутьяра, или плужина, и станъ (обращаемъ еще разъ вниманіе читателя на связь между плугомъ и санями) [1]). Въ Бѣлопавличахъ пастухи укрываются въ такъ называемыхъ превіячахъ. Это, по описанію Ровинскаго, нѣчто въ родѣ конусообразнаго колпака изъ соломы и прутьевъ. Основаніемъ служитъ обручъ, къ которому прикрѣпляется нѣсколько жердей, связанныхъ концами вверху; пространство между жердями оплетается прутьями и покрывается соломой; превьяч пастухъ можетъ переносить на рукахъ. Болѣе тяжелое сооруженіе изъ плетня съ соломенной крышей и досчатымъ поломъ — станъ перевозится уже на полозьяхъ; кутьяры — бревенчатые домики съ досчатой крышей, поставленные на полозья, представляютъ позднѣйшую варіацію архаической тэмы.

Въ станѣ и кутьярѣ жилище сливается съ орудіемъ передвиженія и это обстоятельство заставляетъ насъ ввести въ кругъ его изслѣдованія тѣ средства передвиженія, которыми располагали предки южныхъ славянъ и которыя опредѣляли собою до извѣстной степени форму и размѣръ жилья. Рѣки, озера, болота, степи, снѣжныя пространства, дѣвственныя чащи лѣсовъ — вотъ та среда, въ предѣлахъ которой долженъ былъ передвигаться древній славянинъ. Раньше, чѣмъ были изобрѣтены какія-бы то ни было спеціальныя орудія, передвиженія по воднымъ пространствамъ въ интересахъ рыбной ловли совершались въ бродъ (с. брод): бродомъ черногорцы до сихъ поръ называютъ всякое мѣсто въ озерѣ или болотѣ, гдѣ можно хватать рыбу; слово бродъ осталось терминомъ, относящимся къ передвиженію по водѣ даже тогда, когда были изобрѣтены лодки: въ сербскомъ приморьи лодка называется брод (другой относящійся къ тому-же явленію терминъ газ имѣетъ меньшее распредѣленіе). У болгаръ для облегченія брода по глубокимъ мѣстамъ употребляются ходули (кукели). Первымъ орудіемъ передвиженія является дерево, способное держаться на водной

[1]) Ровинскій. l. c. II, 464—465.

поверхности: въ Черногоріи и Дубровникѣ лодку до сихъ поръ называютъ дријево, дрво. Связанныя, сплетенныя вѣтвями деревья (сплата с., болг. враница) представляютъ собою уже болѣе удобное орудіе. Примѣненіемъ къ дереву долбящихъ орудій зародышъ орудія, данный случаемъ, природой, обращался въ лодку (ладия, лађа, чун, кораб), отдѣльные виды которой называются иногда по породамъ служившихъ для ея изготовленія деревьевъ: растовица с. [1]). Нѣсколько связанныхъ между собою и установленныхъ неподвижно однодеревокъ представляли возможность основываться въ случаѣ надобности на водной поверхности съ жильемъ: въ Сремѣ и Хорватіи водяныя мельницы утверждаются до сихъ поръ на такихъ кереп'ах; въ доисторическую пору она могла служить и рыбаку.

Съ тѣмъ типомъ лодки, который нѣкогда былъ въ употребленіи у славянъ на Дунаѣ и потомъ на моряхъ, мы знакомимся изъ историческихъ свидѣтельствъ (μονόξυλα). Свидѣтельство древнихъ въ данномъ случаѣ можетъ показать, насколько приближаемся мы къ истинѣ, устанавливая древность отдѣльныхъ формъ бытовой обстановки человѣка на основаніи ихъ сравнительнаго изученія. На славянскомъ югѣ въ настоящее время существуютъ самые разнообразные типы ладей [2]), но на удаленныхъ отъ морей горныхъ озерахъ держится до сихъ поръ типъ, который представляетъ собою не болѣе, какъ простое примѣненіе къ плаванію предмета даннаго природой. На Прѣспенскомъ озерѣ въ З. Болгаріи чунъ состоитъ изъ трехъ кусковъ дуплястаго дерева (корубъ): одинъ составляетъ основаніе лодки, а два другіе прикрѣпляются по сторонамъ и образуютъ нѣчто въ родѣ вздутыхъ мѣховъ [3]). Съ точки зрѣнія теоріи развитія мы должны признать этотъ типъ древнѣйшимъ изъ всѣхъ, которые извѣстны южнымъ славянамъ — и писанныя источники подтверждаютъ справедливость этого

---

[1]) Ср. старое сѣверно-нѣмецкое названіе лодки bȫrkr и björk — береза. Шрад. I. с. 432.

[2]) Караджичъ упоминаетъ, не давая описанія нѣсколько видовъ лодки: вркет, шайка (р. чайка), крилаш, неврат, ораница, рибарица, прам, пријеход, скела, шhела, шикљa. Болг. черникъ.

[3]) *** Битолско, Прѣсна и Охридско. СбМ. IV, 29. Ср. серб. егиje.

вывода. Приводится чунъ въ движеніе „лопатами", которыми дѣйствуютъ гребцы стоя на носу и кормѣ (болг. крман).

Средствами передвиженія по сушѣ, знакомство съ которыми славяне принесли съ собою на полуостровъ, были кола, сани и видоизмѣненіе ихъ кука. Первоначальный типъ колесъ (коло) сохранился въ Зап. Болгаріи въ горныхъ селахъ Чупренья, Бѣлоградчишской и Берковской околій для перевозки сноповъ съ значительныхъ горныхъ вершинъ; это такъ называемыя гьáвольски кола—два маленькихъ, сдѣланныхъ изъ цѣльнаго дерева колеса (кóлица), надѣтыхъ на деревянную ось, съ заклиненными въ нее оглоблями (процѣпъ) [1]. Рядомъ съ такимъ первобытнымъ колесомъ уже въ праславянской порѣ слѣдуетъ отнести болѣе легкой конструкціи составное колесо—съ ободомъ (коло), спицами (спице) и ступицей (главина) [2]. Такія колеса служили, вѣроятно, и для древнѣйшихъ формъ телѣги (кочия с. и б.), которая была и орудіемъ передвиженія и жильемъ коч-ующаго пастуха. Связь между жильемъ и колами сохраняется на славянскомъ югѣ до сихъ поръ. Крумбергеръ видѣлъ въ Славоніи передвижную пастушью хижину — ящикъ на двухъ колесахъ [3]). Караджичъ говоритъ о такой хижинѣ подъ словомъ куђер.

Сани (с. саони, б. шейна) простѣйшаго вида можно возстановить по той формѣ, которая употребляется до сихъ поръ въ Черногоріи.

Для приготовленія ихъ брали, видимо, два дерева съ здоровыми горизонтально идущими сучками и соотвѣтственно обдѣлывали; на обоихъ концахъ каждаго дерева на равномъ разстояніи оставлялось по одному суку; оба дерева соединялись въ орудіе передвиженія посредствомъ продыравленныхъ по концамъ на равномъ разстояніи досчечекъ (праг), которыя накладывались на сучья первобытныхъ полозьевъ [4]). Приспособленіе такого-же суковатаго дерева къ передвиженію тяжестей лѣтомъ представляетъ собою кука. Существенную часть куки составляетъ тотъ-же крюкъ, который мы видѣли въ основѣ рала; разница заключается въ примѣненіи его къ цѣлямъ

---

[1]) Мариновъ. Материалъ за болгарския рѣчникъ. СбМ. XI, 195.

[2]) Ровинскій. l. c. II, 707.

[3]) Reise von Esseg durch e. Theil Slavoniens. Globus. Bd. XLVI, 8.

[4]) Рисунокъ см. у Ровинскаго. l. c. II, 708.

человѣка: въ плугѣ дерево обращено сукомъ къ землѣ и бороздитъ ее, въ кукѣ дерево везется по землѣ, а сукъ обращенъ вверхъ и на него насаживается специально для этого выдолбленнымъ отверстіемъ бревно [1]).

Двѣ куки, соединенныхъ прагомъ, составляютъ нѣчто въ родѣ нашей воловуши — крчеле, крле [2]).

Возвращаемся къ развитію жилища.

Перевозныхъ жилищъ внѣ Черногоріи нѣтъ, но въ Боснѣ въ исключительныхъ случаяхъ жилище переносится на другое мѣсто и тогда также употребляются сани (sane) — кажется въ своей первобытнѣйшей формѣ: кладутся на соотвѣтствующемъ ширинѣ дома разстояніи одно отъ другого два здоровыхъ, толстыхъ бревна, скрѣпленныхъ между собою, къ каждому бревну прикрѣпляется процѣпъ, въ который впрягается рядъ воловъ (5 — 15) и домъ такимъ образомъ отвозится на болѣе или менѣе значительное разстояніе [3]). Новаковичъ припоминаетъ, что въ пору его дѣтства въ Мачвѣ перевозили кучу на волахъ [4]), но не называетъ орудія передвиженія.

По типу превіячи въ Черногоріи и Сербіи устраивается большой конусообразный шалашъ изъ жердей, покрытый соломой — с а в р н д а к, д у б и р о г (кулача Милич.). Внутри его, по срединѣ, устраивается огнище, какъ въ чумахъ нашихъ сибирскихъ инородцевъ [5]). Въ такіе шалаши пускаютъ жить какое нибудь бѣдное семейство. По словамъ Миличевича они составляютъ обычный типъ жилища въ бѣдныхъ гористыхъ мѣстностяхъ Сербіи [6]).

Слѣдующую стадію развитія жилища послѣ плетеныхъ шалашей представляютъ мазанки и деревянные дома [7]). Мазан-

---

1) Рисунокъ у Ровинскаго. 709.

2) ibid.

3) Vukasović. l. c. 38.

4) «Село», 140.

5) l. c. 10.

6) Р о в и н с к і й. l. c. Ср. М и л и ч е в и ћ. Животъ серба селяка. 10. Ср. Шрадеръ. l. c. 429.

7) Безъ описанія формъ Караджичъ называетъ еще г л а д а, куħер, дашчара, кобача, кошара, котац, крчма, лубньача, мандра, нагон, овчара, огньарица, пивница, савиjача, cjeк, cjeница, трница, черга, шумньача.

ки изъ плетня были въ большомъ употребленіи у Бѣлопавличей [1]); въ Далмаціи онѣ называются колибами и устраиваются такъ: въ землю вбиваются, образуя четырехугольникъ, 4 жерди; пространство между ними заплетается плетнями и обмазывается глиной [2]). Колиба—мазанка покрытая соломой—служитъ постояннымъ жилищемъ для своихъ хозяевъ. Колиба прикрѣплена къ землѣ и представляетъ собою зародышъ осѣдлаго жилья. Рядомъ съ ней часто имѣетъ мѣсто поята, которая только поставлена на землю, но не утверждена.

Простѣйшую форму бревенчатой постройки, составляющую переходъ отъ дома съ круглымъ основаніемъ къ дому съ основаніемъ четырехъугольнымъ представляютъ колибы, устраиваемыя на катунахъ верхней Морачи въ Черногоріи. Дѣлаются они въ видѣ шатра или трапеціи изъ жердей, поставленныхъ наклонно, и покрываются еловой корой [3]).

Постройка изъ бревенъ, положенныхъ горизонтально (герм. Blockhaus, слав. черт-ог) [4]) устраивается двумя способами: или на концахъ бревна зарубаются и складываются на крестъ (у усѣкъ) или на четырехъ углахъ ставятся столбы съ пазами, въ которые вкладываются бревна, зарубленныя соотвѣтственно ширинѣ паза по краямъ (у кулак) [5]).

Съ тѣми внѣшними формами, которыя имѣлъ общій сербамъ и болгарамъ четырехъугольный бревенчатый домъ, насъ знакомятъ одинаковости ихъ архитектурной терминологіи. Особеннаго вниманія съ типологической точки зрѣнія здѣсь заслуживаетъ выступающая впередъ дома и поддерживаемая столбами часть крыши (стриjеха, стрѣха) — триjем с. тремови б. [6]). Въ виду того, что оба термина имѣютъ мѣсто въ обо-

---

[1]) Ровинскій. l. c. 461.

[2]) Ср. описаніе индійскаго дома эпохи Атарваведы у Циммера. «На крѣпкомъ грунтѣ устанавливались столбы; ихъ, вѣроятно, было четыре.... Столбы соединялись вверху кровельными перекладинами. Промежутки задѣлывались связками соломы или тростника. Деревянныя скрѣпы, веревки, ремни связывали части дома». Шрад. l. c. 430.

[3]) Ровинскій. l. c. 466.

[4]) Ср. сер. ћерт-ови = бревна.

[5]) Ровинскій. l. c. 457.

[6]) Иречекъ въ своемъ сочиненіи «Das Fürstenthum Bulgarien» говоритъ

ихъ нарѣчіяхъ, въ виду того, что первый (стрѣха) перешелъ въ языкъ южныхъ влаховъ и новогреческій можно предположить, что мы имѣемъ предъ собой одинъ изъ существенныхъ архитектурныхъ элементовъ древне-славянскаго бревенчатаго дома, сближающій его съ типами древне-греческаго дома и храма, современнаго армянскаго дома и дома древне-нѣмецкаго.

Каменныя постройки, господствующія въ настоящее время въ Черногоріи, Герцеговинѣ и Далмаціи, представляетъ собою часть того культурнаго наслѣдства, въ обладаніе которымъ вступили славяне, явившись на полуостровъ.

До своего переселенія на югъ славяне не знали ихъ, какъ не знали литовцы и германцы [1]. До сихъ поръ каменныя работы въ Сербіи составляютъ спеціальность влаховъ, которые путешествуютъ по странѣ, подобно нашимъ плотничьимъ артелямъ.

Каменные дома выводятся въ одинъ этажъ (поземуша, въ Босніи—поземльуша) и въ два (на под, на избу). —

Техника сооруженія одноэтажныхъ домовъ самая первобытная: стѣны кладутся—иногда изъ огромныхъ камней [2])—безъ всякой связки изъ глины или извести (суво-меди). По возможности строитель стремится присоединить произведеніе своего труда къ тому, что предлагаетъ природа; на отвѣсную скалу, на удобную пещеру онъ смотритъ какъ на сооруженіе, начатое, но не доконченное природой: къ готовой стѣнѣ, которую представляетъ скала [3]), онъ придѣлываетъ еще три стѣ-

---

о постоянной наличности трема въ болгарскихъ домахъ и приводитъ для него синонимическія названія — прустъ, сундурма (158), но изъ цитатъ приведенныхъ въ словарѣ Дювернуа подъ этими словами видно, что оба они означаютъ помѣщеніе внутри дома, а не внѣ его.—Шрадеръ сближаетъ древнеславянское трѣмъ (съ значеніемъ башня) съ греч. τέρεμνον — комната. l. c. 429.

[1]) Искусство воздвигать постройки изъ камней европейскіе аріи вообще узнали сравнительно поздно чрезъ посредство финикіянъ. Шрадеръ. l. c. 429. Ср. Meldahl. Ueber die hist. Formen der Holzbaukunst. SBWAG. XXII, 53—54.

[2]) Ровинскій описываетъ домъ, стѣны котораго имѣютъ 1 метръ въ толщину и сложены изъ камней въ 1,90 × 1,04 м.

[3]) Ровинскій. l. c. 472. Самое слово стѣна означаетъ въ сербскомъ камень, скалу. К. Рјечн. «стена».

ны, ставитъ, какъ мы уже видѣли, стѣнку противъ устья пещеры и накрываетъ все это соломенной крышей.

Домъ, построенный такимъ образомъ, представляетъ собою продолговатый ящикъ.

Полъ чаще всего остается такимъ, какимъ его дала природа: обыкновенно подъ домъ стараются выбрать мѣсто состоящее изъ сплошной каменной плиты, которую только выравниваютъ [1]); гдѣ каменнаго пола нѣтъ въ готовомъ видѣ, довольствуются землянымъ или кое-какъ вымащиваютъ каменными плитами. Потолка въ нашемъ смыслѣ въ этихъ домахъ нѣтъ. Поперекъ дома кладется толстая балка, съ названіемъ, которая проливаетъ яркій свѣтъ на исторію югославянской архитектуры — тетивица. Терминъ остался, несомнѣнно, отъ той поры, когда противоположныя стѣнки плетеной хижины скрѣплялись, связывались веревками [2]). Тетивица во избѣжаніе прогиба подпирается однимъ столбомъ снизу или нѣсколькими, смотря по длинѣ дома (уровань). На тетивицу кладутся съ паралелльныхъ ей стѣнъ грядки, а на эти грядки плетеный изъ тонкихъ прутьевъ потолокъ (петеръ). Въ Босніи грядки (греда) укрѣпляются между венцаницами. Устройство крыши въ каменныхъ домахъ одинаково съ деревянными и въ существенныхъ чертахъ восходитъ къ праславянской эпохѣ. Паралелльно тетевицѣ на извѣстной вышинѣ кладется на опирающихся въ стѣну сохахъ (въ Босніи—рогови) верхняя грядка (шлеме || рус. шеломъ); къ ней прикрѣпляются стропила (ключеви || рус. уключина), которыя держатся нижними концами на стѣнкахъ и связаны между собой на половинѣ высоты поперечными брусками (панте); поперекъ стропилъ кладутся жерди, прикрѣпленныя къ нимъ тонкими прутьями—онѣ образуютъ рѣшетку, на которую настилается солома [3]).

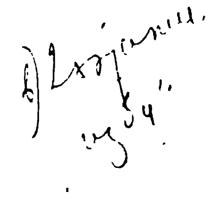
[1]) Ровинскій. I. с. 437.

[2]) Ср. окагача. Ср. Циммеръ: «деревянныя скрѣпы, веревки, ремни связывали части дома». Шрад. I. с. 430.

[3]) Солома была и остается до сихъ поръ главнымъ матеріаломъ для устройства крыши или крова. Связь кровли съ соломой выразилась въ томъ, что въ Сербіи хижину, покрытую соломой, называютъ кровнат, кровнјача. Караджић Р. Ср. лат. culmen — крыша и culmus — ячм. солома. Шрад. I. с. 429.

Оконъ въ такомъ домѣ нѣтъ; свѣтъ получается, какъ въ пещерѣ, чрезъ входное отверстіе — дверь; больше для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается наружи, чѣмъ для освѣщенія, устраивается или въ стѣнѣ противъ двери или сбоку около нея небольшое четырехугольное отверстіе, которое закрывается доской.

Каменная поземуша служитъ, какъ и пещера, человѣку и животнымъ одновременно.

Переходъ отъ поземуши къ дому „на избу" во многихъ случаяхъ подсказывается условіями мѣстности: спереди домъ представляется одно-этажнымъ, а сзади въ два этажа [1]). Двухъ-этажный домъ дѣлится между животными и человѣкомъ: въ нижнемъ (изба, коноба, подрумъ, магазэ) устроены стойла для скота, въ верхнемъ помѣщенія для хозяевъ дома [2]).

Двухъ-этажный домъ съ даннымъ распредѣленіемъ обитателей — старое явленіе на територіи южныхъ славянъ. Мы видимъ его на Траяновой колоннѣ, какъ жилье даковъ. Въ видѣ каменной постройки такой домъ, несомнѣнно, является у славянъ ѳракійскимъ наслѣдствомъ, но повтореніе этой формы съ тѣмъ-же распредѣленіемъ обитателей на русскомъ сѣверѣ даетъ намъ нѣкоторое основаніе предположить, что зародышъ ея входилъ въ составъ ѳрако-лито-славянской культуры.

Въ двухъ-этажныхъ домахъ для очага вырѣзывается въ полу отверстіе и тамъ кладутся каменныя плиты или набивается земля со щебнемъ [3]). Внутреннее распредѣленіе остается тождественнымъ съ поземушей. Иногда, какъ и тамъ, жилье остается безъ всякихъ подраздѣленій [4]).

Входъ въ верхній этажъ чаще всего бываетъ изнутри избы.

Кутя въ двухъэтажныхъ, раздѣленныхъ на комнаты домахъ, остается безъ оконъ [5]). Въ связи съ составомъ семьи

---

[1]) Ровинскій. l. c. 442.

[2]) Иногда впрочемъ люди помѣщаются внизу, а скотъ вверху; въ нѣкоторыхъ домахъ скотъ зимуетъ въ обоихъ этажахъ. ib. 448. Миляниħ «У чему живимо». Грлица. 1891, 40.

[3]) Ровинскій. l. c. 443.

[4]) ibid. 444.

[5]) ibid. 445.

дома пріобрѣтаютъ иногда значительные размѣры; Ровинскій нашелъ въ селѣ Дужи домъ въ 20 м. длиной и 8 шириной— но типъ остается неизмѣннымъ: обширное открытое помѣщеніе съ тремя огнищами и по сторонамъ по двѣ камары (франкскій типъ) [1]). Двухъ-этажный домъ такого размѣра служитъ укрѣпленіемъ для занимающаго его семейства (кула) [2]).

Распредѣленіе замкнутаго стѣнами пространства составляетъ основаніе, на которомъ покоится классификація различныхъ формъ жилища и устанавливаются моменты въ развитіи его. Изслѣдователи средне-европейскаго жилища намѣтили въ настоящее время нѣсколько основныхъ плановъ, къ которымъ сводится все разнообразіе современныхъ народныхъ построекъ и соотвѣтственно этимъ планамъ различаютъ типы, обозначаемые особыми названіями.

Различаютъ типы: 1) верхне-нѣмецкій или франкскій, 2) саксонскій и 3) восточно-германскій или сѣверный. Основные признаки франкскаго типа заключаются въ томъ, что онъ имѣетъ два огнища: прямо противъ входа открытое, направо въ т. н. stube печь; домъ замкнутъ съ трехъ сторонъ кольцомъ служащихъ различнымъ цѣлямъ хозяйственныхъ построекъ; на четвертой помѣщаются ворота и калитка. „Саксонскій“ типъ характеризуется тѣмъ, что входъ устраивается не въ боковой стѣнѣ, а съ фасада и подъ одной крышей сосредоточиваются помѣщенія для хозяевъ, стойла для коровъ и лошадей. Существеннымъ признакомъ сѣверно-нѣмецкаго дома является то, что главное помѣщеніе съ огнищемъ посрединѣ имѣло сѣни (Vorgalle), хозяйственныя помѣщенія не соединены, а располагаются по мѣрѣ надобности отдѣльно [3]).

Названія типовъ въ настоящее время имѣютъ чисто условный характеръ и замѣняются другими—или географическими, или обозначающими существенный признакъ плана. Р. Мерингеръ напр. замѣняетъ названіе „верхне-нѣмецкій“ названіемъ „средне-европейскій“, „альпійскій“, такъ какъ, по его мнѣнію, предѣлы распространенія того или другого плана не

[1]) Ровинскій. l. c. 446.
[2]) ibid.
[3]) Meringer. Das deutsche Bauernhaus. SBWAG. XXII, 50.

совпадаютъ съ границами языковъ и нарѣчій и самые типы не представляютъ собою чего-либо національнаго [1]). Исходной точкой развитія всѣхъ перечисленныхъ типовъ было пространство вокругъ огнища, замкнутое четырьмя стѣнами плетенаго или бревенчатаго сооруженія, съ открытыми сѣнями предъ дверью, служившее одновременно и кухней и спальней [2]). Относительно сѣней Мерингеръ, по аналогіи съ современнымъ армянскимъ домомъ высказываетъ предположеніе, что они могли служить лѣтнимъ жилищемъ семьи [3]).

Установить отношенія къ этимъ типическимъ планамъ плановъ южно-славянскихъ жилищъ всего удобнѣе было бы чертежами. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи сдѣлано пока еще немного; распредѣленіе приходится главнымъ образомъ описывать.

Въ Черногоріи, судя по описанію Ровинскаго, преобладаютъ дома неразгороженные на отдѣленія; въ серединѣ помѣщается огнище; при стѣнкѣ за огнищемъ или сбоку его дѣлается нѣчто въ родѣ скамейки изъ камня (пижуль), въ одномъ изъ угловъ за огнищемъ находится упретъ — нѣчто въ родѣ маленькой печки, гдѣ печется хлѣбъ на угляхъ. Упретъ, какъ второе огнище съ спеціальнымъ назначеніемъ, представляетъ въ черногорскомъ домѣ явленіе позднѣйшее (въ Босніи и Болгаріи онъ помѣщается внѣ дома). Возстановляя простѣйшій и древнѣйшій планъ черногорскаго жилища, мы должны выдѣлить его и получимъ пространство замкнутое вокругъ огнища — кутя, куча [4]).

Слѣдующую стадію представляетъ домъ, разгороженный на отдѣльныя помѣщенія. Раздѣленіе это въ однихъ случаяхъ является результатомъ усложненія потребностей, въ другихъ

---

[1]) Пучка кућа у Босни и Херцеговинѣ ГЗМ, 1899, 188. Ранѣе въ статьѣ «Studien zur germanischen Volkskunde» онъ высказывалъ предположеніе, что такъ называемый франкскій типъ обязанъ своимъ происхожденіемъ кельтамъ. MWAG. XXII, 130, 147.

[2]) SBWAG XXII, 49. Ср. Henning. l. c. 151.

[3]) ib. 50.

[4]) Связь межыу словами кѫт уголъ и кѫтја позволяетъ намъ сдѣлать предположеніе, что словомъ кѫт-ја славяне обозначали домъ, имѣющій углы, въ отличіе отъ круглаго въ основаніи шалаша. По положенію относительно огнища въ кучѣ различаютъ горній край и дольній край.

— зарождающагося экономическаго обособленія членовъ семьи [1]).

Поземуша или колиба разгораживается перегородкой изъ досокъ, плетнемъ и за ней образуется отдѣльная комната (камара) [2]). Судя по названію, можно было-бы предположить, что этотъ моментъ въ развитіи жилья относится къ эпохѣ соприкосновенія насельниковъ Балканскаго полуострова съ италійцами. При наличности такого раздѣленія часть съ огнищемъ продолжаетъ носить названіе кучи. Кромѣ камары въ нѣкоторыхъ поземушахъ выдѣляется особое помѣщеніе для ягнятъ и козлятъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ животныя помѣщаются въ томъ отдѣленіи, которое занимается въ другихъ камарой [3]). У Власоевичей въ деревянныхъ двухъ этажныхъ домахъ жилье дѣлится на кутю и собу съ глиняной печью налѣво; иногда бываетъ и двѣ собы — одна холодная.

Обычнымъ жилищемъ горцевъ Далмаціи, Босніи и Герцеговины является мазанка — колиба извѣстнаго уже намъ устройства. Она служитъ одновременно человѣку и скоту (свиньямъ) [4]). Открытое огнище въ ней обыкновенно устраивается въ срединѣ и дымъ выходитъ или черезъ дверь или чрезъ какую нибудь дыру въ крышѣ. Никакихъ отверстій для освѣщенія кромѣ двери нѣтъ.

У болѣе многочисленныхъ семей колиба раздѣляется поперекъ плjетеромъ, смазаннымъ глиной, или претин'омъ: кромѣ двухъ жилыхъ помѣщеній въ ней отдѣляется baskaluk для храненія одежды и mljecar для молока и пищи вообще [5]). Для храненія кормовыхъ запасовъ для скота при колибѣ около гумна устраивается pojata [6]); это та-же колиба, только менѣе тщательно устроенная; въ ней кромѣ корма помѣщается и скотъ, а лѣтомъ спятъ и люди [7]).

---

[1]) Vukasović l. c. 27.

[2]) Терминъ для перегородки прjетин указываютъ на ея форму.

[3]) Vukasović. «Narodna kuća etc.» Zbornik za nar. živ. I, 27. Стадія эта представляетъ то, что нѣмецкіе ученые называютъ франкскимъ типомъ дома, но съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что раздѣленіе дома не связано съ возникновеніемъ второго огнища, точнѣе печи.

[4]) ibid. 36.

[5]) Vukasović. l. c. 27.

[6]) ibid.

[7]) ibid. Ср. Миличевић. l. c. 6.

Постройки Герцеговины и Босніи рѣзко различаются и по наружнымъ формамъ и по строительнымъ матеріаламъ: въ Герцеговинѣ, какъ въ Далмаціи, рядомъ съ мазанками преобладаютъ каменные дома съ низкими крышами; въ Босніи — деревянные съ острыми соломенными [1]). Но планъ боснійской и герцеговинской кучи одинъ и тотъ же: простѣйшія и чаще встрѣчающіяся въ Герцеговинѣ постройки представляютъ собою одноэлементный домъ съ очагомъ или огнищемъ посрединѣ; болѣе сложныя (въ Босніи) представляютъ собою различные часто весьма примитивные варьянты такъ называемаго франкскаго типа (кучу и собу) — съ одной впрочемъ существенной особенностью: весьма часто онѣ имѣютъ извѣстный уже намъ т р и j е м [2]).

О славонскомъ домѣ въ нашемъ распоряженіи имѣются можно сказать только намеки Крумбергера, но можно догадываться, что и здѣсь одноэлементный домъ представляетъ нерѣдкое явленіе.

Въ Сербіи еще въ эпоху Караджича одноэлементный домъ господствовалъ во всѣхъ селахъ [3]); въ настоящее время онъ имѣетъ мѣсто въ Старомъ Влахѣ, въ Ясеницкомъ срезѣ, но наиболѣе распространеннымъ типомъ дома является двухъ элементный — съ кучей-кухней и одной собою или двумя, въ которыхъ помѣщаются глиняныя или желѣзныя печи [4]).

У резьянъ и фріульскихъ славянъ кромѣ одноэлементнаго дома (khiža za'honj) имѣютъ мѣсто дома раздѣленные на 2 части: избу (ispa) съ огнищемъ въ видѣ каменнаго помоста въ срединѣ и помѣщеніе безъ печи (kryžica, cumnata) для спанья; въ оба отдѣленія (= кулы) имѣются отдѣльные ходы со двора [5]); у богатыхъ дома въ три яруса: внизу кухня съ огнищемъ и чуланы, въ срединѣ жилые покои (chrambe), вверху горище, соотвѣтствующее чулану.

---

[1]) По большей части изъ вертикально поставленныхъ столбовъ или бревенъ. Vukas. l. c. Мерингеръ. 209.

[2]) Мерингеръ, l. c.

[3]) «Собе нема» говоритъ К. по поводу сельскихъ домовъ подъ словомъ «Село».

[4]) Миличевичъ. Жив. срба сельака. 5.

[5]) Сревневскій. Фріульскіе славяне. 9, 20, 49. Ср. Бодуэнъ-де-Куртене. Резья и Резьяне. Сл. Сбор. 1876, 223—371.

Двухъ-элементный домъ, состоящій изъ hiža и veža (сѣни-кухня) встрѣтилъ Банкалари въ Крайнѣ и Каринтіи.

Въ сѣверной или придунайской Болгаріи имѣютъ мѣсто три формы дома: 1) колиба, 2) надземный домъ, или куща, и 3) бурдель (хижа), или землянка.

Колибы служатъ жильемъ на лѣтнихъ пастбищахъ (овчаре, бегчие); подобно сербскимъ дубирогамъ это конусообразныя постройки изъ оплетеныхъ жердей въ 3—4 метра вышины, съ огнищемъ по срединѣ. Нижняя часть конуса на высоту 1—1½ метровъ обмазывается глиной, смѣшанной съ навозомъ [1]; на югѣ это назначеніе исполняетъ мандра.

Землянка является характерной для С. Болгаріи формой жилища съ тѣхъ поръ, какъ страну эту знаетъ исторія. Землянки видѣли здѣсь греки въ V в. до Р. Х., землянки преобладаютъ здѣсь надъ всѣми остальными формами жилья и теперь [2], удерживаются даже въ городахъ, напр. въ Ломѣ; во многихъ селахъ даже церкви устраиваются на подобіе землянокъ. Видъ болгарской троглодитской деревни даетъ Каницъ въ своей Donau-Bulgarien [3]. Эта форма продиктована географическими условіями: природа дала образцы въ видѣ пещеръ и заставила искусственно устраивать ихъ, не давши человѣку солиднаго матеріала для надземныхъ построекъ и выгоняя морозами изъ легкихъ колибъ. Славяне приняли этотъ видъ жилья у влаховъ, но перенесли на него терминологію и планъ надземныхъ построекъ своей родины. Въ первоначальномъ своемъ видѣ бурдель представляетъ подземное жилье безъ всякихъ перегородокъ. Чаще бурдель представляетъ собой болѣе или менѣе глубокій ровъ, раздѣленный на 2—3 отдѣленія, покрытый земляной крышей съ террасообразно устроеннымъ входомъ. Прямо у входа находится, какъ и на з. полуострова, кѫща — отдѣленіе съ огнищемъ и плетеной трубой надъ нимъ въ восточной части: чрезъ эту трубу выходитъ дымъ и

---

[1]) Бассановичъ. l. c. 47. Ср. Келлеръ о хижинахъ эпохи свайныхъ построекъ. Шрад. l. с. 429.

[2]) Въ 1882 г. въ Ломской околіи было 3513 бурделей и 1992 надземныхъ дома. СбМ. 8, 44. Ср. Добруски. Арх. издирв. ib. II, 14.

[3]) I, 83—84. Jireček. Cesty po Bulharsku. 196—7. Ср. Toula. MGGW. 1882, s. 109.

проникаетъ въ землянку свѣтъ, около огнища въ стѣнѣ землянки выкопана печь для хлѣбовъ; за кѫштой слѣдуетъ с о б а, сообщающаяся съ ней тѣснымъ корридорчикомъ, который затворяется досчатой или плетеной дверью. Соба отопляется мангалами, а освѣщается маленькими оконцами [1]). На з. ихъ бываетъ по нѣскольку и онѣ называются с т а и [2]).

Крыша бурдели имѣетъ деревянный остовъ, на который положенъ хворостъ, солома, кукурузнякъ и поверхъ насыпанъ толстый слой земли: посреди землянки утверждается три или четыре развильчатыхъ сошки (сои); на нихъ кладется било, паралельно съ сошками по краямъ рва вбиваются болѣе низкіе столбы, на которые кладутся пострянки; на била и пострянки накладываются жерди (м а р т а к и).

Болгарскій бурдель служитъ въ зимнее время общимъ жилищемъ человѣка и животныхъ—въ немъ помѣщается домашняя птица, овцы, свиньи, коровы [3]).

Дома, устраиваемые на поверхности, не отличаются на с. отъ описанныхъ уже сербскихъ плетневыхъ колибъ; подобно подземныхъ хижамъ они состоятъ на большей части изъ двухъ отдѣленій — кѫшты безъ оконъ съ очагомъ и широкимъ коминомъ, въ которой зимой держится и скотъ, и собы [4]), въ которой живутъ зимой люди.

Чаще всего они бываютъ одноэтажные; при двухъ этажахъ одинъ врытъ въ землю и въ нижнемъ живутъ зимой.

На югѣ домъ-мазанка состоитъ обыкновенно изъ одной, рѣже изъ двухъ частей. Одна съ огнищемъ называется кѫшта, какъ и на С., другая, въ которой хранятся запасы — к е р е л ъ [5]). Въ двухъ-этажныхъ каменныхъ домахъ, которые встрѣчаются въ Родопахъ нижній этажъ — изба — занимает-

[1]) Б а с с а н о в и ч ъ. Ломскиятъ округъ. СбМ. V, 43. Ср. Показалецъ Р а к о в с к а г о. М а р и н о в ъ. Материалъ за българскиятъ рѣчникъ. СбМ. X, 228; XII, 280—281 подъ словами бурдель и и ж а.

[2]) Дюверну подъ словомъ «стая». Показалецъ.

[3]) Б а с с а н о в и ч ъ. I. с. 43.

[4]) ibid. 45.

[5]) Путования по долинитѣ на Струма, Места и Брегальница. СбМ. XI, 235.

ся домашними животными, а въ верхнемъ помѣщается кухня, отопляемая открытымъ каминомъ, спальня и кладовая [1]).

Обзоръ данныхъ, относящихся къ современному состоянію южно-славянскаго жилища, даетъ намъ право сказать, что они представляютъ собою наглядную исторію его развитія: предъ нами всѣ ступени, чрезъ которыя оно прошло въ связи съ ростомъ техники и усложненіемъ экономической жизни славянина: пещера, землянка, слонъ, переносный и перевозный шалашъ, четыреугольная одно-элементная бревенчатая (съ тремомъ), плетеная или каменная куча и наконецъ домъ такъ называемаго франкскаго типа. Но картина, которую намъ удалось набросать, не полна: физіономія человѣческаго жилья опредѣляется окончательно его обстановкой и системой хозяйственныхъ построекъ, съ которыми оно составляетъ одно цѣлое.

При изслѣдованіи внутренности юго-славянскаго дома наше вниманіе должно быть обращено на огнище — эту causa finalis дома: вспомнимъ характерное резьянское названіе hiža ža gonj — хижина для огня.

Южные славяне располагаютъ въ настоящее время двумя типами огнища — открытымъ и закрытымъ.

Открытое огнище имѣетъ нѣсколько формъ. Чаще всего это квадратъ, огороженный каменными стѣнками или деревянными брусками, съ плоскимъ камнемъ въ одной сторонѣ, къ которому прислоняются дрова (пріекладъ) или спеціальнымъ желѣзнымъ приборомъ того же названія. Желѣзный прекладъ составляетъ по своимъ формамъ остатокъ далекой старины. Онъ вмѣстѣ съ треножникомъ составляетъ существенную принадлежность франкскаго или верхне-нѣмецкаго очага и носятъ характерное названіе Feuer-ross = огненная лошадь или лошадь огня [2]). Формы, въ которыхъ наблюдаютъ этотъ приборъ въ нѣмецкихъ домахъ теперь, ничѣмъ не напоминаютъ лошади [3]). Ме-

[1]) СбМ XII, 309; XIII, 342. Ср. извѣстія путешественниковъ XVI в. Sweiger'а и Besoit'а объ одноэлементномъ домѣ. Matković. Putovanija po Balk. poluot. RJA. CXVI, 92, CXXIX, 73.

[2]) Рисунокъ см. у Ровинскаго. II, 439.

[3]) «Foiaross». Meringer. «Das Bauernhaus und dessen Einrichtung». MWAG. XXI, 105. Параллель можно провести дальше: какъ у черногорцевъ

ringer [1]) считаетъ эту принадлежность верхе-нѣмецкаго огнища заимствованіемъ у кельтовъ, у которыхъ, по его мнѣнію, заимствовали нѣмцы и такъ называемый франкскій типъ дома.

Въ виду того, что формы, близкія къ Feurross'у встрѣчаются главнымъ образомъ въ районѣ культуры Галльштадтъ-Вилланова, болѣе вѣроятнымъ представляется предположеніе, что мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ остатковъ иллирійской культуры. Въ пользу этого предположенія будетъ говорить и тотъ фактъ, что аналогичное по формѣ сидѣнье имѣетъ мѣсто на одной изъ ситулъ.

На черногорской почвѣ прекладъ — Feurross выполняетъ дѣйствительно ту функцію, о которой Meringer только догадывается. Этотъ-же приборъ имѣетъ мѣсто, кажется, и у западныхъ болгаръ подъ именемъ мечки [2]).

Когда огнище перемѣщается къ одной изъ стѣнъ дома, чаще лѣвой надъ нимъ, по стѣнѣ выводится плетеная изъ прутьевъ труба — димнякъ [3]).

Закрытое огнище (печь) устраивается самымъ первобытнымъ образомъ. Изъ прутьевъ дѣлается надъ подомъ сводъ, подобный естественному своду пещеры. Сооруженіе это обмазывается толстымъ слоемъ глины смѣшанной съ соломой. Послѣ первой-же топки прутья, составляющіе остовъ печи, сгораютъ и печь готова [4]).

Какъ ни проста эта примитивная печь, она извѣстна не всѣмъ южнымъ славянамъ — въ Черногоріи мѣстами ее вовсе не знаютъ; а тамъ, гдѣ она извѣстна, она примѣняется къ нуждамъ человѣка такъ, что повергаетъ въ недоумѣніе изслѣдователей жилища.

Въ нѣмецкой литературѣ по исторіи жилища установилось предположеніе, что возникновеніе такъ называемаго франкскаго двухъ-элементнаго дома стоитъ въ связи съ изо-

---

пријекладомъ называется камень и желѣзная утварь, такъ у нѣмцевъ Feuerross'омъ. Ср. С. Тројановић. l. c. «демир-оцаг». 14—15.

[1]) Meringer. l. c. 135.

[2]) Мариновъ. l. c. СбМ. XIII, 252. Ср. С. Трояновић. l. c.

[3]) Ровинскій. l. c. II, 439.

[4]) Vukasović. l. c. 36.

брѣтеніемъ закрытаго огнища: печь составляла raison d'être такъ называемой stube.

Южно-славянское, точнѣе сербское названіе второго отдѣленія дома соба (= комната, печь) какъ будто показываетъ, что и на юго-славянской почвѣ развитіе жилища опредѣлялось тѣмъ-же условіемъ. Но вотъ на почвѣ Черногоріи, Герцеговины, Болгаріи мы встрѣчаемъ явленія, которыя не вяжутся съ теоріей: 1) домъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій (франкскій типъ) и имѣетъ одно огнище (Черногорія), 2) домъ имѣетъ два огнища, но они помѣщены въ одномъ отдѣленіи (упретъ; Черногорія, Болгарія), 3) закрытое огнище (печь) имѣется при одноэлементномъ домѣ, но стоитъ отдѣльно отъ него; 4) домъ имѣетъ спеціально пригороженное мѣсто, гдѣ пекутъ обычнымъ образомъ въ золѣ хлѣбъ (пепельак).

Разобраться въ этихъ особенностяхъ южно-славянскаго жилища можно будетъ только въ томъ случаѣ, если мы примемъ во вниманіе историческія условія его развитія: славяне —поздніе пришельцы на Дунаѣ и Балканскомъ полуостровѣ; вступая въ новыя страны, отнимая ихъ у бывшихъ насельниковъ, они весьма часто, конечно, селились въ опустѣвшихъ домахъ этихъ послѣднихъ, оцѣнивали ихъ соотвѣтствіе съ окружающими условіями и пріобрѣтали вкусъ къ ихъ особенностямъ: въ Адріатическомъ приморьи они переходили отъ своей деревянной архитектуры къ иллирійской каменной, или къ врытымъ въ землю конобамъ, въ которыхъ раньше ихъ селились римляне-легіонеры [1]), въ Потисьѣ и Славоніи селились въ „крѣпкихъ деревянныхъ домахъ" сарматовъ-рабовъ, въ С. Болгаріи въ землянкахъ, которыя извѣстны здѣсь еще съ эпохи Геродота, въ южной—въ легкихъ „колибахъ", сохранившихъ свое древнее имя до сихъ поръ. Архитектурныя формы прикарпатской родины могли выдержать столкновеніе съ новыми только тамъ, гдѣ этому благопріятствовали условія среды — въ лѣсистой средней части полуострова: въ Боснѣ, Сербіи и прилегающихъ областяхъ З. Болгаріи (къ этой-же

[1]) Терминъ коноба сохранился въ Черногоріи, З. Сербіи и Хорватіи до сихъ поръ для обозначенія погреба, землянки. Въ Черногоріи коноба является синонимомъ избы и обозначаетъ въ двухъ-этажномъ домѣ нижній, подземный этажъ.

полосѣ слѣдуетъ прибавить за Дунаемъ Славонію). Здѣсь и на самомъ дѣлѣ мы встрѣчаемъ деревянные дома съ характерными тремами, которые сближаютъ древне-славянскій домъ съ восточно-нѣмецкимъ.—На З. отсюда Славяне могли найдти каменный двухъ-элементный домъ, хотя и безъ печи: двухъэлементныя каменныя сооруженія здѣсь извѣстны съ эпохи La-Téne. На в. въ Болгаріи къ мѣстнымъ ѳракійскимъ элементамъ прибавлялись, несомнѣнно, и заносные урало-алтайскіе, въ частности тюркскіе. Такимъ заноснымъ элементомъ является, намъ кажется, отдѣльно отъ жилья поставленная печь: подобнымъ-же образомъ помѣщенныя печи путешественники наблюдали въ началѣ нынѣшняго столѣтія у башкиръ, которые когда-то были сосѣдями Болгаръ.

Второе огнище (упрет), исполняющее въ одноэлементномъ домѣ туже функцію, что и внѣ дома стоящая печь, представляетъ собою, кажется, наравнѣ съ тремомъ существенный признакъ древне-славянскаго дома, сближающій его также съ восточно-нѣмецкимъ [1]).

Послѣ огнища показателями связей, которыя соединяютъ южно-славянскій домъ съ средне-европейскимъ и балканскимъ, являются предметы обстановки, отдѣльныя части и общій видъ усадьбы.

Данныя языка свидѣтельствуютъ, что обстановка той хижины, которую знали южные славяне на своей прародинѣ, была не сложна: они знали полицу, лавицу, столицу (стулъ) или столъ. Скудные намеки на домашнюю обстановку болгаръ IX в. даютъ намъ знаменитые „Responsa ad consulta Bulgarorum". „Когда государь нашъ, по обычаю, сидитъ для вкушенія пищи на креслѣ за столомъ (in sedili ad mensam), никто не садится рядомъ съ нимъ, даже жена его; мы же садимся поодаль на сѣдлахъ (in sellis?) и ѣдимъ на полу. Что дѣлать?" [2]). Съ IX в. до XIX в. въ бытовой обстановкѣ юго-славянской массы произошло мало перемѣнъ. Относительно западныхъ болгаръ извѣстно, что они до сихъ поръ весьма часто ѣдятъ прямо на землѣ [3]). У сербовъ Ясеницкаго среза [4])

[1]) Cp. A. Geickel. Die Gebaude der Čeremissen etc. S. XXVII.
[2]) Гильфердингъ. соч. т. I, 68.
[3]) Бассан. СбМ. V, 57.
[4]) С. Тројановић. l. c. 14.

для хозяина дома имѣется особенное, сложенное изъ камня сидѣнье на лѣвой сторонѣ огнища.

Огнище составляетъ центръ всей домашней жизни: около него работаютъ, ѣдятъ, пьютъ, спятъ.

Мебель болгарскихъ кѫщтъ остается неизмѣнной съ тѣхъ поръ, какъ сѣверную Болгарію знаетъ исторія. Эти тѣ же низенькіе круглые столики и еще болѣе низкіе стулья на трехъ ножкахъ, о которыхъ мы читаемъ у Ксенофонта, которые видимъ на ѳракійскихъ монетахъ и въ домахъ современныхъ ю. славянъ отъ Адріатическаго моря до Чернаго [1]).

Кровати — хотя бы грубѣйшей формы — у болгаръ чрезвычайно рѣдки, спятъ обыкновенно на землѣ, около огнища, или въ собѣ на рогожкахъ, прикрывшись толстыми войлоками [2]).

Изъ отдѣльныхъ частей усадьбы заслуживаетъ особеннаго вниманія гумно. „Гумно — это, по описанію Ровинскаго, кругъ, хорошо вымощенный изъ тесанныхъ каменныхъ плитъ, въ діаметрѣ отъ 6 и болѣе метровъ; по срединѣ отверстіе, въ которое вставляется столбъ (стожер), чтобы вокругъ него гонять лошадь для молотьбы, а края возвышены до $^1/_3$ метра и также сложены изъ тесанаго камня (коломат). Не всякій хозяинъ имѣетъ свое гумно; часто нѣсколько хозяевъ строятъ одно гумно вмѣстѣ. Оно занимаетъ всегда нѣсколько возвышенное мѣсто. На гумнѣ-же бываютъ народныя собранія и пляска; въ послѣднемъ случаѣ одни, какъ зрители, сидятъ на закраинѣ, а внутри пляшутъ или водятъ хороводъ“ [3]).

Въ произведеніяхъ народнаго творчества гумно нерѣдко встрѣчается съ этимъ послѣднимъ значеніемъ: такъ называются особыя мѣста на горахъ, на которыхъ вилы и вѣштицы собираются для плясовъ (пометно гумно) [4]).

Сопоставляя все, что даютъ намъ источники относительно гумна, мы имѣемъ основаніе предположить [5]), что славяне

---

[1]) Бассан. l. c. 57. Vukas. l. c. 28.

[2]) ibid.

[3]) Ровинскій. l. c. 463. Рисунокъ см. въ приложеніи къ СбМ.

[4]) Беревинъ, l. c. II, 396, 397. Ср. греч. χορτος — мѣсто для пляски. Шралеръ. l. c. 431. гумно среди двора—села. СбМ. VI, 2 отд., 16.

[5]) Замѣтимъ, впрочемъ, что коренное значеніе пра-славянскаго «гумьно» неизвѣстно. Krek. Einleit. 144 прим. 2. Въ з. Болгаріи гумно = дворъ.

утилизировали для сельско-хозяйственныхъ цѣлей и обозначили соотвѣтствующимъ названіемъ мѣста, служившія древнимъ насельникамъ края для собраній всякаго рода, можетъ быть, даже исключительно для дѣловыхъ собраній мужчинъ [1]). Припомнимъ древнѣйшія формы греческой агоры.

Хозяйственныя постройки — коши для кукурузы, амбары для хлѣба, коморы для воловъ, зимники для коровъ — расположены отдѣльно внутри двора защищеннаго или высокимъ валомъ и глубокимъ рвомъ или высокой каменной стѣной или плетнемъ.

Поселенія С. З. Болгаріи (Ломскій округъ)—одиноко раскиданные дома, съ широкими дворами, которые окопаны глубокими рвами и защищены валами [2]) съ высокимъ плетнемъ— ужъ однимъ положеніемъ домовъ напоминаютъ описаніе ѳракійскихъ дворовъ [3]). Покинутыя насельниками, обросшія травой такія деревни производятъ впечатлѣніе глубокой старины [4]).

Ограда (авлія, стоборъ), внутри которой помѣщается черногорскій домъ [5]), бываетъ или каменная или деревянная. Ровинскій описываетъ одну ограду, которая интересна по близости своей формы къ формѣ иллирійскихъ городищъ: передъ домомъ прямая стѣнка, сзади въ видѣ полукруга [6]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограду въ значительной части замѣняютъ скалы, среди которыхъ ставится домъ. Дворъ обнесенный высокой стѣной и теперь называется „градъ“.

И обстановка и внѣшній видъ юго-славянской усадьбы, какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, подтверждаютъ, что современный юго-славянскій домъ складывался подъ сильнымъ вліяніемъ родственной культуры, которую славяне нашли на полуостровѣ. И это вліяніе совершенно понятно. Ѳрако-иллирійцы въ первые вѣка нашей эры стояли, несомнѣнно, выше

[1]) По словамъ Караджича дѣвушка не имѣетъ права доступа на гумно.

[2]) Въ связи съ обычаемъ ограждать жилище валами и рвами стоитъ, вѣроятно, названіе двора обор.

[3]) Ломскиятъ округъ. СбМ. V, 44. Добруски. Арх. издирв. въ з. Бълг. ib. II, 13.

[4]) Добруски. l. c. 15.

[5]) Миличевић. l. c. 10.

[6]) ibid. l. c. 441. Ср. дома Подгорицы. ib. 452—3.

славянъ и германцевъ (можетъ быть, даже кельтовъ): въ культурномъ отношеніи они представляли собою среднее ариөметическое между міромъ античнымъ и міромъ варварскимъ. Какъ ни сильно было, однако, это вліяніе, славяне удержали и по мѣстамъ развили основы того общаго имъ и германцамъ дома, которыя выработаны были въ Прикарпатьи. Развитіе шло и идетъ очень медленно, но это общее свойство развитія массъ: измѣненія въ бытовой обстановкѣ германскихъ массъ также относятся главнымъ образомъ къ истекающему столѣтію. На славянскомъ югѣ дѣйствовали кромѣ того и спеціальныя причины. Ростъ экономическаго благосостоянія и связанныхъ съ нимъ формъ внѣшняго быта остановился, несомнѣнно, еще въ XIV в. подъ вліяніемъ турецкаго нашествія. Отношенія постоянной борьбы съ азіатскими насельниками, возникновеніе хайдучества вызвало въ бытовой обстановкѣ южнаго славянина рядъ регрессивныхъ явленій. Иллюстрацію того, что происходило на протяженіи столѣтій, даютъ слѣдующія строки Ровинскаго: „жизнь (въ поземушахъ) заодно съ скотомъ обусловливается.... иногда необезпеченностью отъ непріятелей, такъ какъ у иныхъ турки сжигали дома по три, четыре и даже до семи разъ; въ такомъ положеніи находились жители роскошнѣйшей равнины Бѣлопавлицкой, Косова луга, вѣчно угрожаемые турками сосѣдняго Спужа, и тутъ вы находите самыя несчастныя колибы" [1]). По отношенію къ XVI в. это задерживающее вліяніе турокъ констатируетъ относительно Сербіи Hayes [2]). Отрицательную силу турецкаго владычества мы всего лучше можемъ измѣрить, наблюдая бытовыя явленія, которыя происходятъ послѣ того, какъ эта сила перестаетъ дѣйствовать. Въ Сербіи эпохи Караджича двухкамерный домъ былъ почти неизвѣстенъ; въ Сербіи нашего времени исключеніемъ является уже домъ однокамерный. По отношенію къ Болгаріи, въ частности къ Ломскому округу, тоже явленіе констатируетъ д-ръ Бассановичъ. „До освободительной войны большая часть населенія въ Ломской и Кутловской околіяхъ жила въ землянкахъ; еще въ 1880 г. многія села состояли исключительно изъ бурделей; въ 1882 г. въ Ломской околіи

---

[1]) I с. II, 471—472.

[2]) Matković. Putov. RJA. CXXIX, 66.

было 3513 бурделей и 1992 надземныхъ дома; съ того времени число бурделей уменьшилось значительно: въ 1888 году въ цѣломъ Ломскомъ округѣ 14,120 домовъ или 73% были уже надземные" [1]). Въ Славоніи подземныя жилища, совершенно тождественныя съ болгарскими бурделями, описываются путешественниками второй половины XVI в., т. е. того времени, какъ на страну распространилось владычество турокъ [2]).

Обзоръ явленій, изъ которыхъ складывается исторія развитія питанія, привелъ насъ въ силу тѣсной внутренней связи къ развитію элементарныхъ формъ и орудій добывающей промышленности, къ исторіи простѣйшихъ ремеслъ, къ развитію жилища. Остается еще одна сторона матеріальной культуры, имѣющая нѣкоторую физіологическую связь съ питаніемъ: это одежда, какъ приспособленіе къ сохраненію въ организмѣ теплоты [3]).

Представить себѣ даже въ самыхъ общихъ чертахъ ея эволюцію въ настоящее время почти невозможно. Еще труднѣе изложить болѣе или менѣе ясно тѣ или другія соображенія по этому предмету. Больше, чѣмъ въ какомъ либо другомъ отдѣлѣ матеріальной культуры, слова здѣсь недостаточны; нужны рисунки—общіе и детальные, нужны краски. Матеріалъ только еще начинаетъ собираться и пока въ очень незначительномъ количествѣ. Кое-что однако можно уже намѣтить и на основаніи его. Разбираясь въ современномъ костюмѣ южныхъ славянъ, мы находимъ, что наибольшее богатство и разнобразіе формъ оказывается въ области верхней одежды: обувь, бѣлье одинаковы болѣе или менѣе на всемъ пространствѣ юго-славянской территоріи. Съ нихъ, какъ съ общаго достоянія южныхъ славянъ, мы и должны начать нашъ обзоръ; въ пользу такого порядка говоритъ и языкъ, предлагая къ нашимъ услугамъ общія слова. Съ точки зрѣнія матеріала одежда, бывшая въ употребленіи у всѣхъ южныхъ славянъ, распадается на двѣ категоріи: одежда изъ кожъ и одежды изъ тканей, причемъ слово кожа имѣетъ значеніе мѣха.

Кожа въ качествѣ главнаго матеріала для одежды сохранила свое значеніе въ пастушескомъ быту. Чобанъ

[1]) Ломскиятъ округъ. СбМ. V, 44.

[2]) E. Brown. Matković. l. c. CXII, 239—240.

Славоніи зиму и лѣто одѣтъ въ кожухъ, у земледѣльцевъ кожухъ служитъ уже только зимой [1]), но въ примѣненіи къ обуви кожа сохранила все свое былое значеніе до сихъ поръ. Разница между обувью европейскаго щеголя и обувью славянскаго чобана заключается въ формахъ. Селякъ Сербіи и Болгаріи пользуется кожей нерѣдко въ томъ видѣ, какъ дала ее природа.

Одежда изъ тканей является однимъ изъ приложеній искуства плести. Рыбацкая сѣть—мрежа—была первообразомъ той ткани, которой сталъ укрываться славянинъ: значеніе слова мрежа разширялось съ прогрессомъ плетенія: послѣ сѣти оно стало означать ткань, покрывало.

Въ такой-же связи съ плетеніемъ стоитъ слово, означающее у сербовъ и болгаръ рубашку—кош-уля; его корень совпадаетъ съ названіемъ рыболовнаго снаряда—корзинки (кош), звучитъ въ названіяхъ архитектурныхъ сооруженій изъ плетня (кош-аръ и др.).

Указаніе на то, что кошуля нѣкогда плелась, сохранилось въ болгарской народной поэзіи: въ пѣсняхъ кошуля употребляется съ эпитетомъ *плетена*.

Что представляла собою первобытная кошуля, можно представить себѣ изъ слѣдующаго описанія ткани, найденой въ Робенгаузенскихъ свайныхъ постройкахъ: „плетеное издѣлье состоитъ изъ тонкихъ льняныхъ шнуровъ, лежащихъ параллельно: каждый шнуръ свитъ изъ двухъ нитокъ; это основа; поперекъ этихъ шнуровъ продѣты такіе-же льняные шнуры, въ разстояніи половины дюйма одинъ отъ другого; это утокъ. Все вмѣстѣ образуетъ плетеніе, правда, жесткое и неплотное, но очень упругое".

О формахъ, которыя имѣли древнеславянскія одежды изъ ткани, на основаніи языка трудно составить представленіе. Сербо-хорватское руб, рубац обозначаетъ только кусокъ ткани закрѣпленный (подрубленный) по краямъ, рубина, рубиште значитъ первоначально только большіе куски такой-же ткани [2]). На основаніи этихъ данныхъ можно предположить, что предки южныхъ славянъ накрывались, драпировались въ рубину,

[1]) У болгаръ кожухъ, кожухче, антерия, дорамче.

[2]) Ср. Врекенъ, врекя, вретище.

перекидывая ее черезъ плечо, какъ сѣверное германцы свой saxum, римляне—тогу [1]). Намекъ на другую, мѣшко-образную форму заключается, кажется, въ словѣ кош-уля—одежда имѣющая видъ коша; на ту-же форму указываетъ слово вретище (большой мѣшокъ).

Вторую общую южнымъ славянамъ принадлежность бѣлья составляютъ *гащи* (беневрецы, беневрке, калаврке). Обувь съ эпохи совмѣстной жизни всѣхъ аріевъ составляли ст. сл. черевли, болг. царвуле, серб. превива, преве (ср. ю. р. черевики), опанки, опинци [2]). Относительно древнѣйшей ихъ формы имѣются указанія въ археологіи: форма доисторическихъ опанковъ нисколько не отличается отъ современной. Опанки дѣлаетъ себѣ каждый самъ изъ невыдѣланной буйволовой или свиной кожи [3]). Дополненіемъ къ опанкамъ служили онучи (навуща, навоj). Верхнее мужское платье имѣетъ, кажется, тѣ-же первоначальныя формы, что и нижнее. Болг. плъсть означаетъ войлокъ, серб.-дубров. плашть—суконный плащъ, накидку [4]). У черногорцевъ и герцеговинцевъ до сихъ поръ употребляется такой простѣйшій видъ верхняго платья —*струка*. Позднѣйшую форму представляетъ другой видъ издавна общаго сербамъ и болгарамъ одѣянія—серб. гунь, болг. гуна—узкій и чаще всего съ рукавами. Дальнѣйшее развитіе мужскаго костюма находится подъ вліяніемъ турокъ: у турокъ заимствованы названія шерстяныхъ тканей (аба, бало, тифтих, чоха) и одеждъ, которыя изъ нихъ приготовляются (болг. плащи: бинишъ, кабаница). Происхожденіе другихъ формъ верхней одежды джубе — плащъ, огъртач. остается неяснымъ. Древней принадлежностью ю. славянскаго костюма слѣдуетъ

---

[1]) Такой-же видъ, по предположенію Келлера, имѣла и одежда обитателей свайныхъ построекъ Keller, Pfahlbauten. Шрадеръ, I. с. 424. Общія соображенія о связи между плетеніемъ и тканьемъ см. здѣсь же.

[2]) Арійскія параллели см. у Шрадера 426.

Въ X в. они была настолько распространенной у всѣхъ сербовъ, что Константинъ Багрянородный изъ названія цервуля производитъ самое имя сербовъ.

[3]) Болгары съ величайшимъ пренебреженіемъ относятся къ человѣку, который не умѣетъ себѣ сдѣлать опинковъ.

[4]) Ср. значеніе слова свита въ Босніи: ткань и одежда.

считать еще поясъ (пасъ с.). Его употребленіе является между прочимъ однимъ изъ признаковъ отличающихъ славянина отъ влаха: влаховъ болгары пренебрежительно зовутъ „роспасани“.

Шапка (колпакъ, шапка) изъ бараньей шкуры является послѣдней общей болгарамъ и сербамъ составной частью костюма: лѣтомъ употребляется подкапница изъ шерстяной ткани или сукна. Снимается она только въ церкви или въ знакъ траура. Влахины плетутъ ихъ сами. Попутно съ головнымъ уборомъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ долгое время болгары брили себѣ голову, оставляя чубъ, а западные сербы, по извѣстіямъ путешественниковъ, носили длинные волосы. Нижнее женское платье—кошуля—а во многихъ мѣстахъ и верхнее—не отличается существенно отъ мужскаго: оно только дольше и болѣе украшено вышивками.

Передникъ—прелникъ или престилка представляетъ одну изъ простѣйшихъ и древнѣйшихъ принадлежностей женскаго костюма; его приготовляетъ каждая женщина собственноручно; существеннымъ дополненіемъ къ нему служитъ влненикъ или завѣска—кусокъ ткани, покрывающій заднюю часть тѣла. Завѣска и передникъ составляютъ нѣчто вродѣ простѣйшей верхней одежды; завѣска носится только тогда, когда женщина не надѣваетъ другой верхней одежды, напр. сукмана. Соединенныя вмѣстѣ престилка и завѣска составляютъ почти тоже, что фустанъ или рокля. Простѣйшій головной уборъ представляетъ собою забрадка—бѣлый платокъ, который прикалываютъ на голову иглами только замужнія женщины. Въ настоящее время забрадки покупаются, но влашскія женщины дѣлаютъ ихъ сами изъ бѣлаго тонкаго полотна съ шелковыми бороздками.

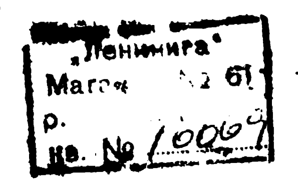
О связяхъ, соединяющихъ костюмъ современныхъ обитателей полуострова съ костюмомъ его древнихъ насельниковъ, говоритъ Трухелка въ статьѣ „Die phrygische Mütze in Bosnien“. Онъ беретъ здѣсь оригинальный головной уборъ, который сохранился у старыхъ женщинъ изъ округа Сребреницы, ставитъ его въ параллель съ головнымъ уборомъ Орфея на греческихъ вазахъ и высказываетъ предположеніе, что онъ могъ уцѣлѣть въ Босніи, какъ наслѣдство древнихъ иллирійцевъ, попавши туда черезъ ѳракійцевъ съ востока, можетъ быть, изъ Персіи или Малой Азіи.

Этотъ же вопросъ затрогиваетъ Glück въ статьѣ „Die Tatöwirung der Haut bei den Katoliken Bosniens [1]). Авторъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что татуированіе встрѣчается преимущественно у женщинъ, преимущественно среди католическаго населенія, состоитъ главнымъ образомъ изъ различныхъ формъ креста и не имѣетъ въ языкѣ спеціальнаго обозначенія. Изъ всего этого, а равно и изъ того, что о татуированіи у древнихъ славянъ нѣтъ извѣстій, онъ заключаетъ, что обычай этотъ долженъ былъ возникнуть въ сравнительно позднее время, и дѣлаетъ предположеніе, что его ввело католическое духовенство съ цѣлью затруднить обращеніе въ исламъ, наложивши на христіанина такой знакъ его вѣроисповѣданія, уничтожить который окончательно не было бы возможности. Вопросъ, поднятый Глюкомъ, пересматривается въ статьѣ Трухелки „Die Tatowirung bei den katolikeu Bosnien und Herzegowina" [2]). Трухелка подтверждаетъ, что татуированіе имѣетъ мѣсто исключительно среди католиковъ, но оспариваетъ предположеніе о его религіозномъ источникѣ: католическіе миссіонеры въ настоящее время ведутъ формальную борьбу съ нимъ, ранѣе они его только терпѣли. Обычай старѣе появленія въ Босніи католицизма, старше появленія славянъ: нигдѣ, кромѣ Босніи, у славянъ его нѣтъ, но онъ былъ широко распространенъ среди ѳрако-иллирійскихъ племенъ Балканскаго полуострова, къ которымъ проникъ, можетъ быть, чрезъ скиѳовъ съ востока. Въ подтвержденіе своей гипотезы Трухелка приводитъ и то обстоятельство, что крестъ является далеко не единственнымъ декоративнымъ мотивомъ: рядомъ съ нимъ имѣютъ мѣсто изображенія колеса, ограды (всегда полукругомъ или кругомъ, какъ старыя городища страны; авторъ упускаетъ изъ виду эту деталь), „наруквица". „гранчица", „елица", „класъ", „сунце", „мјесец", „звјезда". Связи съ дославянскимъ прошлымъ полуострова, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, относятся болѣе къ эстетической сторонѣ костюма и должны быть разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ.

---

[1]) W M B H II, 455—463.

[2]) Ibid, IV, 493—509.

Печатается и выйдетъ въ мартѣ вып. 2

„РАЗВИТІЕ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ".

Готовится къ печати вып. 3

„РАЗВИТІЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ".

Складъ изданія у автора (Малая Казанская, 7).

Книгопродавцы пользуются обычной уступкой.

Того-же автора:

Очеркъ исторіи Хорватскаго государства до подчиненія его Угорской коронѣ. К. 1880. ц. 75 к.

Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи. Вып. I. 1881 г. Вып. II. 1884. ц. 3 р.

Прошлое и будущее духовной взаимности Славянъ. Рѣчь. К. ц. 10 к.

Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. К. 1889. ц. 1 р. 75 к.

Вотяки. — — — К. 1890. ц. 2 р. 25 к.

Пермяки. — — — К. 1891. ц. 2 р.

Мордва. — — — К. 1895. ц. 2 р.

Задачи и значеніе мѣстной этнографіи. К. 1889. ц. 25 к.

И. Н. СМИРНОВЪ.

Очеркъ культурной исторіи южныхъ славянъ.

ВЫПУСКЪ II.

РАЗВИТІЕ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ.

Цѣна 1 р.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1900.

Печатано по определенію Историко-филологическаго Факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ А. Смирновъ.

Содержаніе II выпуска.

Принятыя сокращенія:

APJ=Arkiv za povjestnicu jugosl.
ВУИ=Варшавскія Университетскія Извѣстія.
SRJ=Scriptores rerum Jtalicarum.
ЗСД=Законникъ Стефана Душана.
ПЗДД=Памятники законодательной дѣятельности Душана.
ЧМОИДР=Чтенія въ Моск. Общ., Ист. и Древ Росс.
MHJ=Monumenta historico-juridica.

Отдѣлъ II.

1. Эволюція семьи и кровнаго союза.

Развитіе общественныхъ отношеній представляетъ собою тотъ отдѣлъ культурной исторіи, для котораго мы располагаемъ наибольшимъ количествомъ матеріаловъ. Прямо или косвенно относящіеся сюда факты появляются въ памятникахъ средневѣковой исторіографіи одновременно съ извѣстіями о появленіи славянъ въ бассейнѣ Дуная и на Балканскомъ полуостровѣ. Въ VI в. о ю. славянахъ говорятъ на западѣ и востокѣ: рядомъ съ византійцами, Прокопіемъ и Маврикіемъ общія и достаточно смутныя свѣдѣнія сообщаетъ Іорданъ. Съ VII в. интересъ къ нимъ сосредоточивается въ Византіи: это время ихъ окончательнаго водворенія на полуостровѣ; черезъ два столѣтія съ возникновеніемъ священной римской имперіи, съ завоевательными предпріятіями Карла Великаго въ области Альповъ упоминанія о нихъ являются въ западной исторіографіи. Съ IX же в. область источниковъ расширяется: историкъ пріобрѣтаетъ возможность непосредственно заглянуть въ тотъ или другой уголокъ отдѣленной отъ него вѣками жизни: въ его рукахъ понемногу начинаютъ собираться факты этой жизни, отразившіеся въ разнообразныхъ документахъ: раньше всего—съ IX до XII в.—относительно западной приморской группы южныхъ славянъ (хорватовъ Далмаціи и Приморья), позднѣе съ конца XII в. относительно сербовъ и болгаръ. Съ XIII в. матеріалы увеличивается новыми еще болѣе цѣнными пріобрѣтеніями: историкъ получаетъ возможность наблюдать не отдѣльные факты жизни, а цѣлыя системы нормъ, въ которыя укладываются жизненныя явленія. Какъ ни богатъ этотъ матеріалъ, онъ не-

исключаетъ, однако, необходимости и здѣсь обращаться къ тому источнику, которымъ мы такъ широко пользовались, стараясь возстановить исторію матеріальной культуры; н а с т о я щ е е съ тѣми пережитками прошедшаго, которые переплетаютъ его въ всевозможныхъ направленіяхъ, и здѣсь является однимъ изъ главнѣйшихъ нашихъ источниковъ. Его помощь становится безусловно необходимой, лишь только мы сдѣлаемъ попытку выйдти изъ узкаго и убогаго мірка вопросовъ біографическихъ и генеалогическихъ, заглянуть въ широкую, но тускло освѣщенную область исторіи массъ.

Большая часть находящагося въ нашемъ распоряженіи матеріала относится къ государству, къ его дѣятельности, направленной на увеличеніе или сохраненіе территоріи, укрѣпленіе внутренней связи между составляющими его частями; но государство—послѣднее слово въ соціальномъ творчествѣ народа, послѣдній фазисъ въ ростѣ его организма. Оно поглощаетъ и отражаетъ въ своей дѣятельности жизнь меньшихъ, но когда-то независимыхъ организмовъ. Историкъ на основаніи писаныхъ источниковъ имѣетъ возможность отмѣтить, какъ то или другое государство поглощало сравнительно крупные организмы, дѣлавшіеся впослѣдствіи его областями, какую борьбу вели эти послѣдніе за самостоятельное существованіе, но въ тѣхъ-же писаныхъ источникахъ заключаются уже только намеки на то, что слившіеся съ государствомъ организмы сами состоятъ изъ частей, бывшихъ когда-то самостоятельными. Какова была природа этихъ первичныхъ организмовъ, какъ изъ нихъ складывались другіе болѣе крупные, писанные источники выясняютъ недостаточно и изслѣдователи обращаются за ихъ рѣшеніемъ къ настоящему или сливающемуся съ нимъ ближайшему прошедшему. Блестящій образецъ такого пользованія настоящимъ представляетъ монографія извѣстнаго сербскаго ученаго С. Наваковича „Село". Еще въ большей степени изслѣдованіе настоящаго сдѣлается для насъ необходимымъ, когда мы обратимся къ основной ячейкѣ общества, съ которой начинается его исторія—къ семьѣ, къ пережитымъ ею преобразованіямъ. Акты, памятники законодательства даютъ намъ семью въ окончательномъ фазисѣ ея развитія. Мы имѣемъ предъ собою семью моногамическую, съ вполнѣ опредѣленнымъ преобладаніемъ отца, съ тонко разработанной гаммой отношеній между членами. Богатая номен-

клатура свойства указываетъ на господство экзогаміи, которое дѣлается возможнымъ только тогда, когда отдѣльно блуждающія группы особей приходятъ между собою въ болѣе или менѣе продолжительное соприкосновеніе. Данныя языка въ связи съ фактами современности позволяютъ намъ заглянуть въ болѣе отдаленное прошлое юго-славянской семьи.

Анализъ названій, которыми славяне обозначали различныя степени родственныхъ отношеній, привелъ Лавровскаго къ ряду выводовъ, имѣющихъ капитальное значеніе для исторіи славянской семьи. Лавровскій показалъ, что отношенія, въ которыхъ находились отдѣльные члены семьи въ ту эпоху, когда создавалась для нихъ номенклатура, существенно отличаются отъ позднѣйшихъ. Чрезвычайно характеристичнымъ съ исторической точки зрѣнія является корневое значеніе словъ братъ и сестра. Лавровскій сближаетъ первое съ санскритскимъ bhar и даетъ ему значеніе питающій, господинъ, мужъ, для второго приводитъ гипотезу Пикте, по которой оно означаетъ своя жена. Лавровскій предполагаетъ, что было время, когда слова братъ и мужъ были для сестры синонимами, а слово сестра обозначало и жену; это было время обособленной жизни далеко одна отъ другой разбросанными группами. По принятой въ соціологической наукѣ терминологіи мы должны назвать этой періодъ въ исторіи семьи періодомъ эндогаміи.

Отношенія брата и сестры въ древне-славянской семьѣ даютъ уже намъ возможность представить себѣ, какъ далека эта семья по характеризующимъ ее отношеніямъ отъ семьи позднѣйшаго времени. Остальные термины семейныхъ отношеній только подтверждаютъ это. Родители и дѣти обозначаются названіями, которыя не даютъ никакого понятія о спеціальныхъ отношеніяхъ ихъ соединяющихъ: дѣти—сосунки, ребята (санс. arbha), у(в)нуки—маленькіе, сынъ—рожденный[1], дочь—доящая, женщина, самка [2] (ср. лат. mulier и mulgere-доить); термины для обозначенія отца и матери возникли изъ тѣхъ комплексовъ звуковъ, которыми ребенокъ привѣтствовалъ или

[1] Benfey высказываетъ предложеніе, что sunu означаетъ только мужчину. Fick. Wörterbuch d. indogerm. Grund-Sprache. Vorv. VII. Волковъ. Свадбарскитѣ обреди на славянскитѣ народи. Сб. М. III, 142.

[2] Benfey l. c. Овс. Куликовскій. Опытъ изученія вакх. культовъ индоевр. древности. I, 135 ff.

обозначалъ соприкасавшихся съ нимъ взрослыхъ, конечно, безъ различія спеціальныхъ отношеній къ нимъ. Комплексы эти въ періодъ, предшествующій распаденію славянъ, не пріобрѣли опредѣленнаго устойчиваго значенія и послѣ раздѣленія стали примѣняться для обозначенія различныхъ родственниковъ.

Комплексъ *те* легъ въ основу слова тетка, означающаго и мать и сестру матери (бол.); комплексъ *ба* съ окончаніемъ *тя* послужилъ для обозначенія отца, старшаго брата, брата матери, съ окончаніемъ *бо*—отца, *ба* матери и бабки по матери.

На славянской почвѣ т. о. произошло то же явленіе, которое мы наблюдаемъ на обще-арійской (ср. ма-ти, груз. ма—отец, алб. motre — сестра, лит. motere —женщина; сан. av — отец, лат. avus, сл. уй — дядя по матери).

Обозначенія основныхъ элементовъ семьи — мужа и жены—также не имѣютъ свойственнаго имъ въ настоящее время юридическаго значенія: мужъ означаетъ сильнаго, взрослаго, самца, жена—просто женщину, самку[1].

Языкъ констатируетъ въ исторіи славянской семьи фазисы, которые мы могли бы предположить, имѣя въ виду естественную исторію семьи вообще.

На низшихъ ступеняхъ органической жизни функція продолженія рода временно соединяетъ самца и самку и на болѣе продолжительное время мать и дѣтей. Отношенія между особями возникающія на этой почвѣ не отличаются устойчивостью: самецъ и самка расходятся непосредственно послѣ того, какъ соединившая ихъ функція выполнена; дѣти отдѣляются отъ матери, когда пріобрѣтаютъ способность добывать себѣ пищу. Развитіе тѣхъ и другихъ отношеній на высшихъ ступеняхъ органической жизни, въ жизни человѣческаго рода выражается въ ихъ возрастающей устойчивости: особи, приведенныя въ временное соприкосновеніе физіологическими отношеніями, удерживаются на болѣе продолжительное время новыми. Физіологическая связь матери и дѣтей прекращается съ окончаніемъ кормленія грудью; но ребенокъ, пріобрѣвши способность принимать другую пищу, не пріобрѣтаетъ одновременно способности добывать ее собственными силами и

---

[1]) Ср. употребляемые въ сербскихъ пѣсняхъ термины для обозначенія мужа: воин, рабар (храбрецъ). Карад. Пјесме. I, 429, 473, 506.

связь его съ матерью продолжается: вмѣсто продуктовъ, вырабатывающихся въ организмѣ матери, ребенокъ начинаетъ потреблять продукты окружающей среды, предоставленные въ его распоряженіе *трудомъ* матери; отношенія физіологическія смѣняются отношеніями экономическими, но ихъ сопровождаютъ тѣ же чувства, которыя были спутниками отношеній физіологическихъ. Зародыши этихъ отношеній имѣютъ мѣсто уже въ животномъ мірѣ. Характернымъ для человѣка моментомъ въ ихъ развитіи является связь, которая продолжаетъ соединять мать и дѣтей, когда *воспитаніе* послѣднихъ кончено, когда дѣти пріобрѣли уже способность самостоятельно добывать для себя средства существованія, а мать исподволь теряетъ свои силы. Эта связь не родилась вмѣстѣ съ человѣкомъ; она продуктъ его исторіи. На низшихъ ступеняхъ человѣческаго развитія экономическая связь родителей и дѣтей является односторонней: дѣти пользуются продуктами труда матери или обоихъ родителей, пока безсильны, и предоставляютъ ихъ своей участи, когда сами приходятъ въ силу, а родители слабѣютъ; извѣстны народы, у которыхъ потерявшіе способность къ труду старики или покидаются на произволъ судьбы или убиваются.

На высшихъ ступеняхъ развитія устанавливается обмѣнъ заботами: вошедшіе въ силу дѣти принимаютъ на себя работу объ ослабѣвшихъ родителяхъ.

Вторымъ характернымъ для человѣка моментомъ въ развитіи отношеній матери и дѣтей является то обстоятельство, что мать для дѣтей, дѣти для матери исключаются изъ толпы другихъ человѣческихъ особей, на которыхъ можетъ простираться дѣйствіе половаго инстинкта (половый иммунитетъ); кровосмѣшеніе, обычное въ животномъ мірѣ, дѣлается рѣдкой аномаліей въ человѣческой средѣ—говоримъ д ѣ л а е т с я потому, что эта черта отношеній также продуктъ развитія человѣка, а не родилась вмѣстѣ съ нимъ.—Мать и дѣти представляютъ группу, съ которой начинается естественная исторія семьи. Позже къ ней присоединяется отецъ. Развитіе отношеній между объединенными функціей продолженія рода мужчиной и женщиной выражается: 1) въ томъ, что спутникомъ физіологической связи является сотрудничество, въ интересахъ поддержанія собственной жизни и жизни дѣтей; 2) въ томъ, что для объединенныхъ названной функціей мужчины

и женщины всѣ остальные исключаются изъ числа объектовъ, на которые можетъ простираться дѣйствіе половаго инстинкта; 3) въ томъ, что отецъ и дѣти исключаются изъ числа объектовъ половаго инстинкта взаимно.

Какъ наростали одно за другимъ эти ограниченія, какъ слагались иныя связи рядомъ съ физіологическими, на эти вопросы ни языкъ, ни писаное право не даютъ отвѣта. Жизнь показываетъ между тѣмъ, что формація ю. с. семьи еще не кончилась до сихъ поръ, что подъ слабой коркой нормъ, въ которыя затвердѣваютъ отношенія ея членовъ, еще кипитъ вулканическая работа животныхъ инстинктовъ и эта борьба нормы и инстинкта составляетъ сущность скрытой для языка и писаныхъ источниковъ исторіи семьи. Здѣсь союзницей историка является этнографія съ ея колоритными картинами текущей жизни.

Этнографическій матеріалъ даетъ намъ иллюстраціи и доказательства къ тѣмъ предположеніямъ, которыя мы могли высказать на основаніи данныхъ языка и къ нему прежде всего должны мы обратиться, возстановляя первичныя стадіи въ исторіи семьи и общества.

Порядокъ, въ которомъ мы будемъ разсматривать факты развитія семьи, опредѣляется намѣченными уже моментами въ ея естественной исторіи.

Объ условіяхъ, при которыхъ возникали первичные неустойчивые союзы мужчинъ и женщинъ даютъ понятія игрища: лѣтнія—хоро или коло—и осенне-зимнія—сѣденки. Въ З. Болгаріи хоро носитъ характерное названіе „*свадбы*"[1]. Игрища собираются, начиная съ весны, всякій праздникъ[2]. Почему терминъ, обозначающій въ другихъ мѣстахъ бракъ, брачный обрядъ, относится здѣсь къ игрищу, выясняется изъ характера этого послѣдняго. На игрищахъ и сѣденкахъ веселятся, поютъ; но не въ этомъ весельи заключается ихъ сущность. На игрищахъ устанавливаются первыя отношенія между молодымъ холостымъ человѣкомъ и дѣвушкой; людямъ, уже связаннымъ брачными отношеніями, въ особенности мужчинамъ, на нихъ закрытъ доступъ; самыя пѣсни имѣютъ характеръ признанія поющими тѣхъ отношеній, которыя существуютъ или только

---

[1]) Мариновъ. Жива Старина. III, 38.
[2]) Бобчевъ. Сборникъ на българскитѣ юридически обичаи. 114, 118.

что сложились между той или другой парой. На игрище и дѣвушка и молодой человѣкъ являются съ опредѣленною цѣлью—найдти себѣ пару. Въ Болгаріи дѣвушка получаетъ доступъ на хоро когда она начала „момѣть“, т. е. заневѣстилась; молодой человѣкъ — часто мальчикъ 15 — 16 лѣтъ, когда онъ „се ергенее“—сдѣлался парнемъ, женихомъ[1].

Едва явившись на хоро дѣвушка ищетъ себѣ „гальника“ („либовника“), парень—„гальницу“. Парень выражаетъ свои намѣренія относительно избранной дѣвушки различными способами: или такъ поворачиваетъ хоро, что дѣвушка должна играть съ нимъ, или проситъ у ней букетъ съ головы, платокъ съ пояса. Если дѣвушка принимаетъ руку парня, если кромѣ букета даетъ и другіе цвѣты съ головы или съ платкомъ одинъ изъ перстней, предложеніе считается принятымъ[2] и съ дѣвушкой никто, кромѣ ея ближайшихъ родственниковъ, не имѣетъ права играть подъ рискомъ нарваться на крупную непріятность[3]; галеникъ обязательно провожаетъ свою галеницу съ игрища домой. О характерѣ возникающихъ отношеній даютъ понятіе болгарскія сѣденки (=р. посидѣлки). Въ зимніе вечера галеники пробираются къ своимъ галеницамъ въ землянки, гдѣ они прядутъ, и усаживаются попарно. При прощаньи по мѣстамъ происходятъ явленія, которыя точно опредѣляютъ физіологическую природу „либенья“. Въ Старозагорскомъ округѣ парни разомъ тушатъ всѣ огни въ комнатѣ и стоящіе попарно молодые люди и дѣвушки остаются нѣкоторое время въ темнотѣ[4]. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей семейнаго быта болгаръ г. Боевъ сообщаетъ, что въ другихъ мѣстахъ участвующіе въ сѣденкѣ ночуютъ вмѣстѣ. При этомъ въ однихъ мѣстахъ физіологическимъ инстинктамъ, видимо, дается полная свобода, въ другихъ совмѣстныя ночевки допускаются подъ условіемъ держать себя скромно и нарушителя условія понуждаютъ скорѣе жениться[5].

---

[1]) Мариновъ. l. c. 14.

[2]) Ibid. Бобчевъ. l. c. 116, 120.

[3]) Ibid. 19. Права галеника въ этомъ случаѣ равны правамъ, которыя пріобрѣтаетъ женихъ послѣ годежа-сговора. Ср. Bogišić. l. c. 168.

[4]) Боевъ. Къ брачному праву болгаръ. 5. Ср. Волковъ, l. c. VIII, 239.

[5]) Волковъ, l. c. VIII, 231. Боевъ, l. c. 3—4.

То же явленіе имѣло мѣсто, судя по пѣснямъ, въ Сербіи и не только зимой но и лѣтомъ послѣ кола[1].

Союзъ, который возникаетъ на игрищѣ, чаще всего оканчивается, по истеченіи нѣкотораго времени, бракомъ. Но возможны случаи, когда парень, недовольный дѣвушкой, покидаетъ ее и обращается къ другой, у которой уже есть галеникъ и вступаетъ въ борьбу за обладаніе ею.—Послѣ уясненія того, что болгары называютъ „либенье" (=малор. коханье), становится понятнымъ, почему хоро въ З. Болгаріи называютъ свадьбой. Это, дѣйствительно, свадьба и древнѣйшій видъ ея, который опредѣляется исключительно физіоло-

[1]) Сву ноћ ја заспат' не мого
Слушајућ' коло и песме,
У колу моја драгана
Све моје песме испева
. . . .
Диго се, одо у коло,
Али се коло распусти:
Све драго с драгим заспало,
А моја драга на само,
Метнула камен под главу.
Карад. Пјесме. I, 238.

На Ситници, на водици
Бор се зелени:
Што је младо и зелено,
То заједно спи;
Али Јово, момче младо,
Нема јадан с ким,
То виђела млада Мара,
Она пођe шњим.
Ibid. V, 335.

Пошетах се покрај мора
Зачух зуку дивна кола
Од младије ђевојака...
Божја помоћ, душо моја,
Моли Бога, је је зора,
Та би била сву ноћ моја
На срамоту мајке твоје
Која не да к тебе доћи
Ни у дневи, ни у ноћи.
Ibid. V, 286.

гическимъ факторомъ. Преддверіемъ, предшествующимъ браку моментомъ „либенье" стало съ тѣхъ поръ, какъ къ физіологическому фактору присоединился экономическій, съ тѣхъ поръ, какъ женщина стала нужна, какъ рабочая сила, и явились разнообразные способы пріобрѣтенія ея — похищеніемъ, куплей. Съ этого момента свадьба обращается въ юридическій актъ, которымъ опредѣляются отношенія двухъ семей по поводу отчуждаемой дѣвушки. Моментъ этотъ относится, несомнѣнно, еще къ праславянской эпохѣ: похищеніе и купля — формы пріобрѣтенія женщины извѣстныя всѣмъ славянамъ. Существеннымъ признакомъ той элементарной формы брака, которую представляютъ отношенія галениковъ является то, что люди связанные между собой физіологически живутъ отдѣльно. Ту-же форму представляетъ обычай, имѣющій мѣсто въ Македоніи около Прилѣпа. Молодой человѣкъ и дѣвушка отправляются вмѣстѣ къ обѣднѣ, становятся во время чтенія евангелія рядомъ съ священникомъ и по окончаніи службы цѣлуются и обмѣниваются подарками. Съ этого момента они становятся въ отношеніе мужа и жены, но живутъ раздѣльно[1]. Съ физіологическими послѣдствіями отношеній дѣвушка считается уже сама. Въ настоящее время, когда за галеніемъ долженъ наступить бракъ и для дѣвушки въ интересахъ мужа-покупателя является обязательнымъ сохраненіе цѣломудрія, она стремится предупредить или покрайней мѣрѣ скрыть рожденіе ребенка. Въ періодъ, предшествовавшій куплѣ жены, эти заботы были излишними и за свадьбой, которая возникала на игрищѣ, слѣдовало рожденіе ребенка, возникновеніе семьи въ ея элементарной формѣ, состоящей изъ матери и дѣтей. На матери въ этой семьѣ лежала забота о воспитаніи дѣтей; ей-же принадлежала нераздѣльно и дѣтская любовь. Изъ южныхъ славянъ сербы сохранили въ своей поэзіи наиболѣе яркія воспоминанія о такомъ строѣ семьи. Всякому, кто дастъ себѣ трудъ прочитать собранныя Караджичемъ сербскія пѣсни, бросится въ глаза, что отецъ въ этихъ пѣсняхъ почти отсутствуетъ и семья является въ составѣ ма-

[1]) Волковъ, Свадбарскитѣ обичаи на славянскитѣ народи. СбМ. VIII, 241. Боевъ. I. с. 3—4.

тери и дѣтей: мать воспитываетъ дѣтей, женитъ сыновей[1],

[1]) Мајка ти је Фату испросила,
Испросила и прстен јој дала.
Карад. П. I, 268.
Дра' се драгој на водици фали:
Драга моја, мене жени мајка.
ib. 280.
Синоћ мајка оженила Марка,
Јутрос му се љуби разбольела.
ib. 301; ib. 273.
Курво кучко, лијепа дјевојка,
Не бијели лица, не румени,
Не мами ми сина Осман-ага;
Ја ћу ићи у гору зелену,
Начинићу дворе јаворове,
Свог ћу сина у двор затворити.
ib. 387.
... Што ћу мајца у дворе довести,
Чим ће ми се поносити мајка.
ib. 389.
Моја мајка ожени ме млада.
ib. 396. Ср. 408.
Аіде, мајко, у цареве двори,
Проси за ме Материно злато.
ib. 488.
На поконь те оженила мајка.
ib. 625.
Ма ве моли мајка јунакова,
Да јој брво снау доведете.
ib. V, 12.
Запроси млади Миленко
Лијепу Јане у мајке.
b. 324.
Не надај се, млад, јуначе,
Мене мајка не да за те.
ib 330.
Ја је иштем, а мајка је не да.
ib. 383.
Сан заспат' не могу,
Мислећ, мене мати моја
За кого ће дати.
ib. 384.
Реци мајци, да ме зетом зове
ib. 430.

выдаетъ замужъ дочерей[1]; она является по отношенію къ дочери представительницей родительскаго авторитета.

Въ предѣлахъ этой семьи зародилась терминологія родственныхъ отношеній и основныя начала семейной этики.

Дѣти, рожденныя женщиной составляютъ ея родъ (болг. рожба); они стоятъ къ матери въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ плодъ къ плодоносному дереву, и обозначаются однимъ и тѣмъ же названіемъ: родъ въ сербскомъ означаетъ плоды, приносимые деревомъ, и дѣтей, рожденныхъ матерью[2]. Другой терминъ для обозначенія дѣтей представляетъ собою пород, ко-

[1]) Твоја мајка говорила:
«Не дамъ сина до пролећа»
А моја је говорила:
Не дам сина до јесена.
ib. 454.

Мајка ће нас карати
Карајући избити.
ib. 490.
Ср. у Болгаръ. Сборн. Бончева № 3. 15, 26, 135, Балджиевъ. I. с VII, 146.

[2]) Што тсе, Маре, жао од'јелити
Од твог рода и од миле мајке,
И од браће и од братућеда,
Од сестрице и миле невјеста.
Карад. Пјеме I, 18.

Веће је расло код миле мајке,
Код миле мајке, код драге браће,
Код свога рода, код родитеља.
ib. 22.

Нек ти буди у час добар
Лепи ће те род родити.
ib. 157.

Тебе га је срећа дала,
Да б'ете дуго проживјели
И поштени род родили
И с родом се подичили.
ib. 7; V, 9.

Одби се грана од јергована
И лепа Смиља од своје мајке
Од своје мајке и од свег рода.
ib. 34.

торый, подобно роду, впослѣдствіи пріобрѣлъ болѣе широкое значеніе (с. породица)[1].

Въ предѣлахъ этой же группы исподволь слагаются характерныя для семьи отношенія и чувства: сознаніе тѣснѣйшей связи между членами и вмѣстѣ освобожденіе этихъ связей отъ половаго элемента, возвышеніе ихъ на степень тѣхъ чисто нравственныхъ отношеній, которыя мы называемъ родственными. Въ животномъ мірѣ кровное родство не ставитъ границы половому инстинкту. Половыя отношенія между дѣтьми одной матери возникаютъ тотчасъ, какъ дѣти достигаютъ соотвѣтствующаго возраста. Было время, когда и въ человѣческомъ мірѣ родственныя отношенія не исключали половыхъ. Въ Авестѣ бракъ и даже не бракъ въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова, а просто половыя отношенія безразлично со всѣми родственниками, считается прекраснымъ и благочестивымъ дѣломъ... „Благочестивѣйшій изъ благочестивыхъ тотъ, кто... исполняетъ священнѣйшую обязанность брака *между родными* въ своемъ семействѣ“[2]. Браки съ сестрами извѣстны у персовъ въ историческую пору[3]. О бракахъ братьевъ съ сестрами говорятъ греческіе и германскіе миѳы[4]. Намекъ на то, что такія явленія имѣли мѣсто у древнихъ индѣйцевъ и инстинктъ велъ борьбу противъ новой морали заключается въ одномъ изъ гимновъ Риг-Веды:

„Я никогда не женюсь на тебѣ,
Грѣхомъ считается жениться на сестрѣ;
Съ другимъ имѣй эти радости,
Отъ брата не требуй ихъ, о прекрасная“[5].

Ю. славянская поэзія рисуетъ предъ нами отношенія, соотвѣтствующія этому гимну.

Въ поэзіи болгаръ, въ ихъ обычаяхъ и правовыхъ воз-

---

[1]) Од срца порода
ib.
И не слуша пород родитеља
ib. II, 4.

[2]) Шрад. l. c. 401.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid.

зрѣніяхъ ясно можно еще наблюдать ту борьбу, въ окончательномъ результатѣ которой стали невозможными половыя отношенія между членами первичной семьи—матерью и дѣтьми, между братьями и сестрами и кровными родственниками. Раньше всего исключена была возможность половыхъ сношеній съ матерью. Въ поэзіи южныхъ славянъ о такихъ отношеніяхъ упоминается какъ о случайности[1]; но въ числѣ выраженій зложеланія у болгаръ имѣетъ мѣсто характерная фраза: „майка да му е жена". О бракахъ между братьями и сестрами говорятъ еще пѣсни и преданія. Формулой, въ которой нашла свое выраженіе борьба между инстинктомъ и нормой, является изреченіе: убава мома род не ма=у красивой дѣвушки нѣтъ родныхъ[2]. Въ Болгаріи такой взглядъ поддерживаетъ и

---

[1]) Сб. М. XIV, 172, ср. 56, 53.

[2]) На ли сме, баіе, роднина,
Чичо и тата два брата,
Мама и стрина іетѫрви,
А ния с тебе чичови,
Тодор Тодор говоре:
Момо убава Тодоро!
Чичова мома убава.
Като си толку убава,
Зашто си толку глупава.
Синьото небо краі нема,
Гаста трѫница страк нема,
Дѫлбока вода брод нема,
Убава мома род нема.
Сб. М. 1, I/20. Ср. XII, I/24, XI, I/12, VIII, I/32, VII. I/40.

Чуіеш мене, гиздава Мариіо,
Какво дума твоіо брата царо,
Мил ти брата дьавол га нападнал,
Дошло время брат ти да се жени
Да си дири за себе прилика,
Што прилича царица да баде.
Та си шетал три година време
Та обишел горна долна земнья
Нигде не іе прилика намерил
Брат ти сака тебе де залиби,
Че му тизе на лице приличаш.
Сб. М. II, I/97.

церковь: греки-архіереи разрѣшаютъ браки между очень близкими родственниками[1], а народъ не очень интересуется счетомъ родства[2].

Другимъ показателемъ возможности былыхъ половыхъ отношеній внутри рода большаго или меньшаго размѣра является обычай брать невѣстъ изъ своего села. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Далмаціи молодой человѣкъ не отважится предложить руку дѣвушкѣ изъ другого селенія, подъ рискомъ встрѣтить рѣзкое осужденіе своихъ родителей и односельчанъ. Протестъ принимаетъ въ подобныхъ случаяхъ такой рѣшительный характеръ, что, молодой человѣкъ отступается даже отъ даннаго слова[3]. Взять дѣвушку изъ другого села считается позоромъ[4]. То же явленіе имѣетъ мѣсто въ Хорватіи, гдѣ чаще всего берутъ дѣвицъ изъ своего села или изъ своей жупы, изъ своей околицы[5]. На далматинскихъ островахъ

Улути се Димитриіо
Заљуби си своіа сестра
Љубиле се три години
Добили си машко дете.
Сб. М. IX. I/60.

«Брата Ива сели говорио
«Да чујешь-ли дилбер Анђелија!
Колико си танка и висока,
Толико си бела и румена;
Не могу те, сејо, другом дати,
Узећу те, да ми будеш љуба».
Карад. Пјесме. I, 549.

«Бесједи Српски цар Стефане
Моја сестра, сирота Роксандро!
Ходи мене узми господара
Да ми наше не харчимо благо».
Ib. II, 118.

Да ја узмем сестру Кондосију
Да ја узмем за љубу вијерну
. . . .
Да се царско не растури благо.
Ib. 123.

1) Бобчевъ, l. c. 89, 69.
2) Ibid. 68.
3) Bogiš. l. c. 210: ženi što najbliže
4) Ib. 210. Je to sramota iz tugiego sela ženiti.
5) Ibid. 210, 211, 212

предѣломъ, который допускаетъ обычай, является предѣлъ распространенія костюма[1]. Какое значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ обычай брать невѣсту изъ своего села, своей околицы, своей жупы, будетъ видно въ послѣдующемъ изложеніи, гдѣ пойдетъ рѣчь о селѣ, околицѣ и жупѣ.

Третьимъ показателемъ былыхъ отношеній въ предѣлахъ кровнаго родства служатъ явленія изъ области родства фиктивнаго. Изъ разнообразныхъ видовъ этого родства для даннаго случая имѣютъ значеніе отношенія посестримства-побратимства между молодымъ человѣкомъ и дѣвушкой, отношенія храненичества и отношенія усыновленнаго или пріемыша къ дочерямъ усыновителя.

Побратимство и посестримство ставятъ въ настоящее время для молодыхъ людей такія-же границы, какъ кровное родство[2]. Молодая, произнесшая при вступленіи въ брачную комнату формулу побратимства, налагаетъ на мужа обязанность жить съ ней, какъ съ сестрой[3]. Но такія отношенія сложились не безъ борьбы инстинкта съ ограничивающей его нормой. Въ жизни и поэзіи ю. славянъ мы видимъ явленія, что искусственное родство такъ же, какъ кровное, не всегда исключало половыя отношенія между связанными ими лицами. Мы уже видѣли выше, что въ Македоніи, около Прилѣпа, молодые люди, совершившіе обрядъ побратимства-посестримства непосредственно за тѣмъ вступаютъ въ отношенія мужа и жены.

Еще сильнѣе колебанія относительно храненичества. Храненичество — оригинальное явленіе въ области болгарскаго семейнаго права. Мать, родивши младенца и разъ покормивши, отдаетъ его дня на три, на четыре родственницѣ или сосѣдкѣ для кормленія (храненія).

---

[1]) Ibid. 211. Ср. Мариновъ. Ж. С. IV, 5.

[2]) Бог убио сваког јунака,
Који љуби Богом посестриму.
Карад. Пјесме I, 132.

[3]) Кад си мене оженила, мајка,
И свела сте двоје младенаца,
Ја сам тео облјубити лице,
Ал' је она мене побратила,
Да живимо, као брат с сестрицей».
Ib. I, 632.

Дитя становится по отношенію къ этой женщинѣ храненикомъ или храненицей; женщина-храначка, т. е. временная кормилица, пріобрѣтаетъ значеніе матери [1]. Смыслъ, который вкладывается болгарами въ эти кратковременныя отношенія, выясняется изъ того обстоятельства, что въ другихъ мѣстностяхъ храненикомъ называютъ пріемнаго сына [2]. По вопросу о томъ, могутъ-ли быть браки между дѣтьми храначки и храненикамы болгары одной округи высказываются различно; христіане считаютъ такіе браки возможными, мусульмане не допускаютъ [3]. Въ Макарской округѣ въ Далмаціи бракъ между молочными братьями считается также грѣхомъ [4].

Такія же колебанія имѣютъ мѣсто при рѣшеніи вопроса о томъ, можетъ-ли пріемный сынъ жениться на дочери своего пріемнаго отца. Богишичъ получилъ на него рядъ разнорѣчивыхъ отвѣтовъ: изъ хорватскихъ областей отвѣчали, что можетъ, изъ Герцеговины и Черногоріи, что народъ считаетъ такіе браки грѣхомъ, такъ какъ усыновленный съ дочерью усыновителя становятся въ отношенія родныхъ брата и сестры [5]. Въ Болгаріи храненикъ, надъ которымъ при принятіи читана была спеціальная усыновительная молитва, становится въ отношенія родного сына; но это точка зрѣнія церковная: народъ считаетъ не только возможнымъ, но выгоднымъ и желательнымъ бракъ пріемыша съ дочерью усыновителя [6].

Въ области искусственнаго родства происходитъ такимъ образомъ та же борьба нормы и инстинкта, какъ и въ области родства кровнаго. Отрицательные признаки родства и здѣсь получаютъ значеніе, какъ ея окончательный результатъ. Признаки положительные—тѣснѣйшая связь между сильными и слабыми членами семьи—формируются путемъ той-же борьбы.

Первую пробу семейныхъ чувствъ—чувствъ дѣтей по отношенію къ матери—представляетъ моментъ, когда дѣти выросли, пріобрѣли способность жить самостоятельно, а мать ослабла и перестала уже представлять изъ себя рабочую силу.

[1]) Бобчевъ l. c. о храненичествѣ см. Krauss. Sitte u. Brauch d. s. Slav. 591—605.

[2]) Ibid. 67.

[3]) Ibid.

[4]) Bogišić. Pravni obič. j. Slav. 206.

[5]) Ibid. 207.

[6]) Бобчевъ. l. c. 88, 89, 90. Ср. отношенія болгаръ къ кумству 73.

Эгоистическій инстинктъ подсказывалъ въ этотъ моментъ то жестокое рѣшеніе, которое практикуется во всемъ животномъ мірѣ—предоставить мать ея собственнымъ слабымъ силамъ, выгнать изъ дома. Весь арійскій міръ (какъ и все человѣчество) пережилъ этотъ критическій моментъ и долгое время находился подъ исключительнымъ господствомъ эгоистическаго инстинкта: иранцы, римляне, германцы, литовцы убивали слабыхъ стариковъ, греки и славяне предоставляли или умирать естественной смертью, но приближали послѣднюю своимъ полнымъ пренебреженіемъ къ судьбѣ ихъ [1]. Сербская и болгарская народная поэзія рисуетъ намъ борьбу между инстинктомъ и чувствомъ въ предѣлахъ матріархальной семьи: дѣти выгоняютъ престарѣлую мать или продаютъ ее [2]. Только

---

[1]) Шрадеръ l. c. 412—413. Hehn. l. c. 518—519.

[2]) Iа мисламъ, маiка, да те продадам
На нови павар, маiка, Дорьянски...
За таiа конья, маiка, чапкуна,
За това седло, маiка, сребрено,
За таiа iузда, маiка, позлакьна,
Млат арамиiа, маiка, кье бидам
Нис Дорьянска, маiка, планина.
Стоян си маiка, келе, продаде...
Сб. М. XIII, I/45.

Обуваj се, маjко, одjеваj се
Да те водим на нова павара,
Еда би те скупи препродао.
Милич. Кнеж. Србиjа 927, ср. Караджич. I, 563.

Аналогичныя отношенія изображаются въ слѣдующей пѣснѣ въ примѣненіи къ павликіанамъ:
Там син башта за башта не брои
Там син маiкьа за маiкьа не брои.
Мила сестра за сестра не брои
Стари башта за сеизин дѫржа
Стара маiкьа стара измикьарка,
Пѫрьво либе за робинья дѫржа,
Мила сестра за льубе iа дѫржа.
Сб. М. II, I/27.

А кад их je поженила маjка,
Тада маjци ђеца говорила:
«О старице, наща мила маjка!

тогда, когда чувство восторжествовяло явилась возможность возможность семьи въ ея матріархальной формѣ,—большей или меньшей въ зависимости отъ плодовитости матери. Въ сербской поэзіи любимой нормой для такой семьи является семья изъ матери и девяти ея сыновей съ женами и дѣтьми [1]), семья, которую, примѣняя позднѣйшую терминологію, можно назвать задружной. Внутри этой группы пока и совершается дальнѣйшее развитіе семейной морали.

Послѣ матери два представителя былой матріархальной семьи выступаютъ съ неоспоримыми правами на горячую любовь ея слабѣйшихъ членовъ—братъ и дядя по матери. Братъ для сестры, дядя по матери для племянника стоятъ впереди всѣхъ остальныхъ членовъ семьи. Народная поэзія сербовъ сохранила до нашихъ дней тѣ воззрѣнія, которыя относительно этихъ лицъ воспиталась въ матріархальный періодъ юго-славянской семьи. Братъ—второй послѣ матери хозяинъ сестры [2]); высшій грѣхъ—посѣять раздоръ между ними [3]); онъ ея ближайшій защитникъ [4]). Братъ матери представляетъ тоже для племянниковъ (сестричей) [5]). Въ брачномъ ритуалѣ, который отражаетъ въ себѣ старыя бытовыя понятія, два человѣка играютъ рѣшающую роль—братъ невѣсты и дядя жениха по матери: братъ выдаетъ дѣвушку, дядя жениха по матери принимаетъ ее и ведетъ въ домъ жениха [6]).

Ми те више ранит' не можемо,
Него узми два кленаве штапа,
О рамену просјачку торбицу,
Па ти хајде просить по свијету».
Караджж. Пјесме. V, 156
Иди, мајко, у гору зелену,
Еда би те намериле зверье.
Ib. I, 129, 131.
[1]) У Момчила девет миле браће
И дванајест прво-братучеда
Они њему рујно вино служе.
Карад. I. с. II, 100.
[2]) Кар. Пјесме I, 324. Ср. Bogišić. 220.
[3]) Ibid. V, 162.
[4]) Ibid. 263.
[5]) Ibid. II, 132. «Кад ујаку неђу, да коме ђу».
[6]) Ibid. V, 29. «Iес метнуо ујца првијенаца?».

Воспоминанія о матріархальномъ періодѣ въ исторіи югославянской семьи сохранились не въ одной сербской поэзіи. Въ западной Болгаріи—въ частности въ Ломскомъ округѣ—не малое число обитателей носятъ фамиліи, происходящія отъ женскихъ именъ,—Иоцинъ, Цоцинъ, Ганинъ, Марушкинъ, Магдинъ, Сирминъ и т. д. Д-ръ Бассановичъ, отмѣчающій этотъ фактъ, обращаетъ вниманіе на то, что такія имена встрѣчаются по большей части въ селахъ, заселенныхъ извѣстными уже намъ граками, и видитъ въ этомъ фактѣ остатокъ матріархальнаго строя, который могъ имѣть мѣсто у древнихъ ѳракійцевъ, какъ имѣлъ у ихъ родичей ликійцевъ [1]. Мариновъ даетъ другое объясненіе нѣкоторымъ фактамъ этого рода: бываютъ семьи, у которыхъ нѣтъ другихъ дѣтей, кромѣ одной дочери; выдать ее въ чужой домъ родители не желаютъ и берутъ зятя въ домъ; дѣти такого отца принимаютъ фамильное имя матери и такимъ образомъ является такъ сказать рецидивъ матріархальной семьи [2].

Матріархальный строй семьи уже въ пору предшествующую раздѣленію славянъ уступилъ мѣсто патріархальному. Какъ совершился этотъ переходъ, какія силы заставили мужчину, который имѣлъ свойственную животному міру тенденцію уклониться отъ заботы о дѣтяхъ, отъ прочной связи съ одной женщиной, принять на себя долю этихъ заботъ, подчинить свой инстинктъ стѣснительнымъ ограниченіямъ въ пользу жены, остается до сихъ поръ открытымъ вопросомъ. Въ ряду факторовъ, опредѣлявшихъ переворотъ въ судьбахъ семьи, видное значеніе принадлежитъ во всякомъ случаѣ экономическому. Устойчивая связь мужчины и женщины—источникъ патріархальной семьи—сдѣлалась возможной только тогда, когда мужчина увидѣлъ въ женщинѣ не физіологическій только, а экономическій интересъ, когда она получила цѣну, какъ рабочая сила. Былое значеніе этого фактора можно представить, наблюдая современную жизнь юго-славянской семьи—итогъ ея многовѣковой исторіи. Самымъ характернымъ показателемъ его вліянія являются здѣсь браки малолѣтнихъ съ великовозрастными. У болгаръ еще недавно былъ широко распространенъ обычай—особенно въ большихъ задружныхъ

[1]) L. c. 32. Ср. Мариновъ. Жива Старина. II, 160.
[2]) Ibid 201.

семьяхъ—женить малолѣтнихъ дѣтей на взрослыхъ дѣвушкахъ, чтобы пріобрѣсти лишнюю рабочую силу, и рядомъ стремленіе удержать до послѣднихъ предѣловъ возможнаго въ домѣ дѣвушку, чтобы она „заплатила за хлѣбъ“ [1]. Женили мальчика 14—16 лѣтъ на дѣвушкѣ 23—25, не справляясь съ его желаніями и симпатіями („или женись молодой или молодой иди въ монахи“) [2]. Бывали случаи, что женили мальчика еще неспособнаго къ исполненію супружескихъ обязанностей. Въ с. Славотинѣ Мариновъ встрѣтилъ случай поразительнаго несоотвѣтствія возраста между мужемъ и женой: „женщина лѣтъ 20—25 сильная, красивая подошла къ сѣну, взяла на руки уснувшаго мальчика, отнесла и положила на постель подъ кошъ. Невозможно было предположить, что это ея ребенокъ; для этого она была еще молода и кромѣ того одѣта въ костюмъ молодушки. Я рѣшился спросить, кто у ней мужъ. Это сноха моего брата, отвѣчалъ мнѣ хозяинъ; зимой была свадьба, а хозяинъ ея—мальчикъ, котораго она отнесла на постель“. Бракъ былъ совершенъ, по признанію отца, для того, чтобы имѣть работницу [3]. Въ особенности часто такіе браки имѣютъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяйка дома умерла и въ домѣ нѣтъ работницы [4]. На тѣ мотивы, которые могли вызывать необходимость ввести въ домъ постороннюю работницу, указываетъ болгарская формула, въ которой съ точки зрѣнія матери заключается цѣль женитьбы сына: привести ей замѣну [5].

Экономическія условія могли вызвать стремленіе ввести постороннюю женщину въ качествѣ постоянной работницы въ матріархальную семью; тѣ-же экономическія условія могли

[1]) Бассановичъ. l. c. 33. Бобч. l. c. 100. Казанлъшко. Rog. l. c. 155 Ljes.

[2]) Старозагорско. 101. «Ожени се младъ, да имашъ синъ като братъ» Мариновъ. Жива Стар. III, 8, 10. Славонія. Bogišić. l. c. 252. Ср. 155 Т. Р.

[3]) Мариновъ. l. c. III, 9. Ср. «Мордва». Ср. Bogišić. l. c. 152. Stub. 155. Ljes. Возьми жену чтобы она носила тебя на рукахъ».

[4]) Министерство исповѣданій обращало въ 1890 г. на это явленіе вниманіе администраціи, но безъ успѣха. Д-ръ Балджиевъ. Студия врху нашето персонално сьпружественно право.

Сб. М. IV, 160. пр. 4, 5.

[5]) Сб. М. I, 6.

опредѣлить и положеніе этой посторонней женщины. Указаніе на то, какъ подъ вліяніемъ этого факта могло оно складываться, даетъ намъ одно изъ явленій современной жизни южныхъ славянъ—такъ называемое домазетство. Относительно патріархальнаго характера современной юго-славянской семьи, относительно подавляющаго преобладанія мужа надъ женой не можетъ быть никакихъ сомнѣній, но вотъ мы наталкиваемся на характерное исключеніе—на подчиненное, приниженное положеніе зятя, принятаго въ домъ—домазета[1]. „Хорошо ему, какъ зятю-влазню" (добре му като зетя на кѫща)—говорятъ болгары, когда хотятъ обозначить чье нибудь тяжелое положеніе. И въ самомъ дѣлѣ, положеніе домазета не изъ пріятныхъ. Домазетъ—чаще всего сирота—или человѣкъ выгнанный изъ своей задруги (битанка), входитъ въ домъ, гдѣ дочь является единственной наслѣдницей всего имущества. Церковь, дѣйствующая во имя абстрактныхъ нормъ, и ему представляетъ власть надъ женой, но жизнь строитъ его отношенія примѣнительно къ экономическому положенію. Въ томъ домѣ, въ который онъ вошелъ, нѣтъ ничего, что̀ принадлежало бы ему и онъ не можетъ ничѣмъ распорядиться: онъ не имѣетъ голоса въ управленіи имуществомъ, не смѣетъ налить чашку вина, продать яйцо, съѣсть головку лука. Пока живъ тесть, все хозяйство находится въ рукахъ этого послѣдняго: умираетъ тесть, въ его права вступаетъ дочь, жена домазета: она всѣмъ распоряжается, покупаетъ, продаетъ; ея мужъ молчитъ и покоряется. Въ случаѣ раздора жена выгоняетъ его изъ своего дома[2]. Рождаются у такой пары дѣти и они называются по матери, даже мужъ называется именемъ жены[3].

Въ результатѣ имущественныхъ преимуществъ жены надъ мужемъ влазнемъ оказывается такимъ образомъ при господствѣ патріархальныхъ идей полное безправіе мужа, доходящее до того, что жена — глава дома—можетъ въ любой моментъ выгнать изъ него своего мужа, и это безправіе—точная кар-

---

[1]) Pripuz, uljez. Bogišie, l. c. 275.

[2]) Балджиевъ. l, с. VIII, 200.

[3]) Мариновъ. Жива Ст. II. 200—201. Ср. Бобчевъ. l. с. «Да те чува Господь от майка мащихѫ и жена от приведъ». 286. Принятіе фамиліи: 289. Bogišic. /. с. 275. 276.

тина того положенія, въ которомъ находится въ современной патріархальной семьѣ женщина. Трудно предположить, чтобы такая полная аналогія положеній не обусловливалась дѣйствіемъ одной и той же причины. А причина эта имѣла, несомнѣнно, мѣсто при томъ способѣ пріобрѣтенія женщины который могъ практиковаться всего чаще въ праславянскій періодъ—при похищеніи ея.

Похищеніе дѣвушки и теперь практикуется у южныхъ славянъ и въ самыхъ примитивныхъ своихъ формахъ.

Къ похищенію сербы и болгары прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣвушка не расположена выходить за того или другого молодого человѣка или ея родные не желаютъ ее выдать. Въ Македоніи въ такомъ случаѣ молодой человѣкъ сначала высматриваетъ, куда дѣвушка ходитъ одна или въ сопровожденіи одной - двухъ подругъ, потомъ собираетъ отрядъ (чету) вооруженныхъ пріятелей-побратимовъ и нападаетъ на дѣвушку; двое побратимовъ продѣваютъ ей за поясъ палку и несутъ, поднявши на плечи, въ лѣсъ; здѣсь парень подъ охраной товарищей проводитъ съ ней нѣсколько ночей съ согласія или безъ согласія, и затѣмъ увозитъ домой[1].

Въ Добрычѣ, въ Старой Загорѣ дружина разбиваетъ двери, врывается въ домъ дѣвушки, если она не показывается на улицѣ, и уводитъ ее отсюда насильно[2]. О подобныхъ же сценахъ, соединенныхъ съ убійствами разсказываютъ сербскія пѣсни[3]. У Шоповъ похищеніе однимъ селомъ невѣстъ

---

[1]) Бобчевъ. l. c. 177. Bogišic. l. c. 193. Т. Р.

[2]) Ibid. 175, 178. Влѣканье. завлѣканье. Ср. Волковъ. Свадебные обряды Болгаріи. Э. О. 1895, IV, 15. Любеновъ. Баба-Яга. 74.

[3]) Пиjу вино тридест мартоноша
Међу њима нежен Воине
. . . .
У Ивана лјепу сестру кажу,
Просио сам, али ме не даду,
Мамио сам, али не ће за мном,
Да идемо, да jе отимамо.
Онда скочи тридест мартоноша,
И узеше танке шаjке лађе
И одоша двору Иванову,
Танке шаjке за двор привезоше,
А барьаке нуз двор притонише.

у другого составляетъ норму, обязательный обычай[1]. Въ болгарскихъ пѣсняхъ рисуются сцены похищенія менѣе сложныя: охотникъ хватаетъ дѣвушку, бросаетъ ее себѣ за спину на лошадь и везетъ домой[2]; торговецъ, возвращаясь съ дружиной, дѣлаетъ на дѣвушку облаву[3].

Въ Цетиньѣ похищеніе еще въ началѣ текущаго столѣтія было такимъ обычнымъ явленіемъ, что дѣвушки должны были по требованію родителей не оставаться внѣ дома до поздняго вечера[4].

Въ Босніи похитители вынуждаютъ дѣвушку слѣдовать за ними, угрожая ей ножемъ или ружьемъ. Иногда при похищеніи сталкиваются двѣ „четы" похитителей и дѣвушка послѣ упорной борьбы между ними достается сильнѣйшей сторонѣ[5]. Лилекъ приводитъ слѣдующіе характерные случаи похищенія. Дѣвушка жала съ братомъ въ полѣ; юнакъ под-

---

Бојна копльа у двор udариша
. . . .
Свег Ивана на сабльe разнесе
И отеше сестру Иванову
Свезаше јој наопако руке
И одоше двору певајући.
Карад. Пјесме. I, 551.
Седе Бгдан с'сејом вечерити,
Заборави затворити врата,
Ал'на врата Ишерјија јева,
Засукао руке до лакати,
Он погуби Льутицу Богдана
Пак узимнье сеју Богданову.
Ibid. 552.

1) Bogiš. l. c 195.

2) И фана іа дѣсна ржка
Та іа фжрли коньу сапа
Па си оіда на дворове
От порта се проаикнује
Ивлес моја сестра мале
Ето тебе јодменица
Сб. М. I, 6.

3) Ibid. V, 20.

4) Bogiš. l. c. 191.

5) Бм. Лилекъ. Женитба и удадба у Босни и Херцеговини. ГЗМ. 1898, 8.

карауливалъ ее по близости. Когда братъ ушелъ домой, юнакъ обратился къ дѣвушкѣ съ предложеніемъ добровольно слѣдовать за нимъ; дѣвушка отказалась, юнакъ завязалъ ей ротъ и насильно увлекъ ее въ ближайшій лѣсъ, гдѣ его ждали товарищи, а оттуда домой. Въ другомъ селѣ дѣвушку похитили, когда она доила коровъ въ загонѣ. За похитителями бросились въ погоню родные, началась перестрѣлка. Когда одинъ изъ преслѣдователей былъ раненъ, другіе пригласили на помощь сосѣдей, но похитители отбились и бросились съ дѣвушкой въ лѣсную избушку, которая находилась часахъ въ двухъ ходьбы отъ деревни. Еще на пути юнакъ при помощи товарищей совершилъ надъ дѣвушкой насиліе. То же самое въ теченіи трехъ сутокъ продѣлывалъ онъ при помощи своихъ товарищей въ лѣсу, пока ихъ всѣхъ не арестовали жандармы. Не мало такихъ дѣлъ поступаетъ въ уголовные суды, учрежденные австрійцами въ Боснѣ и Герцеговинѣ[1].

Появленіе посторонней женщины въ матріархальной славянской семьѣ создавало почву для возникновенія новыхъ семейныхъ отношеній, но эти новыя отношенія могли закрѣпиться только съ началомъ индивидуальнаго обладанія похищенной женщиной, и не безъ борьбы. Отголоски этой борьбы между исключительнымъ правомъ одного и правомъ всѣхъ членовъ рода не похищенную можно еще отмѣтить въ современномъ брачномъ ритуалѣ.

Въ Болгаріи, въ татаръ-пазарджикскомъ округѣ, молодой, вступая въ брачный покой, гдѣ ждетъ его молодая, долженъ выдержать символическую борьбу съ парнями своей деревни, которые не уступаютъ ему молодую женщину; въ отдѣльныхъ случаяхъ символика уступаетъ мѣсто вполнѣ реальной дракѣ, которая кончается безпамятствомъ, а иногда и смертью молодаго[2]. Въ Лѣсковцѣ во вторую ночь послѣ брака молодая должна встать около полночи и одарить всѣхъ родныхъ мужа; затѣмъ ее на недѣлю отдѣляютъ отъ мужа и она спитъ розно[3]. Обычай этотъ можно только понять, какъ переживаніе былого пользованія снохой со стороны всѣхъ членовъ семьи.

---

[1] Лилекъ. l. c. 9—10.

[2] Бобчевъ. l. c. 226. Въ сербскихъ пѣсняхъ деверь-чужакъ выступаетъ иногда конкуррентомъ молодого и убиваетъ его. Кар. I, 599.

[3] Bogiš. l. c. 260.

Въ Далмаціи въ синьскомъ и задарскомъ округахъ невѣста при вступленіи въ домъ мужа и предъ отправленіемъ въ „ложницу" должна перецѣловать всѣхъ мужчинъ рода даже мальчиковъ (только мужчинъ)[1]; въ Сремѣ вечеромъ въ день привода молодой въ домъ жениха начинаются игры и каждый желающій играть съ молодой платить куму деньги; послѣднимъ играетъ молодой и убѣгаетъ среди разгара игры съ ней въ спальню[2]. Утромъ молодая цѣлуетъ всѣхъ задругарей[3]; въ Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи первыя ночи въ домѣ своего мужа молодая женщина проводитъ съ деверемъ или деверями[4] Въ послѣднее время это, конечно, символика: и молодая и деверь спятъ, не раздѣваясь. Можно предполагать, однако, что символъ замѣнилъ былыя реальныя права деверя.

Какъ выраженія семейнаго пользованія женщиной слѣдуетъ считать и снохачество, неизбѣжно при женитьбѣ малолѣтнихъ[5].

Указателемъ на то, что женщина исподволь переходила въ обладаніе одного мужчины служитъ относительная свобода, которой пользуются молодыя женщины въ первое время послѣ замужества („невјести скоро доведени"). Онѣ подобно дѣвушкамъ участвуютъ въ играхъ и, кажется, допускаютъ тѣ-же вольности, что и дѣвушки[6].

---

[1]) Bogišić. l. c. 245.

[2]) Ibid. 251.

[3]) Ibid. 243.

[4]) Ibid. 248, 250. Отношенія снохи къ деверю въ старинныхъ пѣсняхъ сохраняли особенно тѣсный интимный характеръ и послѣ брака. Деверь сопровождаетъ сноху на коло и спитъ съ ней по возвращенія съ него:

Кад ли се коло развргло,
И све су младо поспало!
Сестрица свака уз брата,
А свака шћерца уз тајка,
Снашица свака с ђевером.

Кар. I, 239.

У Болгаръ (въ пѣсняхъ) невѣста въ случаѣ ночевки на пути въ домъ жениха спитъ съ деверемъ. Сб. М. Ср. у сербовъ, Кар. I. 41. 598.

[5]) Мариновъ. l. c. III, 10.

[6]) Снашице ме потворише
А дјевојке уватише.

Процессъ, путемъ котораго общее обладаніе похищенной женщиной замѣнилось у славянъ индивидуальнымъ, намѣчается достаточно переживаніями: права всѣхъ мужчинъ семьи постепенно сокращались въ пользу одного; сначала получило ограниченіе время общаго участія въ обладаніи молодой женщиной въ пользу молодого, затѣмъ самое участіе утратило свои обидныя для мужа формы, выражаясь въ поцѣлуѣ или символическомъ раздѣленіи ложа.

Семья, сложившаяся изъ нѣсколькихъ братьевъ, обладающихъ похищенными женщинами на началахъ болѣе или менѣе индивидуализированнаго пользованія, стоитъ уже на порогѣ новаго, патріархальнаго порядка. По смерти матери она можетъ распасться и ея отдѣлившіяся части образуютъ уже семьи патріархальнаго типа—съ устойчивыми сравнительно отношеніями мужа и жены, съ преобладаніемъ перваго надъ второй.

Въ патріархальной семьѣ, зарождавшейся на почвѣ похищенія женщины, стояли на очереди двѣ крупныхъ перемѣны: 1) въ правовыхъ отношеніяхъ мужа и жены, 2) дѣтей и отца. Пріобрѣтенная путемъ похищенія женщина-работница становилась вещью своего мужа, по отношенію къ которой онъ могъ пользоваться всѣми правами хозяина. На почвѣ пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ правъ зараждается этика патріархальной семьи: мужъ выступаетъ собственникомъ тѣла женщины и присваиваетъ себѣ право карать ее за невѣрность.

Устойчивость союза между мужчиной и похищенной имъ женщиной, не связанными еще никакими нормами, опредѣлялась наличностью ихъ физіологическихъ отношеній и сотрудничества: она прекращалась, когда одна сторона должна была перемѣной жительства на неопредѣленное время разрушить фактическую связь или когда болѣзнь дѣлала ее невозможной[1]. Въ болгарскихъ хайдуцкихъ пѣсняхъ не рѣдко изображаются подобныя послѣдствія ухода мужа въ хайдуки. Мужъ прощается съ женой, проситъ ее ждать его, но жена тотчасъ

У гвожђе ме поставише
С једном ногом уз дјевојку
С другом ногом уз снашицу.
Кар. I, 525. Ср. V, 332.

[1]) Балдж. IV, 170, пр. 171.

послѣ его ухода переходитъ къ другому мужу[1]. Болѣзнь мужа также является основаніемъ того, что союзъ мужчины и женщины расторгается[2]. Тѣ же явленія имѣли мѣсто, когда

[1]) Фторник му абер достигна
От вѫрх от Стара-планина...
Млади войвода да биде
Петар си рано станува
И на невѣста говори
. . . .
Ето аз невѣсто тѫргнувам
Добре да си ме чекала
И стана Петар отиде
Кога е била в утринта....
Силна се битка започна....
Три дни се били на срешта
От триста ильада татаре
Тринаіесет души остале
Петар се назад повѫрне
. . . . ,
Майка на Петра говори
Твоіто се льубе ожени
На другьи мужа отиде.
Сб. М. II. I/121.
Да Бог . . . .
Да стару мajку живу заточеш
А верну љубу у белом двору
У белом двору, али у другом,
У другом двору, за другом рабром.
Кар. Пjесме I, 506. Ср. II, 164.

[2]) Болен Гьорги болен лежи
Не іумира не оздрава
Дене леже, ноште оди.
Ношто оди по планины
Та са бие сѫс змеіове
Сѫс зміове сѫс іунаци
Пак си дума Гьорговица
Еі та тебе болен Гьорги!
Даі ми прошка, да са жена
Да са жена, да са дома
Болен Гьерги отговара
Еі та тебе Гьорговица
Проста даси, іожениса,

старѣлась или дѣлалась болѣзненной женщина[1].

Не стѣсненный болѣзнью мужъ пользовался своими правами на жену-собственность безъ всякаго ограниченія: могъ ее продать, заложить[2], убить въ случаѣ безплодія[3].

Ако найдеш друга либе
По-іунашке и іот мене.
Сб. М. XIV. I/75—76.

Залежа се болен Божко
. . . .
Отговара Божку перво либе:
Іа умараі, іа се дигаі
Іа ме прости да се жена
. . . .
Іа сам іунак намерила.
Сб. М. IX, I/11.

[1]) Jованчо Мариіки думаше:
Либо-Мариіке, Мариіке!
Што не си. либе, убава,
Като прѫвата година.
. . . .
Ја даі ми прошка; Мариіко,
Либе убаво да дира.
Сб. М. XIV. I/47. Вар. ib. 44.

[2]) Ти имаш булчи хубаво,
Аку си булчи заложиш,
Давам ти пари на заим.
Ib. I. I/49.

[3]) Маікьа Стоіану говоре
Сине Стоене, Стоене
Ја прости, сине, Петкана
Стига ја води бездетка,
. . . .
Стоян си маікьа послуша
Па на Петкана говоре:
Либе, Петкано, хубава
Измети равни дворове
Че ште да доде, да доде
Да доде Петро косапче,
Имаме крава јалова
Кравата да заколеме.
А Петкана му говоре:
Либе Стоіане, Стоіане
Немаме крава іалова
Тиве щте мене да колеш.
Сб. М. XV, I/21.

Другая перемѣна касалась положенія дѣтей. Въ матріархальной семьѣ дѣти были собственностью матери; въ семьѣ патріархальной они вмѣстѣ съ матерью переходятъ въ собственность отца и этотъ послѣдній долгое время одинъ рѣшаетъ ихъ „быть или не быть“. Въ періодъ нераздѣльной жизни аріевъ жизнь и смерть новорожденныхъ зависѣла отъ отца. Пережитки этого состоянія наблюдаются у отдѣльныхъ членовъ арійской семьи долгое время спустя послѣ раздѣленія: у индусовъ, римлянъ, грековъ, германцевъ отецъ произносилъ приговоръ надъ судьбой новорожденнаго, давалъ ему жизнь, поднимая его съ земли, или осуждалъ на смерть, отвергая его (по преимуществу больныхъ, уродливыхъ и дѣвочекъ). Наблюдаются эти пережитки и у южныхъ славянъ.

Судьба новорожденнаго, отношеніе къ нему опредѣляется, какъ и въ праарійскій періодъ, его физическими качествами и поломъ. Современные факты даютъ право предполагать, что особеннымъ опасностямъ подвергалось существованіе ребенка, родившагося съ какой-нибудь отмѣткой (белегъ) или уродливостью. Уродливые дѣти считаются предвѣстниками бѣдствій для семейства или цѣлой общины и обычай требуетъ, чтобы такія дѣти были убиты[1]. Болѣзненные оставляются (въ настоящее время временно, символически) у дверей церкви[2]; туже судьбу испытывали и незаконнорожденные.

Но мать не разомъ теряетъ свои права на дѣтей. И при новомъ строѣ отношеній остаются условія, когда отецъ признаетъ права матери опредѣлять до извѣстной степени судьбу дѣтей. Источникомъ правъ, которыя остаются у матери, является актъ рожденія. Этотъ актъ даетъ матери мистическую силу надъ ребенкомъ. По праву рожденія мать сама лечитъ изуроченнаго ребенка: я родила тебя, я и прогоняю отъ тебя уроки. При трудныхъ родахъ мать обрекаетъ младенца, имѣющаго родиться, на какой нибудь богоугодный подвигъ—обуть бѣдняка, воспитать сироту, проработать нѣсколько лѣтъ въ церкви или монастырѣ[3].

Отецъ не оставилъ безъ вниманія этого правового ис-

---

[1]) Мариновъ. l. c. III, 172—173. Ср. II, 34.
[2]) Бобчевъ. l. c. 214.
[3]) Бобчевъ. l. c. 276.

точника и пытался симулировать его. Въ Еленскомъ округѣ при усыновленіи отецъ сдавливаетъ воротъ усыновленнаго и произноситъ: „сынъ мой—ты, теперь я родилъ тебя[1].

Въ моментъ рожденія права матери сталкивались съ правами отца, который могъ дать ребенку жизнь или осудить его на смерть, и мать стремилась скрыть ребенка отъ глазъ отца. Можно думать, что пережиткомъ этихъ былыхъ отношеній является извѣстный уже намъ обычай передавать новорожденнаго младенца на временное питаніе какой нибудь родственницѣ или сосѣдкѣ[2]

Воспоминаніемъ объ опасности, которая угрожала дѣвочкѣ, является характерная фраза, вырывающаяся при вѣсти о ея рожденіи „ахъ дѣвочка! ну пусть живетъ и она; и дѣвочки нужны“[3]. И дѣвочкѣ, дѣйствительно, только какъ бы изъ снисхожденія дарится жизнь: рожденіе мальчика знаменуется пиромъ, рожденіе дѣвочки проходитъ, какъ заурядное явленіе[4], при ея появленіи на свѣтъ „и крыша плачетъ“[5].

Положеніе дѣвочки въ семьи измѣняется когда похищеніе женщины смѣняется куплей. Въ Македоніи дѣвочкѣ радуются больше, чѣмъ мальчику: родилась даровая работница, которая будетъ служить семьѣ лѣтъ до 30 и потомъ можетъ быть съ выгодой продана[6].

Съ возростомъ дѣтей права отца находятъ себѣ новое выраженіе: мальчики становятся работниками и пріобрѣтаютъ цѣнность, которую можно реализировать путемъ продажи. Дѣвочка въ дополненіе къ этой цѣнности пріобрѣтаетъ интересъ съ точки зрѣнія половаго инстинкта. Въ настоящее время она свободна отъ посягательства отца, но было время, когда и для отца „красивая дѣвушка не была родней“[7].

---

1) Бобчевъ. l. с. 287.
2) Ibid. 282.
3) Ibid. 278, 282.
4) Ibid.
5) Ibid. 279.
6) ibid.—«жетварка», «масторица«. 280.
7) Радина мама іумира...
Та на си Ради варуча...
Кога си іумра, Радо ле,

Хранителемъ дѣвства своей дочери отецъ сталъ съ того момента, когда дѣвство это пріобрѣло цѣнность и стало приносить отцу болѣе или менѣе крупную выгоду[1], а это случалось когда похищеніе женщины уступило мѣсто куплѣ. Купля женщинъ—часть наслѣдства, вынесеннаго славянами изъ праарійскаго періода. Она пріобрѣла значеніе—и значеніе преобладающее—съ того времени, когда у арійца оказалось въ рукахъ болѣе или менѣе прочно принадлежащее и всѣмъ нужное имущество въ видѣ скота. Обмѣнъ скота на женщину представлялъ операцію, менѣе рискованную, чѣмъ похищеніе, и новая форма пріобрѣтенія женщины исподволь завоевывала для себя почву.

Пріобрѣтеніе женщины путемъ купли практиковалось широко въ періодъ праславянскій и вмѣстѣ съ похищеніемъ было принесено юж. славянами на балканскій полуостровъ. По аналогіи съ тѣмъ, что имѣло мѣсто въ древней Руси, по аналогіи съ тѣмъ, что имѣетъ мѣсто на балканскомъ полуостровѣ теперь, можно предположить, что оба способа имѣли мѣсто одновременно—въ зависимости отъ различныхъ условій, характера отдѣльныхъ племенъ, уровня экономическаго развитія, вліянія чуждыхъ элементовъ.

Черна си крѫпа забрада
Бьало си лице потевни,
Башта си въ очи не гладаj
Че е башта ти курварин,
Курварин. Радо, влѫхварин...
Рада баштици думаше...
Аіде са, теіне, ожени,
Маіка маштеха довели...
Теіно са Рада думаше:
Ходих си, Радо. дирих си,
Маjкината ти прилика
Маjкината ти и твоіта
Ала jа, Радо, не наідох,
Тебе шта, Радо, да зема.
Сб. М. XIV, I/65.

[1]) Плата за дѣвственность невѣсты составляетъ достояніе отца—агарлык, «баштино право»—и, по предположенію нѣкоторыхъ изслѣдователей, составляетъ его вознагражденіе за то, что онъ не воспользовался ею. Волковъ. I. с. 230.

На Западѣ полуострова у сербо-хорватовъ купля, видимо, не имѣла широкаго значенія: здѣсь отъ похищенія переходили въ браку по соглашенію, которое сопровождалось не платой за невѣсту ея семьѣ, а приданымъ въ ея пользу со стороны ея родителей и подарками со стороны семьи жениха. На в. у болгаръ купля сдѣлалась преобладающей формой пріобрѣтенія женщины—можетъ быть, не безъ вліянія тюркскихъ кочевыхъ племенъ, которыя смѣняли одно другое въ с. Болгаріи.

Купля сохраняетъ здѣсь по мѣстамъ свой характеръ во всей чистотѣ. Актъ, которымъ устанавливается союзъ между молодыми людьми,носитъ характерное названіе „мена" (ср. годеж—уговоръ): отецъ жениха привозитъ съ собой сообразную съ своими средствами сумму и выкладываетъ ее исподволь—монета за монетой—на столъ; отецъ невѣсты считаетъ и, если сумма не доходитъ до назначенной имъ мысленно цѣны, требуетъ прибавки: „още, свате, още!"[1]

Годежомъ или меной бракъ-сдѣлка фактически заканчивается: дѣвушка принадлежитъ опредѣленному человѣку и теряетъ право ходить туда, гдѣ эти права могутъ потерпѣть ущербъ—„на воду, на хоро, у говеда"[2].

Въ настоящее время деньги все чаще и чаще замѣняются дарами. Какъ часть платы за дѣвушку слѣдуетъ, несомнѣнно, разсматривать и тѣ продукты, которые должны доставить для пира отецъ жениха, когда пріѣдетъ за невѣстой[3]. Торгъ между представителями двухъ семей имѣетъ самый безцеремонный характеръ: „это не договоръ относительно брака, относительно человѣка, говоритъ Мариновъ; дѣло ведется, какъ на базарѣ при покупкѣ лошади или коровы"[4]. „Добра е крава"—говоритъ болгаринъ-отецъ, выхваляя дочь[5].

Съ момента уплаты мужъ вступаетъ въ обладаніе купленной женщиной: брачное сожительство получаетъ мѣсто раньше, чѣмъ заключенный союзъ благословленъ церковью[6].

[1]) Мариновъ. Ж. С. II, 63.
[2]) Ibid. 66.
[3]) Ibid. «Продай си волове, та си купи невѣста».
[4]) Ibid. 64.
[5]) Балджиевъ. l. c.
[6]) Балджиевъ. l. c. VII, 125. Прим. Ср. Bogišić. l. c.

Съ возникновеніемъ купли этика семьи осложняется новыми требованіями. То нераздѣльное обладаніе женщиной, на которое уже предъявляетъ права мужъ-похититель, распространяется теперь и на предшествующій сватовству періодъ ея жизни: дѣвственность является условіемъ „мѣны". Плата удерживается отцомъ, если дѣвушка сохранила ее, и возвращается въ противномъ случаѣ: отецъ долженъ возвратить плату за дѣвственность (момичнину), подарки, сдѣланные женихомъ-покупателемъ семьѣ невѣсты или принять дочь обратно[1] при позорныхъ церемоніяхъ; если ея соблазнитель при этомъ становится извѣстнымъ, требованія вознаградить обманутаго мужа и его семью за понесенные убытки предъявляются къ нему, независимо отъ того, удерживаетъ свою жену молодой у себя или прогоняетъ ее.

Требованія предъявляемыя къ товару оказываютъ вліяніе прежде всего на отношенія отца къ дочери: они исключаютъ его половыя притязанія на дочь.

Невыгоднымъ для положенія женщины въ семьѣ спутникомъ купли является полигамія. Количество женщинъ, которымъ могъ располагать мужчина, становится при куплѣ въ прямую зависимость не отъ молодечества, а отъ покупательныхъ способностей мужчины. Полигамія засвидѣтельствована историческими документами у древнихъ болгаръ и сербовъ. Въ числѣ вопросовъ, которые были поставлены папѣ Николаю болгарами стоитъ: „можно ли имѣть двухъ женъ, и если нельзя, то какъ поступить съ имѣющими?" (51). Болгары ставали его не изъ празднаго любопытства: въ числѣ новообращенныхъ пословъ князя Бориса къ папѣ былъ человѣкъ, имѣвшій двухъ женъ, и онѣ обѣ совершали съ нимъ путешествіе въ Римъ. Въ монастырѣ сѣв. итальянскаго городка Чивидале хранится, какъ святыня, рукопись евангелія, приписываемая евангелисту Марку. На поляхъ этой рукописи писали свои имена благочестивые пилигримы, проходившіе черезъ городокъ, и въ числѣ этихъ именъ мы находимъ: „изъ

[1] Балджиевъ. I. с. IV, 189. Любопытныя аналогіи съ этими порядками оказываются у нашихъ киргизовъ.

Болгаріи первый пришелъ въ этотъ монастырь Сондоке и жена его Анна.... и другая жена его Собеслава"[1].

У сербовъ еще въ XII в. констатируется многоженство. На соборѣ, который былъ собранъ Неманей противъ богомиловъ, было много двоеженцевъ и многоженцевъ[2]. Съ многоженствомъ встрѣчаемся мы и въ народныхъ болгарскихъ пѣсняхъ[3]. Полигамія допускалась формально въ Болгаріи греческимъ духовенствомъ. Корреспондентъ Богишича изъ Лѣсковца сообщаетъ о случаѣ имѣвшемъ мѣсто на его глазахъ: чорбаджія Димо Кушевъ при жизни состарѣвшейся жены задумалъ жениться на другой; епископъ Ловченскій Илларіонъ пригласилъ старуху и спросилъ ее, согласна ли она на второй бракъ мужа; она выразила согласіе и осталась у мужа послѣ того, какъ епископъ и община разрѣшили ему взять другую жену[4]. Въ Черногоріи двоеженство допускалось до недавняго времени обычаемъ. Въ XVIII в. его констатируетъ относительно И. Петровича князь Долгорукій. „Одинъ изъ Петровичей женился на другой по добровольному соглашенію первой жены, которая сохраняетъ по прежнему всѣ добрыя отношенія, какъ со стороны мужа, такъ и со стороны ея родни и постороннихъ; иногда это случалось, когда не было дѣтей мужескаго пола[5]", говоритъ Ровинскій.

Для огромной власти отца надъ дѣтьми уже съ X вѣка констатируются границы. Дѣти пріобрѣтаютъ въ ю. славянской семьѣ извѣстныя права съ тѣхъ поръ, какъ становятся способными къ труду: отецъ съ трудоспособными дѣтьми об-

---

[1]) Rački. Slovenski a napose bugarski i hrvatski najstariji putnici ponajviše druge pol. IX st. RJA. LXII, 202. «De Bolgaria qui primus venit in isto monasterio nomen ejus Sondoke et uxor ejus Anua et pater ejus Johannes et mater ejus Maria.... et alia uxor ejus Sogesclava». Sondoke, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, по основательному предположенію Рачкого, есть одно и тоже лице съ болгариномъ Sundita, къ которому въ 879 г. писалъ папа Іоаннъ VIII.

[2]) П. Срећковић. Историја Српскога народа. II, 26.

[3]) Чолаковъ. Сборн. № 6. Илиевъ. Сборн. №№ 256, 259. женатый юнакъ похищаетъ дѣвушку и приводитъ въ свой домъ. Ср. Балджиевъ. l. c. IV, 175. Krauss Sitte und Brauch d. S. Slaven 228—244.

[4]) Bogišić. l. c. 187. Ср. Балджиевъ. l. c. 176. Въ случаѣ безплодія первой жены.

[5]) Ровинскій. l. c. I, 559.

разуютъ уже союзъ, осложненный коопераціей; трудъ дѣлаетъ дѣтей вмѣстѣ съ отцемъ хозяевами семейной собственности, даетъ имъ право такъ или иначе вліять на управленіе ею, въ особенности на отчужденіе, даетъ всѣмъ мужчинамъ семьи— въ X—XI вв. у хорватовъ и женщинамъ—право на равныя доли при дѣлежѣ[1]. Трудоспособность ребенка обнаруживается съ тѣхъ поръ, какъ онъ становится способнымъ пасти скотъ: съ 10 лѣтъ онъ перестаетъ уже считаться дитятей, надѣваетъ гащи и становится пастиромъ, въ 14—16 лѣтъ ему даютъ „мотыку въ руки"; онъ начинаетъ пріучаться къ полевымъ работамъ, считается уже за взрослаго и пріобрѣтаетъ право голоса въ рѣшеніи домашнихъ вопросовъ[2].—Связанная привычкой къ общему труду, успѣвшая оцѣнить выгоды коопераціи ю. славянская семья остается часто нераздѣльной, когда умираетъ отецъ, и превращается въ новую, покоящуюся уже только на солидарности экономическихъ интересовъ группу— задругу[3]. Такія явленія документально устанавливаются для хорватовъ съ X—XI вв.[4].

Задруга*) пріобрѣла въ соціологической и историко-

Примѣчаніе. Вопросъ о происхожденіи задруги въ послѣднее время подвергся пересмотру: высказываются предположенія, что задруга не чистый продуктъ естественнаго развитія семьи, а до извѣстной степени или даже исключительно результатъ финансовой системы, имѣвшей мѣсто на Балканскомъ полуостровѣ. Съ первымъ варіантомъ теоріи выступилъ сербскій ученый С. Новаковичъ въ книгѣ «Село». «Происхожденіе и развитіе задруги, говоритъ онъ, стоитъ въ несомнѣнной связи съ одной стороны съ государственной финансовой системой, съ другой съ общими культурными, моральными и правовыми понятіями народа (с.. 212)»; «количество и сила задругъ (въ старое время) зависѣли только отъ тогдашнихъ народныхъ и экономическихъ обычаевъ и государственной финансовой системы». (213).

Высказавши въ видѣ общей догадки эти основныя соображенія, Новаковичъ переходитъ къ ихъ разъясненію и доказательствамъ и на первомъ же

[1]) Bogišić. l. c. 25. Rački. Nutarno stanije Hrv. RJA. CV. . Смирновъ. Землевладѣніе etc. Ж. М. Н. П. T, CCXXXV.

[2]) Ibid. 72. H. C. B. on., 74 H. C. B. Kon. AZ. Gurg. Cp. gur, IX—XI вв. Rački. Nuturno Stanije Hrvatskoj etc. RJA CV, 215.

[3]) Экономическое значеніе задруги выступаетъ особенно ярко, когда ставится вопросъ о дѣлежѣ. «Дѣлежъ—нищенство», «больше рукъ больше плодовъ приносятъ», «согласные братья дворомъ огородились».

[4]) Rački. l. c. CV.

юридической литературѣ знаменитость не меньшую, чѣмъ

шагу сталкивается съ крупнымъ затрудненіемъ: «было-бы очень полезно, еслибы по нашимъ памятникамъ можно было опредѣлить, по какому принципу распредѣлялись въ средневѣковой Сербіи подати и *работы* (215)»; «къ сожалѣнію невозможно найдти какой нибудь устойчивый принципъ для работъ (натуральныхъ повинностей) и податей». (213) «Въ отношеніи распредѣленія работъ памятники достаточно неясны (219)». Соображенія о финансовой системѣ и ея вліяніи возможны, стало быть, только гипотетическія. Г. Новаковичъ мирится съ этимъ положеніемъ и высказываетъ безспорное, конечно, но не достаточно опредѣленное положеніе, что государство «естественно всегда стремилось какъ можно больше получать» а такая тенденція его «не могла быть благопріятной для задруги: государство заботилось больше о финансовыхъ интересахъ государства и властелей, чѣмъ о задругѣ и оказывало на развитіе ея отрицательное вліяніе, предписывая иногда раздѣлы (229)».

Владѣльцы прикрѣпленныхъ къ землѣ селяковъ также не имѣли интереса оберегать задругу, противную ихъ интересамъ. «Финансовые интересы верхнихъ общественныхъ слоевъ требовали возможно большаго числа домовъ (224). Только поборы въ пользу епископовъ производились по старому римско-византійскому обычаю съ дома или съ дыма (димнина, димница 214)».

Направленныя противъ задруги узаконенія идутъ съ XIV в., продолжаются въ турецкую эпоху: фирманъ 13 сент. 1766 гласитъ, что христіане могутъ соединиться въ задруги съ выборными старѣйшинами, но подъ условіемъ, чтобы отъ этого не уменьшалась платимая ими дань (200).

Обязанность селяка меропха относительно властеля землевладѣльца опредѣляются 47-мъ § законника Душана: «законъ для меропховъ: по всей землѣ должны работать 2 дня въ недѣлю проніару и давать ему ежегодно перперу цареву и заманицей одинъ день косить сѣно, одинъ день работать на виноградникѣ—у кого нѣтъ виноградника, работать другую работу»...

По мнѣнію Новаковича законъ этотъ можно толковать различно:

можно предполагать, что повинность, о которомъ въ немъ идетъ рѣчь, ложится на каждаго взрослаго меропха;

ничто не мѣшаетъ предположить и другое: что текстъ подъ меропхами понимаетъ только этотъ классъ людей, а для распредѣленія работъ внутри его могли дѣйствовать и другія правила, въ которыхъ обращалось больше вниманіе на домъ, чѣмъ на отдѣльнаго человѣка (216).

Съ такимъ взглядомъ на предметъ невозможно согласиться: законъ высокой важности для населенія долженъ былъ весьма точно опредѣлять обязанности меропховъ къ проніару; оставить въ немъ невыясненнымъ, долженъ-ли два дня въ недѣлю работать каждый взрослый человѣкъ или двѣ поденьщины требовались отъ дома, каковъ-бы ни былъ его личный составъ, не допускали ни интересы законодателя (одновременно съ работами въ статьѣ идетъ дѣло и о подати царю), ни интересы проніара, для котораго не без-

русская „община" и такъ же, какъ русская „община", мало

различно было требовались-ли двѣ поденьщины съ души или съ дома, ни интересы меропха, который также не прочь былъ считать свои поденьщины. Если предположить, что законодатель хотѣлъ дать точно опредѣленную норму отношеній меропховъ къ государству и проніару, а иного предположенія не допускаетъ достоинство кодекса, то § 47 можно понимать только въ одномъ смыслѣ: обязанности; о которыхъ идетъ рѣчь, ложатся на каждаго взрослаго человѣка. Въ пользу такого толкованія говоритъ предшествующій законодательству памятникъ; светостефанская хрисовуля свидѣтельствуетъ о стремленіи воспользоваться для цѣлей земледѣлія каждой рабочей силой; ремесленникъ, имѣвшій нѣсколько сыновей, могъ только одного приставить къ своему ремеслу, остальные должны были идти въ «работницы»; дѣти священника могли остаться въ домѣ отца только въ томъ случаѣ, если они обучились грамотѣ «изучили книгу»; неизучившіе должны были также уходить на сторону въ меропхи, если отецъ былъ сынъ меропха (226). Во всѣхъ дарственныхъ грамотахъ затѣмъ точно исчисляются взрослые мужчины того или другого дома; такой счетъ не имѣлъ бы смысла, если бы подати и работы распредѣлялись по домамъ, независимо отъ ихъ личнаго состава.

Законникъ какъ будто противополагаетъ поденщины, ложившіяся на домъ—точнѣе говоря неизвѣстно на кого—работѣ заманицей, въ которой должны были принимать участіе всѣ. Но противоположеніе это тоже одна догадка: Законникъ говоритъ о дополнительныхъ работахъ во время сѣнокоса и обработки винограда, когда нормальныхъ рабочихъ дней не хватало для нетерпящей отлагательства работы и въ опредѣленный владѣльцемъ день должны были являться всѣ живущіе на его землѣ люди и попъ и дьяконъ и отрокъ «и всаки майстори и сокальницы... кто може косу держати...» Цѣлесообразность этой части статьи долженъ былъ понимать каждый проніаръ, каждый меропхъ: проніару въ извѣстное время важно было не абсолютное число поденьщинъ, а то, чтобы данныя рабочія силы были въ его распоряженіи въ нужный моментъ.

Также неправильно толкуетъ г. Новаковичъ и другіе источники, которымъ мы располагаемъ относительно повинностей.

Свето-Стефанская хрисовулька (начала XIV в.) опредѣляетъ такой порядокъ работъ: «кто су меропси, да орју озиме рале три мати, а јаре две мати, а просу три мати... А виноградъ в с а к да копа и п о п и д ь а к и о т р о к и всаци м а й с т о р и ј е, јако и прочи работницы... а сено да косе јако меропси и с о к а л ь н и ц и и м а с т о р и ј е вси једнако; и на накосицу всак да излезе, кто може косу држати за један дан р а з в е п о п а, а коли буде на далеч да по један од кутте...» 218.

Хрисовулья совершенно точно опредѣляетъ обязанности меропха: онъ обязанъ выполнить опредѣленный у р о к ъ пашни, но во время обра-

извѣстна подъ своимъ ученымъ именемъ въ массѣ. Только

ботки винограда и сѣнокоса долженъ являться по требованію владѣльца со всѣми людьми, живущими на его землѣ, безъ различія классовъ; исключеніе дѣлалось только для лицъ, живущихъ далеко, которые больше теряли, сравнительно съ сосѣдями владѣльца и имѣли право на льготу. Новаковичъ толкуетъ это исключеніе въ томъ смыслѣ, что въ сѣнокосъ меропхи должны были являться всѣ поголовно, а остальныя работы производили съ дома—и безъ всякаго основанія.

Архангельская хрисовулья устанавливаетъ, что себры работаютъ два дня въ недѣлю «надимицомъ»; Сопоставляя другое мѣсто этой хрисовульи относительно «поповскаго бира», по которому онъ дается наодрицомъ, т. е. съ брачной пары (какъ у насъ руга съ в ѣ н ц а), Новаковичъ толкуетъ это мѣсто хрисовульи въ томъ смыслѣ, что властелю работалъ одинъ человѣкъ отъ дома, опуская изъ виду то обстоятельство, что при такомъ толкованіи повинности въ пользу попа оказываются больше, чѣмъ въ пользу земледѣльца—явленіе едва-ли возможное. Надимица, конечно, означаетъ работу отъ дома, но, какъ заманица, в с ѣ м ъ д о м о м ъ, всѣми взрослыми членами его независимо отъ того, женаты они или нѣтъ.

Въ числѣ формъ натуральной повинности рядомъ съ поденьщиной и помочью имѣетъ еще мѣсто «бедба». Смыслъ бедбы ясенъ изъ свето-стефанской хрисовульи: «бедбу да орју јесена једну, а б е д б е н а п л у г м а т.» Бедба пашни это опредѣленный урокъ на плугъ—мат.

Въ томъ-же смыслѣ урока бедба употребляется и въ грачаницкой повельѣ: «и ливаду наджребицомъ делече да косе бедбу накосицомъ»... т. е. раздѣливши лугъ по жеребью, косить уроки—участки поголовчо. Въ архангеловской хрисовульѣ бедба употреблена въ одномъ мѣстѣ въ смыслѣ какой-то не опредѣленной работы «бедбе данъ», въ двухъ другихъ въ смыслѣ урока пашни: «да ору цркви на Брњашчи... три дни јесени заманицом... и бедбу». т. е. (220) должны пахать церкви три дня помочью и обычный урокъ (бедбу); «и властеле који се обретају у цркве да ору всакаго жита бедбу» (т. е. подъ каждый хлѣбъ опредѣленный урокъ—участокъ земли).

Новаковичъ, приведя всѣ эти мѣста, дѣлаетъ совершенно неожиданный и ничѣмъ неоправдываемый выводъ: «ясно, что бедба есть работа, на которую выходилъ всякій безъ различія, заманицей», (221) т. е. что бедба—синонимъ заманицы.

Въ концѣ концовъ Новаковичъ приходитъ однако къ выводу, что главнѣйшія работы—пашня, молотьба, сѣнокосъ, обработка винограда производились заманицей—(219) и, стало быть, не имѣли никакого вліянія на тотъ или другой размѣръ задруги.

Отъ какихъ же работъ можно было укрыться подъ крышей задружнаго дома? Пашня до изданія Законника исполнялась или заманицей или поурочно; тотъ же порядокъ примѣнялся къ жнитву, молотьбѣ, ссыпкѣ зерна; на сѣнокосъ и на виноградники владѣлецъ гналъ всѣхъ сидѣвшихъ на его

кое-гдѣ въ Сербіи и Славоніи названіе это употребляется

землѣ, и сокальниковъ, и ремесленниковъ, даже представителей духовенства. Въ задружной семьѣ или одиночкой взрослый человѣкъ одинаково долженъ былъ выполнять рядъ нужныхъ владѣльцу работъ и не имѣлъ интереса жертвовать своей независимостью, своими вкусами, подчиняясь режиму задружной семьи.

Положительное вліяніе финансовой системы на развитіе задруги г. Новаковичъ усматриваетъ въ томъ, что Законникъ констатируетъ случаи, когда люди раздѣлившіеся хлѣбомъ и имѣньемъ, продолжали жить въ одномъ домѣ—очевидно съ цѣлью облегчить себѣ бремя повинностей и податей.

Но, истолковывая такимъ образомъ фактъ, нужно показать, что задруга, дѣйствительно, давала плательщику какія нибудь преимущества. Этихъ преимуществъ при внимательномъ анализѣ данныхъ собранныхъ г. Новаковичемъ относительно порядка распредѣленія податей и натуральныхъ повинностей не оказывается. Предлагаемое г. Н. толкованіе § 49 неизбѣжно, если изслѣдователь остается на почвѣ однихъ статей законника и актовъ, но если онъ обратится къ явленіямъ текущей жизни, то въ ней окажутся данныя для иного объясненія, иные факторы, чѣмъ «злая воля» плательщика. Современное финансовое законодательство Австро-Венгріи, Болгаріи и Сербіи еще менѣе средневѣковаго расположено къ задругѣ и считается относительно повинностей исключительно съ личностью, но въ Герцеговинѣ и теперь нерѣдки случаи, когда люди, раздѣлившись хлѣбомъ и имѣніемъ, или живутъ въ одномъ домѣ или сообща ведутъ хозяйство: люди или не могутъ по своимъ средствамъ раздѣлиться домами, потому что имъ не на что построить другой домъ, или не хотятъ, подчиняясь привычкѣ и удовлетворяются, точнѣе удовлетворяютъ своихъ женъ тѣмъ, что перегораживаютъ избу и ѣдятъ особнякомъ. Въ результатѣ нашего анализа оказывается, что связь между финансовой, старо-сербской системой и задругой г. Новаковичу установить не удалось.

Матеріалами и нѣкоторыми соображеніями Новаковича воспользовался чешскій историкъ-экономистъ г. Peisker, но воспользовался гораздо рѣшительнѣе... и еще менѣе основательно.

Пылкій представитель индивидуализма и трудовой теоріи собственности, г. Peisker въ статьѣ своей «Slowo o zadźure» поставилъ своей задачей уничтожить въ корнѣ одно изъ «основныхъ заблужденій современнаго соціально-историческаго изслѣдованія»—представленіе о старославянскомъ задружномъ коммунизмѣ. Для его окончательнаго ниспроверженія онъ пытается доказать 1) что въ современной задругѣ, нѣтъ и тѣни коммунизма, 2) что самая задруга на славянскомъ югѣ есть явленіе относительно новое. Въ чемъ заключается тотъ коммунизмъ, который оспариваетъ г. Peisker, выясняется на стр. 39: коммунизмъ предполагаетъ *равныя* права на общую землю; въ задругѣ права отдѣльныхъ членовъ опредѣляются степенями родства:

народомъ; на всемъ остальномъ пространствѣ Балканскаго

дядя беретъ столько земли при раздѣлѣ, сколько всѣ племянники (сыновья его брата) вмѣстѣ. Вопросъ о томъ, имѣетъ-ли мѣсто коммунизмъ въ югославянской задругѣ ставится такимъ образомъ въ зависимость отъ того, какъ дѣлится имущество между расходящимися членами задруги: дѣлится непоголовно—нѣтъ коммунизма; дѣлится поголовно—есть. Такой постановкой вопроса г. Peisker проигрываетъ на половину сраженье: преобладающій принципъ дѣленія задружнаго имущества—принципъ дѣленія по числу наличныхъ мужскихъ членовъ задруги (per capita). Богишичъ точно формулировалъ вопросъ о дѣлежѣ въ своей программѣ и получилъ рядъ опредѣленныхъ такъ-же точно отвѣтовъ:

Lik. Sad najviše dijele po muškim glavama (36. 332).

Stub. Načelo narodno je po glavama (333).

Žum. Ovgje se gleda u opce na muške glave.

Gra. Bro. Dijeli se sve na toliko jednakijeh dijelova, koliko živih muških ima, bili oni mali ili odrasli, mladi ili stari (ib.) Cet.

Stroš Dijele se po muškim glavama (336).

Zem. Svaki muškarac i najmanji dobiva svoj dio (ib.).

Dobr. Po muškim glavama pa ma bili odrasli ili nejaki.

Другіе корреспонденты Б. указываютъ на дѣленіе по числу братьевъ вообще, по числу женатыхъ братьевъ, но и здѣсь вниманіе къ правамъ отдѣльныхъ, малолѣтнихъ членовъ задруги выражается въ томъ, что брату обладающему большимъ количествомъ дѣтей дается иногда большій надѣлъ земли (336 Lik. 337. Sta. Pa. Zem.), иногда большая часть продуктовъ.

Равное вниманіе ко всѣмъ членамъ задруги выражается далѣе въ томъ, что при дѣлежѣ доли выдаются часто по жеребью (346).

Если раздѣлъ per capita г. Peisker считаетъ признакомъ коммунизма, то онъ имѣетъ очень мало основаній сказать: zkrátka v zádruze po kommunisma neni ani stinu (40). Г. Peisker напротивъ можетъ гордиться тѣмъ, что указалъ коммунизмъ тамъ, гдѣ его раньше не усматривали, а считались только съ экономическимъ результатомъ родственныхъ отношеній

Не лучше стоитъ дѣло и съ доказательствами того, что задруга есть явленіе относительно новое (главный тезисъ статьи).

Г. Peisker приписываетъ такой взглядъ на задругу С. Новаковићу, но сербскій ученый, какъ мы видѣли, высказывается и вообще осторожнѣе и по существу не въ пользу своего чешскаго поклонника. Г. Новаковић слѣдитъ за прошлой судьбой кучи-задруги до тѣхъ поръ, пока позволяютъ источники и окончательный итогъ своихъ наблюденій формулируетъ въ слѣдующихъ осторожныхъ выраженіяхъ: «било бы правильно очекивати, да је раније било много више обичных малих задруга, но што ихъ данас има, али веће многобројније задруге... били су... увек ретке и ако је и њих може бити, могло у старије доба бити више, него што их је данас...(211)..

полуострова и Подунавья для обозначенія той группы, къ

стара државна и властеоско—имовинска система није била поволна задрузи и да је често радила противъ задруге. Али ипак оновремене белешке показују да је задруге било и да се на неким местима, може бити на слободньим земльама или подъ повольним господарима развијала до приличне начине. *То је доказ, да је основица ньена у народному животу и у народној нарави, била јача*, и да је том снагом задруга избијала, гдѣ је год могла (247—8)». Задруга, стало быть, по мнѣнію Новаковича, представляетъ собою явленіе глубоко коренившееся въ природѣ народа и сохранившееся до нашихъ дней, не смотря на враждебныя ей тенденціи государства. По отношенію къ тому прошлому славянства, которое предшествовало возникновенію на юго-славянской почвѣ государства и фиска, мы, оставаясь на точкѣ зрѣнія Новаковича, имѣемъ основаніе предположить, что тогда были болѣе благопріятныя условія для существованія задруги и она могла имѣть такое бытовое значеніе, о которомъ теперь, при измѣнившихся политическихъ и экономическихъ условіяхъ можно только догадываться. Прибавимъ, что высказываясь такимъ образомъ Новаковичъ не принимаетъ въ разсчетъ фактовъ, извѣстныхъ въ литературѣ уже 25 лѣтъ. Говоря, что современные изслѣдователи сельской жизни между славянами Балканскаго полуострова не нашли никакихъ слѣдовъ задружнаго сельскаго владѣнія землей, Новаковичъ игнорируетъ факты сообщенные корреспондентами Богишича и Мариновымъ. Данныя Новаковича не заходятъ далѣе XII ст., но цѣпь фактовъ, изъ которыхъ складывается исторія задруги здѣсь не обрывается. Г. Peisker отъ сербскихъ хрисовуловъ переходитъ прямо къ VI в. и категорически заявляетъ, что задруга явилась у славянъ подъ вліяніемъ той финансовой системы, которую нашли славяне на почвѣ Имперіи: въ нѣкоторыхъ *азіатскихъ* провинціяхъ римской имперіи еще съ IV в. подушная или поголовная подать подверглась существенному измѣненію: за голову стала приниматься группа въ 2—3 мужчины или 4 женщины; кодексъ Юстиніана этотъ порядокъ распространилъ на всю имперію; вступая около этого времени на почву Балк полуострова, славяне нашли такимъ образомъ фискальный порядокъ, располагавшій плательщиковъ держаться группами, порядокъ, неизвѣстный имъ на родинѣ, гдѣ они жили въ бѣдныхъ, далеко одна отъ другой разбросанныхъ колибахъ.

Для того, чтобы установить такую связь между возникновеніемъ задруги и фискальной системой Римской Имперіи, нужно много условій, которыхъ г. Peisker не принимаетъ въ разсчетъ. Прежде всего нужно объяснить, какимъ образомъ римскій фискальный порядокъ могъ распространиться на славянъ. Если бы славяне были поселены на полуостровѣ византійцами, какъ подневольные колонисты, можно было бы допустить, что ихъ жизнь съ момента поселенія вошла въ приготовленное уже русло. Но славяне устраивались на полуостровѣ иначе: они были завоевателями, которымъ не было

которой этотъ терминъ прилагается въ наукѣ, служатъ слова:

никакого дѣла до порядковъ въ захваченныхъ земляхъ; да и порядки эти съ ихъ появленіемъ должны были рухнуть: припомнимъ, что предшественникъ Юстиніана Анастасій отдалъ почти весь полуостровъ на жертву славянамъ, отгородивши для себя только ближайшія окрестности столицы. Не вступая въ ряды плательщиковъ (censitores) имперіи, славяне не имѣли нужды приспособляться къ ея порядкамъ. Не могъ византійскій порядокъ сдѣлаться для нихъ и образцомъ при устройствѣ собственныхъ отношеній послѣ того, какъ они осѣли на полуостровѣ.

Въ пору завоеванія полуострова подать какого бы то ни было характера становилось выраженіемъ зависимаго положенія лица или класса, который ей былъ обложенъ: славяне-завоеватели могли взимать ее съ покореннаго и отчасти порабощеннаго населенія (вспомнимъ терминъ меропхъ, который стоитъ въ связи съ именемъ народа нероповъ); платить ее сами они были принуждены—въ массѣ—лишь тогда, когда спустя цѣлые вѣка соціальная организація измѣнилась, когда свободная однородная масса дифференцировалась и изъ нея выдѣлились племичи-ingenui съ правами принадлежащими когда-то всѣмъ свободнымъ людямъ и масса зависимыхъ, обложенныхъ повинностями людей. Процессъ этой дифференціаціи и точку ея отправленія можно возстановить, принимая во вниманіе правовыя воззрѣнія современныхъ черногорцевъ и исторію старо-хорватскихъ властельскихъ породицъ или колѣнъ. Черногорцы нашего времени—не могущіе понять, какія подати должны они платить, когда они свободны отъ турокъ—даютъ намъ понятіе о томъ, какъ могли, должны были смотрѣть на подать славяне VI в.; хорватскіе племичи XII в., считавшіе признакомъ своего соціальнаго положенія свободу отъ податей, представляютъ собою выразителей того юридическаго міровоззрѣнія, которое имѣло мѣсто въ пору заселенія Иллирика ихъ предками. При такихъ условіяхъ византійскіе порядки VI—VII в. не могли имѣть того значенія, которое приписываетъ имъ г. Peisker. Говорить о вліяніи византійской фискальной системы VIII и IX в. также нѣтъ достаточныхъ основаній: VIII и IX в. на В. представляютъ собою эпоху водворенія болгарскаго владычества. Владычество это принесло съ собою рядъ перемѣнъ въ соціальномъ положеніи населенія: славяне, временно утратили, вѣроятно, свое привиллегированное положеніе относительно туземцевъ и вмѣстѣ съ ними вошли въ ряды плательщиковъ, но какова была болгарская фискальная система, мы не знаемъ. На З. въ Приморьи и на С. между Дравой и Савой въ это-же время происходитъ борьба между византійскимъ и германскимъ вліяніемъ и не въ пользу византійскаго элемента: организація возникающаго въ это время хорватскаго государства носитъ несомнѣнные слѣды подчиненія германскимъ политическимъ формамъ; византійская власть, обаяніе римско-византійскихъ порядковъ чувствовались здѣсь только въ городахъ. При наличности такого слабаго вліянія римско-

куча [1]), hiža, obitelj, odžak, dim [2]); skladna braća [3]), zadružna

---

византійской государственности мы должны были-бы ожидать здѣсь явленій глубоко отличныхъ отъ тѣхъ, которыя наблюдаются въ Сербіи XII в. между тѣмъ хорватскіе акты IX—XI вв. даютъ намъ ту-же картину общественныхъ отношеній, что и Сербія XII в.: передъ нами та же крупная семья (genus, tribus) съ общимъ хозяйствомъ, съ равными правами всѣхъ членовъ, которыя выступаютъ при отчужденіи части принадлежащаго задругѣ имущества *). Хорватскіе акты, непринятые въ разсчетъ г. Peisker'омъ отодвигаютъ документальную исторію задруги до IX в. и даютъ намъ значительныя основанія признать ее явленіемъ независимымъ отъ римско-византійской фискальной системы; отъ эпохи появленія сербо-хорватовъ на полуостровѣ насъ отдѣляютъ только два столѣтія—столѣтія сокрушительной борьбы славянъ съ Византіей, въ теченіе которыхъ не могло быть и рѣчи о распространеніи на славянъ римско-византійской фискальной системы. Замѣтимъ еще два обстоятельства: 1) финансовая система, имѣвшая мѣсто въ Иллирикѣ и Ѳракіи даже неизвѣстна; мы знаемъ только, что со временъ Діоклетіана здѣсь была уничтожена поголовная подать, но что̀ ее замѣнило, это остается открытымъ вопросомъ, для рѣшенія котораго предлагаются только болѣе или менѣе удачныя догадки, 2) если бы византійская фискальная система имѣла такое глубокое вліяніе на развитіе ю. славянской общественной организаціи, мы должны были-бы встрѣтить на ю. славянской почвѣ явленія, соотвѣтствующія различнымъ видоизмѣненіямъ этой системы; между тѣмъ leges rusticae или νόμος γεωργικός, происхожденіе котораго относятъ къ VIII в., даетъ намъ право констатировать на византійской почвѣ въ видѣ податной единицы сельскую общину, которой принадлежитъ право собственности на обработываемую ея членами землю, которая могла-бы послужить образцомъ для возникновенія на славянской почвѣ явленія аналогичнаго съ нашей общиной—и такого явленія ни въ Сербіи, ни въ Болгаріи мы тѣмъ не менѣе не наблюдаемъ.

Обращаемся къ другому фактору, который, по мнѣнію г. Peisker'а опредѣлялъ возникновеніе задруги—къ системѣ распредѣленія той части натуральныхъ повинностей, которая носила у славянъ названіе работъ. Гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ г. Новаковичъ, г. Peisker утверждаетъ, что работы распредѣлялись будто-бы здѣсь, какъ и въ Византіи, не по земельнымъ

*) Подробности см. въ нашей статьѣ «Землевладѣніе въ Хорватіи и Далмаціи въ IX—XI вв.» Ж. М. Н. П. т. CCXXXV. Rački. Nutarno stanje Hrvatskoj. RJA CV, 213—215.

[1]) Bogiš. 6. Бобчевъ 27.
[2]) Ibid. 7.
[3]) Ibid.

kuća; rod [1]), rogia, poreklo [2]), челядь [3]), bratstvo [4]), pleme [5]), колѣно [6]), kucna družina [7]), drustvo [8]), skupčina [9]), ступанство [10]).

единицамъ, не по головамъ, но по домамъ—и это распредѣленіе вело къ тому, что въ одномъ домѣ старалось держаться возможно большее количество родичей. Между владѣльцами земли и селяками возникала такимъ образомъ борьба: владѣльцы стремились къ образованію мелкихъ хозяйствъ, селяки сбивались въ задруги, чтобы облегчить себѣ работы. Система могла, конечно, имѣть такое вліяніе, если бы только она была такою, какою ее изображаетъ г. Peisker; къ сожалѣнію этому условію аргументація г. Peisker'a не удовлетворяетъ. Мы уже видѣли, что работы расиредѣлялись не совсѣмъ такъ, какъ это изображаетъ г. Peisker. Системы отбыванія натуральныхъ повинностей, въ частности исторія заманицы говоритъ противъ г. Peisker'a и въ другомъ отношеніи: заманица можетъ разсматриваться, какъ пережитокъ тѣхъ соціально экономическихъ отношеній, которыя имѣли мѣсто раньше, какъ пережитокъ строя, при которомъ податной единицей и eo ipso собственникомъ земли былъ не отдѣльный домъ, а цѣлое село; заманица—явленіе совершенно естественное, когда владѣлецъ считался не съ отдѣльными семьями и лицами, а цѣлой общиной.

Соображеніе, что задруга не могла имѣть мѣста у славянъ раньше переселенія въ провинціи Имперіи уже по тому одному, что славяне не имѣли для помѣщенія ея соотвѣтствующихъ домовъ—по свидѣтельству Прокопія, они жили въ бѣдныхъ лачугахъ (колиба), разбросанныхъ далеко одна отъ другой—не можетъ имѣть серьезнаго значенія. Свидѣтельство Прокопія, намъ кажется, не можетъ говорить ни за, ни противъ существованія задруги у южныхъ славянъ: колибы и теперь остаются обычнымъ жилищемъ ю. славянина и однако рядомъ съ ними имѣетъ мѣсто задруга; Прокопій, можетъ быть, и не совсѣмъ точно описываетъ древнія жилища славянъ; другой современникъ—Маврикій говоритъ, что славяне устраиваютъ по нѣскольку выходовъ изъ своихъ жилищъ; стало быть, эти жилища были болѣе или менѣе значительнаго размѣра.

1) Ibid. 8. Бобчевъ 29, 31.
2) Ibid.
3) Ibid. 9.
4) Ibid. 7.
5) Ibid. 8.
6) Бобчевъ. I. c. 30.
7) Bogiš. 9.
8) Ibid. 7.
9) Ibid.
10) Бобчевъ. I. c. 31.

Всѣ эти названія обозначаютъ собою большую или меньшую группу родственниковъ, живущихъ въ одномъ дворѣ, около одного огнища въ отличіе отъ малой семьи (инокоштина), состоящей изъ мужа, жены и дѣтей [1]).

Чаще всего задругу составляютъ отецъ съ женатыми дѣтьми и внуками, рѣже дѣдъ съ женатыми сыновьями и женатыми-же внуками, еще рѣже прадѣдъ съ потомствомъ. Въ 70-хъ годахъ средній составъ задруги опредѣлялся въ 25—30 душъ, высшій въ 50 [2]). Въ отдѣльныхъ случаяхъ она достигала значительно большихъ размѣровъ. Въ Ljevn'ѣ на границѣ Герцоговины и Долмаціи извѣстна была задруга, въ которой было 16 дѣвушекъ—невѣстъ. Іовановичъ упоминаетъ въ Подриньи задругу въ которой было 80 душъ; другую такую-же задругу, *жившую въ 20 отдѣльныхъ домахъ*, онъ называетъ на верхней Моравѣ. Въ Враньскомъ округѣ изъ задруги послѣ ея раздѣла образовался поселокъ въ 13 домовъ [3]). Въ старомъ Влахѣ въ эпоху Караджича не рѣдкость было встрѣтить задругу, въ 50—60 чк. Въ З. Болгаріи лѣтъ 50—60 тому назадъ каждая задруга считала по нѣскольку десятковъ домовъ въ одномъ дворѣ съ 30—80 работниками (рабочія ложки, работни лъжицы), съ 50—250 душами всего населенія. [4]). Мариновъ приводитъ воспоминанія одного старика о задругѣ, къ которой онъ принадлежалъ: на пашню выпускалось 10—15 плуговъ, на сѣнокосъ 20—25 косъ, на жатву 40 серповъ; на дворѣ задруги стояло 100 головъ коровъ, 150 лошадей, 800 овецъ—и на столько душъ одно огнище, одинъ столъ.

Въ 70-хъ годахъ задруга еще крѣпко держалась въ Посавской Хорватіи, въ Славоніи, Сремѣ, Босніи, Герцеговинѣ [5]),

---

[1]) Bogiš. I. c. 20—25. Gra. Bro. 10—31. Mak. 20. Ro. Az. 20—25. H. C. B. 20—30 Ljes.

[2]) 42—44. Rak. 50—60 Ok. 60—70. H. K. 40. Ljub. 53. Ko. Az. 50. Golb. 40. Sta. Po. 50. Stros.

[3]) Новак. Село. 207. Іовановиħ. Ист. развитак срп. задруге.

[4]) Мариновъ. 1. с. II, 182. На стр. 202 допускается невѣроятное количество во 100 раб. или 30—50 женатыхъ мужчинъ.

[5]) Bogiš. 2, 6.

въ З. Болгаріи, Македоніи [1]), вымирала въ Адріатическомъ приморьѣ и Далмаціи.

Стойкость ея въ отдѣльныхъ случаяхъ выражалась въ томъ, что задруга жила безъ раздѣловъ въ теченіе 150—200—300 лѣтъ [2]). Въ Далмаціи въ конавльскомъ округѣ напр. извѣстна была въ 70 годахъ задруга Magudi, которая не дѣлилась въ теченіе 300 лѣтъ; семьи, жившія нераздѣлившись 150—200 лѣтъ, извѣстны были и въ Болгаріи [3]).

Задруги большого или меньшого размѣра конститируются на протяженіи XII—XIV для Сербіи [4]), хорватскіе документы возводятъ ее къ X в. для Хорватовъ [5]) и Болгаръ. Характернымъ образцомъ болгарской задруги X в. является семья родича болгарскаго царя Самуила, переселившаяся въ Хорватію. Семья эта состоявшаяся изъ Пенчо и его братьевъ съ дѣтьми и сестры пріобрѣла въ Хорватіи большія земли и сообща распоряжались ими. Часть этихъ земель *всей семьей* были пожертвованы между прочимъ Сплѣтскому монастырю св. Дуйма [6]).

Въ настоящее время задруга находится въ состояніи разложенія и для уясненія ея прошлыхъ судебъ существенно важно водвинуть силы, подъ дѣйствіемъ которыхъ она разлагается.

Матеріалъ для рѣшенія вопроса даетъ намъ сборникъ Богишича.

На вопросъ о причинахъ, которыя вызываютъ дѣлежи, корреспонденты Богишича отвѣчали, что задруга дѣлится:

1) (чаще всего) вслѣдствіе несогласія женщинъ, обусловленнаго неравенствомъ ихъ въ имущественномъ отношеніи, стремленія женщинъ жить на свой рискъ и по своей волѣ.

2) вслѣдствіе индивидуалистическихъ и честолюбивыхъ стремленій, которыя ведетъ съ собой принесенное женщиной *приданое*: супружескія пары обладающія значительнымъ приданымъ, стремятся увеличить свое отдѣльное имущество

---

[1]) Бобчевъ. 1. с. 29. ib. 6.

[2]) Bogiš. 320.

[3]) Ibid. 321.

[4]) Новаковић. Село 230, s.s. Іовановић. Ист. развитак српске задруге.

[5]) Cod. dipl. regni Croatiae Dalm. et. Slavon. I,

[6]) Rački. Nutarno stanije Hrv. etc. RJA CV, 213.

и тащатъ въ него изъ общаго: притязанія *богатой* снохи сталкиваются съ правами *старшей*; затѣмъ причинами служатъ:

3) эгоистическія стремленія старѣйшины, выражающіяся въ томъ, что онъ съ украдкой ѣстъ лучше и вообще расходуютъ на себя отдѣльно [1]) и употребляетъ свое положеніе въ личныхъ выгодахъ;

4) разногласія относительно бережливаго или широкаго пользованія средствами задруги;

5) неравномѣрное количество дѣтей у отдѣльныхъ задругарей;

6) качественное неравенство задругарей;

7) избытокъ личнаго состава;

8) пробуждающійся духъ личной независимости;

9) самоуправство и несправедливость задружныхъ господарей.

Въ ряду этихъ причинъ нельзя указать ни одной, которая начала бы дѣйствовать въ сравнительно недавнее время. Всѣ онѣ были, несомнѣнно, присущи задругѣ съ древнѣйшихъ временъ; даже разлагающее вліяніе обычая давать приданое, въ связи съ которымъ измѣняется личное положеніе женщины въ семьѣ, можно отнести къ этой древнѣйшей порѣ, такъ какъ приданое, кажется, было извѣстно еще въ праславянскую пору.

Дѣйствіе всѣхъ этихъ силъ является, какъ результатъ ихъ постепеннаго наростанія на протяженіи вѣковъ, наростанія, обусловленнаго общимъ ходомъ экономическаго развитія: возвышается экономическое развитіе народа, поднимается уровень культуры, разнообразятся потребности, находятъ себѣ выгодное приложеніе спеціальныя способности и рамки задруги становятся все болѣе и болѣе тѣсными для личности съ ея нивеллирующими лѣнтяя и работника, тупицу и талантъ бытовыми нормами.

Задруга уступаетъ напору индивидуалистическихъ стремленій, но созданныя ею привычки исчезаютъ не вдругъ. Между задругой съ общей землей, общей работой, общимъ пользованіемъ продуктами общаго труда и поселкомъ съ вполнѣ обособившимися хозяйствами лежитъ рядъ въ высокой

---

[1]) Bogišić. 323, 324.

степени интересныхъ промежуточныхъ формъ и эти формы проливаютъ яркій свѣтъ на экономическую и общественную исторію южнаго славянства.

1) Уступая индивидуалистическимъ стремленіямъ женъ, братья раздѣляются пищей и огнищемъ, но остаются въ одномъ домѣ [1]).

2) Раздѣляются группами: идутъ вмѣстѣ отецъ съ сыновьями, дядя съ племянниками, братъ съ братомъ; рѣдко расходится поголовно [2]).

3) Раздѣлившіеся образуютъ новыя меньшія задруги, основанныя на личныхъ симпатіяхъ, *на общности интересовъ*, на близости родственныхъ связей [3]), такъ что въ каждомъ новомъ домѣ живетъ по 2—3 задругаря [4]).

Въ Герцеговинѣ, Босніи и Черногоріи, по словамъ корреспондентовъ Богишича, чаще всего при дѣлежѣ бываетъ такъ, что два брата остаются вмѣстѣ, остальные отдѣляются, но отдѣляются только домами, утварью, оружіемъ, скотомъ, а земля подъ садами, выгонами, сѣнокосами, пашней остается въ общемъ владѣніи и ее обработываютъ сообща.

О такомъ-же явленіи въ Болгаріи говоритъ корреспондентъ изъ Лѣсковца. „Бываетъ нерѣдко, что раздѣляются только домами, а земля остается въ общемъ владѣніи". Корреспондентъ приводитъ примѣръ изъ исторіи своей семьи: его отецъ отдѣлился домомъ отъ брата, но землей дѣлиться не хотѣлъ; отецъ умеръ, но и послѣ его смерти земля оставалась 25 лѣтъ въ нераздѣльномъ владѣніи двухъ семей. Такимъ образомъ можетъ выдѣлиться изъ задруги каждый отдѣльный членъ: онъ заявляетъ о желаніи имѣтъ отдѣльный домъ въ общей усадьбѣ или внѣ ея, получаетъ его, но работаетъ вмѣстѣ съ остальными членами задруги. Такія явленія—правило, когда кто-нибудь выдѣляется при жизни домовладыки—отца или матери [5]).

Третій корреспондентъ, констатируя подобный-же случай раздѣленія домами, говоритъ, что земля остается въ общемъ

---

1) Bog. 347—348.
2) Ib. 331.
3) Ib. 332.
4) Ib.
5) Ib. 329.

владѣніи, обработывается сообща и плоды ея дѣлятся ежегодно (331. Dug.).

Въ З. Болгаріи процессъ идетъ дальше. „Отъ делбата е станало и селото я“ (отъ раздѣловъ произошло и это село)— вотъ соображеніе, руководствуясь которымъ, по словамъ г. Маринова рѣшается на раздѣлъ задруги ея глава. Старикъ опредѣлятъ мѣсто, гдѣ нужно ставить новые дома; новые дворы (гумна) загораживаются заборами [1]), застраиваются хозяйственными пристройками; всѣ недвижимыя имѣнія—поля, сѣнокосы, виноградники—старикъ дѣлитъ на столько частей, сколько имѣетъ сыновей, и предоставляетъ судьбѣ въ видѣ жеребья распредѣлить эти равныя части между сыновьями. Но на этомъ разложеніе задруги останавливается: всякій знаетъ, что ему принадлежитъ, но работы—пашня, сѣнокосъ, бороньба, копанье, жатва—производятся сообща черезъ „спрегванье“ [2]).

Факты, приведенные сейчасъ, показываютъ, что привычка работать сообща, родившаяся въ нераздѣльной задругѣ, переживаетъ ея разложеніе и удерживается тогда, когда задруга распалась уже на рядъ обособленныхъ хозяйствъ, аналогичныхъ съ маленькимъ селомъ.

Въ случаѣ полнаго дѣлежа послѣднимъ выраженіемъ тѣхъ началъ равенства, на которыхъ покоились отношенія членовъ разлагающейся задруги является дѣлежъ „лѣтины“ т. е. урожая текущаго лѣта. Земля можетъ быть уже раздѣлена ранѣе на участки и каждый вправѣ пользоваться тѣмъ, что дала ему судьба, но при неравности урожая онъ весь снимается общимъ трудомъ расходящихся задругарей и дѣлится по числу головъ [3]).

Воспоминаніемъ о связяхъ соединявшихъ распавшуюся задругу служитъ то, что иногда домъ, изъ котораго ушли задругари, продолжаетъ служить для совѣщаній, для пировъ; онъ одинъ еще по старой памяти называется *куча*, остальные дома называются *клѣтями*, какъ въ нераздѣльной задругѣ назывались помѣщенія, въ которыхъ спали отдѣльныя брачныя пары [4]).

---

[1]) Ср. въ Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи. Bog. 342.

[2]) Мариновъ. Ж. С. II. 207.

[3]) Ib. 342.

[4]) Bog. 7. Dug.

Результатомъ разложенія задруги является въ Черногоріи, Босніи и Герцеговинѣ *братство*, въ З. Болгаріи влака, рамкой которыхъ является *село*. Термины *село* и братство, влака находятся въ такомъ же отношеніи одинъ къ другому, какъ *куча* и *задруга* [1]).

Членовъ болгарской влаки, какъ и членовъ братства, соединяетъ сознаніе общаго происхожденія [2]). Этимъ сознаніемъ опредѣляется пріемъ дѣтей бездѣтными: пріемышъ долженъ быть изъ своей влаки. Какъ члены сербскаго братства, они связаны отношеніями общей защиты.

Экономическая связь членовъ влаки выражается въ томъ, что они сообща выполняютъ нѣкоторыя работы: устраиваютъ мосты, чистятъ колодцы [3]); изъ рѣчки или канавы, принадлежащей мельницѣ, водой для поливки могутъ пользоваться только члены влаки [4]); въ монастыряхъ, куда ходятъ на богомолье, общимъ достояніемъ влаки остаются комнаты, которыя поддерживаются общими средствами [5]).

Братство въ своемъ элементарномъ видѣ, какъ группа раздѣлившихся братьевъ, представляетъ относительно рѣдкое явленіе. Чаще это соединеніе семей, которыя происходятъ по преданію или на основаніи точныхъ данныхъ отъ одного родоначальника, жившаго иногда за 100—300 лѣтъ передъ тѣмъ. Число лицъ входящихъ въ составъ братства колеблется: есть братства изъ 30—50 „ружей“, есть другія въ 700—800.

Всѣ члены братства имѣютъ одну фамилію [6]): Ковачевичи, Кривокапичи, Вукотичи. Братство занимаетъ своими домами одно или нѣсколько селъ [7]).

Солидарность членовъ братства обнаруживается главнымъ образомъ въ области личныхъ отношеній, въ защитѣ взаимной отъ чужаковъ.

---

[1]) «Отъ една кровь», «отъ една лова», «отъ единъ коренъ», «отъ единъ сой». Мариновъ. Ж. С. II, 159.

[2]) Ib. 160.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid. 161.

[5]) Мар. 161.

[6]) Ibid. III, 49.

[7]) Bog. 514—15. Bud.

Всякій членъ братства обязывается отмстить за убійство своего родича или смертью убійцы или кого бы то ни было изъ его родичей [1]). Миръ есть также дѣло цѣлаго братства: мирится, выплачивая пеню (krvarinu) [2]), братство съ братствомъ, а не отдѣльныя семьи. Отправляясь на войну, члены братства стараются идти вмѣстѣ.

Братство, какъ семья, блюдетъ своихъ членовъ отъ mesallianc'овъ въ видѣ брачнаго союза съ лицами изъ слабыхъ братствъ. Кумъ и сватъ отдѣльнаго члена братства являются кумомъ и сватомъ для всѣхъ остальныхъ [3]).

Глава братства-села называется knez, glavar, vojvoda [4]). Онъ предварительствуетъ братствомъ на войнѣ, судитъ, караетъ, собираетъ дань.

О былой хозяйственной связи членовъ братства говоритъ тотъ фактъ, что ихъ земельные участки всегда находится рядомъ, даже тогда, когда дома разбросаны въ разныхъ концахъ села [5]). Остаткомъ тѣхъ-же старыхъ связей, является помощь, оказываемая отдѣльными членами другъ другу въ случаѣ несчаſтія, при устройствѣ брака, и преимущественное право членовъ братства на покупку отчуждаемой земли [6]).

За предѣлами Черногоріи братство нынѣ неизвѣстно. Члены разложившейся задруги образуютъ собою маленькое село. Въ средневѣковой Хорватіи, (въ Полицѣ) братству, кажется, соотвѣтствовала *вервь*.

Огношеніе села къ задругѣ опредѣляется отчасти уже тѣмъ значеніемъ, которое имѣетъ слово „село“ въ устахъ ю. славянъ. Въ хорватскомъ Загорьи селомъ называется и нераздѣльная задруга-куча, и группа домовъ, занятыхъ раздѣлившимся родичами. По отношенію ко многимъ, въ настоящее время большимъ селамъ, извѣстно, что они образовались изъ раздѣлившихся задругъ.

---

[1]) Bogišić. l. c. 512.
[2]) Ibid. 513.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid. 513.
[5]) Ibid. Cp. § 197—8 Зак. Душ. объ отвѣтственности дома.
[6]) Ibid. «Od sela Kalinic'a». Село Калинича—группа изъ десяти домовъ этого рода въ селѣ Радугѣ. Ср. значенія слова «катунъ»—колиба и пастушій поселокъ. Новак. l. c. 42—3.

Совпаденіе села и братства выражается въ томъ, что село подобно братству отвѣственно было по закону за убійство, совершенное на его территоріи [1]. Подобно членамъ братства односельцы считаютъ себя обязанными въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. при выдачѣ дочери замужъ, придти на помощь каждому изъ своихъ членовъ; помощь эта выражается въ подаркахъ натурой, которые приносятъ съ собой гости [2].

Село большаго или меньшаго размѣра могло возникнуть изъ распавшейся задруги въ зависимости отъ того, какъ велика была задруга.

При раздѣленіи задругарей чаще могло возникнуть село въ 5—10 домовъ т. е. очень близкое по размѣрамъ къ тѣмъ, которые имѣли мѣсто въ Сербіи еще въ половинѣ истекающаго столѣтія. Гильфердингъ, путешествовавшій по Босніи, Герцоговинѣ и Старой Сербіи въ 50-хъ годахъ, говоритъ о *селахъ* состоявшихъ изъ 2—3 домовъ. Въ эпоху турецкаго владычества село въ 30—50 домовъ считалось уже большимъ [3]. Въ дечанской хрисовулѣ XIV в. перечисленъ рядъ заселковъ, въ которыхъ было отъ 5 до 25 домовъ [4]; въ хиландарскомъ податномъ спискѣ солунской области изъ 6 селъ 5 имѣютъ 5—18 домовъ; въ таковомъ же венеціанскомъ спискѣ XV относящемся къ скадарскому округу на 120 селеній приходитъ значительное количество заселій, которыя имѣли 3—10 податныхъ душъ [5].

Припоминая переходныя формы владѣнія землей, которыя теперь имѣютъ мѣсто при распаденіи задруги [6], мы можемъ предположить что братства-села, временно сохранявшія старый задружный порядокъ землевладѣнія, могли составлять тѣ сельскія общины, которыя въ VIII в. констатируетъ *νόμος γεοςγικος*. Члены такихъ общинъ *(κοινωνοι)* владѣли землей сообща и дѣлили ее на участки для обработки по жере—

---

[1] Новаковичъ. Село. 89. У перви махъ родъ или братство и село били готово синоними.

[2] Bogišić. l. c.

[3] Новak. l. c. 197. Гильф. соч. III,

[4] Ibid. 200.

[5] Ibid. 203—204.

[6] Ср. выше стр. 204—205.

бью (*μέρις, σκαρφίον, τοπος*) [1]; Сагудаты и Дреговичи жили въ такомъ общинномъ строѣ въ X в. [2]). Необходимость держаться небольшими общинами диктовалось техническими условіями земледѣлія. И теперь еще въ Болгаріи для распашки новей соединяется нѣсколько маломочныхъ хозяевъ и, пока земля не сдѣлается удобной для распашки одной парой воловъ, владѣютъ ею сообща [3]); въ средніе вѣка такая потребность возникала, несомнѣнно, чаще.

Совокупность нѣсколькихъ братствъ, „знающихъ корень, изъ котораго они произошли", составляетъ племя. Терминъ этотъ въ настоящее время имѣетъ главнымъ образомъ территоріальное значеніе. Границы отдѣльныхъ племенъ точно опредѣлены: постбища, водоемы, одного племени закрыты для другого [4]).

Въ главѣ племени также стоитъ избранный главаръ, воевода [5]).

О размѣрахъ, которыхъ могло достигать племя, даютъ понятіе Васојевичи, занимающіе районъ хребта Комъ (старая жупанія Комъ). Въ одной Черногоріи ихъ считаютъ 6663 д. Васоевичи представляютъ собою образчикъ племени въ его чистѣйшемъ видѣ: они не терпѣли въ своей средѣ и на своей землѣ иноплеменниковъ; послѣдніе могли селиться по сосѣдству съ ними только на незанятыхъ племенемъ земляхъ.

Воспоминаніемъ кровныхъ связей соединявшихъ отдѣльныя семьи племенъ служитъ фактъ, что браки внутри племени обычаемъ не допускаются [6]). Такимъ-же выраженіемъ племеннаго единства служитъ обычай праздновать память одного патрона—святого (слава, крсно име): озриничи, восојевичи и пиперы празднуютъ всѣ св. Михаила. Показателемъ единства въ сферѣ экономической является былая неотчуждаемость принадлежащей племени земли: членъ племени, желающій продать свой участокъ, долженъ былъ прежде всего предложить его своимъ соплеменникамъ (право прече купле); въ XVIII в.

---

[1]) Срећковић l. c. II, 833—834.
[2]) Jireček l. c. 410.
[3]) Мариновъ l. c. IV, 326—328.
[4]) Bogiš. 1. c. 12. Stub.
[5]) Bogiš. 1. c. 514—515.
[6]) Ровинскій. l. c. II, 18.

племя наслѣдовало выморочное имущество [1]). И право „прече купле“ и принадлежавшее племени право наслѣдованія являются остаткомъ стараго порядка, при которомъ земля была собственностью племени, составляла *племенштину* (ср. баштина, дѣдина).

Какъ братство, племя представляло собою „союзъ родственной защиты“. Обида, нанесенная одному изъ членовъ племени, была обидой цѣлаго племени и цѣлое же племя являлось за нее отвѣтственнымъ. Изъ за одного человѣка племена становились нѣкогда на военное положеніе. Въ случаѣ примиренія на сходку собирались также представители обоихъ племенъ въ полномъ составѣ.

Единство фиктивнаго племени представляетъ собою результатъ борьбы между поселившимися на одной территоріи родами. Кучи въ настоящее время различаютъ въ своей средѣ Дрекаловичей, изъ которыхъ въ продолженіе 6—7 поколѣній выбирались воеводы, и не Дрекаловичей (старожиловъ и позднѣйшихъ поселенцевъ) подчинившихся Дрекаловичамъ послѣ борьбы [2])

Сосѣдство, преданія о родственныхъ связяхъ создавали солидарность между отдѣльными племенами, ни къ чему не обязывавшую во внутреннихъ отношеніяхъ: пиперы напр. боролись противъ туровъ всегда въ союзѣ съ Бѣлопавличами; въ такихъ же отношеніяхъ стояли они къ Озриничамъ и Васоевичамъ [3]).

Въ другихъ случаяхъ болѣе тѣсные территоріальные союзы племенъ возникли на почвѣ борьбы—экономической или физической. Люботинцы напр. живутъ въ горахъ, Цеклиняне по склонамъ горъ и равнинѣ, отдѣляя ихъ отъ рынковъ. Географическое положеніе ставило Люботинцевъ въ экономическую зависимость отъ Цеклинянъ и Люботинцы силой вещей вынуждены были дѣйствовать заодно съ Цеклинянами. Другой примѣръ сліянія племенъ представляетъ группа Кучи-Бротоножичи, образовавшаяся изъ бывшихъ ранѣе независимыми двухъ племенъ. Въ зависимости отъ Кучей стояло временно и племя Васоевичей [4]).

---

[1]) Ров. l. c. 32, 137. Ср. Срећковић. l. c. I, 437.
[2]) Ibid. 118.
[3]) Ibid. 131.
[4]) Ibid. 141.

До 1831 г. племя представляло собою въ Черногоріи самостоятельный политическій организмъ. Князь его въ своихъ отношеніяхъ къ сосѣдямъ зависило только отъ воли племени [1]. Далѣе образованія племенъ общественный процессъ не шелъ въ теченіе 3-хъ столѣтій. Съ XVI до XIX в. отношенія между чуждыми другъ другу группами были отношеніями почти постоянной борьбы. Только турецкія нападенія соединяли враждующія племена для общей защиты. Поводами къ враждѣ кромѣ кровавой мести были захваты земель [2], разбои и кражи, составлявшія обычное явленіе въ жизни сосѣднихъ племенъ [3].

Намѣтивши слѣдующія за семьей формы кровнаго союза—задругу, братство и племя, обращаемся къ развитію ихъ внутреннихъ отношеній, къ эволюціи власти главаря и скупштины.

Въ задругѣ власть при жизни отца или дѣда покоится на естественныхъ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ. По смерти отца, если братья не расходятся, ея основанія измѣняются. Чаще всего мѣсто умершаго заступаетъ по его назначенію старшій (сильнѣйшій) членъ задруги [4]; но не рѣдки случаи, когда власть пріобрѣтаетъ младшій членъ семьи, какъ результатъ энергической дѣятельности въ пользу задруги [5]; задругари, забывая старшинство, привыкаютъ мало по малу слушаться такого узурпатора; по мѣстамъ власть переходитъ способнѣйшему на основаніи избранія [6]) или по жребію [7].

Содержаніе власти задружнаго старѣйшины опредѣляется личнымъ составомъ задруги и кругомъ ея дѣятельности. Старѣйшина или главарь распредѣляетъ между членами задруги работы. дѣлитъ между ними пищу, снабжаетъ одеждой, платитъ за нихъ подати, по соглашенію съ ними отчуждаетъ

---

1) Съ племснами или ихъ князьями имѣли дѣло Венеція и Дубровникъ, когда предпринимали что-нибудь противъ турокъ. Ров. I. с, II, XXI.

2) Ровинскій. I. с II. 49—цеклиняне, 54—люботинцы.

3) Дучичъ. Црна Гора. TCD XL.

4) Bog. l. c. 36. H. B. C. Buk. 37. Ljub. 38. Stroš. Gra. Bro najaci snagom fisičnom. 35.

5) Bog. l. c. 36. Мак. 37. H. K. 38. Zem. Kon. Ljes. 30—31. Par. 35. Stub. obično.

6) Ib. 29 Stub. 30 Вед. на одинъ годъ. Ro. Az. 37.

7) Ib. 37. Sab.

движимое и недвижимое имущество, судитъ взрослыхъ членовъ задруги и наказываетъ отдѣленіемъ, изгнаніемъ [1]) непокорныхъ, представляетъ задругу въ ея внѣшихъ отношеніяхъ, въ куплѣ - продажѣ, договорахъ, приводитъ въ исполненіе общія рѣшенія, привлекаетъ отдѣльныхъ членовъ къ исполненію ихъ долга, расходуетъ за своей отвѣтственностью задружныя деньги, рѣшаетъ споры, возникающіе между членами задруги. Привилегіи старѣйшины заключаются въ томъ, что онъ занимаетъ лучшее мѣсто за столомъ, можетъ лучшія части кушаній давать своимъ дѣтямъ [2]), свободенъ отъ работъ, держитъ подъ своимъ ключемъ пищевые продукты, принимаетъ заработки задругарей на сторонѣ, наказываетъ прислугу и младшихъ членовъ [3]), охотнѣе впрочемъ представляя эту обязанность ихъ родителямъ [4])—дѣлаетъ выговоры старшимъ, но въ отсутствіе дѣтей и женщинъ; въ случаѣ крупныхъ проступковъ—воровства напр.—карающую власть осуществляетъ вся семья.

На общемъ совѣтѣ задруги рѣшаются вопросы о куплѣ—продажѣ недвижимости и крупнаго скота, способѣ обработки земли, уборкѣ урожая, женитьбѣ или выдачѣ замужъ, рубкѣ деревьевъ, розсчисткѣ лядинъ, объ отходѣ кого-либо изъ задругарей на сторону.

Совѣщаніе задругарей происходитъ происходитъ въ кучѣ, гдѣ обѣдаютъ и ужинаютъ, чаще въ праздникъ [5]) и внѣ времени ѣды; лѣтомъ внѣ дома подъ какимъ нибудь деревомъ [6]). Рѣшеніе направляется старшими членами задруги: въ случаѣ разногласія предоставляютъ рѣшить дѣло старѣйшинѣ [7]); опредѣленнаго порядка голосованія нѣтъ [8]). Если несогласный

---

[1]) Ib. 46. Ko. Buk. Mak. Kon. Судъ происходитъ за столомъ послѣ обѣда H. R. 46—47. Ljub. 47. vece ne obcem skupu veceri. 47. Zem. Ljes. 47—48.

[2]) Ib. 41. Stub.

[3]) H. C. B. 46. 47. Ljub. Ib. 44. Gurg. 456. Gra. Bro.

[4]) 45. Lik. По мѣстамъ покушается бить женщинъ, но изъ-за этого возникаютъ ссоры 46.

[5]) Ib. 77. Rak., Мак.

[6]) Ib. H. C. B. 77.

[7]) Ib. 78. Lik. 79. Ljub.

[8]) Ibid.

оказывается одинъ, всѣ остальные стараются его склонить къ своему рѣшенію, привлекаютъ на помощь женщинъ, дѣтей, родственниковъ, тестя и убѣждаютъ согласиться, чтобы „не разсыпалась куча", чтобы не слышали споровъ сосѣди.

За предѣлами задруги борьба двухъ началъ — старѣйшинства и превосходства способностей—рѣшается въ пользу послѣдняго. Мѣриломъ превосходства является, обыкновенно, матеріальная сила, богатство.

Въ братствѣ власть принадлежитъ лучшему человѣку лучшаго, наиболѣе сильнаго дома братства [1]). Онъ судитъ, караетъ, собираетъ дань, предводительствуетъ братствомъ въ военное время. Пріобрѣтеніе власти въ селѣ-братствѣ происходили тѣмъ-же путемъ, какъ и въ задругѣ. Рядомъ съ избраніемъ имѣли мѣсто и такіе факты, что наиболѣе богатый или наиболѣе умный человѣкъ мало по малу присваивалъ власть. Его совѣтниками, также безъ формальныхъ выборовъ, были лучшіе люди въ селѣ. Въ селахъ средней Герцеговины княземъ являлся членъ дома, къ которому издавна принадлежали князья. Если этотъ домъ вымиралъ, а рядомъ съ нимъ выросталъ новый сильный домъ, то выбирали изъ него [2]).

Въ племени кнезомъ является членъ самаго могущественнаго братства [3]). Въ Черногоріи у племени Нѣгушей владыки, губернаторы и воеводы избирались изъ братствъ Хераковичей и Раичевичей [4]). Князь племени высшаго инстація, къ которой обращаются отъ суда старѣйшины братства. Въ Герцеговинѣ въ пору автономіи кнезу принадлежала судебная власть во всѣхъ возможныхъ дѣлахъ, за исключеніемъ убійства.

При исполненіи своихъ обязанностей старѣйшины братства и племени опираются на скупштину [5]), з б о р ы, членами которыхъ являются домовладыки. Въ кругъ вѣдѣнія скупштины

---

[1]) Bog. l. 1. c. 514, 524. H. C. B.
[2]) Ibid. najače bratstvo oktrojiralo iz svoga bratstva vojvodu plemena.
[3]) Ibid. 515. 533.
[4]) Ibid. 523. H K.
[5]) Дучичъ Црна Гора TCD. XL, 57, 58.

входятъ вопросы о содержаніи церкви, общемъ пастбищѣ, водѣ, лѣсѣ, мельницѣ. Рѣшаются эти вопросы по возможности единогласно. Рѣшеніе большинства пріобрѣло значеніе только въ новѣйшее время [1]). Судебную власть свою князь братства или племени осуществлялъ также не одинъ. Мелкія дѣла онъ рѣшалъ съ двумя тремя лучшими односельчанами, случайно подвернувшимися на глаза [2]), крупныя, напр. поджоги, съ большимъ количествомъ добрыхъ людей [3]). Убійства были неподсудны князю, но онъ съ судьями стремился примирить враждующія стороны. Судъ происходилъ подъ открытымъ небомъ на опредѣленномъ мѣстѣ, чаще передъ церковью или подъ большимъ деревомъ, зимой въ домѣ князя [4]). Вмѣсто князя въ Герцеговинѣ, Черногоріи, Боснѣ и Бокѣ Которской выступаютъ весьма часто одни „добрые люди", избранные тяжущимися сторонами: при раздѣлѣ между братьями, при рѣшеніи спорныхъ вопросовъ между породицами, селами, общинами, при установленіи мира послѣ убійства.

Судъ добрыхъ людей является единственнымъ средствомъ рѣшенія споровъ между отдѣльными селами и племенями. Внѣ его споръ рѣшался войной, такъ какъ никакой высшей инстанціи въ Черногоріи, Босніи, Герцеговинѣ населеніе еще недавно не признавало. Судъ этотъ называется *станак* [5]).

Люди даннаго племени судились въ его предѣлахъ; идти въ чужую сторону, къ чужому племени считалось позоромъ и униженіемъ.

Въ сферѣ владѣнія землей кнезъ черногорскаго племени не имѣлъ никакихъ преимуществъ сравнительно съ другими племичами.

Вся земля въ Черногоріи раздѣлена между племенами и семьями; государственной земли здѣсь нѣтъ, нѣтъ и общинной [6]). Кнезъ не получалъ отъ племени никакихъ доходовъ и податей, отъ остального народа его отличалъ только титулъ. Его доходъ состоялъ изъ части штрафа, которая оставалась

---

[1]) Bog. I. c. 533.

[2]) Ibid. 540.

[3]) Дучичъ. I. c. 48, 6, 12, 24.

[4]) Ibid. 48.

[5]) Сборна главица на Чевѣ, Роге у кучей—лѣсокъ съ хорошимъ кололеземъ. Ров. II, 177.

[6]) Ibid 50.

за удовлетвореніемъ потерпѣвшаго послѣ суда [1]). Нынѣшняя княжеская династія жила доходами съ угодій цетинскаго монастыря, полученными въ даръ отъ Црнојевичей [2]).

Черногорія, Боснія и Герцеговина даютъ намъ возможность намѣтить элементы ю. славянской общественной организаціи отъ XIX до XVI в. Для болѣе ранняго времени—отъ конца XV до начала XII—мы располагаемъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, который предоставляетъ въ наше распоряженіе исторія хорвато далматинскихъ племенъ [3]). Картина, раскрывающаяся предъ нами въ мѣстныхъ актахъ и лѣтописныхъ извѣстіяхъ венеціанцевъ, въ существенныхъ чертахъ не отличается отъ той, которую мы набросали выше; предъ нами тѣ-же куча, братство, племя, но подъ слоемъ чуждыхъ родственному союзу элементовъ, который наложила на нихъ соціальная и политическая исторія Далмаціи и Хорватіи подъ венгерскимъ владычествомъ и въ пору независимаго существованія. Это уже племена нобилей, дворянъ, а не простыхъ селяковъ.

Въ чемъ заключалось различіе правового положенія черногорскихъ племенъ XIX—XVI в. и далматинскихъ XV—XII выясняется изъ того, что̀ считали нобили Далмаціи своими привилегіями, и изъ всей ихъ исторіи. Сущность ихъ укрѣпленныхъ королевскими грамотами привелегій, заключается въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) они свободны отъ всякихъ податей и повинностей; 2) судятся въ предѣлахъ своего племени у своего судьи; 3) каждый изъ нихъ имѣетъ право переселиться съ своей семьей, куда хочетъ; 4) жупана они выбираютъ всегда изъ своего племени [4]). Всѣми этими пра-

---

[1]) Ib 49. Ср. Ровинскій. l. c. II, 179.

[2]) Ibid. 70.

[3]) Матеріалъ по этому вопросу собралъ V. Klajic въ прекрасной статьѣ Hrv. plemena od XII до XVI в. RJA кн. XLVII.

[4]) Klajić. l. c. 81—82. По отношенію къ I-му пункту ср. слѣдующее мѣсто изъ клятвеннаго показанія нобилей острова Крка 1248 г. «iidem nobiles nunquam dederint aliquod tributum, nec dacio comitibus»... ib. 7. Star. XXVI, 195. APJ. I, 55—56; къ II-му—заявленіе Милютиничей венгерскому королю Владиславу II 1597 г. что «secundum antiquam consuetudinem regni Croatiae» они должны судиться въ предѣлахъ своего племени, предъ своими судьями—ib. 35 Lopasic. Bihač i Bihacka Krajina, 52; къ IV-му—привилегію данную 1452—Венеціей племени Качичей ib. 27.

вами обладали, какъ мы видѣли выше, свободные племичи Черногоріи, обладали племичи бывшей автономной Герцеговины. Nobilitas была т. о. только сохраненіемъ правъ принадлежавшихъ всѣмъ свободнымъ людямъ вообще. Внутренній строй хорвато-далматинскихъ племенъ обрисовывается съ особенной ясностью въ замѣчательныхъ по своей колоритности актахъ, относящихся къ племени Лапчанъ. Племя это (genus, generatio Lapach) съ XII в. жило въ окрестностяхъ нынѣшняго Задра (Zara), но переселилось сюда изъ Босніи съ верхней Уны, гдѣ и теперь еще существуютъ селенія Lapac gornji, L. dolnji; тамъ въ средніе вѣка у него былъ свой градъ Rmanj (у впаденіи Унца въ Уну), служившій резиденціей князя и племеннаго суда (Lapački stol). Въ предѣлахъ племени было нѣсколько селъ, о характерѣ которыхъ даетъ понятіе одно изъ нихъ—Strižici. Strižici представляютъ собою типическое село-братство XV в.; оно распадалось на рядъ домовъ задругъ [1], всѣ домовладыки которыхъ считались *братьями* [2]; каждый *братъ* жилъ съ своими дѣтьми на своей „племенштинѣ", т. е. наслѣдственной землѣ [3], но распоряженіе этой племенштиной было ограничено: ни одинъ *братъ* не могъ продать ея безъ согласія всѣхъ остальныхъ братьевъ. Отчужденіе получало мѣсто лишь тогда, когда всѣ домовладыки братства съ своими взрослыми сыновьями явившись предъ племеннымъ судейскимъ столомъ заявляли, что они не желаютъ пріобрѣтать отчуждаемой земли и тоже за ними повторяли представители всего племени [4]. Аналогичныя явленія мы наблюдаемъ въ племени Моговоричей (generalio, *status* Mogorovic) въ Ликѣ, у Лимичей въ Польицѣ. Могоровичей насчитывалось въ началѣ XVI в. до 50 хижъ-задругъ. Каждая задруга составляла отдѣльный поселокъ. Отдѣльныя хижи были довольно значительны, хижа Драшковичей насчитывала напр. въ 1490 г. 35 мужчинъ.

Изъ Полицкихъ племенъ Кремничане какъ и Лапчане, раздѣлялись на братства. Какъ показатель связей соеди-

---

[1]) Имена ихъ смотри у Klajic'a стр. 61.

[2]) «Ako choce tvoja b r a c a S t r i ž i c i dopustiti»... ib. 61. ср. 65.

[3]) Ne mogu živiti na mojoj piemenstini». ib. 65 Petar Bozilovic s sini, Radoslav Straricko s sini, B l a z e t a b r a t u c e d n j e g o v s s i n i... vsi iz Strižic...

[4]) Z dopuscenjem svih Strizic i inoga plemena. ib. 66.

нявшихъ между собою всѣхъ Кремничанъ, заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что терминъ „братство“ употребляется иногда, какъ синонимъ племени, для обозначенія всѣхъ Кремничанъ [1].

Подобно черногорскимъ племенамъ, далматинскія племена включали иногда въ свою среду и давали равныя права людямъ, которые были чужды имъ по крови, но жили вмѣстѣ и несли одинаковыя повинности. Лимичи въ 1492 г. предоставили право назначать изъ своей среды въ полицкій столъ судью чужакамъ, которые вмѣстѣ съ ними платили десятину, но правомъ этимъ не пользовались. Число домовъ, принадлежащихъ такимъ пришлецамъ, было въ племени довольно значительно. У Качичей, кажется, еще съ XII в. были такіе чужаки [2].

Существенное отличіе въ положеніи далматинскихъ племенъ сравнительно съ черногорскими заключается въ томъ, что они не имѣли уже полной самостоятельности черногорскихъ. Далматинскія племена въ періодъ съ XII до XV в. были объединены государственной связью и входили въ составъ венгерскаго королевства. Главнымъ выраженіемъ этой связи являлось то, что князья племенъ не были уже юридически полными собственниками своихъ наслѣдственныхъ земель (племенштины); земли эти разсматривались, какъ лены, предоставленные имъ венгерскими королями, лены, которые они могли увеличить или отнять въ зависимости отъ поведенія того или другого князя. Ленныя связи князей ставили въ извѣстныя границы отношенія племенъ къ окружающимъ и опредѣляли внутреннее развитіе ихъ. Приведемъ для уясненія этого вліянія нѣсколько примѣровъ. Неподалеку отъ Сплѣта на устьи Цетины на отвѣсно обрывающейся къ югу горѣ стоялъ нѣкогда укрѣпленный городокъ Омишь (Almissa). Въ XII—XIII в. онъ составлялъ достояніе племени Качичей и былъ резиденціей ихъ племенныхъ князей.

Внѣшнія отношенія Качичей больше, чѣмъ какого нибудь другого племени, напоминаютъ намъ не стѣсненную

---

[1]) Cp. Lassowski Em. Stara hrvatska županija Podgorska. RJA. CXXXVIII, 33—51.

[2]) Nicola kenesius Alemissii una cum suis consanguineis et cum omnibus q u i s u n t s u b s u o d o m i n i o. Cod. dipl. II. 79.

когда-то ни какими внѣшними обязательствами дѣятельность черногорскихъ племенъ.

Главная масса Качичей жила на югъ отъ Омиша между рѣками Цетиной и Неретвой въ предѣлахъ позднѣйшей Крайны. Одна изъ задругъ этого племени сидѣла въ Омишѣ и на началахъ наслѣдственности пользовалась княжеской властью. Рѣки служили Качичамъ дорогой къ морю и опредѣлили ихъ жизнь. По Адріатическому морю вдоль береговъ Далмаціи направлялись въ средніе вѣка корабли съ товарами изъ Италіи на Балканскій полуостровъ—черезъ Каттаро (Которъ) и Дубровникъ (Рагузу). Качичи приняли дѣятельное участіе въ этомъ международномъ обмѣнѣ. „Корсары изъ Альмиссы", „пираты Качичи" въ теченіи двухъ столѣтій были грозой для дубровницкихъ, венеціанскихъ и южно-итальянскихъ судовладѣльцевъ и купцовъ. „Народъ Качичей" *(το Κατςικίωσ εθνος)* извѣстенъ былъ и въ Византіи. Каттаро, Дубровникъ. Венеція заключали съ ними договоры, чтобы обезпечить безопасное плаваніе по Адріатическому морю. Въ концѣ XII в. Качичи нападаютъ на побережья южной Италіи (Апуліи); въ началѣ XIII они сильно вредили крестоносцамъ. Чтобы удержать Качичей отъ враждебныхъ дѣйствій, папа Гонорій III организовалъ противъ нихъ чуть не особый крестовый походъ. Качичи не обращали на всѣ эти мѣры никакого вниманія и держали себя такъ, какъ будто представляли собою самостоятельное въ своихъ дѣйствіяхъ государство. Но въ 1225 г. имъ пришлось почувствовать, что они входили въ составъ хорвато-венгерскаго государства не номинально только. Противъ нихъ двинуты были королевскія войска и король Андрей II отнялъ у князей Омиша земли, которыя они считали своей дѣдиной. Качичи смирились. При посредствѣ сплѣтскаго архіепископа и папы они вымолили свои земли обратно и обязались прекратить морскіе разбои. Государство такимъ образомъ осуществило свои верховныя права, но только на короткое время и должно было прибѣгнуть для этого къ силѣ. Впечатлѣніе отъ урока 1225 г. было непродолжительно. Не прошло пятнадцати лѣтъ, какъ Качичи снова уже оперировали на морѣ, для большаго удобства захвативъ у Венеціи лежащіе неподалеко отъ побережья острова Хваръ и Брачъ, и устроили тамъ для себя временно станціи. Въ 1276 г. венеціанцы предприняли рѣшительную борьбу противъ своихъ смѣлыхъ враговъ. Три года Качичи выдерживали натискъ

венеціанскихъ силъ. Рядъ венеціанскихъ вождей смѣнился въ эту время подъ стѣнами Омиша и только Пьетро Мочениго удалось овладѣть городомъ и разрушить его. Качичи сходятъ съ сцены послѣ одинокой борьбы съ могущественной республикой, которую они вели не стѣсняясь интересами венгерско-хорватскаго королевства.

Въ жизни другихъ племенъ ленныя связи князей съ венгерской короной сказались больше на внутреннемъ строѣ, на отношеніяхъ князей къ своимъ племичамъ. Ленная связь измѣняла правовое и экономическое положеніе князя относительно племени. Въ Черногоріи и автономной Герцеговинѣ князь только только членъ самаго богатаго и могущественнаго братства, въ такомъ-же положеніи относительно племени были и князья Качичей, связанные съ племенемъ солидарностью разбойничьихъ интересовъ и мало думавшіе о венгерскихъ короляхъ. Судьба Шубичей, Лимичей, Моговичей цѣликомъ опредѣляется феодальными отношеніями ихъ князей.

Земли племени Шубичей были расположены въ окрестностяхъ нынѣшняго Скрадина. У нихъ было два укрѣпленныхъ города—данная почти въ готовомъ видѣ природой Островица и Бребиръ. Бребиръ былъ резиденціей княжескаго дома. Князья Шубичи долгое время извлекали изъ феодальныхъ отношеній къ Венгріи только выгоды. Въ награду за свою лойяльность члены его получили отъ короны земли по р. Кркѣ до Задра и моря, въ званіи бана Приморья управляли всей Далмаціей. Уже одно это создавало новое положенія для князя. Шубичи были несравненно болѣе независимы отъ племени, чѣмъ черногорскіе Нѣшуши, благодаря своимъ леннымъ владѣніямъ. Эта независимость княжескаго дома усиливалось еще тѣмъ, что членовъ его избирали своими ректорами сосѣднія городскія общины—Сплѣтъ и Трогиръ. Но у феодальной медали была и обратная сторона: поднятый высоко надъ племенемъ королевской властью княжескій домъ этой же властью и сбрасывается съ съ этой высоты.

Какъ сказывался на племени быстрый ростъ и быстрое же паденіе княжеской силы, къ сожалѣнію нѣтъ возможности выяснить. Рѣшеніе вопроса даетъ намъ исторія третьяго племени Гусичей.

Характерной особенностью ихъ положенія является то, что, въ то время, какъ другія племена Далмаціи пользуются правомъ суда по отношенію къ своимъ членамъ, Гусичи не имѣютъ

своихъ представителей-судей въ Корбавскомъ судѣ и судъ производится отъ имени однихъ князей племени—Курьяковичей [1]). Клаичъ предполагаетъ. что Гусичей постигла та-же судьба, что племена на Унѣ: „роды, которымъ была поручена, какъ избраннымъ главарямъ и старѣишинамъ, защита городовъ принадлежавшихъ племенамъ, присвоили себѣ племенное достояніе, обратили города въ свои замки, ихъ свободное населеніе въ кметовъ [2])". Въ исторіи племени есть факты, которые оправдываютъ это предположеніе. Относительно родоначальника княжескаго дома Куріака извѣстно, что онъ отнималъ земли у своихъ племичей [3]).

Феодальное государство разлагало т. о. покоившійся на кровныхъ связяхъ строй въ различныхъ направленіяхъ: 1)своими операціями по раздачѣ леновъ оно усиливало значеніе территоріальнаго, экономическаго начала сравнительно съ родозымъ, 2) смѣшивало населеніе жупъ [4]), соединяло въ жупаніи и комитаты племена, не имѣвшія между собой ничего общаго.

Параллельно, но слабѣе сказывается на жизни хорвато-далматинскихъ племенъ вліяніе муниципальнаго строя сосѣднихъ городскихъ общинъ. Поселенія, возникавшія около укрѣпленій или городовъ, складывались, кажется, по образцу далматинскихъ общинъ: около Омиша-крѣпости была напр. община Омишь, членами которой были и Качичи и чуждые имъ по крови люди. Отъ имени этой общины ея выборные люди—между прочимъ *судьи*—ведутъ переговоры.

Феодализмъ внесъ въ жизнь далматинскихъ племенъ, несомнѣнно, крупныя измѣненія, но подъ этимъ верхнимъ слоемъ мы еще видимъ значительные остатки родового періода и имѣетъ полное основаніе установить фактъ, что на протяженіи XII—XIX в. мы наблюдаемъ на западѣ Балканскаго полуострова одни и тѣ-же основные общественные элементы: племя, братство, задругу.

Дальнѣйшую исторію общества на юго-славянской почвѣ мы возстановляемъ, изучая судьбы жупы.

---

[1]) Klajić I. c. 57.

[2]) Ib. 56, Cp. Lopašić. Bihać i Bihaika Krjina. 17.

[3]) Ibid.

[4]) Въ Крайнѣ къ Качичамъ за время боснійскаго владычества присоединилось много выходцевъ изъ Босны, которые остались въ ней и потомъ.

2. Эволюція территоріальнаго союза. Жупа. Земля. Внѣшняя исторія государства у болгаръ и сербо-хорватовъ.

По своему первоначальному значенію жупа представляетъ, тоже, что куча, задруга, братство, челядь. Это—дѣти, потомство домовладыки. Но дальнѣйшая судьба слова сложилась иначе: **куча** слилась съ понятіемъ нераздѣльной семьи большой или малой, **братство** съ группой раздѣлившихся родичей, **племя** съ сочетаніемъ братствъ, значеніе слова „**жупа**" переросло значеніе всѣхъ этихъ родственныхъ съ ними словъ. Жупа—племя, измѣнившее свое потронимическое имя на территоріальное, область, занятая племенемъ и получившая свое имя или отъ рѣки—чаще всего—или отъ города или отъ горной группы планины господствующей надъ рѣчной долиной. Въ названіяхъ нѣкоторыхъ старыхъ хорватскихъ жупъ еще сохраняется патронимическое или иное имя племени—таковы жупы **Бужани**, **Бокачи**; съ XVII по XIX в. термины „предѣлъ" и „племя" или иное gente представлялись синонимами.

Экономическія отношенія внутри жупы напоминаютъ отношенія внутри современныхъ племенъ: у жупъ были общія пастбища, которыми, какъ пастбищами племени, пользовались всѣ села находившіяся на ея территоріи [1]; были, какъ теперь, и забраны (забели, ливади) [2]. Какъ теперь одно племя не можетъ пользоваться пастбищами другого, такъ въ XIV в. жупа пастбищами и угодьями другой жупы [3].

Все населеніе жупы, заинтересованное въ градѣ, сообща заботится объ его охраненіи и ремонтѣ [4].

---

[1]) Зак. Душ. § 16, 17. Ср. Новак. 11.
[2]) ibid 11—12. Ср. Bogih. l. c.
[3]) Жоупа жоупѣ да не попаса добиткомь ништа.
[4]) Новак. 13.

Все населеніе жупы, какъ населеніе братства, несетъ по законнику отвѣтственность за преступленіе, совершенное въ ея предѣлахъ [1]).

Подобно нынѣшнему племени, жупа XIV в. слагается изъ нѣсколькихъ селъ [2]).

Ростъ термина „жупа“ находится въ связи съ ростомъ „града“.

Градъ въ первоначальномъ своемъ значеніи есть только крѣпко (изъ камня) построенный и хорошо защищенный домъ. Въ Черногоріи и теперь еще такіе дома называются градами. Въ такомъ же смыслѣ говорится о градахъ и въ сербскихъ пѣсняхъ [3]). Дальнѣйшую исторію града освѣщаетъ исторія дома-кучи. Домъ-метрополія, изъ котораго выдѣлилась большая часть его бывшихъ обитателей, остается пунктомъ, въ которомъ они временно собираются по старинѣ; въ немъ совѣщаются объ общихъ дѣлахъ братства; въ него сходятся въ дни семейныхъ праздниковъ и религіозныхъ торжествъ для совмѣстныхъ пировъ. Градъ—такой-же домъ, но лучше построенный—могъ удовлетворять тѣмъ-же требованіямъ: въ него также могли временно собираться всѣ

---

[1]) Зак. Душ. § 206. Новак. 14.

[2]) § 35. Нов. 17.

[3]) Братац сестру съ нова града вове;
Оди, селе, оседлај ми коња.
Кар. I, 13.
То зачула браћа Смилдянина
Па Смијану у град зазидаше
Ал говори Смилјана дјевојка...
Оставјте ми пенцерић на граду.
ib. 385. Ср. VI, 372—3.
Ходи види, мајко,
Мујагини кони
За град заведени.
. . . . .
Хоћул'ићи мајко
За град на ливаду.
ibid. 403. Ср. 428.
Од три сам града госпођа
Трема сам снахам свекрова.
VI, 27.

поселившіеся около него родичи, но уже не для однихъ совѣщаній и пировъ, но и для защиты за его стѣнами и окопами (заборами).

Специальная особенность града, его пригодность для защиты опредѣлила дальнѣйшую судьбу жупы. Жупа-родъ распадалась на братства, но сохраняла свою связь съ градомъ и выросла въ организмъ, совпадавшій съ организмомъ географическимъ—съ рѣчной долиной [1], съ планиной.

Въ большей части случаевъ названіе жупъ тождественно съ названіемъ рѣкъ: ср. р.р. Неретва, Зета, Комарница, Тушина, Дрина, Рама, Босна, Рашка, Морава, Топлица, Грачаница, Лабильанска р. и одноименныя жупы и области въ Черногоріи, Босніи и Сербіи; тѣже названія означаютъ иногда и племя. Съ особенной ясностью взаимную связь всѣхъ этихъ названій можно наблюдать въ Черногоріи. Въ началѣ XIX в. на рѣкахъ Морачѣ, Пивѣ сидѣли одноименныя племена; въ средневѣковыхъ источникахъ здѣсь же упоминаются жупаніи Морача, Пива [2]. Иногда названіе жупы заимствовано отъ a) ея города: гор. Оногоштъ въ племени влаховъ Никшичей и средневѣковая жупанія Onogost; Ulpiana=гор. и жупанія Липляна; Борачъ b) отъ горной группы: хребетъ Ком=жупанія Com=племя Васојевичей [3]; планина Гусинье=городъ, нахія Гусинье=средневѣковая жупа Dinsemo.

Рѣчныя долины болѣе или менѣе значительнаго размѣра служили территоріей для нѣсколькихъ племенъ и представляли матеріалъ для образованія или крупныхъ жупъ или высшихъ территоріальныхъ единицъ—земель, областей [4]. Жупа—рѣчная долина—Морача заключала въ своемъ верхнемъ теченіи племена Дровньаковъ и Ровцевъ, въ нижнемъ-Мо-

---

[1]) Новиковиħ приводитъ мѣсто изъ одной монастырской грамоты XIV в. гдѣ вмѣсто слова жупа употребряетъ «рѣка»: «реку Дренчу со всеми сели и заселки. . реку Тулешу са всѣми сели... реку Ломницу. 123—124.

[2]) Ст. Новаковиħ. Српске области X—XII в. ГСД XLVIII, 71, Klajić. Povjest Bosne,

[3]) Ibid. 74, 75.

[4]) Новиковиħ. l. c.

рача [1], Неретва—въ верхнемъ теченіи хумскую жупу или землю, въ нижнемъ область Неретванъ [2]; въ болѣе крупныхъ рѣчныхъ долинахъ границы обособленныхъ отдѣльныхъ племенъ стерлись и образовались рѣчныя области или земли—Морава, Босна, Зета, Дрина, Посавина, Подравина.

Въ жупѣ, землѣ и области, которыя часто слагаются изъ нѣскольких племенъ, не связанныхъ происхожденіемъ, союзъ лицъ соединенныхъ родствомъ превращается въ союзъ, который покоится на общности экономическихъ интересовъ—территоріальный. Переходъ этотъ подготовляется медленно всей исторіей родственнаго союза. Уже въ задругѣ рядомъ съ родичами появляются чужеродцы, которые по своимъ отношеніямъ къ задругѣ раздѣляются на категоріи присельцевъ (priséIica, pridoslica, skupnik), досельцевъ (doselica), и насельцевъ (naselica) [3]; присельцемъ является зять-влазень, лица вступающія въ задругу по договору по отдѣленіи отъ своей [4], слуги (въ Болгаріи ратаи, момци, въ С. јунаци [5]), дѣти приведенныя матерью вдовой [6], цѣлыя слабыя задруги [7].

Села смѣшаннаго происхожденія встрѣчаются чаще [8].

Племена заключаютъ въ себя посторонніе элементы еще въ большемъ количествѣ.

Правовое положеніе чужаковъ во всѣхъ этихъ группахъ не одинаково. Въ задругѣ только родичи пользуются равными правами; слуга, хотя бы выросшій въ предѣлахъ задруги, обставленъ значительными стѣсненіями: въ сильныхъ задругахъ онъ не имѣетъ права ни жениться на дѣвушкѣ изъ задруги, ни ввести въ домъ постороннюю женщину [9]; въ слабыхъ

---

[1]) Новак. l. c. 69.

[2]) Ibid. 75. 74.

[3]) Bog. l. c. 18—19.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid. Gra. Bro. Ko. Buk. Соед. задрyга. 20. Dobr.

[6]) Ibid. Kon. Слуги, выросшіе въ задруги принимаютъ ея имя.

[7]) Ibid. 20.

[8]) Ibid. 21. Ljub.

[9]) Ibid. 21.

бываютъ часто уклоненія отъ этого суроваго порядка: слуга женится на дѣвушкѣ изъ дома, въ которомъ служитъ [1]. Въ задругахъ средней силы онъ, не получая платы, пользуется пожизненно всѣми правами задругаря, но при дѣлежѣ имущества не получаетъ части или вознаграждается отдѣльно [2].

Въ селахъ люди поселившіеся со стороны пользуется равными правами со сторожилами села только съ ихъ молчаливаго согласія. Если они забываютъ объ этомъ и начинаютъ обнаруживать большую притезательность, имъ напоминаютъ, что они dosljак'и, dogon'ы. Два-три поколѣнія должны смѣниться, прежде чѣмъ они будутъ считаться равноправными членами села.

Въ предѣлахъ племени отношенія уравниваются вполнѣ. Племя иногда формальнымъ рѣшеніемъ включаетъ въ свою среду чужаковъ и они пользуются одинаковыми правами съ его кровными членами племичами.

Племя-жупа представляетъ собою ту общественную группу, которая предшествуетъ образованію болѣе крупнаго государственнаго организма, образуетъ его составныя части въ сочетаніи съ однородными.

Если остатки его былой самостоятельности чувствуются еще въ рамкахъ средневѣковаго государства, то мы имѣемъ всѣ основанія предположить, что оно жило полной жизнью въ періодъ предшествующій образованію славянскихъ государствъ, въ періодъ заселенія полуострова.

Организованными въ такія племена-жупы славяне сидѣли, вѣроятно, за Дунаемъ, дѣлали оттуда набѣги на полуостровъ, или селились на немъ. Писатели VI в. мало говорятъ объ общественной организаціи современныхъ имъ славянъ, но когда они дѣлаютъ отступленіе отъ этого правила, то даютъ намъ факты, подтверждающіе сдѣланное предположеніе. Въ Дакіи во второй половинѣ VI в. жило, видимо, нѣсколько обособленныхъ племенъ, стоявшихъ подъ властью своихъ кнезовъ и старѣйшинъ. Объ одномъ такомъ кнезѣ Добричѣ

---

[1]) Ibid, 21. Rak. 176. Stub. Kon. 147.

[2]) Ibid. 147. Kon 148. Stub.

(*Δαυρίτας*) говоритъ Θеофилактъ Симоката, разсказывая объ аварахъ: аварскій ханъ, утвердившись въ Панноніи, послалъ къ нему съ требованіемъ покорности и дани[1]); о двухъ другихъ упоминаетъ Маврикій: въ 593 г. византійскій полководецъ Прискъ, переправившись черезъ Дунай въ Дакію, нанесъ пораженіе Радогосту, правителю *одной изъ прибрежныхъ областей* славянскихъ и опустошилъ его селенія, поля и лѣса [2]); отсюда онъ вторгнулся въ другую славянскую область и взялъ въ плѣнъ ея правителя Мужика со многими изъ его старѣйшинъ[3]); въ 597 г. преемникъ Приска переправляется черезъ Дунай у Осмы и выдерживаетъ войну съ воеводой Пирогостой[4]).

Безъ давленія внѣшней силы эти племена соединялись только временно — подъ вліяніемъ военныхъ потребностей. Писатели VI в.. какъ Прокопій, Менандръ, говорятъ напр. о столкновеніяхъ между Антами и Славянами—т. е. между крупными группами на которыя, вѣроятно, по языку распадался юго-славянскій міръ, о лицахъ, имѣвшихъ значительное вліяніе внутри этихъ группъ, какъ напр. Антъ Мезамеръ. Но эти группы распадались тотчасъ же, какъ только переставала дѣйствовать вызывавшая ихъ появленіе потребность)[5].

Изъ VII в. идетъ рядъ названій, подъ которыми извѣстны были грекамъ группы славянъ, осѣвшихъ на югѣ полуострова.

Часть этихъ группъ называлась по рѣкамъ: Стримонцы по р. Стримону, Ринхины по р. Рихію [6]); часть носила патронимическія имена.

Въ Солунскомъ сказаніи о св. Димитріѣ упоминаются Драговичи, жившіе подъ самыми стѣнами Солуни (Салоникъ)[7]); въ разсказѣ о второй осадѣ Солуня—Берзиты, Белегезиты, Вениты, Стримонцы, Ринхины, Сагудаты и другія славянскія

---

[1]) Дриновъ, l. с. 98.

[2]) Дриновъ, l. с. 105.

[3]) Ibid. III.

[4]) Ibid.

[5]) Тоже самое, какъ мы видѣли, имѣло мѣсто въ Черногоріи.

[6]) Ibid. 167. Въ X в. была Драговичская епископія.

[7]) Ibid. 133.

племена [1]). Въ Мизіи, по словамъ Өеофилакта, въ 678 г. находилось 7 народовъ.

Лучшее представленіе о природѣ этихъ группъ даетъ слѣдующее мѣсто Каменіаты, писавшаго въ началѣ X в.: „на з. отъ Солуня идетъ равнина, пока достигаетъ другихъ холмовъ... По срединѣ этой равнины разбросаны селенія, изъ которыхъ *нѣкоторыя*, границя съ городомъ, остаются на договорѣ съ нимъ и носятъ имена какихъ-то *Драговичей* и *Сагудатовъ*“ [2]). Обѣ группы заключали, очевидно, въ себѣ по нѣскольку селеній и представляли тоже, что племена новѣйшей Черногоріи. Драговичи, по предположенію Дринова, занимали восточную часть Солунскаго поля, Сагудаты западную [3]). По аналогіи съ этими двумя группами можно судить и объ остальныхъ. Племена-же нужно подразумѣвать тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о славянскихъ князьяхъ.

Солунское сказаніе, сообщая о походѣ Юстиніана Ринотмета къ Солуню, говоритъ, что Стримонцы пригласили къ себѣ на помощь р а з н ы х ъ славянскихъ князей [4]).

Въ 768 г. Императоръ Константинъ выкупилъ у славянскихъ князей (Македоніи?) плѣнниковъ, которыхъ славяне захватили на островахъ Имброса, Тенедоса и Самоөракіи [5]).

Можно предположить, что племена VI—XI в.в. были также насыщены чуждыми элементами, какъ и современныя. Въ особенности это вѣроятно относительно племенъ, сѣвшихъ на такихъ большихъ дорогахъ, какъ долины крупныхъ рѣкъ—Моравы, Струмы, Марицы. Характерно то, что въ то время, какъ на югѣ, въ маленькихъ рѣчныхъ долинахъ Старой Сербіи и нынѣшней Черногоріи, племена удержались обособленно на протяженіи столѣтій, въ такихъ крупныхъ рѣчныхъ долинахъ, какъ долина Моравы, стѣны племенной обособленности, видимо, еще въ средніе вѣка были смыты волнами стремившихся на полуостровъ завоевателей. Здѣсь, какъ будто создавались почва два возникновенія болѣе крупнаго и постро-

---

1) Ibid. 165.
2) Ibid. 163.
3) Ibid.
4) Ibid. 150.
5) Ibid. 166.

еннаго на иномъ фундаментѣ, чѣмъ племя-жупа, зданія—государства.

Объединеніе отдѣльныхъ племенъ, сліяніе ихъ въ государственные союзы начинается на окраинахъ ю. славянскаго міра и подъ давленіемъ чуждыхъ народовъ—завоевателей.

Со времени поселенія на Балканскомъ полуостровѣ южныхъ славянъ возникаетъ вопросъ объ ихъ правовомъ положеніи относительно Восточно-Римской Имперіи. Вопросъ этотъ стоитъ въ тѣсной связи съ характеромъ славянской колонизаціи. Славяне шли на полуостровъ небольшими группами, обходили уцѣлѣвшіе отъ другихъ варваровъ города, осѣдая однако почти подъ самыми ихъ стѣнами, селились главнымъ образомъ по годнымъ для земледѣлія долинамъ большихъ и малыхъ рѣкъ. Топографическая номенклатура полуострова, славянскія названія небольшихъ рѣкъ, показываетъ, что весьма часто племена и „породицы" занимали совершенно пустынные края и давали сами названія рѣкамъ и урочищамъ. Никакихъ договоровъ подобныхъ хотя бы тѣмъ, которые заключили болгары-тюрки съ Византіей, источники не упоминаютъ [1]). Отношенія къ имперіи цѣликомъ опредѣлялись состояніемъ, въ которомъ находились ея силы; въ VI в., когда полуостровъ заливался волнами славянской колонизаціи и Имперія была безсильна, Славяне чувствовали себя хозяевами занятыхъ земель и ни въ какихъ юридическихъ документахъ не нуждались; укрѣплялась Имперія, какъ это было начиная съ VIII в., и сказывался немедленно результатъ несоотвѣтстія между ея силами и силами обособленныхъ маленькихъ племенъ: славяне признавали надъ собой власть имперіи, временно, вѣроятно, несли всѣ обязанности ея подданныхъ.

Въ 783 г. Патрицій Ставракій совершаетъ завоевательный походъ противъ солунскихъ славянъ и племенъ, занявшихъ Эллашу [2]).

Въ 807 г. подчиняются Византіи послѣ неудачной осады Патръ славяне Мореи, точнѣе Ахаіи. Императоръ приписалъ ихъ, какъ данниковъ, къ Патрской митрополіи Св. Андрея [3]). Между 830—840 г.г. подчинились всѣ славянскія

[1]) Города по побережью Чернаго, Эгейскаго и Адріатическаго морей стояли подъ властью византійскихъ чиновниковъ.

[2]) Гильф. l. c. 186.

[3]) Ibid. 188.

племена Пелопонеса, Эпира, Θессаліи. На Милянъ и Езерцевъ, которые всѣхъ упорнѣе сопротивлялись въ горахъ Пентедактиля, греки наложили дань (на Милянъ 60 золотыхъ монетъ, на Езерцевъ 300), обязали ихъ ставить людей въ военную службу и замѣнили свободно-избираемыхъ племенныхъ князей своими ставленниками, которыхъ назначалъ греческій стратегъ [1]).

Константинъ Копронимъ совершилъ рядъ успѣшныхъ походовъ въ „Славиніи" нынѣшней Македоніи и В. Румеліи.

Во второй половинѣ IX в. славяне, жившіе въ области Стримона, также находились подъ управленіемъ князей, поставленныхъ Византіей. Однимъ изъ такихъ правителей былъ, между прочимъ, Меθодій.

Для того, чтобы держать славянскія племена долины Струмы въ покорности, греки поселили по близости ихъ 14,000 т. н. турокъ-вардаріотовъ изъ М. Азіи на Вардарѣ. Турки эти не имѣли другихъ обязанностей, кромѣ военной службы.

Въ 940 г. покореніе Пелопонеса было закончено и славяне на Ю. отъ Болгаріи и Сербіи состояли подданными Византіи.

Отъ начала X в. идетъ извѣстіе, которое даетъ понятіе о порядкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ славянскихъ областяхъ. Въ 904 г. Арабы осадили Солунь. Греки сильно разсчитывали на помощь „искусныхъ въ стрѣльбѣ изъ лука" славянъ, но славяне не явились: „это произошло отъ того, что славяне эти были поручены начальству дурныхъ и беззаконныхъ правителей, которые помышляли только о собственной прибыли и неистово брали взятки" [2]).

Принятіе христіанства было другимъ факторомъ, подъ вліяніемъ котораго слагались вопросы о правовыхъ отношеніяхъ новообращенныхъ славянъ къ Византіи: въ церковномъ смыслѣ славянскія жупы втягивались въ составъ ближайшихъ округовъ восточной церкви На границѣ съ греческимъ міромъ начинался такимъ образомъ процессъ, грозившій втянуть ю. славянъ въ составъ в. римской имперіи. На с.-в. и с.-з. полуострова этотъ процессъ встрѣтилъ противодѣйствіе:

[1]) Ibid.
[2]) Ibid. 192.
[3]) Konst. Porph. Yita Basilli c. 52.

Славянъ Мизіи объединили насильственно болгары, толчекъ къ объединенію славянъ Далмаціи и Панноніи дали сначала авары, потомъ франки.

Возникновеніе государства у южныхъ славянъ представляетъ одинъ изъ результатовъ того движенія урало алтайскихъ племенъ на западъ и югъ, которое начинается гуннами въ IV в. и заканчивается турками въ XV.

Ближайшими преемниками и, можетъ быть, родичами гунновъ были болгары, которые оставили свое имя славянамъ Мизіи, Ѳракіи и Македоніи. Болгары входили, кажется, уже въ составъ того конгломерата племенъ и народовъ, который подъ именемъ гунновъ наводнилъ въ V в. Дунайскую равнину. Въ 484—5 г. часть ихъ—унугундуры—сидѣла уже на лѣвомъ берегу Дуная въ углу между Дунаемъ и Днѣпромъ и дѣлала отсюда набѣги вверхъ по Дунаю въ Паннонію и на югъ отъ него въ Мизію, Ѳракію и Иллирію [1]); часть оставалась на Яикѣ и Кубани. Въ послѣднее время высказывается предположеніе, что здѣсь за Дунаемъ болгары временно находились подъ властью славянъ-антовъ [2]). Съ появленіемъ на Дунаѣ аваровъ кутригуры, утигуры и другія болгары поступаютъ подъ ихъ власть. Въ послѣдней четверти VII в. (679 г.) унугундуры переходятъ черезъ Дунай и водворяются въ Добруджѣ. Съ этого момента открывается новая эпоха въ исторіи славянъ Мизіи, Ѳракіи и Македоніи, радикально преобразуются всѣ условія общественности, возникаютъ новыя правовыя отношенія.

Болѣе или менѣе характерныя для внутренняго строя болгарскаго государства извѣстія идутъ изъ IX в. Кое-какія заключенія можно дѣлать однако и на основаніи тѣхъ немногихъ фактовъ, которые даетъ намъ время отъ 679 г. до начала IX в. Болгары выселили изъ Добруджи племя сѣверянъ и обратили эту степную страну въ укрѣпленный лагерь; еще въ IX и X в. Добруджа сохраняла слѣды своей былой изолированности и военнаго значенія: несомнѣнно объ этой соб-

---

1) Müllenhoff D. A. II, 379.

2) Marquardt (Die Türkische Inschriften. Exc. II, 78) такимъ образомъ объясняетъ славянскія имена, какъ Безмеръ—Μεζάμηρος и Гостунъ—Κελαγαστης, братъ Мевамера.

ственной Болгаріи одни источники говорятъ, что она была ограждена стѣной, другіе—болѣе достовѣрные—цѣпью сторожевыхъ постовъ, которые не выпускали изъ страны подъ страхомъ смертной казни никого — ни свободнаго человѣка, ни раба. Только при предположеніи, что каждый житель первоначальной Болгаріи разсматривался, какъ членъ военнаго стана, можно объяснить обычай, въ силу котораго свободный человѣкъ не могъ покинуть своего отечества. Каждый житель этого лагеря долженъ былъ всегда имѣть въ исправности оружіе, рискуя поплатиться жизнью за упущеніе. Отсюда болгары предпринимали походы на югъ, за Балканы; здѣсь кипѣла борьба изъ-за власти между родами, на которые распадались болгары: въ 760 г. съ ханомъ Кормисошемъ (753—760) кончается власть рода Дуло; власть переходитъ къ роду Угаинъ, но только на три года: послѣ перваго же пораженія, которое потерпѣлъ новый ханъ отъ грековъ и онъ и вся его партія погибли въ возстаніи [1]). Въ экономическомъ и государственно-правовомъ смыслѣ самымъ знаменательнымъ фактомъ этой первой эпохи слѣдуетъ считать неудавшееся, но характерное предпріятіе хана Церига: въ 774 г. Церигъ отправилъ 12,000 человѣкъ подъ предводительствомъ нѣсколькихъ бояръ въ Македонію, въ область племени Брсяковъ для того, *чтобы переселить это племя на с. въ Мизію.* Этотъ проэктъ, для котораго оказывается не мало аналогій въ послѣдующемъ, проливаетъ яркій свѣтъ на соціальную исторію предшествующихъ ста лѣтъ болгарскаго владычества въ Мизіи. Хану и боярамъ нужны были не одни греческія деньги, но и рабочія руки, и за этими руками они предпринимаютъ формальную охоту; проэктируя переселеніе, ханы и бояре, очевидно, считали себя хозяевами территоріи Мизіи; славяне-переселенцы должны были сѣсть на новыя для нихъ и имѣвшія собственника земли, не какъ вольные колонисты и завоеватели, а какъ привязанные къ нимъ и владѣльцамъ работники. Проэктъ подобнаго рода могъ возникнуть только при томъ условіи, что прикрѣпленное къ землѣ, работавшее, хотя бы частью, на болгаръ славянское населеніе существовало уже раньше и дало завоевателямъ-кочевникамъ воз-

---

[1]) Ibid.

можность оцѣнить выгоды обладать имъ. Проэктъ Церига даетъ намъ право предположить, что тотъ соціальный строй, съ которымъ мы встрѣтимся въ IX в., сложился непосредственно послѣ завоеванія Мизіи: уже тогда населеніе новаго государства раздѣлилось на бояръ-землевладѣльцевъ и славянское населеніе, обязанное на нихъ работать. Съ начала IX в. вмѣсто проэктовъ являются факты. Крумъ (802—815) вывелъ огромную массу плѣнныхъ въ задунайскую Болгарію—нынѣшнюю Румынію—съ орудіями и рабочимъ скотомъ [1]). Въ концѣ столѣтія (894) Константинъ Паннонскій въ одной изъ своихъ проповѣдей говоритъ о работѣ на властелей, какъ о нормальной дѣятельности его паствы [2]).

Съ момента завоеванія Мизіи болгарами возникаетъ такимъ образомъ государство съ точно опредѣленной територіей [1]), съ двумя рѣзко обособленными слоями населенія—господствующимъ болгарскимъ и зависимымъ—славянскимъ [3]).

Непосредственно послѣ появленія Болгаръ въ Добруджѣ Византія заключила съ ними договоръ, по которому отказывалась отъ притязаній на Мизію и обязывалась уплачивать ежедную дань. По отношенію къ дани договоръ нарушался неоднократно, но територія оставалась за Болгарами неприкосновенно. Въ 702 г. она была увеличена Загорьемъ—южнымъ склономъ Балканъ отъ Сливны до Бургаса съ приморскими городами Анхіаломъ и Месемвріей.

Съ начала IX в. расширеніе государственной територіи идетъ крупными шагами. Ударъ, нанесенный Карломъ аварамъ, отозвался за Тиссой. Болгарская орда, сидѣвшая въ нынѣшней Румыніи и находившаяся подъ властью аварскаго кагана, сбрасываетъ аварское иго и присоединяется къ своимъ родичамъ въ Мизіи. Болгарское государство охватываетъ теперь земли по обѣ стороны Дуная отъ Балканъ до Карпатовъ Седмиградья и соприкасается на Тиссѣ съ имперіей Карла К. Параллельно съ расширеніемъ територіи наростали и условія ославяненія болгаръ. Къ славянскимъ племенамъ, сидѣвшимъ въ Мизіи, присоединяются теперь славяне

---

[1]) Горскій Невоструевъ. Опис. ркп. Моск. Синод. библ. II, 2, 247. Starine. V, 34.

[2]) Гильф. l. c.

[3]) Jireček. l. c.

Дакіи. Писатели VI в. упоминаютъ здѣсь, какъ мы уже видѣли, нѣсколько славянскихъ княжествъ; можно думать, что княжества эти сохраняли свое существованіе неизмѣнно и въ IX в. Венгерскій хроникеръ разсказывая о завоеваніи Мадьярами Панноніи и сосѣднихъ земель, упоминаетъ четыре славянскихъ княжества на в. отъ Тиссы: одно подъ управленіемъ Салана находилось между Тиссой и Дунаемъ; другое—Менуморута—на восточной сторонѣ Тиссы; третье—Глада—между Марошью и Темешью; четвертое—Гелу—въ Седмиградьи. Походъ Крума противъ Византіи въ 813 г. увеличилъ число здѣшнихъ славянъ: до 10,000 человѣкъ было переселено за одинъ пріемъ изъ нынѣшней Румеліи за Дунай.

По смерти Крума, при его преемникахъ Омортагѣ и Пресьямѣ завоевательная дѣятельность болгаръ направляется вверхъ по Дунаю. Послѣ безуспѣшныхъ переговоровъ съ франками относительно разграниченія Омортагъ предпринимаетъ походъ вверхъ по Дунаю и Дравѣ: славянскія племена, жившія между Савой и Дравой были поставлены подъ власть болгаръ-правителей. Движеніе внутрь славянской Панноніи привело болгаръ въ соприкосновеніе съ сербскими племенами. Преемникъ Омортага Пресьямъ предпринялъ противъ нихъ первый завоевательный походъ, но послѣ трехлѣтней борьбы вынужденъ былъ отказаться отъ своего замысла.

Сынъ или племянникъ Пресьяма Борисъ не увеличивалъ государственной территоріи, созданной съ предшественниками, но въ исторіи государственнаго развитія болгарскихъ-славянъ его продолжительное княженіе должно занять видное мѣсто. При немъ болгары приняли христіанство и поставлены были въ необходимость точно опредѣлить на будущее время свои отношенія къ Византіи. Пока болгары были язычниками, отношенія эти были и ясны и не сложны: болгары владѣли, какъ полные хозяева, территоріей, отъ которой, на основаніи договоровъ, отреклась Византія; каганъ или князь болгарскій избирался народомъ и только предъ народомъ отвѣчалъ за свою дѣятельность; временами для поддержанія мира Византія платила болгарамъ дань; въ духовномъ отношеніи болгары-язычники были совершенно независимы. Съ принятіемъ христіанства приходилось осложнить существующія отношенія новыми элементами, приспособить государственно-правовыя воззрѣнія языческаго періода къ христіанскимъ. Новообращен-

ный болгарскій народъ долженъ былъ занять опредѣленное мѣсто въ христіанской церкви, подчинить свою совѣсть авторитетамъ, находившимся внѣ занятой ими территоріи. Крестили болгаръ представители греческой церкви, съ этой же церковью предстояло войти имъ въ тѣснѣйшія внутреннія отношенія; но за византійской церковью стояла господствовавшая надъ ней императорская власть, за зависимостью церковной въ перспективѣ вырисовывалась зависимость политическая. Задача ставилась такъ, чтобы удержать рядомъ съ христіанствомъ старую политическую независимость отъ Византіи. Ея рѣшеніе давалось современными условіями христіанской церкви. Въ то время, какъ болгары принимали христіанство, въ церкви начинался великій расколъ, начинался споръ о первенствѣ между римскимъ и константинопольскимъ патріархами. Борисъ воспользовался этой міровой борьбой съ большой ловкостью: отъ греческой церкви онъ взялъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, отъ папы добивался утвержденія сначала самостоятельнаго болгарскаго патріархата, потомъ хотя бы архіепископства. Обрадованный папа предоставилъ Борису выбрать одного изъ посланныхъ въ Болгарію проповѣдниковъ. Борисъ выбралъ нѣкоего Формоза. Выборъ папѣ почему-то не понравился; болгары указали другое лицо; результатъ и на этотъ разъ получился тотъ-же. Между папой и болгарами возникли пререканія; папа отвергалъ болгарскихъ кандидатовъ, болгары не принимали папскихъ. Борисъ обратился въ Византію. Здѣсь его условія были приняты. На Константинопольскомъ соборѣ послы „Михаила, возвышеннѣйшаго и свѣтлѣйшаго повелителя Болгаріи“ фигурировали рядомъ съ послами франкскаго императора. По окончаніи собора состоялось постановленіе, по которому Болгарія вновь соединялась съ восточною церковью и получала изъ Византіи архіепископа и этотъ архіепископъ, не имѣя званія патріарха, пользовался по отношенію къ нимъ даже внѣшними преимуществами: на придворныхъ торжествахъ византійскихъ онъ занималъ мѣсто, слѣдующее за патріархомъ Константинопольскимъ. Вопросъ на половину былъ рѣшенъ; болгары не имѣли основанія жалѣть о разрывѣ съ Римомъ: съ полунезависимымъ архепископомъ полученнымъ отъ Византіи они могли свободно совершать славянское богослуженіе и внимать славянамъ-миссіонерамъ и писателямъ, которыхъ гнала римская церковь.

Сынъ Бориса Симеонъ повелъ дѣло дальше. Онъ добился для Болгаріи патріархата и этотъ тріумфъ составлялъ только часть завоеваній, которыя онъ сдѣлалъ у Византіи.

Симеонъ началъ съ охраны торговыхъ интересовъ Болгаріи. Въ началѣ X в. Болгарія была складочнымъ мѣстомъ торговли между западомъ и сѣверомъ Европы съ одной стороны, Византіей съ другой. Болгары обмѣнивали сырыя произведенія Германіи, Моравіи, Россіи и Придунайскихъ странъ на мануфактурныя произведенія Византіи, на товары Азіи и Африки [1]). Главный торгъ шелъ въ Византіи. Въ началѣ царствованія Симеона пошлины съ болгарскихъ товаровъ сданы были на откупъ; откупщики, чтобы дѣйствовать свободнѣе перевели торгъ въ Солунь и вдали отъ правительственнаго надзора стали безпощадно эксплуатировать болгарскихъ купцовъ. Симеонъ сдѣлалъ по этому поводу представленія; на нихъ не обратили вниманія. Симеонъ взялся за оружіе.

Греки, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ столкновеній, обратились за помощью къ мадьярамъ, которые только что около этого времени (885 г.) подъ начальствомъ Арпада пододвинулись къ Дунаю. На византійскихъ судахъ мадьяры переправились черезъ Дунай и принялись опустошать Болгарію. Симеонъ пробовалъ бороться съ ними, но потерпѣлъ три пораженія и долженъ былъ искать спасенія за стѣнами Доростола. Мадьяры жестоко опустошили Болгарію, Симеонъ вступилъ въ сношенія со врагами мадьяръ печенѣгами и въ союзѣ съ ними разгромилъ Ателькузъ—страну, въ которой кочевали мадьяры [2]), потомъ бросился на Византію, разбилъ высланныя противъ него войска и обязалъ грековъ платить дань (893) [3]). Борьба съ мадьярами продолжалась. Послѣ разгрома 893 г. мадьяры покинули Ателькузъ, завладѣли Моравіей и отсюда распространили свои захваты на задунайскія княжества, стоявшія въ зависимости отъ Болгаріи. Симеонъ слабо защищалъ свои права на нихъ и лѣвый берегъ Дуная былъ потерянъ навсегда для Болгаріи и для славянства. Двадцать лѣтъ послѣ этой борьбы Болгарія оставалась

---

[1]) Rambaud. Empire Bys. au X siécle. 328 Дриновъ. Ю. слав. и Виз. 6.
[2]) Annales Fuldenles MG. I, 415.
[3]) Дриновъ, l. c. 8.

въ своихъ съуженныхъ предѣлахъ. Сь 912 г. начинается ея быстрый ростъ. Вызовъ былъ брошенъ Византіей. Пословъ, которыхъ Симеонъ отправилъ къ новому императору для возобновленія договора 893 г., позорно выгнали. Симеонъ вторично взялся за оружіе. Въ Византіи разнесся слухъ, что болгарскій князь хочетъ занять византійскій престолъ [1]) Перепуганные греки сами теперь черезъ отправленныхъ къ Симеону пословъ обязывались и утвердить договоръ, и платить по старому дань. Симеонъ отказался отъ соглашенія и въ августѣ 913 г. появился подъ стѣнами Константинополя. Это была внушительная демонстрація, за которой послѣдовали мирныя предложенія новаго для славянъ рода. Симеонъ выразилъ желаніе породниться съ малолѣтнимъ императоромъ— по предположенію Дринова, выдать за него одну изъ своихъ дочерей. Предложеніе, кажется, было принято: Симеонъ съ безчисленными подарками отступилъ отъ стѣнъ Византіи.

Черезъ годъ мы видимъ его, однако, опять въ предѣлахъ Имперіи: его предложенія были отвергнуты матерью императора и онъ переводитъ вопросъ на другую, менѣе зависящую отъ придворныхъ теченій почву. Симеонъ, наученный опытомъ, прежде всего старается обезпечить себѣ договоромъ съ печенѣгами тылъ, затѣмъ приступаетъ къ завоеванію имперскихъ областей. Въ сентябрѣ 914 г. онъ захватываетъ такъ называемую македонскую ѳему съ главнымъ городомъ Адріанополемъ, затѣмъ направляетъ отдѣльныя отряды на з. въ солунскую область и къ Дураццо па Адріатическомъ морѣ (диракхійская ѳема). Три года тянулась эта завоевательная кампанія, прежде чѣмъ греки успѣли собраться съ силами и предпринять походъ въ Болгарію. Въ 917 г. огромное войско двинулось на С., но потерпѣло жестокое пораженіе на р. Ахелоѣ близь Месемвріи. Ошеломленные несчастіемъ греки заговорили о мирѣ, но Симеонъ поставилъ уже болѣе тяжелыя условія: „движимый скиѳскимъ безуміемъ", онъ потребовалъ, чтобы его признали императоромъ народъ и власти византійскія [2]). Для подкрѣпленія своихъ требованій онъ захватывалъ все новыя и новыя территоріи. Около 919 г. часть болгаръ находилась на берегу Дар-

[1]) Дриновъ. l. c. 11.
[2]) Дриновъ. l. c. 20.

данельскаго пролива и пыталась захватить Лампсакъ (Чардакъ)—ключъ къ Мраморному морю и Константинополю—другая проникла въ с. и сред. Грецію (Өессалію, Беотію, Аттику) и на греческіе острова [1]). На всѣ предложенія грековъ онъ упорно даетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „пусть императоръ, который недавно возведенъ на престолъ, оставитъ его, пусть народъ и власти признаютъ меня царемъ; того хочетъ Богъ". Греки застращивали Симеона союзомъ съ печенѣгами, мадьярами, Аланами, Русью; результатъ оставался неизмѣннымъ.

Симеонъ, игнорируя императоровъ, сносился непосредственно съ сенатомъ, требовалъ торжественнаго въѣзда въ столицу и уступки всѣхъ владѣній имперіи въ Европѣ [2]). Чтобы обезпечить себѣ осаду, онъ вступилъ въ сношенія съ арабами. Его послы отправились къ халифу С. Африки Хатлуму съ предложеніемъ союза. Арабамъ обѣщалась половина добычи, которую союзники могли найти въ Константинополѣ. Въ сентябрѣ 924 г. Симеонъ опять стоялъ подъ стѣнами Константинополя. Онъ держалъ себя уже какъ греческій императоръ; его появленіе войска привѣтствовали кликами на греческомъ языкѣ [3]). Но внѣшность, парадъ были заимствованы раньше, чѣмъ Симеонъ добылъ желанную власть. Греки нашли средство отвлечь болгарскаго царя отъ стѣнъ столицы. Въ обзорѣ сербско-хорватской исторіи мы увидимъ, кого выдвинули греки противъ Симеона. Здѣсь мы отмѣтимъ только результатъ: Симеонъ отступилъ и не появлялся болѣе подъ стѣнами Византіи. Въ 927 г. его не стало въ живыхъ.

О размѣрахъ опасности, угрожавшей Византіи отъ Симеона, можно судить по тѣмъ уступкамъ, которыя имперія сдѣлала для того, чтобы заключить послѣ его смерти миръ съ чуждымъ воинственности, монархомъ на тронѣ, его сыномъ. Греки согласились на все, въ чемъ на первыхъ порахъ отказывали Симеону—согласились на бракъ Петра съ дочерью одного изъ императоровъ Христофора, поставили по требованію болгаръ этого Христофора на мѣсто Константина Багрянороднаго, признали за болгарскимъ правителемъ царскій титулъ, обязались считать его выше всѣхъ европейскихъ го-

[1]) Дриновъ. l. c. 21.
[2]) idid. 26.
[3]) ibid. 31.

сударей, даже выше германскаго императора[1]; признали независимость болгарской патріархіи, учрежденной при Симеонѣ, обязались платить ежегодную дань, уступили часть завоеванныхъ Симеономъ областей[2]. Уступки были очень велики: онѣ превосходятъ все, о чемъ мечтали предшественники Симеона, и заключаютъ въ себѣ разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, возникшихъ для Болгаріи со временъ принятія христіанства. Онѣ представляются неудовлетворительными только въ сравненіи съ тѣми требованіями, которыя поставилъ Симеонъ. Для того, чтобы точно оцѣнить ихъ размѣры, сдѣлаемъ сравненіе, припомнимъ послѣдніе дни З. Римской имперіи.

Въ 476 г. служившіе имперіи по найму герулы потребовали отъ Ромула Августула, чтобы имъ была уступлена за службу третья часть итальянской почвы; получивши отказъ, они поднимаютъ возстаніе, провозглашаютъ Одоакра королемъ Италіи и этотъ фактическій повелитель Италіи и Рима испрашиваетъ у восточнаго императора при посредствѣ римскаго сената, чтобы за нимъ былъ признанъ титулъ патриція и правителя итальянской діоцезы. Теодорихъ Великій въ званіи патриція и консула двинулся съ своими остъготами въ Италію и, отнявши ее у Одоакра, испрашиваетъ въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ у Византіи позволенія владѣть ею, чеканитъ монету съ изображеніемъ византійскаго императора, примиряется съ тѣмъ, что на всѣхъ государственныхъ актахъ, на всѣхъ памятникахъ стоитъ на первомъ мѣстѣ имя того-же императора; Хлодвигъ довольствуется тѣмъ же титуломъ патриція и консула, завоевавши всю Галлію, покоривши алеманновъ, бургундовъ, вестъ-готовъ.

Съ формальной стороны болгары получили отъ Византіи больше, чѣмъ герулы, остъ-готы и франки.

---

[1]) Сорокъ лѣтъ спустя посолъ германскаго императора Оттона I епископъ Ліутпрандъ жаловался на то, что при византійскомъ дворѣ ему оказывали меньшій почетъ, чѣмъ послу болгарскаго царя.

[2]) О размѣрахъ болгарскаго государства въ эпоху Петра можно судить по району власти болгарскаго патріарха; подъ его вѣдѣніемъ состояли епископіи: I) Прѣславская, Доростольская, Проватская, Дебельтская, II) Брегальницкая, Охридская, Касторійская, Главиницкая, Могленская, Битольская, Струмицкая,... Дебрьская, Малешовская, Дѣвольская, Рыльская, Сконійская, Приштинская, III) Нишская, Бѣлградская, Моравская. и пр. Ср. Дрин. 79—81.

Продолжая сравненіе, приходится однако констатировать, что только на этой почвѣ славяне и пользуются какъ-бы нѣкоторыми преимуществами сравнительно съ германцами; внѣ ея сравненіе оказывается уже не въ ихъ пользу: германцы довольствовались скромными титулами, не гнались за короной римской имперіи, но крѣпко держались за отнятыя у нея земли; болгары, у которыхъ въ рукахъ была на Ю. отъ Балкановъ вся страна между Чернымъ и Адріатическимъ морями, отступились отъ большей ея части за тряпки и побрякушки императорскаго византійскаго „орната". Сохраненіе этихъ земель и составляло соотвѣтствующее условіямъ среднее пропорціональное между притязаніями Симеона и условіями мира, заключеннаго Сурсовуломъ. Овладѣть Византіей Самуилъ не могъ[1]. Византія опиралась на море, на которомъ болгары были безсильны. Потомки степняковъ болгары просидѣли два вѣка на берегахъ Черпаго моря и, отогнавши отъ него славянъ, не въ состояніи были приспособиться къ нему, но удержать занятыя славянами земли Македоніи и Ѳракіи было въ ихъ силахъ и Сурсовулъ продалъ завоеванія Симеона очень дешево.

Во время заключенія мира болгарское царство имѣло, по словамъ Дринова, слѣдующія границы: на югѣ его отдѣляла отъ византійскихъ владѣній длинная ломаная черта, которая начиналась приблизительно южнѣе Бургаса на Черномъ морѣ, проходила между Адріанополемъ и Филиппополемъ черезъ всю Ѳракію до Родопскихъ горъ, далѣе сворачивала на ю. и по вершинамъ этихъ горъ спускалась къ окрестностямъ города Сереса, оттуда направлялась къ юго-западу, проходя недалеко отъ Солуня и спускалась къ горѣ Олимпу въ С. Ѳессаліи; отсюда линія направлялась къ западу, до устья р. Калама, впадающей въ Іоническое море противъ Корфу. Западная граница шла по берегу Адріатическаго моря отъ устья Каламы до устья соединеннаго Дрина. Ниже Дураццо пограничная линія поворачивала на В. до Ниша, затѣмъ на С. до Бѣлграда, отсюда по Дунаю до его устьевъ; на В. граница шла по берегу Чернаго моря до Бургаса. Существуетъ предположеніе, что Подунавье и выше Бѣлграда до впаденія въ

[1]) Овладѣть сю съ суши не пытался даже Теодорихъ В. съ своими остъ-готами.

Дунай Дравы также входила въ составъ болгарскаго государства. Арабъ Аль-Масуди и Вильгельмъ Тирскій говорятъ, что Болгарія въ X в. имѣла 30 дней пути въ длину и 10—въ ширину[1].

Восточной имперіи въ Европѣ принадлежали Константинополь, побережье Чернаго и Мраморнаго морей съ Солунью и Сересомъ (Θессалоникійская и Стримонская тэмы) и полоса вдоль побережья Адріатическаго моря съ г. г. Дураццо (Диракхійская тэма), Дульциньо и Антибаромъ.

Въ 968 г. установленныя договоромъ отношенія прервались: императоръ Никифоръ Фока позорно выгналъ болгарскихъ пословъ, явившихся за данью и пригласилъ кіевскаго князя Святослава начать войну противъ Болгаріи. На русскихъ славянъ возлагалась задача, которую обыкновенно ранѣе исполняли кочевники урало-алтайскаго происхожденія—мадьяры, печенѣги. Святославъ занялъ придунайскую Болгарію, но добыча показалась ему такъ привлекательной, что у него явилась смѣлая мысль не только оставить за собой занятыя земли, но даже перенести на Дунай свою столицу и отсюда управлять придунайскими землями и Южной Русью.

Проэкты Святослава встревожили Византію. Никифоръ Фока предпочелъ отказаться отъ завоевательныхъ плановъ относительно Болгаріи и примириться въ Петромъ. Святославъ началъ борьбу съ обоими союзниками, овладѣлъ всей Дунайской Болгаріей, взялъ Великую Преславу, весной 970 г. перешелъ черезъ Балканы, овладѣлъ Филиппополемъ, нагналъ ужасъ на юго-западныхъ болгаръ и двинулся къ Адріанополю. Здѣсь его встрѣтило войско Цимисхія. Греческіе историки говорятъ, что Святославъ потерпѣлъ пораженіе; русская лѣтопись называетъ его побѣдителемъ. Послѣднее, кажется, ближе къ истинѣ: послѣ Адріанопольской битвы Святославъ двигается далѣе на югъ по направленію къ Константинополю. Цимисхій вступилъ въ мирные переговоры и предложилъ огромную дань. Святославъ принялъ ее и отошелъ на С. Цимисхій воспользовался передышкой для того, чтобы приготовиться къ рѣшительной борьбѣ. Въ 971 г. онъ перешелъ безпрепятственно черезъ Балканы, занялъ В. Преславу и другіе болгарскіе города. Святославъ послѣ отчаянной защиты

---

[1]) Дриновъ I. с. 79—80.

въ стѣнахъ Доростела (Силистріи) оставилъ Болгарію. Цимисхій остался хозяиномъ страны и обратилъ ее въ византійскую провинцію: царская власть и патріархія были уничтожены.

Династія Симеона сошла со сцены; придунайская Болгарія утратила политическое существованіе, но государственная жизнь объединенныхъ болгарами славянъ не прекратилась. Идеи Симеона сохранили свою власть надъ болгарскими умами; перемѣняется только область ихъ примѣненія. Степной періодъ въ исторіи болгарскихъ славянъ, въ теченіе котораго Дунайская низменность приковывала къ себѣ жизненныя силы слагавшагося государства, кончается; на югъ отъ Балканъ, въ Македоніи въ районѣ Охридскаго и Преспенскаго озеръ, на границахъ Сербіи начинается второй—чисто славянскій періодъ ея. Западно-болгарское царство возникло еще при жизни Петра. Основателемъ его былъ одинъ изъ владѣтельныхъ болярь Шишманъ. Шишманъ, кажется, умеръ одновременно съ Петромъ: его дѣти—Давидъ, Моисей, Ааронъ и Самуилъ — пытались отнять у дѣтей Петра придунайскую Болгарію, но внуковъ Симеона поддержали греки. Давидъ наслѣдовалъ отъ отца царскій титулъ, но уже между 977—979 гг. власть переходитъ въ руки Самуила, минуя старшаго брата Аарона, котораго убилъ со всѣмъ родомъ Самуилъ.

Событія, совершившіяся въ Дунайской Болгаріи, опредѣлили первые шаги Шишмановичей: ихъ интересы сосредоточиваются на ю., въ тѣхъ славянскихъ областяхъ, которыя еще въ IX в. подпали подъ власть Византіи. Естественнымъ дополненіемъ къ этой цѣли является попытка завоевать опорные пункты имперіи въ этихъ краяхъ—Сересъ и Салоники. Около 980 г. Сѣверная и Средняя Греція были уже въ рукахъ Самуила и онъ дѣлаетъ попытку проникнуть въ Пелопонезъ[1]. „Безнаказанно, говоритъ Зонара, проходилъ Самуилъ западные края имперіи, не только опустошая, но подчиняя области и города своей державѣ“[2]. На с. отъ Охриды владѣнія Самуила простирались на Дибрь и равнины Бѣлаго Дрина и верхней Моравы; къ нимъ принадлежало и Косово поле.

[1]) Дриновъ. I. с. 111.
[2]) Гильф. I. с. 203.

Главныя силы новаго царства сосредоточиваются въ Софіи, Скоплѣ, Прилепѣ, Охридѣ, Могленѣ, Струмницѣ и другихъ городахъ Македоніи и Албаніи[1]. Дунайская Болгарія входила также въ составъ державы Самуила, но уже не играла своей былой роли.

Съ 981 г. открывается новая борьба между греками и болгарами. Василій II, будущій Болгаробойца, предпринялъ походъ въ тылъ Самуила—на Софію.

Отдѣленный небольшимъ разстояніемъ отъ Адріатическаго Приморья и Старой Сербіи, Самуилъ задумалъ захватить и эти территоріи. Первый шагъ его былъ направленъ противъ Дураццо (Драча) Самуилъ овладѣлъ безъ труда имъ и Лешемъ (Alessio), пытался захватить Дубровникъ и Которъ, но безъ успѣха[2]. Подгорье и Которской заливъ остался все-же въ его рукахъ.

Въ 995 г. операціи были перенесены къ берегамъ другого моря. Самуилъ осадилъ Солунь. Отсюда онъ дѣлаетъ для чего то набѣгъ на ранѣе уже завоеванныя (?) области Сѣверной и Ср. Греціи.

Въ Македоніи власть Самуила поддерживалась цѣлой системой укрѣпленій, въ которыхъ стояли болгарскіе гарнизоны: Сервія, Веррія, Островъ, Водена, Могленъ, Мелениктъ, Струмница, Штипъ, Просѣкъ, Скопье, Пернакъ. — Во главѣ этихъ городовъ стояли боляре, владѣвшіе ими почти независимо. Они водили на войну собственные полки[3].

Война съ Византіей открывшаяся съ 1001 г. раскрываетъ тѣ связи, которыя соединяли владѣльцевъ городовъ съ царемъ: Веррію предалъ Василію за титулъ проконсула имперіи болярииъ Драгомиръ, Скопле другой болярииъ — Романъ, сынъ Петра Симеоновича—и получилъ за это титулъ патриція. Василій въ теченіе 13 лѣтъ изъ года въ годъ наносилъ Самуилу удары, отнималъ у него городъ за городомъ и постепенно стягивалъ территорію новаго царства до предѣловъ Охриды[4]. Всѣ силы имперіи были обращены на эту борьбу.

---

[1]) Гильф. I, 197 Загорье и Котокіе.
[2]) Ibid. 215.
[3]) Ibid. 246.
[4]) Свой рецептъ войны онъ завѣшалъ потомству: «если когда нибудь опять возстанутъ болгары, ихъ нельзя покорить мгновенными битвами, а надо постепенно овладѣвать ихъ городами и укрѣпленіями, постепенно разорять землю».

Катастрофа при Бѣласицѣ нанесла смертельный ударъ Западно-болгарскому царству. Самуилъ загородилъ укрѣпленіями ворота, чрезъ которыя проникали въ сердце Македоніи византійскія войска—ущелье подъ горой Бѣласицей въ Родопахъ (Кимбалунгъ и Ключъ). На время ему удалось сдержать грековъ, но обходное движеніе филиппопольскаго воеводы вокругъ Бѣласицы разстроило планы Самуила. Греки неожиданно очутились въ тылу у болгаръ и нанесли имъ страшное пораженіе. 15,000 болгаръ попалось въ плѣнъ и судьба, постигшая ихъ, показываетъ до какого напряженія доведены были страсти упорной, долголѣтней борьбой. Василій приказалъ ослѣпить всѣхъ плѣнныхъ и отправить ихъ къ Самуилу, оставивши каждому сотому человѣку одинъ глазъ для того, чтобы онъ могъ вести товарищей. Когда эти тысячи изуродованныхъ людей предстали предъ Самуиломъ, онъ упалъ замертво, пораженный „болью въ сердцѣ“.

Послѣ смерти Самуила завоеваніе оставшихся еще въ рукахъ болгаръ земель пошло быстро. Болгары не утратили еще способности сопротивляться, но человѣка, который могъ бы организовать несокрушенныя еще силы народа во имя общаго интереса, не оказалось. Сынъ Самуила Романъ-Гавріилъ-Радоміръ не наслѣдовалъ отъ отца его политическихъ и военныхъ талантовъ, да ему недолго пришлось и царствовать. Греки убрали его съ дороги: анонимный діоклійскій лѣтописецъ сообщаетъ преданіе, что они подговорили двоюроднаго брата Радоміра (Іоанна - Владислава) убить его, отмстить за смерть отца и захватить въ свои руки власть. Владиславъ выполнилъ этотъ совѣтъ и убилъ Радоміра на охотѣ. Непосредственно послѣ вступленія на престолъ онъ вмѣстѣ съ „князьями болгарскими“ *(ἄρχοντες Βουλγαρίας)* подписалъ мирный договоръ съ Византіей: сущность договора неизвѣстна, но въ виду положенія вещей можно предполагать, что на основаніи его Владиславъ и князья, сохраняя за собой владѣнія, признавали верховную власть Византіи. Договоръ сосохранялъ силу очень недолго. Въ видѣ дополнительнаго вознагражденія за убійство Радиміра Владиславъ долженъ былъ, по словамъ діоклейскаго лѣтописца, получить Драчъ, но когда онъ явился передъ стѣнами уступленнаго города, его туда не пустили.

Осенью-же 1015 г. Василій снова вступилъ въ Болгарію,

взялъ ея столицу Охридъ и поспѣшно отступилъ къ Равуни. Счастье начинало какъ будто переходить на сторону болгаръ: Василій даже при помощи наемныхъ русскихъ дружинъ не могъ овладѣть Перникомъ, который стоялъ на пути въ Софію. Въ 1017 г. Владиславъ перешелъ даже въ наступленіе и заручившись согласіемъ съ печенѣгами осадилъ Силистрію. Предпріятіе не удалось въ виду того, что печенѣги поссорились съ болгарами и покинули ихъ. Владиславъ поспѣшилъ на югъ, въ Македонію, гдѣ Василій осаждалъ Сѣтену. Гдѣ то не подалеку отъ этого пункта онъ потерпѣлъ пораженіе. Вскорѣ потомъ онъ умеръ подъ стѣнами Драча. Это былъ послѣдній Шишмановичъ. „Со дня смерти Іоанна-Владислава зданіе Самуилово рушилось; Византіи осталось только подбирать обломки“[1]: Перникъ съ тридцатью пятью другими сосѣдними городами, Охридскій край, Липьянъ на Коссовомъ полѣ, Моравищи на верховьяхъ болгарской Моравы, Струмница отправили къ Василію пословъ съ выраженіемъ покорности; старшій сынъ Владислава съ двумя братьями бѣжалъ въ горы Тмара (въ Средней Албаніи близь Берата), но народъ уже не расположенъ былъ ихъ поддерживать; окруженный греками Прусіанъ сдался. Только Ивацъ оказывалъ еще сопротивленіе въ лѣсистыхъ горахъ Брохата въ одной изъ резиденцій болгарскихъ царей. Ивацъ велъ борьбу за свой рискъ и интересъ; собирая мало по малу около себя народъ, онъ мечталъ основать новую династію. Новую борьбу устранилъ Охридскій правитель Евстафій Дамнофила. Узнавши, что императоръ желалъ-бы отдѣлаться отъ Иваца, онъ вызвался на отчаянно-рискованную операцію. Въ сопровожденіи двухъ слугъ онъ явился на праздникъ, который устроилъ Ивацъ въ день Успенія, увлекъ его подъ предлогомъ секретныхъ переговоровъ послѣ заутрени въ садъ, напалъ на него здѣсь съ своими слугами и ослѣпилъ. Преступленіе, совершенное грекомъ, тотчасъ-же раскрылось; Евстафій бросился въ верхній этажъ дворца, заперся тамъ и вступилъ черезъ окно въ переговоры съ толпой, увѣрилъ ее въ томъ, что сдѣлалъ дѣло по приказанію императора и императоръ отмститъ болгарамъ, если они убъютъ его. Толпа была напугана местью страш-

---

[1]) Гильф. I, 269.

наго „Болгаробойцы“ и начала расходиться, а старѣйшины изъявили покорность императору. Послѣднее сопротивленіе было сломано. „Болгарія, почитавшаяся неприступною, неодолимою, не повиновавшаяся императорамъ, отрѣзывавшая Византіи подвозъ жизненныхъ припасовъ, была завоевана и греческая держава... стала наслаждаться изобиліемъ и благосостояніемъ“ [1]. Отъ имперіи Симеона и Самуила не осталось, кажется, слѣда; только болгарская церковь сохранила свою автономію и объединяла болгаръ въ качествѣ автокефальной архіепископіи въ ея старыхъ предѣлахъ [2].

Греческое владычество надъ славянскими племенами не надолго пережило своего творца. Чрезъ 15 лѣтъ послѣ смерти Василія сынъ Гавріила, отведеннаго въ Византію вмѣстѣ съ другими Шишмановичами, Делянъ бѣжалъ оттуда въ Нишъ и былъ здѣсь провозглашенъ царемъ. Изъ Ниша Делянъ началъ собираніе „разсыпавшейся храмины“. Прежде всего онъ двинулся на Скопле—центръ военнаго управленія въ Болгаріи. Въ тоже время вспыхнуло возстаніе въ районѣ Дураццо. Возставшіе и здѣсь поставили царя—молодого воина Тихоміра. Два царя сошлись, чтобы рѣшить, кому изъ нихъ должна принадлежать власть. Делянъ указалъ народу на свои наслѣдственныя права, какъ внука Самуила, но выразилъ готовность подчиниться рѣшенію народнаго сейма. Народъ съ восторгомъ провозгласилъ царемъ Деляна; несчастный конкуррентъ былъ устраненъ: его побили на мѣстѣ каменьями. Усиленный бывшими сторонниками Тихомира, Делянъ двинулся къ Солуни, которая служила резиденціей для императора Михаила IV Пафлогонца. Михаилъ бѣжалъ. Делянъ по примѣру Самуила отъ Солуни направился въ Грецію и Эпиръ; его воевода Кавканъ взялъ Драчъ. Эпирскіе славяне поднялись при его приближеніи какъ одинъ человѣкъ: разорвавши въ куски чиновника, завѣдывавшаго сборомъ податей, они всѣ пристали къ Деляну. Примѣру ихъ послѣдовали славяне Этоліи и Акарнаніи. Осаду Солуня велъ съ 40,000 человѣкъ явившійся къ Деляну младшій братъ Владислава Алузіанъ. Дѣло началось успѣшно; государственная идея вошла уже въ сознаніе народа, съ чужой властью онъ мирился

[1]) Attaliota, 234. Гильф. l. c. 275.
[2]) Голубинскій. Исторія православныхъ церквей. 259—263.

только подъ давленіемъ крайности, но использовать эту силу цѣлесообразно и на этотъ разъ было некому: не успѣли еще Шишмановичи возстановить болгарское царство, какъ уже возникъ вопросъ, кто изъ нихъ будетъ правителемъ. Алузіанъ ослѣпилъ Деляна и поспѣшилъ къ императору доложить о своемъ подвигѣ. Подлость, конечно, была щедро оплачена. Плѣнный Делянъ попалъ въ плѣнъ и возстаніе было подавлено (1041). Отъ новыхъ попытокъ вернуть самостоятельность болгаръ удержали нашествія печенѣговъ и половцевъ. Печенѣги еще въ X вѣкѣ узнали дорогу на Балканскій полуостровъ. Въ первой половинѣ XI в. въ тылу у нихъ появились новые родичи-враги—половцы (куманы, узы). Уже одно это обстоятельство должно было вызвать движеніе среди печенѣговъ. Греки подали къ нему поводъ. Они по обычаю внимательно слѣдили за раздорами среди сосѣднихъ варварскихъ племенъ и старались усиленно питать ихъ. Около 1048 года противъ печенѣжскаго хана Тырака возсталъ одинъ изъ подвластныхъ князей Кегенъ. Тыракъ подавилъ возстаніе, Кегенъ бѣжалъ въ Византію и былъ тамъ радушно принятъ. За несвоевременное гостепріимство грекамъ пришлось дорого поплатиться. Раздраженный ханъ вторгнулся съ 80,000 человѣкъ въ Болгарію. Грекамъ удалось разбить печенѣговъ, но плѣнники остались въ странѣ и колонизировали области около Ниша, Скопля и Овчеполья[1]. Отсюда они грабили въ теченіи трехъ лѣтъ страну до Адріанополя. Только въ 1051 году грекамъ удалось ихъ вытѣснить изъ Ѳракіи и Македоніи[2]. На смѣну печенѣгамъ явились половцы. Въ 1065 г. они въ количествѣ 60,000 перешли черезъ Дунай и опустошили всю Болгарію до Эллады. Часть ихъ осталась въ Македоніи.

Ударами, которые нанесли греческой власти печенеги и половцы, болгары воспользовались для новой попытки возстановить свою независимость. Въ 1073 г. болгарскіе бояре съ Войтехомъ во главѣ обратились къ діоклейскому князю Михаилу Воиславичу съ просьбой дать имъ въ цари своего сына Константина Бодина. Михаилъ согласился. Константинъ явился въ Приштину и здѣсь на собраніи бояръ былъ провозгла-

---

1) Jireček. I. c. 206.

2) Подробности см. Васильевскій. Византія и печенѣги. Ж. М. Н. П 1872, XII.

шенъ царемъ. Комендантъ Скопля былъ разбитъ. Бодинъ направился къ Нишу, а своего воеводу Петрила отправилъ на завоеванiе Касторiи. Это раздѣленiе силъ погубило все дѣло. Греки разбили оба отряда при помощи наемныхъ нѣмецкихъ дружинъ и взяли Бодина въ плѣнъ [1]). Въ 1078 г. вспыхиваетъ возстанiе на С.В. въ Месемврiи. Богомилъ Добромиръ и болгарскiе главари силистрiйскаго района въ союзѣ съ куманами и богомилами филиппопольскаго района производили опустошенiя въ Ѳракiи. Византiю спасла только борьба возникшая между куманами и печенѣгами. Печенѣги въ 1091 г. были разбиты при устьѣ болгарской Марицы, часть ихъ была поселена въ Могленѣ. Въ теченiе XII в. куманы неограниченно хозяйничаютъ въ придунайскихъ провинцiяхъ. Европеизировавшiеся родичи ихъ мадьяры захватили Браничево на Дунаѣ и проникли отсюда до Ниша.

Въ концѣ XII в. возникаетъ новое освободительное движенiе. Потомки Шишманичей — можетъ быть, только мнимые—Петръ и Iоаннъ Асѣни [2]) подняли народъ, измученный поборами. Братья руководились въ началѣ, кажется, личными счетами. Они выражали ранѣе готовность вступить въ византiйскую службу и просили въ вознагражденiе участокъ земли въ Балканахъ; ихъ услуги отвергли, одного изъ нихъ попутно угостили пощечиной [3]). Оскорбленные этимъ поведенiемъ, братья отплатили возстанiемъ. Для характеристики того уровня, на которомъ въ этотъ моментъ стояло государственное сознанiе болгарской массы, знаменательно то, что Асѣни не взываютъ уже къ воспоминанiямъ былой независимости, къ политическимъ инстинктамъ массы; они спекулируютъ на ея религiозномъ чувствѣ. Въ церкви, куда созванъ былъ народъ, выступили мужчины и женщины, охваченные энтузiазмомъ и пророческимъ духомъ и возвѣстили народу, что насталъ часъ освобожденiя: Св. Димитрiй, покровитель грековъ, покинулъ опустошенную норманнами церковь въ Солуни и перешелъ къ болгарамъ. Боляре и простой народъ бросились

---

[1]) Jireček. l. c. 208.
[2]) Ibid 225.
[3]) Разборъ вопроса о происхожденiи Асѣней см. Успенскаго Образ. второго болгарскаго царства.

къ оружію. Петръ былъ провозглашенъ царемъ болгаръ и грековъ. Для характеристики настроенія этотъ пышный титулъ имѣетъ огромное значеніе: въ минуту полнаго подавленія государственнаго самосознанія подъ впечатлѣніемъ религіознаго аффекта возрождается грандіозная мечта Симеона. Для имперіи снова наступили тяжелые дни. Рѣшительную помощь болгарамъ въ этомъ новомъ предпріятіи оказывали куманы; въ Добруджѣ Асѣни набирали свѣжіе отряды. Первые шаги возстанія ихъ были неудачны. Болгары были разбиты. Но вожди возстанія спаслись, бѣжали за Дунай и вернулись оттуда въ сопровожденіи куманскихъ полчищъ. Страна между Дунаемъ и Балканами была быстро занята. Дальнѣйшіе операціи на югѣ происходили въ союзѣ съ сербами. Сербы разрушали македонскіе и албанскіе замки, болгары съ куманами очищали отъ грековъ страну на ю-отъ Родоповъ до Чернаго моря. Война приняла иной характеръ, чѣмъ прежнія войны болгаръ съ греками: раньше болгары оперировали большими массами и ставили все дѣло въ зависимость отъ удачи или неудачи одного удара; теперь война приняла характеръ партизанскій: болгары исчезали при появленіи грековъ и наносили имъ удары, когда они возвращались. Шансы болгаръ увеличивались временно тѣмъ, что у Византіи явился новый, казавшійся болѣе опаснымъ врагъ—крестоносцы. Сербы и болгары съ одинаковой радостью привѣтствовали появленіе этой новой силы. Асѣнь предлагалъ Фридриху Барбароссѣ 40,000 отрядъ для осады Константинополя подъ условіемъ, если Фридрихъ признаетъ за нимъ титулъ греческаго императора.

Фридрихъ уклонился отъ предпріятія и Асѣнь продолжалъ дѣло за свой рискъ. Въ 1190 г. послѣ пораженія, нанесеннаго императору Исааку въ сосѣднихъ съ Ески-Загрой тѣснинахъ, болгары овладѣли Софіей и Нишемъ [1]), въ 1195 они спустились южнѣе до Сереса. Въ 1196 г. Іоаннъ Асѣнь I былъ убитъ однимъ изъ своихъ бояръ — Иванкомъ. Иванко пытался овладѣть властью, но наслѣдникомъ брата выступилъ Петръ Асѣнь, сидѣвшій до сихъ поръ въ своемъ удѣльномъ

---

[1]) Мукушевъ Болгарія въ концѣ XII и начала XIII ст. ВУИ. 1872. III, 1—66.

[2]) Jireček. l. c. 228.

княжествѣ близь Преслава. Соучастникомъ Петра въ управленіи былъ младшій его братъ Калоянъ. Черезъ годъ миролюбивый Петръ палъ жертвой убійства. Калоянъ сдѣлался единовластнымъ повелителемъ болгаръ (1197—1207). Нападенія на имперскія области Македонію и Ѳракію возобновились. Ближайшими помощниками болгаръ были куманы, съ которыми Калоянъ поддерживалъ самыя тѣсныя отношенія. Онъ былъ даже женатъ на куманкѣ [1]). Походы Калояна на первыхъ порахъ имѣли скорѣе разбойничій, чѣмъ завоевательный характеръ. Его успѣхи возбуждали надежды у другихъ смѣлыхъ людей. Около 1199 г. Исаакъ уступилъ Сѣверную Македонію Добромиру Стрезу, который сначала въ качествѣ имперскаго чиновника управлялъ Струмицей; въ Родопахъ засѣлъ въ качествѣ самостоятельнаго князя Иванко, убійца Асѣня I. Въ 1201 г. греки заключили съ Калояномъ миръ. За нимъ остались всѣ завоеванныя имъ земли: отъ Бѣлграда до низовьевъ Марицы, отъ устьевъ Дуная до Стримона и верховьевъ Вардара [2]). Укрѣпивши за собой на основаніи договора территорію, оставалось добиться признанія титула. Мы видѣли, съ какими притязаніями выступилъ выступили Асѣни въ моментъ своего появленія на исторической сценѣ. Завоеванія Калояна не соотвѣтствовали объему титула, но онъ не хотѣлъ, видимо, отъ него отступаться. У него явилась мысль получить черезъ папу то, чего не могъ онъ завоевать оружіемъ: въ 1203 г. онъ посылаетъ въ Римъ посольство съ просьбой, чтобы папа призналъ за нимъ императорскій титулъ и возстановилъ самостоятельное болгарское патріаршество. Чтобы расположить папу къ уступчивости, онъ переправилъ къ нему хрисовулъ, которымъ на вѣки отдавалъ Болгарію въ распоряженіе римскаго престола. Переговоры сомнительной полезности велись въ то время, когда факты показывали, чего не хватало Калояну и его предшественникамъ для того, чтобы осуществить свои притязанія. Въ іюнѣ 1203 предъ стѣнами Константинополя появилось 300 венеціанскихъ кораблей, на которыхъ находилось 40,000 кресто-

---

[1]) Ibid. 230.
[2]) Ibid 232. Theiner Mon Slav. I, 29.
[3]) Ibid. 236.

носцевъ. Вмѣсто того, чтобы плыть въ Палестину, благочестивые рыцари занялись осадой Византіи и девять мѣсяцевъ простояли передъ ея стѣнами прежде, чѣмъ удалось взять ее штурмомъ. Съ паденіемъ Византіи у болгаръ явились враги болѣе страшные, чѣмъ греки. Крестоносцы утвердились въ столицѣ, основали особое королевство въ Солуни, герцогства въ Ахаѣ, въ Аѳинахъ. Уже въ періодъ осады Константинополя Калоянъ сбавилъ свои требованія; не претендуя на грековъ, онъ предлагалъ осаждавшимъ 100,000 армію для осады съ суши, если бы за нимъ признали титулъ императора болгаръ. Но и эти умѣренныя притязанія не встрѣчали себѣ сочувствія: крестоносцы признавали на полуостровѣ одну только власть и стремились захватить все, что фактически или номинально ей принадлежало. Императоръ Балдуинъ на предложенія Калояна высокомѣрно отвѣтилъ, что Калоянъ долженъ держать себя по отношенію къ нему не какъ равный съ равнымъ, а какъ рабъ съ своимъ господиномъ [1]). Въ виду положенія, занятаго крестоносцами, притязанія Калояна стали еще умѣреннѣе: онъ удовольствовался уже титуломъ короля, который призналъ за нимъ папа, и автономной архіепископіей и произвольно восполнялъ разность; самъ онъ не переставалъ себя титулировать императоромъ, а своего примаса патріархомъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ возникла почва для осуществленія мечты Симеона. Добрыя отношенія между греками и крестоносцами, освободившими ихъ отъ болгаръ продержались недолго: крестоносцы держали себя съ греками также высокомѣрно, какъ и съ болгарами; греки подъ давленіемъ этихъ насилій обратились къ Колояну и выразили готовность признать его своимъ императоромъ, если онъ освободитъ ихъ отъ латинянъ. Калоянъ не заставилъ себя просить. Въ союзѣ съ куманами онъ явился въ Ѳракію, разбилъ 15 апр. 1205 „франковъ“ подъ Адріанополемъ; въ этой битвѣ погибъ императоръ Балдуинъ. Калоянъ вновь сталъ хозяиномъ Ѳракіи; у крестоносцевъ, какъ у грековъ, остались только Константинополь съ Родостомъ и Селимвріей. Шишманъ, правитель Просѣка, отъ имени Калояна овладѣлъ всею Македоніей; отъ королевства монферратскаго осталась одна Солунь. Дальнѣй-

---

[1]) Голубинскій, l. c.

шіе успѣхи остановились благодаря положенію, занятому греками. Куманы вывели грековъ изъ терпѣнія и между союзниками началась борьба. Калоянъ жестоко наказалъ неустойчивыхъ грековъ. Тысячи ихъ должны были покинуть опустошенную Румелію и переселиться за Дунай. Калоянъ вспомнилъ времена Василія II Болгаробойцы и заработывалъ право называться Грекобойцемъ. Въ 1207 г. онъ былъ убитъ рукой кумана, который дѣйствовалъ по наущенію куманки—жены Калояна и его племянника Бориса. Борисъ овладѣлъ Трновскимъ престоломъ и женился на вдовѣ Калояна. Объединительная задача отодвинулась назадъ. Стрезъ возстановилъ свою власть на Вардарѣ, въ Родопахъ утвердился зять (?) Бориса Славъ. Каждый изъ этихъ мелкихъ властелей преслѣдовалъ свои частные интересы. Славъ перешелъ на сторону франковъ и цѣной вассальской присяги получилъ въ ленъ всю „Великую Влахію“ т. е. Болгарію [1]). Въ 1218 г. на тырновскій тронъ вступилъ Іоаннъ Асѣнь II, „сынъ стараго царя Асѣня“ и планы Калояна и Симеона возобновились въ послѣдній разъ. Личныя качества наложили свой отпечатокъ на его политику. Онъ не допускалъ насилій ни по отношенію къ болгарамъ, ни по отношенію къ грекамъ и ближе, чѣмъ суровый другъ кумановъ Калоянъ, подходилъ къ рѣшенію задачи, увлекавшей Симеона. Въ 1230 г. послѣ пораженія псевдо-императора Михаила онъ овладѣлъ страною на з. отъ Родоповъ до Адріатическаго моря и возстановилъ владѣнія Самуила [2]). Въ 1237 г. со смертью Бріенна возникаетъ вопросъ объ обладаніи Константинополемъ: соперникомъ Асѣня является никейскій императоръ Ватацесъ. Асѣнь вступилъ по этому вопросу въ переговоры съ папой, но вмѣсто поддержки встрѣтилъ въ папѣ ожесточеннаго врага. Григорій IX готовилъ противъ него крестовый походъ, раздраженный его холодностью къ римской церкви и поддержкой богомоловъ. Во главѣ похода долженъ былъ стать венгерскій король Бэла IV. Какіе интересы толкали Бэлу въ этотъ походъ, выяснилось

---

[1]) Jireček l. c. 244.

[2]) Въ составъ государства входила Дунайская Болгарія, Браничевъ, Бѣлградъ, Нишъ, Ѳракія съ Адріанополемъ, вся Македонія и часть Албаніи съ Эльбассаномъ до Дураццо. ibid 251.

уже раньше: Бэла только что передъ тѣмъ завоевалъ часть Валахіи и провозгласилъ себя королемъ Болгаріи и Румыніи. Походъ не состоялся только благодаря тому, что на с.-в. отъ придунайскихъ земель появилась новая гроза—татары. Куманы бросились отъ нихъ въ Венгрію и Ѳракію и осѣли въ значительномъ количествѣ въ с. Болгаріи подъ управленіемъ своихъ родовыхъ старѣйшинъ.

Опасность крестоваго похода миновала, но осуществить мечту Симеона Асѣнь II не успѣлъ: въ 1241 г. онъ умеръ. Его наслѣдникъ и сынъ Калиманъ I, девятилѣтній ребенокъ, прожилъ недолго и былъ отравленъ. Государство созданное Асѣнемъ начало распадаться: императоръ Ватацесъ осадилъ Сересъ и откупилъ его у болгарскаго коменданта деньгами и пурпурными одеждами. Затѣмъ втеченіе нѣсколькихъ недѣль овладѣлъ Родопскимъ краемъ и Македоніей. Эпирскій императоръ Михаилъ II захватилъ часть з. Македоніи и Албаніи. Въ три мѣсяца всѣ завоеванія Асѣня были потеряны [1]). Михаилъ Асѣнь (1246—1257) временно возвратилъ ихъ, воспользовавшись смертью Ватацеса, но однихъ симпатій сельскаго славянскаго населенія было недостаточно для того, чтобы удержать ихъ. На сторонѣ грековъ было техническое превосходство и Михаилъ послѣ трехлѣтней борьбы долженъ былъ отказаться отъ своихъ притязаній на Македонію и Родопы [2]) и заплатилъ за свою неудачу жизнью: его убилъ шуринъ Калиманъ II, который тотчасъ же былъ убитъ самъ и династія Асѣней прекратилась. Бояре собравшіеся на сеймъ выбрали серба, внука Стефана Немани, Константина: Константинъ женился на дочери Ѳеодора Ласкариса, внучкѣ Асѣня II и принялъ, какъ „домазетъ" фамилію Асѣня. Время завоеваній для Болгаріи прошло. Приходилось не нападать, а обороняться. Полуостровъ опустошали татары. Власть становилась достояніемъ того, кто могъ отразить ихъ и у трновскаго царя въ 1277 г. оказался конкуррентъ въ видѣ гайдука Ивайла. Оригинальная фигура пастуха-царя напоминаетъ намъ персонажи реформаціонной эпохи. Это болгарскій Іоаннъ Лейденскій; онъ фанатически вѣрилъ въ свои галлюцинаціи, вѣрилъ въ

---

[1]) ibid. 264.
[2]) ibib. 267.

то, что ему суждено совершить великія дѣла и увѣрилъ окружающихъ. Когда ему удалось дважды разбить татаръ, престижъ его поднялся до огромныхъ размѣровъ; къ нему приставали цѣлыя области, онъ разбилъ въ открытомъ сраженіи Константина, въ 1278 г. вступилъ въ Трновъ, женился на вдовѣ умершаго царя и короновался болгарскимъ царемъ [1]).

Соперникомъ его по выбору бояръ вступилъ оболгарившійся знатный куманъ Георгій Тертерій (1280 г.). Ивайло бросился за помощью къ татарамъ и погибъ здѣсь во время одной попойки. Но Тертерій не въ силахъ былъ остановить начинавшагося распаденія. Западныя области переходятъ въ руки сербовъ, на с.-в. въ Виддинѣ (Бдынъ) возникаетъ самостоятельное княжество Шишмана, если не куманскаго происхожденія, то покрайней мѣрѣ связаннаго съ куманами узами родственныхъ отношеній. Болгаріей начинаютъ распоряжаться татары. Бояринъ Смилецъ въ качествѣ татарскаго данника становится болгарскимъ царемъ; раньше онъ былъ кнезомъ въ Топольницѣ [2]). Сынъ Ногай-хана Цока послѣ смерти отца самъ выступилъ (1293 г.) съ притязаніемъ въ качествѣ зятя Тертерія овладѣть болгарскимъ престоломъ, занялъ при помощи Ѳеодора Святослава своего шурина Трново и... нашелъ здѣсь раннюю смерть. Святославъ убралъ его, какъ ненужное боевое орудіе, и занялъ его мѣсто.—Въ 1323 г. династія Тертеридовъ прекратилась; распаденіе государства продолжалось. Бдынскій князь Михаилъ по выбору бояръ становится болгарскимъ царемъ и начинаетъ собою послѣднюю династію трновскаго царства. Счастье въ послѣдній разъ улыбнулось Болгаріи. Былъ моментъ, когда Константинополь, къ которому стремились мечты Симеона, Самуила и Асѣнидовъ, казалось, доставался наконецъ въ руки болгаръ. За два года до избранія Михаила загорѣлась свирѣпая борьба изъ-за престола между Андроникомъ старшимъ (дѣдомъ) и Андроникомъ младшимъ (внукомъ). Михаилъ въ 1327 г. перешелъ на сторону Андроника старшаго, занялъ Ямболь и послалъ 3000-й конный отрядъ подъ предводительствомъ Ивана Русскаго въ Константинополь. Очень вѣроятно, что Ивану было

---

[1]) Jireček. l. c. 277.
[2]) ibid. 283.

поручено овладѣть городомъ. Андроникъ готовъ былъ довѣрить Ивану охрану дворца, но внукъ, въ виду опасности угрожавшей интересамъ обоихъ, убѣдилъ старика не довѣрять болгарамъ, въ ограниченномъ количествѣ и безоружныхъ пускать ихъ во дворецъ. Иванъ и Андроникъ стояли другъ противъ друга предъ стѣнами столицы, готовые ежеминутно броситься на нее. Завѣтная цѣль была на глазахъ; не безъ борьбы, конечно, но славяне могли ея достигнуть и въ эту рѣшительную минуту у нихъ не хватило выдержки. Иванъ получилъ приказъ отъ своего повелителя какъ можно скорѣе отступить; черезъ нѣсколько дней Андроникъ младшій вступилъ въ Константинополь. Пропустивши рѣшительный моментъ, Михаилъ возобновилъ послѣ времени наступательную войну, прекратилъ ее послѣ нѣсколькихъ сраженій, бросился на Сербію и погибъ съ большей частью своего войска въ битвѣ при Вельбуджѣ 28 іюня 1330 г. Стефанъ двинулся къ Трнову, боляре встрѣтили его съ изъявленіемъ покорности; Сербія и Болгарія могли соединиться послѣ этой борьбы, по сербскій король обнаружилъ такую же нерѣшительность, какъ и Михаилъ; онъ оставилъ сокрушенной Болгаріи самостоятельность. Въ 1331 г. царемъ былъ выбранъ Іоаннъ Александръ, племянникъ Михаила. Но исторія Болгаріи была уже кончена. Задачу болгарскихъ царей принимаетъ на себя Душанъ. Болгарія, уничтоженная почти политически, дѣлается жертвой турецкихъ опустошеній [3]). Въ борьбѣ между собой, въ борьбѣ съ славянами греки все чаще и чаще обращались къ ихъ помощи и турки на глазахъ Византіи и съ ея благословенія начинаютъ завоеваніе полуострова. Въ 1344 г. Лала-шагинъ водворяется въ Филиппополѣ и начинаетъ отсюда завоеваніе болгарскихъ крѣпостей [4]). Въ 1365 г. султанъ Муратъ переноситъ свою резиденцію въ Адріанополь и начинаетъ завоеваніе принадлежавшихъ Болгаріи черноморскихъ городовъ. Шишманъ становится турецкимъ вассаломъ. Одновременно почти мадьяры овладѣваютъ Бдыномъ (1365 г.).

---

[3]) Jireček. l. c. 307.
[4]) ibid. 322.

Съ С. В. Потомтрова перенесемся теперь на С. З. на побережье Адріатическаго моря, гдѣ зародилось хорватское государство [1]).

Въ концѣ VIII вѣка сложилась могущественная монархія Карла Великаго. Франки уничтожили лонгобардское владычество въ Италіи, подчинили славянъ баварскихъ и каринтійскихъ, послѣ кровавой осмилѣтней борьбы (791—799) изгнали аваровъ изъ страны между р.р. Эннсомъ и Тиссой, обезлюдили и обратили въ пустыню Паннонію или нынѣшнюю Венгрію. Массы славянъ вошли уже въ составъ монархіи, созданной Карломъ [2]); не избѣжали этой участи и хорваты. Франки надвигались на нихъ съ двухъ сторонъ: съ юга изъ Италіи и съ сѣвера изъ Панноніи. Ни германскіе, ни греческіе хроникеры не говорятъ о томъ, какъ и когда хорваты подчинились франкамъ—и это молчаніе доказываетъ какъ нельзя лучше, что даже въ концѣ VIII вѣка, то есть почти чрезъ два столѣтія послѣ прихода въ Далмацію, хорваты оставались раздробленными на отдѣльныя племена. Эти племена подчинялись одно за другимъ, не оказывая ни малѣйшаго сопротивленія, и были такъ ничтожны каждое въ отдѣльности, что хрониверы обходили молчаніемъ ихъ подчиненіе, какъ событіе не заслуживающее памяти потомства. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что на рубежѣ VIII и IX вѣковъ хорваты посавскіе, жившіе по рѣкамъ Дравѣ и Савѣ, и далматинскіе находились подъ властью Карла Великаго. Истрія, Либурнія,

---

[1]) По внѣшней исторіи хорватскаго государства см.

Smičiklas. Povjest Hrvatska. Dio I, II, 1882.

Klajic. Povjest nar. hrv. Z.

Rački. Kada i kao hrvatska kneževina se preobrazi u kraljevinu. RJA. XVII.

———Borba južnich Slavena za državnu neodvisnost u XI vjeku. RJA XIV, XXVII—XXX.

———Prvovjenčanij slavenski vladavci i njihove krune. ib. LVIII.

Дриновъ. Ю. Славяне и Византія въ X в.

Гильфердингъ. Письма по исторіи сербовъ и болгаръ. Соч. т. I.

[2]) Славяне Истріи еще въ 788 г. подчинялись К. В. Smič. (Pov. hrv. I 163) ихъ называетъ почему-то исторійскими хорватами. Въ походѣ 796 рядомъ съ Пипиномъ упоминается князь Войміръ—по предположенію Смичикласа, банъ посавскихъ хорватовъ.

Далмація и Посавье вошли въ составъ Фріульской марки. Славяне воспользовались ударомъ, который Карлъ нанесъ аварамъ и добили своихъ бывшихъ повелителей. Въ 805 г. аварскій каганъ уже проситъ у Карла новыхъ земель для поселенія. Владычеству франковъ славяне подчинялись не охотно; Карлу приходилось путемъ кровавой расправы напоминать свою власть.

Константинъ Багрянородный освѣщаетъ самымъ мрачнымъ свѣтомъ картину взаимныхъ отношеній франковъ и хорватовъ. Въ его описаніи франки являются чѣмъ-то въ родѣ башибузуковъ. Въ порывахъ безсмысленной жестокости, говоритъ онъ, они бросали грудныхъ хорватскихъ дѣтей на съѣденіе собакамъ. За подлинность подобной картины ручаться трудно; болѣе правдоподобная картина рисуется въ жалобахъ горожанъ Истріи: „подъ властью греческаго царства мы имѣли своихъ судей и намѣстниковъ, свои собранія. Герцогъ Иванъ раздѣлилъ насъ между сотниками и мы имъ должны строить замки и города... Не должны мы были ни копать, ни нести дворовыхъ работъ, ни работать въ виноградникахъ, ни чужихъ замковъ строить, не давали нашего скота, нашихъ овецъ, не давали судовъ для переѣзда въ Венецію, Равенну, Далмацію“ [1]). Притѣсненія имѣли, какъ видно, экономическій характеръ; несомнѣнно, однако, что положеніе хорватовъ, въ особенности посавскихъ, сдѣлалось не особенно пріятнымъ со смерти Карла Великаго. При его кроткомъ сынѣ Людовикѣ Благочестивомъ маркграфы, не стѣсняясь, своевольничали въ ввѣренныхъ имъ областяхъ. Подобно прочимъ товарищамъ дѣйствовалъ и фріульскій маркграфъ Кадолахъ, самоволіе котораго не знало границъ. Князь посавской Панноніи Людевитъ—Гильфердингъ называетъ его великимъ жупаномъ, біографъ Людовика Благочестиваго правителемъ нижней Панноніи—вынужденъ былъ обратиться къ Людовику съ жалобой на его намѣстника. Императоръ отпустилъ его безъ удовлетворенія. Въ 819 (820) году восстаніе вспыхнуло. Съ этого момента начинается досто-

---

[1]) Въ 818 онъ называется, только dux Guduscanorum. Предполагать, что уже въ эту пору онъ владѣлъ землями на ю. в. отъ Велебита, какъ это дѣлаетъ Смичикласъ (I, 171), нѣтъ основаній.

вѣрная политическая исторія сербо - хорватскаго племени. Императоръ отправилъ противъ Людевита войско изъ Италіи, но оно вернулось безъ успѣха. Людевитъ предлагалъ какія-то условія, по выполненіи которыхъ со стороны императора обязывался повиноваться ему [1]); императоръ отказался ихъ выполнить. Людевитъ сталъ искать союзниковъ между сосѣдними племенами, привлекъ на свою сторону славянъ Каринтіи и Крайны, тимочанъ; на стронѣ франковъ оказался только Борна, одинъ изъ жупановъ далматинскихъ хорватовъ [2]). Въ рѣшительный моментъ подвластные Борнѣ Гадчане (Guduscani) оставили его. Борна былъ разбитъ на берегахъ Купы и едва успѣлъ спастись при помощи своихъ тѣлохранителей. Людевиту была открыта теперь дорога въ Далмацію. Въ декабрѣ 819 года Людевитъ вступилъ въ нее, опустошая все огнемъ и мечемъ; но военное счастье перешло на сторону Борны; Людевитъ принужденъ былъ отказаться отъ задуманнаго предпріятія. Эта война ясно показала, что далматинскіе хорваты не имѣли ничего общаго съ своими посавскими братьями. Борна не огриничился побѣдой надъ Людевитомъ; онъ предложилъ императору свои услуги для дальнѣйшей борьбы съ возмутившимся княземъ. По извѣстію біографа Людовика Благочестиваго, Борна получилъ отъ императора большое вспомогательное войско. Въ 820 г. три отряда двинулись въ Паннонію. Людевитъ, не чувствуя себя въ силахъ вступить въ борьбу въ открытомъ полѣ, заперся въ крѣпости. Нѣмецкія войска опустошили Паннонію, но не могли принудить Людевита къ подчиненію и вернулись обратно. Союзники Людевита—жители Крайны и Каринтіи—подчинились фріульскому маркграфу. Людевитъ отстался одинъ. Войска, посланныя противъ него въ 821 г., воротились безъ особеннаго успѣха. Энергія нѣмцевъ не ослабѣвала. Въ 822 г. новое войско двинулось въ опустошенную Паннонію изъ Италіи. Людевитъ упалъ духомъ; не видя возможности бо-

---

[1]) Ихъ посылалъ Людевиту патріархъ Фортунатъ, Smič. I. с. 174.

[2]) Дриновъ (Ю. Сл. и Виз. 37), ссылаясь на Gfrörer'a Bizant. Gesch. II, 59) высказываетъ предположеніе, что Людевитъ, поднимая возстаніе, опирался на Болгарію, а сосѣднія племена объединилъ подъ своей властью еще раньше.

роться съ нѣмцами, не полагаясь болѣе на города, которые ему удалось укрѣпить при помощи присланныхъ изъ Венеціи мастеровъ, онъ бѣжалъ въ Сербію къ какому-то жупану. Дружелюбно принятый имъ, онъ дурно отплатилъ за гостепріимство: убилъ этого жупана и захватилъ его владѣнія. Въ 823 мы видимъ его въ Далмаціи у родственника Борны Людемысла. Въ маѣ 823 г. императоръ получилъ извѣстіе о смерти своего заклятаго врага: онъ былъ убитъ Людемысломъ. Первая попытка объединить славянъ Истріи, Краины, Н. Штиріи и Славоніи—страну отъ Альповъ до Тимока—рухнула.

Посавскіе хорваты остались подъ властью франковъ [1]), но дѣло Людевита не погибло безслѣдно; оно отразилось косвеннымъ образомъ на историческихъ судьбахъ далматинскихъ хорватовъ. Преданность Борны не осталась безъ вознагражденія. Въ 819 г. Борна изъ мелкаго жупана сдѣлался княземъ всей Далмаціи, которому подчинились всѣ здѣшнія мелкія племена [2]). Въ 821 г. Борна была уже княземъ Либурніи и Далмаціи. Теперь всѣ далматинскіе хорваты составили одно политическое цѣлое: возникло хорватское государство. Власть Борны расширялась соотвѣтственно размѣрамъ, которые принимала борьба Людевита съ нѣмцами, расширялась съ вѣдома имперіи и въ ея интересахъ. Въ разгаръ борьбы посавскихъ хорватовъ съ нѣмцами далматинцы объединились подъ властью лица, преданнаго интересамъ императорскаго трона. Когда Борна умеръ въ 821 году, начатое имъ дѣло продолжалъ Владиславъ, его внукъ, избранный народомъ и утвержденный императоромъ. Расширеніе самостоятельности хорватскихъ князей, ослабленіе нѣмецкой власти шло медленно, рядомъ съ постепеннымъ разложеніемъ имперіи, созданной Карломъ Великимъ. Около половины IX ст. хорватскимъ княземъ является *Трпимiръ*. Онъ стоитъ еще подъ верховной властью франкской имперіи: въ началѣ единственной граматы, которая дошла до насъ отъ него, стоитъ еще имя итальянскаго короля Лотаря. Грамата Трпимира позволяетъ

---

[1]) Въ качествѣ вассаловъ каролингскихъ здѣсь упоминаются около 836 г. князь Ратимiръ, 884—896—Брячиславъ. Дриновъ. I. с. 37. Kopitar. Glag. Cloz. LXXIV.

[2]) Ср. Дриновъ. I. с. 37.

намъ заглянуть во внутренія отношенія слагавшагося хорватскаго государства.

До Борны Хорватія дѣлилась на нѣсколько мелкихъ племенъ; въ главѣ ихъ стояли жупаны. Въ предѣлахъ своего племени жупаны были и вождями, и судьями, и жрецами (въ языческій періодъ). Съ тѣхъ поръ, какъ подъ покровительство нѣмцевъ Борна образовалъ изъ Хорватіи государство, соединивъ подъ своей властью разрозненныя племена, значеніе жупановъ стало клониться къ упадку. Тѣсныя сношенія съ нѣмцами, знакомство съ строемъ ихъ государственной жизни, положеніемъ верховной власти привели къ тому, что въ Трпимірѣ мы не узнаемъ уже славянскаго князя съ весьма ограниченной сферой власти. Не называя еще себя королемъ, онъ косвеннымъ образомъ намекаетъ уже на это: называетъ свою страну хорватскимъ королевствомъ (regnum Croatorum), свою земельную собственность королевской (regale territorium); придворные чиновники—camerarii—принимаютъ участіе въ княжескомъ совѣтѣ наравнѣ съ жупанами. Союзъ съ церковью не мало, конечно способствовалъ увеличенію значенія князя.

Чтобы упрочить свою власть, Трпиміръ подобно своему предшественнику Моиславу вступилъ въ дружескія отношенія съ далматинскимъ духовенствомъ. Еще Моиславъ началъ строить церкви и предоставилъ высшему духовенству десятинный сборъ съ своихъ земель. Трпиміръ энергически продолжалъ начатое дѣло, не щадя для этого средствъ. Была и другая причина, которая заставляла хорватскаго князя дорожить союзомъ духовенства. Вдоль береговъ Адріатическаго моря, отдѣляя отъ него хорватовъ тянулся рядъ незанятыхъ хорватами, сохранившихъ свое старое романизованное населеніе городовъ: Задръ (Zara), Трогиръ (Tragurium), Сплѣтъ (Spalato), Шибеникъ (Sebenico) и др. Они сохраняли старый римскій строй жизни, зависѣли по старому отъ Византіи, продолжали старыя торговыя сношенія съ Италіей и образовали особую область, которая сохраняла старое названіе Далмаціи. Привлечь подъ свою власть эти города дѣлается задачей, надъ которой работаютъ всѣ короли народной династіи. Заручиться расположеніемъ высшаго духовенства, которое играло видную роль въ жизни этихъ городовъ, сдѣлалось цѣлью, къ которой князья и короли народной хорватской династіи шли упорно, не

останавливаясь предъ жертвами. Отъ этой цѣли ихъ отвлекали только временами внутренія неурядицы. А онѣ возникали не разъ. Объединеніе, создавшееся при внѣшемъ содѣйствіи, было не прочно; династія не успѣла укрѣпиться, выгоды, вытекавшія изъ обладанія властью надъ сочстаніемъ племенъ, создавали борьбу аппетитовъ. Внукъ Трпиміра Мірославъ (857—861) былъ убитъ баномъ Прибуней, который хотѣлъ захватить власть въ свои руки. У Прибуни явились соперники, завязалась кровавая внутренняя борьба. Въ 864 г. мы встрѣчаемъ уже хорватскимъ княземъ *Домогоя* (863—876).

Съ конца IX в. эта внутренняя борьба усилилась подъ вліяніемъ внѣшняго фактора. На престолъ византійскихъ цезарей вступилъ энергическій Василій Македонянинъ. Онъ поставилъ своей задачей возвратить византійской имперіи ея прежнее политическое значеніе. Около 880 г. онъ подчинилъ себѣ далматинскіе города и острова. Въ тоже время сдѣлалъ попытку подчинить и хорватовъ, находившихся еще номинально подъ властью Каролинговъ [1]. Василій дѣйствовалъ на этотъ разъ нерѣшительно. Онъ боялся видимо открытаго посягательства на права Каролинговъ, но уже въ этой попыткѣ его планы обнаружились: осуществились они по смерти Домогая (879).

Домогой оставилъ послѣ себя трехъ сыновей: одинъ изъ нихъ долженъ былъ сдѣлаться хорватскимъ княземъ—но со смертью Мирослава не прекратилось потомство Трпиміра. Члены этой фамиліи смотрѣли на Домогая, какъ на узурпатора, и ждали благопріятнаго момента, чтобы возвратить утраченную власть надъ Хорватіей. Этимъ воспользовался Василій для того, чтобы подчинить себѣ Хорватію. При помощи его одинъ изъ членовъ фамиліи Трпиміра *Здѣславъ* (877—879) овладѣлъ хорватскимъ престоломъ, умертвивъ предварительно дѣтей Домогая. Въ благодарность за оказанную услугу Здѣславъ подчинилъ Хорватію верховной власти Византіи. Зависимость отъ франковъ прекратилась. Василій, чтобы обезпечить за собой вѣрность Здѣслава, приказалъ далматин-

---

[1]) О своихъ правахъ на Хорватію пишетъ еще въ 871 г. Императоръ Людовикъ II Василію Македонянину. Дриновъ. I. с. 38.

скимъ городамъ платить хорватскому князю тѣ деньги, которыя они прежде обязаны были вносить византійскому стратигу. По этому распоряженію Сплитъ платилъ хорватскому правителю 200 золотыхъ монетъ, Цара 110, Трогиръ, Осоръ, Рабъ и Велья по 100. Политическое подчиненіе хорватовъ Византіи совпало съ церковнымъ разрывомъ послѣдовавшимъ послѣ собора 870 года. Хорваты признали церковную зависимость отъ константинопольскаго патріарха. Далматинскіе эпископы, отдѣленные отъ своей хорватской паствы принадлежностью къ римской церкви, чтобы удержать ее за собой, признали также своимъ главой константинопольскаго патріарха. Правленіе Здѣслава продолжалось только около полутора лѣтъ. Нѣкто *Бранимiръ* (879—892) умертвилъ его и овладѣлъ хорватскимъ престоломъ. Нинскій діаконъ Ѳеодосій получилъ епископскій титулъ. Возникла національная хорватская епископія съ славянскимъ богослуженіемъ. Преемникомъ Бранимiра былъ *Мутимiръ* (892—914), называвшій себя въ грамотахъ сыномъ Трпимiра. На политическомъ горизонтѣ въ его время обозначились новыя силы, которымъ суждено было имѣть огромное вліяніе на судьбу хорватскаго государства. Послѣ героическаго возстанія Людевита посавскіе хорваты остались подъ владычествомъ франковъ. Черезъ полстолѣтія послѣ этого государство, созданное Борной, пріобрѣло политическую самостоятельность, но князья посавской Панноніи въ теченіе всего IX вѣка были вѣрными слугами Каролинговъ. Послѣднимъ изъ нихъ былъ, какъ кажется, Брацлавонъ, упоминаемый въ Фульдскихъ анналахъ подъ 896 годомъ. Онъ является дѣятельнымъ помощникомъ нѣмцевъ въ борьбѣ съ великоморазскимъ государствомъ. Рядомъ съ посавскими хорватами въ этой борьбѣ выступаютъ призванные Арнульфомъ мадьяры. Не прошло 8 лѣтъ, какъ степные союзники обрушиваются на нѣмцевъ и славянъ. Въ 900 году въ Панноніи и Хорутаніи мадьярское племя нанесло первый ударъ владычеству Королинговъ, затѣмъ въ 907 г. въ битвѣ при Пресбургѣ уничтожило его окончательно. Зависимость отъ нѣмцевъ прекратилась, но въ перепективѣ предстояла другая, быть можетъ, болѣе тяжелая: посавцы рисковали сдѣлаться добычей мадьяръ.

Грозныя силы надвигались и съ востока. За 4 года предъ Мутимiромъ на болгарскій престолъ вступилъ зна-

менитый Симеонъ. Съ перваго же года его правленія открылась борьба Болгаріи съ Византіей, длившаяся, съ промежутками, во все правленіе Симеона. Симеонъ быстро оцѣнилъ то значеніе, которое могутъ имѣть въ этой борьбѣ маленькія сербскія племена, находившіяся у него въ тылу. Онъ вступилъ въ дружескія отношенія съ Михаиломъ захлумскимъ и сербскимъ княземъ, но подъ личиной этихъ отношеній скрывались другіе планы. Со времени возникновенія этихъ отношеній дѣлами Сербіи въ сущности распоряжался болгарскій, а не сербскій князь. Та-же участь при извѣстныхъ условіяхъ могла ожидать и Хорватію. Хорватскіе князья, подобно болгарскимъ, вмѣшивались во внутреннія дѣла Сербіи, давали у себя пріютъ неудачнымъ претендентамъ на княжескую власть въ Сербіи, претендентамъ, которые потомъ возвращались въ Сербію и снова затѣвали борьбу. Мутиміръ присутствовалъ только при началѣ этой грандіозной борьбы и могъ спокойно, видимо, работать надъ внутреннимъ устройствомъ молодого государства.

Въ промежутокъ времени между Трпиміромъ и Мутиміромъ жупанство падало болѣе и болѣе; могущественные и независимые жупаны былаго времени снизошли до степени простыхъ придворныхъ. Жупаны при Мутимірѣ завѣдывали княжескими имѣніями, состояли въ штатѣ его супруги, были его постельниками, щитоношами, оруженосцами и конюшими. Но при этомъ внутреннемъ ростѣ княжеской власти хорватскій князь все еще не могъ называться самостоятельнымъ государемъ. Первые князья избирались народомъ, но избраніе получало силу только послѣ утвержденія со стороны германскаго императора. Еще Трпиміръ признавалъ надъ собой номинальную власть императора. Со времени Здѣслава во внутренія дѣла Хорватіи вмѣшалась Византія; Бранимиръ искалъ себѣ поддержки въ Римѣ. Мутиміръ положилъ конецъ этому неопредѣленному положенію Хорватіи. Онъ первый объявилъ себя княземъ Dei gratia. Хорватія становится вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ, ея князь получаетъ свою власть не какъ вассалъ изъ рукъ германскаго или византійскаго императора, а изъ рукъ народа, освященную Богомъ. Преемникъ Мутиміра Томиславъ (914—940 г.) расширилъ предѣлы ставшаго въ независимое положеніе государства, онъ овладѣлъ западной частью Босны и вошелъ въ какія-то отно-

шенія съ княземъ Захлумья Михаиломъ Вышевичемъ [1]). Чтобъ закончить дѣло образованія хорватскаго государства, Томиславу предстояло еще рѣшить вопросъ, занимавшій уже Моислава и Трпиміра—подчинить своей власти приморскіе далматинскіе города.

Въ то время, какъ Томиславъ занятъ былъ расширеніемъ своего государства, между Болгаріей и Византіей кипѣла напряженная борьба. Въ теченіе 7 лѣтъ, начиная съ 913 года, Симеонъ болгарскій держалъ въ постоянномъ напряженіи всѣ силы византійской имперіи. Каждую минуту она готова была рухнуть подъ напоромъ могущественнаго славянскаго князя. Въ годъ восшествія на престолъ Романа Лакапена (919) войска Симеона находились въ виду Константинополя, на берегу Дарданельскаго пролива. Болгарскій царъ протягивалъ руку за короной византійскихъ императоровъ; изъ византійскихъ владѣній и Болгаріи онъ хотѣлъ образовать могущественное славянское государство. Слабость Византіи давала надежду на исполненіе этой грандіозной мечты; Романъ Лакапенъ, послѣ неудачныхъ переговоровъ о мирѣ съ Симеономъ, рѣшился испытать послѣднее, повидимому, сомнительное срьдство. На юго-западъ отъ Болгаріи жили сербы, захумляне, травуняне, дукляне и другіе такъ называемые южно-далматинскіе славяне. Всѣ они или нахо-

---

[1]) Дриновъ и другіе историки предполагаютъ, что Томиславъ присоединилъ къ Хорватіи и Посавину, но это только правдоподобная догадка. Отношенія къ князю Захлумья владѣвшему Діоклеей и Неретвой въ это время не поддаются объясненію вслѣдствіе скудости источниковъ. Можно установить только одинъ фактъ, что въ церковномъ отношеніи его владѣнія вмѣстѣ съ Хорватіей при Томиславѣ подчинены были одной архіепископіи—Сплетской. Смичикласъ, думаетъ что Вышевичъ призналъ надъ собой власть Томислава, но это только одна изъ многочисленныхъ догадокъ, которыми восполняется отсутствіе фактовъ. Еще менѣе основательно утвержденіе, что подъ властью хорватовъ стояли Неретване, Захлумье и Діоклея, (227) даже Сербія, что границей Хорватіи былъ на ю. Дринъ (237) 20 лѣтъ посавскіе хорваты. Константинъ Багрянородный говоритъ, что живутъ обособленной жизнью отъ далматинскихъ. Смичикласъ высказываетъ догадку, что онъ-же присоединилъ и посавскую Хорватію но единственнымъ основаніемъ для этого являются подозрительныя извѣстія анонимнаго Діоклейца.

дились въ прямой зависимости отъ Симеона или были съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Романъ задумалъ привлечь ихъ на свою сторону и составить коалицію, значеніе которой заключалось бы въ томъ, чтобы отвлечь отъ византійской столицы вниманіе Симеона. Первымъ перешелъ на его сторону князь сербскій Захарія, за нимъ правитель Захлумья Михаилъ. Весьма видное мѣсто въ этомъ формирующемся антиболгарскомъ союзѣ долженъ былъ-бы занимать могущественный хорватскій князь, если бы только удалось заручиться его участіемъ. Томиславъ не отказался отъ союза, который былъ и въ его интересахъ, но потребовалъ въ вознагражденіе себѣ далматинскіе города, признавшіе въ это время верховную власть Византіи. Томиславъ былъ уже проконсуломъ Далмаціи, а между 925 и 926 гг. онъ воевалъ съ Симеономъ. Непосредственно вслѣдъ за подчиненіемъ далматинскихъ городовъ хорватское княжество превращается въ королевство. Мутиміръ былъ уже королемъ, только безъ титула. Томиславъ закончилъ то, что началъ Мутиміръ: онъ воспользовался своимъ могуществомъ и современными политическими обстоятельствами для того, чтобы провозгласить себя королемъ.

Положеніе, занятое Томиславомъ относительно Византіи, доставило ему такимъ образомъ двѣ выгоды: предоставило въ его распоряженіе (только на условіяхъ признанія верховной власти Византіи) далматинскіе города и облегчило возможность добыть королевскую корону. Но за эти выгоды пришлось вскорѣ расплачиваться. Симеонъ отправилъ въ Сербію войско для наказанія измѣнившаго ему Захаріи, но этотъ послѣдній разбилъ и уничтожилъ посланный противъ него отрядъ; головы и оружіе болгарскихъ вождей были отправлены въ Константинополь, какъ доказательство одержанной побѣды. Въ это время Симеонъ находился недалеко отъ Византіи. Узнавши о судьбѣ своего войска, узнавши о томъ, что на сторону грековъ перешли захумляне и хорваты, онъ понялъ размѣры угрожавшей ему опасности, оставилъ на время въ покоѣ Византію, и рѣшился однимъ ударомъ сломить составленный противъ него союзъ и потомъ уже, обезпечивши за собой тылъ, двинуться на Византію. Въ концѣ 926 г., болгарское войско двинулось въ Сербію. Около того-же времени, былъ посланъ въ Хорватію болгарскій воевода Алоботуръ съ значительнымъ войскомъ; но здѣсь Симеону

привелось встрѣтить энергическій отпоръ и въ первый разъ въ своей жизни испытать неудачу. Томиславъ былъ на готовѣ и окончательно уничтожилъ отрядъ Алоботура при вступленіи его въ Хорватію. Это событіе относятъ къ 27 мая 927 года.

Эпохой Томислава заканчивается первый періодъ хорватской исторіи. Сущность его заключается въ постепенномъ измѣненіи формъ политическаго была хорватовъ подъ вліяніемъ столкновеній съ германскимъ міромъ, въ развитіи идеи единодержавія, закончившемся образованіемъ хорватскаго королевства. Рядомъ съ этимъ основнымъ стремленіемъ хорватскихъ князей даннаго періода идетъ процессъ округленія границъ государства, процессъ объединенія всѣхъ хорватовъ въ одно полическое цѣлое—въ государство, границами котораго служили бы этнографическія границы хорватской народности.

Отъ эпохи Томислава источники переносятъ насъ къ концу X вѣка. Между 994 и 1000 годами Хорватіей правилъ *Држиславъ*. Это несомнѣнно слѣдуетъ изъ граматъ, дошедшихъ до насъ отъ того и другаго года. Изъ позднѣйшихъ, но не менѣе достовѣрныхъ, источниковъ извѣстно, что до Држислава правилъ отецъ его Крешиміръ старшій. Анонимный діоклейскій священникъ говоритъ въ своей хроникѣ о какомъ-то Крешимірѣ, вступившемъ на хорватскій престолъ около времени смерти болгарскаго царя Петра, то есть около 968 года. Правленіе *Крешиміра* II обнимаетъ такимъ образомъ промежутокъ времени отъ 968 года до 991—993.

Главнымъ предметомъ политическихъ заботъ Крешиміра были далматинскіе города. Томиславъ получилъ ихъ отъ Византіи и управлялъ ими въ качествѣ византійскаго проконсула; верховная власть все-таки принадлежала Византіи. По смерти Томислава Византіи, какъ кажется, удалось еще болѣе ослабить зависимость этихъ городовъ отъ Хорватіи, ограничивши ее почти одной данью. До 986 года проконсуломъ Далмаціи былъ уже не хорватскій король, а пріоръ города Задра, находившійся въ непосредственной зависимости отъ Византіи. Крешиміръ положилъ конецъ такому порядку вещей. Подобно Томиславу онъ воспользовался для этого отношеніями Византіи къ Болгаріи. Съ 982 г. Болгарія подъ

правленіемъ Самуила стояла на вершинѣ своего могущества и грозила Византіи. Имперія должна была сосредоточивать всѣ свои силы для борьбы съ могущественнымъ врагомъ. Крешиміръ не оставилъ безъ вниманія. Возстановлявшемуся владычеству Византіи въ далматинскихъ городахъ теперь безопасно было нанести рѣшительный ударъ. Послѣ 986 года на государственныхъ и частныхъ граматахъ Далмаціи изчезаетъ титулъ проконсула; Далмація дѣлается удѣломъ хорватскаго государства. Въ отношеніи Византіи это было, во всякомъ случаѣ, актомъ насилія.

Съ присоединеніемъ Далмаціи Хорватія должна была занять прочное положеніе на Адріатическомъ морѣ. Венеція издавна платила Хорватіи торговую дань, чтобы обезпечить своимъ кораблямъ свободное плаваніе вблизи далматинскаго побережья, по другимъ извѣствіямъ, по всему Адріатическому морю. Теперь, когда Хорваты захватили подъ свою власть все далматинское побережье и окончательно утвердились на Адріатическомъ морѣ, Венеція должна была ожидать еще большихъ стѣсненій для своей торговли. Энергическій Петръ II Орсеоло завелъ обширныя торговыя и полическія сношенія съ Византіей и, опираясь на союзъ съ ней, отказался платить хорватамъ условную дань; въ отвѣтъ на этотъ вызовъ хорватскіе пираты въ союзѣ съ неретванами принялись за привычное дѣло.

Орсеоло воспользовался этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы вступить въ открытую борьбу съ хорватами. Шесть венеціанскихъ кораблей подъ командой Бодоаріо Брагодино сдѣлали внезапное нападеніе на Висъ. Крешиміръ не приготовился къ защитѣ. Городъ былъ взятъ; жители обоего пола были отведены въ плѣнъ въ Венецію.

Отношенія между Венеціей и Хорватіей оставались натянутыми во все время правленія Крешиміра. Обнаружились живыя нитки, которыми сшито было хорватское государство, и выяснилась вся безуспѣшность стараній Крешиміра упрочить связь между далматинцами и хорватами Только могущество хорватовъ держало въ зависимости отъ нихъ далматинцевъ. Когда этому могуществу нанесенъ былъ первый ударъ, когда у хорватовъ явился сильный и энергическій врагъ, да притомъ еще родственный далматинцамъ по происхожденію, началось опасное броженіе, результатомъ

котораго былъ переходъ Задра подъ власть Венеціи. Венеція становится новымъ факторомъ, въ ряду тѣхъ, которые опредѣляли уже исторію хорватскаго государства. Для закрѣпленія за собой Далмаціи она вторгается во внутреннюю жизнь его. Послѣ Крешиміра осталось 4 сына. Старшій изъ нихъ— *Святославъ* долженъ былъ занять отцовскій престолъ, но слѣдовавшій за нимъ братъ *Држиславъ* явился также претендентомъ. Между братьями началась борьба; хорваты раздѣлились на партіи и обѣ стороны начали жестокую междоусобную распрю. На сторонѣ Држислава оказался перевѣсъ и онъ овладѣлъ отцовскимъ престоломъ.

Далматинцы воспользовались анархіей для того, чтобы ослабить, если не вовсе уничтожить, свою зависимость отъ хорватовъ. Есть основаніе полагать, что имъ усердно помогали венеціанцы; изъ занятой ими Зары шла агитація, охватывавшая мало по малу всю Далмацію. Венеціанцы раздували народныя страсти: имъ открывалась въ перспективѣ возможность овладѣть далматинскими городами. Когда кончилась междоусобная борьба, Далмація была окончательно возбуждена противъ хорватскаго владычества. Држиславъ отправилъ въ Венецію посла съ требованіемъ дани, въ которой было отказано его отцу. Дожъ отказалъ. Држиславъ потребовалъ снова, настойчивѣе прежняго. Дожъ отвѣтилъ что онъ не откажется заплатить дань, но пришлетъ ее не съ послами, а самъ явится для разсчета въ Хорватію. Въ этихъ словахъ уже слышалась угроза. Дожъ сталъ готовиться къ войнѣ. Еще крѣпче сдѣлались его отношенія къ Византіи. Въ то время, когда надъ Хорватіей начала уже собираться гроза, Држиславъ замѣтилъ антихорватскую агитацію, происходившую въ Далмаціи. Для подавленія ея онъ принялъ самыя крутыя мѣры, но на этотъ разъ онѣ не привели ни къ чему и только приблизили моментъ венеціанской войны. Высшее духовенство, городскія власти, народъ—все пришло въ волненіе. Для далматинскаго возстанія нуженъ былъ только сигналъ и онъ не замедлилъ своимъ появленіемъ. Союзные съ Држиславомъ неретване напали на Задръ и увели съ собой сорокъ человѣкъ жителей. Сигналъ былъ поданъ. Одновременно съ Задромъ населеніе всѣхъ далматинскихъ городовъ обратился къ дожу Венеціи съ просьбой о помощи, обѣщая признать надъ собой его власть, если онъ освободитъ ихъ

отъ варварства хорватовъ. Дожъ обратился къ византійскому императору за позволеніемъ овладѣть византійскими городами, обѣщая сохранить за нимъ верховную власть на эти города. Заручившись согласіемъ императора, дожъ собралъ флотъ и началъ экспедицію. Это было въ 996 году. Походъ дожа походилъ скорѣе на тріумфалное шествіе. Всюду, гдѣ ни являлся онъ, его встрѣчали съ распростертыми объятіями. Въ городѣ Осорѣ на островѣ Kpecѣ сошлись жители сосѣднихъ городовъ и селеній и принесли дожу присягу вѣрности. Хорватское населеніе острова, не имѣвшее особой причины радоваться прибытію дожа, вынуждено было послѣдовать примѣру романскаго, не видя ни откуда защиты. Въ главномъ городѣ Далмаціи Задрѣ его ожидали городской пріоръ и епископъ, епископы и пріоры Аквилеи и Осора. Дожъ былъ встрѣченъ съ большимъ торжествомъ и изъявленіями покорности. Далматинскіе города присоединили свои силы къ войскамъ его усиленный такимъ образомъ дожъ двинулся покорять приморскіе города хорватовъ. Первымъ изъ этихъ городовъ подвергся нападенію венеціанцевъ Бѣлградъ. Тамъ было хорватское войско. Дожъ предложилъ гарнизону сдать городъ. Гарнизонъ, не ожидая ни откуда подкрѣпленій, вынужденъ былъ подчиниться. Орсеоло отъ Бѣлграда направилъ свой путь къ Трогиру. Какъ и вездѣ въ Далмаціи, онъ былъ принятъ здѣсь съ торжествомъ. Здѣсь-же представился дожу братъ хорватскаго короля Святославъ; между нимъ и дожемъ, очевидно, составился какой-то уговоръ, при чемъ Святославъ далъ своего сына Стефана въ заложники. Изъ Трогира Орсело отправился въ Сплѣтъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ почетомъ архіепископомъ Петромъ. Только островъ Ластовъ, какъ хорошо укрѣпленный, оказалъ нѣкоторое сопротивленіе. Дубровникъ принужденъ былъ покориться и принести дожу присягу вѣрности. Дѣло подчиненія Далмаціи было окончено и дожъ съ тріумфомъ вернулся въ Венецію. Здѣсь онъ провозгласилъ себя дожемъ Далмаціи (Dux Dalmatiae).

Съ переходомъ Далмаціи подъ власть Венеціи упрочилось владычество послѣдней на Адріатическомъ морѣ. Это событіе ознаменовано было торжественнымъ обрядомъ обрученія дожа Венеціи съ Адріатическомъ моремъ.

Хорватія пережила критическій моментъ, но вышла изъ него значительно ослабленной. Потеря Далмаціи и нѣсколькихъ

собственно хорватскихъ пунктовъ составляла уже сама по себѣ значительный ущербъ. Послѣдствія венеціанской войны не ограничились однимъ этимъ; они отразились на отдаленномъ будущемъ Хорватіи и имѣли рѣшительное вліяніе на ея внѣшнюю и внутренную политику.

Съ этихъ поръ начинается настоящая борьба Венеціи и Хорватіи изъ за обладанія далматинскими городами. То та, то другая сторона овладѣетъ ими; но при всѣхъ перипетіяхъ этой борьбы неизмѣнно повторяется одно и тоже: союзъ далматинскихъ городовъ съ Хорватіей всегда бываетъ вынужденнымъ, результатомъ силы обстоятельствъ; союзъ съ Венеціей, неизмѣнный результатъ малѣйшаго ослабленія Хорватіи, опирается на моральныя и племенныя симпатіи, хотя Венеція и эксплуатировала ихъ иначе. При этомъ обѣ враждующія стороны ревниво оберегаютъ права Византіи. Изъ рукъ византійскаго императора получаетъ ихъ та и другая сторона. Крешиміръ сдѣлалъ попытку уничтожить гегемонію венеціанцевъ въ Далмаціи. Съ этой цѣлью онъ началъ около 1018 г. дѣлать нападенія на Задръ и другіе приморскіе города Далмаціи. Жители этихъ городовъ призвали себѣ на помощь дожа (теперь имъ былъ сынъ знаменитаго Петра II Орсело—Оттонъ). Оттонъ не замедлилъ явиться съ флотомъ. Крешиміръ не могъ выдержать борьбы съ нимъ и отступился отъ своихъ притязаній. Крешиміръ оставилъ на нѣкоторое время Далмацію въ покоѣ.—Въ это время кончилась кровавая борьба между Болгаріей и Византіей. Василій залилъ Болгарію потоками крови. Судьба Болгаріи выяснила политику византійскаго императора въ отношеніи къ славянамъ. Таже участь грозила въ недалекомъ будущемъ и Хорватію. Хорватскіе короли давно уже прекратили всякія отношенія съ Византіей; по временамъ они дѣйствовали противъ нея даже враждебно. Теперь представилась необходимость возстановить, по крайней мѣрѣ для вида, старыя зависимыя отношенія къ Византіи. Опасность усиливалась еще возможностью совмѣстныхъ дѣйствій Византіи и Венеціи. Перспектива болгарскаго погрома заставила Крешиміра добровольно подчиниться Византіи.

Власть „Болгаробойцы" распространилась на весь югославянскій міръ и заставила славянъ обратить свои взоры на С. къ мадьярамъ. Крешиміръ первый становится на роко-

вую для хорватской независимости дорогу. Съ 1025 года началась борьба между Угріей и Германіей. Поводомъ къ ней послужили современныя событія въ Польшѣ. По смерти Мечислава между его сыновьями произошелъ раздоръ изъ-за престола. Одинъ изъ сыновей обратился за помощью къ венгерскому королю Стефану. Стефанъ отказалъ. Претендентъ обратился къ германскому императору Конраду II, обѣщая признать его верховную власть, если онъ поможетъ ему въ борьбѣ противъ брата. Конрадъ двинулся въ Польшу, но неожиданнымъ союзникомъ послѣдней явился венгерскій король Стефанъ. Въ то время, когда Конрадъ дѣйствовалъ въ Польшѣ, Стефанъ вторгнулся въ Баварію, въ владѣнія германскаго императора. Очутившись между двумя огнями, Конрадъ поспѣшилъ заключить миръ съ Польшей и обратился противъ угорскаго короля. Стефану была не подъ силу борьба съ Германіей и онъ началъ искать союзниковъ. Первымъ оказался Крешиміръ. Крешиміръ отправилъ свои войска на помощь Угріи. Вскорѣ между Германіей и Угріей былъ заключенъ миръ. Есть извѣстіе, что Стефанъ послѣ войны уступилъ Крешиміру, въ вознагражденіе за поддержку часть Славоніи отъ впаденія Купы въ Саву по рѣкѣ Требезу и Блату или Чрнцу до Дравы. Съ 1031 года отношенія стали еще тѣснѣе: сынъ угорскаго короля, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ обрученъ тогда съ дочерью Крешиміра.

Преемникъ Крешиміра Стефанъ, сынъ Святослава, не отступалъ отъ его политики по отношенію къ Угріи. Правителей Хорватіи и Угріи связывали родственныя узы: жена Стефана I была теткой угорскаго короля Петра. Стефанъ вернулся къ цѣли, занимавшей вниманіе его предковъ; онъ довелъ далматинцевъ своими нападеніями до того, что они принуждены были ему подчиниться около 1044 года. Не политическія симпатіи, не мирные переговоры вызвали это подчиненіе, а тревога за существованіе. Настроеніе умовъ въ Далмаціи приняло другой оборотъ, лишь только Венеція взялась за дѣло. Послѣдняя до сихъ поръ ограничивалась наблюденіями за дѣйствіями Стефана. Она выжидала, какое положеніе займетъ въ этомъ дѣлѣ Византія, выжидала повторенія катастрофы, постигшей Крешиміра III. Когда эти ожиданія не оправдались, Венеція вышла изъ своего наблюдательнаго положенія. Въ 1044 г. дожъ явился подъ Задромъ.

При помощи расположенной къ венеціанцамъ части населенія ему удалось овладѣть этимъ городомъ и возстановить въ немъ свою власть. Сосѣдніе далматинцы частію также собрались и присягнули на вѣрность дожу. Не удалась еще одна попытка овладѣть Далмаціей. На этотъ разъ, впрочемъ, успѣхъ Венеціи былъ далеко не такъ полонъ, какъ при Орсеоло. Была значительная партія, которая стояла противъ зависимости отъ венеціанцевъ. Эту партію могъ эксплуатировать въ своихъ интересахъ хорватскій король. Важное значеніе имѣло еще и то обстоятельство, что послѣднее подчиненіе далматинскихъ городовъ Венеціи совершилось, какъ актъ насилія, безъ согласія Византіи.

Въ правленіе Крешиміра Петра, который вступилъ на хорватскій престолъ около 1050 г. Хорватія переживала былые дни своего могущества—времена Томислава и Крешиміра старшаго. Все, что составляло при нихъ хорватское государство, что было потомъ потеряно вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ и нападеній сосѣдей, теперь вновь соединилось подъ рукой Крешиміра.

Оторванная при Држиславѣ, Далмація въ правленіе Крешиміра Петра снова входитъ въ составъ хорватскаго государства. Въ 1059 г. Крешиміръ Петръ называетъ себя rex Dalmatiae Croatiaeque. Присоединеніе Далмаціи совершилось, очевидно, между 1057 и 1059 гг. Установленая при помощи Византіи внѣшняя связь Хорватіи и Далмаціи не обладала достаточной степенью прочности. Чтобы дать этому союзу требуемую крѣпость, нужно было ослабить вѣковой антагонизмъ, раздѣлявщій романство и славянство въ хорватскомъ государствѣ. Въ этомъ состояла сущность государственной задачи. Попытку въ подобномъ родѣ сдѣлалъ уже Томиславъ, но венеціанская война показала, что она не вполнѣ достигала цѣли. Крешиміръ взялъ за образецъ политику Томислава, но ввелъ въ нее нѣсколько осложненій, которыхъ требовали современныя обстоятельства.

Во главѣ романскаго міра стояло тогда папство, но уже не такое, какимъ оно было въ эпоху Томислава,—ничтожное, переживавшее самую темную пору своего существованія. Современное Крешиміру Петру папство не довольствовалось уже однимъ духовнымъ владычествомъ надъ міромъ; оно стремилось къ преобладанію въ сферѣ полити-

ческой. Это было время подготовительныхъ работъ Гильдебранда, имѣвшихъ задачей создать всемірную теократію. Къ папству тяготѣли тогда симпатіи всего романскаго міра. Ввести хорватскій народъ въ эту обще-романскую колею казалось Крешиміру и легкой задачей и лучшимъ средствомъ достигнуть цѣли, на которую потрачено было столько жертвъ и борьбы. Въ его жилахъ текла на половину романская кровь; венеціанка - мать воспитала его въ симпатіяхъ къ всему романскому; славянство было ему и чужду и незнакомо. Крешиміръ безповоротно рѣшилъ принести въ жертву интересы славянства для рѣшенія политической задачи. Съ перваго-же года своего правленія онъ вступилъ въ тѣсныя отношенія съ Римомъ. Это былъ первый шагъ въ его политикѣ. Правитель Хорватіи сошелся въ своихъ симпатіяхъ съ представителями романскаго населенія Далмаціи.

Установивши modus viviendi съ Далмаціей, Крешиміръ обратилъ вниманіе на сѣверную, паннонскую часть хорватскихъ владѣній. Часть посавской Паннонiи—Сремъ съ его округомъ—признала въ правленіе Крешиміра III верховную власть греческихъ императоровъ. Около времени вступленія на престолъ Крешиміра Петра Сремъ сдѣлался свободнымъ, но, не имѣя возможности отстаивать свою самостоятельность, онъ долженъ былъ сдѣлаться добычей болѣе могущественныхъ сосѣдей. Крешиміръ не упустилъ случая разширить на счетъ его свои владѣнія [1]). Границами хорватскаго государства сдѣлались границы хорватской народности; теперь хорватская Паннонія была подъ властью короля; управленіе ею было поручено особому бану, которымъ при Петрѣ Крешимірѣ былъ Димитрій Свиниміръ. Чтобы обезпечить ихъ за собой, Крешиміръ около 1065 года вступилъ въ дружескія сношенія съ угорскимъ королемъ. Вскорѣ эти отношенія стали еще тѣснѣе; Свиниміръ женился на дочери Соломона угорскаго и, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ хроникеровъ, получилъ за ней Славонію въ видѣ приданаго. Обезпечивъ за собой Паннонію, Крешиміръ снова обратилъ вниманіе на

---

[1]) Rad jug. akad. XXVII, 100. Смичикласъ утверждаетъ, что въ зависимости отъ Хорватіи стояли въ это время еще Босна, южное приморье и Захлумье, Зета но безъ фактическихъ основаній (249, 254).

Далмацію. До сихъ поръ онъ раздѣлялъ власть надъ ней съ византійскимъ императоромъ. Въ 1067 году мы встрѣчаемся на граматахъ съ титуломъ катепана Далмаціи, императорскаго протоспатарія. Этимъ катепаномъ былъ пріоръ Задра. Катепанъ былъ выразителемъ верховныхъ правъ Византіи на далматинскіе города и находился отъ нея въ зависимости, но, какъ пріоръ Задра, онъ признавалъ надъ собой власть Крешиміра. Въ свой личности такимъ образомъ, онъ примирялъ права обоихъ государей. Съ 1068—69 г. пропадаетъ на граматахъ титулъ катепана всей Далмаціи, но имя византійскаго императора, остается по прежнему на первомъ мѣстѣ. Наслѣдникомъ Крешимира еще при жизни былъ назначенъ Стефанъ, его сынъ, но ему не удалось на этотъ разъ вступить на престолъ Хорватіи. Удрученный тяжелой болѣзнью, онъ созвалъ духовенство хорватскаго королевства и велѣлъ перенести себя въ монастырь св. первомоченика Стефана; здѣсь онъ сложилъ съ себя титулъ князя, отказался отъ престола и самъ, въ ожиданіи скорой смерти, выбралъ себѣ мѣсто для могилы. Тяжелая болѣзнь отнимала у него надежду на выздоровленіе. Хорватскій престолъ долженъ былъ занять однимъ изъ жупановъ Хорватіи по избранію народа. Выборъ палъ на Славича, брата приморскаго жупана.

Съ самаго вступленія на престолъ новый король остался безъ союзниковъ, лицемъ къ лицу съ грозной силой, которая утвердилась на западномъ берегу Адріатическаго моря въ правленіе Крешиміра Петра - норманнами.

Съ 1059 г. по 1072-й норманны утвердились въ Сициліи, покорили ломбардскіе города Византіи. Лишь только Гамингъ, предводитель норманновъ, приблизился съ своимъ флотомъ къ далматинскимъ берегамъ, изъ Венеціи отправилась эскадра подъ личнымъ предводительствомъ дожа. Съ другой стороны на встрѣчу норманновъ отплылъ Славичъ. Обѣ стороны, не смотря то, что имѣли одну и ту-же цѣль, дѣйствовали самостоятельно. Венеціанская эскадра вела себя выжидательно и не принимала активнаго участія въ борьбѣ Славича и Гаминга. Только тогда, когда Славичу не удалось отразить нападеніе, когда онъ самъ попалъ въ плѣнъ, а норманны грозили занять Далмацію, венеціанская эскадра открыла свои дѣйствія. Норманны были разбиты, и прогнаны. Результатомъ побѣды, одержанной венеціанцами, было возста-

новленіе ихъ власти въ Далмаціи. Доменико Сильвіо получилъ титулъ дожа Далмаціи; далматинское духовенство, которое такъ усердно старался привязать къ себѣ Крешиміръ Петръ, первое признало за дожемъ этотъ титулъ и изъявило ему покорность. Славичъ не являлся уже болѣе на родину. Хорватія осталась безъ правителя.

Самымъ сильнымъ претендентомъ на опустѣвшій тронъ оказался бывшій банъ Славоніи Димитрій Свиниміръ. Онъ былъ, повидимому, любимымъ баномъ короля и пользовался послѣ него наибольшимъ значеніемъ въ государствѣ. Его имя на граматахъ выставлялось непосредственно вслѣдъ за королевскимъ. Подъ условіемъ союза съ папой ему представлялась возможность заручиться для вступленія на престолъ содѣйствіемъ могущественной партіи, составленной изъ духовенства.—Духовенство начало дѣятельно агитировать въ его пользу. На народномъ собраніи Свиниміръ былъ избранъ королемъ Хорватіи и Далмаціи; на соборѣ 1075/6 г. духовенство утвердило за нимъ королевскій титулъ, а папскій легатъ Гебизонъ отъ имени папы вѣнчалъ его королевской короной. Главную роль при избраніи Свиниміра, очевидно, играло духовенство. Оно торжествуетъ уже не въ одной церкви, но и въ государственныхъ дѣлахъ, подавляя своимъ могуществомъ всѣхъ народныхъ представителей. Избранный королемъ Хорватіи, Свиниміръ даетъ торжественную клятву безусловно исполнять все, что прикажетъ папа. Какъ выраженіе своей покорности, онъ обѣщаетъ платить папѣ дань по 200 золотыхъ съ уступленнаго ему королевства. „Сверхъ того—продолжаетъ Свиниміръ въ грамотѣ, данной имъ Гебизону—такъ какъ царствовать значитъ служить Богу, то я поручаю и предаю себя въ твои руки и утверждаю клятвенно свою вѣрность. Я, Свиниміръ, божіею милостію и дарованіемъ апостольскаго престола, король отъ этого часа буду вѣренъ св. Петру и господину моему папѣ Григорію, равно и его преемникамъ, имѣющимъ законно вступить на папскій престолъ. Королевство-же которые ты, господинъ Гебизонъ, передалъ мнѣ своей рукой я буду вѣрно держать; никогда не буду стремиться къ тому, чтобы отнять его, а равно и права на него у апостольскаго престола. Когда бы они меня не потребовали, смиренно буду служить имъ по мѣрѣ силъ моихъ“.

Свиниміръ, какъ видно изъ приведенной присяги, становился вассаломъ папы. На первахъ порахъ новыя отношенія къ Риму были не безвыгодны для Хорватіи. Папа становился въ силу ихъ защитникомъ Свиниміра и принималъ на себя обязанность оберегать его землю отъ нападеній сосѣдей. Норманны, оставившіе по себѣ такую печальную память въ Хорватіи, въ лицѣ своего правителя вошли въ дружескія отношенія съ папой, а чрезъ него и съ Свиниміромъ. Чрезъ папу Свиниміръ возобновилъ дружескія отношенія съ Византіей, разстроенныя послѣдними событіями правленія Крешиміра Петра. Соперница Хорватіи Венеція стояла на сторонѣ Генриха IV и, стало быть, была враждебной въ отношеніи Византіи. Населеніе Далмаціи, преимущественно духовенство, въ лицѣ своихъ представителей, симпатично относилось къ Свиниміру; его вѣрность, казалось, на долго была обезпечена. Но союзъ Свиниміра съ папой имѣлъ не одни свѣтлыя стороны: онъ выставилъ Хорватію на арену великой борьбы, раздиравшей тогда Европу, и заставилъ принести не одну безплодную жертву.

Не прошло и трехъ лѣтъ со времени вступленія Свиниміра на престолъ, какъ эти печальныя послѣдствія обнаружились. Въ 1079 году нѣкто Вицелинъ, по предположенію Рачкаго, правитель Истріи, вступилъ съ Свиниміромъ въ борьбу, поводомъ къ которой послужили современныя отношенія между Генрихомъ IV и папой. Ихъ миръ былъ непроченъ. Въ борьбѣ между Рудольфомъ и Генрихомъ папа принялъ сторону перваго послѣ неудавшихся попытокъ примирить ихъ. По планамъ папы Хорватія должна была служить однимъ изъ орудій для ослабленія Генриха. Чтобы приготовить ее къ этой роли, папа еще въ 1078 году отправилъ туда своего легата. Вѣрный своему обѣщанію подчиняться во всемъ папѣ, Свиниміръ рѣшился на борьбу Генрихомъ. Тутъ-то и предупредилъ его Вицелинъ, державшій сторону императора. Онъ первый открылъ дѣйствія, чтобы парализировать дѣйствія Свиниміра. Свиниміръ обратился къ папѣ съ просьбой о защитѣ. Папа отправилъ къ Вицелину строгое письмо, въ которомъ упрекаетъ его за начатую борьбу. Борьба съ Вицелиномъ была прекращена въ самомъ началѣ; но участіе Свиниміра въ современныхъ событіяхъ этимъ не ограничилась. Въ 1081 году между

австрійскимъ маркграфомъ Леопольдомъ II и чешскимъ королемъ Вратиславомъ началась война. Лепольдъ незадолго предъ этимъ былъ сторонникомъ Генриха, но теперь отложился отъ него. Свиниміръ объявилъ ему войну. При содѣйствіи мадьяровъ онъ сдѣлалъ нападеніе на Каринтію, но неудачно: Леопольдъ уничтожилъ почти все его войско. Свиниміру пришлось заключить миръ и выступить и Каринтіи. Это было его послѣднее военное предпріятіе. Въ народѣ начиналось глухое неудовольствіе по поводу безплодныхъ тратъ боевыхъ силъ. Оно исходило отъ партіи, враждебной романизму, и находило сочувствіе въ массѣ народа и между низшимъ духовенствомъ.

Въ 1082 году началась война между норманнами и Византіей. Не принимая въ ней активнаго участія, Свиниміръ косвенно помогалъ норманнамъ: они перешли на восточный берегъ Адріатическаго моря на хорватскихъ и дубровницкихъ судахъ. Это усердіе повлекло за собой очень печальныя послѣдствія. Венеціанцы были вѣрными слугами Византіи. Въ 1085 г- посолъ новаго венеціанскаго дожа Виталиса Фаледро прибылъ въ Византію и отъ лица своего правителя предложилъ императору союзъ; въ вознагражденіе требовалась Далмація. Императоръ уступилъ не только Далмацію, но и *Хорватію.* Виталисъ Фаледро былъ признанъ дожемъ Венеціи и Хорватіи. Вѣковая эквилибристика хорватскихъ королей между Римомъ и Византіей привела къ своимъ естественымъ послѣдствіямъ. Хорватія переходитъ теперь по волѣ императора подъ власть Венеціи. Это былъ смертный приговоръ ея политической самостоятельности. Въ томъ-же году Свиниміра поразилъ новый ударъ: 25 декабря 1085 года умеръ его покровитель Гильдебрандъ, унося съ собой въ могилу идею всемірной теократіи. Свиниміръ умеръ около 1089 года. Строго говоря, это былъ послѣдній хорватскій король. Двухлѣтнее правленіе Стефана II (1089—1090) было только кратковременной отсрочкой политической смерти Хорватіи.

Когда Стефанъ умеръ, между народными представителями возникла борьба изъ-за престола. Всякій властель считалъ себя достойнымъ занять его. Сплѣтскій архидіаконъ Ѳома рисуетъ самыми мрачными красками тогдашнее положеніе дѣлъ. Враждебныя партія вели между собой ожесточенную борьбу, не пренебрегая никакими средствами. Увѣчья, убійства,

разбои—все было въ полномъ ходу; анархія царила въ государствѣ. Политика Свиниміра еще при жизни его не имѣла сочувствія въ народѣ. Теперь, когда его не стало, когда умеръ и послѣдній представитель дома Крешиміровичей, когда хорватскій престолъ оставался незанятымъ, всѣ партіи, кажется, сошлись въ общемъ убѣжденіи, что не слѣдуетъ допускать до престола жену Свиниміра, котарая предъявляли на него свои права (можетъ быть отъ имени сына Радована). Только одно это чувство и сближало хорватовъ въ это печальное время. Относительно избранія короля не было ни малѣйшаго согласія. Масса претендентовъ предъявляла свои притязанія и раздирала Хорватію междоусобой борьбой. Жена Свиниміра обратилась за помощью къ своему брату—угорскому королю Ладиславу. Туда же обратили свои надежды и другіе оскорбленные претенденты. Они хлопотали уже не о себѣ. Забывъ о народѣ, о будущемъ страны, они хлопотали только о томъ, чтобы удовлетворить свое оскорбленное самолюбіе Ѳома архидіаконъ пишетъ, что „одинъ изъ хорватскихъ вельможъ, оскорбленный соплеменниками, отправился въ Угрію и началъ подбивать Ладислава, чтобы онъ подчинилъ своей власти королевство хорватское, ручаясь за полный успѣхъ предпріятія, такъ какъ Хорватія находилась тогда безъ правителя“.

Въ 1091 году Ладиславъ съ большимъ войскомъ перешелъ Драву и быстро занялъ всю сѣверную Хорватію. Между Хорватами не было никакой солидарности: въ виду страшнаго врага они продолжали свои раздоры; опасность не сблизила ихъ; каждая жупа защищала только себя, не думая о другихъ. Въ этой разрозненности лежитъ главная причина успѣха Ладислава. Только постороннее препятствіе удержало на этотъ разъ Ладислава отъ покоренія остальной Хорватіи: на Угрію напали печенѣги. Оставивъ Хорватію, угорскій король отправился защищать собственную землю. Потомъ до самой смерти Ладиславу не удалось имѣть дѣла съ Хорватіей; его отвлекли войны съ Польшей и Богеміей. Часть Хорватіи, завоеванная имъ, поступила въ управленіе его родственника Альма. Чтобы окончательно разорвать связь между хорватами, подчинившимися Угріи, и ихъ свободными еще соплеменниками, для первыхъ была основана особая епископія въ Загребѣ; этотъ-же городъ былъ и резиденціей Альма. Между угорскими и далматинскими хорватами не стало ни духов-

наго, ни политическаго единства; оно скоро возстановилось, но уже подъ владычество Угріи. Въ 1095 году на угорскій престолъ вступилъ Коломанъ; чрезъ годъ умеръ дожъ Венеціи Виталисъ Фаледро и его преемникомъ сдѣлался Виталисъ Микіели. Взоры обоихъ обратились къ хорватскому наслѣдству. Тотъ и другой считали себя въ правѣ воспользоваться имъ; одинъ, какъ родственникъ Свиниміра, другой на основаніи договора съ Византіей 1084/5 года. Первый открылъ дѣйствія Виталисъ Микіели. Въ 1099 году въ Далмацію посланы были Бодоаріо-да-Спинале и Фалетро Сторнато для того, чтобы привлечь далматинцевъ къ крестовому паходу и утвердить среди нихъ венеціанское владычество. Далматинскіе города признали за Виталисомъ Микіели титулъ, данный Византіей его предшественнику и подчинились его власти. Что касается Хорватіи, то дожъ оставилъ ее на время въ покоѣ: нужно было готовиться къ отплытію въ святую землю, а съ Хорватіей дѣло не такъ легко было покончить, какъ съ далматискими городами; предвидѣлось столкновеніе съ Угріей. Только вернувшись изъ экспедиціи приступилъ къ этому дѣлу Виталисъ Микіели. Въ нижней Италіи утвердились норманны; подъ предлогомъ защиты отъ нихъ дожъ вступилъ въ переговоры съ Коломаномъ. Настоящая цѣль этихъ переговоровъ, кажется, заключалась въ томъ, чтобы точнѣе опредѣлить положеніе, которое займетъ Угрія относительно Венеціи въ случаѣ попытки дожа присоединить Хорватію къ своимъ владѣніямъ. Коломанъ ясно высказалъ свой взглядъ на счетъ втораго пункта.—„Вельможи и старѣйшины мои сомнѣваются, можемъ-ли мы признать тебя дожемъ Хорватіи и Далмаціи. Желательно было-бы для упроченія нашей дружбы, чтобы твои и мои старѣйшины устранили всякія недоразумѣнія". Дожу не привелось посылать новыхъ легатовъ для устраненія недоразумѣній. Въ 1102 году Коломанъ самъ устранилъ ихъ: онъ съ войскомъ двинулся въ Хорватію. Хорваты ожидали его на Дравѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Ихъ объединила на этотъ разъ общая опасность. Коломанъ предложилъ хорватамъ безъ борьбы признать его своимъ королемъ. Хорваты составили совѣщаніе; чрезъ нѣсколько времени двѣнадцать жупановъ явились къ Коломану и предложили ему королевскій титулъ отъ лица все-

го хорватскаго народа. Вторая славянская народность слила свою историческую судьбу съ урало-алтайскимъ міромъ.

Этотъ финалъ—итогъ всей исторіи хорватскаго государства. Три столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ оно основалось при содѣйствіи франкской монархіи, но этихъ столѣтій оказалось недостаточно для того, чтобы слить отдѣльныя племена въ крѣпкій организмъ. Князья и короли искали для свой власти опоры у каролинговъ, въ Византіи, въ Римѣ, парадировали и въ званіи византійскихъ протоспатаріевъ и въ званіи вассаловъ святѣйшаго престола; результатъ оставался одинъ и тотъ же. Жупа, какъ въ началѣ такъ, и въ концѣ хорватской исторіи была высшей политической единицей, которая доступна была народному пониманію. Жупаны—какова ни была ихъ внѣшняя судьба—смотрѣли на себя, какъ на самостоятельныхъ князей. Каждому хотѣлось стоять въ главѣ и не хотѣлось подчиниться. Когда такое положеніе стало невыносимымъ, они обратились къ сосѣдямъ, добровольно подчинились чуждой власти, лишь бы быть подъ нею равными. — Дольше держались, хотя также кончили братья хорватовъ сербы.

Первыя извѣстія о Сербіи, точнѣе о сербахъ, относятся къ IX в. Людевитъ Посавскій ищетъ у сербскаго князя гостепріимства и защиты, убиваетъ его и временно захватываетъ его владѣнія. Очень вѣроятно, что имя этого князя (Властиміръ) упоминаетъ Константинъ Багрянородный, говоря о неудачномъ предпріятіи болгарскаго князя противъ сербовъ. Преемника Властиміра Мунтиміра называетъ тотъ-же историкъ, говоря о новомъ столкновеніи между болгарами и сербами при Борисѣ. Послѣднее извѣстіе имѣетъ для насъ ту существенную цѣнность, что въ немъ намѣчается хотя одна—ю. з.—граница Сербіи; это р. Раса съ городомъ Расомъ при ея впаденіи въ Ибаръ: сюда проводили Бориса сыновья Мунтиміра.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о Сербіи IX в. раскрываются изъ исторіи отношеній къ ней Симеона болгарскаго. Мунтиміръ, несомнѣнно, стоитъ въ особыхъ, не просто сосѣдскихъ отношеніяхъ къ болгарскому княжескому дому: въ Болгарію къ Борису онъ отсылаетъ своихъ братьевъ, Строиміра и Гойника, отнявши у нихъ удѣлы. Племянникъ Мунтиміра, сынъ Гой-

ника Петръ платитъ сыновьямъ дяди той-же монетой; опираясь на помощь хорватовъ, онъ отнимаетъ Сербію у своихъ двоюродныхъ братьевъ (Прибыслава, Брана и Стефана), которые также бѣгутъ сначала въ Хорватію, потомъ въ Болгарію. Кромѣ хорватовъ Петру, кажется, помогала и Византія: Петръ признавалъ надъ собою верховную власть императора въ теченіе всего своего правленія. Опираясь на эту поддержку, Петръ расширяетъ кругъ своей власти—дѣлаетъ попытку подчинить племя неретванъ. Византійскія симпатіи Петра Гойниковича вооружили противъ него Симеона. Послѣ битвы при Ахелоѣ Симеонъ отправилъ въ Сербію отрядъ, который долженъ былъ изгнать Петра и поставить вмѣсто него болгарскую креатуру—слѣпого Павла Брановича. Павелъ утвердился въ Сербіи, но не въ состояніи былъ спокойно наслаждаться своимъ положеніемъ; византійскій дворъ выставилъ ему соперника въ лицѣ двоюродного брата, Захаріи Прибыславича[1]. Павелъ справился съ соперникомъ. Но борьба между византійскимъ и болгарскимъ вліяніемъ въ Сербіи остается характернымъ признакомъ и позднѣйшаго политическаго положенія. Симеонъ сбрасываетъ Павла,когда онъ задумалъ обнаружить самостоятельность, и ставитъ на его мѣсто Захарію; Византія тотчасъ-же обращаетъ Захарію въ свое оружіе. Симеонъ выдвигаетъ новую креатуру — Чеслава Клонимировича (внука Строниміра), который родился и воспитывался въ Болгаріи. Подъ прикрытіемъ болгарскихъ войскъ Чеславъ подходитъ къ границѣ Сербіи. Болгары не ограничились на этотъ разъ водвореніемъ своего ставленника: они пригласили жупановъ принять новаго князя, перехватали и заковали ихъ, потомъ вступили въ Сербію и стали забирать весь народъ отъ мала до велика съ тѣмъ, чтобы переселить его въ Болгарію. Сербія опустѣла[2]. Только послѣ смерти Симеона кандидату, которымъ онъ прикрывался, удалось вернуться въ Сербію. Чеславъ въ обществѣ какихъ-то еще четырехъ лицъ возстановилъ наслѣдственную власть надъ собравшимися на родину бѣглецами. Гильфердингъ высказываетъ догадку, что эти четыре человѣка, ни именъ, ни званія которыхъ нашъ единственный источникъ не называетъ,

---

[1]) Гильф. I, 104.

[2]) Гильф. 109.

были жупаны, схваченные болгарами во время первой экспедиціи Чеслава[1]. Чеславомъ кончается серія князей, связанныхъ хотя проблематическими узами родства и преемственности, кончается первый древнѣйшій періодъ сербской государственной исторіи.

Со смерти Чеслава (ок. 960) до Немани (1159) на протяженіи двухъ столѣтій о собственной Сербіи или Рашкой землѣ только эпизодически упоминается въ источникахъ. Послѣ разгрома Болгаріи Цимискіемъ старая зависимость Рашкой отъ Византіи стала, конечно, еще тѣснѣе. Около 1040 г. жупанъ Лютовидъ фигурируетъ въ званіи византійскаго ипата и протоспаторія и помогаетъ Византіи въ борьбѣ противъ требинскаго князя Воислава. Между 1070—1113 г. мы видимъ здѣсь Вукана, который занялъ самостоятельное положеніе относительно Византіи и дѣлалъ набѣги на ея территорію. Византійскія войска не одинъ разъ ходили противъ безпокойнаго князя; Вуканъ при видѣ ихъ выражалъ готовность подчиниться, давалъ заложниковъ и забывалъ о своихъ обѣщаніяхъ тотчасъ послѣ того, какъ греки уходили. Для внутренней исторіи Сербіи важенъ одинъ эпизодъ изъ этой продолжительной борьбы: въ 1096 г. когда императоръ Алексѣй Комненъ самъ сталъ во главѣ войска, двинувшагося къ границамъ Рашской земли, Вуканъ въ сопровожденіи своихъ родичей и важнѣйшихъ жупановъ явился въ греческій лагерь и далъ императору въ качествѣ заложниковъ двухъ своихъ внуковъ. Одинъ изъ этихъ внуковъ Урошъ въ 1113 г. былъ послѣ смерти Вукана рашскимъ жупаномъ. Урошъ держалъ себя относительно Византіи также, какъ Вуканъ, но поплатился болѣе дорого; греки въ отместку за его враждебныя дѣйствія напали на Расу, опустошили ее и вывели на востокъ въ Никомидію массу плѣнниковъ[2]; кромѣ того Урошъ обязался платить дань кровью; т. е. выставлять императору 2000 всадниковъ въ случаѣ войны въ Европѣ и 300—за предѣлами ея.

Съ Уроша I исторія Сербіи становится болѣе связной и ясной. Только три десятилѣтія отдѣляютъ уже насъ отъ вы-

---

[1]) Ibid 165. Гильфердинъ предполагаетъ, что это были жупаны Десницкой жупы въ низовьяхъ Дрины, Босны и Расы.

[2]) Срећковић. l. c. I, 211.

ступленія династіи Неманичей. По смерти Уроша всѣ его наслѣдственныя земли и завоеванія дѣлятся между тремя сыновьями его брата. Старшій изъ этой жупанской задруги Урошъ II впутывается въ предпріятіе крестоносцевъ въ качествѣ союзника Венгріи. Сербы должны были составлять авангардъ крестоносной арміи и дорого заплатили за эту честь. Мануилъ Комненъ предупредилъ нападеніе, самъ напалъ на Сербію и нанесъ сербамъ жестокое пораженіе. Новая война между Сербіей и Византіей принесла не облегченіе, а ухудшеніе участи Сербіи: Урошъ II обязался выставлять большее количество всадниковъ для внѣ-европейскихъ войнъ. Византійскимъ писателямъ она даетъ новый случай сказать нѣсколько словъ относительно внутренняго строя Сербіи и ея отношеній къ Византіи. Въ разсказѣ объ этой войнѣ упоминаются жупаны и архижупанъ сербскіе[1]. Великіе жупаны стоятъ въ полной зависимости отъ Византіи: она ихъ ставитъ и смѣщаетъ. Когда противъ Уроша вспыхнуло, благодаря несчастному финалу войны, возстаніе, императоръ поддержалъ его противъ народнаго избранника; когда потомъ онъ задумалъ какія-то нововведенія, ему пришлось уступить свою власть сначала Белушу, потомъ Дешѣ и удовольствоваться участкомъ земли съ хорошими пастбищами.

Деша повторилъ стереотипную программу своихъ предшественниковъ: заводилъ сношенія съ врагами имперіи, признавалъ верховную власть Венгріи и покорно являлся окруженный жупанами, когда греки показывались по близости отъ границъ или вступали въ предѣлы страны[2].

Рядомъ съ исторіей Рашской земли въ раннюю исторію сербскаго народа входитъ судьба сосѣднихъ княжествъ—Травуньи, Зенты, Захлумья и Діоклеи.

Въ концѣ IX в. Травунія составляла такую-же самостоятельную область, что и Рашская земля. Въ XI в. ее завоевываетъ вмѣстѣ съ Хумомъ Радославъ младшій, діоклейскій жупанъ. Достовѣрная исторія Зеты начинается съ 1005 г., когда на нее сдѣлалъ нападеніе Самуилъ болгарскій. Въ кон-

---

[1]) 216. Жупанъ Вакхинъ—по предположенію Срећковића, Немања.

[2]) Ibid. 224.

цѣ XI в. мы видимъ въ ней князя Бронислава съ семью сыновьями въ борьбѣ съ Бодиномъ.

Самую видную роль рядомъ съ Рашской землей играла до XII в. Діоклея—нынѣшняя Черногорія[1]. Исторія Діоклеи до IX в. неизвѣстна совершенно. Предполагаютъ, что она входила первоначально въ составъ сербской земли[2], но въ началѣ IX вѣка эта связь прекратилась. Первое достаточно мутное упоминаніе объ этой области относится къ 840 году. Діоклейцы, подобно неретванамъ и извѣстнымъ уже намъ качичамъ, занимались, видимо, морскимъ грабежемъ и венеціанцы подъ начальствомъ своего дожа предприняли въ этомъ году походъ противъ „діоклейца", но потерпѣли жестокое пораженіе[3]. Четыре года спустя въ тѣхъ-же венеціанскихъ хроникахъ упоминаются Дрошакъ изъ Приморья и славянинъ Лудитъ[4]. Затѣмъ исторія обрывается до конца X в., до эпохи болгарскаго царя Самуила. Современникомъ Самуила является въ Діоклеѣ Владиміръ, котораго современные греческіе писатели[5] называютъ зятемъ болгарскаго царя. Послѣ пораженія Самуила въ 1014 году діоклейскій князь, подобно остальнымъ ю. славянскимъ правителямъ, подчиняется власти Византіи[6]; Діоклея становится провинціей имперіи[7]. Ея самостоятельная исторія начинается съ 1038 г., когда племянникъ Владиміра Стефанъ Воиславъ бѣжалъ изъ Византіи. Діоклея становится центромъ завоевательныхъ предпріятій: Стефанъ нападалъ на Ст. Сербію, Сербію Македонскую и другія племена *(γένη)*, признававшія власть Византіи. На этой почвѣ возникаетъ борьба между діоклейскимъ княземъ и Византіей, которая приняла сербовъ подъ свою защкту[8]. За

---

[1]) По Конст. Багрян. Діоклея на западѣ по побережью Адріатическаго моря простиралась отъ Антивари до Каттаро, на В. граничила съ Сербіей.

[2]) Срећк. l. c. I, 295.

[3]) Ibid. Murat. SRJ XII, 175. Chron. And. Dand.

[4]) Ibid. 296.

[5]) Фантастическую генеалогію его даетъ анонимный Діоклеецъ. Ср. F. M. Dukljanska kraljevina. ГЗМ. 1899, 254. Срећк. l. c. I, 297. Объ отношеніяхъ Владиміра къ Самуилу Кедринъ Геор, Migne. Patr. Graeca. XXII, 196.

[6]) F, M. 263.

[7]) Ibid. 268.

[8]) Ibid. 273. Cedr. 276.

Византійское золото противъ Воислава поднялись жупанъ Расы, банъ (?) боснійскій и князь Захлумья[1]. Воиславъ боролся успѣшно. Византійская армія въ 60,000 человѣкъ потерпѣла пораженіе въ клиссурахъ Черногоріи, 40,000 человѣкъ остались на мѣстѣ, остальные бѣжали въ безпорядкѣ.

По смерти Воислава діоклейское королевство было раздѣлено между его сыновьями: старшій получилъ въ удѣлъ Травунью, но былъ здѣсь убитъ. Остальные братья чтобы не потерять области и отмстить за кровь брата согласились уступить Травунью одному изъ своей среды—Родославу въ частную собственность и въ собственность его потомства, если онъ завоюетъ ее и удержится въ ней противъ грековъ и другихъ враговъ. Радославъ завоевалъ не только Травунью, но и Хумъ и такимъ образомъ пріобрѣлъ значительную силу сравнительно съ братьями. Оставшійся въ Діоклеѣ старшимъ Михаилъ прекратилъ борьбу съ греками, призналъ верховную власть императора наравнѣ съ другими сербскими жупанами[2] и въ званіи протоспаторія и союзника Имперіи вступилъ въ борьбу съ Радославомъ изъ за уступленныхъ ему земель, отнялъ его зетскія жупаніи, захватилъ жупанію рашкую (1072) и роздалъ ихъ своимъ сыновьямъ. Обиліе дѣтей вызвало Михаила на завоевательныя предпріятія въ предѣлахъ имперіи, въ, бассейнахъ Бѣлаго и Чернаго Дрина и Шаръ-планины. Здѣсь при Рѣкѣ получилъ между прочимъ удѣлъ самый младшій изъ его сыновей Бодинъ.

Этотъ Бодинъ послѣ того какъ всѣ его братья погибли въ раздорахъ, наполнявшихъ правленіе Михаила, сдѣлался его преемникомъ (1081—1101). Бодинъ продолжалъ враждебныя отношенія своего отца къ дѣтямъ Радослава. На первыхъ порахъ между родичами состоялось соглашеніе. При содѣйствіи Радославичей Бодинъ водворилъ свою власть въ Рашкой землѣ и поставилъ тамъ на условіяхъ вассальной зависимости жупанами Вукана и зятя своего Мирослава, затѣмъ захватилъ Босну[3]. Борьбой между Алексѣемъ Комненомъ и норманнами онъ воспользовался для того, чтобы расширить свои владѣнія.

---

[1]) F. M. I. c. 277.
[2]) Срећ. I, 346.
[3]) ibid. 386.

Сначала онъ держалъ себя, какъ союзникъ Алексѣя, но когда перевѣсъ сталъ склоняться на сторону Роберта, онъ уклонился отъ борьбы и поддерживалъ косвенно норманновъ[1]. Когда Робертъ въ 1086 г. умеръ, его жена передала Драчъ съ его областью Бодину. Драчъ Бодинъ потомъ уступилъ Византіи. но его область оставилъ за собой.

Увеличивши свои силы новыми владѣніями, Бодинъ начинаетъ борьбу съ Радославичами, чтобы обезпечить Діоклею за своими дѣтьми. Радославичи пользовались поддержкой Византіи, но Бодинъ часть ихъ захватилъ и перебилъ, часть заставилъ бѣжать въ Византію и овладѣлъ ихъ землями. Діоклея, Травунія, Хумъ, Рашкая земля и Босна соединились въ рукахъ одного правителя, но единство держалось только личностью Бодина. Послѣ его смерти начинаются безконечные раздоры, которые кончились только тогда, когда Рашкій жупанъ Неманя возстановилъ созданіе Бодина. Съ выступленіемъ на сцену Немани историческая роль Діоклеи кончается: выдвигается на первый планъ Рашкая земля.

По смерти Уроша Неманя владѣлъ землями по рр. Топлицѣ, Ибру, Расину и Рекѣ. Въ 1159 г. онъ въ добавокъ къ своимъ землямъ получилъ отъ императора Мануила Глубочицу[2].

Опираясь на свои отношенія къ Византіи, Неманя находилъ возможнымъ нарушать обычаи задружнаго управленія государствомъ и не совѣщался съ своими родичами-жупанами. Вуканичи вызвали его на задружный зборъ, схватили, заковали въ цѣпи и бросили въ темницу. Мануилъ принялъ своего вассала подъ защиту, заинтересованный въ его помощи противъ Венгріи, которую онъ задумалъ тогда завоевать.

Подъ прикрытіемъ своего могущественнаго сюзерена Неманя начинаетъ истребительную борьбу съ своими родичами и братьями[3]. Когда эта борьба кончилась, „топархъ“ Неманя задумалъ сбросить съ себя въ союзѣ съ Венгріей и Венеціей зависимость отъ Византіи[4]. Предпріятіе это встрѣтило

---

[1]) ibid.

[2]) Ни съ кимь не собштьно. Mon. ser. 3. Положеніе Глубочицы опредѣляетъ Срећковић. II, 12. прим.

[3]) Избиста рода своего 12 великихъ властель. Срећ. II, 15.

[4]) N. Choniatus l. V, c. IV.

сильное противодѣйствіе внутри; на сторону грековъ стали всѣ обиженные и ограбленные родичи Немани. При сліяніи Ситницы съ Ибромъ произошло сраженіе, въ которомъ Неманя разбилъ своихъ родичей. Результатомъ побѣды было то, что Неманя отнялъ землю у одного изъ своихъ племянниковъ— Градиничей и принялъ титулъ великаго жупана[1]. Но эта-же побѣда повлекла за собою и неудачную войну съ Византіей[2]. При появленіи грековъ на границѣ Сербіи Неманя принесъ императору повинную: съ обнаженной головой, съ засученными до локтей руками, съ веревкой на шеѣ и мечемъ въ рукахъ великанъ-князь склонился предъ Мануиломъ на колѣни и принялъ отъ него прощеніе. Возобновленныя на этотъ разъ отношенія зависимости продолжались 12 лѣтъ до самой смерти Мануила. Неманя сохранилъ всѣ свои владѣнія; въ составъ ихъ входили Травунія, Хумъ, Подгорье, Горня Зета, Дендра, Расса, Топлица, Расина, Моравица, Лимъ и Ибаръ[3].

Послѣ смерти Мануила Неманя началъ въ союзѣ съ венгерскимъ королемъ Белой III новую войну противъ Византіи, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ и роздалъ своимъ вельможамъ г. г. Нишъ, Софію, Перникъ на Струмѣ, Скопле, Призрѣнъ, Нишскую иЛиплянскую области, сліяніе Моравы съ Враньей, Дуклю, Приморье съ Баромъ и Ульциномъ, Которъ[4]. Территоріальныя пріобрѣтенія не возбуждали въ Неманѣ стремленій къ пышнымъ титуламъ: онъ довольствовался своимъ великожупанскимъ достоинствомъ, убѣжденный, что Богъ поставилъ царями грековъ, а королями угровъ. Къ погонѣ за пустыми титулами не располагали и обстоятельства. Греки съ неудовольствіемъ слѣдили за успѣхами Немани и чтобы задержать ихъ, вступили въ соглашеніе съ Угріей. Неманя нашелъ себѣ союзниковъ на самомъ полуостровѣ: мы видѣли уже выше, въ какія отношенія стали къ сербскому жупану Асѣни. Искалъ онъ ихъ и внѣ полуострова. Въ 1189 г. онъ въ сопровожденіи братьевъ встрѣтилъ императора Фридриха Барбароссу на границѣ нишской области и предложилъ ему союзъ для завоеванія имперіи. Вы-

---

[1]) Срећк. II, 19.
[2]) Cinamus. l. 17, c. 11. Срећ. 20.
[3]) Срећ. II, 36.
[4]) ib. 39, 43.—4.

зовъ Византіи былъ брошенъ не во время. Сербы, начавши войну, потэрпѣли пораженіе на Моравѣ. Неманя вынужденъ былъ униженно выпрашивать мира у императора Исаака въ 1193 г. Возможно, что подъ вліяніемъ этого пораженія Неманя отрекся на зборѣ отъ власти въ пользу своего сына Стефана (Первовѣнчаннаго) и принялъ монашество подъ именемъ Симеона (1195, 25 марта). „Мегалижупанъ" Стефанъ не былъ единымъ правителемъ всѣхъ земель Немани: его братъ Вуканъ съ титуломъ „велія кнеза" владѣлъ Діоклеей, Приморьемъ, Травуньей, Топлицей и Хвосномъ. Раздѣлъ казался Вукану несправедливымъ и Стефанъ прежде всего долженъ былъ выдержать борьбу съ братомъ. Вуканъ вошелъ въ сношенія съ папой, добылъ отъ него титулъ короля Діоклеи и Далмаціи[1] и въ замѣнъ обязался помогать венгерскому королю противъ богомиловъ. Въ 1200 онъ вступаетъ противъ брата въ союзъ съ Венгріей и Калояномъ и становится во 1202 г. великимъ жупаномъ въ качествѣ вассала венгерскаго короля. Вуканъ продержался на отцовскомъ столѣ до 1205 г., когда Стефану удалось его свернуть.

Обстоятельства, при которыхъ Стефанъ вновь занялъ великожупанскій престолъ, позволяли ему осуществить мечту отца: Византія была въ рукахъ латинянъ, греки держались только въ отдѣльныхъ пунктахъ имперіи и были очень податливы на соглашенія.

Стефанъ началъ съ церковнаго обособленія Сербіи. Св. Савва, братъ Стефановъ, отправился въ Никею къ Ѳедору I Ласкарису и, указывая на опасности угрожающія Сербіи, просилъ учредить въ ней архіепископію. Императоръ и патріархъ согласились на эту просьбу и первымъ архіепископомъ выбрали его самого. Послѣ этого перваго успѣха Савва выдвинулъ вторую просьбу: разрѣшить на послѣдующее время, чтобы сербскій архіепископъ принималъ посвященіе отъ сербскаго собора, а не отъ никейскаго патріарха, къ которому не всегда по тогдашнимъ обстоятельствамъ можно было и явиться. Эту просьбу греки также, хотя неохотно, но удовлетворили[2]. За учрежденіемъ самостоятельной архіепископіи слѣдовало превращеніе Сербіи въ королевство. За королевской короной Стефанъ и его „пра-

[1]) Theiner. Vet. Mon. Sl. mer. 4.
[1]) Среħ. Ц, 95.

вославный архіепископъ" братъ обратились въ Римъ. Просьба была обставлена историческими справками: родина Немани-Діоклея называлась королевствомъ съ самыхъ раннихъ поръ; правителю Діоклеи Михаилу папой-же былъ данъ королевскій титулъ. Папа благосклонно отнесся къ просьбѣ сербовъ— не на основаніи, конечно, ихъ справокъ, а въ виду тѣхъ обѣщаній, которыя сопровождали просьбу.

Преемникомъ Стефана былъ Родославъ (1228 — 1234), сынъ гречанки, воспитаный въ духѣ византійскихъ идеаловъ. Новый король съ первыхъ-же шаговъ своего правленія вступилъ въ борьбу съ властелями, которые возстали противъ него подъ знаменемъ его брата Владислава. Борьба кончилась въ пользу Владислава. Владиславъ (1234—1243) началъ свое царствованіе завоеваніемъ Хума, который онъ отнялъ у Андрея.

Преемникъ Владислава Урошъ I вмѣсто завоеваній долженъ былъ вести борьбу съ своими собственными дѣтьми. Онъ женилъ своего старшаго сына Драгутина на дѣвушкѣ изъ венгерскаго королевскаго дома Каталенѣ и по брачному договору обязался предоставить сыну при жизни Сремъ, а по смерти всѣ сербскія земли. Обязательства этого Урошъ и не хотѣлъ и не могъ выполнить въ виду нерасположенія народа и вызвалъ противъ себя сына[1]. Заручившись помощью мадьяръ и кумановъ, Драгутинъ побѣдилъ своего отца и захватилъ королевскую власть. Религіозный и честный въ душѣ, Драгутинъ не могъ долго наслаждаться захваченный властью. 1281 г. онъ заболѣлъ, увидѣлъ въ болѣзни кару божью и передалъ власть своему брату Милутину, оставивъ себѣ Сремъ и Мачву съ Браничевомъ.

Милутинъ является собирателемъ „расточенныхъ сербскихъ земель". Въ годъ своего вступленія на престолъ онъ вернулъ верховья Вардара (оба Полога), Скопле, Овче Поле, Піанацъ, въ 1285 Дебрь, земли Поречскую[2] и Кычавскую. Побѣдитель Грековъ долженъ былъ однако склонить свою голову предъ татарами. Около 1289 г., когда татары стали уже хорошо извѣстны на полуостровѣ, онъ призналъ верховную власть ногайскаго хана и далъ ему въ заложники своего сына Стефана (Дечанскаго) съ „великоименитыми властелями".

[1]) Срећ 157.
[2]) ibid. 191.

Стефанъ вернулся только въ 1305—1307 г. Отецъ при жизни своей далъ ему въ удѣлъ зетскую землю съ ея городами. Для укрѣпленія и расширенія своихъ владѣній Милутинъ вступаетъ въ союзъ съ французскимъ королемъ Карломъ VI Валуа, который отъ имени своей жены, внучки послѣдняго латинскаго императора Византіи Балдуина Куртнэ, предъявилъ притязанія на В. Имперію. По договору съ Валуа Милутинъ—король Далмаціи, Хорватіи, Діоклеи, Сербіи, Расы и цѣлаго Поморья—долженъ былъ за свое содѣйствіе получить Прилипъ, Овчеполе, Дибрь и Кичавскую землю. Чтобы надежнѣе обезпечить себя на случай предстоящей борьбы, Милутинъ отдаетъ себя и свой народъ подъ покровительство Римской церкви. Союзъ съ западомъ былъ однако непроченъ. Греки заблаговременно узнали о немъ отъ венеціанцевъ и вступили въ переговоры съ Милутиномъ. Милутинъ возобновилъ добрыя отношенія съ Андроникомъ и эта перемѣна вызвала борьбу съ сыномъ. Властели убѣдили Стефана, что отецъ, вернувшись къ своимъ греческимъ симпатіямъ, отдастъ престолъ не ему, а кому нибудь изъ родичей своей гречанки-жены [1]). Возстаніе кончилось неудачно для сына. Стефанъ сдался отцу и Милутинъ по совѣту своихъ приближенныхъ ослѣпилъ его и отдалъ въ заложники Андронику (послѣ оказалось, что зрѣніе у Дечанскаго не было повреждено окончательно и онъ уже умышленно притворялся слѣпымъ). Освободившись отъ сына, Милутинъ отдался мечтѣ, которую въ немъ воспитали его теща Ирина и Андроникъ — сдѣлаться при ихъ посредствѣ византійскимъ императоромъ. Въ 1316 г. умеръ Драгутинъ и Милутинъ возстановилъ связь Срема съ сербскимъ королевствомъ, а Зету отдалъ въ удѣлъ своему наслѣднику Владиславу. Захватъ Срема вызвалъ враждебныя отношенія къ Угріи. Король (Ка-Робертъ) подъ эгидой папы задумалъ противъ схизматика Милутина крестовой походъ, въ которомъ между прочимъ принялъ участіе наслѣдникъ престола Владиславъ и сербскіе властели Приморья [2]). Походъ разстроился и Владиславъ поплатился за свою измѣну тюрьмой. Новый походъ, къ которому папа призывалъ европейскихъ государей, не состоялся. Вскорѣ за тѣмъ загорѣлась

[1]) Срећ. II, 227.
[2]) Ibid. 255—6.

борьба между Андрониками Старшимъ и Младшимъ и Милутинъ, вопреки своимъ родственнымъ отношеніямъ, сталъ на сторону младшаго, отъ котораго ожидалъ болѣе выгодъ. Дѣло шло не о помощи тому или другому изъ претендентовъ, а о томъ, чтобы, пользуясь борьбой, овладѣть имперіей. Милутинъ заключилъ союзъ съ болгарскимъ царемъ Святославомъ, съ деспотомъ эпирскимъ, съ властителемъ Θессаліи. Намѣренія Милутина должны были обнаружится, когда Андроники временно помирились, но въ рѣшительный моментъ Милутинъ умеръ. Смерть его вызвала въ Сербіи внутреннюю борьбу: воеводы и „вои" сражались другъ съ другомъ, стараясь отнять другъ у друга „богатства" [1]).

Вступленію на престолъ Стефана Дечанскаго предшествовало какое-то соглашеніе съ властелями. Признаками уступки, которую вызвали у короля властели, является то обстоятельство, что впредь всѣ дарственные и законодательные акты совершаются отъ имени короля и вельможъ [2]).

Дечанскій былъ избранъ въ короли послѣ борьбы между Владиславомъ, который еще при жизни Милутина считался наслѣдникомъ по дежевскому уговору между братьями, и сыномъ Милутина Константиномъ, котораго отецъ въ послѣднее время желалъ видѣть своимъ преемникомъ. Константинъ заплатилъ мучительной смертью за свое возстаніе [3]), но его сторонники обратились къ Стефану Дечанскому. Къ нему же обратили свои взоры и другіе властели, увидавши съ какимъ суровымъ человѣкомъ имъ придется имѣть дѣло въ лицѣ Владислава. Стефанъ усилилъ расположеніе къ себѣ чудомъ, которое онъ симулировалъ очень удачно. Когда небольшая группа вельможъ предложила ему престолъ, онъ, всѣми считавшійся за слѣпого, снялъ повязку съ глазъ и воскликнулъ: „слѣпъ былъ, а теперь прозрѣлъ". Слухъ, что Богъ возвратилъ Стефану зрѣніе пронесся по всѣмъ сербскимъ „державамъ" и вызвалъ общее сочувствіе къ нему. Архіепископъ Николай принялъ его сторону и короновалъ его въ Печи. Здѣсь-то несомнѣнно, властели и ограничили королевскую власть.

Сербія обратилась въ олигархическую монархію.

---

[1]) Срећ. 266.
[2]) Ibid. 269.
[3]) Ibid. 271.

Стефанъ, хотя связанный по рукамъ и ногамъ властелями, не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ продолжавшейся борьбы между Андрониками. Ему пришлось обороняться противъ Андроника Младшаго, который въ союзѣ съ болгарскимъ царемъ Михаиломъ задумывалъ напасть на Сербію. Союзники располагали кромѣ того содѣйствіемъ Ивана Басарабы и господаря ясскаго. Чѣмъ кончилось это предпріятіе, мы уже знаемъ. Стефанъ послѣ битвы при Вельбуджѣ не имѣлъ основаній опасаться внѣшнихъ враговъ, но внутри положеніе его было непріятно. При вступленіи на престолъ Стефанъ назначилъ своимъ наслѣдникомъ и соправителемъ (млади краль) своего сына Душана. Душану при этомъ была обѣщана половина королевства въ управленіе. Этого обѣщанія отецъ не исполнилъ и далъ сыну, когда онъ выросъ, только Зету. Душанъ, видимо, помирился съ своей участью, но отецъ подозрѣвалъ въ немъ опасные для себя замыслы и, чтобы предупредить ихъ, началъ противъ сына войну. Стефанъ имѣлъ основаніе считать сына недовольнымъ: пятидесятилѣтнимъ старикомъ онъ по политическимъ разсчетамъ женился на двѣнадцатилѣтней Маріи Палеологъ, отъ которой явились дѣти; одному изъ нихъ Синишѣ подъ вліяніемъ сватьевъ и жены онъ рѣшилъ отдать престолъ. Душанъ поднялся противъ отца. Властели провозгласили его сербскимъ королемъ; около Душана собрался цвѣтъ сербскаго войска; Душанъ неожиданно напалъ на отца въ Неродимлѣ, овладѣлъ имъ и отправилъ его подъ стражей въ Звечанскій замокъ въ ожиданіи примиренія. Состоялось ли примиреніе неизвѣстно, но 3 ноября 1331 г. властели удавили Дечана въ темницѣ.

Эпоха Ст. Душана (1331—1356)—кульминаціонная точка сербской государственной исторіи [1]). При вступленіи его на престолъ у него не было противниковъ: „всѣ державы отечества“ ему добровольно предались. За предѣлами Сербіи его вліяніе поддерживалось и родственными отношеніями и силою оружія. Съ младшей линіей Неманичей, могущественными князьями Приморья, его соединялъ бракъ съ Еленой, дочерью Вуканича Вратка шуринъ его Александръ съ титуломъ

---

[1]) См. Капитальныя изслѣдованія Т. Д. Флоринскаго «Ю. Славяне и Виз. в. XIV в.» «Полит. и культ. борьба на В. в. XIV в.», «Пам. зак. дѣят. С. Д.»

царя, но связанный вассальными обязательствами, правилъ Болгаріей. Благопріятныя внутреннія и внѣшнія обстоятельства породили у Душана мечту основать на развалинахъ византійской имперіи сербскую. Для того, чтобы имѣть въ нужномъ количествѣ оружіе и другія средства, Душанъ вступилъ въ тѣсныя отношенія съ Венеціей. Интересы Сербіи и Венеціи, повидимому, совпадали: въ Византіи пользовались правами монополіи генуэзцы (Галата); союзъ съ Сербіей давалъ Венеціи возможность вытѣснить генуэзскую конкурренцію. Непосредственно послѣ коронованія Душанъ лѣвымъ берегомъ Вардара вторгается въ византійскія владѣнія. Во главѣ его войскъ стояли владѣтельные князья Македоніи — Кесарь Хреля, господарь Меленика, Богданъ Оливеръ владѣлецъ Родоповъ, Іованъ Оливаръ-Овчепольскій. Душанъ двинулъ свои войска по обычаю въ нижнее теченіе Струмы, овладѣлъ Струмицей и всѣми землями по теченію Струмы до Архипелага; только Сересъ остался въ рукахъ грековъ. Для Византіи настала одна изъ самыхъ трудныхъ минутъ. Въ союзѣ съ Душаномъ дѣйствовалъ болгарскій царь; съ Ю. грозили турки, которые уже овладѣли Никеей. Планы Душана росли медленно: въ 1332 г. онъ довольствовался еще Македоніей и соглашался помочь Сиргіану занять византійскій престолъ, если онъ поможетъ ему овладѣть македонскими городами. Въ 1333 г. сербскія войска осадили Солунь. Андроникъ былъ въ отчаянномъ положеніи, но подобно своимъ предшественникамъ не останавливался въ трудныя минуты предъ средствами. Сиргіана нужно было убить во что-бы то ни стало и человѣкъ, готовый выполнить эту задачу, нашелся. Это былъ Сфранца Палеологъ. Подъ предлогомъ преслѣдованій со стороны императора Сфранца бѣжалъ изъ греческаго лагеря къ Сиргіану. Андроникъ сдѣлалъ видъ, что страшно раздраженъ: конфисковалъ имущество бѣглеца, подвергнулъ позорному наказанію его жену. Сиргіанъ обманутый этими признаками вражды, принялъ Сфранцу безъ колебаній, тѣмъ болѣе, что Сфранца во время обѣдни передъ престоломъ поклялся, что будетъ вѣрно служить ему. Солунь была готова уже сдаться популярному Сиргіану, у Андроника была на готовѣ лодка, чтобы бѣжать въ случаѣ неудачи; Сфранца, рѣшившійся бросить свой замыселъ, выпросился у Сиргіана изъ лагеря подъ предлогомъ, что хочетъ осмотрѣть часть солунской стѣны, какъ

вдругъ непредвидѣнная случайность измѣнила все: Сиргіанъ выразилъ готовность отправиться вмѣстѣ съ Сфранцей и попалъ въ западню. Отойдя на нѣкоторое разстояніе отъ лагеря, Сфранца бросился съ двумя слугами на одиноко шедшаго Сиргіана и убилъ его. На другой день послѣ убійства Душанъ снялъ осаду Солуни и заключилъ миръ. По условіямъ солунскаго мира Византія оставляла за Сербіей всѣ завоеванія Милутина, Ст. Дечанскаго и Душана — всю Македонію за исключеніемъ Сереса и Солуни съ окрестностями. Сербія вышла устьями Струмы и Вардара къ Эгейскому морю.

Въ 1335 г. Душанъ дѣлаетъ нападеніе на албанскія княжества, захватываетъ при помощи албанскихъ бояръ Дураццо, въ теченіе 1337—1370 гг. покорилъ остальныя племена Албаніи и принялъ титулъ короля Албаніи. Съ 1341 возобновляется борьба противъ Византіи. Умеръ Императоръ Андроникъ Младшій, оставивши наслѣдникомъ одиннадцати лѣтняго ребенка. Опекуномъ и правителемъ имперіи сдѣлался Кантакузенъ, противъ котораго были царица мать и патріархъ. Кантакузена скоро смѣстили, объявили измѣнникомъ, лишили имущества. Низложенный намѣстникъ и опекунъ въ отвѣтъ на это объявилъ себя императоромъ въ Димотикѣ. Между противниками началась борьба, которая приняла характеръ соціальной, сословной. Кантакузенъ опирался на на классъ богачей и войско, Аповавкъ и придворная партія настраивали противъ него раззоренную массу. Подъ впечатлѣніемъ начавшихся грабежей богачи скоро покинули Кантакузена. Стиснутый со всѣхъ сторонъ противниками Кантакузенъ бѣжалъ въ Сербію и обратился за помощью къ Душану. Душанъ принялъ бѣглаго самозванца-императора и согласился поддерживать его, если онъ, вернувшись къ власти, уступитъ ему всѣ города отъ Христопола и Солуни[1]. Кантакузенъ не рѣшился подписать этого договора и старался склонить Душана другими менѣе рискованными обѣщаніями: выражалъ готовность отстаивать права сына Душанова Уроша, если Палеологи выдвинутъ своего родича Синишу, и Душанъ, подчиняясь голосу властелей и жены, которую это обѣщаніе Кантакузена особенно подкупало въ его пользу, вошелъ въ соглашеніе. Кантакузенъ ограничился клятвой, что онъ при-

[1]) Срећ. II, 423.

знаетъ собственностью сербовъ всѣ имперскіе города, которые будутъ въ ихъ власти въ моментъ его вступленія на престолъ. Душанъ обязывался не предпринимать новыхъ завоеваній за свой счетъ, а отдавать завоеванныя мѣстности своему союзнику. По словамъ Грегоры договоръ гласилъ нѣсколько иначе; союзники предоставляли населенію рѣшать, чью власть оно хочетъ признавать, и не мѣшать другъ другу въ завоеваніяхъ[1]).

Едва сербы вступили съ Кантакузеномъ въ византійскіе предѣлы, какъ оказалось, что, онъ не имѣетъ въ имперіи сторонниковъ и къ тому же трусъ. Властели предложили Душану убить его или бросить въ темницу; Душанъ продолжалъ поддерживать узурпатора до тѣхъ поръ, пока венеціанцы не соблазнили его перспективой брака между Урошемъ и сестрой императора I. Палеолога. Съ этого момента Душанъ становится врагомъ Кантакузена, который ищетъ помощи у турокъ. Оборотъ принятый гражданской войной въ Византіи представлялъ для Душана тѣ же удобства, что латинское нашествіе для Асѣней: населеніе имперіи, измученное насиліями турокъ, которыхъ обѣ партіи вовлекали въ борьбу, привѣтствовало сербовъ, какъ освободителей. Въ каждомъ большомъ городѣ явилась сербская партія, которая стремилась передать городъ сербскому царю, чтобы прекратить грабежи и анархію. Около 1346 г. Душанъ овладѣлъ Сересомъ. Оставалась Солунь. Не дожидаясь, когда этотъ городъ попадетъ въ его руки, когда будетъ запята Византія, Душанъ, подобно Симеону, поспѣшилъ провозгласить себя царемъ сербовъ и грековъ[2]), назначилъ своимъ наслѣдникомъ Уроша, наградилъ властелей византійскими чинами. Моментъ былъ удобный: Византіи грозили съ ю. турки, съ з. латины. Душанъ выступалъ защитникомъ православія, христіанства. Народъ могъ стать на его сторону. Для успѣха дѣла необходимо было овладѣть столицей, но Душана очаровала помпа имперіи. Грегора говоритъ, что Душанъ, непосредственно послѣ провозглашенія себя императоромъ, отдѣлилъ собственно сербскія земли отъ греческихъ, надъ сербскими поставилъ королемъ Уроша, а себѣ взялъ греческія земли и началъ управлять ими съ титуломъ

[1]) Срећ. II, 432.
[2] ibid. 483.

императора и по греческимъ обычаямъ. Для захвата Византіи нужна была помощь флота и Душанъ началъ въ 1346 г. переговоры съ Венеціей. Вопросъ ставился открыто.

Внѣшнее торжество Душана должно было закончиться коронованіемъ. Вѣнчалъ его новоизбранный соборомъ патріархъ всѣхъ сербскихъ земель Іоанникій[1].

Послѣ коронованія Душанъ обратилъ свои силы на завоеваніе земель, которыя поддерживали Кантакузена: Эпиръ, Акарнанію, Этолію, Влахію. Кантакузенъ тѣмъ временемъ вступилъ въ Византію и вѣнчался здѣсь на царство.

Въ 1349 г. Душанъ снова начинаетъ осаду Солуни. Здѣсь въ это время шла борьба между сторонниками Кантакузена и Палеолога—греческой и сербской партіями. Солунь была сильно стѣснена; Душанъ замышлялъ уже совмѣстно съ венеціанцами осаду Константинополя[2], греки не видѣли помощи ни откуда, но Душанъ неожиданно снялъ осаду и бросился на С. противъ боснійскаго бана.

Внезапный поворотъ Душана въ сторону относительно безвреднаго боснійскаго бана объясняютъ тѣмъ, что Душанъ надѣялся, завладѣвши Босной, грозить Далмаціи и принудить Венецію ради сохраненія далматинскихъ городовъ вступить съ нимъ въ союзъ для завоеванія Константинополя. Возможно, что такъ было и на самомъ дѣлѣ. Каковы бы ни были наши догадки относительно неизвѣстныхъ документально причинъ, фактъ остается во всей силѣ: Душанъ отступился отъ Солуни и развязалъ Кантакузену руки. Съ 80,000 войскомъ Душанъ напалъ на Босну; богомилы и православные встрѣтили его съ распростертыми объятіями; властели сдавали ему одинъ за другимъ свои замки. Душанъ страшно опустошилъ Босну, овладѣлъ Хумомъ и принадлежавшими ему землями и проникъ къ границамъ Далмаціи. Банъ черезъ посредство Дубровника началъ переговоры о мирѣ; Душанъ соглашался подъ однимъ условіемъ: чтобы банъ выдалъ свою дочь за Уроша. Банъ не могъ выполнить этого требованія, такъ какъ обручилъ уже дочь съ королемъ венгерскимъ. При посредствѣ Дубровника однако состоялся миръ; Душанъ удержалъ за собой Хумъ. Властели предлагали Душану овладѣть Дубровникомъ

---

[1]) Срећ. II, 522.

[2]) ibid. 601.

и утвердиться на Адріатическомъ морѣ, но Душанъ отклонилъ проэктъ, который могъ дать такъ нужную ему морскую силу [1]).

Походъ противъ Босны былъ въ сущности безплоднымъ предпріятіемъ, но косвенныя послѣдствія его были очень значительны: Душанъ увелъ всѣ свои силы на С. и властели, сидѣвшіе въ качествѣ деспотовъ и севастократоровъ въ Македоніи, могли распоряжаться своими областями, какъ хотѣли. Большая часть ихъ передалась Кантакузену за добавочныя земли и награды [2]). Въ 1551 г. снова начинается борьба между Кантакузеномъ и Душаномъ. На этотъ разъ Душанъ задумалъ отвлечь отъ Кантакузена его главнаго союзника—турокъ. Къ Орхану было отправлено посольство, которое предлагало брачный договоръ между дочерью Душана и однимъ изъ сыновей Орхана. Бракъ не состоялся; Кантакузенъ сохранилъ свои отношенія къ туркамъ и нанесъ Душану ударъ уже внутри государства. Константинопольскій патріархъ предалъ въ 1352 г. проклятію Душана и его народъ. Патріаршій интердиктъ оказался для Душана очень тяжелымъ ударомъ: онъ развязалъ руки всѣмъ властелямъ, которые были по той или иной причинѣ недовольны имъ [3]): благодаря ему Кантакузенъ пріобрѣлъ сторонниковъ и среди высшаго духовенства Сербіи. Опоры противъ этого удара Душанъ искалъ въ Римѣ. Душанъ началъ переговоры о присоединеніи къ римской церкви, но пріостановилъ ихъ, когда между его врагами—Венеціей и Венгріей—началась борьба и обратилъ свое вниманіе на Византію. Въ это время тамъ обострилась борьба между Палеологами и Кантакузеномъ. Кантакузенъ хотѣлъ устранить I. Палеолога отъ престола и посадить на немъ своего сына; Душанъ принялъ сторону Палеолога и заключилъ съ нимъ подъ стѣнами Солуни договоръ, по которому I. Палеологъ обязывался отослать въ Сербію свою жену—дочь Кантакузена—и жениться на племянницѣ царицы Елены, дочери болгарскаго царя Александра. Кантакузенъ бросился къ императрицѣ-матери и уговорилъ ее отклонить сына отъ соглашенія съ Душаномъ; лично онъ обязывался отказаться отъ всякихъ притязаній на тронъ и удовольствоваться небольшимъ

---

[1]) Срећ. II, 647.

[2]) Ibid. 647.

[3]) Ibid. 660—665.

владѣніемъ, даже принять монашество. Когда опасность миновала, Кантакузенъ забылъ эти обѣщанія и сношенія между Палеологомъ и Душаномъ возобновились. Душанъ, заручившись въ качествѣ заложника братомъ императора, послалъ ему помощь; Кантакузенъ опять призвалъ турокъ. Турки побѣдили. Кантакузенъ объявилъ своего сына императоромъ (1354 г.). Подъ вліяніемъ насилій, которыя пришлось испытывать имперіи, въ Византіи явилась партія, которая предлагала устранить отъ власти обоихъ претендентовъ и отдать престолъ какому нибудь новому кандидату: одни готовы были признать власть Венеціи, другіе призвать венгерскаго или сербскаго короля [1]). Зналъ ли Душанъ объ этомъ настроеніи, трудно рѣшить. Факты указываютъ на новое уклоненіе его политики въ сторону отъ основной цѣли. Православный сербскій царь въ моментъ, когда православіе становилось его важнѣйшимъ шансомъ въ борьбѣ за сочувствіе грековъ, заводитъ переговоры съ папой Иннокентіемъ III по поводу борьбы противъ турокъ, которые водворились уже въ Ѳракіи, и выражаетъ готовность подчиниться Риму [2]).

Послы Душана изъявляли отъ его имени готовность признать папу намѣстникомъ Христа, возвратить католикамъ отнятыя у нихъ церкви, прекратить обращеніе католиковъ въ православіе. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя Душанъ проситъ папу, чтобы тотъ назначилъ его „капетаномъ“ противъ турокъ, т. е. главой крестоваго похода. Папа съ радостью исполнилъ желаніе Душана и отправилъ въ Сербію пословъ для упорядоченія религіозныхъ дѣлъ, но пословъ этихъ Душанъ принялъ уже очень сурово, мессу, которую они служили, запретилъ посѣщать и папу называлъ своимъ непріятелемъ. Сношенія съ Римомъ, временно обезпечившія Душана со стороны Венгріи, стали ему ненужны. Въ 1355 г. онъ нашелъ другое, болѣе надежное обезпеченіе, женивши своего сына Уроша на дочери румынскаго князя Александра. Въ тоже время и Венеція подъ давленіемъ Венгріи выразила готовность дѣйствовать совмѣстно съ Душаномъ противъ Византіи [3]). Здѣсь въ это время Кантакузенъ сошелъ уже со сцены, подавленный

[1]) Срећk. II, 707.
[2]) Ibid. 710. Флор. l. c. II, 225.
[3]) Срећ. II, 721.

ненавистью раззоренной народной массы. Съ 85.000 челов. Душанъ двинулся къ Византіи, но умеръ въ самомъ началѣ похода. Существуетъ небезосновательное предположеніе, что его отравили венеціанцы. Урошъ, наслѣдовавшій власть, долженъ былъ выдержать борьбу съ своимъ дядей Синишей, который считалъ себя наслѣдникомъ по праву задружнаго старшинства. Выступивши съ своими притязаніями, Синиша положилъ начало гражданской войнѣ. Его поддерживали Палеологъ и царь болгарскій. Синиша основалъ для себя особое царство, которое обнимало Влахію, Этолію, Арту и Іанину. За Синишей отпали отъ Уроша князь Подунавья Лазарь, Балшичи, Воихна съ Углешей и Вукашинъ. Македонскіе города вошли въ сношенія съ сыномъ Кантакузена Матвѣемъ. Послѣ несчастной битвы съ турками при Марицѣ Вукашинъ формально провозгласилъ себя преемникомъ Душана [1]), а въ 1367 г. убилъ Уроша на охотѣ.

Смертью Уроша кончается политическая исторія Сербіи. Двадцать два года, отдѣляющіе это событіе отъ Косовской битвы, были годами агоніи. Въ 1371 г. въ битвѣ при Марицѣ погибаетъ Вукашинъ. Многіе сербскіе властели признаютъ теперь уже верховную власть туровъ; князь Лазарь обязывается платить имъ дань. Съ паденіемъ Сербіи преобладающая роль въ южномъ славянствѣ переходитъ въ Боснѣ. До половины XIV в. Босна находилась въ отношеніяхъ большей или меньшей зависимости отъ Венгріи. Стефанъ Твртко I (1353—1391) далъ ей самостоятельность и первенствующую роль. По смерти Уроша Твртко въ качествѣ Неманича по женской линіи выступаетъ съ притязаніями на наслѣдство. Въ 1376 г. онъ захватываетъ Хумъ и Травунію и доводитъ свои границы до Котора и Никшича [2]) и провозглашаетъ себя въ Милешевѣ на гробѣ св. Савы королемъ Босніи и Сербіи. Твртко ставитъ своей задачей „упавшее поднять, разоренное укрѣпить“ [3]). Съ цѣлью ея осуществленія онъ присоединяетъ Которъ, состоявшій подъ властью венгерскаго короля, предъявляетъ притязанія на Дубровникъ, въ теченіе 80-хъ годовъ

---

[1]) Срећ. II, 781

[2]) Klajić. Pov Bosne. 155.

[3]) Mon. Serbica. 187.

XIV ст. ведетъ борьбу за обладаніе городами Далмаціи, принуждаетъ ихъ признать свою власть и провозглашаетъ себя королемъ Далмаціи и Хорватіи. Вся земля отъ Велебита до Котора и прилежащіе къ ней острова вошли въ составъ его владѣній. Босна сдѣлалась центромъ, около котораго могли собраться сербскія и хорватскія племена и области.

Преемникъ Твртка I, его младшій братъ Стефанъ Дабиша (1391—1395), не въ состояніи былъ удержать Босну въ ея новыхъ предѣлахъ. На Ю. Хорватію и Далмацію явился претендентъ въ лицѣ Владислава неаполитанскаго. Въ половинѣ 1393 г. настроеніе здѣсь опредѣлилось не въ пользу Дабишы; наслѣдникъ Твртка отрекся отъ своихъ правъ на Далмацію и Хорватію въ пользу Сигизмунда венгерскаго. Эта уступка повела за собой другую: чтобы добиться отъ Сигизмунда признанія своего королевскаго достоинства въ Боснѣ, Дабиша назначилъ венгерскаго короля своимъ наслѣдникомъ. Только боснійскіе властели въ своихъ разсчетахъ продлили самостоятельность Босны послѣ смерти Дабиши. Вмѣсто Сигизмунда они выдвинули на королевскій престолъ Стефана Остою. Остою, когда онъ попробовалъ дѣйствовать самостоятельно и войдти въ соглашеніе съ Сигизмундомъ, смѣнилъ Степанъ Твртко II (1404—1408), креатура главныхъ боснійскихъ властелей—Хрвои и Сандала Хранича. Сигизмундъ не отступался отъ своихъ договорныхъ правъ и предпринималъ въ Босну походъ за походомъ. Самый успѣшный изъ нихъ и самый ужасный по своимъ послѣдствіямъ былъ походъ 1468 г. Сигизмундъ взялъ Доборъ, схватилъ короля Остою и съ нимъ 126 властелей; властелямъ этимъ онъ въ порывѣ озлобленія приказалъ всѣмъ отрубить головы, а трупы побросать въ р. Босну [1]. Эта свирѣпость отвратила отъ Сигизмунда даже его сторонниковъ. Босна по прежнему оставалась формально самостоятельной и по прежнему во главѣ ея стояли короли-тѣни, служившіе орудіями въ рукахъ властелей. Стефанъ Остоичь (1418—1421), Твртко II (1421—1443), Степанъ Ѳома Остоичь (1444—1461), Стефанъ Томашевичъ (1461—1463) одинъ за другимъ смѣняются на боснійскомъ престолѣ, не внося въ исторію страны ни новыхъ

[1]) Klajić. l. c. 162.

идей, ни новыхъ начинаній. Съ 1437 г. боснійскіе короли становятся уже данниками и подручниками туровъ, которыхъ сами властели одни за другимъ впутывали съ начала XV в. въ боснійскія дѣла [1]). Только Владиславъ Варненчикъ выводитъ Босну изъ этой зависимости и даетъ ей возможность просуществовать еще два десятилѣтія. Въ 1463 г. она дѣлается турецкой провинціей.

---

[1]) Klajić. I. c. 236.
[2]) Ibid. 277.

3. Эволюція внутреннихъ отношеній въ территоріальномъ союзѣ.

Турецкое нашествіе ставитъ предѣлъ государственному творчеству южныхъ славянъ. Остановимся на этомъ моментѣ и посмотримъ, къ какимъ результатамъ привела ихъ неровная, порывистая работа надъ созданіемъ государства. Скудость источниковъ не позволяетъ намъ прослѣдить процессъ политическаго строительства южныхъ славянъ на всемъ его протяженіи. Мы ясно представляемъ себѣ первый періодъ общественной исторіи—періодъ господства кровныхъ отношеній; такъ-же ясно рисуется передъ нами ея послѣдній періодъ — періодъ попытокъ слить въ болѣе или менѣе крупный организмъ объединенныя какими-то связями области: Хумъ (Герцеговина), Діоклею, Зету, Травунье, Босну, Рашку, Мораву, „Славиніи“ бассейновъ Струмы, Вардара и Марицы. Большая часть этихъ областей состояла изъ племенъ или жупъ, которыя при всѣхъ перипетіяхъ борьбы остаются неизмѣнно связанными между собою. Періодъ, въ теченіе котораго слагались эти первичные территоріальные союзы, остается въ тѣни: ни мѣстные, ни греческіе источники не позволяютъ намъ заглянуть въ него и вмѣсто фактовъ историкамъ приходится довольствоваться болѣе или менѣе удачными гипотезами. Для объясненія того единства, которое наблюдается между жупами и племенами Рашкой земли или Сербіи, Босны, Хума, Неретвы и т. д. высказывается предположеніе, что сербо-хорваты принесли съ собой уже въ моментъ своего вторженія на полуостровъ

организацію болѣе сложную, чѣмъ племенная: низшую военную единицу составляла, по этой гипотезѣ, сотня; надъ сотниками стояли жупаны, надъ жупанами баны[1]. Когда организованныя такимъ образомъ группы осѣли, возникли территоріальные союзы съ воеводами, банами или великими жупанами во главѣ.

Нельзя сказать, чтобы эта гипотеза совершенно не имѣла за себя данныхъ. Какъ ни скудны наши свѣдѣнія по исторіи славянской колонизаціи на Балканскомъ полуостровѣ, мы все-же можемъ установить случаи, когда славяне вторгались на полуостровъ десятками тысячъ. Такія массы должны были во всякомъ случаѣ имѣть хоть какую нибудь организацію; осѣдая онѣ могли сохранить связь, соединявшую ихъ во время завоеванія страны. Въ пользу гипотезы отчасти говоритъ и то, что правительственная іерархія: сотники-жупаны-баны (великіе жупаны) имѣетъ мѣсто во всемъ сербо-хорватскомъ мірѣ и, стало быть, могла предшествовать поселенію сербовъ и хорватовъ на полуостровъ. Можно предположить въ добавокъ, что толчекъ къ такой организаціи и образецъ для нея могли дать авары: титулъ бана считаютъ заимствованнымъ у аваровъ. Гипотеза правдоподобна, но она все-же виситъ цѣликомъ въ воздухѣ. Кромѣ того она позволяетъ намъ только намѣтить время образованія территоріальныхъ союзовъ, но не заполняетъ цѣликомъ того пробѣла, который ощущается въ нашихъ знаніяхъ относительно этого періода, не объясняетъ намъ рѣзкаго различія въ жизненныхъ условіяхъ племени и области.

Разбираясь въ скудной исторіи Черногоріи, мы видимъ, что это исторія почти непрерывной борьбы племенъ съ турками и между собой, борьбы братства съ братствомъ, села съ селомъ. Братства или племена воюютъ и мирятся между собою, выигрываютъ, проигрываютъ; главари, кнезы руководятъ операціями своихъ родичей, но не пріобрѣтаютъ ничего лично, не предпринимаютъ ничего въ своихъ интересахъ. Традиціи поры, когда все племя были хозяиномъ земли, когда старѣйшина былъ только отвѣтственнымъ распорядителемъ племеннымъ имуществомъ, сказываются на положеніи князей. Перенесемся изъ этой поры въ тотъ періодъ, съ котораго начинается

---

[1]) Срећк. I, 190.

более или менѣе достовѣрная исторія территоріальныхъ союзовъ. Картина рѣзко измѣняется. Загадочная хроника діоклейскаго пресвитера, источники начальной исторіи Неманичей наполнены также разсказами о борьбѣ, раздиравшей области, но дѣятели этой борьбы уже иные: борятся не племена, борятся князья, жупаны изъ-за владѣнія цѣлой областью или ея частями: області, государство является для Вуканичей и Неманичей очиной, дѣдиной, которой они желаютъ пользоваться сообразно съ началами частной собственности. Гдѣ-то на грани, отдѣляющей періодъ кровныхъ союзовъ отъ періода государственнаго, произошелъ, очевидно, переворотъ, въ результатѣ котораго территорія перестала уже считаться достояніемъ племени или союза племенъ и превратилась въ достояніе князя или княжеской семьи. Этотъ переворотъ—крупнѣйшій моментъ въ соціальной и политической исторіи южнаго славянства и, къ сожалѣнію, наименѣе доступный для изслѣдованія. Вмѣсто положительныхъ указаній источниковъ намъ опять приходится довольствоваться гипотезами. Возстановить основные моменты этого переворота и установить направленіе ю. славянской общественной эволюціи мы можемъ отправляясь отъ бытовыхъ условій жупы-племени.

Мы высказали предположеніе, что славяне явились на полуостровъ организованными въ жупы-племена. Здѣсь равновѣсіе между группами равноправныхъ племичей было, несомнѣнно, рѣзко нарушено. Какъ ни былъ опустошенъ полуостровъ безпрерывными нападеніями, славяне все-же нашли на немъ не пустыню; часть населенія бѣжала отъ нихъ въ горы, часть была забрана въ плѣнъ и обратилась въ рабовъ. Припоминая, что власть въ племени является достояніемъ сильнѣйшаго братства, мы должны предположить, что въ періодъ поселенія братства, дававшія жупановъ, имѣли и наибольшее количество плѣнныхъ рабовъ и такимъ образомъ еще больше усиливались сравнительно съ остальными родичами[1].

Кромѣ рабовъ среда давала въ готовомъ видѣ, и другой

---

[1]) Съ XI в. идутъ извѣстія, что контингентъ рабовъ пополнялся дѣтьми, которыхъ подъ давленіемъ голода и нужды продавали родители. Одна изъ новеллъ императора Алексѣя Комнена устанавливаетъ этотъ фактъ относительно славянъ, жившихъ близъ Солуни. Zacharie a Lingenthal. Jus Graecorum. III, 401—407. Успенскій, l. c. 73.

факторъ опредѣлявшій внутреннія отношенія племени еще на сѣверной родинѣ—градъ. Мы видѣли, что онъ является центромъ племени-жупы. Градъ далъ организму общественному возможность слиться съ организмомъ географическимъ; градъ-же, можно считать источникомъ тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли во внутреннихъ отношеніяхъ кровнаго союза. Градъ—укрѣпленіе, оставленное туземцами—становился пріютомъ большаго или меньшаго кровнаго союза, центромъ, изъ котораго шло заселеніе окружающей территоріи. Первымъ источникомъ правовой дифференціаціи внутри племени можетъ считаться моментъ, когда кровная группа, сидящая въ градѣ, разлагается и отдѣльныя семьи выдѣляются изъ нея, основывая новыя жилища. Семьи выходятъ за предѣлы града и садятся на выбранныхъ участкахъ племенщины, какъ равноправные члены племени, ничѣмъ не обязанные по отношенію къ тѣмъ, которые остались въ градѣ, за свои участки. Ихъ дѣти владѣютъ своими землями по праву наслѣдства, какъ баштинники. Но это равенство уже идеальное: сильнѣйшая, располагающая наибольшимъ количествомъ рабовъ задруга, оставшись въ градѣ, могла обратить градъ въ свою частную собственность, сдѣлать его опорой для насилій надъ выселившимися слабѣйшими родичами. По отношенію къ одному уголку юго-славянскаго міра—Бигачской Крайнѣ въ Боснѣ на Унѣ—такія явленія констатированы въ относительно позднюю пору[1]. Насилія владѣющей градомъ задруги могли совершаться въ двухъ главныхъ направленіяхъ: владѣльцы града могли или сгонять съ баштины своихъ слабѣйшихъ родичей[2], или заставлять ихъ дѣлиться

---

[1]) Примѣръ такой сильной, властельской или можетъ быть, просто свободной задруги мы встрѣчаемъ въ разсказѣ Даніила о его путешествіи съ Аѳона въ Сербію. Когда Даніилъ возвращался одинъ, «ратній мужъ», прослышавъ, что онъ идетъ съ большимъ богатствомъ по его странѣ рѣшилъ его ограбить и напалъ на него съ своими людьми. Спутники Даніила отбили нападеніе и захватили самого ратнаго мужа. На шумъ борьбы «слышавьше срольници того ратьнааго мужа мьнеште и яко побиенъ есть вьста много множество ихъ». Дан. 345. Ср Зигель ЗСД. 3—10.

[2]) Насильственные захваты земли властелями констатируются въ Сербін почти наканунѣ ея политической смерти. Законникъ Душана запрещаетъ властелямъ присваивать себѣ земли, расчищенныя саксами и заселять ихъ (§ 146). Изъ XII в. мы имѣемъ извѣстіе относительно господаря Овчеполя который прогонялъ своихъ властелей и захватывалъ ихъ баштины. Срѣ. I, 222.

продуктами своего труда, чтобы обезпечить себѣ пользованіе хоть частью его[1]. Процессъ выдѣленія экономически сильныхъ совершался и внутри меньшихъ группъ, составляющихъ племя—селъ-братствъ. Люди, стоявшіе въ недифференцированномъ племени во главѣ селъ-братствъ — властели, господари обособлялись, подчиняли себѣ экономически-слабѣйшихъ[2] и обращались въ аристократію, нобилей, властелу которая, вмѣстѣ съ главаремъ племени, по традиціи, принимаетъ участіе во всѣхъ дѣлахъ, касающихся цѣлаго племени.

Переворотъ въ судьбахъ племенштины, стоитъ такимъ образомъ въ связи съ исторіей баштины[3]. Сокращеніе баштины вело къ преобразованію племенштины, къ превращенію ея въ державу князя и властели. Не одна грубая сила создавала этотъ переворотъ. Съ XI в. можно констатировать и другія причины перехода баштинной земли въ руки экономическихъ сильнѣйшихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ числѣ нашихъ источниковъ появляются документы, мы имѣемъ возможность намѣтить рядомъ съ задружнымъ строемъ жизни и стремленіе къ индивидуальному владѣнію землей: задружное имущество дѣлился на участки, которые отъ послѣдовательныхъ передѣловъ становятся наконецъ микроскопическими, продаются въ неурожайные годы за бездѣлицу, за мѣру хлѣба. Каждый неурожайный годъ могъ вырывать изъ среды баштинниковъ десятки маломочныхъ и ставилъ ихъ послѣ продажи своихъ „землицъ" въ новыя правовыя отношенія къ членамъ сидящей въ градѣ сильной задруги. Другимъ факторомъ, исподволь, безъ борьбы превращавшимъ территорію-племенштину въ державу, было часто случавшееся запустѣніе баштинныхъ земель: нашествія непріятелей, внутренніе раздоры заставляли людей массами бросать свои баштины и искать убѣжища на сторонѣ. Къ тому-же результату приводило

---

[1]) Примѣръ такого явленія мы имѣемъ изъ эпохи Душана. Сербскому митрополиту еще при Милутинѣ были пожалованы въ баштину церковь на р. Пшинѣ, притокѣ Вардара, съ землеи и людьми. При Душанѣ церковь (съ ея владѣніями) была «властели насиліемъ» померопьшена, т. е. ея люди были обращены въ властельскихъ меропховъ. Флоринскій. Памятники Зк. дѣят. Душ. 147.

[2]) О баштинѣ см. ст. Новаковић. «Пронијари и баштинници». Глас. J. Б. 1887. Его-же «Село».

и неограниченное господство кровавой мести: слабое братство после вольнаго или невольнаго убійства еще недавно сравнительно должно было искать спасенія отъ сильнаго мстителя-братства на чужбинѣ. Запустѣлыя земли чаще всего дѣлались достояніемъ сильнѣйшей властельской задруги. Въ результатѣ получалось, что изъ трехъ элементовъ, которые составляли область-жупу—князя, племичей и территоріи—средній оказывался въ неустойчивой связи съ обоими крайними и территорія постепенно становилась въ общемъ сознаніи въ тѣснѣйшую связь съ жупаномъ или княземъ.

Рядомъ съ захватомъ баштинъ у отдѣльныхъ семей и слабыхъ задругъ въ томъ же направленіи дѣйствовалъ захватъ кнезами земель принадлежащихъ цѣлымъ племенамъ. Въ пору заселенія славяне заняли главнымъ образомъ пахатныя земли въ долинахъ рѣкъ; влахи-туземцы ушли въ горы, фактически удержавши за собой пользованіе ими. Условія кочеванія заставляли ихъ въ зимнее время спускаться въ долины и входить въ столкновенія или соглашенія съ отдѣльными селами изъ-за пастбищъ. И теперь цинцары и каракачаны въ Балканахъ платятъ за пользованіе пастбищами общинамъ, селамъ и отдѣльнымъ лицамъ (травнина)[1]. Такія-же отношенія, несомнѣнно, имѣли мѣсто и въ періодъ заселенія полуострова славянами. Планины съ ихъ кочевымъ населеніемъ и катунами, составлявшія обособленный отъ жупъ міръ, рано, до XII в. во всякомъ случаѣ, перешли уже въ собственность жупановъ-главарей[2]. Влахи были первыми людьми на сербской землѣ, которыхъ нашелъ возможнымъ пожертвовать церкви Стефанъ Неманя, планины—первой общественной территоріей, которая перешла цѣликомъ въ собственность князя. Въ XIV вѣкѣ планины были уже только царскія или властельскія (жупанскія);[3] планинъ, принадлежащихъ свободнымъ жупамъ, законникъ не упоминаетъ.

Уже въ XII в. въ населеніи области мы выдѣляемъ классъ, принадлежащій жупану—влаховъ. Поборы, взимавшіеся съ

---

[1]) Новаковиħ. Село. 22.

[2]) Новак. l. c. 59.

[3]) Въ Дечанской хрисовулѣ даже властели лишаются права имѣть баштины на планинахъ: «у планинама нема нико баштине, него краљеви и цркви, којима су ихъ кралеви дали». Новаковиħ, 74.

нихъ, составляли первую правильную подать, которую пріобрѣтали главари племени. Подать эта производилась натурой, приплодомъ отъ овецъ, и носила названіе порез[1]. Слово это позднѣе сдѣлалось у сербовъ терминомъ, обозначающимъ всякую подать. Кромѣ пореза влахи должны были выполнять различныя работы, связанныя съ скотоводствомъ — косить сѣно, устраивать ясли и т. д., переносить жито и соль.

На планинахъ же, занятыхъ влахами, можетъ быть, прежде всего зародились и зависимыя отношенія земледѣльцевъ къ собственникамъ земли[2]. Планины были, какъ мы уже знаемъ, собственностью сильнѣйшихъ—князя и властелей. Кто предпринималъ здѣсь распашку, тотъ распахивалъ чужія земли и долженъ былъ платить за пользованіе землей такъ-же, какъ пастухъ за пашню — продуктами и работой. Кажется, влахи въ лицѣ одного племени—мероповъ—впервые стали въ такія отношенія къ славянамъ-владѣльцамъ планинъ и образовали классъ зависимыхъ земледѣльцевъ собственниковъ—меропховъ. Меропхи платили землевладѣльцу (жупану, позднѣе царю) денежную подать (перпера царева) и кромѣ того должны были работать на его землѣ и поставлять на потребу царя и его хозяйства различные предметы въ натурѣ[3]. Количество земли, которымъ они могли пользоваться, находилось въ зависимости отъ количества исполняемыхъ работъ и вносимыхъ повинностей[4].

Отношенія влаховъ къ жупанамъ сдѣлалась типомъ, примѣнительно къ которому жупаны стремились установить свои отношенія и къ племичамъ-славянамъ. Оторванные такъ или иначе отъ своей земли баштинники садились на ихъ земли

---

[1]) Ср. Срећк. l. c. II, 819, 856. По закону Милутина влахи платили за лѣто отъ 50 овецъ одну овцу съ ягнятами и другую яловую, по двѣ ягнячьихъ шкурки съ души и обязаны были переносить монастырскіе товары и соль изъ Приморья отъ св. Сергія. Новаков. Село. 54.

[2]) По аналогіи съ позднѣйшими явленіями превращенія пастушескихъ катуновъ въ земледѣльскія села (Новаковић. Село) можно предположить, что. и въ первые вѣка славянской исторіи на полуостровѣ влахи переходили въ удобныхъ мѣстахъ отъ пастушества къ земледѣлію.

[3]) Подробности о работахъ и повинностяхъ меропховъ см. выше.

[4]) ЗСД. § 48.

и образовали новыя сословія, **меропховъ**, **сокальниковъ**[1] (арендаторовъ, которые пользуются землей за опредѣленную плату—**сокъ**) и **отроковъ**, которые работали за пропитаніе[2]. Отроки составляли уже вещь властеля. Въ Боснѣ они продавались какъ скотъ. Въ Сербіи ихъ еще запрещено было отрывать отъ земли[3]. Эпоха Немани, эпоха усиленнаго вмѣшательства грековъ во внутреннія дѣла сербскихъ племенъ, является и эпохой превращенія значительнаго количества свободныхъ баштинниковъ въ зависимый классъ населенія. Въ то время, какъ Неманя находитъ возможнымъ дарить монастырю только влаховъ, его сынъ даритъ уже цѣлыя жупы съ десятками селъ.—Сокальники, меропхи, отроки усиливаютъ значеніе жупанскихъ задругъ; представляя собой рабочую силу, засыпая кнезовъ продуктами, они даютъ имъ средства распространить отношенія личной зависимости на новыя группы свободнаго населенія. Въ концѣ XIII в. Милутинъ имѣлъ возможность поддерживать императора Андроника, не обращаясь къ свободнымъ людямъ и властелямъ. Онъ отправилъ въ М. Азію людей „својего сродьства и **хранјенија**“. Эти люди королевскаго „храненія“ (кормленія), обязанные, видимо, военной службой, состоявшіе въ полномъ распоряженіи короля, появились не въ XIII в. Ихъ нужно видѣть въ тѣхъ „своихъ людяхъ“, съ которыми напалъ на Даніила „ратьный мужъ“. Они частію получаютъ свое „храненіе“ непосредственно, при дворѣ жупана или короля, составляя многочисленный штатъ его **дворанъ**, частію въ видѣ участковъ земли съ сидящими на ней отроками и меропхами. „Храненіе“ второго рода получило извѣстность подъ греческимъ именемъ **проніи**[4]. Пронія послужила жупанамъ средствомъ для того, чтобы ввести въ кругъ отношеній личной зависимости послѣдній остатокъ былого свободнаго племени—экономически сильныхъ властелей-

---

[1]) О сравнительномъ положеніи сокольниковъ и меропховъ даютъ понятіе повинности, возлагаемыя на тѣхъ и другихъ Дечанскимъ хрисовуломъ (Mon. serb. 97—98): отъ сокольниковъ требовалось менѣе.

[2]) Среħ. П. Мијатовиħ. Студ. за ист. срп. тргов. ГСД. XL, 135—140. 814.

[3]) Ibid. 868.

[4]) О проніи см. Майкова. (ЧМОИДР 1868, I, 227—232.); Макушева (ЖМНП т. CLXXV.), Ѳ. И. Успенскаго (Сборникъ стат. славяновѣдѣнію). С. Новаковиħа «Баштинчики и пронијари».

баштинниковъ[5]. По законнику Душана пронія давалась исключительно баштинникамъ, но этотъ принципъ, нужно думать, утвердился раньше. Съ обращеніемъ баштинниковъ въ проніаровъ цѣпь личныхъ отношеній замыкалась: какъ баштинникъ, властель былъ независимъ отъ короля: какъ проніаръ, онъ былъ обязанъ служить ему. Полузависимое личное положеніе баштинника создавало новыя условія и для его баштины: рядомъ съ проніей баштина теряла уже свой рѣзко выраженный характеръ собственности и становилась на путь превращенія въ королевскую землю, отданную имъ въ собственность. Такой взглядъ на баштину долженъ былъ укрѣпляться съ тѣхъ поръ, какъ короли начали „записывать въ баштины" свои жалуемыя земли, раздавать въ баштину-же завоеванія, сдѣланныя на территоріи Византіи, или принимать на такихъ условіяхъ земли византійскихъ проніаровъ, какъ это мы видѣли въ эпоху Милутина и Душана.

Подъ вліяніемъ смѣшенія баштины и проніи въ отношеніяхъ короля и властели возникала альтернатива: или баштины должны были совершенно утратить свой характеръ и король дѣлался полнымъ хозяиномъ всѣхъ собранныхъ имъ земель или проніи должны были превратиться въ баштины и коллективнымъ хозяиномъ тѣхъ-же земель должна была явиться властела. Случилось послѣднее.

Процессъ превращенія свободныхъ баштинниковъ въ проніаровъ и крѣпкихъ землѣ земледѣльцевъ-рабочихъ совершался въ славянскихъ государствахъ балканскаго полуострова, не встрѣчая того сдерживающаго вліянія, которое на западѣ оказывали города. Муниципальный строй удержался на Балканскомъ полуостровѣ исключительно по прибрежьямъ морей— главнымъ образомъ на побережьи Адріатическаго моря въ Далмаціи. Здѣсь начиная отъ Дульциньо и Дураццо и кончая Задромъ тянулась цѣпь муниципальныхъ общинъ, которыя

---

[5]) По даннымъ, собраннымъ Макушевымъ (l. c. 6, 12) пронія давалась иногда цѣлому роду (задругѣ) — «homines de Crausis qui sunt nobiles et potentes numero»—или извѣстному лицу съ братьями. О минимальныхъ размѣрахъ проніи можно судить по тому, что проніарами деревни, состоявшей изъ 5 домовъ, было трое. Проніаръ обязывался служить въ войскѣ не только лично, но съ своими сыновьями, братьями, слугами въ опредѣленномъ количествѣ. Ср. западное beneficium.

сохраняли рядомъ съ славянскимъ міромъ свое обособленное положеніе, тяготѣли больше къ Венеціи, съ которой онѣ были связаны административными преданіями. Удержать свою романскую стихію въ полной чистотѣ далматинскія муниципіи не могли; славянскій элементъ исподволь просачивался въ нихъ; уже въ X—XI в. мы видимъ славянъ среди рабовъ, которые обработывали земли горожанъ, среди свободнаго насесенія, среди ихъ правящаго класса; но славянская стихія не въ состояніи была проникнуть въ романскія муниципіи настолько, чтобы дать новое направленіе ихъ жизни, слить ихъ единствомъ національныхъ симпатій съ сосѣдними славянскими государствами и сдѣлать ихъ пріютомъ для всѣхъ, кто искалъ бы за ихъ стѣнами сохраненія своей свободы. Открыть широкій доступъ въ свои стѣны не позволялъ муниципіямъ помимо національныхъ чувствъ и уровень экономическаго развитія: общины Далмаціи не были, какъ позднѣйшіе средневѣковые города Европы, поселеніями торгово-промышленными; это были земледѣльческія общины, защищенныя стѣнами. Ихъ населеніе жило землей и моремъ. Главныя статьи дохода послѣ земледѣлія доставляли населенію рыболовство и выварка соли. Промышленность обработывающая, которая могла бы занять лишнія руки, только зарождалась и имѣла кустарный характеръ. По условіямъ своего географическаго положенія общины Далмаціи, лежавшія на С. отъ Котора, могли имѣть значеніе только для Хорватіи и Босны; но, пока Хорватія была самостоятельной, общины только временно входили въ ея составъ и недостаточно ославянились; боснійскимъ же банамъ и королямъ приходилось уже вести за обладаніе этими общинами борьбу съ Венеціей и Венгріей; стѣны общинъ были закрыты т. о. для боснійской массы, какъ и для хорватской.

Южно-далматинскія общины—Которъ, Дубровникъ [1])—находились въ живыхъ торговыхъ отношеніяхъ съ сербами, жили славянами полуострова, но оказать вліяніе на ходъ соціальнаго развитія у своихъ сосѣдей онѣ не могли такъ же, какъ и сѣверныя. Онѣ еще менѣе соприкасались съ сербскими государствами политически. Ни сербы, ни болгары, ни босняки

[1]) Дубровницкая республика въ пору своего расцвѣта обнимала территорію въ 450 квадратныхъ миль и имѣла не болѣе 30,000 жит. въ городѣ.

не въ состояніи были овладѣть Дубровникомъ. Дубровникъ на З. былъ для славянскихъ завоевателей такой-же недоступной приманкой, какъ на Ю. Солунь и Византія. Независимое положеніе Дубровника относительно сосѣдей дало его вліянію на внутреннюю жизнь сербскихъ земель необычайное въ германской Европѣ направленіе: чести быть гражданами Дубровника, пріюта за его стѣнами искали не бѣдные баштинники-селяки, а баштинники крупные, начиная отъ жупановъ и кончая могущественными, повидимому, „базилевсами“ въ родѣ Стефана Душана. Дубровникъ былъ прибѣжищемъ для всѣхъ,

---

Древнѣйшая исторія Дубровника недостаточно извѣстна. Туземные хроникеры не даютъ отвѣта на самые существенные вопросы: какъ возникъ городъ, каковы были отношенія его къ сосѣдямъ. Первый упоминаетъ Дубровникъ между далматинскими городами Равенскій географъ. Наиболѣе цѣнныя данныя о его происхожденіи и первыхъ судьбахъ сообщаетъ Константинъ Багрянородный. По его словамъ, основателями Рагузы являются выходцы изъ разрушеннаго славянами Эпидавра. Основаніе города относится къ 639 г. Его первыми насельниками были романизованные греки и римскіе колонисты Эпидавра. Въ XI в. здѣсь говорили еще на латинскомъ языкѣ. Съ этого времени здѣсь установилось исподволь преобладаніе славянскаго элемента; его внесли славянскіе поселенцы. Но «латины» сохраняли свое обособленное отъ славянъ положеніе до XIV в. Еще въ грамотахъ Стефана Душана дубровчане называются «латинами». Сношенія съ сосѣдями велись на латинскомъ или итальянскомъ языкахъ. Славянскій элементъ одерживаетъ верхъ только въ концѣ XIV в., когда Дубровникъ не могъ уже имѣть значенія для сосѣдняго славянства. Съ 998 г. до 1171 г. община находилась подъ верховной властью Венеціи; между 1171 и 1204 колебалась между норманнами и греками, съ 1205 снова подчиняется Венеціи и остаются надъ ея властью до 1358 г.

Vojnović. O državnom ustrojstvu republike Dubrovačke. RJA. II s. XXXII, 24—67.

Nodilo. Prvi ljetopisci i davna historiografia dubrovačka. RJA. LXV, 92,—128. Макушевъ. Др. пам. и бытописатели Дубровника.

Ljubić. Ob odnošajih dubrovačke sa mletačkom republikom tja do g. 1358, ib. V, 44—123.

Bogišić. Glavnije crte obiteljskoga prava pisanoga u starom Dubrovniku. ib. 123—149.

Matković. Trgovački odonošaji izmedju Dubrovnika i srednje Jtalie ib. XV. 1—70.

Prilozi k trgovačko-političkoj historiji republike dubrovačke. ib XV, 180—266.

кто терпѣлъ пораженіе въ борьбѣ за баштины противъ „жупановъ-собирателей [1]), опорой отживающаго задружно-жупанскаго строя, пріютомъ королей въ случаѣ столкновенія съ властелей.—Торги и внутренніе города были безсильны: за пріемъ чужихъ людей они карались въ XIV в., какъ за измѣну.

Убыль свободныхъ людей должна была усиливаться подъ вліяніемъ явленій, которыя имѣли мѣсто по сосѣдству, въ „Славиніяхъ", подпавшихъ подъ власть Византіи. Мы уже видѣли, что византійское правительство ознакомило славянъ Македоніи и С. Греціи съ бытовыми условіями, которыя не были имъ извѣстны на родинѣ: покоренныя племена должны были платить дань, нести военную службу по требованію правительства, а не по своей нуждѣ, подчиняться князьямъ, назначеннымъ греками, а не выборнымъ, какъ прежде. Порядки эти раньше всего были примѣнены на ю. въ С. Греціи, въ теченіи IX в. распространились на с. до границъ Рашской, Діоклеи и другихъ сербскихъ земель, до извѣстной степени распространяются даже въ нихъ. Мы видѣли уже, что съ IX в. до XII в. сербскіе князья назначаются и смѣщаются византійской властью въ зависимости отъ ихъ поведенія: князь держится, если онъ умѣетъ направить силы области на службу греческимъ интересамъ, въ крайнемъ случаѣ если онъ держится безразлично и пассивно; его сбрасываютъ, если онъ начинаетъ дѣйствовать вопреки интересамъ Византіи. За князя или противъ него стоитъ греческая вооруженная сила и эта сила опредѣляетъ отношенія князя къ племени. Какъ подъ ея прикрытіемъ могли держать себя князья относительно мелкихъ баштинниковъ, можно судить по тому, чтó позволялъ себѣ Неманя и его братья относительно своихъ князей-родичей [2]). Если въ XII в. Неманя могъ перебить, ограбить, согнать съ очины, князьевъ-родичей, то въ IX в. тоже самое могли позволить себѣ безнаказанно князья первой династіи сербской относительно племичей-баштинниковъ [3]).

---

[1]) Сюда бѣжали напр. отъ Бодина Радославичи въ количествѣ 400 человѣкъ. Срећ. I, 395.

[2]) «Избиста рода своега 12 великыхъ властель», Срећ. II, 15. Ср. Хоніатъ XV, 4.

([3] О насиліяхъ Немани противъ единоплеменниковъ говоритъ Хоніатъ.

Въ концѣ XII в. къ которому относится извѣстная намъ исторически борьба между жупанами, прикрѣпленіе значительной части баштинниковъ къ землѣ достигло значительныхъ размѣровъ и этотъ фактъ вполнѣ объясняетъ намъ, почему за части дѣдинъ и баштинъ между членами жупанскихъ задругъ шла такая страстная борьба.

На почвѣ этой борьбы за жупанскія баштины-вотчины выростала крупная баштина—королевство сербское.

Точка зрѣнія, на которой стоятъ относительно пользованія ею Вуканичи и Неманичи, задружная.—Область или государство это—очина. баштина правящей задруги. очина. которая для удобства пользованія подѣлена на участки, но составляетъ идеальное цѣлое. Великій жупанъ—старшій членъ въ жупанской задругѣ и распорядитель задружнымъ имуществомъ, но его права, какъ и во всякой задругѣ, ограничены зборомъ задругарей. Въ Сербіи первыхъ Неманичей такихъ жупанскихъ задругъ было нѣсколько; соотвѣтственно было и число великихъ жупановъ. Св. Савва говорилъ членамъ збора созваннаго для коронованія Стефана: много между вами великихъ и малыхъ жупановъ[1]. Немапя въ отличіе отъ этихъ жупановъ называлъ себя послѣ побѣды надъ своими родичами мегали-жупаномъ. Можетъ быть, эти задруги владѣли внѣ Рашской земли—въ Діоклитіи, Зетѣ, Травуніи, Захлумьи и Далмаціи, которыя входили въ составъ Стефановой державы[2]. Задругари-жупаны представляютъ великому жупану свободу дѣйствія, пока онъ не касается общихъ интересовъ; отчужденіе задружнаго имущества, какъ и во всякой задругѣ, совершается съ согласія задругарей. Когда Неманя заручившись симпатіями императора Мануила, сталъ по своему усмотрѣнію распоряжаться своимъ имуществомъ, строить церкви и, вѣроятно. надѣлять ихъ землями, братья выразили неудовольствіе по поводу того, что онъ творитъ „не свещавъ" съ ними, „яже не подобаетъ творити"—и по соглашенію съ старѣйшимъ братомъ, призвали Неманю на свой зборъ, схватили его здѣсь, заковали и бросили въ темницу.

По смерти Стефана Первовѣнчаннаго Андрей князь хумскій двоюродный братъ выступилъ съ претензіями на пре-

---

[1] Срећ. II, 99.

[2] Срећ. 274.

столъ, какъ старшій, и потерпѣвши, не смотря на поддержку властелей, неудачу, отложился.

Но противъ задружнаго порядка владѣнія съ XII в. идетъ борьба со стороны членовъ задруги и властели. Въ обыкновенной задругѣ столкновеніе личнаго и общиннаго начала находитъ свое послѣднее выраженіе въ дѣлежѣ; въ жупанской задругѣ дѣлежемъ борьба только начинается; заканчивается она истребленіемъ или покрайней мѣрѣ устраненіемъ задругарей-князей. Мы знаемъ уже, сколько родичей перебилъ и разогналъ Неманя.

Въ разложеніи задружнаго строя въ жупанской задругѣ, какъ и во всякой другой, видную роль играютъ женщины съ ихъ индивидуалистическими стремленіями. Какъ во всякой другой задругѣ, противъ права старѣйшаго и въ жупанской задругѣ выступаютъ часто младшіе честолюбивые члены ея. На почвѣ борьбы между старшими и младшими членами правящей задруги укрѣпляется политическое вліяніе властели. Въ концѣ концовъ не принципъ старѣйшинства, не воля умирающаго, не личные таланты, а воля властели рѣшаетъ вопросъ о томъ, кому наслѣдовать престолъ. Избирательное начало, которое парализируется весьма часто въ задругѣ, торжествуетъ въ государствѣ, но правами избранія пользуются уже не всѣ члены общественнаго союза, а властеля, сохранившая и умножившая свои баштины. На зборахъ, рѣшавшихъ вопросъ о престолонаслѣдіи въ XII—XIII вв., участвуютъ властели, священство и войники (остатки свободнаго народа, свободные мелкіе баштиники). Въ XIV в. войники сходятъ со сцены и избирательныя права становятся исключительнымъ достояніемъ властели. Властела ставитъ на столъ, кого хочетъ. Неманя назначилъ своимъ преемникомъ старшаго сына Стефана Первовѣнчаннаго, но младшій Вуканъ, которому были даны въ удѣлъ Діоклея, Зета, Приморье вступилъ въ сношеніе съ Римомъ, принялъ королевскій титулъ и отнялъ, опираясь на вельможъ и венгерскаго короля, у брата престолъ. Противъ Родослава, который по мнѣнію властелей черезъ-чуръ слушался своей жены гречанки, властели выдвинули его младшаго брата Владислава. Когда Владиславъ оказался не въ силахъ охранять Сербію отъ грозившихъ ей татаръ, властели соединяются вокругъ младшаго сына Стефана—Уроша Страшнаго (1243—1277). Противъ старшаго сына Уроша

Драгутина когда его политика создала для Сербіи осложненія, властели выдвинули младшаго Милутина. По смерти Милутина престолъ долженъ былъ по праву старшинства перейдти къ сыну Драгутина Владислава, но властели сначала поддерживаютъ противъ него Константина, потомъ послѣ его гибели „избираютъ" Стефана Дечанскаго[1].

Въ области управленія государствомъ баштинно-задружной точкѣ зрѣнія былъ нанесенъ смертельный ударъ, но вся экономическая политика сербскаго государства опредѣлялась интересами этой баштины.

Крупной баштинѣ нужны были прежде всего рабочія руки и владѣлецъ-законодатель прикрѣпляетъ попавшихъ такъ или иначе въ зависимость отъ него людей къ землѣ. Съ XII в. идутъ законодательныя постановленія, воспрещающія властелямъ принимать чужихъ людей[2]. Законникъ Душана содержитъ въ себѣ рядъ статей, запрещающихъ проводъ и укрывательство такихъ людей[3]. Въ качествѣ самаго сильнаго баштинника король считалъ себя въ правѣ требовать работы на своихъ земляхъ не только отъ своихъ меропховъ или отъ свободныхъ людей, но и отъ людей, уже связанныхъ обязательствами съ другими вотчинниками[4].

Не довольствуясь этими мѣрами баштинникъ-законодатель стремится такъ регулировать направленіе народнаго труда, чтобы обезпечить интересы земледѣлія: если себръ женился на влахинѣ, жена и дѣти его должны были входить въ сословіе меропховъ; если ремесленникъ имѣлъ трехъ-четырехъ сыновей, одному только дозволялось заниматься его ремесломъ, остальные должны были идти въ меропхи; тоже самое устанавливалось относительно дѣтей попа, не обученныхъ грамотѣ; сыну меропха, наоборотъ если бы онъ даже былъ грамотнымъ, закрытъ былъ выходъ изъ этого сословія.

Обезпечивши рабочей силой баштину, нужно было обезпечить и сбытъ тѣхъ излишковъ[5], которые могли получаться

---

[1]) Срећковић высказывается относительно этого категорически. II, 806.

[2]) Mon. serb. 6.

[3]) Флоринскій. ЗСД. 151. ЗСД. Новак. § 22.

[4]) Новак. l. c.

[5]) О доходахъ съ царскихъ земель можетъ дать понятіе фактъ, что

въ королевскомъ хозяйствѣ—привлечь покупателей, устранить конкурренцію и этимъ интересомъ опредѣляется торговая политика.

Области, занятыя славянами, съ римской поры были извѣстны своими рудными богатствами. Мы уже видѣли, что славяне не много сдѣлали для развитія металлургіи, но золото и серебро все-же по прежнему добывалось въ Родопахъ и въ Сербіи и Боснѣ. Въ XIV—XV рудное дѣло Сербіи и Босны находилось цѣликомъ въ рукахъ дубровчанъ, которые держали его на откупѣ[1]. Огромныя выгоды—до 250%—наживали дубровчане, скупая у сербовъ „гламско сребро"—серебро, смѣшанное съ золотомъ—и перепродавая оба металла послѣ ихъ раздѣленія. Въ новомъ Брдѣ, Сребреницѣ, Кратовѣ, Рудникѣ, Кучайнѣ добыча велась въ значительныхъ размѣрахъ. Около копей возникали торги и дубровничане—коммиссіонеры и арендаторы копей заводились прочной осѣдлостью. Крупными статьями вывоза были затѣмъ смола и лѣсъ. Лѣсъ шелъ изъ далматинскихъ портовъ въ Италію и Африку (Тунисъ, Египетъ и такъ называемыя Варварійскія владѣнія[2]). Изъ Албаніи онъ вывозился Дриномъ, изъ Зеты Бояной, изъ Захлумья Неретвой[3].

Въ связи съ былымъ обиліемъ лѣсовъ стоитъ торговля мѣхами[4]. Лисьи мѣха составляли важную статью дубровницкой торговли. Охота за пушнымъ звѣремъ составляла чуть не регалію. Баштинникъ король привлекалъ къ ней деревенское населеніе обязательно въ видѣ повинности, которая отправлялась „заманицом" (міромъ). Въ королевскихъ имѣніяхъ были спеціалисты-охотники; они освобождались за опредѣленное количество шкуръ отъ всякихъ другихъ повинностей[5].

Слѣдующій отдѣлъ балканскаго экспорта на З. въ Италію и на Ю. въ Византію и Солунь составляли продукты скотоводства. Рогатый скотъ, овцы и свиньи пригонялись пре-

---

Душанъ замѣнилъ ежегодную десятину отъ скота, коорую онъ пожертвовалъ хиландарскому монастырю взносомъ въ 4000 серебряныхъ перперовъ: скотоводство приносило, стало быть, царю въ годъ 40000 перперовъ=160000 рублей.

[1]) «Argentu mescolatu con oro» привозили въ Дубровникъ сами босняки. Мијатовић. l. c. XXXIII, 224; ср. XXXVII, 243, 244.

[2]) Cibrario II, 140.

[3]) Мijат. l. c. XXXVII, 197.

[4]) Ibid. 198.

[5]) Ibid. 199—200.

имущественно въ Дубровникъ[1]. Здѣсь-же, кажется, были и бойни съ солильнями, изъ которыхъ сухое соленое мясо шло въ Венецію; за мясомъ шли сыръ, масло и кожи, которыя на итальянскихъ рынкахъ конкуррировали съ кожами изъ Россіи. Слѣдующей статьей экспорта являются продукты пчеловодства—воскъ. Пчеловодство съ XII в. составляетъ предметъ заботъ для Неманичей. Пчеляки, подобно охотникамъ, освобождались отъ всякихъ другихъ работъ и выполняли свою работу наслѣдственно[2]. Съ X до XV в. весь воскъ съ восточнаго побережья Адріатическаго моря шелъ въ Венецію[3].

Продукты земледѣлія, повидимому, только съ XIV в. допускаются къ вывозу и начинаютъ представлять замѣтную статью экспорта. Спеціальными повельями дубровчанамъ обезпечивалась свобода покупать въ Сербіи жито, а населенію свобода продавать его[4].

Предметами ввоза въ славянскія земли служили соль и мануфактура. Соль шла черезъ Дубровникъ и Которъ изъ Венеціи и временами служила предметомъ монополіи для вотчинниковъ-правителей (Ст. Остоя боснійскій). На С. была въ ходу съ X в. румынская соль. Интересамъ высшихъ классовъ служила мануфактура—готовыя одежды и ткани (свите), серебряныя и золотыя украшенія изъ Венеціи. Въ XIV вѣкѣ торговля шла преимущественно чрезъ Которъ. Сукна вывозились чрезъ Венецію изъ Флоренціи; шелковыя ткани шли изъ Византіи.

Главными покупателями балканскаго сырья были купцы изъ приморскихъ городовъ Дубровника и Котора—преимущественно изъ Дубровника. Въ раннюю турецкую пору—въ XVI в. —мы видимъ крупныя колоніи дубровницкихъ купцовъ въ главнѣйшихъ торговыхъ центрахъ Сербіи и Болгаріи — въ Софіи и Бѣлградѣ[5], мелкими въ XIV в. были усѣяны Бос-

---

[1]) Мијат. 205—207, 10.

[2]) Ibid 213.

[3]) Ibid. 215.

[4]) Да имь никто не забави ни властелинь, ни владалць. Флор. ПЗД. 157. Ср. ЗСД. § 120.

[5]) Мијатовић предполагаетъ, что дубровницкая факторія въ Бѣлградѣ возникла еще при Душанѣ. ГСД. XXXIII, 220.

на и Сербія[1]. Во всѣхъ значительныхъ городахъ и мѣстечкахъ были дубровницкіе консулы[2].

Условія, при которыхъ происходила торговля, характеризуются тѣмъ, что купцамъ давались увѣренія, что ни самъ царь, ни его кнезы и властелины не возмутъ ничего у нихъ силой и не будутъ имъ навязывать силой своихъ товаровъ; короли принимали мѣры противъ областныхъ правителей, которые произвольно повышали пошлины[3] и брали царину на дорогахъ и бродахъ черезъ рѣки, гарантировали убытки, которые купцы могли потерпѣть на пути отъ воровъ и разбойниковъ.

Кромѣ иностранныхъ покупателей короли старались привлечь на „свои торги" и мѣстныхъ. Въ виду того, что частные баштинники изъ личныхъ интересовъ могли удерживать своихъ людей отъ путешествій на царскіе торги, законникъ постановляетъ, что ни большой властелинъ, ни малый не могутъ задерживать своихъ людей или иныхъ торговцевъ, желающихъ идти на царскій торгъ (§ 121, 122). Вотчинный характеръ торговой политики сказывается въ порядкахъ, которые имѣли мѣсто на царскихъ торгахъ: въ началѣ XIV в. купцы должны были покупать прежде всего царскіе товары и только скупивши ихъ покупать товары остальныхъ продавцевъ[4].

Торговля давала королямъ крупныя выгоды: какъ крупные баштинники, они сбывали свое сырье въ обмѣнъ на мануфактуру; какъ носители государственной власти, они взимали пошлины (царину).

Вотчинный взглядъ на государство, доминирующій въ торговой политикѣ, проглядываетъ и въ податной системѣ.

Сложная податная система Неманичей, представляетъ собою частію преобразованіе отношеній имѣвшихъ мѣсто въ періодъ племенной жизни, частію заимствованія, сдѣланныя у грековъ въ періодъ зависимости отъ нихъ. Еще въ законникѣ Душана сохранились слѣды экономическихъ отношеній свободнаго племени къ своему главарю—а) **подарки**, кото-

---

[1]) § Matkov. Putov po Bal. pol. RJA. LXXI, 19, 28, CV, 160—2. CXII, 180, CXXIV, 18, 19, 22—24, 27, 28.

[2]) Софія, Нови-Пазаръ, Силистрія, Смердево, Сарасево, Скопле, Видинъ имѣли консуловъ и торговые суды.

[3]) Флор. I. с. 159.

[4]) Mon. scr. 52. Параллели см. De la Primandie. Etudes sur la commerce au moyen âge. 20.

рые обязательно должны были давать царю обыватели при рожденіи и женитьбѣ сына, при выдачѣ замужъ дочери[1], б) право приселицы, т. е. пользованія продовольствіемъ отъ населенія во время передвиженій, связанныхъ съ исполненіемъ княжескихъ обязанностей[2].

Въ качествѣ добровольныхъ услугъ, которыя племя первоначально оказывало князю въ вознагражденіе за его административные труды, могутъ разсматриваться и работы помочью (заманицомь) на его поляхъ, лугахъ и виноградникахъ.

Рѣшительнымъ моментомъ въ исторіи ю. славянской податной системы является время отъ паденія Самуиловой державы до половины XII вѣка. На протяженіи почти полутора столѣтія болгары и сербы входили въ составъ византійскихъ подданныхъ и несли существовавшія въ имперіи повинности[3]. При Самуилѣ каждый болгаринъ, владѣвшій парой воловъ, платилъ мѣру пшеницы, мѣру проса и сосудъ вина. Эти-же повинности остались и далѣе, но къ нимъ присоединился рядъ другихъ. Изъ писемъ Ѳеофилакта архіепископа болгарскаго, относящихся къ концу XI в., мы видимъ, что Охридская область несла военную повинность—ставила пѣхотинцевъ[4], платила десятину отъ домашнихъ животныхъ, налоги на мельницы и рыбныя ловли (струги)[5], выполняла какія-то работы[6]. Несомнѣннымъ результатомъ византійскаго вліянія являются поземельная подать—соћ[7]. Къ числу вотчинныхъ повинностей рядомъ съ безчисленными **работами**, выраставшими съ усложненіемъ княжескаго хозяйства и придворнаго быта, относятся:

---

[1]) Поклон царски. Флор. I. с. 91. Параллели см. Н. Зиберъ. Очерки первобытной эконом. культуры. 145—155.

[2]) Ср. Zakon Vinodolski. § Ако господин кнез у Винодолу, вола бискуп, кода би пошол по кнежеству по винодолском и в ки би град пришол море чинити б(ј)ти и к себѣ чинити прити по руки сатника онога града за свое јиданіе и за свое обители, од ких коли говед и бров, ке се могу найти наближе, тако од скота кметскога, тако од племенитих луди, тако од попи и од иних всякихъ луди.

[3]) О финансовой политикѣ Византіи см. Васильевскій. Византія въ XI в. ЖМНП. 1880.

[4]) Успенскій. Образ. втор. болг. царства. 24.

[5]) Ibid. 36.

[6]) Ibid. 46.

[7]) Соћ уплачивался, какъ видно изъ § 100 ЗД, натурой: кьбьль жита или перперъ деньгами.

Планиніотик (мзда планина)—плата за пользованіе планинами=травнина.

Позобъ—обязанность давать продовольствіе королевскимъ конямъ при путешествіяхъ короля.

Провод=обязанность доставлять упряжныхъ животныхъ и экипажи при переѣздахъ короля.

Поносъ—обязанность переносить королевскіе товары[1].

Соколар—обязанность давать кормъ королевскимъ сокольничимъ=Геракар.

Псарь—обязанность давать кормъ королевскимъ псарямъ. Законникомъ Душана эта повинность была отмѣнена (§ 202).

Обязанность выращивать царскихъ жеребятъ.

Общественный характеръ имѣютъ:

Войска—обязанность давать ночлегъ и продовольствіе проходящему войску.

Поклисар—обязанность давать путевое продовольствіе и подводы иностраннымъ посламъ (гр.). Законникъ регулируетъ эту повинность статьей 134.

---

[1]) Значеніе поноса для населенія и короля можно уяснить только тогда, когда мы будемъ имѣть понятіе о путяхъ сообщенія. Еще сравнительно недавно — лѣтъ 40 тому назадъ—пути сообщенія въ Черногоріи и Герцеговинѣ находились въ состояніи, которое съ оговоркой относительно былыхъ лѣсовъ можно было принять за образецъ того, что представляли они собою на всемъ протяженіи среднихъ вѣковъ. Колесныхъ путей здѣсь не было;, по лучшимъ дорогамъ можно было ѣхать верхомъ, по худшимъ идти пѣшкомъ. Послѣднія носили характерное названіе лаз'овъ. Гильфердингъ обращаетъ вниманіе на это слово въ связи съ глагольнымъ корнемъ, обозначающимъ передвиженіе—лаз (до-лаз-ити=прибыть, од-лаз-ити=отбыть, уѣхать). По мѣстамъ тропинки превращаются въ лѣстницы высѣченныя трудами цѣлаго племени или нѣсколькихъ племенъ въ отвѣсныхъ почти скалахъ и носятъ соотвѣтствующее итальянское названіе—скелы (scala). На лазахъ на извѣстномъ разстояніи устроены мѣста для отдохновенія (почивала)—возвышенія изъ камней, на которыя можно было удобно сложить тяжесть (вьюкъ). Въ лѣсахъ путь шелъ по просѣкамъ. Для перевоза чрезъ мелкія рѣки кладутъ камни, черезъ которые путникъ перескакиваетъ (скакала, крокала); черезъ глубокіе и узкіе потоки перекидывается бревно (лаз) или полотно, сплетенное изъ прутьевъ (љесе). Черезъ большія рѣки переходъ совершался по бродамъ, по мостамъ, которые оставили римляне, или въ чунахъ и плучахъ (плотъ).

Приплаты градска и жупска=поданак (?).
Наметак градски, свински и овчи.
Десетак житны, овчи, пчелни, свиной.

Съ раздачей земель въ пронію и баштину король лишался большей части этихъ доходовъ. Отъ отчужденныхъ меропховъ въ его пользу шла только „перпера царева" и соћ[1].

Въ связи съ измѣненіями въ соціально-экономическомъ строѣ территоріальнаго союза стоятъ перемѣны въ его политическихъ отношеніяхъ.

Сущность перемѣны, которая произошла въ политическихъ правахъ племичей, можетъ наглядно показать слѣдующая параллель. Возьмемъ случай, когда племя или жупа устанавливаетъ свои отношенія къ такой-же самостоятельной группѣ—племени или жупѣ. Вотъ какъ описываетъ Богишичъ „станак" между черногорскими племенами, враждовавшими изъ-за убійства. На станакъ являлись всѣ способные носить оружіе племичи и становились лагерями на разстояніи ружейнаго выстрѣла одно отъ другого. Знатнѣйшій главарь одного племени вызвалъ знатнѣйшаго главаря другого, запрашивая во весь голосъ: „је-ли вјера?" Послѣ утвердительнаго отвѣта оба главаря отдѣлялись отъ своихъ племичей и сходились для переговоровъ. Согласившись относительно мира между собой, они клялись за остальныхъ главарей племени, приглашали ихъ къ себѣ и приступали къ переговорамъ. Когда переговоры приходили къ желанному результату, главари клялись каждый за свое племя и устанавливался миръ.

Въ этой великолѣпной эпической картинѣ на лице всѣ элементы самоуправляющагося племени, разъединенные позднѣе экономической и политической дифференціацiей. Въ актахъ XII в. мы видимъ ихъ еще дѣйствующими совмѣстно: Баричъ, банъ Босны, подтверждаетъ дарственную запись Локрумскаго монастыря „cum meis filiis atque propinquis. coram universo populo terre mee". Въ актахъ XIII—XIV вв. дѣйствующими лицами являются уже одни жупаны или князья съ своими властелями („cum suis nobilibus"). Иногда эти властели называются по европейскому феодальному обычаю „вѣрніи" (fideles).

[1]) Объ исключительныхъ случаяхъ отчужденія и соћ'а См. Флоринскій. ПЗДД. 43, «И що есть быль доходьк царства ми отъ сель црьковныих соке». Ibid. 44—45.

Въ связи съ тѣми-же перемѣнами, которыя произошли въ соціальныхъ отношеніяхъ территоріальнаго союза, стоять и перемѣны въ судьбахъ суда. Мы видѣли, что въ задругѣ старѣйшина пользуется карательной властью только относительно малолѣтнихъ ея членовъ; судъ надъ совершеннолѣтними членами производится при участіи равныхъ (женщины и дѣти устраняются); съ ихъ согласія налагается наказаніе (изгнаніе напр.) и нѣкоторые виды его, какъ тѣлесное (побои), производятся непосредственно всей задругой. Село - братство, образовавшееся изъ разложившейся задруги, удерживаетъ по мѣстамъ судебную и карательную функціи во всемъ ихъ объемѣ. Въ Далмаціи селамъ стонской общины, входившимъ нѣкогда въ составъ дубровницкой республики, принадлежало право суда за воровство. На опредѣленномъ мѣстѣ — въ с. Ошлемѣ на каменной скамьѣ передъ церковью—совершался народный судъ. По звону колокола сюда собирались въ случаѣ кражи всѣ жители села. Виновный отыскивался или на основаніи прямыхъ уликъ или косвеннымъ путемъ: люди пользующіеся довѣріемъ за свою честность ручались за людей, лучше всего имъ извѣстныхъ; тѣ въ свою очередь за другихъ и слѣдствіе сосредоточивалось на тѣхъ, за кого никто не ручался. Въ случаѣ мелкой кражи виновный могъ получить отъ общины прощенье, возвративши краденое; за крупную кражу били палками, поваливши на каменную скамью; каждый селякъ давалъ столько ударовъ, сколько опредѣляла община. Если родичъ вора билъ фальшиво, его самого подвергали побоямъ. Въ старину за крупныя кражи виновнаго вязали и сбрасывали съ какой нибудь стремнины или побивали камнями [1]). Въ Босніи и Герцоговинѣ судъ общины для установленія виновности прибѣгалъ еще въ недавнее время къ „божьему суду“ и „329ротѣ“. Испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ чаще всего имѣло мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣвушка или вдова обвиняла молодого человѣка въ томъ, что имѣетъ отъ него ребенка. На открытомъ мѣстѣ внѣ дома разводился огонь, на которомъ накаливали желѣзо—топоръ, подкову—и кипятили котелъ съ водой. Когда желѣзо нагрѣвалось до бѣлаго каленія, его бросали въ кипящую воду и испытуемый вынималъ его послѣ

[1]) Милас. Старински народни суд за лупеже у гекијем селима опћине Стонске. ГЗМ. 1897, 327—328.

молитвеннаго воззванія къ водѣ. Виновность или невинность устанавливалась въ зависимости отъ размѣровъ ожога: большой ожогъ служилъ несомнѣннымъ доказательствомъ виновности. Испытаніе кровью производилось въ случаѣ подозрѣнія кого-либо въ убійствѣ. Подозрѣваемаго подводили къ трупу убитаго въ увѣренности, что если онъ дѣйствительно виновенъ въ убійствѣ, то изъ трупа ртомъ и носомъ выступитъ кровь. Кровь убитаго выдаетъ убійцу и инымъ путемъ: убійца не можетъ удалиться отъ трупа убитаго, кровь его удерживаетъ. Кровь служила, по народнымъ преданіямъ, средствомъ уясненія истины и въ такихъ вопросахъ, какъ вопросъ о принадлежности ребенка, родившагося послѣ смерти отца: приносили изъ могилы кость отца, дѣлали ранку въ тѣлѣ ребенка и выпускали кровь на отцовскую кость; ребенокъ считался принадлежащимъ умершему, если кровь всасывалась въ кость. Принадлежность ребенка, родившагося ранѣе девятимѣсячнаго срока послѣ вѣнчанія, опредѣляется посредствомъ испытанія на порогѣ: ребенокъ кладется на порогъ отворенной двери; если онъ свалится внутрь дома, онъ принадлежитъ мужу. Испытаніе водой примѣнялось еще въ турецкую пору къ вѣдьмамъ [1]).

Поротники согласно воззрѣніямъ эпохи родственныхъ союзовъ должны были принадлежать къ числу родичей виновнаго: въ случаѣ ложной клятвы кара божья падала на его родъ и обиженный получалъ удовлетвореніе отъ небеснаго правосудія [2]).

Рѣшенія общиннаго суда имѣли обязательную для виновнаго силу: въ случаѣ сопротивленія его самого, его задруги, его братства племя лишало ихъ родственной защиты и вынуждало этимъ бѣжать, чтобы избавиться кровавой мести [3]).

Карательная власть общины архаически-сурова. У вора рецидивиста община разрушала домъ и самого его изгоняла [4]): молодой человѣкъ и дѣвушка, застигнутые en flagrant délit, въ сербскихъ общинахъ побивались каменьями, въ Болгаріи

---

[1]) Lilek Em. «Gottesurtheile und Eidhelfer in Bosnien u. H.» WMBH II, 467—473.

[2]) Bog. l. c. 536.

[3]) Бобчевъ. l. c.

[4]) Богишичъ. Станак по Дубровнич. закону. etc. ЗСД. XLIV, 228.

по опредѣленію общины должны были покрыть грѣхъ бракомъ. Развратныя женщины или подвергались позорнымъ наказаніямъ или изгонялись изъ общины.

Принимая во вниманіе, что Стонская община въ XIII в. составляла одну изъ жупаній Хума, мы имѣемъ основаніе предположить, что она сохранила подъ властью Дубровника обычаи былой жупанской поры и по ея судебной практикѣ можно судить о практикѣ свободныхъ жупъ-племенъ ранняго средневѣковья. Другой матеріалъ для реставраціи древнихъ судебныхъ порядковъ въ свободныхъ жупахъ дастъ намъ хорватская община-жупа Польица. Въ періодъ самостоятельной жизни Польицкой жупы жупанъ дѣлилъ судебную власть съ народнымъ зборомъ. Законъ предоставлялъ тяжущимся судиться предъ княземъ, предъ судьями или предъ зборомъ. (§ 14). Збор и община дѣлили съ княземъ и пеню - глобу, налагаемую за преступленія. Въ отдѣльныхъ случаяхъ—напр. при насиліи произведенномъ кѣмъ либо надъ дѣвушкой—община принимала на себя и исполненіе приговора: шла къ дому виновнаго и разрушала его [1]). Съ измѣненіемъ соціально-экономическихъ отношеній внутри жупы участіе жуплянъ во властельскомъ судѣ должно было прекратиться: въ Сербіи въ XIV в. уничтоженъ былъ органъ, посредствомъ котораго населеніе жупы осуществляло свою судебную власть — збор. Законникъ Душана упраздняетъ сербскіе зборы, запрещая на нихъ собирать подъ страхомъ клейменія. Права общины на судъ и глобу еще ранѣе перешли на властеля [2]). Съ площади судъ переходитъ въ дворъ жупана (curia), гдѣ раньше онъ происходилъ только зимой. Въ Хорватіи уже въ XI в. является рядомъ съ королемъ judex curiae regalis [3]). Въ Сербіи мы знаемъ „дворскаго судью“ съ XIV в. Въ законникѣ Душана можно еще прослѣдить борьбу воззрѣній старо-жупанской и позднѣйшей „велико-державной“ поры. Народъ по старой привычкѣ

---

[1]) MHJ. IV, 111. Пол. Ст. § 113.

[2]) Въ Польицѣ съ племича 3/4 глобы шло въ общину, съ кметича властелю. (§ 15) и 1/4 общинѣ. Ср. § 18. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пеня шла полностью общинѣ. По § 74а (151) отъ всякой пени шла половина истцу, а половина судьямъ, которые судили: или князю, или судцамъ-ротникамъ, или общинѣ, если судилъ збор.

[3]) Смирновъ. Очеркъ ист. хор. гос. 107.

искать суда на дворѣ кнеза смотрѣлъ на дворскаго судью, какъ на замѣстителя царя, и готовъ былъ отдавать на его судъ всѣ свои дѣла. Душанъ стремился создать новый порядокъ. Онъ самъ децентрализируетъ судъ. Не пользуясь народными тенденціями для того, чтобы создать изъ дворскаго суда высшую аппелляціонную инстанцію, онъ учреждаетъ областныхъ судій. Царскій судъ имѣлъ характеръ совершенно отличный отъ народныхъ судовъ: онъ обставленъ былъ сложнымъ канцелярскимъ аппаратомъ. Судья призывалъ на судъ повѣстками или печатью, вписывалъ рѣшеніе въ специальную книгу, давалъ истцу копію съ приговора; судебныя издержки и штрафы взыскивались особыми чиновниками-глобаріями (§ 162, 163, 188). Законникъ Душана стремится сдѣлать этотъ судъ обязательнымъ для населенія областей и внушить къ нему уваженіе. По статьямъ 175 и 182 всякій истецъ обязанъ звать отвѣтчика къ судьѣ своей области, а не на царскій дворъ или куда нибудь въ иное мѣсто; „дворскій судья" могъ судить постороннихъ только тогда, когда они случайно попадали на царскій дворъ. Къ царскому рѣшенію судьи должны были по статьѣ 181 обращаться только въ случаѣ затрудненій. Требованія судьи и его агентовъ - приставовъ были поставлены подъ охрану суроваго закона. За противодѣйствіе приставу виновный арестовался и у него отбиралось все имущество [1]). За оскорбленіе, нанесенное судьѣ, у властеля конфискуется все имущество; если виновные—селяки, то у нихъ разрушаются дома, а сами они подвергаются заключенію [2]).

Охраняя авторитетъ судьи, государство считало однако нужнымъ обезпечить и населеніе отъ злоупотребленія этимъ авторитетомъ со стороны судей. Статья 110 гласитъ, что судья, путешествующій по своей области для исполненія обязанности, не имѣетъ права брать насильно продовольствіе. Въ руководство коронныхъ судьямъ дается замѣнившее обычай и спеціальныя постановленія хрисовуловъ писаное право—

[1]) Для оцѣнки судебной политики Душана поучительно сравнить ее съ тѣмъ, какъ использовали французскіе средневѣковые короли придворный судъ (cour royale).

[2]) ЗСД.

[3]) Ibid.

Законникъ, составленный на соборѣ 1349 г. Законникъ Душана не первый памятникъ законодательнаго творчества южныхъ славянъ: въ Приморьи областные законники извѣстны уже съ XIII в. (Законъ Винодольскій). Но Законникъ рѣзко отъ нихъ отличается по содержанію. Винодольскій законъ цѣликомъ основанъ на мѣстныхъ обычаяхъ; въ законникѣ элементъ обычнаго права далеко не имѣетъ преобладающаго значенія. Вопреки обычаю онъ выдѣляетъ какъ „долги царевы" т. е. преступленія противъ публичнаго интереса убійство, похищеніе женщины благороднаго сословія; вражда, разбой, воровство, споры изъ-за земли, пріемъ людей (§ 185), хотя бы ихъ совершили и отроки (§ 103), также подлежатъ суду царскихъ судей. Всѣ эти нормы, несогласныя съ идеями и обычаями, которые регулировали отношенія кровнаго союза и зависимыхъ людей къ властелямъ, вошли въ законникъ частію изъ хрисовуловъ, частію изъ византійскаго права. Изъ византійскаго же права заимствована замѣнившая кровавую месть и глобу система наказаній: розги, повѣшеніе, сожженіе, обрѣзываніе носа, обрубаніе рукъ [1]).

Судъ былъ могущественнымъ источникомъ власти надъ населеніемъ, но ни великіе жупаны, ни крали не удержали его въ своихъ рукахъ. Съ XIII в. они начинаютъ отчуждать его вмѣстѣ съ глобой. Дарственные акты монастырямъ свидѣтельствуютъ уже о томъ, что право суда надъ людьми, сидящими на извѣстной землѣ, отчуждается въ пользу церкви вмѣстѣ съ этой землей. Судьей между двумя церковными людьми по Архангеловской записи становится игуменъ. Только въ случаѣ распри съ людьми не зависящими отъ церкви церковные люди должны были являться на судъ царя. Кромѣ монастырей судебной властью пользовались властели, замѣнившіе былыхъ жупановъ. Люди, сидѣвшіе на ихъ земляхъ, были подчинены ихъ юрисдикціи. По законнику всякій принявшій человѣка, который бѣжалъ отъ властельскаго суда, обязанъ его возвратить.

---

[1]) Арх. хрис. ГСД. XV, 308. Дечан. хрисов. Ibid. XII, 64, 135.
[2]) ЗСД. § 62.
[3]) Ibid. § 72.
[4]) ЗСД. § 107, ср. 148, 178.
[5]) Объ источникахъ законника см. Зигель I. с. 62—101. Флоринскій.
[6]) Зигель I. с. 102—103.

Намѣчая главнѣйшія черты внутренняго развитія территоріальнаго союза, мы имѣли пока дѣло исключительно съ фактами сербской исторіи: здѣсь можно прослѣдить связь явленій, которыя мы наблюдаемъ, какъ пережитки, до сихъ поръ, съ явленіями болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго, о которомъ говорятъ намъ хроники, акты и пѣсни. Факты внутренней исторіи хорватовъ не представляя въ общемъ чего-либо новаго, даютъ для большей части явленій болѣе раннія хронологическія даты [1]). Мы видимъ здѣсь уже въ XI в. отроковъ (servi et ancillae), отчуждаемыхъ вмѣстѣ съ землей, живымъ инвентаремъ и дворами (curtes), при которыхъ они находились (источниками рабства являются долговыя отношенія [2]), воля родителей и старшихъ родичей—братъ продаетъ брата съ его семьей—и добрая воля самого отрока, пожелавшаго по тѣмъ или инымъ причинамъ отказаться отъ своей свободы), свободныхъ баштинниковъ, владѣвшихъ allodium'ами [3]), проніаровъ, державшихъ королевскія земли пожизненно въ вознагражденіе за заслуги [4]), и властелей-нобилей, составлявшихъ ближайшее къ королю сословіе [5]). Король пользуется отъ населенія десятиной, поземельной податью (tributum, terraticum, census), пошлинами (dazia, impositia, vectigal), глобами, которыя они дѣлили съ потерпѣвшими; жупаны и баны—подарками (donalia secularia, debita jupanis veł banis). Отъ далматинскихъ городовъ короли получали кромѣ того tributum pacis — дань, цѣной которой обезпечивался для нихъ миръ [6]); она уплачивалась куньими мѣхами. Свободные отъ податей нобили давали honorificentiam (=поклонъ царскій) [7]). Судебную власть осуществляетъ или самъ король при своихъ переѣздахъ по странѣ [8]) въ томъ

---

1) Подробности см. въ нашемъ «Очеркѣ ист. хорв. госуд.». Rački «Nutarno Stanije Hrvatske prije XII stoljeća» RjALXX, LXXIX, XCI, XCIX.

2) ibid. 159.

3) ibid. 179.

4) ibid. 184—5.

5) ibid. XCIX, 83.

6) ibid. 88.

7) ibid. 89. Docum. 162.

или другомъ изъ своихъ многочисленныхъ дворовъ или „дворскій судья“; въ остальное время она принадлежала жупанамъ отдѣльныхъ жупъ [1]), которые осуществляли ее при участіи добрыхъ людей [2]).

Внутренняя исторія территоріальнаго союза, созданнаго болгарами, носитъ уже совершенно особый характеръ. Это не органическое преобразованіе отношеній, имѣвшихъ мѣсто въ племенахъ-жупахъ, а процессъ сліянія двухъ дифференцированныхъ уже до извѣстной степени и чуждыхъ одна другой по природѣ народностей—завоевателей-болгаръ и покоренныхъ славянъ.

Первый изъ составныхъ элементовъ болгарскаго государства раздѣлялся съ VII вѣка на три группы: боляръ (βοϊλάδες) [3]), в а г а и н о в ъ [4]) и просто свободныхъ людей [5]). Каждый изъ этихъ соціальныхъ классовъ распадался на кровныя группы—роды: въ немногихъ надгробныхъ надписяхъ, которыя мы имѣемъ изъ IX в., въ концѣ всегда обозначается родъ усопшаго [6]).

---

[1]) Въ актахъ иногда judex и juppanus являются равнозначащими. ibid 110—111.

[2]) ibid. 111—112. Boni homines.

[3]) Marquart (l. c. 41) сопоставляетъ съ этими терминами древне-тюркскій boila.

[4]) Marquart (l. c. 41) сопоставляетъ бага-ин съ древне-тюркскимъ baγa (boila baγa targan).

[5]) Скудный матеріалъ для этой классификаціи даютъ греческія надписи хановъ Омортага и Маламира, найденныя въ окрестностяхъ д. Абобы, округа Шумлы, изданныя и комментированныя Шкорпиломъ, Иречкомъ и В. Томашкомъ въ AEM XII, 208, 132, XIX, 2... Altbulgarische Jnschriften, Antike Inschriften aus Bulgarien. Въ связи съ ранѣе публикованными уже надписями Омортага (Д а с к а л о в ъ—«Открытія въ древней столицѣ Терновѣ» ЧМОИДР. 1859, II, 15—16) эти новыя надписи разсматриваетъ В. Н. З л а т а р с к и («Два извѣстни блъгарски надписа отъ IX вѣкъ» СбМ. XV, 131—144; «Приемницитѣ на Омортага» ПСп. кн. 54, с. 773). Ср. Л о п а р е в ъ «Двѣ замѣтки по древней болгарской исторіи». ЗРАО. III, 341—362.

[6]) ἦτο δε γενεας Κουκάρης;.... δονάςης. AEM. XVII, 199—200; ερζγαρης XIX, 240.

Изъ господствующаго класса на первыхъ порахъ исключительно, конечно, рекрутировались всевозможные чиновники. Надписи и византійскія хроники позволяютъ установить нѣсколько титуловъ тюркскаго происхожденія: кавканъ [1]), багатуръ [2]), кулубръ (*Κούλουβρος* = Golobur — проводникъ) [3]). Rössler считаетъ титулами многія имена пословъ князя Михаила, бывшихъ на Конст. соборѣ 869 г. [4]).

Рядомъ съ военными чинами существовали гражданскіе, таковы судьи, руководствовавшіеся юридическими обычаями степи при изслѣдованіи преступленій и наказаніи ихъ [5]).

Съ IX в. идутъ извѣстія, показывающія, что и среди покоренныхъ славянъ образовались различныя по положенію группы: отъ массы закрѣпощенныхъ кметовъ отдѣлились группы славянскихъ боляръ. По аналогіи съ тѣмъ экономическимъ „разслоеніемъ", которое наблюдается въ современныхъ южнославянскихъ братствахъ и племенахъ, можно предположить, что матеріалъ для образованія славянъ-боляръ дали кнезы и воеводы объединенныхъ болгарами братствъ и племенъ и роды, къ которымъ они принадлежали. Есть основанія предположить, что именно эти не тюрко-болгарскаго происхожденія

---

1) Ουλαννας ο βαγατούρ βαγαινός. ib. XIX, 238; 239 Τζέπα βογοτόρ.

В. Томашекъ, сопоставляя это слово съ тюрк. батыр, указываетъ аналогичную полную форму въ рус. богатырь, но и въ современныхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ эта полная форма имѣетъ мѣсто—напр. въ якутскомъ бухатыр, багатыръ. Сѣрошевскій. Якуты. 448—452. По своему значенію бухатыры у якутовъ—предводители военныхъ дружинъ, окруженные товарищами и прислужниками (ib. 451).

2) Кавкан=qpγn др. тюрк. надписей=capcanus аваровъ. Marquart. Die Chronologie d. alttürkischen Inschriften. 109—110.

3) Ср. авар. Bou-Kolabras. Marq. l. c. 41.

4) Sampsïs, tabare. Въ имени перваго сына Петра царя Καναρτι-Κεινος еще Френъ правильно видѣлъ скрытый тюркскій титулъ tägin (Kanartägin). Βουλιας ταρχανος=тюрк. boila targan. Marq. l. c. 42.

5) Responsa, 86: «По нашему обычаю, если схватятъ вора или разбойника и онъ станетъ запираться, то судья бьетъ его по головѣ батожьемъ и колетъ въ бока желѣзными остріями, пока онъ не признается». Въ числѣ доказательствъ фигурировала клятва мечемъ, который ставился для этой цѣли по срединѣ клянущихся. R. 67.

боляре носили названіе болярь „внѣшнихъ“ въ отличіе отъ тюрковъ-болярь, которые обозначались именемъ „внутреннихъ“; такое дѣленіе до сихъ поръ уцѣлѣло въ Болгаріи въ примѣненіи къ членамъ семьи: „външни“ означаетъ чуждыхъ семьѣ по крови людей, „вътрни“—лицъ связанныхъ узами общаго происхожденія [1]).

Къ началу IX в. славянская стихія настолько проникла въ высшіе слои общества ближайшаго къ хану, что уже начинаетъ ассимилировать ихъ, прививая имъ свои вкусы, обычая и языкъ: Крумъ пьетъ на пирахъ въ честь своихъ славянъ-болярь здравицы. Во второй половинѣ этого столѣтія ханъ Борисъ считаетъ уже славянскій языкъ своимъ роднымъ.

Отношенія, въ которыхъ стояли къ хану славянскіе боляре и князы, выступаютъ въ источникахъ крайне неясно.

Въ XIV в. болгарское боярство не отличается уже ничѣмъ отъ сербской властели: они держатъ въ своихъ рукахъ грады, являются владѣтелями городскихъ округовъ (жупъ-хоръ), располагаютъ трономъ, избирая царей, и составляютъ постоянный совѣтъ царя и преобладающую силу на земскихъ соборахъ. Низшій классъ населенія состоялъ изъ отроковъ—париковъ и технитарей (ремесленниковъ=серб. майстори); къ числу людей, не располагавшихъ личной свободой, принадлежало также и низшее, сельское духовенство: оно въ XIV в. отчуждается вмѣстѣ съ семьями. Прикрѣпленные къ землѣ сельчане несли такія же повинности и исполняли на царя-баштинника такія же работы, что и въ Сербіи [2]). Населенное, подобно сербскому селу, прикрѣпленными къ землѣ людьми болгарское село—по крайней мѣрѣ въ Македоніи—не считалось юридическимъ лицемъ, какъ сербское: на него не распространялась отвѣтственность за преступленія отдѣльныхъ его обитателей.

Бѣглый обзоръ тѣхъ явленій, изъ которыхъ складывается внутренняя жизнь ю. славянскихъ территоріальныхъ союзовъ, даетъ намъ возможность понять важнѣйшія черты ихъ внѣшней исторіи.

---

[1]) Бобчевъ I. с. 26.

[2]) Волоберштина, кошарштина, димина, наметьк, десетьк, митаты; за право торговли кумеркъ, мостнин, броднин (діавато). Иреч. I. с. 410—411.

На сѣверѣ полуострова образовались два относительно прочныхъ территоріальныхъ союза: задунайская Болгарія и сербскія земли, объединенныя вокругъ Расы. Тотъ и другой обнаруживаютъ стремленіе втянуть въ себя подчиненныя греками, но не утратившія еще стихійнаго національнаго самосознанія „Славиніи" Македоніи (бассейновъ Вардара и Струмы), Эпира, Албаніи и С. Греціи. Въ результатѣ успѣшныхъ операцій тутъ и тамъ зарождается стремленіе переступить этнографическія границы, втянуть въ составъ разросшагося организма греческій міръ съ его центромъ и опорой—Византіей. И болгарскіе, и сербскіе завоеватели начинаютъ завоеваніемъ Македоніи и кончаютъ мечтами о захватѣ Византіи. Ни той, ни другой цѣли ни болгарамъ, ни сербамъ не удалось достигнуть вполнѣ. Завоеваніе Македоніи было всегда скорѣе воображаемымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ и причина этого явленія заключалась частію въ политическомъ строѣ Македоніи, частію въ вотчинныхъ идеяхъ завоевателей. Географическія условія создавали здѣсь удобства для жизни обособленными группами. Въ VII — VIII в.в. мы знаемъ здѣсь рядъ „Славиній". Въ IX—X в.в. эти Славиніи обращаются въ имперскія области, во главѣ которыхъ стояли назначенныя византійскимъ правительствомъ власти. Съ конца X в., съ эпохи Самуила мы уже имѣемъ возможность наблюдать, какими связями соединяются западныя области подъ властью болгарскаго завоевателя: сѣверная часть Албанскаго приморья была отдана въ управленіе зятю его Владиміру, великому жупану Подгорья; другія области съ ихъ городами—болярамъ на правахъ феодальнаго владѣнія: они являются къ Василію съ своими собственными полками и называются „князьями болгарскими" [2]). Тѣ-же рессурсы пускаютъ въ ходъ и сербскіе

---

[1]) Илица — «ὁ ἄρχων Μογλένων». Гильф. 271. Срећковић всѣхъ этихъ болярь-архонтовъ (Кракру, Драгомужа, Драгаша Воденскаго, Николицу Сербско-Солунскаго, Елсмага бѣлградскаго считаетъ наслѣдственными вассальными (по отношенію къ Византіи) князьями и къ тому же сербами. Противъ перваго предположенія говоритъ 1) то, что одинъ изъ этихъ «наслѣдственныхъ князей»—Николица былъ родомъ изъ Ларисы, 2) то, что потомства ихъ мы не видимъ въ ихъ владѣніяхъ. Второе представляетъ собою переносъ на X в. этнографическихъ понятій позднѣйшаго времени. О славянахъ Струмы и Вардара мы знаемъ только то, что они были склавины; отъ склавиновъ С.В. они от-

завоеватели до Стефана Душана включительно; Душанъ облекъ только эти шаткія отношенія въ пышную византійскую одежду. Способъ постройки государственнаго зданія, принятый сербами и болгарами, не представлялъ собою чего-нибудь спеціально славянскаго. Такъ-же начинали и французскіе короли-собиратели. Не привелъ этотъ способъ здѣсь къ желаемымъ результатамъ потому, что во Франціи баронъ-кумъ, баронъ-зять, баронъ-сватъ пріучались цѣнить нѣжныя узы родства, чувствуя себя въ непріятномъ сосѣдствѣ ладившихъ съ королемъ городскихъ общинъ; ни Сербія, ни Болгарія такого дисциплинирующаго и объединяющаго элемента не выработали.—На В. отъ Родоповъ въ равнинахъ Ѳракіи славянскіе завоеватели были страшными, правда, но временными гостями. Ихъ неудачи здѣсь вытекали изъ несоотвѣтствія культурныхъ условій съ замыслами. Выражаясь въ терминахъ Л. Мечникова, славяне находились въ рѣчномъ періодѣ развитія: долина рѣки опредѣляла границы доступнаго ихъ силамъ политическаго организма: вспомнимъ Босну, Посавину, сербскую „Моравію", вспомнимъ успѣшныя попытки болгаръ овладѣть долиной Дуная; противъ нихъ стояла Имперія еще не утратившая выгодъ средиземно-морского фазиса. Опустошенія, которыя въ состояніи были бы убить другое государство, не наносили Византіи смертельныхъ ранъ; они компенсировались изъ провинцій, отдѣленныхъ отъ враговъ, но связанныхъ съ ней моремъ. Византія манила ю. славянскихъ завоевателей, но не давалась имъ и мѣшала сосредоточиться на ближайшихъ и болѣе скромныхъ политическихъ задачахъ. Турки положили конецъ этой погонѣ за миражами.

личались несомнѣнно тѣмъ, что меньше ихъ подверглись булгарскому вліянію; что̀ могло ихъ сближать съ сербами, мы не знаемъ. Только чуждые политическихъ тенденцій лингвисты могутъ рѣшить споръ изслѣдованіемъ на мѣстѣ. Политики-этнографы и лингвисты могутъ утѣшиться тѣмъ, что такіе говоры, какъ костурскій, повидимому, не подходятъ ни къ болгарскимъ, ни къ сербскимъ.

Печатается вып. 3.

„РАЗВИТІЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ".

Складъ изданія у автора (Малая Казанская, 7).

Книгопродавцы пользуются обычной уступкой.

Того-же автора:

Очеркъ исторіи Хорватскаго государства до подчиненія его Угорской коронѣ. К. 1880. ц. 75 к.

Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи. Вып. I. 1881 г. Вып. II. 1884. ц. 3 р.

Прошлое и будущее духовной взаимности Славянъ. Рѣчь. К. ц. 10 к.

Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. К. 1889. ц. 1 р. 75 к.

Вотяки. — — — К. 1890. ц. 2 р. 25 к.

Пермяки — — — К. 1891. ц. 2 р.

Мордва, — — — К. 1895. ц. 2 р.

Задачи и значеніе мѣстной этнографіи. К. 1889. ц. 25 к.

И. Н. СМИРНОВЪ.

Очеркъ

культурной исторіи

южныхъ славянъ.

ВЫПУСКЪ III.

РАЗВИТІЕ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ

Цѣна 1 р.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета
1904

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ ***А. Смирновъ.***

Пережитки язычества въ духовной жизни Балканскаго полуострова V—IX в.в. и ихъ рефлексы у современныхъ ю. славянъ. Тюркскіе элементы въ болгарской культурѣ.

Исторія духовнаго развитія южныхъ славянъ представляетъ во многихъ отношеніяхъ такой-же результатъ вліянія среды, въ которой они очутились начиная съ VI в., какъ и исторія развитія матеріальнаго и соціальнаго. Славяне вступили на почву Балканскаго полуострова въ періодъ, когда его населеніе только еще переходило отъ язычества къ христіанству. Формально христіанство утвердилось на полуострова на грани IV и V в.в., но столѣтія, которое отдѣляетъ этотъ моментъ отъ появленія первыхъ славянскихъ отрядовъ, было недостаточно для того, чтобы произвести глубокій переворотъ въ міросозерцаніи населенія. Язычники держались въ имперіи до Юстиніана; язычествующіе, несомнѣнно, пережили его и передали славянамъ свое двоевѣріе. Знаменитый процессъ противъ антіохійскихъ язычниковъ, имѣвшій мѣсто въ Византіи въ 559 г., показалъ, что сочувствіе къ язычеству крѣпко держалось въ верхнихъ слояхъ населенія. Фанатическая чернь была увѣрена — и, кажется, не безъ основанія — что судьи, назначенные Юстиніаномъ, были наравнѣ съ префектомъ, расположены къ язычеству. Розыски и аресты, произведенные послѣ этого процесса въ М. Азіи и Сиріи, показали, что въ числѣ заподозрѣнныхъ въ тайномъ язычествѣ были даже члены низшаго духовенства. За предѣлами столицы язычество было еще прочнѣе. Въ труднодоступныхъ горныхъ областяхъ Малой Азіи — въ Каріи, Лидіи, Фригіи — язычники держались значительными массами въ томъ-же VI в. Современникъ Юстиніана епископъ Іоаннъ Эфесскій обратилъ ихъ цѣлыя тысячи—между тѣмъ М. Азія раньше и полнѣе была христіа-

низирована, чѣмъ Ѳракія, Македонія и другія провинціи Балканскаго полуострова: отсюда вышла большая часть важнѣйшихъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства; здѣсь возникли первые церковные соборы, здѣсь съ величайшей страстностью обсуждались спорные вопросы христіанской догматики.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что на Б. полуостровѣ въ аналогичныхъ географическихъ условіяхъ язычество удержалось до IX в.: войска Василія Македонянина, оперируя противъ пелопонезскихъ славянъ, встрѣтили область, заселенную греками-язычниками на защищенномъ горами узенькомъ полуостровѣ Тенаросъ. Центромъ его былъ городокъ Майна, отъ котораго все населеніе области получило названіе майнотовъ [1]). Въ VI—VIII в.в. такихъ языческихъ уголковъ можно предполагать значительно больше и по весьма понятной причинѣ: въ деревню христіанство шло по слѣдамъ крупнаго землевладѣнія; но для распространенія крѣпостныхъ отношеній былъ предѣлъ—непроходимыя горныя дебри, куда могъ укрыться человѣкъ, не способный жертвовать въ пользу помѣщика своимъ трудомъ; эти же дебри были предѣломъ и для христіанства. Факты и соображенія, изложенные выше, даютъ намъ основаніе предполагать, что въ періодъ съ VI в. по IX т. е. до крещенія болгаръ, славяне Балканскаго полуострова могли имѣть соприкосновеніе съ форменными, чистыми язычниками—ѳракійцами и греками—и кое-что у нихъ заимствовать. Еще болѣе, чѣмъ язычниковъ, они нашли здѣсь, конечно, язычествующихъ. Даже фанатически-преданная христіанству масса Константинопольскаго населенія совершала предъ статуей Τυχή какіе-то суевѣрные обряды — пережитки былого языческаго культа; такимъ-же мистическимъ ореоломъ была окружена въ глазахъ населенія треглавая статуя на ипподромѣ [2]). О томъ, какія комбинаціи язычества съ христіанствомъ могла создавать жизнь за предѣлами столицы, даютъ понятіе слѣдующіе факты изъ религіозной исторіи Кипра и Африки.

Въ Каменистой Аравіи женщины-христіанки приносили Дѣвѣ Маріи въ жертву печенія, имѣющія видъ фаллоса—печенія, которыя въ языческую пору приносились Астартѣ [3]).

[1]) Schultze. Gesch. d. Unterg. d. gr.– röm. Heidenthums. I, II, 215.
[2]) ib. II, 285. Кирпичниковъ. «Чуд. статуи». ЛИОНУ IV ВО. II, 23—47.
[3]) Schultze. l. c. 355. Cp. Rösch, Astarte-Maria. TS u K. 1888, 265—269.

Съ чертами-же Астарты Дѣва Марія выступаетъ и на родинѣ культа Афродиты - Астарты—на островѣ Кипрѣ. Здѣсь въ Ларнакѣ сохранилось подземное сооруженіе—остатокъ древняго храма—къ которому до сихъ поръ пріуроченъ проникнутый древне-языческими элементами культъ Маріи - Астарты [1]). Очень вѣроятно, что подобные-же смѣшанные культы возникали всюду, гдѣ храмы языческихъ божествъ посвящались для служенія христіанскимъ святымъ (Пареенонъ и храмъ Персефоны въ Аеинахъ, храмъ Кибелы въ Кизикѣ—Дѣвѣ Маріи, храмъ Тезея въ Аеинахъ—Св. Георгію, храмъ Геликонскаго Зевса—Св. Иліи).

Мы привели самые бьющіе въ глаза показатели настроенія и міросозерцанія язычествующихъ, образцы чистаго язычества, вся связь котораго съ христіанствомъ ограничивалось тѣмъ, что Астарту послѣ крещенія называли Маріей; христіанъ подобнаго рода, конечно, имѣлъ въ виду Либаній, когда говорилъ, что они перемѣнили языкъ, а не вѣрованія.

Жизнь создавала рядъ положеній, въ которыхъ язычество сохраняло свое мѣсто въ душѣ вѣрующихъ при менѣе шокирующихъ обстоятельствахъ.

Блаженный Августинъ упрекалъ членовъ своей паствы за то, что они соблюдали по старинѣ сатурналіи — маскировались, одѣвались въ звѣриныя шкуры, надѣвали себѣ звѣриныя головы, переряживались въ женскія одежды— въ случаѣ болѣзни по старинѣ обращались къ магическимъ лекарствамъ какой-нибудь старухи-язычницы. Тѣ-же упреки обращаетъ къ антіохійцамъ Іоаннъ Златоустъ: и здѣсь съ языческой распущенностью справлялись календы, и здѣсь звали ворожеекъ, но только „христіанокъ"; и здѣсь прибѣгали къ гаданіямъ и носили амулеты — между проч. съ головой Александра Македонскаго. Какъ относились къ упрекамъ Златоуста антіохійцы, мы не знаемъ, но Августину случалось выслушивать характерныя признанія: „мы христіане для будущей жизни и язычники, чтобы пользоваться радостями настоящей". Вота, врумаліи, календы запрещались и позднѣе постановленіями труллъскаго собора.

Язычество удерживало за собой почву, насыщало исподволь всю жизнь христіанина, пользуясь направленіемъ, кото-

[1]) Schultze. l. c.

рое приняла исторія новой религіи съ первыхъ вѣковъ. Смиренная ancilla theologiae исподволь поработила у грековъ свою владычицу; оставляя въ сторонѣ этическую сторону христіанства, философы-неофиты разложили его на рядъ теоремъ, которыя открывали широкій просторъ спекуляціямъ и діалектикѣ: гностицизмъ, аріанство, несторіанство, монофизитство, монофелитство—всѣ эти продукты „теоретическаго разума" удаляли христіанство отъ практики, отъ явленій, изъ которыхъ слагалась повседневная жизнь и неофитъ толпы, предоставленный въ этой области самому себѣ, создавалъ компромиссы. Большая часть такихъ компромиссовъ сосредоточивалась около болѣзни и смерти человѣка. Языческая древность прибѣгала въ борьбѣ съ болѣзнями или къ помощи боговъ, или къ мистической силѣ слова — то въ ея непосредственномъ дѣйствіи, въ видѣ заклятій, произносимыхъ цѣлителемъ, то посредственномъ въ видѣ надписей на амулетахъ и филактеріяхъ. Въ погонѣ за средствами для предупрежденія болѣзней язычникъ—римлянинъ или грекъ—не обнаруживалъ разборчивости и бралъ все, что давала ему среда; амулеты-заклинанія еврейскія, халдейскія пользовались у него такимъ же кредитомъ, какъ и на родинѣ. Съ этими спутниками-хранителями неофитъ дѣлался членомъ христіанской церкви и не разставался съ ними во всю жизнь. Пастыри церкви говорили о ничтожествѣ подобныхъ „оберегъ", но не могли дать ничего въ замѣнъ ихъ и неофитъ самъ изобрѣталъ компромиссы: на „оберегахъ" рядомъ съ именами языческихъ боговъ появились имена Бога и изображенія святыхъ. На одномъ древнемъ заклятьи-амулетѣ на помощь больному призывается знаменіе Артемиды, знаменіе Соломона и знаменіе Божіе. Близь Бейрута была найдена золотая пластинка, на одной сторонѣ которой былъ изображенъ крестъ, а на другой написано заклятіе. На такъ называемыхъ змѣевикахъ на одной сторонѣ также встрѣчается изображеніе Богоматери, Арх. Михаила, Св. Ѳедора и Никиты [1]). О широкомъ распространеніи амулетовъ свидѣ-

---

[1]) Schultze l. c. 378. О змѣевикахъ см.

М. И. *Соколовъ*. «Апокрифическій матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками». ЖМНП. ч. CCLXIII, 339—368.

А. Н. *Веселовскій*. О Гилло. ib. 369—371.

тельствуетъ фактъ, что одинъ древне-христіанскій художникъ изобразилъ Еву съ амулетомъ-„буллой“ [1]).

Какое значеніе должны были имѣть эти изображенія святыхъ на амулетахъ съ точки зрѣнія рядового древняго христіанина, показываетъ текстъ одного греческаго филактерія: „святые божіи, не *мучьте много меня*... гдѣ пишется имя ваше и читается дѣяніе ваше... я не приближусь къ дому тому“... [2]) клянется духъ болѣзни.

Передъ лицемъ смерти неофитъ также былъ поставленъ въ необходимость считаться съ преданіями языческой старины. Въ нихъ были предосмотрѣны всѣ подробности поведенія относительно усопшихъ. Надписи говорятъ намъ, что язычникъ еще при жизни старался пріобрѣсти себѣ мѣсто для погребенія—вѣчный домъ, который долженъ былъ оставаться неприкосновеннымъ; что обитатель этого вѣчнаго жилища обращался въ полубожественное существо — героя, который пріобрѣталъ способность карать и миловать живущихъ, молить за нихъ мановъ, и живые родичи умилостивляли его въ опредѣленные дни пищей, питьемъ и цвѣтами. Археологія констатировала надъ могилами героевъ присутствіе особыхъ сооруженій, въ которыхъ приносились имъ жертвы (героонъ) [3]). Всѣ эти подробности погребальнаго ритуала воспроизводятся

М. И. *Соколовъ*. «Новый матеріалъ для объясненія амулетовъ, называемыхъ змѣевиками». ТСКМАО. I.

Г. С. *Дестунисъ*. «Разборъ спорной греческой надписи, помѣщенной на восьми памятникахъ». ИИРАО. X, 15—19.

И. И. *Толстой*. «О русскихъ амулетахъ, называемыхъ змѣевиками». ЗИРАО. т. III (н.с) 364—368.

Обстоятельныя статьи М. И. Соколова раскрываютъ связь существующую между греческими христіанскими заклятіями и восточной, халдейской магіей въ ея византійско-іудейской передѣлкѣ («Testimonium Salomonis»). Основной тезисъ, ярко-разработанный въ завѣщаніи Соломона, заключается въ томъ, что «именемъ Божьимъ» можно заставить духовъ, производящихъ болѣзни, назвать свои имена, а овладѣвши именами духовъ господствовать надъ ними и не допускать вредить людямъ. Тезисъ этотъ воспроизводится въ греческихъ апокрифическихъ мотивахъ.

[1]) Schultze. II, 379.

[2]) Соколовъ. Апокр. мат. 347—8.

[3]) Schultze. Archäologie d. altchristlichen Kunst. 13.

въ погребеніи древнихъ христіанъ. По старой привычкѣ на могилѣ ставилась плита съ надгробной надписью, которая начиналась буквами Д. М. (Dis Manibus) или Θ. К. (*Θεοῖς καταχϑονίοις* — подземнымъ богамъ). Въ этой надписи усопшій заклиналъ не тревожить его праха до грядущаго воскресенія и грозилъ проклятіемъ нарушителямъ своего покоя [1]). Оставшіеся въ живыхъ родичи предполагали въ усопшемъ способность ѣсть, пить и по удовлетвореніи этихъ потребностей предстательствовать за нихъ предъ Богомъ [2]). Проникнутые этой увѣренностью, они влагали въ уста умершему причастіе, „умилостивляли тѣни усопшихъ виномъ и кушаньями" и просили ихъ о предстательствѣ [3]).

Всѣ эти элементы общаго культа усопшихъ вошли въ содержаніе культа мучениковъ и, святыхъ—„божественныхъ людей" (*ϑεῖοι ἄνϑρωποι*), которые заняли мѣсто былыхъ героевъ и боговъ. [4])

Блаженный Августинъ говоритъ относительно своей матери, что она, по африканскому обычаю, приносила на алтарь мучениковъ жертвенное пиво, хлѣбъ и вино [5]). Такой же чувственный языческій характеръ имѣлъ культъ мучениковъ въ М. Азіи.

Въ тѣснѣйшей связи съ культомъ усопшихъ стоитъ культъ святыхъ, принявшій въ себя и существенные элементы культа боговъ.

Христіанство отвергло боговъ и геніевъ управлявшихъ явленіями природы и жизни человѣка и создало пустоту между человѣкомъ и единымъ великимъ Богомъ. Теоретически новое ученіе могла понять и толпа, но въ повседневныхъ проявленіяхъ своей жизни и дѣятельности неофитъ толпы не могъ освободиться отъ предписаній, опутывавшихъ кругомъ его волю, но за то наполнявшихъ его бодрой вѣрой въ зав-

---

[1]) Schultze. G. d. Unt. II, 348. Ср. Müntz. «Anatheme u. Verwünschungen auf altchristlichen Monumenten АРNА к. XIV, h. 2.

[2]) Schultze. l. c. 348—350. Ср. C. I. L. August. De moribus eccl. cath. «Novi multos, qui luxuriosissime super mortuos bibant et epulas cedaveribus exhibentes super sepultos se ipsos sepeliunt». c. 34. Ср. 351. Прим. 2. Постановленіе Тур. собора.

[3]) «Petas pro sorore tua». «Petas pro parentes tuos».

[4]) Schultze. l. c. 350.

[5]) Schultze. l. c. 351.

трашній день: надъ его личной жизнью бдѣлъ геній-хранитель; какъ членъ общества онъ стоялъ подъ покровительствомъ генія или божества ассоціаціи, города, страны; успѣхъ того или другого его начинанія опредѣлялся благорасположеніемъ соотвѣтствующаго божества. Порвать разомъ со всѣмъ этимъ надземнымъ міромъ, сдѣлаться отвѣтственнымъ творцемъ своей жизни было, конечно, выше силъ неофита и онъ еще разъ прибѣгалъ къ компромиссу. Мы уже видѣли, что въ Каменистой Аравіи и на Кипрѣ Астарта только смѣнила имя. Это явленіе наблюдается въ разсматриваемую эпоху во всемъ христіанскомъ мірѣ. На одномъ изъ древне-христіанскихъ египетскихъ рельефовъ св. Георгій изображенъ въ видѣ Гора [1]). Святые съ спеціальными функціями—цѣлители, покровители пастуховъ, торговцевъ—являются на востокѣ и на западѣ. Около реликвій рождаются легенды, въ которыхъ святые производятъ то, что дѣлали когда-то для человѣка боги—исцѣляютъ отъ болѣзней, спасаютъ отъ опастностей, являются покровителями ассоціацій, селеній, городовъ, странъ [2]).

Формы культа свидѣтельствуютъ также о совершавшемся сближеніи боговъ и святыхъ. Въ храмахъ святыхъ цѣлителей появляются тѣ-же приношенія излечившихся при ихъ помощи больныхъ, что и въ храмахъ языческихъ боговъ—изображенія рукъ, ногъ, глазъ [3]).

Тѣ общія черты, которыми характеризуется міровоззрѣніе язычествующихъ въ имперіи, мы имѣемъ основаніе предполагать и у до-славянскихъ насельниковъ Балканскаго полуострова. Считаться съ ними мы должны, такъ какъ онѣ представляютъ собою идейную среду, въ предѣлахъ которой оказываются понятными и возможными драгоцѣнные пережитки до-славянской религіозной старины, сохраненные славянами до нашихъ дней. Историки византійской культуры оцѣнили уже значеніе, которое для ихъ цѣлей имѣетъ духовное достояніе славянства: въ произведеніяхъ народнаго творчества они нашли тэмы, которыя прошли чрезъ Византію, но не сохранились у новѣйшихъ грековъ, въ письменности—переводы и переработки произведеній, греческіе оригиналы которыхъ неизвѣстны. Съ

[1]) Schultze. Archeol. etc. 320. Clermont-Ganneau. «Gorus et S. Georges». RA. XXXII, 196.

[2]) Schultze. ib. 355.

[3]) ib. 361. Ср. Жебелевъ. «Рел. врачеваніе». ЗРАО (н.с.) VI, 398.

расширеніемъ фольклористическихъ изученій то-же значеніе долженъ пріобрѣсти и юго-славянскій фольклоръ: въ обрядахъ и празднествахъ современныхъ южныхъ славянъ византинистъ встрѣтитъ элементы, которые входили когда-то въ содержаніе религіозной жизни язычествующихъ христіанъ Ѳракіи и Македоніи, такъ мало извѣстной документально.

Мы знаемъ уже, изъ какихъ элементовъ слагалось религіозное міросозерцаніе ѳрако-иллирійца. Его основу составлялъ національный оргіазмъ. Зимнія и весеннія діонисіи, мартовскія празднества въ честь Кибелы и іюньскія бендидіи-коттитіи являются древнѣйшими элементами культа. Съ греческой колонизаціей здѣсь водворился культъ боговъ, героевъ и нимфъ Эллады. Римское завоеваніе внесло новые элементы: къ осеннимъ діонисіямъ примкнули сатурналіи и календы, къ весеннимъ — поминальныя розаліи; митраисты прибавили къ весеннимъ праздникамъ праздники въ честь Митры 11 марта и 24 апрѣля (Leontica).

Съ характеромъ празднествъ, совершавшихся въ честь Діониса и Кибелы мы имѣли уже случай познакомиться. Въ виду объясненія послѣдующихъ явленій существенно важно отмѣтить кое-какія опущенныя ранѣе черты.

Въ праздникѣ въ честь Кибелы, Матери боговъ, Великой Матери, главную роль, какъ мы видѣли, играютъ корибанты. Мы видѣли ихъ въ роли жрецовъ. Но корибанты не только жрецы, но и врачи. Кибела, наказывая безуміемъ людей, которые ее не почитаютъ, давала карибантамъ искусство исцѣлять или предупреждать это безуміе, а попутно и другія болѣзни. Свои врачебныя способности (*δύναμις φρουριτική*) корибанты примѣняли во время кругового танца вокругъ больного. Изступленный танецъ приводилъ ихъ и сидящаго въ ихъ кругу больного въ нервно-возбужденное состояніе (*κορυβαντιασμός*), которое разрѣшалось, въ отдѣльныхъ случаяхъ исцѣленіемъ [3]).

Остатокъ древнихъ весеннихъ діонисій, которыя пережили смѣну народностей, слѣдуетъ видѣть въ весеннемъ дѣвичьемъ праздникѣ болгаръ—„Гора“. Въ мясное заговѣнье, въ среду и пятницу сырной недѣли дѣвушки собираются

---

[3]) Roscher. Lex. d. Myth. 1615—16.

рано *„въ темна зора“* на мѣстѣ свалки навоза „на гора“. Пѣснями, которыя при этомъ поются, *лѣсъ призывается развиваться и зеленѣть. Сначала* поютъ *печальныя*, протяжныя пѣсни, потомъ хоровыя—*плясовыя* болѣе веселаго характера. Время, когда дѣвушки собираются „на гора“, характеризуется особенно *возбужденнымъ* настроеніемъ населенія, расположеніемъ къ играмъ. Старые и молодые навѣщаютъ сборища и увлекаются играми. Молодежь съ такой страстью отдается играмъ, что по *движеніямъ и гримасамъ* ихъ можно счесть за *сумасшедшихъ* [1]). Въ бытовой картинѣ, которую набрасываетъ намъ болгаринъ, на лицо всѣ элементы древняго оргіазма діонисій: мы видимъ здѣсь ту же связь съ оживленіемъ растительнаго міра, ту-же смѣну настроеній въ пѣсняхъ, то-же мѣсто совершенія обряда, то-же изступленіе участвующихъ.

Остатки слившагося съ діонисіями древняго культа Кибелы-Земелы сохранились въ болгарскихъ „русаліяхъ“.

Въ Македоніи въ „поганые“ святочные дни отъ села къ селу ходятъ дружины „русаліевъ“ съ русальскими играми. Русалійская дружина состоитъ изъ 10—30 паръ парней. Всѣ они одѣты въ бѣлые фустаны съ перекрещенными на груди алыми платками и вооружены *мечами*. Отправляясь на игры, участники прощаются съ домашними, какъ передъ выступленіемъ на войну. Никто изъ играющихъ не имѣетъ права ни креститься, ни молиться, ни обращаться къ кому нибудь съ благопожеланіями. Эти какъ бы отрекшіеся отъ Христа дружинники странствуютъ въ качествѣ врачей. Больные могутъ въ надеждѣ на исцѣленіе проникать въ хоро и стоять тамъ, пока продолжается *пляска*. По окончаніи танца русаліи скрещиваютъ на лбу больного свои мечи и врачебная операція оканчивается. Каждое утро начальникъ дружины дѣлаетъ осмотръ и всѣ русаліи, восклицая вмѣстѣ съ нимъ „Эхеé!“ двигаются въ путь подъ звуки музыки. Если на пути дружинѣ встрѣчается перекрестокъ, колодезь, сухое дерево, старое кладбище или церковь, русаліи трижды обходятъ в о к р у г ъ ихъ съ п л я с к о й; въ заключеніе каждая пара скрещиваетъ свои мечи, втыкая ихъ въ землю, восклицаетъ „Эхее!“ и идетъ дальше.

---

[1]) СбМ. XIII, 246.

Командиръ дружины посылаетъ впередъ развѣдчиковъ узнать, нѣтъ ли на пути другой дружины, чтобы разминуться; если дружины нечаянно сходятся, между ними возникаетъ борьба и въ результатѣ на мѣстѣ столкновенія остаются жертвы, которыя тутъ-же погребаются. Такъ возникли русалійскія могилы, раскиданныя въ разныхъ мѣстахъ Македоніи. Въ Крещенье надъ каждымъ русаліемъ читается молитва; иначе онъ сходитъ съ ума.

Русалійскія дружины, какъ и „Гора“, переносятъ насъ въ далекое прошлое, когда по долинамъ Македоніи расхаживали дружины корибантовъ. Русаліи нашего времени—тѣ-же корибанты, только оторванные отъ своей почвы. Они охвачены, какъ корибанты, особымъ нервнымъ возбужденіемъ, сходятъ съ ума, если надъ ними не будетъ прочитана молитва; ихъ круговые танцы имѣютъ такую же магическую силу, какъ и танцы корибантовъ; какъ жрицы Діониса нѣкогда вступали въ борьбу съ встрѣчными, заставляя ихъ поклониться своему божеству и убивая упорныхъ, такъ и русаліи считаютъ себя обязанными вступать въ борьбу съ встрѣчной дружиной. Наслѣдство далекой старины сохранилось, несомнѣнно, въ томъ, чисто языческомъ взглядѣ на церковь, въ силу котораго русаліи обходятъ ее наравнѣ съ перекрестками и другими мѣстами дѣйствія злыхъ силъ.

Новыя черты, сближающія русаліевъ съ корибантами, даютъ обряды, которые имѣютъ мѣсто въ З. Болгаріи во время весеннихъ русалій.

Наслѣдниками корибантовъ-цѣлителей являются здѣсь ассоціаціи русаліевъ или калушаровъ, которые примѣняютъ свое врачебное искусство на русальской недѣлѣ. Въ настоящее время эти ассоціаціи дѣйствуютъ только въ влашскихъ (румынскихъ) селеніяхъ сѣверной Болгаріи, но двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ ихъ операціи распространялись и на болгарскія селенія. Во главѣ ассоціаціи стоитъ ватафинъ—лицо отъ рожденія обладающее сверхъестественными знаніями и силами: онъ знаетъ таинственную цѣлебную силу растеній, располагаетъ заклинаніями, которымъ подчиняются вилы и самодивы. Ватафинъ избираетъ себѣ помощниковъ, обучаетъ ихъ и назначаетъ лицо, которое должно принять въ себя въ томъ или въ другомъ случаѣ болѣзнь, изгнанную изъ паціента. Избранные калушары подчиняются ему безусловно, какъ существу, которое находится въ непосредственномъ общеніи съ духами.

Какъ знакъ своего достоинства, калушаръ получаетъ изъ рукъ ватафина магическую имъ самимъ приготовленную трость съ погремушками. Калушаръ принимаетъ ее стоя на колѣняхъ и произнося страшную клятву. По окончаніи русальской недѣли всѣ трости возвращаются ватафину и онъ ихъ бросаетъ въ рѣку или закапываетъ въ землю. Ватафинъ, какъ вождь русальской дружины, носитъ ея знамя (байракъ), въ которому ни одинъ калушаръ не смѣетъ прикоснуться. Непремѣнными спутниками ватафина и калушаровъ являются музыканты (свирци), которыя наигрываютъ спеціальныя русальскія или самодивскія мелодіи (*флоричика*).

Послѣ сформированія русальской дружины ватафинъ приступаетъ къ своимъ врачебнымъ операціямъ. Больные предварительно изслѣдуются: ватафинъ опредѣляетъ, русальской-ли (самодивской) болѣзнью страдаетъ тотъ или другой иза нихъ. Русаліи лечатъ только тѣхъ, кто страдаетъ болѣзнями перваго рода. Больнаго на новомъ войлокѣ кладутъ около котла съ чистой водой, въ которую пущены цѣлебныя травы. Около него становится *въ кругъ* калушары и начинаютъ свой танецъ—то ускоряя, то замедляя темпъ. Заканчивая „игру“, калушары перепрыгиваютъ черезъ больного три раза. За танцемъ около больного слѣдуетъ болѣе живой танецъ около котла; ватафинъ стоитъ въ сторонѣ и осѣняетъ каждаго изъ кружащихся калушаровъ своимъ знаменемъ. Когда по разсчетамъ ватафина вода получила уже достаточную чародѣйскую силу, начинается послѣдній танецъ подъ звуки русальской *флоричики*: калушары приходятъ въ *изступленіе*, ватафинъ подаетъ знакъ старшему калушару, этотъ опрокидываетъ своей палкой котелъ съ водой; больной вскакиваетъ и бѣжитъ, а вмѣсто него падаетъ въ безсознательное состояніе одинъ изъ калушаровъ, на котораго перешла болѣзнь. Около упавшаго калушара начинается новый танецъ, чрезъ больного перескакиваютъ, его подбрасываютъ на воздухъ, растираютъ, пока онъ не придетъ въ сознаніе[1]).

Калушаровъ сближаетъ съ корибантами прежде всего спеспеціальность—излеченіе „безумія“, насылаемаго самодивами—затѣмъ названіе чудодѣйственной мелодіи—*флоричика*, кото-

[1]) Мариновъ. «Жива Старина» I; ср. Бассановичъ l. c. V, 87.

рое слишкомъ близко къ древнему *φρουριτική*, чтобы быть случайнымъ.

Остатки обрядности, соединенной съ культомъ Діониса, выступаютъ разрозненно въ масляничныхъ обычаяхъ отдѣльныхъ болгарскихъ племенъ. Мрваки ночью на сырной недѣлѣ совершаютъ круговое хожденіе около сосны, зажигаютъ ее и поютъ какія-то пѣсни. Какое значеніе имѣла сосна въ культѣ Діониса и Кибелы, мы уже видѣли [1]); сожженіе ея на мѣстѣ представляетъ собою мотивъ, не входящій въ составъ извѣстной до сихъ поръ обрядности культовъ Діониса и Кибелы, но этотъ мотивъ можетъ разматриваться, какъ позднѣйшее видоизмѣненіе обряда, хотя нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что онъ противорѣчитъ сущности культа: припомнимъ, что Діонисъ назывался по мѣстамъ „огнерожденнымъ" [2]).

Въ М. Тырновѣ въ понедѣльникъ на масляной (Кукеровъ день) по улицамъ разгуливаютъ ряженые: кукеръ—одѣтый въ *козью* шкуру руномъ вверхъ и его свита—молодые люди, одѣтые въ женскія одежды, дѣвушки въ мужскія и медвѣди съ поводильщиками. Игры кукеровъ и сопровождающія ихъ пѣсни имѣютъ настолько циничный, эротическій характеръ, что корреспондентъ „Сборника" не рѣшился ихъ воспроизвести [3]).—Сохранились пережитки и болѣе поздней поры.

Въ Адріанопольской вилайетѣ есть группа болгарскихъ и греко-болгарскихъ селъ, объединенная остатками какого-то стариннаго культа—оргіастическаго по своему типу.

Въ селахъ этихъ имѣется извѣстное количество людей обоего пола, которые обладаютъ наслѣдственной способностью въ маѣ—мѣсяцѣ, когда чествуется равноапостольный Константинъ—приходить въ возбужденное состояніе и пророчествовать на угляхъ прогорѣвшаго костра. Люди эти называются *нистинари* и считаются „одержимыми Константиномъ" въ видѣ награды за свою праведность. Они предсказываютъ будущее отдѣльнымъ лицамъ и цѣлымъ селеніямъ.

Дѣятельность ихъ проявляется главнымъ образомъ 21 мая, въ день празднованія Константина и Елены.

---

[1]) Стр. 18—19.

[2]) ib.

[3]) Сбм. IV, 273—274.

Раннимъ утромъ въ этотъ день населеніе нистинарскихъ селъ отъ мала до велика съ припасами разнаго рода и украшенной цвѣтами иконой Константина подъ звуки гайдъ и барабановъ—одинъ изъ которыхъ называется святымъ барабаномъ, такъ какъ цѣлый годъ стоитъ въ церкви—отправляются въ лѣсъ къ священному источнику (аязма); священникъ святитъ воду. Въ актѣ освященія принимаютъ, видимо, какое-то существенное участіе нистинари: г. Руссевъ, сообщающій объ этомъ обычаѣ въ „Сборникѣ" говоритъ, что 1 мая нистинари собираются къ главному нистинару, чтобы получить отъ него *позволеніе и наставленіе относительно очищенія священныхъ источниковъ*; но въ чемъ выражается очистительная дѣятельность нистинарей 21 мая, онъ къ сожалѣнію не разъясняетъ. Ясно во всякомъ случаѣ изъ этого сообщенія одно, что священникъ въ празднествѣ играетъ второстепенную роль: *позволеніе* очищать источники исходитъ отъ главнаго нистинара.

Освященную воду пьютъ; ей же кропятъ другъ друга; у источника закалается и съѣдается жертва и около полудня всѣ празднующіе возвращаются въ село.

Здѣсь къ этому времени успѣваетъ прогорѣть зажженный еще съ утра огромный костеръ (изъ 30—50—100 вововъ дровъ). Приставленные къ нему люди разгребаютъ уголья и головни и образуютъ изъ нихъ кругъ, который имѣетъ видъ расчищеннаго круглаго тока съ наложеннымъ на немъ хлѣбомъ для молотьбы. Окружность тока обильно поливается водой. Населеніе образуетъ около костра хоро; раздаются звуки спеціальной нистинарской мелодіи (нистинарска свирня), которая производитъ на предрасположенныхъ къ экстазу людей возбуждающее дѣйствіе: охваченный „константиновскимъ вдохновеніемъ" нистинарь останавливаетъ хоро и посинѣлый, трепещущій какъ листъ, съ помутнѣвшими блуждающими глазами хватаетъ икону Константина, бросается съ ней босый на угли и начинаетъ подъ звуки музыки дикую пляску. Почувствовавши среди этой пляски приливъ пророческаго вдохновенія, онъ даетъ знакъ, чтобы музыка прекратилась и начинаетъ прорицать.

Скачка и прорицаніе продолжается, пока нистинарь не придетъ въ нормальное состояніе. Тогда онъ выходитъ изъ огня и намазывается грязью, которая образуется около костра. За нимъ на кострѣ появляется другой, третій.

жающее его пространство и открыли сводчатое сооруженіе съ цистерной въ видѣ маленькой пещеры: на передней части свода оказалась греческая надпись, свидѣтельствующая, что цистерна и полукруглый храмъ около нея были устроены еще въ дославянскую пору и посвящены нимфамъ и Афродитѣ [1]). Религіозное уваженіе современныхъ болгаръ къ касноковскому источнику такимъ образомъ является наслѣдствомъ отъ полуроманизированныхъ ѳракійцевъ Флавія Бюрейны Бейтюкента съ женой. Храмоздатели не послѣдніе, конечно, прибѣгали къ цѣлебной силѣ источника. Къ нему шли за помощью и ихъ потомки въ пору, когда въ окрестностяхъ появились славяне, и въ пору болѣе отдаленную, когда они уже ассимилировались съ славянами.

Интересное и недостаточно еще выясненное по своему вліянію на народную мысль наслѣдство античнаго міра въ современномъ духовномъ достояніи ю. славянина составляютъ произведенія языческаго искусства, которыя онъ принимаетъ за изображенія святыхъ.

По близости Палеокастро въ алтарѣ монастырской церкви св. Георгія помѣщена древняя мраморная плитка съ изображеніемъ ѳракійскаго всадника, которая считается образомъ патрона церкви. Аналогичный фактъ имѣетъ мѣсто въ иконостасѣ церкви св. Георгія въ Ямболѣ. Въ с. Мусабегѣ бр. Шкорпиловы нашли такую плитку въ домѣ крестьянина на мѣстѣ иконы и передъ ней лампадку. Въ селѣ Еллидере плитка съ изображеніемъ ѳракійскаго всадника помѣщена въ церкви, въ Бѣласницѣ около Филиппополя—въ монастырѣ св. Георгія, въ самомъ Филиппополѣ—въ армянской церкви. Въ Далмаціи изображеніе Пана съ пастушьимъ посохомъ и барашкомъ, не смотря на характерныя козлиныя ноги, не затруднились признать образомъ Іоанна Крестителя и вдѣлать въ стѣну храма. Изображеніе Артемиды фигурировало въ качествѣ образа св. Пераскевы у болгаръ въ Вълчедръмѣ [2]).

---

[1]) Добруски. «Материали по археологията на България». Сбм. XVI—XVII, 145.

[2]) О рельефахъ ѳракійскаго всадника, принимаемыхъ за изображеніе Георгія см. Шкорпилови. «Черноморско крайбрѣжие etc.» СбМ. IV, 109. «Надписи и изображення на конника etc.» ib. VIII; Добруски «Ма-

Нѣкоторыя изъ этихъ сближеній, кажется, относятся къ до-славянской порѣ и заимствованы славянами у туземцевъ. Въ Румеліи храмы св. Георгія встрѣчаются главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились рельефы съ изображеніемъ ѳракійскаго всадника и гдѣ позднѣе были обнаружены слѣды языческихъ храмовъ, содержавшихъ въ себѣ эти рельефы.

Загадочный „ѳракійскій всадникъ"—cavalier de Thrace—доставилъ не мало хлопотъ археологамъ. Рельефы съ его изображеніемъ въ наибольшемъ количествѣ и прежде всего были найдены на территоріи древней Ѳракіи, позднѣе и въ меньшемъ обиліи въ Сербіи, Боснѣ, Далмаціи, Македоніи. Всадникъ на всѣхъ почти рельефахъ представленъ съ аттрибутами охотника: замахнувшись копьемъ, въ сопровожденіи собаки, онъ скачетъ за какимъ нибудь дикимъ животнымъ—кабаномъ, серной, львомъ. Иногда на рельефахъ встрѣчаются еще алтарикъ, женщина, змѣя.

Въ пользу предположенія, что рельефы представляютъ изображеніе божества, говоритъ то, что ихъ находили по нѣскольку штукъ въ одномъ мѣстѣ — святилищѣ божества.

Roscher на основаніи нѣкоторыхъ надписей считаетъ всадника изображеніемъ Аполлона и съ оговоркой „ѳракійскаго" и это толкованіе слѣдуетъ признать правильнымъ.

Изображенія Аполлона—cavalier de Thrace—Митры—св. Георгія, конечно, не совпадаютъ въ подробностяхъ. Факты показываютъ однако, что массы не останавливаются передъ различіемъ въ деталяхъ. Современнымъ болгарамъ хорошо, конечно, извѣстенъ иконографическій типъ св. Георгія и это не мѣшаетъ имъ признавать древніе рельефы съ изображеніемъ „ѳракійскаго всадника" за изображеніе Георгія.

Населеніе, отождествившее Георгія съ ѳракійскимъ всадникомъ по внѣшности, перенесло, конечно, на святого и тѣ черты, которыми въ народномъ сознаніи характеризовалось божество, изображенное въ видѣ всадника. На Георгія насель-

---

теріяли по археологията на България» ib. XI, XVI—XVII. Объ Артемидѣ ib. XVI—XVII, 31; о Панѣ AEMOU. XIX.

ники полуострова, еще до славянъ должны были перенести функціи ѳракійскаго Аполлона.

Роль, въ которой выступаетъ св. Георгій въ югославянской народной поэзіи и культѣ, точно соотвѣтствуетъ его предполагаемой генеалогіи.

Въ тѣсной связи съ дѣятельностью Георгія стоитъ весеннее солнце.

Ой Илія, святой Илія!

взываетъ Богъ въ одной болгарской народной пѣснѣ

Выдь ты на высоту
И заиграй въ мѣдную дудку,
Пусть соберутся всѣ святые.
Я спрошу ихъ и вызнаю,
Кто сотворилъ эту радость,
Что стало грѣть лѣтнее солнце.
Вышелъ Илія
И заигралъ въ мѣдный кавалъ.
Появился святой Дмитрій,
За нимъ слѣдомъ темная туча.
Появился святый Никола
— Съ темной тучей за нимъ бѣлые снѣга,
Появился святой Георгій
Съ темными облаками, благотворной росой,

. . .

Прости мнѣ, Боже, это я сдѣлалъ,
Что начало грѣть лѣтнее солнце [1]).

Вступить въ родство съ солнечнымъ божествомъ на полуостровѣ Георгій могъ тѣмъ легче, что онъ явился сюда уже изъ М. Азіи съ чертами солнечнаго же божества—Митры.

Оріенталистъ Гутшмитъ почти сорокъ лѣтъ тому назадъ предложилъ гипотезу, по которой Георгій смѣнилъ извѣстнаго уже намъ Митру и смѣнилъ еще на своей родинѣ—въ Каппадокіи.

Каппадокія—эранизованная семитическая земля. Здѣсь въ качествѣ одного изъ остатковъ эранизма служилъ и культъ Митры.

Въ пользу своего предположенія Гутшмидъ приводитъ прежде всего черты внѣшняго сходства. Форма, подъ которой представляли Митру поклонники на римскихъ памятникахъ,

---

[1]) СбМ. VIII, 133.

напоминаетъ (?) традиціонное изображеніе св. Георгія. Онъ изображается всадникомъ—юношей съ мечемъ въ рукѣ, иногда съ нимбомъ около головы.

Какъ богъ свѣта, онъ воюетъ съ драконами, въ которыхъ вопрощается злое начало. Эта функція Митры перешла въ Каппадокіи на св. Георгія.

Съ Митрой соединяютъ св. Георгія и черты его характера и дѣятельности—воинственность, *покровительство стадамъ, забота о плодоносныхъ деревьяхъ* и *засѣянныхъ поляхъ.* Его имя „воздѣлыватель земли" совпадаетъ съ эпитетомъ, которымъ обозначался Митра—„располагающій нивами, господинъ деревни".

Внѣшнимъ основаніемъ для сліянія языческаго божества и христіанскаго героя могло быть то, что память о св. Георгіѣ (24 апрѣля) приходилась какъ разъ на день, когда митраисты праздновали свои Leontica [1]).

Подобно Митрѣ и Апполону, Георгій выступаетъ покровителемъ растительности и стадъ.

Вышелъ святой Георгій
Прогуляться по широкому полю.
Едва увидало его жито,
Все ему поклонилось.
Пошелъ онъ въ зеленый лѣсъ.
Едва увидали его деревья,
Всѣ ему поклонились.

Вмѣстѣ съ солнечнымъ тепломъ, необходимымъ для растительности, Георгій является творцомъ и подателемъ дождя. Овчары приносятъ ему жертвы,

Чтобы онъ покрылъ имъ землю травой,
Чтобы онъ покрылъ имъ лѣсъ листьями.

Святой Георгій вынимаетъ ключъ, отпираетъ небо и землю и покрылъ землю травой.

Пропала (?) темная туча
Пролился благодатный дождь
И поднялась добрая трава.

---

[1]) По вопросу о культѣ св. Георгія у славянъ см.

Кирпичниковъ. Св. Георгій и Егорій Храбрый. Спб. 1879.

А. Н. Веселовскій. Разысканія. II. Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ. СРО. XXI.

S. Novaković. Legenda o sv. Gjurgiu. Starine. XII, 129—165.

Въ день своего праздника онъ начинаетъ обходъ земли и провѣряетъ состояніе стадъ.

Послѣ осложненнаго классическими и восточными мотивами духовнаго достоянія ѳрако-иллирійцевъ на развитіи духовной жизни южныхъ славянъ должно было сказаться вѣковое соприкосновеніе съ урало-алтайскимъ, туранскимъ міромъ и притомъ въ разные моменты, на разныхъ ступеняхъ его развитія.

Сильнѣе и продолжительнѣе всего это вліяніе должно было сказаться на славянахъ Мизіи и Ѳракіи (*болгарахъ*).

Соприкосновеніе славянъ съ урало-алтайскими племенами начинается еще въ періодъ нераздѣльной жизни славянскихъ племенъ и продолжается послѣ раздѣленія. Вмѣстѣ съ германцами славяне подчиняются временно власти гунновъ, въ V в. приходитъ въ первое соприкосновеніе съ болгарами, въ VI съ аварами (всѣ южныя славянскія племена и часть западныхъ), въ VII—IX вв. продолжается уже на С.В. только вліяніе болгаръ, въ X сѣверо-западная вѣтвь, славяне паннонскіе, подчиняются политически мадьярамъ, въ XII—XIV среди мизійскихъ и ѳракійскихъ славянъ поселяются цѣлыми десятками тысячъ печенѣги, половцы и наконецъ турки—сначала какъ служилые люди имперіи (вардаріоты), потомъ какъ завоеватели. Одна продолжительность сожительства южныхъ славянъ съ урало-алтайскими племенами вызываетъ уже предположеніе о возможности значительнаго обмѣна культурными элементами между двумя этими мірами. Положительнымъ образомъ свидѣтельствуютъ объ этомъ обмѣнѣ тюркскія слова заимствованныя въ южно-славянскихъ нарѣчіяхъ и славянскія въ урало-алтайскихъ—мадьярскомъ, турецкомъ[1]). Заимствованіе словъ однимъ живымъ народомъ у другого не могло, конечно, происходить безъ параллельныхъ заимствованій въ области идей. Степень вліянія урало-алтайскаго міра на южнымъ славянъ опредѣлится точно только послѣ ряда детальныхъ срав-

[1]) Krek. Einleitung. 261. Miklošič. Die slav. Elem. im Magyar. DS. XXI. Munoacsi B. Die Anfänge d. ung.—slav. ethn. Berührungen. 2. DL. jahrg. 249—259, 329—340, 409—421. Miklosič. Die türk. Elem. in d. S.—ost u O. europ. Spr. DS. XXXIV, XXXV. 1.

нительныхъ работъ надъ продуктами духовнаго творчества обѣихъ этническихъ группъ. Работы въ этомъ направленіи только начинаются и въ нашихъ бѣглыхъ замѣткахъ не можетъ быть рѣчи о подробностяхъ, въ которыхъ находитъ свое выраженіе занимающій насъ процессъ. Мы позволяемъ себѣ въ интересахъ полноты картины лишь нѣсколько общихъ замѣчаній.

Не ожидая разработки подробностей, можно намѣтить направленія, въ которыхъ особенно сильно сказалось вліяніе урало-алтайскаго міра на славянскій. Яснѣе всего обрисовывается предъ нами его отрицательное значеніе. Урало-алтайскія племена имѣли огромное вліяніе на отношенія славянъ къ родственнымъ племенамъ. Проникнувъ въ степи южной и юго-восточной Россіи, тюркская вѣтвь этихъ племенъ разорвала живую связь славянскихъ племенъ съ иранскими и отбросила иранцевъ къ горамъ Кавказа (осетины), а славянъ къ предгоріямъ Карпатовъ; въ X в. по Р. Х. процессъ идетъ далѣе: мадьяры врѣзываются клиномъ между западными и южными славянами и прекращаютъ общеніе между ними на почвѣ матеріальной и духовной. Съ XIV в. въ той же изолирующей роли выступаютъ турки: покоренный ими Балканскій полуостровъ обращается въ стеклянный колпакъ, подъ которымъ на протяженіи вѣковъ совершается прозябаніе южнославянскаго міра.

Для оцѣнки положительнаго вліянія урало-алтайскаго міра на южныхъ славянъ слѣдуетъ принять во вниманіе общія условія его развитія. Культура тюркскихъ племенъ, въ соприкосновеніе съ которыми приходили славяне, не представляетъ собою чего нибудь однороднаго. Въ особенности это приходится имѣть въ виду относительно турокъ. Турки вступили на Балканскій полуостровъ совершивши продолжительный и длинный обходъ по передней Азіи, гдѣ они къ заимствованіямъ сдѣланнымъ у иранцевъ еще на своей туранской родинѣ присоединили заимствованія изъ синкретической культуры арабовъ, въ которую вошли иранскіе, семитическіе и эллинистическіе элементы. Мы увидимъ въ соотвѣтствующихъ спеціальныхъ отдѣлахъ, изъ какихъ первоисточниковъ идутъ славянскія заимствованія, сдѣланныя при посредствѣ турокъ. Болѣе однородной, хотя также не цѣльной, можетъ считаться культура тѣхъ племенъ, которыя подвигались на Б. полуостровъ съ С.В., изъ степей Россіи. Въ большей или меньшей степени

и здѣсь можно констатировать примѣсь иранскихъ элементовъ, проникшихъ въ міровоззрѣніе всѣхъ отраслей урало-алтайскаго міра, и, можетъ быть, буддійскихъ. Только за вычетомъ этихъ посторонних наслоеній культуру вышедшихъ изъ Россіи тюркскихъ племенъ можно разсматривать какъ итогъ духовной работы урало-алтайской семьи.

Наиболѣе существеннымъ результатомъ соприкосновенія славянъ съ тюрскимъ міромъ является переносъ на славянскую почву элементовъ иранской культуры, заимствованныхъ тюрками. Достаточно назвать дуалистическія космологическія идеи, получившіе такое широкое распространеніе у болгаръ и сербовъ, затѣмъ злотворныхъ существъ, фигурирующихъ въ юго-славянской демонологіи: джиновъ, дивовъ, змѣя Аджаху.

Значеніе Аджахи въ иранской космогоніи извѣстно. Для выясненія вопроса о времени, когда къ славянамъ Болгаріи перешелъ этотъ образъ, слѣдуетъ отмѣтить, что Аджаха фигурируетъ до сихъ поръ въ повѣрьяхъ вотяковъ, которые жили бокъ о бокъ съ тюрками-болгарами, отдѣленные отъ нихъ лишь р. Камой. Можно предполагать, стало быть, что Аджаху принесли къ славянамъ не турки, а болгары или авары.

На западѣ и с.-западѣ юго-славянскаго міра—въ Далмаціи и Крайнѣ—мы должны считаться еще съ вліяніями романскимъ и германскимъ: въ демонологіи далматинцевъ фигурируютъ существа, невѣдомыя другимъ ю.-славянамъ—Орко и Орсо-Марино, въ демонологіи словинцевъ заимствованія изъ демонологіи нѣмецкой (Strugla, Perte); но эти вліянія, какъ ограниченныя небольшой площадью, не могутъ имѣть широкаго общаго значенія и мы не будемъ входить относительно ихъ въ подробности. Перейдемъ къ тѣмъ славянскимъ идеямъ, которыя вошли въ соприкосновеніе съ наслѣдствомъ античнаго міра.

Элементы языческаго міросозерцанія ю. славянъ.

О томъ духовномъ достояніи, съ которымъ славяне выступаютъ на исторической аренѣ въ качествѣ самостоятельнаго дѣятеля, даетъ намъ понятіе языкъ — общіе большей или меньшей части членовъ арійской семьи термины, которыми обозначались различныя явленія въ природѣ, окружавшей арійца, и въ его собственной жизни. Но эти общія слова—только незначительная, хотя и наиболѣе уловимая, часть наслѣдства, доставшагося на долю славянъ. Передъ нами итогъ одной изъ работъ арійской мысли надъ познаніемъ міра и человѣка — работы первоначальной классификаціи впечатлѣній, воспринимавшихся длиннымъ рядомъ арійскихъ поколѣній. Мы имѣемъ передъ собой термины, которыми обозначаются предметы окружающаго міра, ихъ свойства, отношенія и состоянія. Рядомъ съ этими терминами въ міросозерцаніе первобытнаго арійца, въ его космологію и антропологію, входилъ рядъ *идей,* въ которыхъ выражались его представленія объ отношеніи словъ - символовъ къ обозначаемымъ ими предметамъ, о сущности явленій окружающаго міра, объ отношеніи свойствъ и состояній къ предметамъ, о генетическихъ, причинныхъ отношеніяхъ между явленіями. Реставрировать эту сферу первобытной аріо - славянской философіи составляетъ задачу культурной исторіи и мы можемъ разрѣшить ее съ извѣстной вѣроятностью на основаніи обломковъ, уцѣлѣвшихъ въ міровоззрѣніи современныхъ народныхъ массъ.

Отдаленная эпоха, когда языкъ только начиналъ еще слагаться, когда человѣкъ еще испытывалъ суевѣрный трепетъ предъ своимъ величайшимъ созданіемъ, характеризуется вѣрой въ мистическую силу слова. Для насъ имя слово только условный символъ мыслимаго явленія; для первобытнаго человѣка оно имѣло тѣсную связь съ обозначаемымъ имъ явленіемъ или предметомъ и знаніе имени было разнозначуще съ

властью надъ предметомъ, который имъ обозначается [1]. Произнести имя-слово значило вызвать его обладателя или обозначаемое имъ явленіе.

Здѣсь не мѣсто затрогивать общій вопросъ, какъ зародилась эта вѣра у *человѣка* вообще. Наша задача заключается въ томъ, чтобы установить факты, въ которыхъ она сохранилась у южныхъ славянъ. Эти факты распадаются на три категоріи:

1) факты, свидѣтельствующіе о томъ, что первобытный славянинъ смотрѣлъ на слова, какъ средневѣковый *реалистъ* на общія идеи—видѣлъ въ нихъ самыя явленія, вещи,

2) факты, въ которыхъ выражается сознаніе, что обладая силой произносить слова человѣкъ, способенъ производить eo ipso и обозначаемыя ими явленія,

3) факты, въ которыхъ обнаруживаются общественные результаты этого убѣжденія.

Остатки первобытныхъ воззрѣній на слово сохраняются у южныхъ славянъ въ изобиліи.

Болгаринъ считаетъ опаснымъ въ шутку произнить имя какой нибудь болѣзни: болѣзнь можетъ явиться и овладѣть человѣкомъ. Хорватскія женщины считаютъ вреднымъ упоминать о прѣсномъ хлѣбѣ (погача), когда, печется кислый хлѣбъ—хлѣбъ можетъ пріобрѣсти прѣсноту и сѣсть.

По тѣмъ же побужденіямъ сербы считаютъ неудобнымъ сообщить подробности относительно того, какъ былъ напр. кто-нибудь убитъ и въ особенности пояснять, показывая на комъ нибудь изъ окружающихъ мѣсто раны. Въ этой предосторожности чувствуется опасеніе, что у человѣка, на которомъ демонстрируется разсказъ, могутъ явиться на томъ-же мѣстѣ также раны.

Вѣрой въ то, что произнесеннымъ словомъ можно вызвать соотвѣтствующее явленіе, руководится сербъ, когда „не

---

[1]) «Слово есть самая вещь». Потебня. „Мысль и языкъ“ 176.

„Для первобытнаго человѣка слово.. есть предметъ осязательный, матеріальный. По ирландскому повѣрью проклятіе семь лѣтъ носится въ воздухѣ и въ каждый моментъ можетъ пасть на того, противъ кого оно вымолвлено“. Крушевскій. „Заговоры, какъ видъ русской народной поэзіи“. ВУИ. 1876, Ш, 35. Ср. Ветуховъ. “Заговоры, заклинанія etc.“ РФВ. 1901, III—IV, 197.

совѣтуетъ произносить по отношенію къ своему дому „несчастныхъ“ словъ, хотя бы по обстоятельствамъ они и напрашивались (если курица запоетъ пѣтухомъ, у каждаго является мысль, что это не къ добру, но высказывать этого не слѣдуетъ; напротивъ слѣдуетъ сказать, что это добрый знакъ ...а курицу-вѣстницу тѣмъ не менѣе заколоть и съѣсть [1]);

когда онъ остерегается произносить въ присутствіи ребенка слово жаба, чтобы у ребенка не явились опухоли желѣзы (žabice) [2]);

когда онъ считаетъ нужнымъ выбросить головню съ огнища на дворъ, если онъ разсказалъ, что кто-то погибъ или чью-нибудь скотину заѣлъ волкъ (чтобы отпугнуть смерть или волка) [3]);

когда онъ не рѣшается упоминать имени змѣи въ постѣ, чтобы не видѣть ея лѣтомъ (отсюда характерное названіе змѣи nepomenica—„кого нельзя вспоминать) [4]).

На этой же вѣрѣ основана болгарская примѣта, что на новый мѣсяцъ не слѣдуетъ произносить въ избѣ слово *мѣсяцъ*: старая посуда начнетъ биться и придется ее смѣнить, пріобрѣсть новую [5]), а въ праздникъ Чуреци (Кирика и Улиты) упоминать о глушцахъ: чтобы глушцы не грызли одежды [6]).

Съ особенной яркостью первобытно-реалистическая точка зрѣнія на слово сказывается въ примѣненіи къ одной категоріи словъ—именамъ личнымъ [7]).

---

[1]) Maretič. l. c. RJA LX, 142 Milič. ГСД XXII, 160 Karadžic. R. s. v. žaba.

[2]) ibid.

[3]) ib. 144. Cp. 145 nepomenik, nepomenica. Cp. СбМ. I, 77.

[4]) Милич. 72. Подчиняясь той-же вѣрѣ, болгаринъ замѣняетъ эвфемизмами имена вредоносныхъ духовъ, которыя ему приходится упоминать: вмѣсто навіевъ, самодивъ онъ говоритъ братинья, благи, сладки—медени, сестрички, милички, бели—црвени. Сбм. XIII, 143; V, 106.

[5]) СбМ. III, 138.

[6]) ib. X, 117 [2]).

[7]) По общему вопросу о значеніи, приписывавшемся имени см. Andree. Personennamen. ZE. 1876; его-же „Erthnographische Paallelen nnd Vergleiche“. 165—184. Nyrop. „Navnets Magt.“ „Mindle Afhandlinger“. K. Friedrichs. Ethnologische Studie über Name und Namengebung. „Ausland“. 1893, №№ 35 ff. Здѣсь-же литература. Lefébure. „La vertu et la vie du nom“.

Болгарка-родильница убѣждена, что она родитъ дѣвочку, если въ моментъ родовъ вспомнитъ и проговоритъ женское имя,—мальчика, если мужское [1]).

Однородный взглядъ имѣетъ мѣсто у сербовъ: желая чтобы волкъ не трогалъ его скота, „чтобы у него окаменѣли уста“, сербъ называетъ волка въ повседневномъ разговорѣ *kamenjak*.

Взглядъ на имя, какъ на что-то въ родѣ души выражается вполнѣ опредѣленно въ повѣрьяхъ, связанныхъ съ смертью. По повѣрьямъ древнихъ египтянъ имя выходило изъ тѣла человѣка въ моментъ его смерти и важнѣйшей заботой умирающаго было, чтобы оно не *погибло*. Ту же заботу встрѣчаемъ мы у южныхъ славянъ. У болгаръ первому ребенку даютъ имя бабушки или дѣда, чтобы не *погибло* семейное имя, но если дѣдъ или бабка еще живы, этого не дѣлается; иначе которое нибудь изъ двухъ лицъ, носящихъ одно имя должно умереть (имя, очевидно, разсматривается въ данномъ случаѣ, какъ нѣчто въ родѣ души). Выраженіемъ того-же взгляда у сербовъ являются магическія операціи надъ бумагой, на которой написано имя человѣка, служащаго объектомъ колдовства. Сербскій юноша, желающій привлечь къ себѣ любовь дѣвушки, пишетъ на бумагѣ ея имя и зажигаетъ приговаривая: „не гор книга, веће паметь сестре Иванове“ то есть: „гори не бумага, а душа сестры Ивановой“. Ходъ мыслей, лежащихъ въ основаніи этого акта, слѣдуетъ представлять себя такъ:

зная имя человѣка, можно связывать его душу силой властнаго слова съ любымъ предметомъ и состоянія, которыя испытаетъ предметъ силою слова связанный съ душой даннаго человѣка, силой того-же слова передадутся этому человѣку.

Операція нареченія имени—одинъ изъ интереснѣйшихъ обломковъ первобытнаго міровоззрѣнія: въ ней сохранились пережитки эпохи, когда и лице, дающее имя, и всѣ окружающіе были убѣждены

(1) что свойство (явленіе) и обозначающее его слово тождественны;

Mélusine. 1897, 207—276. Maretic. Pučko pričanje i vjèrovanje. RJA LX, LXII. Шишмановъ. Сбм. XV, 532—534. Крушевскій, l. c. 26—27.

[1]) СбМ. XIII, 173.

2) что привязывая къ ребенку навсегда слово, обозначающее извѣстное свойство, привязываютъ къ нему и самое свойство;

3) что эта связь будетъ поддерживаться повседневнымъ повтореніемъ имени-слова.

Имя Живко напр сообщаетъ ребенку живучесть и его даютъ тѣ родители, у которыхъ дѣти умираютъ. Стоя и Станъ сообщаютъ стойкость, устойчивость. Вукомъ (волкомъ) или какимъ нибудь другимъ страшнымъ именемъ называютъ своего ребенка родители, у которыхъ умираютъ дѣти, чтобы запугать смерть или колдуновъ-магіосниковъ.

Сербскія женщины, убѣжденныя, что для матери дороже всего жизнь ребенка, спрашиваютъ мать „какъ здоровье твоего *Живко?*" хотя бы у него было и другое имя [1]); въ этомъ обычаѣ сказывается пожеланіе, чтобы ребенокъ жилъ.

Въ данномъ случаѣ имени Живко приписывается то же значеніе, что въ болгарскомъ пожеланіи, которымъ сопровождается чиханіе: „здравъ, живъ". Болгары думаютъ, что если бы около чихающаго не нашлось никого, кто-бы произнесъ эту формулу, въ него вошла-бы болѣзнь [2]).

Отъ трехъ Станъ больной грозницей беретъ хлѣба, муки и соли, чтобы болѣзнь перестала [3]).

Стану и Стояна въ народной пѣснѣ закладываютъ въ основаніе зданія, чтобы стѣны его *стояли*, не обваливались [4]).

На почвѣ убѣжденія, что за словомъ слѣдуетъ явленіе, возникаетъ богатая проявленіями и значеніемъ потребность сознательно и цѣлесообразно пользоваться его предполагаемымъ свойствомъ, *вызывать* желательныя, нужныя явленія.

Здѣсь берутъ свое начало первыя попытки славянина подчинить себѣ природу:

1) благопожеланія и проклятія-клятвы,
2) заговоры и наговоры,
3) обрядовыя пѣсни и чары.

Этимъ убѣжденіемъ на долгое время опредѣлялось его

---

1) Милич. 198.
2) СбМ. X, 115.
3) Мил. 281.
4) Maretič. l. c. XLX, 145.

положеніе относительно окружающаго міра и до извѣстной степени созданный имъ общественный порядокъ.

I. На вѣрѣ въ творческую силу слова покоится значеніе проклятія, какъ орудія мести и борьбы [1]). Славянинъ былъ увѣренъ, что карающее слово, будучи *пущено* на извѣстное лицо, принесетъ съ собой на его голову бѣдствіе, которое оно обозначаетъ.

По ирландскому повѣрью проклятіе семь лѣтъ носится въ воздухѣ и въ каждое мгновеніе можетъ упасть на голову того, противъ кого вымолвлено.

Аналогичное представленіе имѣетъ мѣсто и у южныхъ славянъ.

Взглядъ на матеріальную природу проклятія обнаруживается въ болгарскомъ благопожеланіи:

Клетва да го не стигне

и еще опредѣленнѣе въ слѣдующей болгарской сказкѣ.

„Пахалъ селякъ въ полѣ. Проѣзжаетъ мимо его владыка (архіерей) съ сборщикомъ податей и здоровается съ нимъ. Селякъ ничего не отвѣчаетъ. Владыка продолжаетъ путь, потомъ задаетъ себѣ вопросъ „за что ему не отвѣтилъ селякъ на привѣтствіе, возращается и проклинаетъ его. Въ моментъ, когда онъ проклиналъ, изъ устъ его вылетѣла огненная петля, прошла у него черезъ правое плечо и потомъ появилась надъ головой селяка, стала надъ ней вертѣться, повернулась три раза и вернулась опять къ владыкѣ“.

Сербу такъ-же какъ, какъ и болгарину, клятва представляется чѣмъ-то живымъ, преслѣдующимъ, нагоняющимъ, отъ чего нельзя убѣжать. Зло, приносимое проклятіемъ, у сербовъ обозначается терминомъ *арам.*

Народная поэзія южныхъ славянъ полна легендами, въ которыя выступаетъ сила проклятія. Вѣрой въ его силу объясняется, конечно, и тотъ огромный репертуаръ клятвенныхъ формулъ, который имѣется у нихъ въ обращеніи. Формулы

---

[1]) Ср. Сумцовъ. «Пожеланія и проклятія». СХИФО. IX.

эти охватываютъ всѣ явленія жизни человѣка, все, что для него дорого. Значительное число ихъ слѣдуетъ признать достаточно древними не только по лежащей въ основѣ ихъ идеи могущества слова, но и по тѣмъ элементамъ прошлой жизни народа, которые сохранились въ ихъ содержаніи.

Въ нихъ сохранились намеки:

I. на стадіи матеріальной культуры, возвратъ къ которымъ является для человѣка бѣдствіемъ:

Бука-та кукья да му биде.
Жиръ да іаде по гората.

II. на систему наказаній, практиковавшихся въ прошломъ:

Глава-та да му забодат на колецъ.
Да даде Госпот на мостот го да обесат.
Кол му на сдрцето.
На колци црева те да му се мотат.
На вешало го да видам.
На горе нозите, на доли глава та да му видам.
Вериги да носи на гушата си.
Да го расчепат татарски коньа.
Да те расчекнат на крдстопатица.
Сос подвеска да го обесат.
На ченгьел (на важе) да те вида да виснаш.
На древени да те вида.
Шило ти очи избидо.
Потковен да го видам.
От грдбо една фата да му одерат та жив да го пуштат.
На раскрдсница да го посипат с вода.

III. на старую систему общественныхъ повинностей:

Ангариіа да работе до века.

IV. на нормы родовой жизни, потрясти которыя стремится проклинающій:

Тугина та да му биде мила.
Огништа у кукьа де нема.
Чеда да му не заврдте околу огнишите си.
Да не дочека да целива зелени венци.
Его те не види маста у зелени венци.
От маіака дете да украде.

Дома да не умре.
И сенькьата ти да опустее.
Ни сенькьата от тебе да не остане.
Дано ти пуста и пумьетена сьенчица устане.

V. на архаическія воззрѣнія относительно загробной жизни:

Ега фанет црного света.

Съ особенной яркостью выступаютъ въ проклятіяхъ представленія о тѣхъ силахъ, которыя могутъ причинить человѣку гибель; они являются драгоцѣннымъ источникомъ для характеристики юго-славянскаго анимизма.

Тако ми нуръ божи.
Да дойде той Вардар да го отнесе.
Да го убие лебо, што іаде.
Лебо да го фане зе очи-тѣ.
Лебо да го треште.
Лебо да го сонне.
Меце-то да го изведе.
Срам ти іал очи.
Укор да го іаде.
Црдн гьавол да го іаде.
Марен црдн да го убие.
Да го отнесе матнице-та.
До те земе канзо.
Чудо на главу му да доаіде.
Водили те гьаволи под мосто.
Виіалица да го сврдте.
Мартица да го фане.
Да те земи рофхьа та.
Да те одвеіат тиіа маікьи.
Да секне огин от іаснина та да го изгори.
Да те удри веда от іаснина.
Самовилнико да го сретне.
Да те мдньоса некоіа мдньа.
Алатина да го отнесе у невидимо [1]).

Въ числѣ дѣятелей зла и орудій проклинающаго фигурируютъ и христіанскіе Богъ и святые

Ристос да те заколит.
Пречесьето да те убие (изгори).

[1]) СбМ. VII—XVII.

Триста и осумнаесе да го накаже.
Накавал го утрешни светия.
Свети Илліа да го веме... да го скупа с топузо.
Света Недельа да му земе душата.
Ега те убие света Недельа.
Его те Церман отнесе,
Ега го бог сомдлне (градоме).

Въ проклятіяхъ вѣра въ силу слова проявляется, какъ одинъ изъ факторовъ соціальной эволюціи.

Народная поэзія южныхъ славянъ свидѣтельствуетъ о томъ, что вѣра въ силу слова - проклятія дала одинъ изъ первыхъ устоевъ первобытной семьѣ. Мы видѣли во II выпускѣ, что матріархальная семья возникла у южныхъ славянъ послѣ борьбы эгоистическихъ инстинктовъ выросшихъ дѣтей съ альтруистическими: дѣти стремились освободиться отъ старой безсильной матери, уводили ее въ лѣсъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, продавали; раньше, повидимому, даже просто убивали. Звѣриный индивидуализмъ какъ будто торжествовалъ въ этихъ актахъ полную побѣду, но у матери оказалось средство отстоять свое положеніе въ семьѣ—это проклятіе, которое она обрушивала на голову жестокихъ дѣтей. Сербскія и болгарскія пѣсни изображаютъ въ мрачныхъ краскахъ бѣдствія проклятыхъ дѣтей [1]). Вѣра въ силу проклятія укрѣпила матріархальную семью, поддерживала позднѣе [2]) общину.

---

[1]) Маіко го тогаі Стоіана проклАлна:
Ако ме, сину, продадеш,
Нигде тавьало да нелаш
Од ортома да не куртулисаси,
Душа да ти, сину, излеви
На таіа кьемьр, Стоіане, кьуприіа.
Како го маіака Стоіана кАлнеше,
Тако го клетва Стоіана стасала.
Сбм. XIII, 45.

Ср. Стоиловъ.
Шишмановъ. СбМ. XV, 537.

[2]) Проклятіе князей, старѣйшинъ и жрецовъ (resp. владыкъ и священниковъ) имѣетъ силу равную съ материнскимъ—и является опорой ихъ авторитета. Милич. l. с. 51, 52.

На этой вѣрѣ основывается карательное значеніе проклятья въ общинѣ: у сербовъ община проклинаетъ человѣка, не соблюдающаго постовъ, не оказывающаго уваженія святому, котораго чтитъ она [1]). Съ особенной яркостью эта вѣра обнаруживается въ интересномъ обычаѣ анаѳематствованія и символическаго побиванія каменьями на перекресткѣ неизвѣстнаго лица, причинившаго общинѣ какое нибудь зло [2]). Отголосокъ этого обычая у болгаръ слѣдуетъ видѣть въ эпизодѣ болгарской народной легендѣ о Крестѣ Христовомъ и главѣ Адама: когда была найдена голова Адама, всѣ собравшіеся люди, начиная съ священниковъ, бросили на нее каменья и прокляли.

Условное проклятіе, обращенное на себя (клятва), является опорой договорныхъ отношеній (побратимства по клятвѣ=Eidgenossen) и древнѣйшимъ орудіемъ слѣдственнаго процесса.

Богишичъ приводитъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ, какъ еще недавно сербы глубоко вѣрили въ роковое значеніе ложной клятвы: въ 1852 г. одинъ черногорецъ вынужденъ былъ ложно поклясться въ церкви св. Петра и сошелъ съ ума отъ страха возвращаясь изъ церкви домой.

За благопожеланіями и проклятіями въ качествѣ продуктовъ вѣры въ силу слова слѣдуютъ болѣе сложныя по формѣ и составляющія сущность древней народной медицины пожеланія — заговоры и наговоры (баянья), или заклинанія.

Первымъ славянскимъ лекаремъ является заклинатель: у болгаръ сохранились въ древнѣйшемъ смыслѣ термины, обозначающія медицинскую помощь; всѣ они находятся въ связи съ терминами, отличающимъ процессъ говоренія: баяти, вратибаячка, врачка, баснатаръ. Если въ русскомъ языкѣ термины эти означаютъ „лживыя словеса" — врать, басня—то здѣсь уже мы должны видѣть вліяніе христіанства, которое произвело переворотъ въ народныхъ воззрѣніяхъ на достоинство старой языческой медицины.

---

[1]) Год. Н. Чупиħа. 1878, II. Општине у Србији. 200.

[2]) ibid. 193. Ср. аналогіи у грековъ и римлянъ. Сумцовъ. I. с. 10. Шишмановъ. СбМ. XV, 535—6.

Пользоваться заговорами, какъ матеріаломъ для характики міросозерцанія славянъ VI—IX в., приходится однако съ большей осторожностью.

Заговоры не такой элементарный продуктъ народнаго творчества, какъ формулы проклятія.

Разбираясь въ богатомъ матеріалѣ, который даютъ намъ хотя-бы семнадцать томовъ болгарскаго „Сборника", мы встрѣчаемъ образы и выраженія, явно заимствованныя изъ книжныхъ источниковъ — изъ такъ называемыхъ апокрифическихъ молитвъ, съ которыми мы будемъ имѣть еще дѣло впереди.

Обычнымъ началомъ заговора является разсказъ о встрѣчѣ болѣзни съ небесной силой (Богородицей, св. Георгіемъ, арх. Михаиломъ), допросъ, который чинитъ болѣзни небесная сила, и монологъ болѣзни.

Однимъ изъ обычнѣйшихъ заключеній является изгнаніе болѣзни въ „пусту гору Тилилейску", съ обозначеніемъ причинъ, почему болѣзнь не можетъ владѣть даннымъ человѣкомъ.

Всѣ эти составныя части заговора являются составными частями апокрифическихъ молитвъ.

Апокрифическія молитвы противъ нежитя начинаются разсказомъ о встрѣчѣ нежитя съ І. Христомъ, содержатъ въ себѣ діалогъ между ними и заканчиваются изгнаніемъ нежитя въ пустыню. Приводимъ для образца кратчайшій текстъ въ переводѣ: „когда шелъ нежить изъ сухого моря, встрѣтилъ его Іисусъ и сказалъ ему Іисусъ: куда идешь, нежить? И сказалъ ему нежить: иду въ человѣческую голову кости переломать, мозгъ срьцати (?), кровь пролить, челюсти изломить; онъ же сказалъ ему: „заклинаю тебя именемъ Господнимъ, Іисусомъ Христомъ и всѣми святыми, не ходи въ человѣческую голову, ни костей не ломай, ни мозга не срци, ни крови не проливай, ни смерти не предавай, но иди въ пустую гору и вселись въ оленью голову, ибо она терпѣлива и смерть вытерпитъ, во имя отца" [1]).

Это скелетъ болѣе обширныхъ молитвъ, богатыхъ подробностями относительно бѣдствій, которыя способенъ причинить нежить.

---

[1]) Качановскій, Apokr. molitve, gatanja i priče. S. XIII, 153.

Въ другихъ молитвахъ въ началѣ разсказывается о выходѣ св. Михаила, вооруженнаго желѣзнымъ лукомъ и желѣзными стрѣлами на оленью охоту, и встрѣчѣ съ нежитемъ, изгнаніи въ пустой лѣсъ и угрозу посѣчь или застрѣлить его при новой встрѣчѣ [1]).

Въ концѣ апокрифической молитвы Василія Великаго бѣсу предписывается: „отъиди въ землю безводную, пустую, *недѣланную*, на ней же человѣкъ не обитаетъ“... [2])

Апокрифическая молитва отъ „злого дождя“ вноситъ новыя детали въ характеристику этой пустынной страны: „въ пустыя горы, къ невѣрнымъ народамъ, гдѣ не слышно клепала, гдѣ звона не звонятъ, гдѣ въ церквахъ не поютъ, гдѣ свѣчи не горятъ...“ [3])

Продолжая анализъ заклинаній, мы встрѣчаемъ въ нихъ черту, рѣзко отдѣляющую ихъ отъ апокрифическихъ молитвъ. Въ славянскихъ апокрифахъ, какъ и ихъ греческихъ оригиналахъ, злое начало представляется въ зависимости отъ небеснаго. Въ „Вопросахъ ап. Варѳоломея къ Христу и Богородицѣ“ Сатанаилъ-Веліаръ является по звуку трубы арх. Михаила, окованный 663 огненными цѣпями; изъ его разсказа о своей судьбѣ мы узнаемъ, что „палачи Божіи по семи разъ днемъ и ночью бьютъ его и не даютъ ни въ чемъ воли“ [4]). Въ такомъ же отношеніи къ небесной силѣ стоятъ въ „Завѣщаніи Соломона“ и всѣ духи болѣзней: одно имя соотвѣтствующаго ангела дѣлаетъ ихъ безсильными. Греки еще въ XI в. сохраняли эти воззрѣнія на отношенія злаго и добраго начала въ мірѣ. Въ сочиненіи Михаила Пселла „*Περὶ ἐνεργείας δαιμόνων*“ мы читаемъ:

„Всѣ роды демоновъ исполнены дерзости и трусости, а болѣе другихъ—пріуроченные къ матеріи (*τὰ πρόσυλα*). Воздушные обладаютъ наибольшей смышленностью; если кто ихъ

---

[1]) ib. 154. Ср. Новаковић. Примери књижевности etc. 514. Беогр. 1875. Соколовъ. Нов. мат. для объясненія амул. ТСКМАО I, 151.

[2]) S. Novaković. Apokrifski zbornik našega vjeka. Starine, XVIII, 172. Ср. Качановскій. «Apokrifne molitve, gatanja i priče». ib. XIII, 153, № 2.

[3]) ib. 157.

[4]) Сокол. l. c. 195. Ср. Jagić. Slavische Beiträge zu den biblischen Apokryphen. DWA. XLII cap. IV.

заклинаетъ, то они умѣютъ распознавать заклинающаго и только въ томъ случаѣ оставляютъ мучимыхъ ими, если заклинатель благочестивъ и заклинаетъ страшнымъ именемъ Бога Слова съ силою Божіею. Эти же (*τα πρόσυλα*) страшась отсылки ихъ въ подземныя мѣста, равно какъ и ангеловъ отправляющихъ туда, когда кто угрожаетъ имъ отведеніемъ ихъ въ эти мѣста и произноситъ имена поставленныхъ для этого ангеловъ, крайне боятся и мятутся. Вслѣдствіе отсутствія сознанія, они не могутъ даже распознать заклинающаго, но будетъ ли это старуха какая нибудь или произнесетъ эти *угрозы* какой нибудь грубый старикъ, охватываетъ ихъ страхъ и они удаляются... такъ эти демоны пугливы и неразсудительны. Поэтому грязный родъ заклинателей овладѣваетъ ими посредствомъ всякой дряни вродѣ сала, ногтей, волосъ; равнымъ образомъ посредствомъ свинца, воска, тонкой нитки съ нелѣпыми заклятіями производятъ они трагическія страданія“ [1]).

Иныя отношенія выступаютъ передъ нами, когда мы обратимся къ болгарскимъ заклинаніямъ. Мысль о томъ, что заклинатель можетъ грозить демонамъ и повелѣвать ими, видно, правда, и здѣсь; заклинательница грозитъ болѣзни ожидающими ее ужасами и видитъ свои угрозы часто уже осуществленными:

„искочи, страу, іот главу; искочи, страу, іот мозок.... бегай, страу, бегай, сас пушку че те јубију, сас сабльу че те посечу, сас іогань че те изгору; бегай, стигнуше те бѣли ратове, стигнуше те, јудавише те, раскинуше те парам парче“;

„бесно куче бесного валка гони по равно поле и по гору зелену. Бежи, бесан валку, че те гони бесно куче, че те достигне“...

Но рядомъ съ этимъ мотивомъ на болгарской почвѣ слышатся уже новые: заклинатель стремится удалить болѣзнь изъ человѣка, направить ее въ пустыню, но не грознымъ именемъ небесныхъ силъ, а пріятными для духа обѣщаніями; по памяти онъ говоритъ еще о „пуста гора тилилейска“, но въ этой пустынѣ тилилейской демона ждутъ разнообразнѣйшія удовольствія:

---

[1]) Сокол. l. c. 197. Migne Patr. Graec. t. 122, col. 820. сл. гл. 21.

„бѣги, страхъ, въ рѣку: тамъ у тебя будутъ глубокія купанья, ширь для плаванья, тамъ ты сыграй свою сватьбу... тамъ барабанъ бьетъ, тамъ въ гайды дудятъ, тамъ цумбутъ (?) есть; иди туда" [1].

Въ баяньи противъ „истравы" Богородица послѣ угрозъ семидесяти семи истровкамъ, что архангелъ посѣчетъ ихъ саблей, рекомендуетъ имъ идти въ зеленые лѣса:

„тамъ васъ большими дарами обдарятъ станико синико... если вы старые мужчины вамъ дадутъ красныя капы, если вы молодыя женщины, вамъ дадутъ бѣлыя „забрадки", если вы дѣвушки, вамъ дадутъ букеты цвѣтовъ; если вы молодые люди, вамъ дадутъ тонкія „цуфаре" (?) [2].

„Мы пошли въ пустынныя горы, гдѣ овцы не блѣютъ и гдѣ дѣвицы не играютъ хоро; тамъ есть добрый юнакъ съ воронымъ конемъ, съ синимъ сѣдломъ.... тамъ есть Божія Матерь; она приготовила свадьбу, послала добраго юнака звать болѣзни, чтобы шли онѣ въ пустую гору; тамъ есть яловая корова, чтобы ѣли онѣ ея мясо, кожу стлали себѣ для постели, чтобы сладко спать, хорошо ѣсть" [3].

„Сатана и сатаница! Отъ вѣтра вы или отъ Бога? Съ добромъ пришли, съ еще большимъ добромъ и уходите, гдѣ пѣтухи не поютъ, курицы не кудакаютъ... Мы здѣсь грязны и безобразны! Уходите на зеленую траву, на студеную воду; тамъ обѣдайте, тамъ и ужинайте [4].

„Да выскочатъ „истровци" изъ костей, пятъ... да идутъ они въ пустую гору тилилейскую... гдѣ есть почетная трапеза съ сладкими кушаньями и напитками, гдѣ есть студеная вода и никто ее не пьетъ, гдѣ есть зеленая трава и никто ее не травитъ, гдѣ есть мягкія постели и никто на нихъ не лежитъ; пусть идутъ туда, наѣдятся, напьются и лягутъ спать, какъ агнецъ Юрьева дня" [5].

„Тамъ есть честныя трапезы, шелковыя скатерти, кованыя ведра, серебряныя чаши, красное вино, бѣлые хлѣбы,

---

1) СМб. XVI—XVII, 260.
2) ib. 262, № 9.
3) ib. 265.
4) ib. 273.
5) ib. XII, 142.

печеные ягната... туда идите; тамъ ѣшьте и пейте а здѣсь у N дѣла вамъ нѣтъ, потому что онъ крещенъ, миромъ помазанъ, въ церковь ношенъ" [1]).

Рядомъ съ такими еще колеблющимися по настроенію заговорами имѣютъ мѣсто другіе, которые являются уже прямо умилостивительными молитвами по отношенію къ болѣзнотворной силѣ. Такъ называемый гелинджикъ — родъ злокачественнаго чирья, который появляется на лицѣ — умилостивляютъ, смазывая его бѣлилами и румянами, растворенными въ крови двухъ братьевъ и просятъ уйдти:

Зовутъ тебя въ царскій дворецъ
Ѣсть тамъ и пить... [2])

Сама небесная сила держитъ себя по отношенію къ демонамъ не съ той безпощадной суровостью побѣдителя, какъ въ семитическомъ мірѣ, а почти братски:

„милыя матушки—самовилы!" обращается Богородица къ самовиламъ, приглашая ихъ оставить больного [3]).

Къ тѣмъ же самовиламъ баячка обращается съ мольбой при посредствѣ воды:

Ты водица, бѣжишь съ горы,
Съ горы, съ вершины,
Гдѣ собираются самовилы,
Гдѣ онѣ обѣдаютъ и ужинаютъ.

. . . . .

Бѣги-же скорѣе, водица,
Скажи и самовиламъ,
Чтобы они вывели уплаху изъ этого человѣка [4]).

Проступающія въ заговорахъ отношенія къ злому началу не зависятъ отъ византійской традиціи; этотъ фактъ не даетъ намъ однако право разсматривать ихъ, какъ славянское вино, влитое въ византійскіе мѣха: раньше христіанства каѳолическаго славяне испытали на себѣ вліяніе манихейства. Мы будемъ еще говорить о характерѣ и значеніи этой религіи.

---

[1]) СбМ. XII, 143.
[2]) ib. 146 ср. 152.
[3]) ib. 147.
[4]) ib. 148.

Въ настоящемъ случаѣ для насъ важно то, что съ точки зрѣнія манихеевъ весь видимый міръ является созданіемъ Сатанаила.

Эту идею могли принести съ собой на Балканскій полуостровъ еще тюрки - болгары. Ее распространялъ по сосѣдству съ ихъ родиной въ Иранѣ, Туркестанѣ и С. Китаѣ самъ Мани.

На почвѣ компромисса между язычествомъ, путемъ жертвъ и молитвъ умилостивлявшимъ одухотворенныя явленія видимаго міра, и манихейскимъ воззрѣніемъ на этотъ міръ, какъ на твореніе Сатанаила, неизбѣжно должна была сложиться та особенность въ отношеніяхъ къ злому началу, которую мы наблюдаемъ въ болгарскихъ заговорахъ. Съ югославянскихъ заговоровъ, такимъ образомъ, прежде, чѣмъ мы доберемся до ихъ древне-славянской основы приходится снять еще одинъ пластъ и только послѣ этой операціи мы доходимъ до простѣйшихъ формъ, которыя являются общими для всѣхъ славянъ и стало-быть древнѣйшими.

Такими простѣйшими формами являются: 1) краткія пожеланія, высказывающіяся при различныхъ обстоятельствахъ жизни, 2) пожеланія, поясненныя сравненіемъ и усиленныя дѣйствіемъ этого сравненія [1]) и 3) формулы, заключающія въ себѣ условія, по исполненіи которыхъ бѣдствіе можетъ получить мѣсто.

У болгаръ такихъ элементарныхъ заклинаній всѣхъ трехъ типовъ сохранилось значительное число и они охватываютъ всю жизнь человѣка.

I т. Въ Ригведѣ пѣвецъ „тканью словъ пробуждаетъ отъ

[1]) Выясненію значенія, которое приходится въ заговорахъ на долю сравненія, посвящена статья Зелинскаго «О заговорахъ», помѣщенная въ X т. СХИФО.

Г. Зелинскій даетъ обстоятельный обзоръ теорій, высказывавшихся въ русской наукѣ по поводу заговора—Афанасьсва, О. Миллера, Буслаева, Потебни, Крушевскаго, останавливается на тяжеловѣсной формулѣ Потебни («словесное изображеніе сравненія даннаго или нарочно произведеннаго явленія съ желаннымъ, имѣющее цѣлью произвести это послѣднее» «Малорус. пѣсня по сп. XVI в.» стр. 20) и высказываетъ соображенія о психологическихъ условіяхъ, при которыхъ зарождается заговоръ, и ступеняхъ развитія, чрезъ которыя онъ прошелъ.

сна утро ясное". Славянинъ словомъ и соединеннымъ съ нимъ дѣйствіемъ изгонялъ зиму, призывалъ весну, и дождь и цѣлый рядъ желательныхъ ему явленій [1]).

Болгарская баячка, предположивши, что звѣзда причинила ея паціенту болѣзнь, повелѣваетъ ей блуждать всю ночь и принести къ утру лекарство [2]).

Сербъ, желающій облегчить жены родовыя муки проноситъ ее нѣкоторое разстояніе на спинѣ и говоритъ:

„я наложилъ на тебя это бремя; я тебя и освобождаю отъ него" [3]).

Больной лихорадкой идетъ къ вербѣ рано утромъ, трясетъ ее и приговариваетъ:

„не съ тебя я трясу росицу, а съ себя грозницу" [4]).

У кого болитъ голова, долженъ встать во время захода солнца лицемъ къ западу и произнести:

„солнце за гору, а моя головная боль въ гору" [5]).

Страдающій чирьемъ проводитъ надъ нимъ крестъ на крестъ ножемъ и говоритъ:

„пересѣкъ я тебя, пока ты не успѣлъ меня" [6]).

„Гдѣ у васъ курицы несутъ яйца?" спрашиваетъ утромъ въ Рождество человѣкъ, принесшій воду и хозяйка, *желающая*, чтобы куры неслись въ избѣ, отвѣчаетъ:

„въ дровахъ, около огнища" [7]).

Человѣкъ, отправляющійся въ судъ и желающій выиграть дѣло, вырываетъ изъ своей головы на каждаго истца по волосу, завязываетъ ихъ и бросаетъ за собой со словами:

„завязалъ память NN" [8]).

Наканунѣ Рождества, когда готовится ужинъ, кто нибудь изъ домашнихъ выходитъ изъ избы и спрашиваетъ извнѣ: „хозяинъ, что есть у тебя?" и хозяинъ перечисляетъ, какъ существующія на лицо, всѣ блага, которыхъ онъ себѣ желаетъ:

---

1) Ор. Миллеръ. Опытъ истор. обозр. р. сл. 84.
2) СбМ. XII, 144.
3) Maret. l. c. LX, 145.
4) ib. 146.
5) ib.
6) ib. Ср. Караджић. Рјечник. 532. s v. Положіјник.
7) ib.
8) ib 147.

„есть всего довольно, а больше всего здоровья и веселья, чести и почета, урожая и удачи, половъ домъ дѣтей, полнымъ полны торъ, оборъ, шалашь, амбаръ, молочная, качара“.

Та-же операція перечисленія продѣлывается, чтобы предупредить бѣдствія, которыхъ хозяинъ не желаетъ.

Если ребенокъ долго не говоритъ, его кладутъ въ рогожку, носятъ вокругъ дома и на вопросъ: „что носишь?“ отвѣчаютъ:

„ношу куль словъ“ [1]).

Дѣвушка желающая выйдти замужъ становится на деревяшку, служащую для навивки холста (vratilo) и говоритъ:

„сейчасъ я становлюсь на vratilo, до году—na grabilo“ (т. е. чтобы меня похитили) [2]).

У болгаръ бабка, давая имя принятому ей ребенку, выражаетъ пожеланіе, чтобы онъ имѣлъ характеръ дѣда или бабки (смотря по полу), обладалъ такими-то и такими-то достоинствами. Что эти пожеланія сбываются, болгары глубоко убѣждены [3]).

Человѣкъ, не желающій, чтобы у него болѣла голова, весной, увидавши перваго аиста, три раза долженъ произнести: „аистъ, аистъ, у тебя пусть болитъ голова, а у меня пусть не болитъ“ [4]).

Когда начинаютъ ѣсть въ первый разъ крапиву, говорятъ „на попа тре́ска, на попадиа бляска, на калугер мра́ве, а мене живо и здраве“ [5]).

Чтобы не болѣла спина, весной, когда начинаютъ квакать лягушки, трѣкалятъ се и говорятъ трижды: „васъ пусть хватаетъ поло́ска, меня нѣтъ“ [6]).

Для предохраненія глазъ отъ заболѣваній откусываютъ вѣточку растенія мартино цве́кве, можутъ ей по глазамъ и трижды говорятъ: у „марты глаза пусть болятъ, у меня не

---

[1]) Mar. l. c. 147.
[2]) ib. 150.
[3]) СбМ. XVII, 239.
[4]) Сб. М. XVII, 216.
[5]) Ib. 218.
[6]) Сб. XV, 62.

болятъ [1]).

Мать испуганнаго ребенка кладетъ его на спину, упирается пальцамъ правой руки въ землю и грудь ребенка и произноситъ: „земля пусть испугается, а ты небойся" [2]).

Къ числу такихъ-же доступныхъ каждому заклинаній относится вызовъ дѣвушкой суженаго въ ночь на Игнатьевъ и Юрьевъ день [3]).

II т) Дѣвушка, желающая выучиться хорошо вышивать, сламываетъ вѣтку, на которую сѣла первая прилетѣвшая и увидѣнная ею кукушка, и говоритъ: „какъ кукушка прилетѣла сюда изъ другой страны сама безъ чужого указа, такъ-бы и намъ безъ чужого указа выучиться вышивать" [4]).

Купленную на племя курицу протаскиваютъ черезъ прутья и приговариваютъ: „какъ пролѣзаешь ты черезъ прутья, такъ забѣгай подъ крышу и въ ямки, когда надъ тобой покажется орелъ схватить тебя" [5]).

Женщина, у которой мужъ долго зажился на чужбинѣ, набиваетъ соломой его штаны и разставляетъ ихъ надъ бревномъ (греда) приговаривая: „какъ штаны сѣли верхомъ на бревно, такъ-бы и мужъ мой сѣлъ на коня и пріѣхалъ изъ чужбины" [6]).

Женщина, не желающая, чтобы у ней лѣтомъ дѣлалось воспаленіе отъ зноя и пота, берется зимой за плугъ и говоритъ: „какъ зимой не пашетъ плугъ, такъ бы я не страдала отъ воспаленія лѣтомъ" [7]).

Чтобы у ребенка легко рѣзались зубы, мать бросаетъ на какое нибудь фруктовое дерево ожерелье изъ пшеничныхъ зеренъ, которое девять дней носилъ ребенокъ, и трижды произноситъ: „какъ дерево легко родитъ плоды, такъ пусть легко рѣжутся зубы у моего NN" [8]).

---

[1]) СбМ. XIII, 170.
[2]) V, 117. Ср. X, 133.
[3]) VII, 145.
[4]) ib. III, 135.
[5]) СбМ. 140—46.
[6]) ib. 141—1.
[7]) ib. VIII, 143—23.
[8]) ib. XI, 82.

III т. Если путникъ проходитъ сквозь стадо, овчаръ, чтобы стадо ходило дружно и не раздѣлялось, бросаетъ ему вслѣдъ камень со словами: „когда развалится этотъ камень, тогда пусть у меня разбредется стадо“ [1]).

Для предохраненія себя отъ „уроковъ“ человѣкъ, выходящій на какое нибудь собраніе, долженъ захватить рукавъ своей верхней одежды, провести его передъ своими глазами и произнести: „кто можетъ сосчитать эти тонкія, долгія нити, тотъ пусть меня изурочитъ“. Чтобы предовратить отъ уроковъ коня, нужно продѣвать тоже самое съ торбой, изъ которой его кормятъ, и произнести туже формулу, вставивши въ нее имя коня[2]).

Если ребенокъ плачетъ по ночамъ, до разсвѣта, мать предполагая, что онъ тоскуетъ о солнцѣ, выноситъ его на открытое мѣсто, откуда видно восходящее солнце, и лишь только онъ появится, поднимаетъ въ направленіи къ нему дитя и произноситъ: „когда (это) дитя мое будетъ плакать о солнцѣ, пусть солнце плачетъ о моемъ дитяти“ [3]).

Многія изъ такихъ пожеланій-заклинаній, связанныхъ съ извѣстными дѣйствіями, вышли изъ употребленія и манипуляціи, изъ сопровождавшія, выполняются однѣ. Если человѣкъ уходитъ и не желаютъ, чтобы онъ возвратился, бросаютъ ему вслѣдъ камень[4]). Объясненіе манипуляціи: „когда вернется камень, тогда вернется и этотъ человѣкъ“ образовалось несомнѣнно, изъ заклинанія, которое ее нѣкогда сопровождало; въ Охридѣ это заклинаніе еще произносится: „когда воротится камень, тогда пусть воротится такой-то изъ чужбины“. На этой стадіи своей исторіи заклинаніе обращается или въ *чару*, или въ символическій обрядовый актъ[5]).

---

[1]) СбМ. VI, 92—23. Ср. I, 80. «Когда силни-тє очи преброятъ.. тогова и да ме удрятъ силните уроки»..

[2]) Ib. 217, п. 29. Ср. XII, 144.

[3]) ib. I, 87. Ср. «Пусть овцы блеютъ о моемъ дитяти, а не оно объ овцахъ и овчаровомъ огнѣ». Ib. Ср. II, 171. Интересные образцы заклинаній встрѣчаются въ статьѣ Стоилова «Магии за любовь и врѣда». ПС. LVI, 157—181.

[4]) СбМ. XVII, 224.

[5]) Ib. 222. Ср. 226. VIII, 143 (даръ невѣстки).

III. Къ числу явленій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ вѣрѣ въ силу человѣческаго слова, относятся и обрядовыя пѣсни, въ которыхъ или прямо выражаются пожеланія, или о желательномъ поется, какъ о совершившемся, въ убѣжденіи, что пѣсня принесетъ съ собою блага и радости, о которыхъ въ ней говорится. Взглядъ древнихъ славянъ на обрядовую пѣсню мы можемъ уяснить себѣ при помощи аналогій, которыя даетъ намъ міровоззрѣніе давнихъ сосѣдей славянъ— финновъ. Остякъ до сихъ поръ вѣритъ, что пѣсней или сказкой объ извѣстномъ человѣкѣ можно привлечь его туда, гдѣ она поется [1]). Та же вѣра въ силу пѣсни - заклинанія, пѣсни - молитвы лежала несомнѣнно и въ основаніи южнославянскихъ обрядовыхъ пѣсенъ: спѣть объ урожаѣ, о прибыли скота значитъ привлечь эти блага въ домѣ хозяина, для котораго поется пѣсня, который ее оплачиваетъ.

Обрядовыя пѣсни - славы (*благословия*) обыкновенно имѣютъ эпическій характеръ и соотвѣтствуютъ интересамъ лицъ, для которыхъ поются: для домохозяина, домохозяйки, молодушки, парня на возрастѣ, дѣвушки-невѣсты, для представителей разныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности — овцеводовъ, пчеляковъ и т. д. — въ распоряженіи пѣвцовъ имѣются спеціальныя пѣсни - пожеланія.

Беременной хозяйкѣ дома поется пѣсня о томъ, какъ родила Божича Божья Матерь и какъ она его крестила.

Молодому человѣку о похищеніи юношей - охотникомъ дѣвушки, ребенку о дитяти, которое выросло и пошло по „сиденкамъ“.

Помимо повѣствовательной формы пожеланія выражаются и прямо коротенькой пѣсенкой, построенной на мотивѣ сравненія.

У болгаръ Аха-Челебійскаго округа дѣти въ день Новаго года приносятъ съ рѣки по 10—12 камешковъ и ходятъ съ ними по домамъ односельчанъ. Войдя въ домъ, они вынимаютъ мокрый камешекъ и поютъ:

---

[1]) Patkanov. Die Irtysch-Ost. u ihre Volkspoesie. II, 57 (рус.) «Живущій тамъ на томъ краю земли... какой пѣсней, какой сказкой ты былъ завлеченъ въ эту священную страну?»

Какъ рѣка текла
Черезъ камень,
Такъ пусть текутъ
Деньги въ кису [1]).

Объ относительной давности по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ обрядовыхъ пѣсенъ свидѣтельствуютъ бытовыя черты выступающія въ нихъ.

Мы уже знаемъ, что на Балканскомъ полуостровѣ у такъ называемыхъ влаховъ до послѣдняго времени сохранялись обычаи кочевой пастушеской жизни—пастьба скота на горахъ лѣтомъ и въ обладающихъ мягкимъ климатомъ долинахъ зимой. Ни современный сербъ, ни болгаринъ не бродятъ уже со своимъ скотомъ по полуострову. Въ обрядовыхъ пѣсняхъ рисуется однако бытъ, сохраненный влахами: хозяину-скотовладѣльцу гости приносятъ вѣсть или съ планинъ или изъ „прекрасной нижней земли" о томъ, что его овцы „се изіагнили", козы „искозили", кравици „истелили", „кобилки иждребили" [2]).

Такое-же значеніе имѣютъ отголоски древняго охотничьяго быта, разсказы о преслѣдованіи молодымъ человѣкомъ, вооруженнымъ лукомъ и стрѣлами, оленя [3])—черты жизни обособленными родами [4]), указанія на дѣтскій возрастъ жениха въ свадебныхъ пѣсняхъ [5]), старая терминологія соціальныхъ отношеній [6]).

Явленія вытекающія изъ вѣры въ творческую, мистическую силу слова, вводятъ насъ въ міръ тѣхъ идей, на которыхъ покоились древне-славянскія представленія о взаимодѣйствіи между природой и человѣкомъ. Славянинъ выступаетъ предъ нами съ притязаніями владычествовать надъ природой, повелѣвать ея явленіями, опираясь на *знаніе*... на бѣдное знаніе, силу котораго онъ переоцѣнилъ—знаніе именъ, терминовъ, а не сущности явленій и ихъ взаимныхъ отношеній.

---

[1]) СбМ. XIII, 20.

[2]) СбМ. I, 3.

[3]) ib. 16, 14.

[4]) Юноша охотникъ испрашиваетъ содѣйствія дѣвушекъ и женщинъ обѣщаніемъ: «малки моми сестри да сте и невести снахи да сте».

[5]) СбМ. II/58 «Лудо младо».

[6])—V/7 БАН да биде, мир да чине.

Между эпохой притязаній властвовать надъ природой, основанныхъ на этой первобытной *реалистической* теоріи бытія, и притязаніями нашими, основанными на знаніи сущности явленій и ихъ отношеній, лежитъ рядъ промежуточныхъ періодовъ исторіи мысли, которые мы также можемъ намѣтить, обращаясь къ міровоззрѣнію современнаго южнаго славянина.

Даже въ пору самой интенсивной вѣры въ силу слова отъ наблюдательности первобытнаго славянина не могло ускользнуть то обстоятельство, что рядомъ съ явленіями, которыя, по его мнѣнію, возникали по волѣ человѣка, имѣли мѣсто и такія, которыя, возникали независимо отъ него, въ силу какой-то объективной связи съ другими. На предположеніе о генетической связи между явленіями окружающаго міра должны были наталкивать образы, возникавшіе въ сознаніи въ силу законовъ ассоціаціи. Первые поиски за причиной, первые опыты *изслѣдованія* природы направлялись въ силу этого въ сторону, указываемую ассоціаціями.

Огромная масса примитивныхъ умозаключеній, возникавшихъ на почвѣ ассоціаціи представленій, погибла для послѣдующихъ поколѣній. Выжили только тѣ изъ этихъ умозаключеній, которыя имѣли практическій, общественный интересъ. Они извѣстны намъ до сихъ поръ подъ именемъ примѣтъ, повѣрій, лежатъ въ основѣ предписаній поведенія и народной медицины [1]). Особенно много этихъ обломковъ первобытнаго мышленія наросло на обстановкѣ, которой окружается жизнь беременной женщины и родильницы.

Пользоваться матеріаломъ, который даетъ историку культуры область современныхъ народныхъ повѣрій, конечно, приходится съ большими предосторожностями. И здѣсь нужно считаться съ фактомъ, значеніе котораго мы уже отмѣтили, анализируя заговоры—съ заимствованіями изъ области письменности собственной или чужой. Такія заимствованія *предполагаются* въ области медицины [2]); должны они оказаться и въ области суевѣрныхъ предписаній, обнимающихъ жизнь

---

[1] Крушевскій, l. c. 11.
[2]) WMBH.

человѣка. Ихъ раскроетъ въ будущемъ сравнительное изслѣдованіе.

Для историка, изслѣдующаго развитіе культуры опредѣленной этнографической группы, конечно, не безразлично—самъ народъ пришелъ къ тому или иному заключенію или заимствовалъ его у сосѣдей, но вопросъ о происхожденіи отдѣльнаго факта все-же не имѣетъ для него рѣшающаго значенія: въ картинѣ смѣняющихся стадій исторіи мысли существенное значеніе имѣютъ общіе признаки, которыми обрисовываются *типы* мышленія. Отдѣльное повѣрье, отдѣльная примѣта имѣютъ то-же значеніе, что отдѣльный горшокъ при изученіи керамики, отдѣльная постройка при изученіи развитія народной архитектуры: конкретное, отдѣльное имѣетъ цѣну, какъ носитель *общаго*, какъ случай, въ которомъ обнаруживается извѣстное направленіе творчества. Если извѣстное количество фактовъ позволяетъ установить данный типъ, дѣло не мѣняется отъ того, что среди повѣрій этого типа могутъ оказаться и заимствованія.

Основная задача историческаго изслѣдованія повѣрій заключается т. о. въ томъ, чтобы классифицировать матеріалъ и установить перспективу между категоріями, которыя въ немъ намѣтятся.

Мы установили уже что вся масса повѣрій, входящихъ въ содержаніе мантики, народной медицины и метеорологіи слагается изъ умозаключеній, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ *ассоціаціямъ*; но всматриваясь въ нихъ пристальнѣе, мы открываемъ, что они распредѣляются на двѣ группы:

1) группу повѣрій, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ созвучію *названій* предметовъ,

2) группу повѣрій, возникшихъ на почвѣ ассоціаціи *представленій* отъ самихъ предметовъ.

Въ настоящее время повѣрья, относящіяся къ обѣимъ этимъ группамъ, живутъ *одновременно* въ сознаніи человѣка, живутъ рядомъ съ обломками еще болѣе ранняго періода въ исторіи мышленія—періода вѣры въ творческую силу слова; но принимая во вниманіе то, что каждая изъ нихъ вносила въ знаніе человѣка и природы, ихъ слѣдуетъ расположить въ опредѣленной перспективѣ.

Ассоціаціями возникавшими на почвѣ *созвучія* названій, о т к р ы в а е т с я новая эпоха въ исторіи отношеній чело-

родѣ: человѣкъ уже *не предписываетъ* ей, какъ въ періодъ вѣры въ силу слова, а стремится *использовать* связь, которую усматриваетъ между ея явленіями и которая существуетъ *помимо его*. Это первый шагъ къ *знанію* объективнаго.

Изъ періода вѣры въ силу творческаго слова человѣкъ вынесъ стремленіе приспособлять явленія къ своимъ потребностямъ; въ новыхъ условіяхъ эта тенденція сказалась въ стремленіи извлекать изъ каждаго намѣченнаго соотношенія явленій немедленно практическій результатъ.

Но оперируя выводами, сдѣланными на созвучіи словъ, обозначающихъ явленія, человѣкъ стоитъ лишь на порогѣ къ познанію міра, существующаго внѣ его мысли: онъ еще игнорируетъ *явленія* и разница положенія заключается лишь въ томъ, что за словами-явленіями признается теперь извѣстная независимость отъ воли человѣка: онѣ являются въ сознаніи какъ бы по волѣ другихъ словъ, какъ ихъ необходимые спутники.

Моментъ, когда славянинъ ступилъ въ область объективнаго, когда онъ сталъ считаться уже съ вещами, а не съ ихъ названіями, наступаетъ послѣ того, какъ выводы основанные на ассоціаціяхъ звуковыхъ, стали вытѣсняться выводами основанными не на названіяхъ, а на представленіяхъ о вещахъ—представленіяхъ возникавшихъ въ сознаніи однѣ за другими на основаніи законовъ сходства, противоположности, послѣдовательности, сосуществованія.

Повѣрій перваго типа, основанныхъ на созвучіи названій предметовъ, у южныхъ славянъ осталось немного и то изъ сравнительно поздняго времени.

Процессъ, путемъ котораго возникалъ этотъ типъ, слѣдующій: названіе одного предмета (напр. травы дрѣн), вызываетъ въ сознаніи *представленіе* о другомъ, называющемся созвучнымъ названіемъ (дремъ—дремота); связь, возникающая въ сознаніи, принимается за указаніе объективной связи, существующей между явленіями; открытая путемъ такой ассоціаціи связь является основаніемъ для опредѣленнаго практическаго предписанія (пить траву дрѣн, чтобы вызвать дремъ).

На основаніи такой ассоціаціи звуковъ у болгаръ принято не начинать дѣла въ *петъкъ* (пятницу), чтобы дѣло не задержа-

лось (*запето*) [1]),

шить одежду въ *среду*, чтобы она была *сречна* (счастлива) [2]),

давать свадебные дары въ *ситъ*, чтобы былъ сытый (сити) годъ [3]).

новую одежду кроить на новый мѣсяцъ, чтобы она была всегда нова [4]),

не *мести* въ день проводъ кого нибудь на чужбину, чтобы не *вымести* его совсѣмъ, какъ соръ [5]),

не оставлять хлѣбъ на *головняхъ*, чтобы на посѣвахъ не образовалась *головница* [6]),

на св. *Андрея* (*Едрея*) печь погачу, чтобы жито „*наедрее*" (наливалось) [7]),

никакую работу не предпринимать во *вторникъ*, чтобы не *повторять* ее) [8]),

не *броить* (считать) звѣзды, чтобы не росли на рукахъ *брадавицы* (бородавки) [9]).

Связь, которую предполагаетъ сербъ между явленіями, основываясь на звуковой ассоціаціи словъ, ихъ обозначающихъ, выступаетъ ярко въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ сербской пѣсни, въ которомъ молодая женщина объясняетъ, почему ее любитъ мужъ:

Kad sam prvu večeru donesla
U večeri devetero bilja:
Miloduha da se milujemo;
Kalopera da se ne otera
Ljubičice, da me svagda ljubi
Karanfila da se ne karamo

---

[1]) СбМ. XV, 587.
[2]) ib. 588.
[3]) ib.
[4] ib. XV, 67.
[5] ib. 68.
[6] ib. VI, 89,
[7]) ib. XVII, 217.
[8]) ib. XII, 128.
[9] ib. III, 137.

Cubra cveća, da me dobro čuva
Bosioka da m'ne smeće s'oka
A nevena da mu scre vene.

Девять травъ съ созвучными названіями достаточно по этой пѣснѣ пустить въ первый ужинъ мужа, чтобы супруги *миловали* другъ друга, никогда не ссорились, чтобы мужъ любилъ, берегъ жену, не спускалъ ее съ глазъ, чтобы у него вяло о ней сердце.

Трава *odoljen* (Valeriana officinalis) въ сербскихъ повѣрьяхъ является по связи съ глаголомъ *одолѣть* панацеей противъ всякаго зла:

Еслибы знала женщина,
Что значитъ odoljan трава,
Всегда бы она ее брала,
Вшивала въ поясъ
Носила около себя [1]).

Травѣ oman (Inula hellenium) приписывается въ сербскихъ повѣрьяхъ способность очаровывать (omamiti):

„Omane, братъ родимый—обращаются дѣвушки къ букетамъ изъ этой травы въ Юрьевъ день—omami mi (очаруй мнѣ) того-то [2]).

Вода, которою поливаютъ траву *bujača* считается полезной для волосъ—растутъ съ нея *буйно*.

Трава *sporiš* (verbena officinalis) кладется въ амбаръ, въ муку, въ тѣсто, чтобы *спорилось*; на свадьбѣ ее держатъ подъ столомъ, чтобы молодые долго оставались свѣжими (*зелеными*) [3]).

Траву *povratiča* (tanacetum vulgare) даютъ въ смѣси съ солью женщинѣ, у которой стало подсыхать молоко, чтобы оно *воротилось* (se povratilo) [4]).

Въ Славоніи женихъ и невѣста идущіе въ церковь на вѣнчаніе кладутъ въ каждую *čarapu* (чулокъ) по монетѣ,

---

[1]) Maretić. l. c. 130.
[2]) ib. 131.
[3]) ib.
[4]) ib. 150.

чтобы ихъ кто нибудь не *зачаровалъ* [1]).

Сербскія дѣвушки, желающія выйдти замужъ, въ Юрьевъ день идутъ на *воду*, da se *vode* (чтобы ихъ увели въ замужество), захватывая съ собой *проса*, da se *prose* (чтобы ихъ просили, сватали) и вѣточку дерева *граба*, da se grabe (чтобы ихъ похитили [2]).

Къ женщинѣ *puštenice* (пущеницѣ, бросившей мужа) обращается больной грозницей: если онъ выпьетъ воды чрезъ ея рукавъ, грозница броситъ, *отпуститъ* его также, какъ она бросила мужа.

Для излеченія отъ болѣзни *nastup* пьютъ воду изъ *ступы*. Ступой пользуются и для того, чтобы у больного прошла (nastupi) болѣзнь [3]).

Результатъ предположеній о причинной связи между отдѣльными явленіями, навѣянныхъ ассоціацией идей (по сходству), слѣдуетъ видѣть во многихъ отрицательныхъ предписаніяхъ, которыми опредѣляется поведеніе современнаго славянина (нефела; ср. лат. nefas):

нельзя ѣсть вечеромъ въ часъ нищенскаго обѣда; самъ сдѣлаешься нищимъ.

не хорошо лежать головой на западъ: такъ лежатъ мертвецы [4]);

не хорошо ходить на воду съ однимъ сосудомъ: останешься одинокимъ [5]);

посѣвы дѣлаются сорными, если выносятъ изъ избы соръ рѣшетомъ [6]);

ось *перетрется*, если человѣка, запрягшаго воловъ, заставятъ держать веретено, съ котораго *сматывается* пряжа [7]);

---

[1]) Maretić l. c. 150.
[2]) ib.
[3]) ib. 152.
[4]) СбМ. X, 127.
[5]) ib.
[6]) ib. XVII, 227.
[7]) ib.

человѣкъ, у котораго на ногтяхъ появились *бѣлыя пятна*, будетъ имѣть много *ягнятъ* [1]);

у ребенка можетъ *зайдти* умъ, если онъ ѣстъ во время *заката* солнца [2]);

дѣвушка, которая носитъ перстень съ выпавшимъ камнемъ, выйдетъ за слѣпого [3]);

ребенокъ растетъ, если раздѣваясь поднимаетъ одежду вверхъ, а не спускаетъ ее съ себя [4]).

Повѣрья и предписанія, основанныя на ассоціаціи представленій, даютъ историку культуры матеріалъ болѣе сложный, чѣмъ основанныя на ассоціаціи словъ, звуковъ.

Онѣ являются одновременно продуктомъ ассоціацій грубыхъ, примитивныхъ, сложившихся въ эпоху зарожденія объективнаго знанія представленій объ отношеніи между предметами и ихъ свойствами и состояніями, между частью и цѣлымъ, органомъ и организмомъ, органомъ и функціей.

Возьмемъ для примѣра фактъ изъ области народной медицины въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Мать, желающая, чтобы ея дѣти были *румяны*, поитъ новорожденнаго *краснымъ* виномъ надъ *огнемъ* и натираетъ краснымъ яйцомъ, которое первымъ было выкрашено къ Пасхѣ [5]).

На средство сдѣлать ребенка румянымъ натолкнула, конечно, ассоціація образовъ румянаго ребенка и румянаго яблочка. Но рекомендовать матери пить красное вино, чтобы сдѣлать ребенка румянымъ, могъ только человѣкъ, предполагавшій, что *цвѣтъ* можетъ быть или потребленъ вмѣстѣ съ виномъ, *усвоиться* и передаться ребенку въ утробный періодъ его жизни, или можетъ передаться путемъ соприкосновенія.

Изучая повѣрья и предписанія народной медицины, мы должны т. о. различать въ нихъ двѣ стороны: практическую— стремленіе достигнуть извѣстнаго результата — и теоретичес-

---

[1]) СбМ. XVII, 229.

[2]) СбМ. XV, 68.

[3]) ib. VII, 127.

[4]) ib. XVII, 215. Другіе примѣры предсказаній, основанныхъ на ассоціаціяхъ по сходству. VI, 90.

[5]) ib. III, 138.

кую, философскую—тѣ первобытныя общія идеи о природѣ, которыя славянинъ стремится утилизировать съ момента ихъ возникновенія, не задаваяясь вопросомъ объ ихъ состоятельности.

Для историка культуры важнѣе, конечно, общая теоретическая сторона даннаго матеріала и мы сдѣлаемъ попытку извлечь изъ него древне-славянскую философію природы.

Качества и состоянія предметовъ для первобытнаго славянина представляли нѣчто конкретное, матеріальное, что можетъ быть отдѣлено отъ одного предмета и перенесено на другой. На такомъ представленіи основаны многія примѣты и предписанія народной медицины, указывающія способы пріобрѣтать и сохранять за собою нужныя свойства и состоянія.

Къ предположенію о свойствѣ, присущемъ данному существу, даетъ поводъ всякое обстоятельство его жизни. Ухватила напр. птицу змѣя и выпустила ее по той или иной причинѣ—сербъ считаетъ этотъ фактъ результатомъ особаго свойства птицы и стремится воспользоваться имъ въ предупрежденіе или устраненіе аналогичныхъ условій: если человѣкомъ овладѣла змѣя - лихорадка, стараются найдти такую птицу, облить ее водой и напоить этой водой больного. Палкѣ, которой человѣкъ освободилъ жабу отъ схватившей его змѣи, приписывается чудотворная сила; ею ударяютъ женщину, которая мучится родами (въ тискахъ змѣи) [1]); водой съ нея поятъ больного лихорадкой. Тоже значеніе имѣетъ вода съ треножника, который стоитъ невредимо въ огнѣ и обладаетъ способностью сопротивляться ему [2]). Пепелъ съ цыганскаго огнища употребляется противъ капустныхъ блохъ: какъ разсѣевается по свѣту цыганское племя, такъ разсѣятся и блохи [3]).

Взглядъ славянина на природу свойствъ и состояній обнаруживается все яснѣе въ представленіяхъ относительно способовъ ихъ пріобрѣтенія.

[1]) Maretić. l. c. LX, 184—185.
[2]) ib. 187.
[3]) ib. 189

Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ способовъ пріобрѣсть извѣстное свойство является потребленіе предмета, обладающаго этимъ свойствомъ. Женщина, не желающая родить двойни, не ѣсть поэтому „браслицу"—сросшихся овощей [1]). На бадній вечеръ ѣдятъ рыбу, чтобы не имѣть коросты, такъ какъ рыба ихъ не имѣетъ [2]).

Чтобы ребенокъ скорѣе заговорилъ, его поятъ изъ звонка, который носитъ на шеѣ корова [3]), или кормятъ калачемъ въ формѣ мельничнаго колеса; наоборотъ не даютъ ѣсть рыбы, чтобы не остался нѣмымъ.

На почвѣ убѣжденія, что свойства съѣденнаго предмета передаются съѣвшему, возникаютъ предосторожности, которыми обставлено питаніе беременной женщины и не ради матери, а ради ребенка, который, раздѣляя органическую жизнь матери, можетъ усвоить нежелательныя для родителей качества. Будущая мать не должна напр. ѣсть заячьго мяса, чтобы ея ребенокъ не родился пугливымъ и не спалъ такъ же тревожно, какъ заяцъ [4]), не должна ѣсть мяса животнаго зарѣзаннаго волкомъ, чтобы на тѣлѣ ребенка не появились раны, напоминающія волчьи укусы [5]), не должна ѣсть изъ конской торбы (зобница), чтобы беременность не протянулась 12 мѣсяцевъ, какъ у лошади [6]).

Безплодная женщина проситъ беременную поносить сутки подъ поясомъ кислый хлѣбецъ (квасац) и потомъ съѣдаетъ этотъ хлѣбецъ въ надеждѣ усвоить способность чадородія [7]).

Пшеницу, вареную на поминъ души, даютъ сначала ѣсть курицѣ, а потомъ уже людямъ [8]).

---

[1]) Миличевичъ. l. c. Maretić. l. c. LXII, 32.
[2]) Maretić. l. c.
[3]) СбМ.
[4]) Maretić. l. c. LXII, 33.
[5]) Милич. l. c. 189.
[6]) Милич. 190—191.
[7]) ibid. 188.
[8]) СбМ. X, 123.

Мертвецкой воды никто не пьетъ, чтобы не умереть [1]).

Чтобы у молодой матери обильно шло молоко, ей даютъ хлѣба, смоченнаго водой, сбѣгающей съ мельничнаго колеса: какъ бѣжитъ вода съ колеса, такъ будетъ бѣжать и молоко у матери [2]).

Когда принимаютъ въ домъ пріемыша, ему даютъ молока, сдоеннаго у матери и дочери, чтобы онъ такъ-же любилъ своихъ новыхъ родныхъ, какъ любятъ другъ друга мать мать и дочь [3]).

Для того, чтобы ребенокъ все ѣлъ безъ разбора, стараются, чтобы первую хлѣбную жевку дала ему женщина, отличающаяся аппетитомъ и неразборчивая на ѣду [4]).

Мать, съ ребенкомъ которой много играли вечеромъ гости, проситъ того изъ нихъ, кто хорошо спитъ, плюнуть немного въ ротъ ребенку, чтобы и онъ спалъ [5]).

Другимъ средствомъ овладѣть свойствомъ предмета является его зрительное воспріятіе: молодой женщинѣ, вступающей въ домъ мужа послѣ брака, рекомендуется посмотрѣть въ каминную трубу-дымникъ, — если она желаетъ, чтобы у нея были черноглазыя дѣти [6]). Въ повѣрьяхъ этого рода предъ нами раскрываются примитивныя представленія относительно природы зрительнаго акта: если человѣкъ *желаетъ* овладѣть тѣмъ или инымъ свойствомъ предмета, зрительное воспріятіе этого послѣдняго дѣлается какъ бы его усвоеніемъ. Пережитки этого первобытнаго представленія сохранились въ области, гдѣ они имѣютъ практическій интересъ—въ повѣрьяхъ о такъ называемомъ „дурномъ глазѣ". Въ основѣ всѣхъ этихъ повѣрій лежитъ мысль, что злой, завистливый человѣкъ можетъ взглядомъ лишить предметъ того или другого свойства, особенно пріятнаго, выгоднаго для обладателя—т. е. отнять это свойство. Но зависть, желаніе причинить вредъ не составляютъ, по ю. славянскимъ воззрѣніямъ, непремѣннаго условія

---

1) СбМ.
2) ib. IX, 137.
3) ib.
4) ib.
5) ib.
6) ib.

дурного влiянiя взгляда: „сглазить" можно и помимо воли и болгаринъ, зная это, при входѣ въ домъ, гдѣ имѣется ребенокъ, сначала смотритъ на огонь, а потомъ уже на ребенка: огонь долженъ предварительно парализовать силу взгляда. Беременная женщина можетъ не имѣть ни какого зла противъ человѣка, котораго встрѣчаетъ въ моментъ, когда ощутила въ себѣ движенiе ребенка: но она схватываетъ взглядомъ и передаетъ своему ребенку его черты и весь его типъ и не безъ вреда для него [1]). Какими послѣдствiями долженъ сопровождаться въ данномъ случаѣ взглядъ беременной, мы можемъ догадаться изъ другого повѣрья, которымъ двумъ беременнымъ запрещается глядѣть другъ на друга—иначе обѣ онѣ заболѣютъ и умрутъ [2]).

Исходя изъ того-же представленiя о значенiи взгляда, знахарь тайкомъ приготовляетъ лекарство.

На основанiи другихъ повѣрiй можно установить далѣе, что свойства одного предмета передаются другому путемъ механическаго соприкосновенiя.

Беременная женщина опасается прикоснуться или смотрѣть на предметъ, свойства котораго ей нежелательно видѣть въ своемъ ребенкѣ.

Въ Софiйскомъ округѣ дѣвушка желающая порозовѣть кладетъ на ночь *красную* нитку на *розовый* кустъ и утромъ привязываетъ эту нитку себѣ на руку [3]); женщины съ той-же цѣлью ставятъ воду подъ розовый кустъ, утромъ кладутъ въ нее первое окрашенное къ Пасхѣ яйцо и этой водой умываются.

Въ водѣ, которая падаетъ съ мельничнаго колеса, моютъ въ Юрьевъ день одежды, чтобы также падали болѣзни и несчастiя [4]).

Дѣтямъ запрещается лазить на сухiя деревья, чтобы у нихъ не остановился ростъ, какъ у этихъ деревьевъ [5]).

Мать, желающая имѣть въ изобилiи молоко для своего ребенка, входитъ въ текучую воду и бросаетъ ее за себя при-

---

[1]) Ср. Миличевичъ. 190—191. №№ 36, 49, 193—70.
[2]) СбМ. VII, 128.
[3]) XIII. 171. Ср. Maretić. l. c. LXII, 30.
[4]) ib.
[5]) Maretić. l. c. LX, 195.

горшнями [1]).

Женщину, которая начинаетъ испытывать муки родовъ, протаскиваютъ чрезъ обручъ, который лопнулъ на какой нибудь кадкѣ, чтобы лопнули обручи, стягивающіе ея животъ. Для того, чтобы облегчить муки, женщины носятъ за пазухою яйца: какъ легко падаетъ яйцо когда снимаютъ поясъ, такъ легко долженъ выпасть и ребенокъ.

Для того, чтобы перевести на свою корову *молочность* чужихъ коровъ, нужно взять корку хлѣба, и положить ее подъ камень на перекресткѣ дорогъ, по которымъ проходитъ стадо, и потомъ унести и дать своей коровѣ; корова начнетъ доить втрое больше, а у чужихъ коровъ молоко пересохнетъ [2]). Въ Славоніи съ той-же цѣлью женщина утромъ Юрьева дня ударяетъ метлой сначала по вымени чужой коровы, а потомъ своей [3]).

Желая дольше носить новую одежду, берутъ кошку, которая носитъ свою одежду (шкуру) до смерти, кладутъ ее въ свою одежду и приговариваютъ: когда кошкина одежда издерется, тогда пусть и моя издерется [4]).

Если человѣкъ желаетъ пріобрѣсти дерзость волка, онъ долженъ носить въ одеждѣ кусочекъ волчьяго глаза или сердца [5]).

Состоянія пріобрѣтаются такъ-же, какъ и свойства.

Сонъ представлялся, представляется и до сихъ поръ чѣмъ-то разлитымъ въ пространствѣ окружающемъ спящаго: его можно *унести* вмѣстѣ съ любымъ предметомъ изъ окружающей обстановки. Исходя изъ такого представленія мать маленькаго ребенка никогда не дастъ напр. унести вечеромъ изъ дома огня, чтобы съ огнемъ не унесли и сна ребенка [6]).

Въ предупрежденіе этого-же женщины, принесшія родильницѣ на третій день родовъ кушанья, не берутъ до шести

---

[1]) СбМ.
[2]) ib.
[3]) Maretić. l. c. LXII, 26.
[4]) СбМ. VIII, 144.
[5]) ib. 28.
[6]) ib. III, 141. XVII, 216.

недѣль обратно посуды, въ которой былъ подарокъ [1]).

Сонъ можно унести, поцѣловавши спящаго ребенка [2]).

Сонъ можетъ перейдти отъ одного организма къ другому чрезъ предметъ, имѣющій съ этимъ послѣднимъ соприкосновеніе, какъ напр. поясъ, повой: у ребенка, страдающаго безсонницей берутъ поясъ, кладутъ его на тропинку, черезъ которую проходятъ вечеромъ домой коровы, и послѣ прогона стада приносятъ ребенку, говоря: „на тебѣ соникъ, который принесли коровы изъ поля".

Ростъ, какъ и сонъ, можно отнять—напр. перескочивши черезъ ребенка [3]).

У сербовъ безплодная женщина идетъ на могилу женщины, умершей въ *беременности*, грызетъ на могилѣ траву и проситъ умершую передать ей свое бремя [4]), беретъ земли съ могилы и носитъ подпоясавъ животъ.

Жизнь, какъ и смерть, можетъ передѣваться матеріально путемъ механическаго соприкосновенія. У сербовъ человѣкъ, у котораго натираются руки, идетъ въ домъ, гдѣ колютъ скотину и держится за заколотое животное до сихъ поръ, пока оно не умретъ [5]).

Аналогичный взглядъ на *болѣзнь* обнаруживается въ *передачахъ* болѣзни—одномъ изъ популярнѣйшихъ пріемовъ народной ю. славянской медицины.

Смерть, постигшая человѣка, какъ и сонъ, разливается во всей окружающей мертвеца обстановкѣ и можетъ быть перенесена съ любымъ изъ входящихъ въ нее предметовъ. На этомъ воззрѣніи основанъ рядъ предосторожностей, которыя рекомендуются относительно умершаго.

Воду, которой обмывали мертвеца, нужно выливать въ такое мѣсто, куда не ступаетъ человѣческая нога [6]).

Невѣста не должна при вѣнчаніи ступать на мѣсто, гдѣ

---

1) СбМ. XV, 66.
2) ib. 69.
3) ib. 68.
4) Миличевичъ. l. c. 188.
5) Maretić. l. c.
6) СбМ. XV, 68.

стоялъ передъ тѣмъ покойникъ, чтобы у нея не умеръ ребенокъ [1]).

Душевныя состоянія въ сознаніи первобытнаго славянина такъ-же конкретны и такъ-же передаются, какъ и тѣлесныя. Типическимъ показателемъ такого воззрѣнія служатъ мѣры, принимаемыя баячками для излеченія отъ *страха*.

Если ребенокъ боится ходить, мать болгарка приглашаетъ двухъ сестеръ сосѣдокъ. Сестры берутъ ребенка за руки, выносятъ на дворъ, кладутъ ему на плечи два или три прутика и несутъ обратно къ порогу дома. Здѣсь одна изъ сестеръ снимаетъ съ плеча ребенка прутики, кладетъ ихъ на порогъ и приготовляется рубить, спрашивая сестру—очевидно, въ предположеніи, что страхъ съ ребенка перешелъ на прутики—„что мнѣ рубить—прутики или страхъ ребенка"? „Страхъ руби" отвѣчаетъ сестра. Вопросъ повторяется три раза; затѣмъ прутики перерубаются и сжигаются [2]).

О томъ-же взглядѣ на страхъ свидѣтельствуютъ и другіе способы борьбы съ нимъ: больному даютъ пить воду съ острія топора, „чтобы страхъ пересѣкся" [3]) даютъ проглотить еще бьющееся („живое") сердце воробья или цыпленка; въ это сердце долженъ перейдти страхъ [4]), для того, чтобы вылечить больного испугавшагося бросившейся на него и укусившей собаки, убиваютъ собаку, сжигаютъ ее на соломѣ и черезъ огонь заставляютъ прыгать больного, чтобы вытряхнуть страхъ [5]).

Дружескія чувства между двумя людьми могутъ нарушиться, если между ними пройдетъ третій: онъ унесетъ съ собою ихъ дружбу [6]).

Послѣ указаній на первобытно-славянскія понятія о *свойствахъ* предметовъ или явленій повѣрья даютъ намъ матеріалъ для характеристики тѣхъ *отношеній*, въ которыхъ представлялъ себѣ славянинъ явленія окружающаго міра.

[1]) СбМ. XVII, 234.
[2]) ib. VII, 127.
[3]) ib. V, 117.
[4]) ib. 118.
[5]) СбМ. X, 123.
[6]) ib. XVII, 232.

Отношенія послѣдовательности мы разсмотрѣли уже на стр. , говоря о повѣрьяхъ, основанныхъ на ассоціаціи идей. Здѣсь мы разсмотримъ отношенія *сосуществованія*.

На почвѣ этихъ отношеній развиваются представленія о связяхъ между явленіями, существующими одновременно, представленія, имѣющія между прочимъ огромное значеніе въ эволюціи соціальныхъ идей.

Своеобразныя представленія объ отношеніяхъ между явленіями обнаруживаются въ воззрѣніяхъ на одежду, тѣнь, мѣру роста, мѣсто, занимаемое предметомъ, слѣдъ и на его выдѣленія — какъ напр. слезы, молоко, потъ, экскременты, продукты менструаціи [1]).

Операціи производимыя надъ одеждой человѣка, даже надъ ея частью, отражаются на его судьбѣ. Извѣстна примѣта, въ силу которой если на живомъ человѣкѣ зашивать одежду, то зашьешь у него и память [2]).

Дѣвушка, нашедшая свою судьбу, т. е. выходящая замужъ, даритъ свою дѣвичью одежду самой любимой изъ подругъ съ пожеланіемъ, чтобы она нашла тоже счастье [3]).

Взглядъ на тѣнь, какъ на нѣчто связанное съ душей человѣка, если не на самую душу, выражается въ повѣрьяхъ связанныхъ съ возведеніемъ дома и домовыми духами.

При постройкѣ новаго дома закладываютъ въ основаніе его или мѣрку тѣни хозяина или камень, кусокъ желѣза, дерева въ его ростъ. Человѣкъ, мѣрка котораго заложена, черезъ 40 дней умираетъ; *духъ* его поселяется въ то мѣсто, гдѣ задѣлана мѣрка и становится таласумомъ дома (сѣниште), который является обитателемъ подъ видомъ привидѣнья, тѣни или нѣмого человѣка, въ одеждѣ, какую онъ носилъ при жизни [4]).

---

[1]) Относительно сербо-хорватовъ соотвѣтствующій матеріалъ превосходно обработанъ Маретичемъ въ не разъ уже цитированной нами статьѣ «Pučko vjerovanje etc.» RJA. LXII, 23.

[2]) ib. 25. Милич. I. c.

[3]) ib. 26. Ср. повѣрье, что душа послѣ погребенія носится надъ одеждой усопшаго. Lilek. op. cit. WMBH IV, 409.

[4]) СбМ. II, 29, 191. I, 74.

[5]) ib. IV, 111.

Таласумы имѣются при колодцахъ, мостахъ—при всѣхъ сооруженіяхъ, для возведенія которыхъ требовались человѣческія жертвы. По ночамъ они душатъ людей, подобно русскимъ домовымъ.

Одного происхожденія съ таласумомъ нужно считать судя по названію „сѣнку"—существо, отъ котораго преимущественно страдаютъ беременныя женщины. Сѣнка ихъ мучитъ и вызываетъ преждевременные роды [1]).

Взглядъ на *мѣсто*, занимаемое предметомъ и его связь съ послѣднимъ, выражается въ формулѣ, которой сопровождается леченіе отъ чирья: больной бросаетъ камешки, которыми онъ натиралъ чирей, въ воду и произноситъ:

Камни съ чирьемъ въ воду
Мѣсто мое внизъ по водѣ,
А я здоровый изъ воды [2]).

Предположеніе, что *молоко* сохраняетъ связь съ выдѣлившей его коровой лежитъ въ основаніи примѣты, что сыръ не слѣдуетъ поджаривать на огнѣ: у коровы или овцы будетъ сохнуть молоко [3]).

Повѣрья разсматриваемой категоріи позволяютъ намъ заглянуть въ соціальныя идеи первобытной славянской семьи, уяснить себѣ, какъ понимали ея члены соединяющую ихъ связь, проникнуть къ самому источнику идеи родства—къ первичному хаосу представленій о воображаемыхъ связяхъ, въ которыя ставили древняго славянина случайности жизни.

Болгаринъ вѣритъ до сихъ поръ, что если человѣкъ, имѣя предъ собою хлѣбъ, зарится на другой кусокъ, у него кто-нибудь голоденъ въ роднѣ; голодъ т. о. какъ бы составляетъ общее ощущеніе членовъ *рода* [4]) и родъ представляется буквально единымъ организмомъ. Какимъ образомъ сложилось представленіе о *физическихъ* связяхъ соединяющихъ членовъ рода, мы можемъ уяснить себѣ изъ другихъ повѣрій.

---

[1]) СбМ. IV, III.
[2]) СбМ. X, 125—85. Ср. V, 113—15.
[3]) ib. XVII, 216.
[4]) СбМ. XVII, 233.

Болгары вѣрятъ, что умереть одновременно должны:

1) близнецы и сверстники: когда умираетъ одинъ изъ сверстниковъ, другой ощущаетъ свистъ въ ушахъ („свират двета уши"), предвѣщающій его смерть [1]);

2) люди, которые одновременно кончаютъ ѣду, одновременно пьютъ [2]).

3) люди, которые родились въ одинъ мѣсяцъ („единомѣсечнице").

Съ наибольшей яркостью представленія о связяхъ, соединяющихъ членовъ всѣхъ этихъ группъ, выступаютъ въ повѣрьяхъ относительно „единомѣсечниковъ".

Если у женщины двое или нѣсколько дѣтей родились въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ, болѣзнь одного будетъ сообщаться другимъ; умретъ одинъ, должны умереть и другіе. Чтобы предупредить смерть этихъ послѣднихъ, прибѣгаютъ къ временной *замѣнѣ*: приготовляютъ восковую свѣчу въ ростъ ребенка и зарываютъ ее въ могилу умершаго, приговаривая: „можетъ быть, ты ищешь товарища, на вотъ, возьми его" [3]). Въ другихъ мѣстностяхъ свѣча замѣняется камнемъ одного вѣса съ живымъ [4]). Въ сѣверной Болгаріи камень этотъ кладетъ ребенокъ, который дѣлается побратимомъ оставшагося въ живыхъ: „оставляю тебѣ этотъ камень вмѣсто брата (или сестры), говоритъ ребенокъ, а себѣ беру братомъ (или сестрой) NN". Связь единомѣсячниковъ разрывается новой связью, въ которую вступаетъ оставшійся въ живыхъ ребенокъ [5]).

Тотъ-же обрядъ практикуется для расторженія связи между близнецами — умершимъ и живымъ.

Прибавимъ къ повѣрьямъ, касающимся близнецовъ, „единомѣсечниковъ", сверстниковъ, людей, вмѣстѣ ѣвшихъ и пившихъ, условія, при которыхъ по южно-славянскимъ воззрѣніямъ, возникаетъ вполнѣ соотвѣтствующее родству невольное

---

1) СбМ. XVII, 233—74.
2) ib. 235—236.
3) ib. V, 127.
4) ib. VIII, 153.
5) ib. X, 208—9.

побратимство—крещеніе въ одной водѣ [1]), купанье въ одной рѣкѣ (Іорданъ), совмѣстное хожденіе въ цѣлебныя мѣстности и т. д.—и мы получимъ цѣлый кругъ представленій, изъ котораго выдѣлилась идея родства. Этотъ-же матеріалъ позволяетъ намъ раскрыть и первичный смыслъ родственныхъ отношеній. Родство (кровное), согласно этимъ воззрѣніямъ, есть частный случай связей, которыя возникаютъ изъ такихъ отношеній сосуществованія, какъ жизнь подъ одной кровлей, одновременная ѣда, одновременное питье, купанье въ одной рѣкѣ, крещеніе въ одной водѣ. Рожденіе отъ одной матери или отъ однихъ родителей не представляетъ еще на ранней ступени соціальной эволюціи спеціальнаго условія тѣхъ частыхъ отношеній, которыя мы называемъ родственными: побратимство, возникшее при одномъ изъ перечисленныхъ условій, вполнѣ ему соотвѣтствуетъ.

По своему существу родственныя отношенія въ ихъ позднѣйшемъ видѣ представляются ослабленными сравнительно съ тѣмъ, какъ мыслились первоначально всѣ отношенія сосуществованія вообще: родные не связаны уже на жизнь и смерть какими-то физическими связями, какъ теперь еще представляются въ повѣрьяхъ люди, связанные рожденіемъ въ одно время, одновременными ѣдой и питьемъ.

Характеръ первобытныхъ представленій о родствѣ отразился въ тѣхъ практическихъ приложеніяхъ, которыя они съ древнихъ поръ нашли въ общественной жизни. Признавши что совмѣстная ѣда, совмѣстное питье создаютъ какую-то физическую связь между людьми до тѣхъ поръ чуждыми, славянинъ утилизировалъ это наблюденіе, чтобы создавать такую связь, когда она была желательна, когда онъ хотѣлъ пріобрѣсти брата или сестру, связать жизнь мужчины и женщины

---

[1]) «Когда мы были дѣтьми,
Насъ крестили въ одной водѣ,
Клали въ одно миро (sic!)
Въ одномъ саду мы росли,
Въ одной школѣ учились,
На одной скамьѣ сидѣли,
Одну книгу читали... ПС. L, 41.

вступающихъ въ половой союзъ: онъ построилъ на этихъ воззрѣніяхъ ритуалъ брака и побратимства и внесъ въ него, какъ существенные моменты, питье вина изъ одной чаши, преломленіе и потребленіе одного хлѣба [1]), опоясываніе однимъ поясомъ [2]), совмѣстное ступаніе на огнище [3]), въ хайдуцкихъ легендахъ—совмѣстное питье крови перваго схваченнаго въ лѣсу человѣка [4]). Все это не символы, а акты, которые должны были создать связь нерасторжимую до могилы. Въ нихъ находитъ свое объясненіе и первоначальная судьба вдовы у древнихъ славянъ—ея погребеніе вмѣстѣ съ умершимъ мужемъ.

Умозаключенія, основанныя на ассоціаціяхъ словъ и идей, примитивныя представленія о свойствахъ и отношеніяхъ предметовъ окружающаго міра имѣютъ одну общую и характерную черту: во всѣхъ этихъ продуктахъ духовной дѣятельности славянина проявляется исключительно результаты *сходства*, которое онъ открывалъ между явленіями.

Способность *различать* является позднѣе у человѣка вообще; позднѣе явилась она и у славянина. Ея роль въ исторіи юго-славянской мысли пока только отрицательная; съ ея развитіемъ падаютъ постепенно идеи, сложившіяся на почвѣ ошибочно предположеннаго и ошибочно истолкованнаго сходства: повѣрья теряютъ кредитъ, предписанія—обязательность. Новый міръ идей—обязанный своимъ нарожденіемъ соединенной дѣятельности обѣихъ способностей—приносятъ философія и наука. Славяне вступили въ этотъ міръ подъ воздѣйствіемъ греко-римской цивилизаціи, но въ теченіе ряда вѣковъ онъ оставался для нихъ чужимъ; почему, мы увидимъ позднѣе.

Прежде чѣмъ перейти къ этому новому періоду въ исторіи юго-славянской мысли, мы должны ознакомиться съ самымъ крупнымъ продуктомъ неразвившей еще въ себѣ способности къ *различенію*, къ высшимъ процессамъ классификаціи, объединяющей, обобщающей мысли — съ анимистическимъ созерцаніемъ природы, однимъ изъ элементовъ перво-

---

[1]) Начовъ. «Побратимство etc.» ПС. L, 41.

[2]) ib. 50.

[3]) ib. 51, 61.

[4]) ib. 51.

бытной славянской религіи.

На Я и не-Я остановилась на долго различающая, классифицирующая дѣятельность праславянской мысли. Всматриваясь въ *не-Я*, первобытный славянинъ усматривалъ въ немъ прежде всего черты, близкія къ тѣмъ, которыя онъ наблюдалъ въ себѣ. Прежде, чѣмъ узнать, какъ онъ представлялъ себѣ внѣшній міръ, не-Я, мы должны опредѣлить, стало быть, какъ онъ представлялъ свое Я.

Кое-какіе намеки на это представленіе были уже въ предшествовавшемъ изложеніи; здѣсь мы должны ихъ систематизировать и дополнить. Мы видѣли уже выше, что въ составъ Я входило много элементовъ, которые мы съ нимъ соединяемъ иначе: тѣнь, имя, отчасти лица, связанныя съ даннымъ субъектомъ той или иной формой отношеній сосуществованія. Относительно тѣни можно отмѣтить пріемы леченія эпилепсіи. Когда больной падаетъ въ первый разъ въ обморокъ, его тѣнь немедленно *заковываютъ* — забиваютъ одинъ гвоздь въ головахъ тѣни, два подъ ногами и два подъ руками — и затѣмъ всѣ присутствующіе образуютъ около больного хоро и поютъ, пока онъ не придетъ въ сознаніе. Смыслъ леченія ясенъ: тѣнь—душу заковываютъ, чтобы она не ушла отъ тѣла больного, и пѣніемъ какъ-бы призываютъ ее (будятъ) [1]).

Тѣнь можетъ быть отнята у человѣка вилами — и онъ тогда движется безцѣльно какъ муха, у которой оторвана голова [2]). Приведемъ въ дополненіе еще нѣсколько вѣрованій иллюстрирующихъ юго-славянскія воззрѣнія на элементы человѣческаго Я.

На почвѣ стремленія уяснить себѣ причинную связь явленій возникаетъ представленіе о причинѣ, которая опредѣляетъ не одно какое нибудь явленіе, а цѣлый рядъ ихъ, изъ которыхъ слагается жизнь отдѣльнаго человѣка—долѣ, счастьѣ (среħа). Мысль, что жизнь каждаго человѣка предопредѣлена уже съ момента его рожденія удовлетворяетъ умъ на той ступени развитія, когда онъ въ состояніи уже открыть

---

1) СбМ. XVII, 276.
2) СбМ. III, 157.

общія черты въ вереницѣ явленій, но не можетъ еще установить отношеніе каждаго изъ нихъ къ тѣмъ, которыя ему предшествуютъ и съ нимъ сосуществуютъ.

Вопросъ о томъ, чѣмъ, кѣмъ и когда опредѣляется направленіе жизни того или другого человѣка, рѣшался ю. славянами различно.

1) Счастье *родится* вмѣстѣ съ человѣкомъ; оно заключено вмѣстѣ съ нимъ въ той *сорочкѣ*, которая облегаетъ новорожденнаго (srečna košlujica). Какъ жизнью, какъ всѣми своими качествами, человѣкъ обязанъ имъ матери.

2) Счастье живетъ внутри человѣка въ видѣ *особаго существа* (вѣдогоня, vjetrogonja), выходитъ изъ него, когда онъ спитъ и охраняетъ его, его имущество, борется съ вѣдогонями другого человѣка. Если оно погибаетъ въ борьбѣ, спящій обладатель его умираетъ, не пробуждаясь.

Счастье, на основаніи приведенныхъ повѣрій, можно разсматривать, какъ одинъ изъ элементовъ человѣческой природы, почти тождественный съ душой.

Данныя, заключающіяся въ любопытныхъ повѣрьяхъ о змѣяхъ[1]) позволяютъ намѣтить еще элементъ, аналогичный съ душой—это мощь, силу.

Крылатые змѣи и змѣицы съ одной стороны, обыкновенныя змѣи съ другой стоятъ по юго-славянскимъ повѣрьямъ въ ближайшей связи съ человѣкомъ. Эта связь удержалась въ сознаніи славянъ не взирая на новыя воззрѣнія, которыя были внесены въ него христіанствомъ и манихейством.

Представленіе о змѣѣ, скрывающейся въ землѣ, въ расщелинахъ скалъ—какъ о существѣ близкомъ къ міру усопшихъ, какъ формѣ, въ которой эти послѣдніе являются на землѣ, составляетъ общее достояніе арійскихъ народовъ.

На почвѣ Балканскаго полуострова эта общеарійская идея получила, кажется, особенно широкое развитіе. Гречес-

---

[1]) Литература: Еф. Карановъ. Змѣятъ и змията въ българска-та нар. поэзия. ПС. IX, 125—135.
A. Nagele. Der Schlangen—Kultus. ZVP. XVII, 264—289.
Fligier. Zur. praehist. Ethnologie d. B. Halbinsel. MWAG. VI
Халанскій. Кралевичъ Марко. РФВ. XXVII, 119.
Веселовскій Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ. 114—117.
Потебня. О миө. знач. нѣкр. обрядовъ. I л. III.

кія легенды и миѳы говорятъ о женщинахъ, находившихся въ интимныхъ сношеніяхъ со змѣями-драконами [1]). Аналогичныя легенды о похожденіяхъ священныхъ драконовъ во Фригіи разсказываетъ Эліанъ: [2]) здѣсь называли цѣлыя племена, которыя вели отъ нихъ свое происхожденіе.

Къ этимъ древнимъ мѣстнымъ мотивамъ примыкаютъ и юго-славянскія сказанія о змѣяхъ.

Въ повѣрьяхъ и произведеніяхъ ю.-славянской народной поэзіи змѣи фигурируютъ въ двухъ основныхъ видахъ: это 1) безвредныя пресмыкающіяся, подъ видомъ которыхъ является „хозяинъ" дома, селенія и 2) человѣкообразныя существа, одаренныя огромнымъ могуществомъ.

Первая группа примыкаетъ къ змѣямъ - предкамъ древнихъ насельниковъ полуострова, вторая къ змѣямъ - геніямъ, героямъ и богамъ.

Змѣи второй категоріи выступаютъ въ произведеніяхъ народной поэзіи съ недостаточно ясными чертами. Съ одной стороны это совершенно обособленныя отъ людей, хотя, можетъ быть, и похожія на нихъ, существа, которыя живутъ въ пещерахъ на высокихъ горахъ; съ другой это существа, выдѣляющіяся нѣкоторыми особыми свойствами изъ среды обыкновенныхъ людей, живущія въ человѣческомъ обществѣ.

Женщина догадывается о томъ, что родитъ змѣя по продолжительной беременности: она ходитъ беременной одиннадцать мѣсяцевъ. Когда змѣй родится, его не легко отличить отъ человѣка. Его выдаютъ только золотыя крылышки подъ мышками. Выросши онъ отличается отъ обыкновеннаго человѣка большой головой и огромными глазами.

Смѣшеніе человѣческой и змѣиной природы въ змѣяхъ выражается уже въ томъ, что ихъ называютъ иногда *витек'*-ами (витек, витазъ=газиларъ).

Змѣй, прожившій долгое время, превращается въ халу. Халы являются хозяевами горъ, деревьевъ, цѣлыхъ территорій, повелѣваютъ вѣтрами живутъ въ пещерахъ на краю

[1]) Примѣры у Nagele. I. c. 265, 188.

[2]) Nagele. I. c: 275.

свѣта. Подобно змѣямъ, они имѣютъ иногда человѣческій образъ, живутъ семьями, имѣютъ дѣтей и отличаются отъ людей только чрезмѣрной прожорливостью; умираютъ они, какъ и люди [1]).

Змѣицы въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ выступаютъ вполнѣ человѣкообразными существами — за душой сына змѣицы Яны посылаетъ Богъ Архангела, когда ему не хватило человѣческихъ душъ для построенія монастыря. Въ другихъ повѣрьяхъ онѣ сливаются съ духами болѣзней.

Змѣи являются покровителями и охранителями племенныхъ территорій и цѣлыхъ земель [2]). Въ образѣ тучи они налетаютъ на другія страны, чтобы похитить ихъ счастье, и вступаютъ въ борьбу съ мѣстными змѣями, извергая огонь и громъ [3]).

Основная дѣятельность змѣевъ состоитъ въ борьбѣ съ вѣщицами, халами и ламіями, которыя дѣлаютъ градъ и наводятъ на нивы градоносныя тучи. Борьбу эту ведетъ мощь змѣя въ то время, какъ его тѣло лежитъ неподвижно [4]). Аналогичный взглядъ на силу выражается и въ болгарскихъ повѣрьяхъ о лепирахъ. Лепиръ оживаетъ въ могилѣ, но не можетъ оставить ее, потому что въ ней остается его сила („тамъ е му силата“).

Фактъ, что славянинъ считалъ существами, живущими въ человѣческомъ тѣлѣ и временно его покидающими счастье и мощь, дѣлаетъ для насъ вполнѣ понятнымъ, что подобнымъ-же образомъ онъ представлялъ себѣ и болѣзни.

Кругъ представленій объ Я мы должны дополнить т. о. представленіями о состояніяхъ, которыя человѣкъ переживаетъ временно — о болѣзняхъ.

Заболѣваніе и исцѣлѣніе представлялись ему моментами вселенія и выселенія болѣзнотворныхъ существъ.

Въ новорожденнаго, котораго случайно оставили одного до истеченія сорока дней со дня его рожденія, вселяются

---

1) СбМ. I, 100. X, 218. Мариновъ. Ж. С. I, 32—33
2) СбМ. XII. 160.
3) СбМ. IV, 126; X; 112. XII; 127,
4) ib. XII. 160.

истравици [1]). Діаррію у него такъ-же производитъ вселившаяся въ него болѣзнь [2]).

Болѣзнотворное существо, вселившееся въ человѣка, пьетъ его кровь, ѣстъ его мясо.

Элементомъ входящимъ въ существо человѣка, но способнымъ къ самосостоятельному существованію является далѣе кровь.

Изъ крови человѣка убитаго гдѣ нибудь внѣ селенія— въ лѣсу или на тропинкѣ—возникаетъ черезъ 40 дней послѣ убійства духъ, который вертится около мѣста, гдѣ былъ убитъ человѣкъ, шумитъ по ночамъ, зоветъ своихъ знакомыхъ и называетъ своихъ убійцъ [3]).

Тождественнымъ существомъ является *Жаро*, который нарождаясь черезъ 40 дней на мѣстѣ, гдѣ пролита кровь, кричитъ „бей, бей“ [4]).

Въ болгарскихъ пѣсняхъ проступаетъ воззрѣнье, что кровь есть жизненное начало въ человѣкѣ: будучи пролита, она становится, наравнѣ съ тѣнью, духомъ—таласумомъ:

В манастыр си лугье не убивай,
В манастыри сй крѫви не приливай
Крѫвите штат да таласумньашат [5]).

Таласамы подобно вѣщицамъ и вампирамъ питаются человѣческой кровью.

Рану рани таласѫм Тудора
Рану рани в селу Габруву...
Не ги зима за черните очи;
Не ги зима за бьалите лицо,
Нѫ ги зима за нини клети души,
Штом ги зима, кѫрва им испи. [6])

Въ повѣрьяхъ объ устрѣлахъ кровь является носителемъ формы, подъ которой существо живетъ: напиваясь той или иной

---

[1]) Бассановичъ. I. с. 83.
[2]) ib.
[3]) Сбм. IV, 111.
[4]) СбМ. VIII, 280.
[5]) ib. I, 99.
[6]) ib. 131.

кровью, устрѣлъ пріобрѣтаетъ соотвѣтствующія ей формы.

Рядомъ съ счастьемъ, силой, тѣнью, кровью, въ качествѣ одного изъ элементовъ Я вступаетъ и душа, на идеѣ о которой кончилась первоначальная работа славянина надъ познаніемъ самого себя.

Но первоначальному значенію душа есть дыханіе, воздухъ, выдѣляемый человѣкомъ.

Въ юнацкихъ пѣсняхъ душа выступаетъ въ видѣ змѣи обитающей въ юнакѣ:

Распори ми, бре, клето-то срдце,
Што ти да види на клетому срдце
Доосем срдца, девето-то змиа осоiница [1]).

Змѣя-душа, обитающая въ юнакѣ, ведетъ насъ къ змѣямъ-душамъ предковъ. Выйдя изъ тѣла въ моментъ смерти, она становится домовой змѣей.

Всякій домъ, селеніе, страна имѣетъ своего хозяина—стопана, стихію, сайбию—который является или въ видѣ старика съ сѣдой бородой, или въ видѣ безвредной змѣи -смока [2]).

Змѣя-покровительница дома находится въ тѣсной связи съ семьей: если она умираетъ, умираетъ кто-нибудь изъ членовъ семьи; если ее убиваютъ, умираетъ хозяинъ дома и домъ пустѣетъ [3]). Она живетъ около огнища, влазитъ и вылазитъ чрезъ трубу. Ее зовутъ хозяйкой дома (домакиня, кучарица) и ей ставятъ молоко для питья [4]). Въ Благовѣщенье она вылѣзаетъ и пересчитываетъ домочадцевъ; кого она не видѣла, тотъ умираетъ въ ближайшемъ году.

Взглядъ на ю. славянъ на отношеніе души къ тѣлу мы имѣемъ возможвость выяснить изъ повѣрій относительно экстаза, сна, обморока и смерти.

[1]) СбМ. XIII, 286. Миличевичъ. I. с. 56.
[2]) СбМ. X, 115:
[3]) Карановъ. I. 132—133: СбМ. X, 114.
[4]) ib. 133. Ср. Lilek. Die Volksglaube etc. WMBH. IV.

У болгаръ наибольшимъ уваженіемъ пользуются тѣ лекарки, которыя когда-нибудь во время болѣзни находились въ состояніи delirium'a; лекарки эти убѣждены, что, оставляя тѣло онѣ *переносились* душой на тотъ свѣтъ [1]).

Представленіе о природѣ сновидѣнія раскрывается въ слѣдующей широко распростаненной у болгаръ и сербовъ пѣснѣ:

Славу диже светитель Никола
И напија у славу Ристову
Ал'се њему мало задријема
У дријему чашу испустио,
Чаша паде на столове златне...
Кара њега громовник Илија...
Шта се тебе тако задријема
Ал' говори светитељ Никола:
Мало тренух, чудан санак усних
Навеze се триста калуђера,
Навеze се у то сињје море..
Дигоше се вјетри до облака
Удариуше по мојру таласи...
У глас викну триста калуђера:
«Помој, Боже и свети Никола»..
А ја одох, те их потпомогох.
У томе се мене задрјема,
Те ја чашу из руке испустих [2]).

Дрема Св. Николая по этой пѣснѣ является результатомъ того, что, оставаясь тѣлесно (sic!) за трапезой съ святыми, онъ отправлялся на море спасать монаховъ, призывавшихъ его на помощь.

Тотъ-же взглядъ на сонъ, какъ на отлучку души изъ тѣла, раскрывается въ повѣрьяхъ о вѣщицахъ и стухахъ.

---

[1]) Бассановичъ. I с. 76.

[2]) Караджиђ. Піесме. II, 93—4.

Вѣштицей, по воззрѣніямъ далматинцевъ, становится ребененовъ женскаго пола, который или родился подъ злой звѣздой, или при крещеніи котораго священникъ опустилъчто-нибудь въ обрядѣ и читаемыхъ молитвахъ [1]).

Души вѣщицъ и вѣщеѓуровъ выходятъ во время сна въ видѣ бабочки, ходятъ по чужимъ домамъ, пьютъ у людей кровь и возвращаются въ тѣло съ пѣніемъ пѣтуховъ [2]). Если во время скитанія души кто-нибудь перевернетъ тѣло или перешагнетъ через него кошка, душа уже не можетъ войдти въ тѣло и остается скитаться. Во время скитаній ее можетъ съѣсть собака и тогда тѣло также умираетъ. Въ воздухѣ онѣ носятся огнемъ.

Родственное вѣштицамъ, но только благодѣтельное существо представляютъ герцоговинскіе стух'и и далматинскіе krsniki.

Стух'ами становятся дѣти, зачатые наканунѣ праздника или родившіеся въ кровавой сорочкѣ. Это люди, которыхъ ихъ можно распознать только потому, что они сонливы, вялы, и носятъ длинные ногти. Они имѣются въ каждомъ племени, охраняютъ его и борятся съ стухами другихъ племенъ, иногда соединяясь въ группы. Они же наводятъ на чужія земли „злые" вѣтры и градъ. Племя, которое имѣетъ много стухъ, не боится ни града, ни непогоды. Когда дуютъ сильные вѣтры, предполагаютъ, что это бьются стухи.

Стуха ведетъ борьбу съ недругами племени, оставляя тѣло, которое въ такихъ случаяхъ представлялся какъ бы мертвымъ. Раскрывши кому нибудь свою тайну, онъ уже не можетъ летать и умираетъ [3]).

Экстазъ и сонъ, согласно приведеннымъ повѣрьямъ, представляется состояніями тѣла, которыя на время съ опредѣленной цѣлью покидаются душой.

Отлучки души изъ тѣла, существованіе внѣ его могутъ имѣть мѣсто и при бодрствованіи человѣка.

Въ одной болгарской сказкѣ разсказывается о женщинѣ, которая, выйдя замужъ за дервиша, вызнала, гдѣ у него по-

---

[1]) Zbornik za ǵivot etc. I, 123.
[2]) Бассановичъ, l. c., 109.
[3]) ГЗМ 1896, 532.

мѣщается душа, чтобы погубить его. Дервишъ сказалъ, что она находится въ медвѣдѣ, который живетъ около одного болота. Сынъ женщины убилъ и распоролъ медвѣдя, изъ медвѣдя выскочилъ заяцъ, распоролъ зайца—изъ него выскочилъ голубь, распоролъ голубя—изъ него выпала бутылочка, въ которой находилась душа дервиша. Когда онъ разбилъ бутылочку дервишъ захворалъ и умеръ [1]).

Нѣчто подобное этому предполагается и въ одной черногорской легендѣ, записанной Ровинскимъ. Мать съ дочерью рѣшила извести сына; тотъ сталъ сохнуть. Приходитъ одинъ человѣкъ и даетъ больному совѣтъ: „ступай въ вашу Велью долину; тамъ увидишь ты двѣ куплены (черныя малины), перекрестившіяся такъ, что вершина одной вросла въ землю у корня другой.,. когда прійдешь, посѣки ихъ обѣ". Такъ онъ и сдѣлалъ; а когда вернулся, то нашелъ мать и сестру посѣченными. [2]).

Куплена черногорской легенды является наравнѣ съ тѣломъ человѣка однимъ изъ обиталищъ его души—и это обиталище связано какой-то непонятной уже для насъ связью съ оставляющей его періодически душой: срубается дерево, погибаетъ и другое обиталище души—умираетъ тѣло женщины.

Обморокъ какъ свидѣтельствуютъ приводимыя ниже повѣрья о навіяхъ, есть состояніе, когда душа похищена изъ тѣла враждебными человѣку силами.

Смерть является состояніемъ, близкимъ къ сну по своей сущности. Она представляетъ собою не прекращеніе, а новую, особенную форму жизни, при которой усопшій сохраняетъ всѣ потребности живого человѣка и душа временно лишь покидаетъ тѣло. Въ округѣ Банско къ умершему ходятъ на второй день на могилу „на разбудъ" [3]).

Въ Прилѣпѣ при женитьбѣ вдовца или выходѣ замужъ вдовы мать умершаго или умершей идетъ вечеромъ на его могилу, выливаетъ на нее посудину воды, чтобы охладить сердце усопшаго (ей) и говоритъ: „вотъ тебѣ, дочка (сынокъ) воды, напейся и охлади сердце, не жалѣй очень, что мужъ твой (жена твоя) беретъ другую (другого)" [4]).

[1]) СбМ. IV, 44. Cp. Patkanov. Irtysch-Ostjaken. II, 37.
[2]) Ровинскій. l. c. II. 519.
[3]) СбМ. XII, 261; VII, 126.
[4]) ib. XIII, 244.

Въ болгарскихъ причитаніяхъ на умершаго возлагается порученіе передать привѣтъ ранѣе умершимъ родичамъ.

До христіанскія представленія о посмертномъ существованіи разъясняются въ повѣрьяхъ относительно навіевъ, пълтениковъ, таласумовъ и вампировъ. Они свидѣтельствуютъ, что существуетъ рядъ условій, при которыхъ душа умершаго продолжаетъ такъ или иначе земное существованіе.

Если трупъ умершаго переночевалъ въ домѣ, если черезъ него перескочило какое-нибудь животное или перешагнулъ человѣкъ, если его не намазывали виномъ и масломъ и не ставили ему чаши съ этими продуктами, если надъ умершимъ плачутъ въ „первое утро" послѣ погребенья, если погребаютъ человѣка окрававленнымъ, если погребеніе совершалъ не священникъ, онъ становится плтеникомъ или вампиромъ и возвращается на землю черезъ дырку въ могилѣ. „Пълтеники" невидимы, но очень тяжелы: если плтеникъ сядетъ на телѣгу, волы съ огромнымъ трудомъ тащатъ ее. Пълтеники давятъ по ночамъ мужчинъ и дѣтей, имѣютъ сношенія съ женщинами, ѣздятъ цѣлыя ночи на лошадяхъ, вырываютъ хвосты у курицъ. Дѣятельность пълтениковъ ограничена опредѣленнымъ временемъ—отъ момента смерти до перваго весенняго грома. Тѣ изъ нихъ, которымъ удается спастись отъ грома, обращаются въ вампировъ и становятся видимыми. Отличаются отъ обыкновенныхъ людей они тѣмъ, что не имѣютъ костей. Они живутъ среди людей, женятся, занимаются преимущественно мясничествомъ[1]). По ночамъ они собираются на „уралишчи" (мѣсто для народныхъ собраній) и устраиваютъ хоро подъ звуки музыки [2]).

Души дѣтей, умершихъ некрещеными, извѣстны у болгаръ и сербовъ подъ именемъ „навіевъ". Онѣ также не попадаютъ на тотъ свѣтъ, т. е. не разстаются съ тѣломъ, а живутъ на землѣ и питаются кровью животныхъ [3]).

Въ видѣ огромныхъ голыхъ птицъ навіи носятся въ воздухѣ по направленію „худыхъ" вѣтровъ, поютъ „латинскія" пѣсни и подслушиваютъ у трубъ, нѣтъ-ли въ домѣ женщины, близкой къ родамъ, проникаютъ въ такой домъ черезъ трубы и плачутъ у печки. Пѣніе ихъ слышатъ только родильницы въ глухое ночное время. Родильницу, которая услыхала ихъ пѣніе, они непремѣнно схватятъ, занесутъ въ

[1]) Бассановичъ I. 108.
[2]) СбМ. XII, 261.
[3]) СбМ. XIII, 144.

пустыню и съ трудомъ возвратятъ назадъ [1]). Признакомъ того, что она, дѣйствительно схвачена и унесена навіями, является обморокъ [2]). Чтобы не попасть въ ихъ власть, родильницы не выходятъ по вечерамъ. Матеріальная природа навіевъ раскрывается въ средствахъ, которыя употребляются для борьбы съ ними: надъ женщиной, схваченной навіями, стрѣляютъ изъ ружей, повитуха грозитъ посѣчь ихъ сѣкирой. Ребенка для предупрежденія того, чтобы его не захватили навіи, посыпаютъ солью и кладутъ въ корыто, около котораго разводятъ огонь и кладутъ сѣкиру [3]).

Въ Далмаціи навіямъ соотвѣтствуютъ Мацичи. Мацичи-это дѣти, умершіе некрещеными и обитающіе въ лимбѣ.

Существомъ, если не тождественнымъ навіямъ, то близкимъ къ нимъ по природѣ, является устрѣлъ. Устрѣлъ—это христіанскій ребенокъ, зачатый въ субботу и умершій некрещенымъ. Въ теченіе девяти дней послѣ своей смерти онъ пробиваетъ себѣ отверстіе въ могильной насыпи и отправляется блуждать по свѣту. Если во время одной изъ своихъ прогулокъ онъ находитъ стадо коровъ или овецъ, то уже не возвращается въ могилу и держится днемъ между рогами самца или задними ногами яловой коровы. Въ субботу онъ теряетъ свою силу и спитъ цѣлый день. Объ его матеріальной природѣ свидѣтельствуетъ то, что онъ боится живого огня и волковъ, питается кровью животныхъ, которыя умираютъ въ ту-же ночь [4]).

Устрѣлъ по мѣрѣ того, какъ напивается кровью, пріобрѣтаетъ способность принимать видъ различныхъ животныхъ. Послѣ того, какъ ему удастся напиться человѣческой крови, онъ пріобрѣтаетъ возможность обращаться и въ человѣка. Такіе устрѣлы, подобно вампирамъ, могутъ жениться и имѣть потомство. Жена узнаетъ мужа-устрѣла по ночнымъ отлучкамъ и потому, что онъ возвращается съ окровавленными устами [5]).

Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ повѣрьяхъ душа представляется, какъ элементъ человѣческаго Я, (1) способный отдѣляться отъ тѣла, не прекращая его жизнеспособности, (2) матеріальный по своей природѣ и почти совпадающій съ кровью, (3) нуждающійся въ соотвѣтственномъ его природѣ питаніи, 4) способный произвольно принимать различныя формы

---

1) СбМ. XIII, 142, 146.
2) ib. 144.
3) ib. 143.
4) ib. V, 131; III, 149.
5) ib. V, 132.

Душой мы заканчиваемъ анализъ элементовъ, изъ которыхъ слагается по древне-славянскимъ представленіямъ человѣческое Я. Кое-какіе намеки на отношенія этихъ элементовъ къ окружающему міру есть уже въ томъ, что изложено выше: куплена напр. есть жилище души вѣштицы; халы сливаются съ горами, деревьями, вѣтрами.

Въ ряду идей, образующихъ кругъ первобытныхъ представленій о Я, наиболѣе важное мѣсто принадлежитъ идеѣ метаморфоза — идеѣ о присущей человѣку способности превращаться въ звѣрей, птицъ, насѣкомыхъ и даже неодушевленные предметы. Мы уже видѣли, что усопшій живетъ въ домѣ подъ видомъ змѣи-стопана, можетъ выходить изъ могилы въ видѣ мышки, огня, бродитъ по землѣ въ видѣ собаки, летаетъ въ видѣ птицы и проникаетъ въ щели домовъ въ видѣ бабочки или мухи. Превращенія усопшихъ представляютъ собою только случай превращеній, которымъ можетъ подвергаться человѣкъ вообще.

Произведенія народнаго творчества говорятъ намъ о превращеніяхъ человѣка не только въ животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ, но въ дерево, камень или иной предметъ.

Превращеніе можетъ быть:

1) произвольнымъ,

2) непроизвольнымъ вслѣдствіе проклятія.

Произвольныя превращенія какъ мы видѣли совершаютъ вѣштицы, подобно душамъ умершихъ проникающія въ дома въ видѣ летучихъ мышей, курицъ т. п., kudlak'и, krsniki, оборачивающіеся волами, конями, свиньями, жабами, козами, ослами, кошками.

О произвольномъ превращеніи въ кошуту или *обратно кошуты въ женщину* говоритъ болгарская пѣсня[1]).

Медвѣдицей стървницей приходитъ къ юнаку дѣвушка-змѣица [2]). Въ кукушку превращается дѣвушка, пораженная горемъ объ умершемъ братѣ [3]).

Примѣры обращенія человѣка въ животное или неодушевленный предметъ подъ вліяніемъ проклятія составляютъ существенную часть юго-славянской космогоніи: по отношеніи къ цѣлому ряду животныхъ существуетъ убѣжденіе, что они

[1]) СбМ. XIV, 10.

[2]) СбМ. X, 22. XVII, 134.

[3]) СбМ. XVII, 216.

произошли отъ проклятыхъ людей: медвѣдь, птицы-гугулица, вирулька, обезьяна, соловей, ласточка, кукушка [1]).

Въ камень превращается человѣкъ въ наказаніе за совершенный проступокъ — за огорченіе, причиненное самовилѣ-магіосницѣ [2]); въ камни-же обращаются подъ вліяніемъ проклятія цѣлые свадебные поѣзда („сватове“).

Идея метаморфоза—центральная, основная идея пра-славянской философіи природы; это мостъ между Я и не-Я, источникъ анимистическихъ представленій о внѣшнемъ мірѣ. Разъ человѣкъ живой или мертвый—по своему желанію или по властному слову другого—можетъ обратиться въ животное, насѣкомое, камень, дерево, огонь, воду, разъ цѣлый рядъ существъ и предметовъ окружающаго міра возникъ на почвѣ метаморфозовъ человѣка, границъ между формами бытія, между одушевленнымъ и неодушевленнымъ, между человѣкомъ, животнымъ, растеніемъ нѣтъ; все едино по существу и измѣнчиво по формѣ. Предметы внѣшняго міра — животныя, растенія, воды, облака—живутъ той-же жизнью, что и человѣкъ; все это—измѣнчивыя формы, которыя произвольно принимаетъ Жизнь, Сущее.

Мы можемъ прослѣдить связь анимистическаго созерцанія міра съ идеей о присущей всѣмъ предметамъ способности измѣнять произвольно формы, начиная съ предметовъ окружающихъ человѣка въ его жилищѣ и кончая поднимающимся надъ нимъ небомъ.

Огонь, какъ мы уже видѣли изъ повѣрій относительно вѣщтицъ и вампировъ, является одной изъ формъ, подъ которыми душа странствуетъ при жизни человѣка и продолжаетъ свое существованіе послѣ его смерти. Въ связи съ такимъ воззрѣніемъ стоитъ, несомнѣнно, прямое отождествленіе огня съ родителями у болгаръ: кто топчетъ головню, чтобы потушить ее, тотъ не почитаетъ родителей—говорятъ царебродскіе болгары [3]).

Подобно древнему индусу и парсу, славянинъ былого времени смотрѣлъ на огонь, какъ на духа-хозяина дома, который оберегаетъ его отъ враждебныхъ духовъ. Пока онъ горитъ въ до-

---

[1]) СбМ. VII, 133, 137, 138.
[2]) ib. XV, 85, XVII, 312.
[3]) СбМ. IX, 89.

мѣ, въ него не могутъ проникнуть ни вампиры, ни караконжо, ни какая нибудь болѣзнь [1]. Онъ уничтожаетъ вредное вліяніе глаза: въ домѣ, гдѣ имѣется родильница, гость можетъ взглянуть на ребенка только послѣ того, какъ онъ подошелъ къ огнищу [2].

Сохраняя преданія прошлаго, сноха, впервые вступающая въ домъ свекра, прежде всего привѣтствуетъ тремя низкими поклонами огонь очага [3] и предъ нимъ символически выражаетъ готовность производить нужныхъ семьѣ дѣтей. Къ огнищу также направляется прежде всего и представитель дружины пріѣхавшей за невѣстой; сѣвши у огнища и разрывши огонь, онъ приступаетъ къ выполненію своей обязанности [4]. У огнища кладутъ новорожденнаго ребенка и посыпаютъ его пепломъ. Троекратнымъ обходомъ около огнища устанавливается до сихъ поръ у сербовъ бракъ.

О способности воды существовать подъ различными формами говорятъ слѣдующія черногорскія легенды, записанныя Равинскимъ. Иванъ-бегъ однажды охотился въ мѣстности, носящей названіе Ободъ; когда онъ былъ возлѣ пещеры, изъ нея выскочилъ необыкновенной величины дикій к о з е л ъ, весь мокрый и сталъ отряховать съ шерсти воду. Охотники устремились на него и убили его, но въ тотъ самый моментъ пещера загудѣла и изъ нея ринулась *рѣка*.

На Новой водѣ подъ дебрскимъ селомъ также прежде всего появился к о з е л ъ. Когда его ухватили и отрѣзали ему ухо, хлынула в о д а [5].

Рѣка есть или только новая ф о р м а, подъ которой живетъ человѣкъ (дѣвушка-Места) или въ ней обитаетъ таласамъ [6].

Соотвѣтственно своей природѣ вода представляется въ повѣрьяхъ славянина со всѣми аттрибутами живого существа. Каждая рѣка, каждое болото имѣетъ мѣсто, которое не замерзаетъ; это душникъ, черезъ который вода принимаетъ душу—воздухъ; безъ такого душника она не можетъ существовать [7]. Высыханіе воды болгаринъ понимаетъ, какъ смерть, и изсякшіе колодцы называются мертвыми [8].

Подобно людямъ и животнымъ вода засыпаетъ и ее не слѣдуетъ тревожить: если человѣкъ вздумаетъ брать ее

[1]) СбМ. XIV, 185.
[2]) ib. VII. 139.
[3]) СбМ. XIV, 184.
[4]) ib.
[5]) Ровинскій. I. c. II-2, 336—537.
[6]) СбМ. IX, 131; XII, 127.
[7]) СбМ. XII. 274; XIII, 252.
[8]) СбМ. V, 124.

въ полночь, она можетъ проснуться [1]). Для того, чтобы пользоваться ей, ее нужно умилостивлять жертвами—особенно въ чужой сторонѣ. Вь противномъ случаѣ вода накажетъ кашлемъ.

Рѣка понимаетъ обращаемыя къ нейрѣчи, говоритъи сама [2])

Тэма превращенія человѣка—живого или мертваго—въ дерево—излюбленная тэма славянской поэзіи: она слышится и въ оригинальныхъ произведеніяхъ и перепѣвахъ классическихъ мотивовъ [3]).

Въ дерево человѣкъ превращается подъ давленіемъ нужды, страха, горя. [4]). Когда такія деревья срубаютъ, изъ нихъ идетъ кровь [5]).

Представленіе о духахъ, обитающихъ въ деревьяхъ, укрѣплялось, несомнѣнно, преданіями о томъ, что полыя деревья служили нѣкогда жилищами длъ людей, преданіями, которыя нашли отголосокъ въ болгарскомъ проклятіи: „да будетъ ему букъ домомъ", въ отождествленіи дома съ стожеромъ у сербовъ и въ слѣдующей сербской пѣснѣ:

Boga moli mlado momče:
Daj mi, Bože, zlatne roge
I srebre parožčiće,
Da probodem boru koru,
Al u boru mlada moma,
Pak zasija kano sunce [6]).

---

1) СбМ. VI, 9:, IX, 131; X, 126.

2) ib. VI. 44.

3) А. Т. Илиевъ. Растително царство въ народната поезия, обичаитѣ обредитѣ и повѣрията на българитѣ. СбМ. VII,

4) Из момка је зелеп бук никао,
Из дивојке винова ловица...
Карад. Пјесме. I. N 422,

Закопаху добъръ юнакъ надъ села,
Закопаху малка мома подъ села;
Израсло е зеленъ борецъ надъ село,
Израсла е вита ела подъ село.
Илиевъ. о. с. СбМ. IX. 422.

Хаид'да идем въ пусто горе?
Азъ щѫ станѫ зеленъ яворъ,
Ти при мене тънка елха.
ib. 334.

5) Азъ дърво-то прѣсѣкохъ; отъ нихъ сѫ кръви текнѫли ib. .Богоровъ. 34—35.

6) RIA. XVII, 158. Кар. I, 314.

Съ постепеннымъ развитіемъ жилища и въ связи съ распространенныхъ у многихъ народовъ обычаемъ оставлять усопшаго въ его жильѣ и избирать себѣ другое деревья стали считаться жилищами предковъ. Полыя старыя деревья являются у болгаръ жилищами самодив-покровителей селеній[1]). Развитіемъ этого вѣрованія является другое—болѣе широкое: каждое дерево, подобно человѣческому жилью, имѣетъ своего стопана и такимъ стопаномъ у него является, какъ и у человѣка, змѣя[2]).

О духѣ стопанѣ, живущемъ въ деревѣ, определенно говорять сербская пѣсня:

Митар сјече витку оморику
Из оморе крвца ударила
Из оморе *нешто* проговора:
«Оста данас на Дрини ћуприја
«Оста данас, оста до вијека. [3])

Въ христіанскую пору языческое воззрѣніе приняло соотвѣтствующую окраску: старыя деревья стали считаться жилищами святыхъ, даже самого Бога[4]). Въ легендахъ позднѣйшаго типа мѣсто святыхъ заступаютъ ихъ изображенія—иконы, которыя избираютъ мѣстомъ своего пребыванія большія деревья[5]).

Въ Прилепѣ въ день „светца" поселяне во время обхода съ иконами по общественнымъ границамъ просверливаютъ дырку въ деревѣ, стоящемъ у источника, кладутъ въ нее немного „наора" и забиваютъ клиномъ, чтобы оно охраняло поле отъ града [6]).

Какъ представляютъ себѣ болгары отношеніе между деревомъ и обитающимъ въ немъ духомъ, святымъ, видно изъ слѣдующаго.

Въ Велесѣ, на горѣ св. Иліи, въ обнаженной, лишенной всякой растительности мѣстности поднимается надъ источникомъ брестъ, въ стволѣ котораго на аршинъ отъ земли имѣется сквозное отверстіе. Черезъ это отверстіе каждый считаетъ необходимымъ пролѣзть въ Ильинъ день. Люди, не имѣющіе на душѣ грѣха, пролѣзаютъ безпрепятственно; согрѣшившихъ дерево, по мѣстному повѣрью, зажимаетъ и они должны искупить грѣхъ какимъ нибудь приношеніемъ пророку[7]).

---

[1]) СбМ. IV; 100.
[2]) ib. I, 75.
[3]) ГЗМ. 1896, 531—532,
[4]) СбМ. IX, 158. XVII, 52, I. 75.
[5]) СbМ. VIII, 211,
[6]) ib. VI, 231.
[7]) СбМ. XI. 85. Ср, Lilek. O. c. IV, 445; ГЗМ. 1900. 139.

Въ связи съ духомъ родоначальникомъ, обитающимъ въ деревѣ, стоитъ роль послѣдняго въ брачномъ ритуалѣ. Въ Софійскомъ округѣ молодая, не сохранившая цѣломудрія, кланяется священному дереву и цѣлуетъ его, пока ее не возьметъ деверь [1]). Дерево раздѣляетъ съ огнищемъ рѣшающую роль при заключеніи брачнаго союза. Если бракъ происходитъ не въ церкви, его совершаютъ или при огнищѣ или при вѣковомъ деревѣ (жилища сайбіи) [2]).

Надѣляя жизнью и душой весь растительный міръ, южные славяне останавливаются съ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ предъ отдѣльными выдающимися по своимъ размѣрамъ экземплярами растительнаго міра. Сербъ боялся прикоснуться къ такимъ деревьямъ, опасаясь наказанія въ видѣ болѣзни или смерти. Если нужда заставляетъ его срубить большое дерево, онъ приноситъ ему жертву, отрубая на свѣжемъ пнѣ тѣмъ-же топоромъ голову курицѣ [3]). Съ такими-же предосторожностями болгары въ Рупчосѣ приступаютъ къ рубкѣ буковаго деревца для свадебнаго знамени. У корней деревца въ видѣ жертвы кладутъ разломанный хлѣбъ и рубятъ всѣ по очереди—деверь, золовка и дѣвушки-пѣвицы [4]). Анимистическій взглядъ на дерево у болгаръ сказывается, между прочимъ, на свадьбахъ. Въ Рупчосѣ (Ахър-Челебійскій округъ) мать приглашаетъ на свадьбу къ сыну три плодовыхъ дерева: деверь поливаетъ ихъ подъ корень три раза виномъ и оставляетъ у корня цвѣты, а мать зоветъ: „да дойдетъ, овошко, на свадба у моя синъ". [5])

Къ деревьямъ или духамъ, въ нихъ живущимъ, обращаются за помощью въ случаѣ болѣзней. Въ Ѳракіи, когда между дѣтьми появляется сильный кашель, женщина - знахарка раскапываетъ землю у корней бреста, продѣлываетъ подъ однимъ изъ корней отверстіе, черезъ которое можно протащить 12 лѣтняго ребенка и приглашаетъ всѣхъ родителей, имѣющихъ больныхъ дѣтей. Каждаго ребенка троекратно протаскиваютъ чрезъ отверстіе и и оставляютъ на вѣтвяхъ дерева ниточку отъ его одежды. Къ такому-же леченію обращаются и взрослые, страдающіе

---

[1]) СбМ.
[2]) ib. III, 68.
[3]) Караджичъ. Живот etc. 237.
[4]) Илиевъ. l. c. VII, 402.
[5]) ib. Шишковъ. Родоп. Старини. II, 15.

застарѣлыми болѣзнями; вмѣсто бреста только они обращаются къ помощи дуба [1]). Иногда вмѣсто корней служатъ вѣтви кустарника, пригнутыя къ землѣ и образующія арку [2]).

Подъ старымъ деревомъ, преимущественно подъ старой вербой совершается заговариваніе „страха" [3]). Вѣтка вербы является въ рукахъ баячки орудіемъ противъ болѣзней [4]).

Въ XIV в. у одной изъ богомильскихъ сектъ дубъ служилъ священнымъ деревомъ, подъ которымъ приносились жертвы [5]). Священные, „самодивскіе" дубы и теперь по мѣстамъ сохраняютъ свое былое значеніе: подъ ними, какъ въ XIV в., приносятся жертвы [6]).

Въ Софійскомъ округѣ въ с. Локорско стоятъ три дуба, которые, по словамъ стариковъ, охраняли село отъ градобитій. Священные дубы стоятъ неприкосновенными: ихъ не смѣютъ тронуть даже тогда, когда они свалятся, чтобы не навлечь бѣды на свой родъ.

Результатомъ метаморфоза являются и атмосферическія явленія—вѣтры, бури, градъ, облака.

Мы видѣли выше, что въ человѣческой средѣ занимаютъ мѣсто змѣи-юнаки, изъ которыхъ при извѣстныхъ условіяхъ выходятъ халы.

Хала оборачивается м г л о й, которая падаетъ на нивы во время посѣва, б у р н ы м ъ о б л а к о м ъ, когда прилетаетъ обирать грозды спѣлаго винограда [7]), г р а д о в о й т у ч е й.

На почвѣ метаморфоза возникли наконецъ анимистическія представленія относительно нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, небесныхъ свѣтилъ. Играющая такую видную роль въ южнославянской народной поэзіи Даница была когда-то дѣвушкой—королевной. Отецъ отдалъ ее за „люта змія". Когда жениха и невѣсту отвели въ брачный покой, матери жениха захотѣлось посмотрѣть за своимъ сыномъ. Оказалось, что въ брач-

---

[1]) СбМ. I, 83.
[2]) ib 84.
[3]) ib V, 117; IX, 136.
[4]) ib. III, 143,
[5]) Илиевъ l. с. 394.
[6]) „Трудъ". Г. II, кн. 60—61.
[7]) СбМ. XV, 61.

номъ покоѣ былъ уже не змѣй, а „юнакъ, какихъ мало“. Обрадованная мать закричала о чудѣ; бросился посмотрѣть на превращеніе кумъ—тогда женихъ и невѣста порхнули въ высь; невѣста стала на западѣ звѣздой Денницей, а юнакъ сталъ звѣздой на востокѣ.

Анимистическія воззрѣнія на звѣзды проступаютъ въ заклинаніяхъ отъ уроковъ. Въ числѣ существъ, которыя могутъ изурочить человѣка предполагаются и звѣзды. Предположивши, что больного изурочила звѣзда, баячка обращается къ ней съ требованіемъ: „которая звѣзда изурочила NN, пусть бродитъ всю ночь на востокъ, на западъ, на сѣверъ, на югъ, пусть не имѣетъ ни мира, ни пристанища, потомъ придетъ въ чашку и возвратитъ больному здоровье“ [1]).

Къ виду духовъ, которые своимъ происхожденіемъ не обязаны метаморфозамъ человѣческой души и утратили уже связи съ человѣчествомъ по происхожденію, но раздѣляютъ съ ними способность оборачиваться и антропоморфны, принадлежатъ солнце и луна.

Болгары по мѣстамъ считаютъ два солнца зимнее и лѣтнее и два востока въ различныхъ пунктахъ горизонта [2]).

Солнце, совершивши свой небесный путь, къ вечеру возвращается домой и поѣдаетъ цѣлые котлы всякихъ кушаній, которыя готовитъ ему мать. Если мать не успѣваетъ приготовить ужинъ, солнце убиваетъ ее и на утро оживляетъ опять [3]). Чтобы попасть въ свой домъ, оно должно опуститься въ море [4]). У него есть сестра—ясная звѣзда (Вангелина), которую оно отдаетъ въ жены юнаку, когда тотъ обогналъ его на своемъ конѣ [5]).

Нѣкогда оно имѣло два глаза, но однажды, когда оно наклонилось напиться, змѣя выпила у него одинъ глазъ [6]).

Въ христіанскую пору возникало сказаніе, что богъ создавши его задумалъ его женить. На свадьбу были приглаше-

---

[1]) СбМ. IX. 23.
[2]) ib. I. 100;
[3]) СбМ. X, 118,
[4]) СбМ. XII, 4. Ср. XVII. 13.
[5]) «Трудъ». Ч. II, 61 кн. 160—
[6]) СбМ. IX, 2321 ib. I, 100.

ны всѣ звѣри и птицы. Черепаха была догадливѣе всѣхъ и сказала Богу, что онъ задумалъ неладное дѣло: „ты, вѣдь, дашь ему дѣтей?—Дамъ... Ну тогда будетъ 5—6 солнцевъ и земля сгоритъ". „Правда", сказалъ богъ и свадьба разстроилась. Солнце съ досады погрузилось на дно моря и оставалось тамъ три дня [1]).

Луна, по вѣрованіямъ македонскихъ славянъ, разъ въ годъ—въ мартѣ—спускается на землю и мычитъ, какъ корова. Въ остальное время ее сводятъ заклинаніями знахарки-магьосницы, вражелицы (требуется, чтобы было двѣ магьосницы, мать и дочь и чтобы у каждой былъ грудной ребенокъ). Здѣсь она принимаетъ видъ свѣтящейся коровы, которую магьосницы доятъ, чтобы лечить ея молокомъ разныя болѣзни, а во время войны давать солдатамъ для прибавленія имъ силы [2]). Обратно на небо мѣсяцъ поднимается въ видѣ сѣдого старика.

Луна поѣдаетъ вареныя яйца, если они выставлены наружу, выпиваетъ часть сырыхъ яицъ, отчего образуется въ вареномъ яйцѣ маленькая пустота [3]).

Появившуюся новую луну привѣтствуютъ старые и молодые: дѣвушки начинаютъ хоро, дѣти скачутъ и обращаютъ къ ней различныя пожеланія [4]).

Луна является покровительницей супружеской любви и женщины танцуютъ при ея свѣтѣ, чтобы укрѣпить ее [5]).

Въ Македоніи каждый мѣсяцъ представляется отдѣльнымъ существомъ. Въ одной прилѣпской сказкѣ разсказывается, что одна дѣвушка, которую мать отправила ночью за водой на самовильскій источникъ подъ деревомъ, нашла тамъ старую женщину и 11 мужчинъ—молодыхъ и старыхъ. Это были 12 мѣсяцевъ [6]).

Рядомъ съ безформенными духами-хозяевами отдѣльныхъ элементовъ окружающей человѣка природы результатомъ анимистическаго созерцанія природы и его дальнѣйшей эволю-

[1]) Илиевъ. I. с. 346.
[2]) СбМ. XIII, 168.
[3]) ib. XII, 128.
[4]) ib. 124.
[5]) ib.
[6])

ціи является міръ женскихъ божественныхъ существъ, съ созданіемъ которыхъ анимизмъ дѣлаетъ уже шагъ къ индивидуализированію боговъ.

То, что прежде считалось такъ же органически связаннымъ съ духомъ, какъ тѣло съ душой—гора, вода, дерево—стало теперь лишь жилищемъ, собственностью антропоморфнаго духа—вилы. Вилы рисуются южному славянину, какъ красивыя дѣвушки, которыя живутъ въ горахъ, на полянахъ, въ деревьяхъ съ широкими кронами, при источникахъ и рѣкахъ, на перекресткахъ, подъ крышами домовъ, въ облакахъ.

Ступень, на которую поднимается религіозное творчество славянина съ созданіемъ вилъ, характеризуются не тѣмъ только, что духи какъ бы поднимаются надъ матеріей; ее характеризуетъ еще одна черта: отдѣляя духа отъ матеріи, славянинъ индивидуализируетъ его: являются вилы, обладающія собственными именами и индивидуальными внѣшними чертами.

Отмѣчая этотъ моментъ въ религіозномъ творчествѣ славянина, мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, возможности установить, въ какой степени самостоятельно славянинъ дошелъ до него.

Preller, а за нимъ Потебня и Халанскій [1]) сопоставляютъ названіе вилы съ древне-италійскимъ названіемъ лѣсныхъ и древесныхъ нимфъ — virae. Подъ именемъ virae славяне могли встрѣтить въ вѣрованіяхъ насельниковъ Б. полуострова существъ, родственныхъ тѣмъ собственнымъ „нимфамъ", о которыхъ говоритъ Прокопій и перенести черты, характеризующія virae, на рѣчныхъ и лѣсныхъ богинь своей далекой родины. Кое-какія изъ такихъ перенесенныхъ чертъ можно намѣтить уже теперь, когда сравненіе вѣрованій, смѣнявшихся на полуостровѣ, только еще начинается.

Картина, которая чаще всего рисуется въ славянской поэзіи, когда идетъ рѣчь о вилахъ, представляетъ хороводъ дѣвушекъ, пляшущихъ взявшись за руки.

Подобно нимфамъ источниковъ и лѣсовъ, вилы живутъ, какъ мы видѣли, у источниковъ и на деревьяхъ.

Нимфъ эпиграфическіе памятники ставятъ въ какую-то связь съ глазными болѣзнями: по случаю избавленія отъ

---

[1]) Preller. Romische Myth. I, 100. Потебня. Объясн. малор. и ср. нар. II, 401. Халанскій. Марко Кралевичъ. РФВ XXVII, 117.

глазныхъ страданій имъ приносятся обѣтныя жертвы [1]). Существами, насылающими глазныя болѣзни и исцѣляющими ихъ являются и ю. славянскія вилы и самовилы [2]).

Греческія нимфы причиняютъ людямъ безуміе [3]); то-же вліяніе имѣютъ на людей и вилы [4]).

Нѣкоторыхъ изъ нихъ греки представляли себѣ дѣвушками съ козьями ногами [5]); въ такомъ-же видѣ представляютъ славяне вилъ [6]).

Какъ нимфы-наяды, вилы выкармливаютъ или прикармливаютъ грудью будущихъ юнаковъ [7]).

Въ эпической поэзіи грековъ музы мстятъ героямъ, которыя осмѣливаются соперничать съ ними въ искусствѣ пѣть, ослѣпляя ихъ. Этотъ-же мотивъ имѣетъ мѣсто въ югославянской поэзіи: юнаковъ, которые осмѣливаются пѣть на территоріи, принадлежащей виламъ, онѣ ослѣпляютъ, вырывая у нихъ глаза [8]). Въ данномъ случаѣ виламъ соотвѣтствуютъ правда музы, а не нимфы, но это не измѣняетъ дѣла: тождество тѣхъ и другихъ миѳологами вполнѣ установлено [9]).

Одеждой юдъ и самовилъ является вѣнокъ и покрывало изъ бѣлаго полотна. Нѣкоторыя изъ нихъ вооружены лукомъ и стрѣлами.

Средой, чрезъ которую дошли до славянъ обломки античныхъ представленій о нимфахъ-вирахъ, слѣдуетъ считать ѳрако-иллирійскую массу. Свидѣтелями того, что ѳрако-иллирійцы усвоили культъ нимфъ, являются развалины нимфеоновъ и многочисленные обѣтныя надписи.

Съ душами умершихъ и духами-оборотнями самовилъ сближаетъ способность оборачиваться—въ утокъ, дѣвушекъ и женщинъ [10]).

За періодомъ гинекократіи въ философіи природы послѣдовалъ у славянъ, какъ и у другихъ арійцевъ ихъ родичей,

[1]) СбМ. VIII, 168; IX, 138.
[2]) ib. XII, 126.
[3]) Roscher. Myth. Lex.
[4]) ГЗМ. IX, 709.
[5])
[6]) Березинъ, l. c. II, 379.
[7]) Халанскій. l. c. РФВ XXVIII, I. Preller. Griech Myth. I, 596.
[8]) Халанскій. l. c. РФВ XXIX, 314, 315, 318.
[9]) Roscher. Myth. Lex.
[10]) СбМ. XII, 125.

періодъ андрократіи: повелителями отдѣльныхъ элементовъ природы являются боги. Съ перемѣной пола однако не измѣнился характеръ представленій объ отношеніи духа къ природѣ: боги, подобно виламъ, представляютъ толпу духовъ, въ которой только въ видѣ исключеній выдѣляются фигуры, обладающія кое-какими индивидуальными чертами.

На этой ступени остановилось славянское религіозное творчество къ періоду обособленія южно-славянской группы отъ сѣверныхъ и восточныхъ родичей. Что оно не дошло до созданія индивидуализированныхъ боговъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ отсутствіе общихъ всѣмъ группамъ боговъ съ собственными именами: восточно-славянскіе Сварогъ, Стрибогъ, Дажь-богъ, Хорсъ, Перунъ такъ-же мало могутъ считаться юго-славянскими божествами, какъ Святовитъ и его собраты.

Въ связи съ слагавшимся на протяженіе вѣковъ убѣжденіемъ, что явленія окружающаго міра совершаются независимо отъ воли человѣка, подчиняются духамъ, которые ими управляютъ, въ аккордѣ отношеній древняго славянина къ природѣ явилась новая нота: рядомъ съ обломками былой наивной вѣры въ творческую силу слова, рядомъ съ робкими попытками использовать смутно понимаемыя причинныя отношенія между явленіями возникаетъ страхъ предъ наполненнымъ духами, самодовлѣющимъ міромъ, стремленіе покорностью и дарами направить его силы въ соотвѣтствіи съ своими интересами, раждается культъ.

Культъ представлялъ собою новую систему поведенія, вытекавшую изъ новыхъ представленій о природѣ, и стоялъ въ противорѣчіи съ старыми, вытекавшими изъ вѣры въ силу слова, въ силу дѣтскаго знанія, которымъ располагалъ славянинъ. Онъ исключалъ эти системы, но сила традиціи, которой опредѣляется больше всего человѣческое поведеніе, поставила его въ компромиссъ съ нормами прошедшаго и совокупность составляющихъ славянскій культъ обрядовъ оказалось такой же пестрой, противорѣчивой и ирраціональной, какъ и совокупность теоретическихъ представленій славянина о природѣ.

Потрясенная анимизмомъ вѣра въ возможность словомъ или соотвѣтствующимъ ему дѣйствіемъ вызвать явленіе, которое желательно, оставила свои слѣды въ магическихъ формулахъ и символическихъ обрядахъ, безъ которыхъ не

обходится ни одинъ болѣе или менѣе важный моментъ въ жизни славянина. Мы прослѣдимъ ее въ дѣйствіяхъ, сопровождающихъ рожденіе, бракъ, погребеніе, начало и окончаніе хозяйственныхъ операцій, праздники.

Мы видѣли уже выше, какую роль играетъ властное слово—имя въ первые моменты жизни ребенка: оно опредѣляетъ полъ, физическую и духовную природу его [1]).

Параллельно съ словомъ идутъ и поясняющія его дѣйствія: ребенку кладутъ подъ голову вещь, которая должна опредѣлить его будущую профессію—перо, кошелекъ [2]); чтобы онъ ѣлъ охотно, его протаскиваютъ сквозь кожу, содранную съ волчьей пасти [3]).

Женщина, не желающая болѣе родить, затворяетъ ногами послѣ родовъ дверь избы или ждетъ позняго вечера и взявши уголь гаситъ его со словами: „когда этотъ уголь загорится, тогда и я пусть буду беременной". Уголь этотъ зашиваетъ она въ поясъ [4]).

Выростаетъ ребенокъ, пробуждаются въ немъ половые инстикты и опять слово и связанныя съ нимъ символическія дѣйствія опредѣляютъ его судьбу.

Въ заклинаніи сербинки - магометанки, желающей возвращенія милаго, сливаются символика, продиктованная вѣрой въ силу слова, и призывъ къ духамъ-повелителямъ природы.

Дѣвушка забиваетъ ножъ въ землю около дома и говорятъ:

„забиваю этотъ ножъ не въ землю, а въ сердце Муи... Звѣзда, по Богу сестрица, гдѣ настигнешь Мую, вырви у него сердце, приведи его ко мнѣ [5])".

Въ брачномъ ритуалѣ рядомъ съ обычаями, воспроизводящими древнюю обстановку пріобрѣтенія невѣсты, видную роль играютъ символическія дѣйствія, имѣющія цѣлью опредѣлить жизнь соединяющейся пары.

---

[1]) СбМ. III, 138.
[2]) Милич. 189.
[3]) См. выше.
[4]) ib. 194.
[5] Ibid.

Славянинъ пускаетъ въ этотъ моментъ всѣ средства, которымъ онъ располагаетъ, чтобы вызвать желаемыя явленія — и грубыя представленія о причинной связи между явленіями, и чары.

Молодая должна принести въ домъ счастье и обиліе; для этого ей даютъ подъ пазуху два хлѣба, въ руку двѣ стклянки вина [1]).

Чтобы ея дѣти не походили лицемъ на ея родныхъ, она не должна простившись съ послѣдними оборачиваться.

Чтобы легче родить, она отправляясь въ церковь развязываетъ всѣ узлы.

Приблизившись къ дому жениха, она должна заглянуть подъ его крышу и сосчитать стропила: „рогове" со словами: „сколько увидала роговъ, столько пусть будетъ у меня сыновъ [2])".

Расчесываетъ и краситъ невѣстѣ волосы женщина, родившая много дѣтей [3]).

Невѣстѣ ни въ день вѣнчанія, ни наканунѣ не даютъ ѣсть мяса, чтобы поѣзжане не перерѣзались, поссорившись [4]).

Чтобы молодая рожала мальчиковъ, собираютъ при ея вступленіи въ домъ фески мужчинъ, складываютъ въ мѣшокъ и сажаютъ ее на него [5]).

Обломки стараго отношенія къ міру сохраняются и въ обрядахъ, сопровождающихъ смерть.

Послѣ похоронъ сербы покупаютъ какую нибудь мѣдную посуду, чтобы быть здоровыми, какъ мѣдь [6]).

Ногти мужчины, который былъ въ семьѣ сѣятелемъ, обрѣзаются и кладутся въ хлѣбный амбаръ; туда-же относится горсть пшеницы, трижды пересыпанная черезъ руку умершаго, чтобы и послѣ покойника не было недостатка въ пшеницѣ [7]).

---

1) Милич. 206.
2) ib. 215.
3) il. 216.
4) ib. 330.
5) ib. 334.
6) ib. 357.
7) Ястр. l. c. 463

Во время жатвы властное слово играетъ роль хранителя полей отъ града. Когда на нивы находитъ туча, угрожающая побить созрѣвшій хлѣбъ, баба выходитъ съ ситомъ на дворъ, машетъ имъ, и кричитъ утопленницъ: „Мара стойка! Гей, Марія, Гей Магдалина, выходите на встрѣчу облаку и сверните его туда, гдѣ пѣсенъ не поютъ, не плачутъ, гдѣ пѣтухи не поютъ...“

Бездождіе вызываетъ обрядъ, въ которомъ символика и чары переплетаются съ позднѣйшимъ анимистическимъ наслоеніемъ—молитвой. Дождь вызываютъ дѣвушки — додоле, прпоруше, чароице. Одна изъ нихъ—додола — раздѣвается до нага и обвивается кругомъ различными травами и цвѣтами, символизируя растительность. Додола съ своей свитой ходитъ отъ дома къ дому и каждый хозяинъ обливаетъ ее изъ ведерка водой, символически выражая свои пожеланія.

Пѣсни, которыя поютъ прпоруши, показываютъ, что додола и ея спутницы сопровождаютъ символическія пожеланія селяковъ прямыми обращеніями къ дождю.

„Удри, удри, ситна киша...“ Въ нихъ же выражается увѣренность, что желаемый дождь, несомнѣнно, наступитъ.

Мы идемо преко села,
А облаци преко неба.
А мы брже, облакъ брже.
Облаци нас претекоше
Жито вино, поросише [1]).

Въ селахъ Моравы и Косова поля въ случаѣ появленія градовой тучи женщины выходятъ съ хлѣбомъ, яйцами, машутъ ими на тучу и поютъ:

„Овда не маши места где да паднеш,
Но иди тамо у пусту гору [2]).

---

[1]) Ястр. 465.
[2]) 175.

4) празднич

Изъ праздничныхъ дней бадній вечеръ и новый годъ сохранили болѣе всего обломковъ былой вѣры въ силу слова. У сербовъ въ сочельникъ хозяинъ дома входитъ въ избу съ древесной вѣткой, подходитъ къ очагу и говоритъ: „пришелъ новый годъ и привелъ всякое счастье—ребятъ-мальчиковъ, ярокъ, сыра, масла [1])“.

Важную роль въ рождественскихъ обрядахъ играетъ полажайникъ, счастливый человѣкъ, который долженъ первый вступить въ домъ въ день новаго года. Полажайникъ входитъ съ сумкой, наполненной фруктами, подходитъ къ огню и начинаетъ двигать взадъ и впередъ баднякъ. Надъ очагомъ снопомъ поднимаются искры, а полажайникъ выражаетъ пожеланія, чтобы столько-же родилось ягнятъ, телятъ и всякаго скота [2]).

На почвѣ символики, выражающей пожеланія, является въ обрядахъ драматическій элементъ: въ бадній вечеръ, когда строится счастье всего предстоящаго года, у сербовъ домохозяинъ вноситъ баднякъ, квакая какъ насѣдка; дѣти его сопровождающіе пищатъ, какъ цыплята.

Когда онъ отправляется въ амбаръ, чтобы принести жертву какому то духу, дѣти сопровождаютъ его, подражая крикамъ различныхъ домашнихъ животныхъ [3]).

Утромъ въ Рождество драматизированныя пожеланія выражаются въ фруктовомъ саду: одинъ изъ членовъ семьи вооружается топоромъ и спрашиваетъ каждое фруктовое дерево: „будешь ли родить!“ другой отвѣчаетъ за дерево „буду“. Та же сцена продѣлывается и относительно молодыхъ женщинъ [4]).

Второй послѣ бадняго вечера крупный праздникъ—Юрьевъ день не менѣе бадняго вечера богатъ символикой. Весна приноситъ съ собою грезы любви и чары съ брачными цѣлями занимаютъ важное мѣсто въ юрьевской обрядности: въ Призрѣнѣ дѣвушка, желающая выйдти замужъ, вынимаетъ

---

1) Кар. Животъ etc. 62—4.
2) Ястр. 35.
3) ib. 36.
4) ib. 37, 41.

изъ тканкаго станка навой и скачетъ на немъ около дома, чтобы сватъ не миновалъ его; иногда она обскакиваетъ и домъ парня, за котораго желала бы выдти замужъ [1]).

Женщины нагія, верхомъ на палкѣ, съ мутовкой на плечѣ обскакиваютъ въ эту-же ночь овчарни, чтобы никто не кралъ у нихъ молоко [2]). Любительницы чужого добра такимъ-же образомъ проскакиваютъ трижды все село, затѣмъ взлѣтаютъ на крышу и размахивая мутовкой шепчутъ: „чужой трудъ въ мою маслобойню [3]).

1 Мая, въ день св. Іереміи въ Дубровникѣ, въ періодъ его самостоятельности, ходилъ бембель—юноша въ одеждѣ украшенной зелеными листьями и обвитый змѣями безвредной породы—блаворами. Одного блавора онъ держалъ въ рукѣ и игралъ съ нимъ. Можно думать, что этотъ юноша представлялъ собою Іеремію, гонителя змѣй [4]).

Старыми представленіями о природѣ (въ частности о переходѣ свойствъ) опредѣляется и составъ праздничныхъ яствъ.

Для рождественскаго разговѣнья жарятъ въ салѣ воробья и, прежде чѣмъ ѣсть его, дотрогиваются имъ до скота; воробей долженъ сообщить и тѣмъ, кто его съѣстъ, и тѣмъ, кого онъ коснется, свою легкость и поворотливость [5]).

У сербовъ въ день сватьбы женихъ угощаетъ гостей водкой, подслащенной сахаромъ съ краской, чтобы новобрачные были здоровые и румяны [6]).

Обряды разсмотрѣннаго типа составляютъ архаическіе наросты на томъ, что составляетъ существо культа—молитвахъ и жертвахъ.

Древніе источники не даютъ намъ примѣровъ языческихъ молитвъ славянъ; возстановить ихъ на основаніи того, что совершается теперь, невозможно, такъ какъ христіанство

[1]) Ястр. 37.
[2]) ib. 144.
[3]) ib.
[4]) ib. 145.
[5]) Кар. Жив. 130.
[6])

дало населенію свои молитвенныя формулы. О характерѣ древнихъ молитвъ можно лишь догадываться.

Образцомъ элементарной по формѣ молитвы является воззваніе, съ которымъ по преданію Казанлыкскихъ болгаръ обращался къ градовымъ облакамъ одинъ милосердный къ нищимъ человѣкъ: „върти, върти Въртолуме; бій, Германе, Кутльува нива да увардишь“ [1]).

Сущность жертвы яснѣе всего раскрывается въ отношеніи славянина къ усопшимъ.

Мы видѣли, что въ составъ элементовъ человѣческаго Я входитъ между прочимъ счастье, затѣмъ лица и вещи бывшія связанными съ человѣкомъ отношеніями сосуществованія—родъ и собственность движимая и недвижимая домъ, деревья на дворѣ, одежда и пр.

Смерть, какъ перемѣщеніе усопшаго, влекла за собою, согласно этимъ представленіямъ, необходимость перемѣщенія и для всего того, что жило общей жизнью съ нимъ, и отношенія къ усопшему складываются: 1) изъ дѣйствій, которыми родные усопшаго стремятся освободиться отъ необходимости слѣдовать за нимъ въ иной міръ 2), и изъ дѣйствій, направленныхъ къ тому, чтобы усопшій оставилъ въ ихъ пользованье свое имущество и счастье.

Съ дѣйствіями перваго рода мы имѣли уже случай познакомить читателя, говоря объ „единомѣсячникахъ“. Такую-же заботу о замѣнѣ можно указать и въ поведеніи родичей усопшаго вообще.

У Сербовъ и болгаръ существуетъ повѣрье, что если въ домѣ скоро одинъ за другимъ умрутъ два человѣка, нужно ждать третьяго покойника: его позовутъ къ себѣ умершіе двое. Чтобы предупредить смерть третьяго члена семьи въ могилу второго покойника, при его погребеніи, бросаютъ живого цыпленка, какъ замѣну за третьяго мертвеца, или кладутъ этого цыпленка въ гробъ къ усопшему еще въ домѣ передъ отпѣваніемъ и потомъ заколачиваютъ и зарываютъ вмѣстѣ.

---

[1]) Мариновъ. Жива старина. I, 66.

[2]) Ястребовъ. l. c.

[3]) Миличевичъ. I. с. 338.

У сербовъ практикуется и застращиваніе умершаго. Баба беретъ топоръ и, дѣлая имъ крестъ надъ его грудью, говоритъ: „видишь-ти ты этотъ топоръ, острый топоръ? Мы изрубимъ тебя на куски, если ты скажешь на томъ свѣтѣ, сколько насъ здѣсь осталось [1])"

Формы траура являются тѣмъ минимумомъ, которымъ живые стараются удовлетворить усопшаго.

У черногорцевъ родичи неистово скачутъ у гроба, бьютъ себя кулаками по головѣ, дерутъ волосы, царапаютъ лицо, женщины бьютъ себя въ грудь и царапаютъ лицо; въ былое время онѣ обрѣзывали косы и клали ихъ въ могилу. Иныя и теперь еще въ изступленіи кидаются въ могилу; къ концу похороннаго обряда онѣ не въ состояніи держаться на ногахъ и не помнятъ себя [2]).

Выкупъ счастья составляетъ обязательный моментъ похороннаго ритуала. Покойнику болгары обваливаютъ руки въ мукѣ, умываютъ лицо виномъ, чтобы онъ не уносилъ съ собой свое счастье [5]) Сербы для достиженія той-же цѣли кладутъ на мѣсто, гдѣ лежалъ покойникъ, тарелку съ мукой [5]).

Удовлетвореніемъ правъ усопшаго на оставленное имущество являются кровавыя жертвы, которыя приносятся усопшему въ опредѣленные періоды—задушнице.

Съ вполнѣ яснымъ характеромъ замѣны, выкупа являются жертвы и другимъ властнымъ существамъ. Болгары въ Мечкинъ день (30 ноября) бросаютъ вареной кукурузы черезъ трубу медвѣдю со словами „наа ти, мечко, варен кукурузъ, да не ѣдешъ суровъ" или „наа ти, мечко, задуша" [3]).

Умилостивленіе болѣзней, которыя ѣдятъ и пьютъ больного, кушаньями составляетъ одно изъ важнѣйшихъ орудій народной медицины; къ нему сводится во многихъ случаяхъ и профилактика, и леченіе.

Болѣзни, когда онѣ не очень раздражены противъ извѣстнаго селенія, предупреждаютъ одну изъ живущихъ въ ней врачекъ о намѣреніи посѣтить его. Врачка сообщаетъ

---

[1]) Ястребовъ. О. с. 465.
[2]) Ровинскій. О. с. 310—11, 317. «Покаяніе».
[3]) СбМ. XIII, 175.
[4]) Ястребовъ. О. с. 462.

объ этомъ намѣреніи жителей и рекомендуетъ предупредить визитъ.

Всѣ врачки селенія начинаютъ собирать по селенію „милостыню“, продаютъ ее, на вырученныя деньги покупаютъ жертву и кладутъ ее на рединѣ дороги, которой должна придти болѣзнь [1]).

Чтобы прекратить болѣзнь въ домѣ или селеніи, ее выманиваютъ въ другой домъ или село пшеничной кашей, намазанной медомъ и положенной въ новую торбу съ букетомъ цвѣтовъ. Торбу эту уносятъ ночью въ сосѣднее село и оставляютъ въ саду на фруктовомъ деревѣ или—если болѣзнь нужно вынести только изъ даннаго дома—жертву кладутъ у сельскаго источника, откуда болѣзнь уже увяжется за кѣмъ-нибудь [2]).

Больной глазами направляется къ цѣлебному источнику съ чистымъ прѣснымъ хлѣбомъ, кладетъ хлѣбъ у корней дерева, которое возвышается надъ источникомъ, часть одежды на вѣтви его, бросаетъ старую монету на дно ручья [3]).

Припоминая поиски за кровью вампировъ, плтениковъ, устрѣловъ, навіевъ—поиски, къ которымъ сводится вся ихъ жизнь, припоминая, что кровь обезпечиваетъ усопшему существованіе въ данной формѣ, мы поймемъ, почему основными жертвами богамъ являются жертвы кровавыя. Въ виду значенія крови, какъ носителя формы, мы должны предположить, что жертвой, нужной духамъ соотвѣтственно ихъ природѣ должна была прежде всего явиться жертва человѣческая.

Одинъ изъ видовъ этой жертвы—усопшему—представляетъ кровавая месть—умиреніе крови, по точному и характерному выраженію сербовъ. О практиковавшихся въ давнопрошедшее время другихъ человѣческихъ жертвахъ свидѣтельствуютъ ихъ пережитки.

Сербскій бадній вечеръ характеризуется обрядами, которые какъ бы указываютъ на то, что баднякъ замѣнилъ человѣка. Около бадняка положеннаго на огонь кладутъ сошникъ, рукавицу, полную пшена, немного меда, масла, кондиръ вина (виномъ кое-гдѣ поливаютъ голову бадняка)—всѣ аттрибуты усопшихъ [4]).

---

[1]) СбМ. I, 90

[2]) ib. 89.

[3]) ib. VI, 100.

[4]) Ястребовъ. О. с.

Баднякъ кормятъ и тогда, когда онъ перегоритъ, чтобы былъ урожай на жито [1]).

Въ Призрѣнѣ семья смотритъ, какъ будетъ ѣсть баднякъ. Иногда, предполагая, что онъ стѣсняется, уходятъ въ сосѣднюю комнату [2]).

У болгаръ пережиткомъ былыхъ человѣческихъ жертвоприношеній является такъ называемый „Германъ". Въ Роховѣ, если долго нѣтъ дождя, дѣти дѣлаютъ Германа изъ грязи. Одна изъ дѣвочекъ играетъ роль матери Германа, покрывается чернымъ платкомъ и плачетъ. Остальные изображаютъ священника и носильщиковъ. Оплакивая Германа, дѣти несутъ его къ рѣкѣ и зарываютъ на ея берегу. Вернувшись они собираютъ на Германа хлѣбъ, деньги и готовятъ поминки. Каждый изъ участниковъ обряда долженъ плакать.

Такая-же жертва приносится, когда слишкомъ долго идетъ дождь, но Германъ дѣлается изъ сухой метлы, которую одѣваютъ, какъ куклу [3]).

О человѣческихъ жертвахъ при постройкѣ мостовъ и зданій было уже говорено выше (см. таласамъ, сѣнка).

Всѣ другія жертвы можно считать замѣной человѣческихъ.

Ровинскій приводитъ черногорскую легенду о больномъ здухачѣ (стухѣ), который объяснилъ своему брату, что онъ неминуемо умретъ, если не „замѣнитъ себя", т. е. если не погибнетъ его противникъ [4]).

У болгаръ для спасенія больного приносится жертва, извѣстная подъ названіемъ „намѣстникъ". Лицо, назначенное больнымъ, выбираетъ чернаго барана и закалаетъ его. Кровью жертвы обрызгиваются стѣны дома (очевидно, существо требующее жертвы, слито съ домомъ), а свареное мясо распредѣляется между всѣми жителями селенія, приглашенными „на намѣстникъ"". Во время трапезы на южной и сѣверной сторонахъ помѣщенія, въ которомъ находится больной, горятъ свѣчи [5]).

---

1) Ястр. l. c. 37.

2) ib. 38—39.

3) СбМ. XIII, 178. Ср. Дювернуа l. c.: «въ Еневъ—день дѣлаютъ фигуру человѣка изъ тряпокъ и зарываютъ въ землю». 1601».

4) l. c. II, 531. Ср. «замѣна» при кровавой мести. ib. II, 73.

5) СбМ. III. 275.

Замѣной же являются жертвы, которыя приносятся въ случаѣ болѣзни болгарами у такъ называемыхъ „самодивскихъ кладенцевъ“: здѣсь на вѣткахъ терна или какого нибудь другого дерева больные оставляютъ тряпочки отъ одежды, отрѣзки отъ пояса, нитки, которыми былъ связанъ больной[1]).

Картину древняго жертвоприношенія можно представить себѣ по тому, что происходитъ въ настоящее время.

Въ с. Стоиловѣ Мало-Габровскаго округа 21 мая жители съ своими гостями собираются подъ звуки музыки на площадку около церкви и отсюда идутъ съ священникомъ на высокій, поросшій мугучимъ толстоствольнымъ лѣсомъ холмъ. Здѣсь подъ деревьями оказываются уже постланными войлока, на которые садятся семьи съ гостями; жарятся на рожнахъ или варятся въ котлахъ ягнята; на древесныхъ вѣткахъ висятъ подойники съ молокомъ.

Колесники Софійскаго округа приносятъ общую жертву передъ крестомъ, стоящимъ уединненно на границѣ округа. На полянѣ около креста разставлены камни, передъ которыми ставятся столы съ жертвенными яствами[2]). Къ этой картинѣ очень близко подходитъ другая, которую мы имѣемъ отъ одного изъ путешественниковъ XVI в. Описывая оброчище павликіанъ (?), Марсильи говоритъ: „храмъ ихъ—плоское мѣсто; въ одной сторонѣ его возвышалось большое дерево, на которомъ были набиты деревянные колья для подвѣшиванія жертвъ (части заколотыхъ коровъ и овецъ), передъ деревомъ былъ забитъ въ землю грубый, сдѣланный изъ камня крестъ—среди площади стоялъ каменный столъ, на которомъ приносились жертвы, и маленькіе столики, на которыхъ ѣли жертвенное мясо“ [3]).

Жертвенное мясо молящіеся раздѣляли съ богами. О долѣ, которая приносилась богамъ, можно судить по тому, что въ настоящее время получаетъ священникъ—это кожа, переднія ноги, три ребра[4]), нижняя челюсть и главнымъ об-

---

1) СбМ. X, 151.

2) ib. XIII, 166.

3) Marsilly. Stato militare del imperio Ottomano, 24. Ср. «Сегашни павликіани etc.» СбМ. XI.

4) СбМ. IX, 224.

Жертвенное животное (чаще всего ягненокъ) должно быть непремѣнно хорошо упитанное, мужскаго пола; предъ закаланiемъ оно украшается; приготовляется—варится или жарится—въ цѣльномъ видѣ вмѣстѣ съ головой и внутренностями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ животное живымъ зарывается въ землю; такъ болгарскiе каменьщики, приступая весной къ работамъ, 1 марта или 1 апрѣля зарывали въ землю съ поднятыми вверхъ ногами живого осла или живую собаку, чтобы за лѣто не шелъ дождь.

Принятіе христіанства. Нарожденіе и развитіе письменности въ средніе вѣка.

Принятіе христіанства открыло южнымъ славянамъ доступъ въ міръ идей, который слагался въ высшихъ культурныхъ слояхъ Восточной и Западной Имперій изъ сочетанія античной науки и философіи съ итогами семитической мысли.

Христіанство стало проникать въ среду ю. славянъ почти одновременно съ ихъ появленіемъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ долинѣ Дуная. Какъ и когда крестились славяне Истріи, Каринтіи, Крайны, Далмаціи, Хорватіи, Сербіи, достовѣрныхъ историческихъ указаній нѣтъ. Это былъ процессъ медленный и столь-же незамѣтный, какъ и славянская колонизація. Тотъ же характеръ дѣло имѣло и у славянъ Македоніи, Ѳракіи и Мизіи. Пріуроченнымъ къ одному моменту, исходящимъ отъ толчка государственной власти обращеніе къ христіанству является только у начинавшей ославяниваться болгарской орды.

О томъ, какъ происходила проповѣдь христіанства въ VI—VII в.в., даютъ понятіе явленія, имѣвшія мѣсто въ Болгаріи въ IX в. Вотъ факты изъ документа этой эпохи.

„Какой-то жидъ, мы не знаемъ, какой вѣры, христіанской или языческой, окрестилъ у насъ многихъ. Что дѣлать съ крещеными?“

„Какой-то грекъ, ложно выдававшій себя за пресвитера, окрестилъ у насъ многихъ и, узнавъ обманъ, мы опредѣлили отрѣзать ему уши и носъ, бить его и выгнать... Крещеные имъ—христіане-ли?“

„Что дѣлать съ нечестивыми книгами, которыя мы получили отъ сарацинъ (арабовъ-магометанъ)?“

„...Въ землю нашу пришли изъ разныхъ мѣстъ многіе проповѣдники, какъ-то: Греки, Армяне, и изъ другихъ мѣстъ и учатъ насъ различно“ [1].

Въ этихъ четырехъ вопросахъ, обращенныхъ въ 868 г. болгарами папѣ Николаю, обрисовывается ярко картина духовной жизни Болгаріи IX в. Не будетъ никакой ошибки предположить, что положеніе дѣлъ, выступающее въ вопросахъ, могло имѣть мѣсто въ періодъ предшествующій и на всемъ полуостровѣ. Славяне крестились исподволь, привлекаемые проповѣдниками, которые дѣйствовали каждый за себя.

Какой переворотъ христіанство произвело въ міросозерцаніи южныхъ славянъ, мы увидимъ далѣе. Предварительно намъ нужно выдвинуть тѣ орудія идейнаго воздѣйствія, которыми оно располагало.

Съ принятіемъ христіанства стояла въ неразрывной связи граматность. Новый культъ требовалъ служителей, которые возносили бы установленныя разъ навсегда молитвы; истины новой вѣры были также отчетливо формулированы въ спеціальныхъ произведеніяхъ письменности. Письменность и языкъ богослуженія, конечно, заимствованы были неофитами у учителей: на западѣ это былъ языкъ латинскій, на востокѣ—греческій [2]. При посредствѣ этихъ орудій славяне начинали втягиваться тамъ въ романскій міръ, здѣсь въ греческій. Къ какимъ результатамъ могъ привести этотъ процессъ въ своемъ крайнемъ развитіи, показала судьба славянъ въ Греціи и отчасти въ Далмаціи. Minimum'омъ тѣхъ жертвъ, которыя должны были принести славяне за доступъ въ семью христіанскихъ народовъ, была политическая зависимость отъ просвѣтителей.

Процессъ былъ остановленъ нарожденіемъ національной славянской письменности и введеніемъ славянскаго языка въ богослуженіе.

Въ концѣ минувшаго вѣка директоръ Константинопольскаго археологическаго института Ѳ. И. Успенскій при раскопкахъ на мѣстѣ древней столицы болгарскихъ царей Прѣс-

[1]) Mansi. Collectio conciliorum. XV, 408, 432.
[2]) Ср. Сказаніе Храбра о письменахъ. Калайд. 189.

лава нашелъ на обломкахъ стѣнъ и черепкахъ (?) относящихся къ VII—VIII в. остатки славянскихъ письменъ—буквы к, ж, а. Это открытіе дало поводъ предполагать, что славянская азбука—кириллица—существовала у болгаръ чуть не за два вѣка до Кирилла и Меѳодія и явилась у балк. славянъ одновременно съ христіанствомъ.

Намъ кажется, что хронологія надписи и памятника сомнительна: если въ Прѣславѣ въ VII—VIII в.в. была настолько въ ходу славянская грамата, что стѣны зданій покрывались славянскими надписями, то представляется непонятнымъ, почему въ первой четверти IX в. ханъ Омортагъ и его современники употребляли для надписей не только греческій алфавитъ, но и греческій языкъ—припомнимъ надписи, которыя проливаютъ такой свѣтъ на политическую организацію болгаръ IX в. [1]). Надписи эти позволяютъ по крайней мѣрѣ для Дунайской Болгаріи установить, что въ первой половинѣ IX в. славянскій алфавитъ въ ней еще не былъ извѣстенъ.

Употребленіе греческаго языка и алфавита въ эпоху Омортага достаточно опредѣленно указываетъ дату, за которую мы не имѣемъ права отодвигать существованіе кириллицы.

Тоже самое на основаніи палеографическихъ данныхъ приходится сказать и относительно второго славянскаго алфавита—т. н. глаголицы.

Полстолѣтія тому назадъ Миклошичъ поставилъ гипотезу, которая могла бы пріобрѣсти широкій кредитъ въ наше время, когда медленное творчество массъ выдвигается впередъ за счетъ вдохновенныхъ изобрѣтеній отдѣльныхъ личностей: онъ высказалъ догадку, что глаголица

---

[1]) Петрушевичъ. Истор. фил. I. Кириллица и Глаголица ПЛС Т. I, 2, 8, 12. Гипотеза г. Петрушевича совпадаетъ съ выводами, которые дѣлаетъ епископъ Порфирій Успенскій изъ легенды о Кириллѣ Каппадокійскомъ, жившемъ въ VII в. (680)—но степень достовѣрности этой легенды очевидна уже изъ одного обстоятельства: имена болгарскихъ князей VII—IX в. извѣстны изъ греческихъ и славянскихъ источниковъ; неславянскій типъ ихъ не подлежитъ сомнѣнію; между тѣмъ въ легендѣ о Кириллѣ болгарскіе князья называются Десмиръ (Моравскій) и Радивой Преславскій.

есть греческій алфавитъ, видоизмѣненный иллирійцами и заимствованный славянами у этихъ послѣднихъ послѣ водворенія на полуостровѣ. Посредствующей ступенью могъ по этой теоріи быть албанскій алфавитъ, существующій донынѣ.

Съ исторической точки зрѣнія противъ этой гипотезы нельзя ничего возразить. Если бессы въ V в. совершали христіанское богослуженіе на своемъ языкѣ и имѣли eo ipso свою письменность, нѣтъ основаній отрицать возможность существованія своего алфавита у славянъ.

И національные алфавиты, и идею богослуженія на родномъ языкѣ славяне, несомнѣнно, нашли на полуостровѣ и новыя впечатлѣнія должны были только осмыслить то, что они видѣли уже у сосѣдей готовъ на своей русской родинѣ. Ничто не мѣшаетъ предполагать поэтому, что и новые насельники полуострова могли ощутить съ началомъ среди нихъ христіанской проповѣди тѣ-же потребности, что и аборигены —бессы и иллиры. Такъ ли они ихъ удовлетворили, какъ думалъ Миклошичъ, должна была показать палеографія.

При всемъ разнообразіи рѣшеній, къ которому приходятъ изслѣдователи-палеографы по вопросу о происхожденіи и первоисточникѣ глаголиты, вопросъ о времени ея появленія рѣшается одинаково: появленіе глаголиты пріурочивается въ окончательномъ видѣ къ второй половинѣ IX в. [1]), т. е. къ эпохѣ, которая отмѣчена просвѣтительной дѣятельностью братьевъ-солунянъ Кирилла (Константина) и Меѳодія.

По вопросу о значеніи, которое имѣютъ братья въ исторіи ю. славянскаго просвѣщенія выросла огромная литература, опирающаяся на солидномъ, повидимому, фундаментѣ источниковъ. Эта литература оставляетъ однако открытыми самые существенные, основные вопросы, которые выдвигаетъ исторія юго-славянской культуры:

---

[1]) Глаголиту выводили изъ алфавитовъ: албанскаго (Geitler. Die albanesische u. slav. Schriften. W. 1883), грузинскаго (Abicht. Ist die Aenlichkeit d. glagol. mit dem grusinischen Alphabet ein Zufall. 1895), самаританскаго (Wondrak. Zur Frage nach Herkunft d. glagol. Alphabets. ASPh. XVIII—XIX)., персидскаго (В. Миллеръ. ЖМНП т. 232).

были-ли братья — славяне и ихъ подвигъ выраженіемъ народнаго самосознанія?

2) были ли они творцами алфавита и переводовъ или исправителями существовавшаго уже перваго и редакторами послѣднихъ?

Косвенный отвѣтъ на вопросъ—и въ пользу славянства— дается какъ всѣмъ дѣломъ Кирилла и Меѳодія, такъ и обстоятельствами ихъ жизни.

Изъ Солуни, гдѣ греки достаточно знали славянскій языкъ, Кириллъ 15-ти лѣтнимъ мальчикомъ былъ увезенъ въ Константинополь; здѣсь онъ учился въ придворной средѣ вмѣстѣ съ императоромъ Михаиломъ, здѣсь-же поступилъ на службу, сначала въ патріаршую библіотеку; отсюда совершалъ продолжительныя миссіонерскія путешествія къ арабамъ и хазарамъ и при всемъ этомъ настолько не забылъ славянскаго языка, что, получивши назначаніе ѣхать въ Моравію, немедленно яко-бы приступилъ къ составленію особой славянской азбуки и переводу священныхъ книгъ на славянскій языкъ. Переводъ дѣлался спѣшно и тѣмъ не менѣе въ распоряженіи переводчика оказывается словарь, котораго нельзя было пріобрѣсти въ пору дѣтства ни на рынкѣ, ни отъ прислуги, словарь, охватывавшій интимнѣйшія стороны духовной жизни и до извѣстной степени созданный вновь ad hoc переводчикомъ. Все это представляется достаточно неправдоподобнымъ и скорѣе свидѣтельствуетъ въ пользу того, что славянскій языкъ былъ для Кирилла роднымъ, котораго онъ только не забылъ вдали отъ родины. Въ противномъ случаѣ естественнѣе допустить одну изъ двухъ гипотезъ, для которыхъ даютъ основанія источники: 1) или Кириллъ переработалъ „русскую" азбуку и русскія книги, 2) или онъ былъ фирмой, за которой скрывается работа его „поспѣшниковъ" славянъ. Признавая болѣе правдоподобнымъ славянское происхожденіе братьевъ, мы соотвѣтственнымъ образомъ рѣшимъ и вопросъ объ условіяхъ возникновенія перевода: Кириллъ, по преданію, для своихъ земляковъ—македонскихъ славянъ— создалъ алфавитъ и письменность.

Спросъ, предъявленный изъ Моравіи, далъ широкое политическое и культурно-историческое значеніе дѣлу, которое зараждалось на полуостровѣ.

Потребность въ элементахъ самостоятельной культуры явилась у славянъ тамъ, гдѣ сильнѣе сказалась опасность денаціонализаціи—въ Моравіи. Моравія уже втягивалась въ сферу нѣмецкаго вліянія: ея князья были вассалами имперіи; христіанство, шедшее изъ Рима при посредствѣ нѣмецкихъ епископовъ, было новымъ звѣномъ въ цѣпи, которая приковывала славянъ къ нѣмцамъ. Независимость церковная, культурная являлась здѣсь ступенью къ независимости политической. Такъ понялъ положеніе великій князь Моравскій Ростиславъ и обратился въ 862 г. въ Византію за проповѣдниками, которые могли бы наставлять моравянъ въ истинахъ христіанства на родномъ языкѣ.

Запросъ, обращенный моравскимъ княземъ къ далекой Византіи, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ хорошо былъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ ней и надѣялся найдти тамъ нужныхъ людей.

Откуда онъ могъ пріобрѣсти это знакомство, разъясняетъ намъ исторія экономическихъ отношеній Моравіи къ Византіи и Балканскому полуострову.

Мы видѣли уже выше, что болгары IX в. были торговыми посредниками между Византійской имперіей и Средней Европой—Моравіей, Германіей. Чрезъ Болгарію моравскіе товары шли въ Византію, византійскіе—въ Моравію.

Что имѣло мѣсто при Симеонѣ, могло быть и на полстолѣтія ранѣе. Болгарскіе купцы могли держать своихъ моравскихъ корреспондентовъ au courant всего, что совершалось въ экономической и духовной жизни полуострова; черезъ нихъ въ Моравіи могли узнать и о славянской проповѣди въ Македоніи и о славянскихъ книгахъ. Въ томъ-же направленіи дѣйствовали, конечно, и захожіе проповѣдники „изъ влахъ и изъ грекъ“, о которыхъ говоритъ паннонское житіе Меѳодія. Обращаясь къ Византіи, Ростиславъ имѣлъ въ виду, конечно, только получить славянъ-священниковъ, которые могли-бы поучать моравянъ на славянскомъ языкѣ.

Братья дали больше; они унесли въ Моравію переводъ Евангелія, апостолъ въ порядкѣ церковныхъ чтеній, псалтирь, служебникъ, заключающій въ себѣ молитвы и пѣснопѣнія, читаемыя за утреней, часами, обѣдней, вечерней, повечерницей и во

время крещенія по уставу византійской церкви. Ученикъ Кирилла Климентъ перевелъ ветхій завѣтъ (кромѣ Маккавеевъ), Меѳодію приписывается переводъ номоканона (сборникъ церковнаго права) и патерика (собранія житій отцевъ церкви [1]).

Кириллъ и Меѳодій пережили уже два юбилея. Пышныя слова, трескучая реторика остались позади и возвратъ къ нимъ со стороны современнаго историка былъ-бы безцѣльнымъ. Дѣло братьевъ на столько грандіозно по своимъ результатамъ, что о немъ можно говорить просто и спокойно. Навязывать Кириллу и Меѳодію широкія славянскія или даже греко-славянскія идеи мы не имѣемъ основаній въ источникахъ. Началось ихъ дѣло скромно, стремленіемъ просвѣтить македонскихъ славянъ, вышло изъ рамокъ узкаго провинціальнаго предпріятія благодаря запросамъ Ростислава, выросло до размѣровъ все-славянскаго благодаря страстной оппозиціи нѣмцевъ, которые выжили учениковъ Меѳодія изъ Моравіи, получило значеніе явленія всемірно-историческаго благодаря своему вѣковому вліянію на славянскую культуру.

Что-же принесло это дѣло славянскому міру вообще, южнымъ славянамъ въ частности?

Прежде всего то, что приноситъ и въ настоящее время тѣмъ-же славянамъ переводная литература: дало, точнѣе могло дать, массамъ незнакомымъ съ чужими языками возможность овладѣть результатами духовной дѣятельности болѣе развитыхъ народовъ.

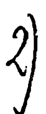
Мы сказали „могло". Къ сожалѣнію великое дѣло почти остановилось на потенціальной стадіи. Это не значитъ однако, что оно было мертворожденнымъ, что былъ ложенъ его принципъ. Братья дали орудіе для переводческой дѣятельности, но не въ ихъ силахъ, не въ силахъ ихъ преемниковъ было создать спросъ на книги; спросъ этотъ зависѣлъ отъ уровня матеріальной культуры массы, а онъ былъ благодаря внѣшнимъ политическимъ условіямъ очень не высокъ: мы видѣли, что сербы и болгары только въ теченіи немногихъ десятилѣтій на протяженіи всей своей средневѣковой исторіи пользовались относительнымъ спокойствіемъ и благосостояніемъ; мы увидимъ, что въ эти короткіе свѣтлые промежутки возни-

---

[1]) Ягичъ. Ист. Сербо-Хорв. лит. 71 сл.

какъ спросъ на переводную литературу. Значеніе родного литературнаго языка, внесеннаго Кирилломъ и Меѳодіемъ въ качествѣ фактора въ исторію славянскаго просвѣщенія, выяснится во всей полнотѣ только послѣ изученія современнаго юго-славянскаго фольклора со стороны образовъ и идей: это изученіе покажетъ, какъ полно было усвоено массой—благодаря родному языку—то немногое, что вносила въ духовную жизнь народа письменность. Нѣсколько указаній въ этомъ смыслѣ будетъ сдѣлано далѣе.

Это дѣло предупредило затѣмъ поглощеніе славянской стихіи греческой на подобіе того, что произошло въ Италіи съ остъ-готами и лангобардами, въ Испаніи съ вестъ-готами, въ Галліи съ франками.

Оно предупредило начинавшееся уже, какъ мы видѣли, огреченіе болгарской орды.—Христіанство и славянская литургія имѣли рѣшающее значеніе въ глухой борьбѣ этническихъ элементовъ, изъ которыхъ слагалось болгарское *государство*. Продолжающее господство язычества должно было укрѣплять значеніе тюркскаго элемента и связи болгаръ съ родственными племенами, занимавшими южную Россію. Соединенное съ народнымъ славянскимъ языкомъ въ богослуженіи христіанство означало побѣду славянскаго элемента, превращеніе болгаръ въ славянскую націю. Тюрская аристократія, современная Борису, такъ, повидимому, и понимала положеніе вещей; отсюда ожесточенная оппозиція ея противъ христіанства. Побѣда славянства укрѣплялась тѣмъ, что христіанство создавало почву для единенія между славянами Мизіи и славянами Македоніи и Ѳракіи: только съ момента принятія тюрками-болгарами христіанства и окончательнаго ихъ ославяненія становится возможнымъ образованіе державы Самуила и единой народности изъ славянъ Мизіи, Ѳракіи и Македоніи подъ властью царей болгарскаго происхожденія.

Оно предупредило окончательный разрывъ между племенами, входившими—одни въ сферу вліянія греческой культуры (сербы, болгары), другія въ сферу латинской (приморскіе сербо-хорваты).

Оно создало вмѣсто этого разрыва тѣсную культурную связь между сербо хорватами и болгарами; показателемъ этой связи является невозможный при иныхъ условіяхъ разливъ богомильства по всему полуострову.

Оно вызвало къ жизни—раньше чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ—идею національности и еще болѣе широкую идею солидарности цѣлой группы народовъ, имѣющихъ общую культуру и общее происхожденіе—идею т. н. панславизма, которая является прототипомъ для нарождающихся только теперь въ романо-германскомъ мірѣ идей пангерманизма, панроманизма, панамериканизма. Въ этомъ проявленіи своемъ дѣло Кирилла и Меѳодія поднимается на высоту явленія всемірно-историческаго; его вліяніе чувствуется всюду, гдѣ въ области культурныхъ вопросовъ поднимается знамя демократіи и національности: Лютеръ считалъ себя преемникомъ чеха Гусса, а Гуссъ только призвалъ къ новой жизни незабытыя еще преданія Меѳодіевской эпохи; результатомъ водворенія славянскихъ богомильскихъ толковъ во Франціи былъ переводъ на народный языкъ Библіи, сдѣланный альбигойцами.

Въ 885 г. прекращается развитіе славянской письменности въ Моравіи: умираетъ Меѳодій, вмѣстѣ съ нимъ умираетъ и идея церковной независимости Моравіи отъ нѣмцевъ. Ученики Меѳодія—Гораздъ, Климентъ, Наумъ, Ангеларъ и Сава въ сопровожденіи 200 другихъ—ищутъ спасенія отъ нѣмцевъ въ Болгаріи и приносятъ сюда всю созданную въ Моравіи литературу. Литература эта была уже достаточно обширна для того, чтобы удовлетворять основнымъ потребностямъ молодого христіанскаго народа. Группа опытныхъ въ переводческомъ дѣлѣ людей, утвердившись на родинѣ молодого литературнаго языка, повела дѣло просвѣщенія дальше. X вѣкъ—„золотой вѣкъ" Симеона—является порой самой напряженной переводческой дѣятельности въ Болгаріи.

Отдаленные тысячелѣтіемъ отъ первыхъ шаговъ народной славянской литературы, мы должны для оцѣнки направленія, въ которомъ они были сдѣланы, перенестись въ культурныя условія IX—X в.в.

Въ распоряженіи учениковъ Кирилла и Меѳодія была, повидимому, вся художественная, научная и философская литература древняго міра, все, что такъ могущественно вліяло на германскую и романскую мысль, начиная съ эпохи Возрожденія—и тѣмъ не менѣе ни въ X в., ни въ послѣдующія столѣтія мы не видимъ произведеній этой литературы въ переводахъ. Виноваты-ли были въ этомъ ученики славянскихъ

просвѣтителей или ихъ преемники? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ дать только тогда, когда положительно рѣшимъ другой: имѣли-ли въ глазахъ грековъ IX—X в. произведенія античной литературы ту цѣну, которую имъ придавали позднѣе, могли-ли они направить новичковъ-славянъ къ этому источнику просвѣщенія?—Такого рѣшенія мы дать не можемъ. Античная литература была для грека IX—X в. чужой и мертвой; творческая традиція порвалась; мысль грековъ, начиная съ водворенія христіанства, направилась въ другую сторону. Самымъ характернымъ показателемъ создавшагося исподволь разрыва между древне-греческимъ міромъ и Византіей было то, что византіецъ говорилъ объ *эллинахъ*, какъ о чемъ-то для него постороннемъ, и называлъ себя *ромеемъ*. Русло, по которому пошла молодая славянская литература, было дано временемъ. Духовныя силы славянъ нужно измѣрять тѣмъ, что они сдѣлали въ данномъ направленіи.

Наиболѣе широкимъ по замысламъ изъ болгарскихъ переводчиковъ-писателей X в. былъ Экзархъ Іоаннъ. Онъ перевелъ грамматику, діалектику или философію, но это не произведенія античной литературы, а труды Дамаскина, переведенныя совмѣстно съ его-же богословіемъ [1]).

Для молодой примитивной мысли славянина въ его сочиненіяхъ было однако не мало поучительнаго: здѣсь можно было познакомиться съ понятіями о существенномъ и случайномъ, сходствѣ и различіи, количествѣ и качествѣ, которыя были у него въ такомъ зачаточномъ состояніи.

Тотъ-же характеръ имѣетъ энциклопедія, составленная для царя Симеона и извѣстная болѣе подъ именемъ Святославова Сборника. Основу его составляютъ выписки изъ отцовъ церкви, но рядомъ съ этими выписками въ немъ имѣли мѣсто и свѣдѣнія научнаго характера—изъ исторіи, реторики (о фигурахъ).

Являющееся выраженіемъ національнаго самосознанія, пробужденнаго нарожденіемъ славянской письменности, оригинальное историко-полемическое сочиненіе монаха Храбра „сказаніе о письменахъ славянскихъ“ — т. е. разсказъ объ ихъ

---

[1]) Калайдовичъ. Іоаннъ Экзархъ болг. М. 1824.

возникновеніи и дѣлѣ Кирилла и Меѳодія, обнаруживаетъ признаки знакомства съ исторіей греческой письменности.

Рядомъ съ переводческой дѣятельностью въ Болгаріи нарождается и оригинальная, компилятивная по своему основному содержанію, но отвѣчающая болѣе полно запросамъ времени. Образцомъ такой полу-самостоятельной литературы является Шестодневъ Іоанна Экзарха. Въ основаніи Шестоднева лежитъ аналогичный трудъ Василія В., но Іоаннъ не во всемъ идетъ за авторитетнымъ учителемъ церкви и высказываетъ по мѣстамъ самостоятельныя сужденія. Мы оцѣнимъ значеніе Шестоднева въ исторіи духовнаго развитія славянъ, когда сопоставимъ развиваемыя въ немъ идеи о природѣ съ анимистическими представленіями языческой старины.

Мы видѣли, какъ смотрѣлъ славянинъ на огонь, воду, солнце, луну, звѣзды, облака, вѣтры: всюду онъ видѣлъ антропоморфныхъ духовъ. Иныя идеи выступаютъ въ Шестодневѣ.

Въ трудѣ Іоанна Экзарха юго-славянская мысль дѣлаетъ первый шагъ въ сторону научной классификаціи и научнаго пониманія явленій природы: предметы (тѣла) окружающаго міра классифицируются на двѣ крупныхъ категоріи — тѣла сложныя и „первыя", „простыя" (=стихіи, элементы) [1]). Къ простымъ элементамъ сводятся „составныя" тѣла; къ огню напр. Іоаннъ сводитъ „свѣтовныя тѣла" — солнце и луну: „все огонь—и молнія, и звѣзды, и солнце, и мѣсяцъ" [2]). Какъ понималъ Іоаннъ участіе простыхъ элементовъ въ сложныхъ, показываютъ его разсужденія относительно добыванія огня высѣканіемъ и вытираніемъ: „если-бы огня не было въ землѣ, не добывался-бы онъ ни желѣзомъ изъ камня, ни изъ дерева— ибо отъ тренія дерева раждается огонь; еслибы по естеству ни то ни другое не заключало въ себѣ огня, откуда-бы онъ родился?" [3]).

---

[1]) Калайдовичъ. I. с. 151.

[2]) ib. 148.

[3]) ib.

Вѣтры и облака получаютъ въ Шестодневѣ также иное, не анимистическое опредѣленіе: вѣтеръ—это движеніе, вѣяніе воздуха[1]) („не думай, что вѣтеръ есть нѣчто отличное отъ воздуха"), а воздухъ опредѣляется, какъ нѣчто „рѣдькое естествомь, и прозрачень, и льгокъ и тьнокъ и расыпаесе и плавае всуду[2])".

Крупнымъ шагомъ въ познаніи человѣческаго *я*, является научное опредѣленіе тѣни: „воздухъ безъ свѣта, заступлено мѣсто, да отъ того сѣнь есть"[3]). Въ связи съ тѣнью дается объясненіе ночной тьмы и солнечному затмѣнію: когда солнце зайдетъ, наступаетъ тьма—„тѣнь отъ земли", „лишеніе свѣта воздуху тьму творитъ"; затмѣніе есть результатъ „заступленія солнца мѣсяцемъ"[4]).

Устранивши тѣнь изъ состава человѣческаго *я*, Іоаннъ Экзархъ даетъ болѣе тонкое, спиритуалистическое опредѣленіе душѣ: Богъ „и ангеловъ создалъ духами, и души наши—духами, но души наши въ тѣлахъ, а ангелы безъ тѣлъ; души наши родственны („ужичьны") ангеламъ; какъ тѣ духи, такъ и души наши духи"[5]).

Къ Шестодневу примыкаютъ по своему содержанію такъ называемыя Палеи—исторія В. Завѣта, наполовину почти составленная изъ толкованій на книгу Бытія, въ особенности на первыя ея главы. Подобно Шестодневу эти толкованія содержатъ въ себѣ распространенныя среди византійскихъ книжниковъ понятія „о тверди небесной, о землѣ, о водахъ воздушныхъ, о возмущеніи моря, о захожденіи солнечномъ и о нощи, чего ради бываетъ нощь, о кругахъ земли и временахъ года, о теплѣ и стужѣ, о лунномъ умаленіи, о чудовищныхъ рыбахъ и птицахъ, о духовной и физической природѣ человѣка[6])".

Палеи вводятъ насъ въ область анонимной и не имѣющей точной хронологіи переводной литературы, которая началами своими восходитъ къ той же эпохѣ Симеона. Это такъ называемыя отреченныя книги или апокрифы. Значительная часть ихъ — посвященная космогоническимъ и космологиче-

[1]) Калайдовичъ. I. с. 149.
[2]) ib.
[3]) ib. 159.
[4]) ib. 157.
[5]) ib. 147.
[6]) Порфирьевъ Ист. Рус. слов.

скимъ вопросамъ—ведетъ свое происхожденіе отъ манихеевъ-павликіанъ-богомиловъ.

Манихейство получило отъ митраизма свою характерическую черту—идею мірового дуализма; въ этомъ новомъ видоизмѣненіи митраизмъ оспаривалъ у христіанства власть надъ сердцами на протяженіи тысячелѣтія. Въ VII в. основныя черты манихейства возродились въ павликіанствѣ. Секта возникла въ Арменіи, въ VIII в. проникла во Ѳракію и къ тому времени, когда между славянами стало распространяться христіанство, завоевала уже здѣсь для себя почву. Въ 810 г. его послѣдователи получили права гражданства и поселились главнымъ образомъ около Филиппополя.

Въ 868 г. они задумывали уже увлечь своимъ ученіемъ только что обращенныхъ болгаръ и предполагали отправить для этого къ Борису спеціальныхъ проповѣдниковъ [1]). Полнаго торжества павликіане не дождались, но проповѣдь ихъ, несомнѣнно, проникла въ болгарскій народъ. Въ X в. славяне вырабатываютъ собственный варіантъ манихейства и основываютъ секту такъ называемыхъ богомиловъ. Основателемъ ея является попъ Еремія, принявшій имя Богомила. Въ концѣ X в. они уже имѣютъ адептовъ во всѣхъ слояхъ общества вплоть до царскаго дома Шишмановъ [2]). Въ XI в. они являются носителями національнаго протеста противъ грековъ [3]). Тогда же они переступаютъ границы Болгаріи и являются въ сербскихъ земляхъ, въ Черногоріи, Герцеговинѣ [4]).

Въ концѣ XI в. страна между р. Вардаромъ и Охридскимъ озеромъ по обѣ стороны горы Бабуни была сплошь населена богомилами [5]). Въ Болгаріи и у македонскихъ Драговичей возникли первыя богомильскія общины-церкви.—Богомилъ приблизилъ дуализмъ къ христіанству, систематизировалъ его, далъ крѣпкую организацію общинѣ своихъ еди-

[1]) Rački. Bogomili etc. RIA. VII, 98.
[2]) il. 111.
[3]) ib.
[4]) ib. 110 сл.
[5]) ib. 118.

новѣрцевъ и сдѣлалъ христіанство въ этой новой духовной одеждѣ болѣе понятнымъ массѣ, которая принесла уже съ собой зачатки дуализма въ видѣ вѣры въ боговъ и бѣсовъ. Распространенію ереси содѣйствовалъ строгій образъ жизни первыхъ учителей—блѣдныхъ отъ постовъ, кроткихъ, серьезныхъ. Богомилы считали себя настоящими христіанами и этимъ именемъ отличали себя отъ остальныхъ людей. Дреговичи являются представителями чистаго манихейства, ученія, по которому злое начало также предвѣчно, какъ и доброе. Болгарская община разсматривала Сатанаила, какъ отпадшаго ангела, творца человѣка и всей твари. Съ сущностью ученія богомиловъ насъ знакомятъ направленныя противъ него обличенія современника Іереміи — священника Козьмы. Обличенія эти раскрываютъ причины быстрыхъ успѣховъ богомильства вообще и въ частности въ Болгаріи. Козьма обвиняетъ богомиловъ въ томъ, что они учили не повиноваться верховной власти, презирали богатыхъ, насмѣхались надъ старѣйшинами и болярами, объявляли виновными предъ Богомъ людей служившихъ царю и его чиновникамъ, отклоняли рабовъ отъ работы на господъ. Можно думать, что краски въ этомъ обличеніи сгущены, но соціальная сущность богомильства выступаетъ въ немъ во всей полнотѣ. Оно представляетъ собою протестъ не утратившаго еще сознанія своихъ былыхъ человѣческихъ правъ, но уже закабаленнаго населенія противъ своихъ повелителей. Богомильство овладѣло прежде всего болгарами, потому что славяне болгарскіе раньше другихъ узнали кабалу, подчинившись урало-алтайскимъ завоевателямъ. Оно идетъ и торжествуетъ побѣду надъ православіемъ и католицизмомъ всюду, гдѣ измѣняются къ невыгодѣ для массъ соціально экономическія отношенія. Его правовѣдники становились въ глазахъ народа мучениками, если власти карали ихъ за возмущеніе.

Съ идейной, религіозной точки зрѣнія ученіе богомиловъ приближается къ тѣмъ мистическимъ толкамъ, которыя волновали европейскія массы въ эпоху реформаціи. Богомилы отвергали церковное преданіе, авторитетъ Св. отцевъ, изъ св. Писанія принимали только Новый Завѣтъ (Старый Завѣтъ они считали царствомъ діавола), но въ немъ дорожили каждой буквой, хотя и толковали его аллегорически. Единственный списокъ принадлежащаго имъ Евангелія сохраняетъ ста-

рыя формы языка, не смотря на то, что относится къ XV [1]).

Запросы, которыхъ не могло удовлетворить Св. Писаніе, они удовлетворяли изъ посторонниxъ источниковъ: переводили съ греческаго и составляли сами такъ называемыя отреченныя сказанія (апокрифы) и распространяли ихъ по славянскому міру, а отсюда и по Европѣ.

Міръ, въ частности тѣло, они считали созданіемъ сатаны; созданіемъ добраго начала міръ небесный,—духъ. Согласно этимъ воззрѣніямъ на плоть они не могли допустить, чтобы Спаситель принялъ плоть человѣческую, перенесъ плотское страданіе на крестѣ и смерть. Этимъ-же воззрѣніемъ опредѣляется и ихъ церкви къ таинствамъ, связаннымъ съ матеріей (крещеніе, причащеніе, бракъ).

Церковь съ ея таинствами, обрядами и учрежденіями они отвергали, иконопочитаніе также отвергали, какъ идолопоклонство, о мощахъ говорили, что при нихъ сидятъ демоны, тѣлеснаго воскресенія не признавали.

Молились богомилы не въ храмахъ, а всюду — подъ открытымъ небомъ, на вершинахъ горъ, въ рощахъ, на распутьяхъ, въ домахъ. Храмы были, по ихъ мнѣнію, жилищами злыхъ духовъ; Св. Софія Константинопольская—жилищемъ самого сатаны. Ежемѣсячно назначалась открытая исповѣдь обоихъ половъ.

Богомилы принимали въ свою среду только взрослыхъ; знакомъ посвященія въ простые вѣрные считалось возложеніе Евангелія отъ Іоанна. У босняковъ высшую ступень представляли совершенные—кристіани, добри бошняци, совершители. Они всѣ имѣли празо—безъ различія пола—проповѣдывать. Своихъ главарей община избирала. Во главѣ страны стоялъ „Дѣдъ“; подъ его наблюденіемъ стояли апостолы или *стройники* — гости и *старцы*. Стройники ходили съ мѣста на мѣсто, водворяли миръ среди враждующихъ, помогали при заключеніи договоровъ.

Совершенные должны были отречься отъ земныхъ благъ, отъ всѣхъ земныхъ связей, не вступать въ бракъ, не ѣсть животной пищи.

Строгіе богомилы жили милостыней, умѣренные не отрицали собственности и работали для ея пріобрѣтенія усердно даже въ праздники, но ихъ аппетиты не выходили изъ рамокъ скромныхъ потребностей.

Богомильство, подобно христіанству католическому, затрогивало вопросы, не существовавшіе для славянъ въ періодъ язычества — вопросы космогоническіе и эсхатологическіе—и рѣшало ихъ въ направленіи болѣе понятномъ для массы, въ особенности для ославянившихся болгаръ. Зародыши манихейскихъ дуалистическихъ идей могли проникнуть къ славянамъ еще чрезъ аваръ и болгаръ. Усвоенные массой, они представили собой почву, на которой дали такіе пышные всходы сѣмена богомильства.

Для того чтобы уяснить себѣ фактъ широкаго распространенія апокрифической литературы, излюбленной и обогащенной богомилами, среди южныхъ славянъ, слѣдуетъ сопоставить съ извѣстными уже намъ элементами языческаго ихъ міровоззрѣнія міръ идей, находящихъ свое выраженіе въ апокрифахъ. Изложимъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ мы разсматривали славянскія языческія идеи.

Матеріалистическое представленіе относительно слова ярко обнаруживается въ „завѣтѣ Адама". Въ 10-й часъ сутокъ врата небесныя отверзаются, чтобы дать возможность войдти туда молитвамъ всего живущаго; онѣ повергаются и потомъ выходятъ [1]).

Анимистическое представленіе относительно воды въ томъ-же „завѣтѣ": „7-й часъ: воды покоятся..."

Атмосферическія явленія—дождь, градъ, снѣгъ, пыльные и кровавые дожди — производятся ангелами - *началами*. Они носятся въ облакахъ, низводятъ дождь, производятъ громъ и молнію [2]).

Солнце и луна сходятъ на землю „въ видѣ двухъ эѳіоповъ" и молятся надъ тѣломъ мертваго Адама [3]) (ихъ свѣтъ помрачился предъ свѣтомъ ангеловъ).

Земля, на которой была пролита кровь Авеля, вопіяла къ Богу объ отмщеніи убійцѣ [4]). Въ книгѣ Еноха она возвышаетъ голосъ свой до неба [5]).

---

[1]) Порфирьевъ—Апокрифич. сказанія о ветхов. лицахъ. 170.
[2]) ibid. 171.
[3]) ibid. 176.
[4]) ibid. 192.
[5]) ibid. 201.

Представленія о смерти и посмертномъ существованіи выражаются такъ: „когда стали выносить тѣло Адама изъ пещеры, то всѣ тѣла погребенныхъ въ ней патріарховъ начали *вопіять*... но прахъ Адама утѣшилъ ихъ“

Въ книгѣ Еноха души умершихъ вопіютъ и вопль ихъ доходитъ до вратъ неба [1]).

Звѣзда, возвѣстившая о рожденіи Спасителя, имѣла видъ молодой дѣвы, державшей въ объятіяхъ младенца [2]).

„Духи исполиновъ, вѣщаетъ Господь чрезъ Еноха Небеснымъ Стражамъ, будутъ подобны облакамъ (будутъ жить въ облакахъ) и приносить на землю разрушеніе и сѣтованія [3]).

Въ сокровищницѣ грома и молній Енохъ видѣлъ лукъ огненный и стрѣлы въ колчанѣ и мечь огненный и всякаго рода молніи [4]).

Представленія о природѣ духовъ, родственныя славянскимъ языческимъ, обнаруживаются въ разныхъ апокрифахъ. Въ книгѣ Еноха ангелъ Уріилъ указываетъ Еноху ангеловъ, которые совокупились съ женами человѣческими [5]).

Въ 59 гл. книги Эноха представленія о силахъ, управляющихъ явленіями природы, совершенно приближаются къ анимизму славянъ: „разными явленіями природы завѣдуютъ разные духи: есть духи грома и молній, духи моря, духи инея, града, снѣга, духи облаковъ, свѣта и мрака, духи росы и дождя“ [6]).

Въ 68 главѣ книги Эноха говорится о страшномъ заклятіи, которое имѣетъ чудесную силу. Его силою „повѣшено небо на вѣки, черезъ него земля основана на водахъ... черезъ него образовано море, утверждены бездны, солнце и луна выполняютъ свое теченіе, звѣзды совершаютъ свой путь, вѣтры управляютъ водами“ [7]).

Идея метаморфоза также имѣетъ своихъ двойниковъ въ книгѣ Эноха.

---

1) Порфирьевъ l. c. 200. Ср. 206.
2) Апокр. сказ. о нововав. лицахъ etc. 13.
3) Апокр. сказ. о ветхов. лиц. 204—205.
4) ib. 227.
5) ib. 200—201.
6) ib. 211. Ср. Мал. Бытіе. ib. 233—234.
7) ib. 214.

Въ главѣ 84 разсказывается, какъ звѣзда упала съ неба, протѣснилась между волами стада и начала пастись съ ними, какъ къ ней присоединилось много другихъ звѣздъ и смѣшались съ волами и отъ этого смѣшенія произошли разныя животныя [1]).

По Малому Бытію всѣ животныя обладали словомъ [2]).

Представленія о человѣческомъ я родственны съ установленными уже выше славянскими; страсти разсматриваются напр. какъ духи, которые обитаютъ въ человѣкѣ: „семь духовъ даны ему отъ созданія и отъ нихъ зависитъ всякое дѣло человѣка"; тѣнь является особымъ существомъ [3]).

Отношеніе души къ тѣлу рисуется въ апокрифахъ аналогично съ тѣмъ, какъ мы видѣли въ повѣрьяхъ о стухахъ и змѣяхъ. Въ апокрифѣ „Восхожденіе Исаіи" такъ рисуется внѣшній видъ пророка, когда духъ его былъ восхищенъ: „его глаза были открыты, но уста не произносили ни слова... Онъ былъ живъ еще, но былъ погруженъ въ небесное видѣніе" [4]).

Въ области культа идеи апокрифовъ также не отличаются существенно отъ языческихъ воззрѣній. Въ апокрифахъ объ Авраамѣ такъ объясняется напр. ангеломъ приношеніе въ жертву голубя и горлицы: „горлицу же и голубя ты дашь, такъ какъ я на крыльяхъ птичьихъ поднимусь съ тобой на небо" [5]).

Міросозерцаніе, раскрывающееся въ апокрифахъ, объясняетъ намъ выборъ, который сдѣлали славянскіе переводчики въ византійской литературѣ. Переводилось то, что по своимъ идеямъ подходило къ натурфилософіи апокрифовъ, что было навѣяно и пропитано ими.

Византійская литература открывала славянскимъ переводчикамъ доступъ къ произведеніямъ древне-греческой исторіографіи и географіи, но переводчики обходили Птоломея, Страбона и останавливались на Козьмѣ Индикопловѣ, Георгіѣ Амартолѣ, которые были ближе къ нимъ по своимъ иде-

---

[1]) Порфирьевъ l. c. 218.
[2]) ib. 236.
[3]) ib. 258. О тѣни «Бесѣда трехъ святителей». ASPh. XXIV, 133.
[4]) ib. 298.
[5]) ib. 251.

ямъ. Александріецъ Козьма Индикопловъ написалъ въ VI в. „христіанскую топографію"—сочиненіе, заключающее въ себѣ космогонію и описаніе міра въ современномъ его состояніи. Авторъ знакомъ съ античной космологической литературой, но считаетъ ее несостоятельной. Онъ излагаетъ по Библіи исторію творенія—шестидневнаго творенія, по книгѣ Эноха ученіе о небѣ, солнцѣ, лунѣ и звѣздахъ. Подобно автору книги Эноха, Козьма Индикоплов думалъ, что не только солнце, луна и звѣзды управляются небесными духами, но что существуютъ ангелы, спеціальное занятіе которыхъ управлять дождемъ, вѣтрами, снѣгомъ и т. д. [1]). Эти же воззрѣнія вошли въ Палеи и дали имъ преимущество предъ произведеніями античной исторической литературы.

Болгарская письменность эпохи просвѣтителей и Симеона была общимъ достояніемъ всего юго славянскаго міра: книги, переведенныя въ Болгаріи, читались и сербо-хорватами до Адріатическаго поморья. Съ XI в. эта связь порвалась на западѣ. Папство добилось того, что славянская литургія и славянскія книги были изгнаны здѣсь изъ употребленія. Только кое-гдѣ вдали отъ зоркихъ глазъ Сплѣтскаго архіепископа—какъ напр. въ Истріи и на островахъ—они удержались чуть не до нашихъ дней. У сербовъ старыя связи сохранялись, но по политическимъ условіямъ они не скоро могли повести дѣло дальше: для книги нужны были могущественные заказчики, а раздробленная между племенными князьями Сербія не въ состояніи была выставить таковыхъ.

Первыми памятниками сербской литературной дѣятельности являются жизнеописанія Немани, написанныя его сыновьями Саввой и Стефаномъ. Дебютъ блестящій, свидѣтельствующій о незаурядномъ духовномъ развитіи по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ представителей правящаго класса въ Сербіи. Изъ одной семьи выходятъ два писателя и оба посвящаютъ свой трудъ эпохѣ, съ которой начинается собираніе сербскихъ земель. Культурная и политическая зависимость отъ Византіи, которая сдѣлалась особенно тѣсной съ эпохи Немани—старшій сынъ Немани Стефанъ писалъ по гречески—наложила свою печать на первые опыты сербской исторіографіи: это

[1]) Порфирьевъ. Апокр. сказ. о ветхов. лиц. 229.

не біографія князя, а житія „преподобнаго и святого“, отъ рожденія украшеннаго монашескими добродѣтелями; самыя мірскія по своимъ побудительнымъ причинамъ событія, подчасъ даже и невыгодныя для нравственной репутаціи героя, освѣщаются специфическимъ житійнымъ свѣтомъ: императоръ Мануилъ вступаетъ въ сношеніе съ Неманей и даритъ ему въ частное владѣніе Глубочицу, прослышавши о „цѣломудріи, смиреніи и кротости сего незлобиваго...“ [1]), въ томъ-же стилѣ разсказывается, какъ „преподобный и святой“ „въ опустѣніе сотвори“ города Перьникъ, Стобь, Землинъ, Вельбужь и мн. др. „до конца основания ихъ искорени“ [2]), „земле и богатьства ихъ преложи въ славу отьчствія своего и въ славу вельможь и людей своихъ“.

По странной случайности болѣе вниманія къ мірскому, болѣе реализма въ освѣщеніи событій обнаруживаетъ Сава — монахъ съ юности и по призванію. По поводу завоеваній Немани онъ говоритъ: „мудростію и трудомъ своимъ все это онъ пріобрѣлъ“ [3]); говоря объ устройствѣ монастырей, онъ не забываетъ упомянуть, что князь „села прѣдавь“ на содержаніе имъ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи сербской исторіографіи здоровая историческая струя постепенно уступаетъ мѣсто реторикѣ: князья и крали сербскіе все болѣе и болѣе превращаются въ преподобныхъ—даже такіе, для которыхъ религія была только политическимъ орудіемъ. Уже „послѣдній“ ученикъ Савы Доментіанъ—„сербскій Златоустъ“—становится на этотъ роковой путь. Составленныя имъ житія Савы и Ст. Немани проникнуты благочестиво-патріотической ложью, образцы которой давала Византія. Высшаго развитія реторика эта достигаетъ у архіепископа Данилы („животы кральева и архіепископа српскихъ“) Жалкія крупицы исторіи затоплены въ нихъ водой „глаголовъ благоразумьныхъ“.

Прекрасно характеризуетъ сербскую средневѣковую исторіографію Ягичъ въ своей исторіи сербской литературы: „объ очерченности отдѣльныхъ характеровъ, объ обрисовкѣ ситуацій, объ изслѣдованіи мотивовъ и причинъ не можетъ

---

[1]) Новаковић Примјери. 165.
[2]) ibid. 167.

быть и рѣчи. Нигдѣ не видно, чтобы писавшій объяснялъ значеніе извѣстнаго факта или историческаго лица, нигдѣ событія не сопрождаются размышленіями о положеніи народа“ [1]).

Какъ далеки авторы „житій“ въ своей риторикѣ отъ дѣйствительной жизни, показываетъ похвала Немани у Доментіана: „капища разрушилъ, идоловъ сокрушилъ“. Неманя построилъ, несомнѣнно, много храмовъ, но Сербія его временъ не была уже языческой страной, въ которой могла-бы происходить борьба съ капищами и идолами.

Направленіе литературной дѣятельности сербовъ объясняется, конечно, въ значительной степени тѣмъ, что со времени Савы центромъ духовной жизни Сербіи сдѣлался Аѳонъ. Здѣсь работалъ Савва и его преемники Дометіанъ, Даніилъ; отсюда выходятъ почти всѣ сербскіе архіепископы.

Аѳонъ односторонне направилъ молодую славянскую мысль, но у него есть и крупныя заслуги передъ славянствомъ.

Своеобразную картину представлялъ собою, начиная съ XIII в., Аѳонскій мысъ. Пріютъ созерцательнаго, порвавшаго со всѣми земными связями монашества—Аѳонъ отражалъ въ своей исторіи глухую борьбу народностей на Бал. полуостровѣ. Его святыни до XII в. были орудіемъ духовнаго владычества грековъ надъ славянами и только послѣ упорной борьбы, изъ страха потерять щедрыхъ благодѣтелей въ лицѣ Неманичей, греки согласились дать сербу-Саввѣ уголокъ, гдѣ бы онъ устроить пріютъ для сербскихъ монаховъ и богомольцевъ [2]). Первый сербскій монастырь былъ устроенъ на Хиландарѣ, на землѣ уступленной византійскимъ императоромъ. Территорія эта потомъ была увеличена покупками у сосѣднихъ греческихъ монастырей. Хиландарь исподволь сдѣлался самымъ богатымъ монастыремъ на Аѳонѣ и пріютомъ зародившейся сербской письменности.

---

[1]) Стр. 195.

[2]) ib. 188.

Основаніе Хиландарской лавры является вторымъ по значенію послѣ изобрѣтенія славянскихъ письменъ эпизодовъ южно-славянской культурной исторіи.

„Въ Хиландарѣ, говоритъ Ягичъ, всего болѣе было написано древне-сербскихъ книгъ; лучшіе и драгоцѣннѣйшіе древне-сербскіе литературные памятники были здѣсь составлены или переведены и отсюда распространены по всей Европѣ".

Оно было вмѣстѣ съ тѣмъ предвѣстникомъ церковнаго и культурнаго обособленія отъ Византіи другой славянской народности.

Обособленіе отъ грековъ молодого сербскаго монашества могло состояться только послѣ церковнаго обособленія сербовъ отъ грековъ вообще. Создавши сербскій монастырь на Аѳонѣ, Савва приступаетъ къ хлопотамъ о самостоятельной организаціи сербской церкви: не взирая на противодѣйствіе греческаго духовенства, ему удается добиться отъ императора Ѳедора Ласкариса согласія на то, чтобы Сербія была поставлена въ церковномъ отношеніи подъ власть собственнаго архіепископа и архіепископъ этотъ поставлялся не константинопольскимъ патріархомъ, а соборомъ сербскихъ епископовъ. Савва далъ Сербіи то, чего для Болгаріи добился еще Борисъ — автономную церковь.

Внѣшнимъ образомъ — національнымъ языкомъ въ богослуженіи и церковной независимостью — сербы и болгары какъ будто обособились отъ Византіи, пріобрѣли условія для самостоятельной духовной жизни, но для нарожденія такой жизни не было главнаго — не было внутреннихъ импульсовъ. Христіанство и связанное съ нимъ просвѣщеніе освѣщали временами соціальныя вершины юго-славянскаго міра, но низы, какъ мы увидимъ скоро, были закутаны глубокимъ языческимъ туманомъ. Съ этихъ вершинъ было видно то, что объединяло грековъ съ грецизированными князьями и епископами, и не было видно того, что объединило этихъ послѣднихъ съ народной массой. Результатъ понятенъ. Сербамъ и болгарамъ, полуязычникамъ въ цѣломъ, пришлось, не взирая на внѣшнюю независимость отъ грековъ, реагировать на процессы, которые совершались въ духовномъ мірѣ Византіи. Мы видѣли уже, какой характеръ имѣли письменность у сербовъ и болгаръ.

Съ этимъ характеромъ она осталась до конца. Въ XIV в., наканунѣ турецкаго погрома, православные славяне откликаются на кипѣвшую въ Византіи борьбу между мистиками и схоластиками. Основнымъ вопросомъ, раздѣлявшимъ противниковъ, былъ вопросъ о познаніи Бога или—въ иной постановкѣ—о познаніи истины. Схоластикамъ (варлаамитамъ) ставилось въ вину, что они выше всего ставили эллинскую мудрость и раздѣляли безуміе латинскаго міра, воображавшаго, что никто не можетъ соединиться съ Богомъ, если не изучитъ на основаніи Эвклида, Пиѳагора, Аристотеля и Платона законовъ сущаго—такъ какъ не свѣдущій въ этомъ не знаетъ истины или Бога,—міра, въ которомъ даже лица, проводящіе иноческую жизнь, не знаютъ ничего, болѣе ведущаго къ добродѣтели, чѣмъ занятіе подобными пустяками.

Мистики (исихасти, паламиты) отрицали внѣшнюю мудрость и проповѣдывали возможность созерцать Бога и истину, сливаться съ нимъ, выступая, въ энтузіазмѣ, изъ себя, „становиться имъ", видѣть природу сущаго съ его соразмѣрностью и порядкомъ безъ познанія внѣшней мудрости, путемъ нѣкотораго перерожденія, которое должно явиться результатомъ отрѣшенія отъ міра и опредѣленнымъ образомъ направленнаго подвижничества.

Варлаамъ—къ большому негодованію исихастовъ—вызналъ хитростью и огласилъ секретъ ихъ созерцанія. „Вкравшись въ довѣренность къ одному старцу простому и неученому... онъ попросилъ старца раскрыть способъ къ постепенному возвышенію въ тайнахъ созерцательной жизни. Старецъ... сообщилъ ему внѣшніе пріемы созерцательной жизни подвижниковъ аѳонскихъ. Предполагаютъ, что старецъ передалъ одинъ изъ способовъ къ духовному восторгу, посредствомъ котораго можно созерцать божественный свѣтъ чувственнымъ образомъ. Этотъ способъ состоялъ въ томъ, что занимающійся умной молитвой, сидя въ запертой келіи въ такомъ положеніи тѣла, чтобы, прижавъ бороду къ груди и смотря на свой пупъ, удерживать дыханіе, сколько возможно, произноситъ непрестанно Господню молитву въ умѣ устремленномъ внутрь сердца, вокругъ котораго показывался во время молитвы божественный свѣтъ и этотъ свѣтъ можно было видѣть тѣлесными очами" [1]).

[1]) Сырку Къ исторіи исправленія книгъ въ Болгаріи XVI в. 96.

Исихастъ Палама упрекалъ Варлаама, что онъ злословитъ аѳонскихъ монаховъ основываясь на словахъ простого старца: ему слѣдовало обратиться къ мужу, котораго Богъ удостоилъ такой благодати. Но мы знаемъ разсужденія такого мужа—Григорья Синаита—и встрѣчаемъ въ нихъ тоже смѣшеніе физіологическихъ результатовъ положенія тѣла съ божественнымъ экзстазомъ.

„Съ утра сидя на сѣдалищѣ вышиной въ одну пядь низведи умъ изъ головы къ сердцу и держи его въ немъ; согнись до боли и сильно удручая грудь, плечи и шею, взывай непрестанно въ умѣ и душѣ: „Господи Іисусе Христе, помилуй мя...“ удерживай также и движеніе дыханія, чтобы не дышать смѣло, потому что выдыханіе духовъ, отъ сердца исходящее, помрачаетъ умъ и разсѣеваетъ мысли [1]“... Болѣя раменами и неоднократно страдая и головой, терпи все это со всею тяжестію и со всѣмъ стараніемъ ища въ сердцѣ Господа“.

Синаитъ не „цупомудрствуетъ“, употребляя выраженіе Варлаама, но его наставленія имѣютъ тотъ-же механическій характеръ.

Борьба передалась въ Болгарію. Исихасты, побѣдившіе въ Византіи, оказались побѣдителями и здѣсь—и ихъ побѣда была неизбѣжна. Путь къ познанію Бога-истины, указывавшійся варлаамитами, былъ недоступенъ массамъ, да и не однимъ массамъ; вкусъ къ познанію законовъ сущаго не могъ развиться на Шестодневѣ и Палеяхъ, а съ значеніемъ „созерцанія“ славяне уже были знакомы благодаря богомиламъ. Богомилы раньше исихастовъ проповѣдывали о возможности для „совершенныхъ“ созерцать Бога чувственно, сливаться съ нимъ духомъ, носить его въ себѣ, считали общеніе съ Богомъ конечной цѣлью бытія человѣческой души, къ которой она идетъ путемъ восходящаго перевоплощенія—возвышенія на степень ангеловъ, херувимовъ, серафимовъ. Но и мистицизмъ былъ усвоенъ славянами, въ частности болгарами, постольку, поскольку онъ былъ доступенъ пониманію некультивированныхъ умовъ. Тонкости психологической классификаціи, извивы дисциплинированной діалектики были не по плечу массѣ и она брала лишь то, что было доступно

[1]) Сырку l. c. 212.

грубому пониманію: мистики остановились предъ вопросомъ о возможности созерцать божество чувственнымъ взоромъ и не рѣшились принять ее открыто; толпа греческая и болгарская рѣшительно склонилась къ признанію этой возможности и способность къ видѣніямъ сдѣлались признакомъ праведности и орудіемъ эксплуатаціи для шарлатановъ. При всеобщей вѣрѣ въ видѣнія вопросъ заключился только въ томъ, отъ кого они исходятъ—отъ Бога или отъ дьявола. Опасенія, что и дьяволъ можетъ создавать видѣнія, было широко распространено и вѣрующіе озабочивались вопросомъ о признакахъ, по которымъ можно было различать демонскія видѣнія отъ исходящихъ отъ Бога [1]).

Мистики, выясняя условія подготовки душъ къ созерцанію, остановились предъ аскетическими воззрѣніями на потребности тѣла, передъ системой нравственныхъ требованій, ведущихъ къ спасенію, и склонялись, хотя и не рѣшительно къ тому, чтобы признать требованія плоти: разрѣшали свободу въ пищѣ [2]), не видѣли грѣха въ брачныхъ наслажденіяхъ, считали добродѣтель не ступенью къ сліянію съ Божествомъ, а органическимъ, независимымъ отъ воли человѣка результатомъ этого сліянія, проникновенія въ человѣка божественной благодати. Болгарскіе еретики XIV в. сами признавали, что они не возстаютъ на естество [3]), а ихъ обличители ставили имъ въ упрекъ, что они „естественнымъ страстемъ давали вмѣщеніе".

Солунскій монахъ Кириллъ Босота разсказывалъ о своихъ боговидѣніяхъ и училъ женъ и мужей оставлять законные браки. Въ духѣ Кирилла проповѣдывалъ другой невѣжественный

---

[1]) Примѣръ у Радченка. Религ. и лит. движ. въ Болгаріи XIV в. 325, 326.

[2]) «Въ дѣлѣ питанія, говоритъ Гр. Синаитъ, бываетъ большое различье: иному мало, иному много требуется для поддержанія естественныхъ силъ и каждый удовлятворяется пищей по силамъ своимъ и навыку... желающему улучить спасеніе и принуждающему себѣ жить ради Господа безмолвно полагаю въ день литра хлѣба, чаши 3—4 вина и прочихъ кушаній по немногу, не допуская себя до насыщенія, чтобы такимъ мудрымъ употребленіемъ пищи съ одной стороны избѣгнуть киченія, а съ другой не показать гнушенія Божіими твореніями, очень добрыми.... Сырку. 195.

[3]) П. Сырку. 258.

монахъ—Θеодосій. Основываясь на словахъ Евангелія: „иже хощетъ по мнѣ итти“, онъ рекомендовалъ женамъ бросать мужей, мужьямъ женъ и бродилъ нагой, окруженный своими вѣрными по пустыннымъ мѣстамъ. Вечеромъ учитель и ученики собирались въ одну хижину и предавались разврату. Послѣдователи Θеодосія, согласно его требованію, должны были идти за нимъ въ рядъ и притомъ такъ, чтобы ступать именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ ступали его ноги: такъ будто бы дѣлали ученики Христовы [1]). Объ руку съ этой распущенностью шли крайности противоположнаго направленія. Монахъ Лазарь такой же выходецъ изъ Солуна, какъ и Босота, призывалъ слушателей къ оскопленію дѣтей во имя спасенія [2]).

Варлаамиты съ своимъ ученіемъ о необходимости познать законы сущаго не нашли себѣ въ Болгаріи послѣдователей. XIV-й вѣкъ для познанія сущаго прибавилъ немного: Разсужденія исихастовъ по этому предмету, конечно, не имѣютъ ничего общаго съ „внѣшней мудростью“. Вотъ образчикъ такихъ разсужденій изъ „словесъ“ Григорія Синаита: тѣло „по естеству своему есть бренный истуканъ и въ образованіи состава своего непостижимое. Будучи въ каждомъ недѣлимомъ троичнымъ, тѣло имѣетъ въ своихъ членахъ и частяхъ единое устроеніе и притомъ украшенное седмеричнымъ числомъ, которое, по ариѳметическимъ наблюденіямъ означаетъ время и природу, такъ что и посредствомъ его является слава Бога въ троичномъ велелѣпіи по дѣйствительнымъ законамъ природы“, а законы эти суть „извѣстные образы соединенія дѣйствующихъ членовъ, которыя называются различностями по многочисленности ихъ свойствъ; или также: законъ естественный есть способность дѣйствованія каждаго недѣлимаго или каждаго члена его“ [3]). Добраться до смысла въ этомъ наборѣ словъ и извлечь изъ него что нибудь для пониманія окружающаго міра—не погружаясь въ пупоуміе—было, конечно, невозможно. Вопросоотвѣты Аѳа-

[1]) Сырку l. c. 264.
[2]) Радченко. l. c.
[3]) Сырку l. c. 170.

насія космогоническія разсужденія Андрея Юродиваго, Шестодневъ Северіана Гевальскаго, Нила о восьми помыслахъ, исчерпываютъ собою рядомъ съ апокрифической „бесѣдой трехъ святителей" почти все, что дана ю. славянская литература XIV в. для познанія природы и человѣка [1]). Какія стороны сущаго занимали въ это время умы, видно изъ „Бесѣды" и вопросовъ, предложенныхъ Епифаніемъ Андрею—о стихіяхъ, о душевномъ составѣ, о существѣ свѣта. „Что само есть вещию душа человѣческая и откуда душа составляется въ тѣлеси и откуда и какъ отъ тѣла разлучается...? Откуда есть вѣдомо, яко во время смерти не соумираетъ съ тѣломъ и душа?

„Колико небесъ есть?

Чимъ различно есть существо ангельское и душевное отъ существа человѣческаго?

Како и отвуда возстанетъ плоть, яже многащи утопаши etc.

„Нѣкоторымъ пустымъ людямъ кажется, что нѣтъ никакого различія между животными и людьми, что каковъ конецъ у животныхъ, такой и у людей... Что человѣкъ и животныя умираютъ.... когда вытекаетъ или вообще дѣлается негодною кровь [2]).

Колико іесть рода птичиега?

Колико са родове чловечьсви?

Отчеса бысть небо? (—от води)

Отчеса бысть сльнце п лоуна и звѣзды?—Отъ свитъ Божьихъ.

Отчеса бысть земля?—Отъ тини водные. Что держитъ землю? вода

Какъ сотворенъ бысть человѣкъ?

Велика-ли есть земля?

Далече-ли солнце отъ мѣсяца?

Како заходитъ солнце и како исходитъ?

Что суть громи и что есть молния блистающе?

Где вьзимлють облаци воду, юже толико много износетъ?

---

[1]) Архангельскій.—«Творенія отцевъ церкви въ русской письменности. Ч. I—II. Казань. 1899, стр. 13.

[2]) ibid. 13.

Какъ умножается вода дождевна?

Како бываетъ суша или дьждене? (Отв. есть царь воденъ и сушни. Егда поидетъ въ глубину, поидутъ все води по немъ, того ради бываетъ суша...).

Колико есть высокихъ горъ и моры всѣхъ и вѣликихъ рѣкъ?

Колико есть островъ морскихъ?

Колико костей въ человеце?"

Въ какой степени отвѣты, которые давались славянину въ этихъ памятникахъ литературы, способствовали лучшему познанію сущаго, можно судить хотя бы по слѣдующимъ образцамъ.

„Что держит землю? вода. а воду что дрьжитъ? Камень великы. А камень что дрьжитъ? бреви четверо крилати? А брави четири что дрьжить? Огнь, отнулуже бане истечюсть. А огнь что дрьжить? дроугы огнь... а ть огнь что дрьжить? Доубь прьво всѣхъ посажденъ, а коренье дуба того стоитъ на силѣ божіи. Господь же и сила божья зачела и конца не имать.

Отъ кого сотвори Богъ адама? От 7 части:

1 Тело его отъ земле, 2 кость его отъ камени, 3. крьвь его отъ роси и отъ солнца, 4. дихание его отъ вѣтра, душу его отъ духа божья, 5, разумь его отъ облака, 6. очи отъ моря, 7. помисль отъ брзости ангельскии.

Громъ есть оружіе ангельское: ангелъ Господень гонитъ діавола...."

Въ одну только сторону „сущаго" проникъ въ этотъ періодъ лучь свѣта—въ жизнь человѣческаго общества. Историографія, точнѣе біографія, дѣлаетъ въ лицѣ Константина Костенцкаго рѣшительный шагъ впередъ. Составленная К. біографія Стефана Лазаревича—не житіе преподобнаго, а біографія политическаго дѣятеля, освѣщенная общими условіями народной жизни. „Житіе" открывается географическимъ описаніемъ Сербіи и подсчетомъ ея естественныхъ богатствъ; при изложеніи борьбы сербовъ съ турками дается очеркъ предшествующей исторіи турокъ и монголовъ [1]).

[1]) Радченко. 1. с. 281. Ср. Пыпинъ и Спас. Ист. слов. лит. I. 95—96

Усвоеніе и переработка христіанскихъ идей массой.

Широкое распространеніе апокрифической литературы сравнительно съ церковной даетъ уже ключъ къ рѣшенію вопроса о томъ, какимъ путемъ шло усвоеніе новыхъ идей, которыя вносились въ сознаніе южныхъ славянъ христіанствомъ и письменностью: усваивалось, очевидно то, что находилось въ согласіи съ языческимъ міросозерцаніемъ. Анализъ произведеній народнаго творчества даетъ возможность обставить этотъ выводъ рядомъ краснорѣчивыхъ деталей.

Христіанство захватило южныхъ славянъ въ тотъ періодъ развитія ихъ мысли, когда представленія о мірѣ, о связяхъ явленій въ пространствѣ и времени опредѣлялось исключительно ассоціаціями.

Этимъ-же ассоціаціямъ принадлежитъ рѣшающая роль и въ процессѣ усвоенія новаго міросозерцанія. Благодаря имъ новый матеріалъ безъ борьбы размѣщался въ сознаніи южныхъ славянъ, ассимилируясь, утрачивая черты, которыя стояли въ противорѣчіи съ старымъ міросозерцаніемъ.

Славяне приняли христіанство въ тотъ періодъ развитія своей религіозной мысли, когда только что еще зараждалась индивидуализація антропоморфныхъ духовъ. Христіанство шло съ отрицаніемъ этихъ духовъ, но такъ-же, какъ у римлянъ и грековъ, примирилось на компромиссѣ. Оно оказалось не въ силахъ поворотить народную мысль на новый путь; наоборотъ дало могущественный импульсъ къ поэтическому творчеству въ старомъ, языческомъ направленіи.

Въ до-христіанскій періодъ южное славянство не могло вырабатывать миѳовъ въ смыслѣ сказаній объ индивидуализированныхъ божественныхъ сущностяхъ: для такихъ миѳовъ

не было достаточно ясныхъ героевъ; христіанство съ сонмомъ ангеловъ и святыхъ дало творчеству этотъ отсутствовавшій матеріалъ и съ его принятіемъ у южныхъ славянъ родилась богатая, языческая по духу миѳологія: такъ называемыя религіозныя пѣсни, занимающія столь видное мѣсто въ произведеніяхъ народнаго творчества, представляютъ собою ничто иное, какъ миѳы на тэмы, данныя христіанствомъ.

Въ сонмѣ небожителей христіанскіе учители различали а) святыхъ—людей, приближенныхъ къ Богу добродительной жизнью—б) ангеловъ — чистыхъ небожителей—духовъ и наконецъ в) тріипостаснаго Бога. Болгары и сербы сдѣлали этотъ міръ болѣе однороднымъ, стерши разницу между святыми и ангелами. Святые, въ частности евангелисты и апостолы, отождествились въ народномъ сознаніи съ ангелами.

Ангеле мои апостоле
Скоро ьемете свети духъ
Идете Паткана желепка
Душа здадете на дете [1]).

Емъ се делетъ четиръ брата
Четиръ брата ангеле-то
Пдрви беше свети Петаръ
Втори беше свети Иванъ
Іа трети іе Свети Никола
Четвдрти іе свети Илиіа
Делба делет въ синьо небо [2]).

Процессъ отождествленія идетъ далѣе: язычество оставило христіанству идею бога—антропоморфнаго духа, повелѣвающаго явленіями природы, въ частности небомъ; въ христіанскій періодъ это понятіе распространялось, видимо, на всѣхъ небожителей.

Въ пѣсняхъ сохранились пережитки эпохи, когда на святыхъ смотрѣли, какъ на боговъ.

---

[1]) СбМ. II, 44.
[2]) ib. XI.

Еі Боже, Боже, еі мили Боже
Еі Боже, Боже, Свети Никола
Іа слевни доле, доле у село [1]).

Образъ Тріипостаснаго Бога замѣнился при этомъ процессѣ упрощенія Богомъ единоличнымъ—Христомъ.

Тогаі стана Божа маікьа
На Бога се помолила
Леле, Боже, мили Боже,
А пуштиме свети Митаръ.
А Бога и отговора:
Леле, мале, стара мале,
У тебе су ключевете [2]).

Интересный намекъ на предполагаемыя отношенія сына къ отцу заключается въ словахъ болгарской колядки: „млада Бога, Боже имя" [3]).

Христіанство же съ его образами Бога-Отца, Богоматери, Бога-Сына дало народному творчеству толчекъ къ созданію недостававшей язычеству теогоніи. Лишенные индивидуальности боги языческой поры не возбуждали вопроса объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Этотъ вопросъ сдѣлался насущнымъ для народной мысли тогда, когда мѣсто безличныхъ боговъ заняли индивидуализированные небожители христіанства, когда смутные отзвуки евангельскихъ сказаній и житій дали краски для картины ихъ взаимныхъ отношеній.

Народное творчество удовольствовалось принесенными христіанствомъ идеями родственныхъ и іерархическихъ отношеній между небожителями и свободно разработало эти темы.

Богъ, ангелы и святые приведены были народившейся христіанской миѳологіей въ отношенія, подсказанныя тѣмъ, что видѣлъ славянинъ въ собственномъ соціальномъ строѣ: это отношенія большой задруги съ кнезомъ въ главѣ.

---

[1]) СбМ. III, 34.
[2]) ib III, 6.
[3]) ib.

Въ составъ этой задруги вошли и боги языческой поры солнце, луна и вмѣстѣ съ ними Даница, змѣи-юнаки, самодивы.

Седнала іе Божа маіка
Да вечерьа сѫс слѫнцето
Сѫс слѫнцето, сѫс месец
Свети Георги курбанъ коли
Света Петка служба служи...
Іотговарьа, света Петка:
Еі та тебе Божьа маіко!
Имашго шта да си помола:
Іа да ми дадеш кльучовете,
Да іоткльуча бьал Божи раи [1]).

Въ хорватскихъ пѣсняхъ святые стоятъ въ такихъ же служебныхъ отношеніяхъ къ солнцу, какъ къ Богу:

Kad se sunce naput opravljaše,
Mikula mu konja osjedlašc,
Sveti Petar zu uzdu drzašc.

Змѣи-юнаки проникли въ небесную задругу, какъ существа, которымъ Богъ наравнѣ съ людьми даетъ душу и у которыхъ потомъ беретъ ее:

Та допрати госпот един ангел.
Та и дихна съ устата
Та станала маіка им трудна,
Та родила едино малко чедо.
Крстила го змеіа Миаила...

Допрати Господ два ангела.
Та дрѫпнала змеа Миаила
Извеле го у синьото небо [2]).

Самодивы выступаютъ какъ-бы слугами Бога, являясь за душой, чтобы отнести ее на небо:

---

[1]) СбМ. XVII, 51.
[2]) ib. 148.

Три жени, три самудивьи,
Тѫ си Стуіѧну искаіѫ
Прет Богѫ дѫ гу заведѫт [1]).

Въ такомъ-же служебномъ отношеніи къ Богу, не входя въ составъ небесной задруги, являются ламіи: онѣ поставлены Богомъ надъ водами [2]).

Взаимныя отношенія членовъ небесной задруги представляются въ слѣдующемъ видѣ: св. Илья является дядей Христа-младенца по матери, св. Иванъ его крестнымъ отцомъ (кумомъ).

По море врви бел каик
И у каико седеше,
Богородица седеше
Урдце дѫржи Христосе,
Христосе мѫжко детенце.
Од десна страна седеше
Свети Іована кумъ му,
Од лева страна седеше
Свети Илиіа уікьа му [3]).

Въ сербскихъ пѣсняхъ братомъ Богородицы является св. Василій.

Эта родственная группа пополняется миѳомъ-пѣсней о дѣлежѣ власти надъ міромъ между четырьмя братьями святыми:

братья Илія, Никола, Петръ и Михаилъ Архангелъ послѣ дѣлежа улетаютъ къ тремъ милымъ сестрамъ — Св. Недѣлѣ, св. Петкѣ и блаженной Маріи:

Долеташе до три мале сестре
Едно ми е света Недельа.
А друго-то блажена Мариіа
Трекьата е света Петка [4]).

---

[1]) СбМ. IX, 20.
[2]) Дювернра. Слов. I, 1099.
[3]) СбМ. III, 38; XIII, 17.
[4]) СбМ X, 24.

У Иліи въ другихъ пѣсняхъ упоминается еще сестра Дафинчица [1]).

Жизненный строй и бытъ небесной задруги является точнымъ воспроизведеніемъ строя и быта земной: Богъ, подобно кнезу задруги, совмѣстно съ святыми, вершитъ дѣла, творитъ напр судъ:

Сдбрали се сви светиа
Си светии небесни
Да се сдда краі Господа,
Коі запали Света Гора,
Светогорски манастире.
Осддили свети Митар
И брата му Михаила [2]).

Собранія святыхъ для совѣщанія или для препровожденія времени составляютъ одинъ изъ излюбленныхъ предметовъ христіанской миѳологіи.

Сдбрали сд сички светци
Да сд чьудьдт да сд маідт,
Што да правьат тдмна мдгла
Іутговарва свети Илиіа... [3]).

Нарет седдт сички свьатци
Нарет седдт, вино пиіат... [4])
Божа маіко диван стои,
Залива им роіно вино... [5]).

Зборъ зборише Божи апостоли,
Збор зборише на небеска врата [6]).

---

[1]) СбМ. VI, 11.
[2]) ib. III, 5.
[3]) ib. IX, 7.
[4]) ib. XV, 9;
[5]) ib. VIII, 23.
[6]) Кар. пјесме. II, 4.

Ограниченный задругой святыхъ въ своихъ отношеніяхъ къ ея членамъ, Богъ и по отношенію къ міру не располагаетъ неограниченнымъ могуществомъ: распредѣливши отдѣльныя функціи міроправленія между членами задруги, онъ уже не вмѣшивается въ ихъ дѣла:

Чуіте стари, приказуіте млади
Небо земльа на сдд покарала.
Ка оідоа код милого Бога,
И онъ си имъ тогаі одговора:
Іа не можемъ ваве да отсддим,
Да идете код свети Илиіа;
Он ти сдди тиіа мртви души[1]).

А сонмъ святыхъ небожителей далъ славянамъ возможность найдти для мельчайшаго изъ явленій природы виновника и независимаго повелителя. Сдѣлавшись повелителями природы, святые отодвинули славянина отъ того Бога, о которомъ говорило христіанство. „Каждый человѣкъ, говоритъ одна болгарская легенда, служитъ и колетъ курбанъ какому нибудь святому и тотъ ему помогаетъ“ [2]).

Какъ далекъ этотъ культъ отъ христіанскаго, свидѣтельствуетъ таже легенда; ея герой избираетъ себѣ покровительницей и начинаетъ чтить жертвами „бабу Марту“ — олицетвореніе мѣсяца марта—и баба не хуже святыхъ помогаетъ своему поклоннику.

Въ распредѣленіи функцій между данными христіанствомъ „богами“ славяне частію руководствовались греческой народной традиціей, частію тѣми представленіями, которыя по ассоціаціи звуковъ вызывали у нихъ имена святыхъ.

Вліяніе заимствованныхъ у грековъ народныхъ этимологій сказывается на хорватскомъ повѣрьи, что св. Андрей (Андрашъ) выдаетъ замужъ дѣвушекъ [3]).

---

¹) СбМ.
²) ib. XI, 83.
³) Zborn. za živ. I, 244.

Подъ вліяніемъ собственной этимологіи св. Видъ сдѣлался у далматинцевъ покровителемъ зрѣнія и въ жертву ему приносятъ глаза, сдѣланные изъ воска [1]); св. Ровъ по ассоціаціи съ рака сдѣлался цѣлителемъ рукъ (и ногъ); ему также приносятъ въ жертву восковыя изображенія ихъ [2]); съ св. Андреемъ связывается увеличеніе дня (день „наједрева"), съ св. Варварой остановка прибыли („день се заваруа"), св. Германъ связывается съ громомъ, Еремія съ зміями, Елисей съ болѣзнью волосъ „лисо", Пантелеймонъ съ путешествіями (пат), Полихроній является хранителемъ полей, св. Стиліанъ (Циліанъ) — цѣлителемъ, Игнат повелителемъ огня (чрезъ латин?), Кирикъ (Кюрикъ) черезъ чуръ также связывается съ огнемъ, Наумъ черезъ умъ цѣлителемъ душевныхъ болѣзней, Модестій-Мулешти — черезъ муле — покровителемь скота; св. Вароаломей и 11 апостоловъ поворачиваютъ — „вртет" солнце на лѣто [3]) и „ломитъ", т. е. уничтожаетъ градомъ.

Въ какомъ отношеніи стоятъ явленія природы къ завѣдующимъ ими святымъ, раскрывается изъ пѣсенъ-миѳовъ объ Иліи и св. Дмитріѣ: нормальный порядокъ извѣстныхъ явленій нарушается въ случаѣ гнѣва ихъ повелителя.

Расдрди се сам светји Илиіа
Кога литна више под небо—то
Кога забра магли и облаци
ʒ грамотеви и па с тревкотеви,
Накара ги у тевно-то море,
Затвори ги съ раіски кльучеве;
Три годиини дџж не е капнало [4]).

Такіе-же результаты получаются въ случаѣ болѣзни даннаго святого или заключенія его въ темницу.

[1]) Zborn. za živ. 244.
[2]) СбМ. XIII, 167.
[3]) ib. VII, 55.
[4]) ib. III, 36.

Рдзбульал сд і свити Илиіа
Тд і лижал тд і бульал
Тдкминку ми девит годин
Девит годин вьатдр не вьа
Девит годин ддш не вальа [1])

Откол Митар затвориа
Капка ддш не іе капнало [2]).

О природѣ небожителей свидѣтельствуютъ уже ихъ пиры, но миѳы-пѣсни даютъ намъ и болѣе конкретныя бытовыя черты: святые живутъ на небѣ въ отдѣльныхъ домахъ (вар. монастыряхъ), разъѣжаютъ на коняхъ, носятъ одежды изъ цвѣтныхъ тканей, развлекаются танцами, подобно смертнымъ, посѣщаютъ другъ друга во время домашнихъ праздниковъ:

Света Петки службу служи.
Па се шетна света Петка
Из трапези шестореди
Ти сдгледа, чи и нема,
Чи и нема главен светец,
Главенъ светецъ свет Никола.
Свет Илиіа отговора:
Хвала тебе, света Петка,
Три пдти му дома идах
Него дома не затичам [3]).

Си светии коньe коват
Че да идат на погача [4]).

Свет Никола оро води
А до него малка мома
Съ танка риза копринена...
Бавила сам млада Бога
Дарила ма Божьа маікьа [5]).

[1]) СбМ. IV, 11.
[2]) ib. III, 5
[3]) Ib. XVII, 13—14. Ср. Шапкар. Сбор. 1, 55.
[4]) ib. IV, 21.
[5]) ib. VIII, 5.

Каниа се іе Бог да доіде
Свет Ивану на служба-та [1])

Славу слави свети Аранђле,
Славу слави светого Іована;
Састали се божи праведници,
Па им служи вино и ракију.

Звѣзда-Даница, устроивши женитьбу брата мѣсяца на „молніи изъ облака“, взяла единаго Бога кумомъ, деверами Петра и Павла, старымъ сватомъ Святого Ивана, въ воеводы св. Николу, а кучеромъ св. Илью [2]).

Молнія, какъ и всякая молодка на землѣ, надѣлила всѣхъ сватовъ дарами: Богу дала небесныя высоты, Ивану ледъ и снѣга, Николѣ воды, Ильѣ молніи (sic.) и стрѣлы [3]).

Картину хозяйства у святыхъ рисуетъ болгарская коляда:

Михаиле, свет Рангеле,
Што ти порти отворени,
Што ти двори разметени,
Стред порти буйно копье,
Окул копье вири коньe,
Окул коньe вредни момци,
Окул момци бдрви ржти [4]).

Димитриа вино пие
Под убаво божур дьрво.
Долетеа два галаба
Два галаба до два брата.
Ние сме си два ангъела
Два ангела до два брата;
Од Бога сме допратени
Да сечеме бождр дрво,
Да прааме раю врата [5])...

---

[1]) CбМ. V, 4.
[2]) Караджж. I. 161. Ср. V, 155. Звѣзду замѣняетъ здѣсь царь небесный.
[3]) ib. 162.
[4]) CбМ. III, 23.
[5]) Шапк. Сбор I, 61.

Въ праздники святые водятъ коло съ Матерью Божьей во главѣ:

Када Христосъ на небо ускрсну,
Небесно се коло ухватило,
У колу су сви Божи ангели.

У колу іе крститель Іоване...
Коло води света Божа маіка..
Сви у іедно грло запѣваше.
Радуйтесе на небу анђели
А на земльи сви рашћанска души [1]).

Близость небожителей по природѣ къ людямъ приводитъ къ тому, что они въ пѣсняхъ выступаютъ уже прямо какъ люди—отборные молодцы:

Наред седат
Йотбор момци,
Нарет седат,
Іадат, піiат
Божья маіка
Диван стои [2]).

Момцамъ этимъ не чужды человѣческіе грѣхи и преступленія. Есть болгарская колядка, въ которой расказывается, какъ у св. Ивана украли крестъ, которымъ онъ крестилъ небо и землю и какъ святые, очевидно заподозрѣвши Дмитрія, осудили его на заключеніе въ темницѣ:

„Оплака се—свети Иванъ—оплака се—на предъ Бога—Откраднаха ми—златомъ крастиц—дето крастилъ небо, земе—отговарва Вилин и Госпуд—Ой та тебе, свети Иване—че ти иди, среди земи—на могилка—че извади, меден кавалнче засвири—на милнина, на збирштина—да сабири—светиите—

---

[1]) Кар. V, 172.

[2]) СбМ. VIII, 23.

да ги садим страшна садба—да намерим златом крастицъ [1])...

Въ черногорскихъ легендахъ Илья постоянно обманываетъ дьявола - Дукляна—даетъ ему обѣщаніе и не сдерживаетъ его. Дуклянъ до такой степени извѣрился относительно Ильи, что не хочетъ даже появляться тамъ, гдѣ онъ присутствуетъ [2]).

Далматинцы разсказываютъ, что Илья необыкновенно свирѣпъ и Богъ въ виду этого не допустилъ, чтобъ онъ праздновалъ свои имянины и принималъ въ этотъ день жертвы: онъ способенъ былъ-бы перебить весь народъ [3]). Сходясь одними чертами съ людьми, другими „светци" приближаются къ духамъ языческой поры.

Подобно змѣямъ-юнакамъ, святые небожители вступаютъ въ браки съ женщинами земли. Въ одной сербской пѣснѣ разсказывается о женитьбѣ св. Ильи на дочери будимскаго краля [4]).

Какъ духи и герои языческой поры, святые обладаютъ способностью „оборачиваться"—принимать произвольно различныя формы.

Въ болгарскихъ колядкахъ фигурируютъ „три светца" въ видѣ трехъ златорогихъ оленей, которыхъ преслѣдуютъ охотники [5]).

Въ одной прилѣпской пѣснѣ Богородица и Іисусъ являются первая въ видѣ луны, второй въ видѣ солнца.

«Не ми била іасна месечина
Со сонуето ем среде во неіа...
Ами било света богородцы
Со Исуса въ раце го држала» [6]).

1) СбМ. VII, 13.
2) Ровинскій l. c. II, 497.
3) Zborn. za živ. I, 17.
4) Ястребовъ. О. с. 53.
5) СбМ. I, 14.
6) ib. II, 28.

Солнцемъ и дѣвушкой оборачивается и св. Недѣля:

От сандука изгреiало
Iасно сланце от сандука.
То не бе iасно сланце
Ем беше света Недельа,
Стори му се малка мома[1]).

Петръ и Никола въ колядкахъ принимаютъ видъ слѣпца и хромого, чтобы испытать своихъ матерей[2]).

Въ сербскихъ пѣсняхъ святые оборачиваются иногда облаками:

Надъ њима се три облака вију:
Iедан облак громовит Илиjа,
Други облак Огнена Мариjа,
Треħи облак свети Пантелиjа[3]).

Богородица, обернувшись кукушкой, является на св. гору извѣстить монаховъ о томъ, что идетъ на нее сильное войско[4]).

Съ такими же антропоморфными чертами выступаетъ и повелитель небесной задруги — Богъ. Онѣ ярко выступаютъ въ слѣдующей болгарской колядкѣ.

(Колядники) закрутили усы,
Заломили колпаки,
Вскочили на борзыхъ коней
Травить Бога и св. Ивана,
Чтобы они дали имъ щедрый дар.
Богъ и святой Иванъ
Были добрые люди,
Сѣли на перекресткѣ...

---

1) СбМ. X, 13.

2) Kukuljević. 161. Maretić l. c. LXII, 8.

3) Караџ., пјесме I, 175.

4) Шапкаревъ. Сбор. I, 64

Черты, отличающія Бога отъ человѣка, имѣютъ вполнѣ матеріальный характеръ; по одной колядкѣ Богъ тяжелъ какъ камень и „жжетъ, какъ огонь".

Ипостаси тріединаго Божества мыслятся юго-славянской массой, какъ отдѣльныя антропоморфныя существа, матеріальныя по своей природѣ.

Отношеніе Бога-Отца къ сыну, какъ отдѣльному отъ него существу, обрисовывается въ слѣдующей пѣснѣ:

Канио се іе Бог да доіде
Свет Ивану на служба-та
Ристом Богу на крштенье.

Св. Духъ это также отдѣльная отъ Бога субстанція, изъ которой берутся ангелами по велѣнію Бога души для людей. Въ другихъ пѣсняхъ онъ выступаетъ, какъ вѣтеръ:

„Свети дух да подуе поле ти".

Въ сербскихъ пѣсняхъ это уже дѣвушка—Светодуха Іана.

Создавая образъ Христа-Божича, ю. славянская масса пошла уже по пути, указанному аборигенами полуострова: въ немъ слились черты Митры-Непобѣдимаго Солнца и Діониса. Съ особенной яркостью выступаетъ этотъ образъ въ сербскихъ рождественскихъ („божичьныхъ") пѣсняхъ.

Раждаясь, какъ и Митра—Солнце, 25 декабря, божичъ становится въ тѣсную связь съ солнцемъ, сливается съ нимъ:

Грану сунце иза брда
Нија сунце, него Божо [1]).

Съ солнцемъ сливается Божичъ и у Болгаръ. Съ чертами другого древняго божества выступаетъ Божичъ въ слѣдующей пѣснѣ:

---

1) Кар. V 141.

Божиħ иде уз улицу, те се весели,
Пред њим иде жарко сунце, те му свјетли.
Носи Божо у рукама ките цвијеħа,
У десници руци, носи грану маслине,
У лјеву гранат грану од ловорике [1]...

Здѣсь Божичъ это весна, это возраждающаяся, ликующая и призывающая къ ликованію природа—Діонисъ.

Съ такимъ же ликующимъ образомъ Божичъ выступаетъ и въ другой пѣснѣ:

Божиħ зове сверх планине оне високе:
Веселте се србльи—браħо! вријема ви је.
Приправте ми све бадньаке свилом киħане,
А одаје и пенцере лаворичицом...

Сербы этому Митрѣ-Діонису романизованныхъ ѳрако-иллирійцевъ придали черты такого-же хозяина-задругаря, какъ и святымъ:

У Божича три сестре роħене:
Iедна сестра овце ојагнила,
Друга сестра пшеницу сијала,
Треħа сестра виноград садила.
Прва сестра добар глас донела:
О, Божиħу, мой брате роħени,
Лепо су се овце ојагниле...
Другая сестра добар глас донела:
О, Божичу, мой братъ роħени,
Лепо ти је родила шеница... [2]

Попадаетъ Божичъ-Христосъ на небо, взятый у матери ангелами тотчасъ послѣ рожденія:

---

[1]) Карод. пјесме, V, 145.
[2]) Кар. V, 138—9.

Въ гуръть имъ мънастир
И въ манастир килиiъ;
Въ килиiъ свита Мъриiъ
Христа и Богъ лубилъ...
Олиле Божи, Ґоспуди
Коi ми уткраднъ детиту
Ангел уд нибо прудумъ:
Мълчи, Мъриiка, ни плъчи
Тоiту i дети при Богъ
Къ злато столчи съгеши [1]).

Какъ и святые, Божичъ можетъ принимать различныя формы—является напр. въ видѣ голубя [2]).

Утративши свое троичное единство, образъ Бога и въ другихъ отношеніяхъ отклонился у ю. славянъ отъ догматическаго.

Сфера власти Божіей ограничена; выше его стоитъ судьба, представляемая орисницами. Когда Богъ ходилъ еще на землѣ, говоритъ одна болгарская легенда, зашелъ онъ однажды на ночь въ хижину овчара. У овчара разрѣшилась за два дня передъ тѣмъ жена и въ эту ночь къ новорожденному должны были явиться урисницы. Урисницы явились и приговорили младенца умереть отъ капельки воды во время сватьбы. Выросъ юноша; пришло время сватьбы; Богъ былъ въ поѣздѣ за кума и на своемъ конѣ перевезъ жениха, черезъ рѣку, чтобы избавить его отъ приговора урисницъ. Но приговоръ этотъ остался неизмѣннымъ: когда Богъ съ женихомъ юношей выѣзжалъ на берегъ, капелька воды попала жениху въ уста и онъ умеръ: Богъ не могъ измѣнить судьбы, назначенной урисницами. „Я даю душу, говоритъ онъ въ другой аналогичной легендѣ, но не даю дней“ (т. е. не могу опредѣлить продолжительности жизни [3]). Отъ власти орисницъ—судьбы не свободенъ по болгарскимъ воззрѣніямъ даже Христосъ: онѣ явились къ нему въ опредѣленное время, какъ и къ всякому смертному, и произнесли свой приговоръ.

---

1) СбМ. X, 23; ср. XVП, 53.
2) СбМ. П, 2.
3) СбМ. X, 188—189.

Такъ-же мало, какъ идея всемогущества, проникли въ сознаніе юго-славянской массы и другіе аттрибуты божественной природы. Отголосками богомильскихъ воззрѣній на два міровыхъ принципа являются легенды, въ которыхъ Богъ представляется существомъ, уступающимъ дьяволу—Дукляну, сатанѣ—по умственной силѣ и по значенію въ мірѣ.

Христіанскій культъ ю. славянъ такъ же, какъ и вѣрованія, представляетъ собою компромиссъ христіанства съ язычествомъ. Измѣнился объектъ, но не измѣнилось составляющее сущность культа отношеніе къ покланяемому.

Какъ въ языческую пору, основу культа составляетъ страхъ и стремленіе расположить въ свою пользу повелителей природы, удовлетворяя ихъ предполагаемымъ потребностямъ.

Отношенія небожителей къ міру славянинъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что они пользуются міромъ для удовлетворенія своихъ потребностей, пользуются сами, если человѣкъ не успѣваетъ предупредить ихъ желанія.

Въ болгарскихъ колядкахъ фигурируютъ ангелы, которые преслѣдуютъ ягненка, чтобы пастухи могли принести его въ жертву св. Георгію [1]), Богоматерь и Іоаннъ Креститель угоняютъ у овчаровъ стадо, чтобы надоить молока, въ которомъ можно было бы искупать Христа-младенца [2]), Богъ строитъ себѣ на облакахъ домъ—монастырь (образъ, навѣянный иконографіей, конечно) изъ человѣческихъ душъ и насылаетъ на землю эпидеміи, чтобы получить недостающій матеріалъ [3]); въ причитаніяхъ онъ, какъ мы уже видѣли, называется „старымъ кровникомъ".

Къ стр. 469. [Черногорцы, по словамъ Ровинскаго, различаютъ святыхъ на болѣе или менѣе страшныхъ. Страшный святой—этотъ тотъ, который караетъ за выражающееся въ работѣ неуваженіе къ нему [4]).

---

[1]) СбМ.
[2]) ib.
[3]) ib.
[4]) О. с. II, 259—260.

Въ сербскихъ проклятіяхъ святые призываются убить проклинаемаго:

Св. Марин те стука,
Св. Цуцул те убиіе [1]).]

Соотвѣтственно этому отношенію небожителей къ міру и человѣку слагается и встрѣчное отношеніе—человѣка къ нимъ. Человѣкъ стремится предупредить желанія небожителей: мольбами и жертвами-курбанами отвлечь отъ себя ихъ гнѣвъ. Причитанія надъ умершими показываютъ, что идея благого Провидѣнія, отъ котораго христіанинъ съ покорностью долженъ принимать всякое явленіе своей жизни, далеко еще не усвоена—по крайней мѣрѣ женскимъ элементомъ ю. славянства: убитая потерей сына мать бросаетъ страстные упреки Богу—„старому крвнику" (кровопійцѣ), „кривоклетнику" (существу несправедливо насылающему несчастья [2]).

По отношенію къ святымъ (иконамъ), которые не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ, славянинъ какъ фетишистъ-негръ, не останавливается передъ палочной расправой.

Мало измѣнились и детали культа.

Христіанство дало ю. славянину молитву Господню и сведенную къ словамъ „Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя" молитву мистиковъ—широкія формулы, въ которыхъ вѣрующій выражаетъ свою преданность Провидѣнію; съ другой стороны—сложную систему текстовъ, въ которыхъ рядомъ съ прошеніями на опредѣленные случаи имѣютъ мѣсто и навѣянныя востокомъ и языческими религіями заклинанія и родившіяся на той же соціальной почвѣ славословія. Въ большемъ соотвѣтствіи съ міровоззрѣніемъ и общественнымъ строемъ ю. славянина оказались молитвы-прошенія и молитвы-заклинанія; до возвышенныхъ, всеобъемлющихъ, абстрактныхъ формулъ преданности онъ еще не доросъ умственно, для пониманія славословій у него не было первообразовъ въ окружавшей его жизни: кнезъ родового союза былъ слишкомъ близ-

1) «Караджић» 1898, 116—118. Ср. СбМ. V, 303.

2) СбМ,

кимъ человѣкомъ, чтобы ощущалась необходимость славословить его. Что касается молитвъ-прощеній и молитвъ-заклинаній, то онѣ вполнѣ гармонировали съ той вѣрой въ силу слова, которую славянинъ перенесъ въ христіанство изъ язычества. Молитва славянина-христіанина поэтому сохраняетъ еще черты эпохи, когда человѣкъ вѣрилъ въ возможность создавать явленія силою слова; это больше заклинаніе, которымъ сверхъ естественные дѣятели принуждаются произвести нужное дѣйствіе, чѣмъ просьба.

Жертва храня въ большей степени сохраняетъ черты анимистическаго отношенія къ природѣ.

Курбаны, какъ мы уже видѣли выше изъ пѣсни о небесной трапезѣ, служатъ пищей небожителямъ.

Тоже воззрѣніе проступаетъ въ повѣрьи относительно жизни усопшихъ въ раю: предъ каждой душой стоитъ столъ, на которомъ разложены жертвы-приносы, хотя души—уступка спиритуализму—не пьютъ и не ѣдятъ.

Съ особенной яркостью идея празднованія, какъ угощенія небожителей, выступаетъ въ сербскихъ божичныхъ пѣсняхъ.

Невjестице кућу китe, окитиће те,
Ђевојчице пjевачице опјеваће те,
Старе бабе масло варе, опржиће те [1]).

Мѣстомъ служенія божеству по прежнему остались горныя вершины, поросшія лѣсомъ.

Въ болгарскихъ легендахъ, если людямъ представляется необходимость призвать Бога или святыхъ, они отправляются на ту или другую высокую гору, приносятъ туда погачу, чашу вина или воды и обращаются съ призывомъ и молитвой [2]).

Илиевъ сообщаетъ любопытное извѣстіе о томъ, что оброчищами служатъ и укрѣпленныя горы, „городища". Въ с. Дербентъ Хаджи-Елесской околіи жертвы приносятъ въ градищѣ—огороженной стѣной площадкѣ среди села.

---

[1]) Кар. V, 143.

[2]) СбМ. II, 198; VII, 172 VIII, 188, 189; XV, 83.

Перемѣна, которую съ водвореніемъ христіанства пережили эти традиціонныя мѣста культа, заключается въ томъ, что на этихъ вершинахъ среди рощъ появились храмы. Деревья, среди которыхъ стоятъ храмы свѣтцовъ, такъ-же неприкосновенны, какъ рощи стопановъ. Они рѣзко выдѣляются на фонѣ безлѣсныхъ пейзажей. Около села Бѣлицы на одной изъ горныхъ вершинъ стоитъ церковь св. Иліи, окруженныя 10—50 соснами, единственными деревьями на всей горѣ [1]).

Во многихъ мѣстностяхъ Истріи koŝata липа стоитъ около каждой церкви или часовни. Около Трста по липамъ узнаютъ, гдѣ стоитъ церковь: нѣтъ липы, нѣтъ и церкви. На вѣтвяхъ липы висятъ иной разъ колокола [2]).

Въ селѣ Осойникѣ около Северина старая часовня стоитъ около еще болѣе старой липы. Липа эта пользуется такимъ почтеніемъ, что народъ скорѣе позволитъ разрушить часовню, чѣмъ срубить липу [3]).

Иногда липы—женскія деревья—украшаются врѣзанными въ нихъ иконами Дѣвы Маріи [4]).

Храмъ смѣнилъ такимъ образомъ дерево въ качествѣ жилища божества. На этой почвѣ возникаютъ характерныя повѣрья относительно церквей.

Въ пѣсняхъ дерево является иногда на мѣстѣ гдѣ пала вила или дѣвушка и душа усопшей поселяется въ немъ. Аналогичные мотивы имѣютъ мѣсто въ сербской народной поэзіи относительно церквей.

На мѣстѣ, гдѣ погибаетъ безвинно загубленный человѣкъ, возникаетъ церковь и въ ней поселяется его душа [5]).

---

[1]) ib. XII, 267.

[2]) Iulec. Zasto postuju slaveni lipu? RIA VIIII, 159.

[3]) ib. 168.

[4]) ib.

[5]) ib.

Ђе је ова сама собом пала
Овђе се је црква саградила...
Кад су били близу бьеле цркве,
Ал изъ цркве нешто проловора
Не ид тамо, млада Павловице,
Црква тебе опростити не ће [1]).

Таласумы, обитающіе въ нѣкоторыхъ церквахъ, играютъ съ вѣрующими даже шутки: оборачиваютъ напр. брачущихся въ различныхъ животныхъ.

Вѣка, протекшіе со времени принятія христіанства, не вытравили тѣхъ вѣрованій, которыя сложились около нихъ на первыхъ порахъ послѣ крещенія. Церковь до сихъ поръ при извѣстныхъ условіяхъ является, по мнѣнію болгаръ, жилищемъ духовъ—самовилъ: самовилы поселяются въ пустыхъ церквахъ, проникаютъ въ нихъ по ночамъ и болгаринъ не стремится подъ охрану храма, а напротивъ старается поселиться подальше отъ него [2]).

Вмѣстѣ съ храмами христіанство принесло славянамъ иконы; представленія болгарской массы объ иконахъ, какъ видимомъ объектъ культа, даютъ представленіе о томъ, какъ понято было ея предками поклоненіе иконамъ.

Возьмемъ для иллюстраціи характерную болгарскую легенду.

Купилъ одинъ селякъ двѣ иконы—Богородицы и Св. Николы—и сталъ жечь предъ ними за неимѣніемъ свѣчъ лучину, чтобы найти у нихъ заступничество отъ разбойниковъ. Случилось ему разъ съ женой уйти въ гости. Жена говоритъ, что домъ нужно запереть, но селякъ ограничился тѣмъ, что зожегъ предъ иконами лучину и поручилъ имъ хранить домъ. Пришли супруги изъ гостей и видятъ—домъ ограбленъ. Напустился селякъ на икону Богородицы съ бранью и ужъ приготовился бить ее, но за Богородицу вступилась жена: „не виновата она—говоритъ баба—видишь у ней ребе-

1) СбМ. XI, 79. Церковь «таласъмлия». XIII, 139.

2) Кар. II, 18.

нокъ на рукахъ; можетъ быть, она его убаюкивала, можетъ быть, выносила на дворъ; оттого и не видала разбойниковъ". Селякъ призадумался; „можетъ быть, такъ и было, у Богородицы было дѣло, ну а старый что дѣлалъ? почему онъ не видалъ? Онъ старъ; ему нужно было бы не спать, а караулить домъ. — Слушай, старикъ, обратился селякъ къ Николаю: сегодня я тебя не стану бить, но вотъ тебѣ мой наказъ: этой-же ночью разыскать покражу, иначе я тебѣ влеплю триста палокъ". Видитъ Никола, что селякъ разсердился, пошелъ къ вору, который обокралъ домъ, явился ему во снѣ съ огромнымъ ножемъ и пригрозилъ разсѣчь на части, если онъ не воротитъ украденнаго. Воръ проснулся въ испугѣ, собралъ покражу и отнесъ обратно [1]).

Въ проникнутой глубокимъ архаизмомъ легендѣ выступаютъ отголоски далекой языческой старины: убѣжденіе, что духъ живетъ въ образѣ, и фетишистическое отношеніе къ предмету поклоненія.

Представленіе о томъ, что святой связанъ съ иконой, его изображающей, проступаетъ и въ болгарскихъ пѣсняхъ [2]).

Одвели са а у цдркфа...
Ка а е цркфа видела
Си се сфетци приклониа

Мысль о томъ, что святые связаны съ иконами ихъ изображающими, лежитъ также въ основаніи болгарской легенды о мелкихъ скалахъ по р. Местѣ, называемыхъ „свѣтцами". Народъ разсказываетъ, что по близости былъ монастырь, въ которомъ одинъ изъ монаховъ велъ распутную жизнь; иконы возмутились и убѣжали на эти скалы [3]).

Представленія о священникѣ по мѣстамъ сохраняютъ еще отпечатокъ древнихъ языческихъ представленій относительно жрецовъ и жрицъ. Какъ въ языческую пору жрецъ былъ вѣщимъ человѣкомъ, способнымъ повелѣвать явленіями, такъ способенъ повелѣвать ими и священникъ. Въ Далмаціи

---

[1]) СбМ. XVII, 297; ср. IV, 832—3.
[2]) Шапкаревъ. Сбор. I, 35, 70.
[3]) СбМ. XII, 3/48.

существуетъ повѣрье, что если два попа поссорились, одинъ изъ нихъ можетъ навести градовую тучу на приходъ другого.

«Цркфа горе... сфетци кладанат»

Измѣнила-ли подъ вліяніемъ христіанства характеръ жертва, мы уже видѣли. Какъ въ языческую пору, и теперь приносятся кровавыя жертвы, которыя молящіеся потребляютъ виѣстѣ съ небожителями.

Христіанство осложнило древній культъ новой формой служенія божеству нравственными подвигами. Въ языческую пору поведеніе славянина регулировалось выгодой или вредомъ, которыми сопровождаются для самого человѣка его дѣйствія. Онъ могъ ошибиться не достигать намѣченной цѣли (таково первоначальное значеніе грѣха), но не былъ ни передъ кѣмъ, кромѣ себя, отвѣтственнымъ за свои дѣйствія. Съ христіанствомъ явилась идея грѣха, въ смыслѣ нарушенія божественныхъ нравственныхъ предписаній, идея покаянія и возмездія въ будущей жизни. Въ какомъ видѣ были усвоены эти идеи, показываютъ съ одной стороны извѣстные вопросы, обращенные болгарами къ папѣ въ IX в., съ другой современныя повѣрья и пѣсни.

Объ этическихъ понятіяхъ славянъ въ періодъ предшествующій крещенію, трудно, конечно, говорить съ опредѣленностью. Есть, однако, указанія на то, что эти понятія не имѣли метафизической основы. Мораль древняго славянина имѣла частью эстетическій, частію соціально-экономическій источникъ; термины—кривый, лукавый указываютъ, что основныя этическія понятія славянъ образованы на аналогіи съ эстетическими: дѣйствіе человѣка представлялось нравственнымъ, если оно давало удовлетвореніе однородное съ тѣмъ, которое получалось отъ созерцанія прямой линіи и наоборотъ безнравственнымъ, если давало ощущеніе неудовольствія, аналогичное съ тѣмъ, которое получается отъ воспріятія кривизны.

Компромисс христианства и язычества

Другой чертой, характеризующей моральныя понятія славянина, было то, что они не имѣли абсолютнаго характера, были относительны и кругъ ихъ примѣненія расширялся соотвѣтственно соціальному развитію племени.

Соціальный идеалъ христіанства, эта универсальная община вѣрующихъ, въ которой нѣтъ ни эллина, ни іудея, ни раба, ни свободнаго человѣка и которая такъ гармонировала съ идеями и настроеніемъ народовъ, переживших серію попытокъ создать всемірную монархію — римлянъ, грековъ, культурныхъ народовъ востока, оказался недосягаемымъ для непережившаго еще періодъ родового быта ю. славянства и славяне приспособили христіанскую общину къ той общинѣ (кровной), которая была имъ понятна.

Въ Болгаріи въ селахъ, состоящихъ изъ поселеній нѣсколькихъ родовъ (сой), каждый рядъ-сой имѣетъ свою собственную церковь [1]).

Каждый домъ въ предѣлахъ округахъ устраиваетъ для себя крестъ, передъ которымъ въ опредѣленный день приносится жертва. Безъ разрѣшенія собственника креста никто изъ постороннихъ не можетъ приносить предъ нимъ жертву [2]).

Тоже явленіе наблюдалъ Гильфердингъ въ Босніи и Герцеговинѣ, Ровинскій въ Черногоріи [3]).

Перваго марта въ Черногоріи, по словамъ Ровинскаго, иныя вѣштицы голыя ѣздятъ (вратико) вокругъ своего дома, чтобы отогнать несчастіе съ своей нивы на чужую, хозяйки, не имѣющія съ вѣштицами ничего общаго, продѣлываютъ однородныя операціи—раздѣвшись до нага они метутъ полъ и приговариваютъ: „чтобы у меня не было ни мушки... пойдите всѣ въ такой то домъ [4]).

---

[1]) СбМ. XV, 112.

[2]) ib. XIII, 166.

[3]) СбМ. IV, 315.

[4]) О. с. IV, 199.

У болгаръ тоже отношеніе къ чужому дому обнаруживаетъ мать, желающая освободить своего ребенка отъ плача. Передъ нами обломокъ отдаленной эпохи въ исторіи ю. славянской морали, эпохи, когда кругъ ближнихъ замыкался предѣлами матеріальной семьи и по отношенію къ чужому представлялось дозволительнымъ всякое зло: на него можно было напустить болѣзни, у него можно было отнять урожай, отнять удои его скота.....

Кругъ ближнихъ, по отношенію къ которымъ обязательна „милость", представляется значительно расширеннымъ въ группѣ родичей, объединенныхъ однимъ „кресным именемъ" или чествованіемъ одного святого. Онъ можетъ распространяться на цѣлое племя и даже на совокупность племенъ, которыя въ такомъ случаѣ считали себя родственными [1]), но все же не выходитъ изъ предѣловъ дѣйствительнаго или предполагаемаго родственнаго союза. На этой стадіи является серія дѣйствій, которыя по отношенію къ племени будутъ грѣхомъ, таковы нарушенія сложившихся соціально-экономическихъ отношеній: перепахиваніе чужихъ межъ [2]), продажа фальсифицированныхъ товаровъ—разбавленнаго вина напр. [3]), эксплуатаціи имущими неимущихъ [4]), невниманіе къ сиротамъ и путникамъ, непочтеніе къ куму, скупость относительно служащихъ, непочтеніе къ отцу, отбираніе волшебствомъ молока у скота, жита съ полей, сваливаніе на землю мѣсяцъ [5]).

Невѣжественные греческіе попы указывали болгарамъ IX в. на серію самыхъ удивительныхъ грѣховъ: причащеніе безъ пояса, стояніе въ церкви, не слагая рукъ на груди, вхожденіе въ церковь съ повязкой на головѣ, мытье по средамъ и пятницамъ въ банѣ.

---

[1]) Ровинскій, II, 209—210.

[2]) СбМ. I, 24

[3]) ib.

[4]) ib. 26.

[5]) ib. II, 28.

На стадіи племенного союза обираніе молока, жита и т. п., дозволительныя въ періодъ патріархата, оказываются уже грѣхами. Внѣ круга нарушеній соціально-экономическихъ интересовъ грѣхъ обращался уже въ загадку, которую дурно разгадывали и просвѣтители. Въ связи съ грѣхомъ въ христіанствѣ стоитъ покаяніе.

Въ какомъ смыслѣ славянинъ могъ понимать это явленіе, даетъ понятіе современное значеніе обозначающаго его слова: покајати значитъ по сербски отмстить, покаяніе—месть, обращенная согрѣшившими—т. е. нарушившими чьи нибудь интересы—на себя. Въ этомъ смыслѣ родичи, отдающіе себя при „умиреніи крови" символически въ распоряженіе потерпѣвшаго рода, называются „покајници" у сербовъ. Покаяніе представлялось актомъ, предупреждающимъ месть, возмездіе... Но чье? Христіанство принесло идею Божескаго возмездія въ будущей жизни—идеи адскихъ мученій и райскаго блаженства.

Славянинъ усвоилъ идею возмездія, приспособивши ее къ своимъ правовымъ и этическимъ понятіямъ.

Не отрекшись еще отъ правъ охраны своихъ интересовъ въ пользу кнеза, онъ воспользовался адскими мученіями въ будущей жизни, какъ новымъ видомъ мести, который предоставляла въ его распоряженіе новая религія. По догматическимъ повѣріямъ въ адъ можно попасть и не по Божьему суду, а въ силу проклятія человѣческаго: одна вјештица крала у сосѣдей молоко; сосѣдка замѣтила ее и прокляла и вјештица очутилась въ аду [1]).

Подводя итотъ всему изложенному выше, мы должны будемъ показать, что между аскетическими идеалами, къ которымъ подъ вліяніемъ Византіи склонилась немногочисленная юго-славянская интеллигенція, и той формой, въ которой восприняла христіанство юго-славянская масса, лежитъ глубокая бездна: масса вопреки аскетическимъ предписаніямъ выработала такую форму культа, при которой плоть сохранила свои нормальныя права; она сдѣлала участниками въ своихъ земныхъ радостяхъ и небожителей. Ей

---

[1]) Zbornik. Z. zivol... I, 145.

удалось отстоять основное условіе прогресса—способность и потребность работать для счастья на землѣ. Но тотъ осложненный анимизмъ, которымъ въ ея переработкѣ явилось христіанство, не могъ остаться безъ вліянія на дальнѣйшемъ ходѣ культурно-историческаго процесса. Славянинъ вступилъ въ новую жизнь подъ гнетомъ большихъ страховъ, чѣмъ прежде.

Родомъ жертвы, увеличившимъ количество этихъ страховъ и имѣющимъ огромное значеніе въ эволюціи соціально-экономическихъ отношеній, является у славянъ съ принятіемъ христіанства воздержаніе отъ дѣятельности (*празднованіе*).

Христіанство освобождало человѣка въ праздничные дни отъ повседневныхъ работъ, чтобы дать просторъ религіознымъ чувствамъ. Славянинъ усвоилъ только отрицательный моментъ—запрещеніе работать и понялъ его, какъ форму служенія божеству или святымъ. Это недоразумѣніе рѣзко сказывалось на его жизни и поведеніи: оно съузило кругъ, въ предѣлахъ котораго ю. славянинъ чувствуетъ себя способнымъ работать безъ страха навлечь на себя какое-нибудь бѣдствіе.

Чтобы сдѣлать яснѣе роль этого экономическаго, идейнаго фактора, набросаемъ схему трудоваго года современнаго южнаго славянина.

Возьмемъ прежде всего недѣлю и посмотримъ, сколько въ ней времени, безусловно свободнаго для труда.

Воскресенье. Праздникъ обще-христіанскій (Света Недѣля).

Понедѣльникъ. 2 „худыхъ“ часа; которые неизвѣстно.

Въ чистый понедѣльникъ не слѣдуетъ браться за ножъ, топоръ или что-либо желѣзное вообще, чтобы ниву не истребила живина.

Вторникъ. „Черный день“. Нельзя выходить въ дорогу; не слѣдуетъ начинать никакого дѣла. Первый вторникъ послѣ каждаго новолунія считается „лютымъ“; женщины не моютъ въ этотъ день бѣлья, чтобы оно не развалилось.

Среда. Въ ночь на среду или самую среду женщины не должны работать.

Четвергъ. Съ четверга страстной недѣли до Вознесенія семь четверговъ называются великими. Въ эти дни не производится никакая работа, сопряженная съ шумомъ—копанье, пашня, закладка телѣги, чтобы не шелъ градъ. Нарушители обычая дорого рискуютъ поплатиться за храбрость: телѣгу разобьетъ; посѣвы побьетъ градъ.

Пятница. Не сѣютъ и не жнутъ пшеницы. Не прядутъ на нее въ тѣхъ домахъ, гдѣ есть „пресна душа". На пятницу вообще женщины не могутъ работать.

Суббота. 2 „худыхъ" часа; которые, неизвѣстно. Мартины субботы отъ Великаго четверга до Вознесенья празднуютъ и мужчины и женщины, чтобы не шелъ градъ. Черный день: нельзя выходить въ дорогу и начинать дѣло. Суббота передъ Георгіевымъ днемъ называется „бѣлой" и празднуется въ предупрежденіе града.—День назначенный для чествованія мертвыхъ душъ.

Количество удобнаго для труда времени сократится еще, если принять во вниманіе, что въ первый день всякаго мѣсяца женщины не прядутъ, не шьютъ, не ткутъ, празднуя въ честь *волковъ*, чтобы не заѣли скотину.

Не принято начинать работы въ тотъ день недѣли, на которой приходится въ данномъ году „Обсичанье"—усѣкновеніе головы І. Крестителя (народ. этим., чтобы работы не обсѣкались?); въ частности не слѣдуетъ кроить одежды въ избѣженіи несчастія для того, кому она назначается.

Отъ Рождества до Крещенья считается грѣхомъ выходить въ дорогу, стирать бѣлье: вода не крещена; по мѣстамъ женщины и вообще воздерживаются отъ работъ, такъ какъ за это время Богородица была „леунка".

Въ теченіе сырной недѣли не моютъ, чтобы плоды въ садахъ уродились румяные.

На первой недѣли в. поста („шкура недѣлья") женщины не работаютъ ничего шерстяного, чтобы предохранить работу отъ порчи.

11 февраля празднуютъ въ честь св. Ѳеодора ради коней.

— св. Власа ради воловъ, коровъ и телятъ.

14 апрѣля (св. Мартинъ) празднуютъ ради того, чтобы завязать уста волкамъ.

1 мая (Еремия) празднуютъ женщины ради змѣй.

3 мая—черный день.

12 мая празднуется въ честь Джермана-Градушкаря въ предупрежденіе града. Работающихъ въ этотъ день штрафуютъ: они навлекаютъ градъ.

1 іюня празднуется „свети Размо".

13 іюня—всѣхъ святыхъ. Никто ничего не работаетъ.

14 іюня (Елисей) празднуютъ „кокухари".

1 іюля празднуются св. врачи Козьма и Доміанъ:

17 іюля празднуютъ св. Марену „огненна Марија" въ избѣжаніе бурь.

Три дня въ іюлѣ „горешницы" празднуются и служатъ для гаданія о зимнихъ мѣсяцахъ.

2 августа (день св. Стефана Vetreni dan) сербы и хорваты не работаютъ, чтобы не раздражить святого, который повелѣваетъ вѣтрами.

Въ теченіе послѣднихъ 12 дней августа (маккавея) болгарки не стираютъ бѣлье.

26 и 27 октября празднуются въ честь мышей (поганщальаци), чтобы мыши втеченіе года не портили домашнихъ вещей.

14 іюня въ Битольскомъ округѣ не работаютъ, справляя праздникъ чуреци.

8 іюля Въ Крайнѣ и Герцоговинѣ не работаютъ, чтобы не вызвать бурь и розъ.

1 Декабря день св. Андрея празднуютъ потому, что день вырастаетъ „наядрее".

Дни съ 11 по 14 ноября (мратанци) („божикьни покладн") посвящены у болгаръ умилостивленію волковъ и называются „влачьаци". Это самые священные для селяка дни. Волковъ чествуютъ, чтобы они не вредили скоту и людямъ въ зимнее время, когда имъ случается отходить отъ дома. Съ 14 по 18 обязанность умилостивленія переходитъ на женщинъ, которыя не работаютъ ничего шерстяного, чтобы волки не тревожили стадъ. Особенно опаснымъ считается производить какую нибудь работу подъ деревомъ.

30 ноября мечкинъ день — праздникъ въ честь медвѣдя.

12 декабря празднуютъ въ честь св. Спиридона, чтобы онъ относилъ струната.

17 женщины празднують ради дѣтей, чтобы Богъ хранилъ ихъ отъ огня.

Кромѣ тѣхъ измѣненій, которыя получили у славянъ христіанскія идея подъ вліяніемъ приспособленія къ языческимъ, въ ихъ міросозерцаніи, есть отклоненія отъ догматическаго христіанства, обусловленныя богомильствомъ.

У далматинцевъ во всей неприкосновенности сохранялось богомильское ученіе о двухъ извѣстныхъ началахъ бытія. Выраженіемъ этого вѣрованія является легенда о борьбѣ двухъ боговъ-братьевъ: старшій столкнулъ младшаго въ море и остался одинъ владычествовать надъ міромъ.

Въ народную поэзію проникъ и другой богомильскій—апокрифическій взглядъ на сатанаила, по которому онъ является созданіемъ Бога, ожившей тѣнью его [1]).

Сказанія объ участіи сатанаила въ міросозданіи широко распространены у болгаръ и сербовъ.

Какъ въ апокрифахъ, Сатанаилъ (Дукиjанъ) является и въ черногорскихъ легендахъ царемъ и властителемъ солнца. Въ легендѣ „Царь Дукиjанъ и креститель Іованъ“ его похищаетъ у Дукляна Іоаннъ. Въ другой легендѣ, записанной Ровинскимъ, разсказывается, что первоначально Богъ владѣлъ только мѣсяцемъ, а солнце (наравнѣ съ моремъ) пренадлежало дьяволу и только путемъ обмана и клятвопреступленія, разрѣшеннаго Богомъ, Илья овладѣваетъ солнцемъ [2]).

Въ болгарской народной поэзіи циркулируютъ легенды, восходящія, можетъ быть, своими началами къ тому далекому періоду въ духовной исторіи В. Европы, когда сюда начали проникать манихейскія космогоническія сказанія при посредствѣ тюркскихъ племенъ, кочевавшихъ въ средней Азіи и степяхъ Поволжья. Легенды эти, относящіяся къ творенію міра и человѣка, происхожденію злыхъ духовъ, оказываются общими у балканскихъ славянъ съ финнами Поволжья—черемисами и вотяками и ихъ западными родичами мадьярами [3]).

---

[1]) Дриновъ. СбМ. VIII, 260. Ср. Бесѣда трех святителей. Ср. богульское сказаніе у Stranss'a. 14.

[2]) Ровинскій l. c,

[3]) Stranss. Die Bulgaren. 14.

Отсылая читатели за подобностями къ источникамъ, мы отмѣтимъ здѣсь только сущность этихъ космогоническихъ миѳовъ. Богъ творитъ міръ вмѣстѣ съ Сатанаиломъ, который является то исполнителемъ его велѣній, то вдохновителемъ, у котораго Богъ хитростью выманиваетъ творческія идеи [1]): отъ него онъ получаетъ указанія, какъ остановить ростъ земли, какъ создать сына изъ своего дыханія и при помощи его уничтожить договоръ, отдавшій мертвыхъ во власть сатаны. Послѣ созданія міра Богъ и Сатанаилъ дѣлятъ власть надъ нимъ: земля поступаетъ во власть Сатанаила, небо дѣлается достояніемъ Бога [2]). Въ славянскихъ легендахъ о твореніи небесъ оказывается существенный пробѣлъ сравнительно съ финскими. Согласно съ апокрифами сказанія эти говорятъ о семи набесахъ [3]), но умалчиваютъ объ условіяхъ ихъ появленія. Финскія сказанія сообщаютъ, что первое небо Богъ создалъ для себя; Сатанаилъ не захотѣлъ ему уступать и создалъ для себя и своихъ ангеловъ другое по выше Божьяго, Богъ въ отвѣтъ на это создалъ третье. Такъ они поднимали небо за небомъ, пока сатана не захотѣлъ создать десятаго. Только тогда раздраженный Богъ низвергъ его вмѣстѣ съ его ангелами на землю; одни изъ сверженныхъ ангеловъ сатаны попали въ воду и сдѣлались водяными, другіе въ лѣса и сдѣлались лѣшими.

Послѣдній эпизотъ изъ борьбы Богъ и Сатанаила за небо является и въ славянской поэзіи. По болгарскимъ сказаніямъ духи облаковъ, воды, земли являются ангелами, прогнанными Богомъ [4]).

Апокрифическій мотивъ о совѣщеніи Бога съ ангелами предъ твореніемъ человѣкъ въ одичаломъ видѣ воспроизводится въ легендѣ софійскихъ болгаръ о совѣщаніи Бога съ святыми [5]).

---

[1]) Strauss. Ср. Ровинскій. l. c.

[2]) СбМ. VIII, 260.

[3]) СбМ. VIII, 191.

[4]) СбМ. VIII, 132.

[5]) ib. V, 150.

Апокрифическій договоръ Бога съ дьяволомъ относительно того, что умершіе поступаютъ во власть послѣдняго въ такомъ-же одичаломъ видѣ выступаютъ въ прилѣпской легендѣ о договорѣ по тому-же предмету Адама съ дьяволомъ [1]).

---

[1]) ib VII, 168. Ср. VII, 113.

Того-же автора:

Очеркъ исторіи Хорватскаго государства до подчиненія его Угорской коронѣ. К. 1880. ц. 75 к.

Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи. Вып. I. 1881 г. Вып. II. 1884. ц. 3 р.

Прошлое и будущее духовной взаимности Славянъ. Рѣчь. К. ц. 10 к.

Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ.				К. 1889. ц. 1 р. 75 к.
Вотяки.	—	—	—	К. 1890 ц. 2 р. 25 к.
Пермяки	—	—	—	К. 1891. ц. 2 р
Мордва.	—	—	—	К. 1895. ц. 2 р.

Задачи и значеніе мѣстной этнографіи. К. 1889. ц. 25 к.

